

Три великих сказания Древней Индии

bibliotheca mythologica

У-Фактория

Три великих сказания Древней Индии

Когда они взглянули на новорожденного, то пали перед ним на колени и воззрились на него в испуге и изумлении. Это был удивительный младенец. У него были глаза, подобные лепесткам лотоса, и рук у него было целых четыре. В одной из них он держал раковину, в другой — булаву, в третьей — острый диск, а в четвертой — цветок лотоса. На груди его виднелся чудесный знак, именуемый шриватса; на шее — ожерелье со сверкающим драгоценным камнем

Каустубха; тело было покрыто голубым одеянием, руки и ноги украшены дивными браслетами, и весь он был в золотистом сиянии, как облако в лучах восходящего солнца.

bibliotheca mythologica

У-Фактория

Три великих сказания Древней Индии

Мы называем памятники древнеиндийского эпоса поэмами, но определение это в значительной степени условно. Особенно это относится к «Махабхарате». Поражают размеры памятника: «Махабхарата» заключает в себе около 100 000 двустихий, намного превосходя «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Содержание ее чрезвычайно разнообразно, и собственно героический эпос, сказание о великой битве, переплетается в ней со множеством произведений эпического, мифологического, сказочного, дидактического, религиозно-философского, юридического, исторического содержания. По широте и разносторонности охваченного в ней круга тем «Махабхарата» у некоторых современных исследователей заслужила наименование «энциклопедии» древнеиндийской жизни.

Гораздо ближе нашему пониманию эпической поэмы «Рамаяна». Она сохранила единство содержания и отличается большей композиционной стройностью. Но и этот памятник достигает огромных размеров (всего около 24 000 двустихий). «Рамаяна» поистине открывает новую эру в истории индийской литературы. Все крупные поэты классического периода испытали на себе ее влияние, и позже она послужила образцом для воссоздания эпоса о Раме в новоиндийских и дравидийских литературах на стадии их становления.

Иначе сложилась судьба эпоса о Кришне. Герой его — одно из главных действующих лиц в основном сказании «Махабхараты». К восемнадцати книгам, составляющим этот памятник, примыкает дополнительная девятнадцатая — «Хариванша», где описываются рождение и юные годы Кришны. Есть основания полагать, что легенды, лежащие в основе содержания «Хариванши», — более позднего происхождения, чем эпос «Махабхараты». Очевидно, сказание о Кришне — индийского, возможно, даже доарийского происхождения, хотя на него могли повлиять мотивы легенды о Кире, занесенные из Ирана в эпоху экспансии Ахеменидов. Во всяком случае, Кришна — герой эпоса о потомках Бхараты и Кришна — пастух, о котором повествует «Хариванша», по-видимому, первоначально различные образы, впоследствии слившиеся воедино и отождествленные с Вишну.

СКАЗАНИЕ О РАМЕ

СКАЗАНИЕ О КРИШНЕ

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ ПОТОМКОВ БХАРАТЫ

Темкин Эдуард Наумович (1928) — кандидат филологических наук, ведущий сотрудник Института востоковедения РАН в Санкт-Петербурге.

Владимир Гансович Эрман (1938) — профессор восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Оба авторы монографий и статей по поэтике и эстетике Древней Индии.

**Три великих сказания
Древней Индии**

Три великих сказания Древней Индии

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-Фактория
2006

ББК 82.3(0)
Т67

Серия «Bibliotheca mythologica»
Составитель В. Харитонов

Литературное изложение
и предисловие
Э. Н. Темкина и В. Г. Эрмана

Т67 Три великих сказания Древней Индии / Литературное изложение и предисл.
Э. Н. Темкина и В. Г. Эрмана. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. —
656 с. (Серия «Bibliotheca mythologica»).

ISBN 5-9757-0011-6

В трех сказаниях, составивших эту книгу, излагаются сюжеты великих эпосов Древней Индии — «Махабхараты», «Рамаяны» и «Бхагавата-пураны». Первое — «Сказание о Раме» — повествует об изгнании и скитаниях Рамы, об освобождении Ситы, его прекрасной и верной супруги, из плена владыки ракшасов; второе рассказывает о рождении и детстве Кришны, его похождениях и подвигах; третье — об истории вражды между двумя царскими родами — Кауравами и Пандавами — и о трагической битве на поле Куру.

ББК 82.3(0)

ISBN 5-9757-0011-6

© Темкин Э. Н., Эрман В. Г., литературное изложение,
предисловие, 2006
© Прокофьев К., Касьяненко А., обложка, макет, 2006
© ООО «Агентство прав «У-Фактория», 2006

Предисловие

На заре своей истории народ создает сказания о героях. В них он запечатлевает свое самосознание и свои идеалы. В этих сказаниях, преломленных сквозь призму художественной фантазии, отражаются представления древних о мироздании. Воспоминания о действительных исторических событиях и лицах сочетаются в них и сливаются воедино с мифологическими темами и образами, порожденными еще первобытным мышлением. Но, знаменуя выход из первобытного состояния, из подчинения слепой власти природы, в них уже явственно звучит вера в могущество человека, в его торжество над темными силами зла и хаоса.

Из народных сказаний складывается героический эпос; истоки его лежат еще в «дохудожественном» периоде, а с него, можно сказать, и начинается собственно история литературы. В нем — начало всего дальнейшего развития художественного творчества: его образы и сюжеты на протяжении веков питают литературу и искусство, на протяжении веков они живут в памяти народа.

Бессмертные гомеровские поэмы открывают ранний период истории античной литературы. Ее позднейшие памятники несут следы их влияния. И спустя века после заката античной культуры образы и сюжеты древнегреческого эпоса восстают из забвения, обогащая литературу и искусство народов Европы в новое время. Аналогична в истории культуры народов Востока и роль грандиозных памятников древнеиндийского эпического творчества — «Махабхараты» и «Рамаяны». Их художественное

содержание, запечатленные в них идеи и образы принадлежат не одной эпохе и не одной стране — на протяжении многих столетий они оказывают воздействие на развитие индийских литератур; влияние их распространяется и за пределы Индии. Уже в раннее Средневековье они проникают в Тибет и Китай; в особенной же степени влияние «Махабхараты» и «Рамаяны» сказывается на развитии эпической поэзии стран Юго-Восточной Азии. И если обращение к памятникам европейской художественной культуры начиная с эпохи Возрождения предполагает определенное знакомство с образами античной мифологии и содержанием гомеровского эпоса, то и в литературе и искусстве многих стран Востока в равной степени далеко не всегда и не все можно понять, не зная содержания знаменитых древнеиндийских эпосов.

«Илиада» и «Одиссея», доступные читающей публике уже не первое столетие в многочисленных переводах, издавна широко известны у нас и на Западе. Знакомство с индийским эпосом в Европе начинается позже и доныне остается гораздо менее полным. На европейские языки переводились в основном лишь отдельные части и эпизоды из «Махабхараты» и «Рамаяны». Полные переводы «Махабхараты» существуют только на английском языке, но они фактически рассчитаны на узкий круг читателей, специально интересующихся текстом памятника, и далеки от художественных целей. Стихотворный перевод «Рамаяны» на английский язык появился еще в конце прошлого века, но и он не привлек к себе внимания широкого читателя.

Причина тому не в недостатке интереса к индийскому эпосу в Европе и не в художественном несовершенстве существующих переводов, но скорее в литературном своеобразии самих памятников, весьма отличных от известных нам классических эпосов Древней Греции. Мы называем памятники древнеиндийского эпоса поэмами, но определение это в значительной степени условно. Особенно это относится к «Махабхарате», которая очень далека от того, что мы понимаем обычно под эпической поэмой. Прежде всего поражают самые размеры памятника: «Махабхарата» заключает в себе около 100 000 двустиший, т. е. намного превосходит «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Кроме того, содержание ее чрезвычайно разнообразно, и собственно героический эпос, сказание о великой битве, переплетается в ней со множеством произведений, иногда совершенно самостоятельных, иногда лишь косвенно связанных с основным сюжетом. Это произведения эпического, мифологического, сказочного, дидактического, религиозно-философского, юридического, исто-

рического содержания, и среди них зачастую совершенно теряется нить центрального повествования. В частности, в «Махабхарату» включены знаменитые поэмы «Сказание о Нале» («Наль и Дамаянти»), «Сказание о Савитри», самостоятельная версия эпоса «Рамаяны», ряд философских поэм.

Знаменательно, что и в самой древнеиндийской традиции «Махабхарата» не считается поэмой. Она обозначается термином «итихаса», т. е. «история», — предполагается, что она излагает действительные события минувших времен. По широте и разносторонности охваченного в ней круга тем «Махабхарата» у некоторых современных исследователей заслужила наименование «энциклопедии» древнеиндийской жизни.

Гораздо ближе нашему пониманию эпической поэмы «Рамаяна», и сами древние индийцы называли ее «адикавья» — «первой поэмой». В значительно большей степени, чем «Махабхарата», она сохранила единство содержания и отличается большей композиционной стройностью. Но и этот памятник достигает огромных размеров, хотя и намного уступает «Махабхарате» (всего около 24 000 двустихий), и он также включает разнородный материал, не имеющий прямого отношения к основному эпическому сюжету.

Естественно, что полный текст обоих памятников в наше время представляет интерес главным образом для ученых, специально занимающихся проблемами истории и культуры Древней Индии. Для широкого читателя он покажется слишком утомительным и далеким от того, что принято рассматривать как памятник художественной литературы.

Содержание «Махабхараты» разнообразно и разнородно не только по тематике. Составляющие его компоненты принадлежат различным эпохам, ибо складывался этот грандиозный свод на протяжении многих столетий. Есть основания предполагать, что составившая его ядро поэма о великой битве, построенная на древних героических сказаниях и песнях, возникла уже в середине 1-го тысячелетия до н. э., но окончательный вид, в котором она дошла до нас, вобрав в себя обширное богатство литературного творчества последующих эпох, «Махабхарата» приняла, вероятно, только к IV—V вв. н. э. Трудно найти в истории мировой литературы подобный пример памятника, создававшегося в продолжение тысячелетия.

О «Махабхарате» можно говорить не как об отдельном литературном памятнике, а как о целой литературе. В то же время ее нельзя рассматривать как случайное собрание разнородных произведений. При

всей громоздкости и видимой хаотичности композиции «Махабхарата» обладает определенным единством — разнообразное содержание ее сплавляется воедино некоей внутренней общей художественной и идеологической тенденцией.

В течение веков «Махабхарата», переходя из поколения в поколение, существовала в устной традиции. В устной же традиции она вбирала в себя все новые и новые дополнения, и каждая эпоха вносила в нее свой вклад, превращая ее во всеобъемлющий свод. Но все разновременные и разнохарактерные элементы, из которых складывалась «Махабхарата», нивелировались в ее тексте, передаваемом из поколения в поколение, вследствие устно-поэтической передачи, и выявить их в окончательной редакции памятника, дошедшей до нас, чрезвычайно трудно.

В свое время среди исследователей «Махабхараты» определились два главных направления. Сторонники одного из них, так называемого «аналитического», ориентировались преимущественно на историю текста и основной своей целью считали выявление первоначального ядра памятника, т. е. текста того древнего эпоса, вокруг которого постепенно накапливался материал последующих столетий. Сторонники другого, «синтетического», направления решительно возражали против того, чтобы рассматривать «Махабхарату» как собрание самостоятельных разнородных текстов, подлежащее расчленению и очищению от наносного материала, и подчеркивали в своих работах органическое единство составляющих ее элементов, требуя подхода к этому памятнику как к единому произведению, в том виде, в котором он до нас дошел.

Все попытки «аналитиков» реконструировать героическую поэму, древнейшую версию «Махабхараты», не имели успеха, а сами методы критики книжного текста, которыми пользовались эти ученые, оказались неприменимы к памятнику устно-поэтической традиции. Неразрешимость задачи, поставленной приверженцами «аналитического» направления, становится теперь совершенно очевидной в свете современных исследований специфики устно-поэтического текста. Не вызывает сомнений и ошибочность постулата «синтетического» направления об органическом единстве содержания «Махабхараты» в целом. В то же время должно признать, что это чрезвычайно своеобразное и богатое содержанием произведение, действительно, не только далеко от привычного нам понятия поэмы, но едва ли подходит и под самое определение героического эпоса, так как при всем существующем разнообразии его форм оно не похоже на другие его памятники, игравшие ту роль в истории культуры народа, о которой говорилось выше.

И не только обилие инкорпорированного в ткань сказания побочного материала определяет это своеобразие. Сказывается оно и не в самом факте сплава в «Махабхарате» героической эпики с так называемой «дидактикой» — и в других эпических памятниках мы находим значительные разделы дидактического содержания, естественно сочетающиеся с нарративным материалом. Особенность «Махабхараты» заключается в том, что как цельное произведение она окончательно сложилась через много веков после того, как миновала так называемая «героическая эпоха», т. е. уже в иных исторических условиях и в иной среде по сравнению с другими памятниками устного эпоса или ее же первоначальной версии, ныне безвозвратно для нас утраченной. Между тем эта первоначальная версия, несомненно, существовала, и об этом имеются свидетельства в самом тексте. Но очевидно, что сюжет и образы этого древнейшего эпоса, составившего костяк грандиозного свода, в окончательной «редакции» «Махабхараты» приобрели новые черты, наполнились иным содержанием, получили новый смысл, существенно отличный от того, какой они могли иметь в памятнике героической поэзии народа той далекой эпохи.

Издавна исследователями «Махабхараты» отмечалась известная противоречивость содержания памятников, выходящая за рамки обычных текстуальных противоречий, свойственных произведениям, складывавшимся вне письменной традиции. Отчетливее всего эта противоречивость проявляется в центральной части эпоса — в описании великой битвы на поле Куру, где сошлись войска враждующих царских родов: Кауравов и Пандавов. Если на протяжении всего предыдущего повествования Пандавы выступают как герои божественного происхождения, воплощающие положительный идеал эпопеи, и подчеркнуто противопоставляются злодеям Кауравам, возглавляемым завистливым и коварным Дурьодханой, то в сценах битвы картина неожиданно меняется: одолеть в честном бою отважных вождей неприятельского войска Пандавы не могут и одерживают победу, лишь прибегая к уловкам, мало совместимым с кодексом воинской морали. Это противоречие бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с содержанием «Махабхараты», и в свое время оно побудило некоторых сторонников аналитического направления выдвинуть так называемую гипотезу инверсии, согласно которой в первоначальной версии сочувствие певца было на стороне Кауравов и поэма представляла собой трагическую песнь о битве, в которой отважные герои пали жертвой низкого коварства врагов.

Центральное сказание «Махабхараты», очевидно, основывается на историческом прошлом народа; битва на Курукшетре, как полагают, действительно происходила между серединой X и началом IX в. до н. э. Нам трудно судить теперь об истинном значении этого исторического события и его масштабах. Но очевидно, что эпическую «Великую битву потомков Бхараты», давшую название памятнику (так расшифровывается «Mahabharata [yuddha]»), следует рассматривать как обобщение целой эпохи в ранней истории Индии, главным содержанием которой были межплеменные войны, предшествовавшие созданию крупных рабовладельческих государств на западе Гангской долины, борьба за гегемонию в Северной Индии между консолидировавшимися тогда в народности племенами куру и панчалов. Некоторые исследователи полагают, что в основе сюжета эпоса лежит конфликт между куру и панчалами, в котором союзниками последних выступили иноплеменные пришельцы с Севера, представители некоей неарийской (возможно, монголоидной) народности Гималаев; они-то и послужили прототипами образов Пандавов в «Махабхарате». Борьба закончилась поражением куру.

Косвенные указания на неарийское происхождение Пандавов видят, в частности, в обычае полиандрии, который, согласно тексту «Махабхараты», принадлежал их роду (пятеро братьев женятся на царице панчалов Драупади), но который явно идет вразрез с моральными нормами брахманистского общества; в самом значении их имени: Pandu — «желтый» (в тексте толкуется как «бледный») и т. п. Если это предположение справедливо, оно подкрепляет гипотезу инверсии — изначально героический эпос мог сложиться именно на основе преданий о борьбе с иноземными врагами.

Однако едва ли сейчас что-либо может подтвердить достаточно убедительно эти предположения. Как было отмечено, реконструировать начальную версию эпоса уже невозможно, и, когда мы говорим о «Махабхарате», великой эпопее Древней Индии, мы имеем в виду тот окончательный текст ее, который дошел до наших дней. В этом произведении Пандавы выступают как кровные родичи Кауравов, ведущие происхождение от общего с ними легендарного предка Бхараты, и недвусмысленно утверждается их право на власть над страной, из-за которой в эпосе и разворачивается борьба; победа Пандавов показана как торжество справедливости. Противоречие, упомянутое выше, снимается в дидактических частях «Махабхараты», где действия Пандавов оправдываются именно тем, что совершаются они во имя дхармы — закона священной спра-

ведливости, которым живет и сохраняется вселенная. Идейный смысл канонической «Махабхараты» раскрывается в «Бхагавадгите», религиозно-философской поэме, входящей в состав памятника. Исследователи и интерпретаторы, ставящие во главу угла единство содержания «Махабхараты», рассматривают эту поэму как ее идейное ядро. Проповедь бескорыстного служения долгу вкладывается в «Бхагавадгиту» в уста Кришны, друга и союзника Пандавов, выступающего здесь как земное воплощение высшего божества — Вишну; она сочетается с теистическим учением, которое впоследствии легло в основу доктрины вишнуизма.

«Бхагавадгита» («Песнь Господа») становится священной книгой вишнуизма — вместе с другими дидактическими текстами «Махабхараты» она придает древнему сказанию совершенно особый характер, далекий от духа героической эпики, а вся «Махабхарата» почитается в индуизме священным текстом, рассматривается как памятник религиозной литературы. Но своеобразие этого памятника заключается именно в том, что древний эпос в нем все же сохраняет присущие ему черты, не уничтожаемые чуждой ему религиозной моралью позднейшей эпохи. «Махабхарата» — это и священная книга, и героический эпос в рамках единого свода, одно существует в другом и сочетается с ним, не лишаясь внутренней самостоятельности.

Героический эпос «Махабхараты» относится, очевидно, к тем сводам сказаний, которые складывались, когда исторические события, давшие основу их содержанию, уже ушли в далекое прошлое и давно оттремела борьба племен и народностей, в них отраженная. В таких памятниках противоборствующие силы изображаются с «эпической» объективностью; певец равно превозносит могущество и отвагу Ахилла и Гектора, Арджуны и Карны, Рустама и Исфандияра. В равно бесстрастных тонах описываются и победа Ахилла над Гектором, одержанная в честном бою, и отнюдь не героическое деяние Арджуны, нанесшего удар беззащитному врагу. В «Махабхарате» столь же бесстрастно певец отдает должное и коварному злодею Дурьодхане, отважно сражающемуся до последнего вздоха с грозным врагом. Нравственная оценка поступков героев принадлежит уже другой эпохе, далекой от идеала героического века, создавшего эти образы.

Описанию великой битвы в «Махабхарате» предшествует религиозная проповедь «Бхагавадгиты», оправдывающая вступление Пандавов в войну во имя высшей справедливости; завершается оно знаменитым «Плачем женщин на поле Куру», представляющим собой один из замечательнейших памятников древнеиндийской поэзии; самая выразительная его

часть — «Жалоба Гандхари», матери погибших героев, которая проклинает братоубийственную войну и того, кто произносит упомянутую проповедь перед сражением. Но в «Махабхарате» не осуждаются ни Гандхари, ни Кришна, объективная правота как бы признается и той и другой стороной; в ней равно заключаются воззрения, современному читателю представляющиеся непримиримо противоречивыми, но не воспринимавшиеся так ее создателями. В этом — особенность, характерная не только для «Махабхараты», но в известной мере и для древнеиндийской культуры в целом. В ее историческом развитии новые идеи и представления идут на смену старым, оттесняя их с господствующих позиций в общественном сознании, но не отрицая их окончательно и не зачеркивая; элементы архаических идеологий, рожденные эпохами, ушедшими в прошлое, продолжают жить века, вплетаясь в новые идеологические системы и мирно уживаясь с принципами нового мировоззрения. Отсюда — характерный консерватизм этой культуры, отличающий ее, в частности, от более динамичной в развитии своей культуры античного мира.

Древнее эпическое сказание, дошедшее до нас в каноническом своде «Махабхараты», претерпело, без сомнения, определенные изменения; мы уже отмечали, что восстановить его в исконном виде невозможно. Но эпос сохранил свои образы, свои основные сюжетные линии и героический дух изначального сказания. Сюжету и образам основного сказания «Махабхараты» свойствен несомненный драматизм (он отражается и в композиции ее, в диалого-монологической форме ее построения). Характеры его — не схематичное воплощение признанных добродетелей или пороков (как видят их некоторые исследователи): они наделены живыми чертами, обрисованы ярко и сильно. Рассудительный Юдхиштира, буйный нравом и мстительный Бхимасена, отважный и высокомерный Арджуна, хитроумный Кришна — главные герои стана Пандавов противопоставлены своим антагонистам: благородному Карне, завистливому и коварному Дурьодхане, лукавому Шакуни, жестокому Ашваттхаману. Все это яркие, истинно эпические характеры, сильные и цельные, словно высеченные из камня. Замечателен образ Драупади, отнюдь не робкой и покорной супруги Пандавов, но женщины нрава сурового и энергичного, нередко решительно повелевающей своими пятерыми мужьями. Весьма живое впечатление производит в эпосе старый царь Дхритараштра, слабый и безвольный, легко поддающийся чужому влиянию, — на него возлагает «Махабхарата» немалую долю ответственности за трагедию гибельной войны.

В необъятном своде «Махабхараты» запечатлелись черты эволюции духовной жизни и миропонимания древнего общества на протяжении многих столетий. Другой великий эпос Древней Индии, «Рамаяна», как упоминалось, намного уступает «Махабхарате» в объеме, отличается большей цельностью содержания. Это обусловлено в какой-то мере и тем, что время его сложения охватывает значительно менее продолжительный период. Но и он исчисляется не одним столетием. Древняя поэма о Раме создана была, по-видимому, позднее, чем первоначальная версия эпоса о Кауравах и Пандавах, предположительно в III или II в. до н. э. Окончательная редакция «Рамаяны» должна датироваться несколькими веками позже, но все же временем более ранним, как полагают, чем полный свод «Махабхараты». Время сложения «Рамаяны» уместается, таким образом, внутри хронологических рамок создания «Махабхараты».

Оба эпоса существенно отличны один от другого, и не только объемом и цельностью содержания. Сказание о великой битве сложилось, очевидно, на западе Гангской долины, т. е. на той территории, где развернулись некогда исторические события, в нем отразившиеся. Сказание о Раме принадлежит востоку Индии. Здесь, в среднем течении Ганга, в середине 1-го тысячелетия до н. э. образовались крупные рабовладельческие государства, которые в IV в. до н. э. составляли ядро первого объединения Индии (под властью династии Маурьев). Здесь созрели условия для создания второго великого эпоса Древней Индии, знаменовавшего этот исторический подъем могущества древнеиндийского государства и расцвет новой, более высокой культуры.

Сюжет героического сказания «Махабхараты» основывается на межплеменном конфликте. Историческое прошлое народа находит свое отражение и в «Рамаяне»; в то же время эпос «Махабхараты» насыщен мифологическими мотивами. Но сюжет «Рамаяны» более определенно восходит к мифу, а именно к земледельческому мифу, объясняющему смену времен года (тема временной смерти и последующего воскрешения или похищения и возвращения возлюбленной героя — сравни греческий миф об Орфее и Евридике и др.), и в этом отношении можно говорить о большей его архаичности по сравнению с «Махабхаратой». И в древнеиндийской легендарной традиции время действия «Рамаяны» относится к более древней эпохе, чем война Кауравов и Пандавов; Рама, царь мифической Солнечной династии, представляет поколение более раннее, чем отпрыски Лунной династии, герои «Махабхараты».

Между тем поэма о Раме, как мы отметили, моложе сказания о битве на Курукшетре, и в ней отразились новая эпоха и новая, более высокая культура.

Как и «Махабхарата», «Рамаяна» сложилась и переходила из поколения в поколение в устной традиции. Оба эпоса, очевидно, только относительно поздно были записаны и подверглись определенному редактированию уже в традиции письменной. Однако, хотя стиль «Рамаяны» носит те же следы устно-поэтической традиции, в нем обнаруживаются новые черты, не свойственные «Махабхарате». Система художественных средств здесь значительно более развита, они гораздо богаче и разнообразнее. «Рамаяна» в этом отношении, по признанию современных исследователей, представляет уже переходную ступень от устного эпоса к книжному и демонстрирует определенные черты индивидуального поэтического стиля. Если невозможно верить индийской традиции, когда она приписывает авторство гигантского свода «Махабхараты» одному человеку — мифическому мудрецу Вьясе, который приходится дедом главным героям эпоса (только некоторые крайние сторонники «синтетического» направления отстаивают единое авторство «Махабхараты»), — у нас нет оснований с той же уверенностью отвергать свидетельство традиции, называющей создателем «Рамаяны» легендарного поэта Вальмики, «первого поэта» (адикави) Индии.

О его личности и жизни мы ничего не знаем — до нас дошли о нем только легенды, за которыми невозможно угадать факты реальной биографии. Однако нет ничего невероятного в предположении, что поэма о подвигах Рамы создана была на основе циклизации народных песен и сказаний одним автором, великим поэтом, творение которого осталось на века в памяти народа.

И на эту поэму, как на древний эпос о битве на Курукшетре, в течение веков наслаивались эпизоды и дополнения, не имеющие прямой связи с основным сюжетом, но этот процесс был не столь длительным. Поздние наслоения не только занимают значительно меньший объем в «Рамаяне», но и, как правило, гораздо более отчетливо могут быть выделены в общем своде памятника, хотя последовательный текстологический анализ с целью реконструкции «первоначальной» поэмы здесь, очевидно, также невозможен. Но большинство исследователей признают, что из семи книг, составляющих «Рамаяну», две почти целиком — большая часть первой и седьмая — принадлежат более позднему времени, чем основной корпус памятника. На эти книги и приходится подавляющее

большинство вводных сказаний и мифов, прерывающих развитие действия; язык и стиль этих частей, как и их содержание, наиболее родственны эпизодам «Махабхараты».

Но и там, где в первой и седьмой книгах излагается непосредственно история Рамы, она имеет существенные отличия от повествования в основной части памятника. Как и «Махабхарата», «Рамаяна» на определенном этапе сложения своего свода насыщена была элементами религиозного содержания, способствующими обращению древнего эпоса в священную книгу вишнуизма. Как Кришна в «Махабхарате», герой «Рамаяны» объявлен был земным воплощением (аватарой) бога Вишну. В первой книге «Рамаяны» основному сказанию предпослан своего рода «пролог на небесах», в котором описывается, как боги индуистского пантеона умоляли Вишну воплотиться в земного героя ради спасения мира от победоносного царя демонов Раваны, неуязвимого для небожителей. Но если исключить обрамляющие книги, почти нигде более в тексте поэмы нет речи о божественном происхождении Рамы; он предстает в ней как земной, человеческий образ, воплощающий идеал эпического героя.

Полагают, что в основе «Рамаяны» лежит местное племенное сказание. Из него, как из зерна, выросла великая эпопея, герой же его стал общеиндийским героем, одним из любимейших в народе вплоть до наших дней. В содержании эпоса и в его образах сочетались элементы мифологического и исторического происхождения. Образ странствующего героя, победителя лесных чудовищ, восходящий, возможно, еще к доарийским истокам, вошел в распространенную в мировом фольклоре сказочную сюжетную схему, построенную на мотиве похищения и поиска возлюбленной героя, — выше мы упоминали о ее мифологическом происхождении. С этим сюжетом сплелись отголоски преданий о продвижении ариев в Южную Индию, об их военных конфликтах и союзах с племенами аборигенов, которые в «Рамаяне» представлены в образах демонических лесных людоедов-ракшасов и помогающих герою божественных обезьян и медведей.

Как и «Махабхарата» в ее окончательной редакции, «Рамаяна» уже значительно отдалена от эпохи, рождающей безыскусственный героический эпос, но ее своеобразие — совсем иного характера. Сравнение с «Махабхаратой» особенно отчетливо выявляет в «Рамаяне» преобладание сказочного, фантастического элемента. Если в отношении стиля, как отмечалось, эта поэма представляет переходную ступень от устной

поэзии к книжной литературе, в отношении содержания здесь можно говорить о переходе от героического эпоса к сказочному.

В центре поэмы Вальмики, как и в центре «Махабхараты» или гомеровской «Илиады», — великая битва; ее описание занимает всю шестую (самую большую по объему) книгу «Рамаяны». Но если в «Махабхарате» или в «Илиаде» в основе описания лежит действительный исторический конфликт и при всей эпической гиперболизации в нем отражаются реальные черты, характеризующие ведение боя в ту эпоху, когда главным оружием были лук и стрелы, а главным родом войск — боевые колесницы, то в «Рамаяне» это битва совершенно фантастическая. Сказочные обезьяны и ракшасы сражаются, метая друг в друга вырванные с корнем деревья и целые скалы, ракшасы прибегают для одоления врага к колдовским чарам, их вождь Индраджит сражается невидимкой и т. п. Фантастический элемент играет важную роль и во многих других частях поэмы, и само построение сюжета следует, как мы отмечали, распространенной схеме волшебной сказки (указывают, в частности, на разительное сходство сюжетной схемы «Рамаяны» с пушкинским сказочным эпосом «Руслан и Людмила»).

В то же время фантастические мотивы своеобразно сочетаются в «Рамаяне» с отражением реальной действительности эпохи ее создания, в образах поэмы сказочные, сверхъестественные черты причудливо вплетаются в живые человеческие характеры. Выделяется в общем строение поэмы: вторая книга, содержащая описание двора Дашаратхи и рассказывающая об изгнании героя, — она почти полностью лишена сказочных мотивов (сюжет этой книги мы находим в палийской буддийской литературе, и есть основания предполагать, что первоначально сказание об изгнании Рамы существовало самостоятельно, будучи не связанным с повестью о дальнейших его приключениях, составившей содержание последующих книг «Рамаяны»).

Герой предания приобретает здесь черты, характеризующие представителя воинской аристократии раннего рабовладельческого государства. В этом образе находят выражение нравственные нормы и идеалы времени создания поэмы; Рама — воплощение признанных эпохой добродетелей. Тем не менее он не превращается в ходульную дидактическую фигуру — поэт умеет наделить его живыми чертами, человеческим характером. Ярко и проникновенно показана в древней поэме любовь Рамы к Сите, составляющая основу памятника.

Образ героини — художественно наиболее цельный в поэме. Он восходит к мифологической фигуре древнего земледельческого божества

(имя «Сита» означает букв. «Борозда»), и отголоски этого мы находим как раз в поздних — первой и седьмой — книгах, где она выступает как дочь богини Земли. Тем не менее в образе ее в поэме Вальмики нет ничего «божественного» — она показана в ней как земная женщина с земными, человеческими чувствами и чертами характера.

Сита изображается в «Рамаяне» как идеал индийской женщины-жены (подобно тому как Рама — идеал воина и государя). В ней мы также находим черты, обусловленные эпохой. Сита — послушная дочь, преданная, добродетельная супруга. Но величие ее образа раскрывается во всезабвенной, самоотверженной любви к Раме, которую она пронесит через все испытания.

Лирическое начало наиболее ярко проявляется в третьей и пятой книгах «Рамаяны», в темах разлуки любящих Рамы и Ситы и плена Ситы, но оно определяет и звучание поэмы в целом, и в нем — характернейшая черта, в еще большей степени, чем сказочные мотивы, отличающая эпос Вальмики в развитии художественной культуры древнего мира.

Поэма воспевает вместе с любовью и дружбу как одно из высших проявлений духовной красоты человека. Носителями идеала человеческих отношений выступают в «Рамаяне» Лакшмана, брат героя, и мудрый обезьяний вождь Хануман; последний остается в дальнейшем одним из любимейших героев индийских народных сказаний.

Силам добра, воплощенным в образах Рамы и Ситы и их друзей, противостоит в «Рамаяне» злое начало, олицетворенное в образе Раваны, десятиглавого повелителя людоедов-ракшасов, царя мифического острова Ланки, главного антагониста Рамы. В изображении его особенно ясно проявляется характерное для «Рамаяны» своеобразное сочетание элементов реального и фантастического. Образ Раваны имеет мифологическое происхождение, как и большинство других образов поэмы, но в нем элементы мифа сохранились более всего. В большинстве сцен Равана выступает как человек; он рисуется как прекрасный обликом витязь, пленяющий сердца женщин. Временами же он превращается в многорукого великана с десятью головами, выступает как оборотень, принимающий любую личину. Иногда мы сталкиваемся здесь с характерными для устного эпоса противоречиями: в сцене последнего поединка с Рамой (в шестой книге) у Раваны одна голова, которая всякий раз, когда герой отсекает ее стрелами, вырастает снова, — мотив, известный не только индийскому фольклору.

Но все же человеческое начало преобладает и в этом образе, жизненно столь же правдивом, как и образы положительных героев. Самовлюбленный и взбалмошный деспот, коварный обольститель, раб своих страстей, готовый на любое злодейство, он во всем противостоит Раме — и как человек, и как правитель государства.

Последний аспект играет немаловажную роль в идейном содержании «Рамаяны», рисуящей в образе Рамы идеального государя. Эта проблема имела существенное значение в эпоху создания поэмы и сохранила его и в последующие века; она отразилась в творчестве многих писателей классического периода, следовавших по стопам Вальмики. В сознании народа надолго сохранилось представление о справедливом царстве — «царстве Рамы», в котором виделось ему осуществление заветных чаяний. Но в седьмой книге «Рамаяны» эта тема получила характерное освещение в духе идеологии господствующих сословий и религиозной брахманской морали, и образ Рамы в этой книге тускнеет и утрачивает человеческие черты, обращаясь в бездушное воплощение «божественного» принципа.

В образах ракшасов, обитателей острова Ланки, и обезьян, населяющих сказочное царство Кишкиндху, мы видим то же характерное смешение реального и фантастического. Ракшасы, появляющиеся в поэме в первой книге как бесы и оборотни, в эпизодах пятой и шестой книг выступают чаще всего как люди, приобретая черты какого-то реального народа, стоящего, следует отметить, на высокой ступени культурного развития, о чем свидетельствует описание их столицы, укрепленного города Ланки. Обезьяны и медведи, несомненно, отражают представления об архаических лесных племенах аборигенов Южной Индии.

Мы видим большую сложность и разнообразие содержания и художественной ткани поэмы, сочетающей сказочные и реальные элементы, мифологические и фольклорные образы и мотивы, исторические реминисценции и черты, рожденные эпохой сложения памятника. Высокое совершенство поэтической формы, богатство выразительных средств, неизвестное литературе предшествующих веков, обусловили огромное влияние эпоса Вальмики на индийскую художественную культуру. «Рамаяна» поистине открывает новую эру в истории индийской литературы. Все крупные поэты классического периода испытали на себе ее влияние, и позже она послужила образцом для воссоздания эпоса о Раме в новоиндийских и дравидийских литературах на стадии их становления.

Иначе сложилась судьба третьего великого эпоса Древней Индии — эпоса о Кришне; он существенно отличается и от «Махабхараты», и от «Рамаяны». Герой его выступает как одно из главных действующих лиц в основном сказании «Махабхараты». К восемнадцати книгам, составляющим этот памятник, примыкает дополнительная девятнадцатая — «Хариванша», где описываются рождение и юные годы Кришны. Это сказание не имеет прямого отношения к сюжету о великой битве, и образ Кришны в нем отличается от образа в «Махабхарате». Если в эпосе о Кауравах Кришна местами выступает как ипостась Вишну, но в развитии действия основного сказания проявляет себя как простой смертный и представляет собою определенный тип эпического героя, хитроумного советчика воителей, своего рода индийского Одиссея, то в «Хариванше» божественная природа Кришны подчеркивается более настойчиво на протяжении всего повествования. Есть основания полагать, что легенды о рождении, детстве и юности Кришны, лежащие в основе содержания «Хариванши», — более позднего происхождения, чем эпос «Махабхараты». В свое время высказано было предположение, что цикл этот — неиндийского происхождения, его происхождение приписывали даже христианскому влиянию. Действительно, некоторые его мотивы напоминают известные сюжеты христианской агиографии. Тому же влиянию приписывали возникновение культа Кришны-дитяти, получившего распространение в Средние века особенно в Западной Индии. В действительности, очевидно, сказание о Кришне — индийского, возможно, даже доарийского происхождения, хотя на него могли повлиять мотивы легенды о Кире, занесенные из Ирана в эпоху экспансии Ахеменидов. Во всяком случае, Кришна — герой эпоса о потомках Бхараты и Кришна — пастух, о котором повествует «Хариванша», по-видимому, первоначально различные образы, впоследствии слившиеся воедино и отождествленные с Вишну.

Почитание Вишну в образе Кришны развилось в Средние века в наиболее мощное ответвление вишнуитской религии — кришнаизм. Здесь сочетались элементы ряда местных первоначально самостоятельных культов, в том числе культа бога Васудевы, распространенного в конце 1-го тысячелетия до н. э. в Западной Индии (имя его было впоследствии переосмыслено как патронимическое — по имени отца Кришны), и почитания дравидийского божества плодородия Майона (имя которого означает по-тамильски то же, что «Кришна» на санскрите, — «Черный»). К последнему и восходит, очевидно, культ Кришны-пастуха, и отсюда

же — эротический элемент в поздних легендах о Кришне, в историях о его любовных похождениях с пастушками.

В этом образе сложного происхождения сочетались черты эпического героя и божества; Кришна из рода Яду, действующий в «Махабхарате», в древнейшей версии не имел, по-видимому, ничего общего ни с Вишну, ни с местными культами Васудевы и Майона. Возможно, образ его восходит к историческому лицу, упоминаемому в упанишадах в числе адептов новых религиозно-философских учений эпохи. Он отождествился, как мы можем полагать, с древней мифологической фигурой странствующего героя, вероятно, доарийского происхождения, родственной прообразу героя «Рамаяны». Сказания о нем и легли в основу третьего древнеиндийского эпоса; они пользовались, очевидно, большой популярностью.

Меньше распространены сказания о Баладеве (или Балараме), тем не менее также весьма любимом и популярном в народе герое. Образ его связан с архаическим культом земледельческого божества. Он включен был в цикл сказаний о Кришне на подчиненном положении; Баладева выступает в них как сводный брат Кришны, хотя первоначально не имел к нему отношения. Он появляется эпизодически и в «Махабхарате». Позднее Баладеву объявляют «частичным» воплощением Вишну. Иногда как зооморфную ипостась его рассматривают Шешу, космического змея, несущего Вишну на своих кольцах, в индуистской мифологии и иконографии.

Если «Махабхарата» прошла многовековой путь развития и обрелась в грандиозный свод энциклопедического содержания, в котором героическое сказание сочеталось с религиозной проповедью, но сохранило исконные черты, если «Рамаяна», возникшая в эпоху исторического подъема, положила начало расцвету индивидуального поэтического творчества, то сказания о Кришне сложились в единый цикл позднее первых двух эпопей и оформлялся их свод с самого начала в иной среде и в иных исторических условиях. Тогда уже наметились признаки грядущего упадка древнеиндийской культуры, консервативное брахманство все более определяло господствующие идеологические тенденции. Эпос о Кришне создавался сразу как священная книга, памятник религиозной литературы.

При этом не сложилось единой канонической версии этого эпоса. Наиболее раннее законченное изложение сюжета о Кришне — упомнутая выше «Хариванша», которую можно датировать не раньше пер-

вых веков нашей эры. Сказание о Кришне включается также в «Вишну-пурану» как одна из ее основных частей, и, наконец, наиболее развернутая и популярная версия кришнаитского цикла составляет десятую книгу «Бхагавата-пураны», памятника, сложившегося уже в раннее Средневековье.

В этих произведениях мы уже не найдем ни безыскусственной и суровой выразительности героических сцен «Махабхараты», ни эмоциональной яркости и богатства художественных средств «Рамаяны». Нельзя сказать, чтобы изложение сказания о Кришне в «Хариванше» или «Бхагавата-пуране» было совершенно лишено литературных достоинств. Но санскритские версии кришнаитского эпоса создавались в преддверии или уже в эпоху упадка древнеиндийской классической культуры. Для авторов их художественный элемент подчинялся, безусловно, задачам религиозной пропаганды; в соответствии с этим и обрабатывался материал народных сказаний, утративших в значительной мере свои исконные черты в брахманской интерпретации. Таким образом, эпос о Кришне, быть может наиболее близком народу герою, в литературном оформлении далее всего отошел от своих народных истоков. Тем не менее десятая книга «Бхагавата-пураны» — наиболее полное жизнеописание Кришны — пользовалась необычайной популярностью на протяжении последующих веков и послужила образцом для ряда версий на новоиндийских языках.

Полный перевод трех великих эпосов Древней Индии на русский язык — дело будущего, связанное, несомненно, прежде всего с большой исследовательской работой в области истории древнеиндийской культуры. Предлагаемое изложение ставит целью ознакомить с их содержанием широкого читателя.

В изложении содержания всех трех памятников авторы строго придерживались сюжетной линии подлинника, опуская, однако, эпизоды и вставные произведения, не имеющие прямого отношения к основной линии повествования. В изложении «Махабхараты» сохранены все же обрамляющие рассказы, дающие читателю общее представление о композиции памятника.

Предлагаемую переработку текста оригинала не следует рассматривать, разумеется, как попытку реконструкции «праэпоса» «Махабхараты» или «Рамаяны» — мы уже говорили о неразрешимости этой задачи. Есть основания полагать, что древнейшую часть эпоса «Махабхараты»

представляет описание битвы и непосредственно следующих за ней событий, занимающее шестую — девятую книги; книги же, содержащие предысторию войны и заключающие памятник, были добавлены позднее (этот порядок «наращивания» текста добавлением новых разделов к началу и концу первоначальной версии обычен для истории древнеиндийской литературы начиная с первых ее памятников), что не означает, однако, наличия поздних наслоений и в «ранних» книгах и относительно древнего материала в обрамляющих. В нашем изложении мы оставляем тем не менее все части повествования, относящиеся к основному сказанию в окончательной редакции «Махабхараты». Еще более очевидно позднейшее происхождение обрамляющих книг «Рамаяны», однако и они включены в наше изложение.

Мы не стали вводить в изложение обоих эпосов пересказ чисто дидактических текстов (особенно характерных для «Махабхараты»). Сохранив сюжетные линии первой и седьмой книг «Рамаяны», мы исключили явно чужеродное для древней поэмы отождествление Рамы с божеством; также для Кришны в «Махабхарате» явно вторичной представляется роль ипостаси Вишну, излишняя для развития эпического сюжета.

В основу изложения эпоса о Кришне взят текст десятой книги «Бхагавата-пураны».

Заменяя перевод прозаическим переложением, авторы стремились тем не менее передать в нем средствами русского языка стиль и манеру эпического повествования, систему образов и метафор оригинала, донести до читателя по мере возможности черты его художественного своеобразия.

Как явствует из вышесказанного, из трех эпосов раньше других получило литературное оформление в устной традиции сказание о великой битве, позднее сложилась «Рамаяна» и еще позднее — эпос о Кришне. Тем не менее в настоящем сборнике мы приняли последовательность, соответствующую легендарной «хронологии» событий. Действие «Рамаяны» индийская традиция относит к более глубокой древности, нежели войну Кауравов и Пандавов; сказание о детстве и юности Кришны мы поместили перед изложением «Махабхараты», где рассказывается о его участии в этой войне и о его гибели. Разбивка на главы и их названия всюду принадлежат авторам изложения, и только в «Рамаяне» сохранено деление на семь книг и их названия, принадлежащие оригиналу.

Сказание о Раме

книга первая

Д е т с т в о

Рождение Рамы

К югу от гор Гималаев — обители снегов, на берегах тихоструйной Сарайю и многоводной Ганги, лежит страна Кошала, богатая и счастливая, изобильная зерном и скотом, тучными пастбищами и цветущими садами.

В той стране был древний город Айодхья, прославленный повсюду красотой и великолепием своих домов, площадей и улиц. Купола его дворцов и храмов возвышались как горные вершины, и стены их блистали золотом и драгоценными камнями. Возведенные искусными зодчими, украшенные дивными статуями и росписями, они подобны были небесным чертогам Индры, повелителя богов.

Город был богат и многолюден. В нем было вдоволь питья и пищи, в лавках купцов полно диковинных товаров, и жители Айодхьи не знали ни нужды, ни болезней. Юноши и девушки беззаботно танцевали на площадях, в садах и манговых рощах. И с утра до вечера на прямых и просторных улицах города теснился народ — торговцы и ремесленники, царские гонцы и слуги, странники и скоморохи. И не было в том городе никого, кто предавался бы пороку и безделью, не знал бы грамоты и благочестия. И все мужчины и все женщины обладали добрым нравом, и все поведением своим были безупречны.

Город окружен был крепкими стенами и глубокими рвами; в нем были кони из Камбоджи и с берегов Инда, боевые слоны с гор Виндхья и Гималаев, и как горные пещеры изобилуют львами, так город был полон воинами, горячими, прямодушными и искусными.

И Айодхья затмевала другие города, как луна затмевает звезды. И правил ею славный царь Дашаратха, справедливый и могучий. Благочестивому

царю служили мудрые и преданные советники, прекрасные жены радовали его своей красотой и кротостью, и все желания Дашаратхи немедленно исполнялись.

Но великое горе давно уже точило душу государя Айодхьи, и ничто не веселило его. Не было потомства у благородного Дашаратхи, не было у него сына, некому было передать власть и государство. И решил однажды повелитель Айодхьи принести богам великие жертвы в надежде, что смилуются над ним боги и даруют ему сына. Царские советники, благочестивые и всеведущие брахманы, с радостью одобрили желание Дашаратхи, а жены его расцвели от счастья и надежды, как расцветают лотосы с приходом тепла и солнца.

На северном берегу Сарайю, на указанном Дашаратхой месте, главный советник царя Васиштха повелел возвести алтарь, роскошные строения для знатных государевых гостей, удобные дома для брахманов, купцов, земледельцев и царской стражи. «Все должны быть довольны, никто ни в чем не должен терпеть недостатка», — приказал Васиштха царским зодчим и слугам.

Мастера немедленно принялись за дело, а царские гонцы помчались на быстрых колесницах на восток и на запад, на юг и на север. Они везли окрестным государям приглашение прибыть к Дашаратхе на великий праздник.

Когда минул год и все уже было готово к великому жертвоприношению, стали прибывать в Айодхью желанные гости: благородный Джанака, повелитель Митхилы, верный друг царя Дашаратхи; благонравный и красноречивый владыка Каши; Ромапада, отважный царь ангов; доблестные государи Синдха и Саураштры; почтенные брахманы и торговцы, искусные ремесленники и усердные земледельцы.

И в день, когда небесные светила предвещали удачу, царь Дашаратха с женами и домочадцами, советниками и многочисленными гостями под охраной верного войска выехал из Айодхьи к северному берегу Сарайю.

Три дня и три ночи жрецы Дашаратхи приносили богам великие жертвы, три дня и три ночи шептали они над священным огнем алтаря молитвы и умоляли богов даровать потомство дряхлеющему государю.

По всей земле разнесся слух о великом жертвоприношении на северном берегу Сарайю, и отовсюду стекались к алтарю обездоленные люди. Весь день с утра до ночи там раздавались крики: «Дайте пищу! Дайте одежду!» — и слуги Дашаратхи ни в чем не отказывали пришельцам.

Много золота и серебра, драгоценных тканей, ковров и лошадей раздарил щедрый Дашаратха благочестивым брахманам, и жрецы прославляли государя Айодхьи и желали ему много сыновей и внуков.

Боги тоже остались довольны принесенной им жертвой, каждый из них получил свою долю. И обратились они тогда к богу-творцу, великому Брахме, с просьбой даровать праведному Дашаратхе сына. «Дай, господин, Дашаратхе сына, — просили боги всемогущего Брахму, — надели его необоримой силой, пусть он избавит нас и все живое в мире от Раваны и его злодейства».

Равана в те времена жил на земле. Он был повелителем ракшасов, злых и кровожадных демонов. Некогда достиг Равана суровым покаянием великой святости, и Брахма решил наградить его за благочестивые подвиги. «Выбирай себе любой дар, — сказал ему Брахма, — я выполню любое твое желание». И попросил гордый Равана у Брахмы сделать так, чтобы ни боги, ни демоны не могли одолеть его в битве и лишить жизни. А про смертного человека ничего не сказал могучий Равана — он не считал его достойным противником. «Да будет так!» — ответил ему Брахма, и с того дня не стало никому — ни богам, ни брахманам — спасения от злой воли безжалостного Раваны. И никто ничего не мог с ним поделать. Только человек мог погубить повелителя ракшасов, да не было тогда на земле такого человека. И когда боги все вместе припали к ногам Брахмы с мольбой даровать Дашаратхе сына и наделить его невиданной силой, великий Брахма согласился выполнить их просьбу.

По знаку всемогущего творца бог Вишну, Хранитель Мира, взял золотой сосуд с серебряной крышкой, наполнил его сладким молоком, божественным напитком, спустился невидимо на землю и возник вдруг перед Дашаратхой в языках священного огня, пылавшего на алтаре. Он был огромен, как горная вершина; на черное тело бога, покрытое львиной шерстью, были наброшены малиновые одежды, и лицо его было красно, как пламя. Вишну протянул золотой сосуд Дашаратхе и сказал: «Ты снискал милость богов, благочестивый царь. Отдай сосуд своим женам, пусть выпьют они божественный напиток, и не будет у тебя в сыновьях недостатка».

Вишну исчез, а счастливый Дашаратха передал драгоценный сосуд своим женам, и они выпили божественный напиток. Первой жене Дашаратхи, Каушалье, досталась ровно половина, а Кайкейи и Сумитра пополам допили остальное.

Протекли три дня и три ночи, потух алтарь на северном берегу Сарайю, разъехались по домам гости Дашаратхи, а он остался у себя во дворце в Айодхье терпеливо дожидаться рождения сына.

Когда прошло одиннадцать месяцев и двенадцатый был уже на исходе, разрешились от бремени царские жены и принесли четырех сыновей государю Айодхьи. Сначала Каушалья родила Раму, потом Кайкейи родила Бхарату, а вслед за ними Сумитра родила близнецов — Лакшману и Шатругхну. Великое веселье началось в тот же час на земле и на небе. Загремели литавры, заиграли гандхарвы, небесные музыканты, и заплясали апсары, небесные танцовщицы.

Здоровыми, сильными и красивыми удались сыновья царя Дашаратхи, а старший, царевич Рама, превосходил своих братьев разумом, красотой и силой. Глаза у него были розовые, губы — малиновые, голос — зычный, плечи и руки — могучие, как у льва.

Царевичей обучали Ведам, священным и мудрым книгам, великому искусству содержать в порядке государство, вести в ближние и дальние походы войско, управлять в бою колесницей. Все царские и воинские науки братья быстро одолели, и не стало на земле им равных. С гордостью взирает Дашаратха на своих могучих, красивых и благонравных сыновей, и счастьем его не было предела.

Первые победы над ракшасами

Однажды пришел в Айодхью брахман, великий подвижник Вишвамित्रа. Он подошел к царскому дворцу и велел стражам сказать Дашаратхе о своем приходе. Владыка славной Айодхьи несказанно обрадовался неожиданному гостю и поспешил со своими советниками к нему навстречу. С поклоном проводил его Дашаратха в дворцовые покои, усадил на почетное место и обратился к нему с ласковой речью: «Своим приходом ты обрадовал меня, Вишвамित्रа, как дождь радует земледельца в зное, засушливое время, как радует земного человека божественный напиток бессмертных. Поведай же мне, благочестивый старец, свои заботы, а я исполню все, что ты захочешь».

С радостью внимал Вишвамित्रа приветливой речи государя Кошала, а потом рассказал ему о своем несчастье. «В глухом лесу стоит моя обитель, — сказал Дашаратхе подвижник, — и священный огонь на моем алтаре не угасает ни днем ни ночью. Я приношу небожителям жертвы и укрепляю душу суровым покаянием. Но вот пришли в мой лес злые ракшасы Марича и Субаху и по приказу Гаваны, их владыки, всячески над моим алтарем надругались: огонь гасили и приносимые богам жертвы пожирали. Твой старший сын Рама уже вырос, отпусти его со мной в лес ненадолго. Только он один может зашитить мою обитель».

Царь Дашаратха не ждал от отшельника такой просьбы. Он всегда был верен своему слову, и горько ему стало оттого, что пообещал Вишвамित्रе исполнить все его желания. Он боялся отпускать в страшный лес любимого сына, он тревожился за его жизнь и потому стал уговаривать Вишвамित्रу не забирать юного Раму из Айодхьи.

«Мой лотосоглазый Рама, — сказал он грустно Вишвамित्रе, — не стал еще зрелым мужем. Ему не одолеть в битве Маричу и Субаху. Возьми лучше все мое войско, я сам пойду с ним охранять твой алтарь и твою обитель. Шестьдесят тысяч лет живу я на свете и только недавно обрел сына. Нет у меня силы посылать его на погибель».

Оскорбленный отказом государя Айодхьи, Вишвамित्रа возгорелся гневом. Он сказал Дашаратхе: «Если ты, царь, не сдержишь слова, не будет счастья ни тебе, ни твоему роду; не сохранят твои сыновья царского престола, и не уберешься тебе от великого бесчестья».

Едва Вишвамित्रа произнес свою угрозу, как под ногами у всех задрожала земля, царский дворец и все дома в Айодхье зашатались, а Дашаратха и его советники не могли вымолвить ни слова от страха. Видно, не только Вишвамित्रа, но и все боги разгневались на государя Айодхьи.

Тогда перед царем встал благородный Васиштха. Он произнес хвалу благочестивому Вишвамित्रе и обратился к опечаленному Дашаратхе с такими словами: «Тебе не к лицу нарушать свое обещание, государь. Ты напрасно боишься отпустить в лес Раму. Твоя правда, он не стал еще зрелым мужем, но и то правда, что на земле нет человека, который мог бы с Рамой сравниться силой и воинским искусством. Он легко одолеет в битве Маричу и Субаху и вернется в Айодхью невредимым».

Страшно было Дашаратхе отпустить от себя любимого сына, но не хотел он, чтобы сбылись грозные слова Вишвамитры, и скрепя сердце дал государь свое согласие.

На другой день рано утром Вишвамित्रа вышел из ворот Айодхьи и направился в свою обитель, а юный и могучий царевич Рама шел за ним следом. Лакшмана, который ни за что на свете не хотел расставаться с любимым братом, нес его лук и стрелы.

К вечеру они пришли к правому берегу Сарайю, и Вишвамित्रа ласково попросил Раму зачерпнуть в ладони речной воды. Рама послушно выполнил его просьбу, и тогда Вишвамित्रа произнес над водой в ладонях у Рамы такое заклинание: «Да не коснутся тебя, царевич, усталость, дурной глаз и лихорадка; да не нападут на тебя ракшасы внезапно ни днем ни ночью; да не сравнится никто с тобою ни в бою, ни в споре, ни в мудрости, ни в удаче; да не потревожат тебя ни нужда, ни холод!» Затем Рама маленькими глотками выпил эту воду, и все трое легли спать на берегу реки, и трава служила им ложем.

Долгий путь прошли царевичи и Вишвамित्रа от берегов Сарайю до великой Ганги, на лодке переправились на другой берег и вскоре оказа-

лись перед глухим и страшным лесом, полным хищных зверей и ядовитых гадов. «Здесь обитает мать ракшаса Маричи, кровожадная Тарака, — сказал Рама Вишвамित्रа. — Ростом она с великую гору, и тысяча слонов не может сравниться с ней силой. Ни один путник не может от нее укрыться, всех пожирает страшное чудовище. Она сейчас стоит на лесной дороге, и тебе придется убить ее, Рама, чтобы могли мы идти дальше и чтобы здешние люди могли жить спокойно».

«Да будет так», — ответил Рама Вишвамित्रе, и, вступив в лес, они пошли прямо навстречу Тараке. Рама взял в руки лук и стрелы, тронул кулаком тугую тетиву, и звон тетивы разнесся далеко по лесу. Его услышали звери и птицы, донесся он и до ракшасы, стоявшей на дороге. Тотчас великая злоба охватила Тараку и лишила ее рассудка. В ярости помчалась она по дороге навстречу Вишвамित्रе, Рама и Лакшмане. Со страшным ревом, подымая клубы пыли, неслась безобразная ракшасы и бросала в путников огромные камни.

Царевичи загорелись гневом. Грозно зазвенели тетивы их боевых луков, и острые стрелы отсекали нос и уши у кровожадной Тараки. Но боль только прибавила ей силы. Ливень камней, летевших в отшельника и братьев, становился все опаснее. «Убей ее, — сказал Вишвамित्रа Рама, — убей скорее, пока не наступил вечер. В темноте ее не одолеешь!»

Никогда еще Рама не лишал жизни женщину и теперь не стал бы, да не унималась злобная Тарака, не отступала. Ради Лакшманы, любимого брата, ради святого старца Вишвамित्रы пришлось Рама сразить Тараку насмерть. Змеей сверкнула в воздухе неотвратимая стрела — и голова Тараки, будто срезанная серпом, покатилась по дороге.

Царевичи и старый брахман провели ночь в лесу, а наутро Вишвамित्रа сказал Рама с ласковой улыбкой: «Я доволен тобою, сын Дашаратхи. Воистину, ты — великий воин. Я подарю тебе сейчас чудесное оружие небожителей, и ты никогда не будешь знать поражений в битвах. Я подарю тебе грозные сверкающие диски, быстрые и меткие стрелы, тяжелые палицы, булавы и секиры».

Вишвамित्रа повернулся лицом к востоку, шепотом стал читать заклинания, и вскоре перед Рамой, изумленным таким чудом, явилось божественное оружие. Длинными рядами встали перед Рамой мечи, палицы и секиры и человеческим голосом сказали ему: «Ты — наш господин, великий Рама, а мы — твои слуги. Все, что ты прикажешь, мы исполним». Благодарный Рама низко поклонился Вишвамित्रе и сказал

мечам, палицам и секирам: «Явитесь передо мной, когда я позову вас на помощь». И чудесное оружие исчезло.

Вишвамित्रа и братья-царевичи пошли дальше, миновали дикий лес ракшасы Тараки и вскоре пришли в прекрасную местность, изобилующую благоуханными цветами и тенистыми деревьями. Там весело щебетали певчие птицы, и в прозрачных водах ручья плескались серебристые рыбы. В этом месте была тихая обитель Вишвамитры.

Первую ночь Рама и Лакшмана отдыхали, а на следующую ночь поставил их Вишвамित्रа охранять священный огонь на алтаре. Пять ночей братья провели у алтаря без тревоги, а на шестую велел им Вишвамित्रа надежнее вооружиться.

Ярко горел на алтаре священный огонь, брахманы-отшельники вместе с Вишвамित्रой шептали молитвы и приносили богам жертвы, и кругом было темно и тихо. Вдруг раздался над алтарем грозный гул, и на священный огонь обрушились потоки черной крови, осквернившие жертвенные цветы и травы.

Как лев, бросился Рама к алтарю, взглянул в темное небо и увидел в воздухе кровожадных пожирателей мяса Маричу и Субаху. Юный сын Дашаратхи натянул лук — и смертоносная стрела ударила Маричу в грудь с такой силой, что злобный ракшас пролетел по воздуху сто йоджан и упал в бурные волны океана. Вторая стрела Рамы пронзила насквозь Субаху; ракшас свалился на землю и забился в предсмертных корчах.

Благочестивые отшельники с радостными восклицаниями окружили обоих сыновей Дашаратхи, и Вишвамित्रа сказал Раме: «Ты могучий и доблестный воин, Рама. Ты исполнил повеление государя Айодхьи и спас от поругания нашу обитель».

Рассказ о дочерях Кушанабхи

Когда наступило следующее утро, братья-царевичи пришли к Вишвамित्रе, почтительно поклонились ему и сказали: «Перед тобой твои слуги, благочестивый отче. Скажи нам, что мы еще должны для тебя сделать?»

Брахман сказал им: «В славном городе Митхиле царь Джанака приносит богам великие жертвы. Отовсюду идут в Митхилу люди, и мы все пойдем туда же. У царя Джанаки хранится чудесный и могучий лук, и никто до сих пор не смог его согнуть и натянуть тетиву. Многие герои, цари и небожители побывали в Митхиле, но никому из них не удалось сделать это».

По знаку Вишвамитры отшельники запрягли быстрых коней в колесницы, и все отправились в Митхилу, а следом за ними бежали звери и летели птицы. Путь их лежал на север, к высокой горе Химават, к могучей реке Ганге, в главный город царя Джанаки — Митхилу.

Окончился день, и дорогу закрыла ночная тьма. Вишвамित्रа остановил колесницы и велел всем отдыхать на берегу реки Сомы. После вечерних молитв и омовений, когда все сидели на траве вокруг Вишвамитры, Рама попросил благочестивого старца рассказать ему про лежащие по берегам Сомы земли.

«Некогда, — начал рассказывать мудрый брахман, — жил на земле Куша, сын Брахмы. У него было четыре сына: Кушамба, Кушанабха, Асуртараджа и Васу. Когда они подросли, Куша отправил их в разные стороны света и сказал им: „Добывайте себе царства“. Эти чудесные леса и пашни, луга и реки завоевал Кушанабха, второй сын Куши, и основал здесь свое царство.

Сто прекрасных, как жемчужины, дочерей имел Кушанабха. Юные и прелестные, они резвились в цветущем саду, блистая, как звезды в облаках. И увидел их там однажды могучий Вайю, бог ветра и дыхания, и сказал: „Вы желанны мне, прекраснотики. Будьте моими женами, и вы обретете вечную юность и бессмертие“. Дочери Кушанабхи почтительно склонились перед богом и сказали: „Ты всевластен, ты — сущность жизни, великий Вайю, но зачем ты предлагаешь нам бесчестье? Нам, целомудренным дочерям Кушанабхи, нельзя слушать такие речи. Только наш отец волен нами распорядиться, он — наш бог и повелитель. У него ты и проси нас себе в жены“.

Гордые слова дочерей Кушанабхи привели божество в ярость, и в гневе не пощадил Вайю целомудрия юных красавиц.

Со слезами стыда на ресницах, со вздутыми животами прибежали царевны к Кушанабхе и с плачем все ему рассказали. Но не стал казнить дочерей благородный Кушанабха, он похвалил их за благонравие и стыдливость и стал думать, что делать с царевнами дальше. И надумал царь отдать своих дочерей в жены юному Брахмадатте, государю города Кампили.

Кушанабха отправил к нему послов с богатыми дарами, предложил ему своих дочерей в жены, ничего не скрывая, и Брахмадатта с радостью согласился. Кушанабха отпраздновал пышную свадьбу, и, когда Брахмадатта прикоснулся к своим женам, совершилось великое чудо: вздутые тела их распрямились, и стали юные царицы еще прекраснее, чем были прежде.

Выдал Кушанабха дочерей замуж и остался опять без потомства. Стал он молить богов даровать ему сына, и боги согласились — через некоторое время родился у него могучий сын, и Кушанабха назвал его Гадхи. Это был мой отец, и весь этот прекрасный край был ему подвластен».

Пока Вишвамित्रа рассказывал, незаметно подкралась ночь: замерли деревья, затихли звери и птицы; яркие звезды — небесные очи — густо усыпали ночное небо, и взошла луна, разрушительница тьмы, радуя своим сиянием сердца всех живущих на земле.

Вишвамित्रа умолк. Братья-царевичи и отшельники воздали мудрому старцу, искусному в речи, великую хвалу, и все легли отдыхать, чтобы не в тягость был им завтрашний долгий путь.

Рассказ о чудесной корове и подвижничестве Вишвамित्रы

К концу следующего дня зоркие слуги донесли Джанаке, что едет в Митхилу великий Вишвамित्रа и охраняют его два могучих и прекрасных воина. Царь, его жрецы и советники поспешили навстречу благочестивому подвижнику, с низким поклоном отворили перед ним городские ворота и проводили его в царские покои. Царь усадил желанного гостя на почетное место, велел подать ему сладкие плоды и прохладную воду и, по обычаю, спросил Вишвамित्रу, здоров ли он и какие заботы привели его в Митхилу. Вишвамित्रа ответил царю: «Здесь, в Митхиле, великий государь, богам приносят великие жертвы, и слух о них проник в мою обитель. Вместе со мной пришли в твой город славные сыновья Дашаратхи — Рама и Лакшмана. Они спасли мою обитель от ракшасов Маричи и Субаху и сразили их обоих в ночной схватке. Они здесь, в твоей столице, благочестивый царь, чтобы взглянуть на чудесный лук бога Шивы, Разрушителя Мира».

Рассказ Вишвамित्रы о воинском искусстве и доблести юных сыновей Дашаратхи, о великом подвиге Рамы изумил Джанаку и его советников. Царский жрец Шатананда, воздав хвалу храбрости Рамы и Лакшманы, сказал обоим братьям: «Счастлив тот, кого одарил покровительством и дружбой мудрый Вишвамित्रа. Послушайте, я расскажу вам о необычайной судьбе великого подвижника.

В давние времена Вишвамित्रа, сын Гадхи, внук Кушанабхи, правнук Куши, был царем и правил всей землей много тысяч лет. Однажды он объезжал со своим войском города и селения, реки и горы, леса и хижины отшельников. И встретилаь ему на пути обитель подвижника Васиштхи,

прославленного благочестивыми подвигами, полная благоуханных цветов, чистых водоемов, ярких лугов, птиц и диких зверей. В этой обители Васиштха и его ученики читали священные книги, возносили к небу молитвы и приносили богам жертвы. Пили они только воду, ели плоды и корни, и постелью им служили листья и травы.

Отшельник рад был знатному гостю и предложил ему и его войску отдых, питье и пищу. Но царь Вишвамित्रа отказался: не хотелось ему брать пищу для себя и своего большого войска у бедных подвижников, изнуряющих себя голодом и суровыми покаяниями. Только Васиштха не принял государева отказа. Он хлопнул в ладоши и громко крикнул: „Эй, Шабала! Иди скорей сюда и выслушай меня”.

На его зов прибежала Шабала, божественная корова, обладавшая чудесным даром исполнять любые желания, и Васиштха сказал ей: „Я хочу накормить царственного гостя и все его войско. Пусть каждый воин получит все, что пожелает”. И Шабала дала воинам все, что им хотелось: и сахарный тростник, и варенный в молоке рис, и масло, и плоды, и вино, и воду. Гости ели и пили вволю и хвалили гостеприимство Васиштхи. И сказал тогда изумленный царь Вишвамित्रа: „Послушай меня, о благочестивый подвижник, подари мне Шабалу. Воистину, ты владеешь драгоценностью, но хранить сокровища — это дело царей, а не подвижников. Сто тысяч коров я дам тебе за нее, и она будет принадлежать мне по праву”.

„Не расстанусь я, государь, с Шабалой, — ответил ему Васиштха, — ни за сто тысяч коров, ни за десять раз по сто тысяч. Как слава неразлучна с силой, так и я неразлучен с Шабалой”. Тогда царь предложил подвижнику больше. „Я дам тебе за Шабалу, — сказал он Васиштхе, — четырнадцать тысяч слонов в золотом убранстве, восемьсот золотых колесниц, запряженных белоснежными конями, коров и лошадей без счета”. Старый отшельник и на этот раз не согласился. „Я ни за что не отдам тебе Шабалу, — сказал он Вишвамित्रе сурово. — Она — моя жемчужина, она — все мое богатство. Нет у меня ничего дороже Шабалы, в ней, в Шабале, вся моя жизнь”.

Царь Вишвамित्रа разгневался, велел воинам силой забрать у подвижника корову и отправился со своим войском дальше.

Невесело было божественной Шабале идти с войском царя Вишвамитры, тоска по обители не давала ей покоя. И не вынесла печали чудесная корова. Кинулась она на воинов Вишвамитры, побила их, потоптала и как ветер помчалась обратно в обитель. Прибежала Шабала в оби-

тель, подошла к Васиштхе и с обидой спросила: „Чем я провинилась перед тобой, брахман? Зачем ты отдал меня чужому человеку?“ — „Ни в чем ты передо мной не виновата, Шабала, — ответил ей Васиштха. — Державный царь забрал тебя своей волей. Где уж мне равняться с ним силой!“ Тогда Шабала сказала Васиштхе: „Не печалься. Пусть злой царь приходит сюда с любым войском. Я всех заставлю уйти отсюда с позором“.

Благочестивый отшельник повелел Шабале сотворить воинов, храбрых и грозных, и поставил их охранять обитель. И когда царь Вишвамित्रа вернулся к Васиштхе, чтобы снова отнять у него Шабалу, его встретило непобедимое войско. Бросились в бой яростные воины Вишвамитры, и закипела жаркая битва. Сотнями, тысячами гибли воины Шабалы, а на их место она ставила новых. И не выдержал губительной схватки Вишвамित्रа. Войско его все редело и редело, сто сыновей потерял он в этой битве и наконец с позором бежал с поля боя.

И стал тогда Вишвамित्रа как птица без крыльев, и похолодели, застыли его душа и сердце. Отдал он свое царство оставшемуся в живых сыну, сказал ему: „Правь землей, как кшатрию подобает“ — и ушел в Гималаи. Там он стал жить как отшельник и подверг себя суровому покаянию.

Благочестивые подвиги Вишвамитры тронули грозного бога Шиву, и явился он Вишвамитре и сказал: „Чего ты добиваешься, благочестивый? Назови мне твое желание, и я все исполню“. Вишвамित्रа ответил Разрушителю Мира: „Дай мне оружие, которым владеют боги, и пусть оно будет мне подвластно“. — „Да будет так“, — сказал Шива, и велика стала радость Вишвамитры. Он немедленно покинул Гималаи, добрался до обители Васиштхи и стал метать в нее смертоносные божественные диски. Страх овладел подвижниками и учениками Васиштхи, испугались даже птицы и звери. И все бросились бежать куда глаза глядят, и вмиг опустела цветущая обитель. Тогда пришлось сыну Брахмы, благочестивому и мудрому Васиштхе, вступить в бой с Вишвамитрой.

Не помогло божественное оружие Вишвамитре, и в этой схватке одолел кшатрия брахман и обратил Вишвамитру в бегство.

Дважды был посрамлен великий царь в борьбе с благочестивым подвижником Васиштхой, и решил он снова уйти в Гималаи и добыть себе у богов брахманство. С сердцем, сгоравшим от стыда и унижения, Вишвамित्रа ушел в горы и предался изнурительному покаянию. Тысячу лет он истязал себя суровым подвижничеством, и боги изумились его упорству

и силе духа. Они пришли к нему во главе с Брахмой, и Создатель Мира сказал ему: „Перестань истязать себя, Вишвамित्रа. Отныне ты не просто кшатрий, а царственный подвижник”. Но не к этому упорно стремился Вишвамित्रа, и он не прекратил своих покаяний.

Так прошло еще много лет, и случилось однажды Вишвамित्रе увидеть купающуюся в озере красавицу-апсару Менаку. Прельстительная нагота ее сверкнула перед ним, как луч солнца в облачном небе, и сети Камы, бога любви, опутали душу сурового подвижника. И тогда Вишвамित्रа сказал Менаке: „О апсара, я увидел тебя, и могучий Кама лишил меня стойкости и силы. Я прошу тебя, прекрасная, полюби меня и войди в мое жилище”. И Менака вошла в хижину Вишвамित्रы и прожила в ней пять лет, а потом еще столько же. И так велика была страсть Вишвамित्रы, что десять лет любви показались ему не длиннее одного дня и одной ночи.

А через десять лет стыд и раскаяние одолели его. И прозрел тогда царственный подвижник и понял, что это боги подослали к нему Менаку, чтобы испытать его благочестие и добродетель. Тогда Вишвамित्रа прогнал от себя красавицу-апсару, подавил в себе все мирские желания и подверг себя тяжким мукам. Он стоял, воздев руки к небу, и только воздух один служил ему пищей. Летом он окружал себя пятью кострами, в дождь не укрывался от потоков небесной влаги, а зимой погружался в воду и оставался в воде и днем и ночью.

Сотни лет простоял Вишвамित्रа с воздетыми к небу руками, и боги снова решили испытать его добродетель. Грозный Индра, Повелитель Небесных Молний, призвал к себе Рамбху, красавицу-апсару, и велел ей соблазнить Вишвамित्रу. „Ступай к нему в горы, — сказал ей Индра, — и чарующими плясками и пением зажги в подвижнике любовные желания”. Рамбха послушно склонилась перед Индрой и направилась к Вишвамित्रе.

Дрогнуло сердце великого подвижника, когда увидел он танцующую Рамбху, когда услышал ее нежный голос. Он смотрел на нее, не спуская глаз, и страсть проникла ему в душу. Но на этот раз суровый подвижник не позволил одолеть себя коварному Каме, не поддался на хитрые уловки Индры и в гневе проклял Рамбху за лукавство. „Ты хотела смутить мою душу, — сказал ей Вишвамित्रа. — За это на тысячу лет обратишься в камень”. И Рамбха обратилась в камень. Горько стало Вишвамित्रе оттого, что поддался он гневу. „Отныне не будет в моей душе места страсти, — поклялся он. — Отныне я не произнесу ни слова и до тех пор ни

есть, ни пить, ни дышать не буду, пока перед всем миром не объявят меня брахманом боги”.

Многие сотни лет простоял Вишвамित्रа, воздев руки к небу, без дыхания, без воды, без пищи, и столь велика стала его святость, что небожителям стало страшно. Испугались боги, что во всем мире не станет преград могучей воле Вишвамитры. Тогда пришли они к Брахме и попросили его даровать Вишвамитре все, что он пожелает. И Брахма согласился. Он явился Вишвамитре и сказал: „Отныне ты не кшатрий, не царственный подвижник, а великий брахман, и дни твоей жизни будут бесконечны. Все брахманы в этом мире и даже великий Васиштха будут почитать твою святость”. И всемогущий Брахма примирил Вишвамитру с Васиштхой, и стали они с тех пор друзьями».

С изумлением слушали Шатананду царь Джанака, его советники и гости, и, когда умолк искусный рассказчик, государь Митхилы почтительно склонился перед Вишвамитрой и сказал: «Необычайна судьба твоя, благочестивый отец, и я рад твоему приходу в Митхилу. Считай себя здесь господином — все мы в этом царстве твои слуги». Царь Джанака еще раз поклонился Вишвамитре и, пожелав гостям доброй ночи, удалился в свои покои.

Лук Шивы и женитьба Рамы и Лакшманы

Когда наступило следующее утро, царь Джанака призвал к себе Вишвамитру и сыновей Дашаратхи и сказал: «Я — твой верный слуга, благочестивый подвижник. Скажи мне, чего ты хочешь в Митхиле?» Вишвамитра ответил царю: «Перед тобой, государь, сыновья Дашаратхи, прославленные в этом мире своим воинским искусством. Они знают, что есть в Митхиле могучий лук бога Шивы. Доблестные царевичи просят тебя, великий царь, показать им этот лук».

Рама и Лакшмана, почтительно сложив перед лицом ладони, низко поклонились повелителю Митхилы, и Джанака сказал им: «Да сопутствует вам счастье, отважные воины! Грозный лук Разрушителя Мира издавна хранится и почитается царями Митхилы. Некогда небожители разгневали Шиву, и решил всемогущий бог наказать их за обиду. Он взял свой лук, натянул тетиву и хотел было отправить обидчиков в царство Ямы, бога смерти, да склонились они с повинной перед Шивой, и сжалился он над ними: сменил гнев на милость. Но столь велик был страх у небожителей перед грозным луком, что они упросили Шиву убрать его с небес на землю и подарить земному государю. И чтобы не ведали боги страха и жили спокойно, Шива вручил свой лук Деварате, царю Митхилы, и повелел хранить его в нашем роду вечно. Нерушимым обетом связан я с луком Шивы и берегу этот лук как зеницу ока. Я поведаю тебе, великий Вишвамитра, и вам, доблестные сыновья Дашаратхи, о своем обете.

Много лет я царствовал в Митхиле, а боги все не давали мне потомства. И решил я тогда умиловить богов великой жертвой. Всеведущие

брахманы, мои советники, выбрали место — поле — для возведения алтаря и велели мне вспахать это поле плугом. И вот когда я, царь Митхилы, шел за плугом, из борозды мне навстречу поднялась вдруг прекрасная дева. То была Сита, моя возлюбленная дочь, дарованная мне Матерью-Землей. И возрадовался я тогда милости небес и принес богам клятву, что лишь тот станет супругом Ситы, кто сумеет натянуть тетиву на могучий лук грозного Шивы.

По всей земле разнеслась молва о божественной красоте Ситы, и отовсюду шли женихи в Митхилу. Многие цари и знатные воины пожелали натянуть тетиву на лук Шивы и взять себе Ситу в жены, но никто из них даже поднять этот лук был не в силах. Тогда царственные женихи оскорбились — почудилось им, что государь Митхилы только потешался над ними. С огромным войском женихи пошли на Митхилу. Целый год осаждали они мою столицу, и вскоре силы мои истощились. Но великие боги не дали меня в обиду, они прислали огромное войско мне в помощь, и враги мои с позором разбежались.

Я покажу сыновьям славного Дашаратхи божественный лук Разрушителя Мира, и, если могучий Рама согнет этот лук и натянет на него тетиву, прекрасная Сита станет супругой Рамы».

«Да будет так», — сказал Джанаке Вишвамित्रа, и государь Митхилы велел своим советникам немедля доставить во дворец чудесный лук грозного Шивы.

Царские советники послали за луком Шивы большое войско. Пять тысяч могучих воинов с превеликим трудом влекли по улицам Митхилы тяжелую колесницу. У дворца великого Джанакы воины остановили колесницу, сняли с нее огромный кованный железный ларь и поставили его на землю.

«Здесь, в этом ларе, — сказал Джанак Вишвамित्रе, — лежит лук Шивы, почитаемый царями Митхилы. Пусть увидят его сыновья Дашаратхи».

По знаку Вишвамитры Рама открыл ларь, легко поднял одной рукой лук, надел на него тетиву и натянул ее с такой силой, что божественный лук Шивы сломался на две половины. И в тот же миг раздался такой великий гром, как будто огромная гора упала и разбилась на тысячи кусков, и затряслась земля, и в страхе все упали на землю, только Вишвамित्रа, Джанак и сыновья Дашаратхи стояли недвижимо.

Долго Джанак не мог вымолвить от удивления ни слова, а потом обратился к Вишвамित्रе с такой речью: «Великое чудо свершилось сегодня

в Митхиле, благочестивый подвижник. Никогда не думал я доселе, что простой смертный может обладать такой дивной силой. Могучий Рама надел тетиву на лук Шивы, и теперь я свободен от нерушимого обета, а прекрасная Сита нашла себе достойного супруга. Она будет преданной женой доблестному сыну Дашаратхи и прославит во всем мире древний род государей Митхилы. Пусть же мчатся мои послы в Айодхью на быстрых колесницах, пусть расскажут обо всем царю Дашаратхе и пригласят его в мою столицу».

И Вишвамित्रа сказал: «Да будет так», и послы Джанаки отправились в Айодхью, чтобы поведать обо всем Дашаратхе и привезти его в Митхилу.

Три дня и три ночи провели в пути послы государя Митхилы, а на четвертый день прибыли в Айодхью. Торжественно вступили они во дворец Дашаратхи, низко поклонились повелителю Кошалы и сказали: «Наш владыка, царь Джанака, шлет тебе, великий государь, привет и желает тебе и твоим ближним благополучия и долгих лет жизни. Наш господин, царь Джанака, велел нам поведать тебе, владыка, что сын твой, могучий Рама, с братом Лакшманой и благочестивым Вишвамित्रой пришел в Митхилу, попросил показать ему лук грозного Шивы и свершил то, что никому на земле до сих пор не удавалось. Он согнул лук Шивы, надел на него тетиву и натянул ее с такой невиданной силой, что лук всемогущего бога сломался на две половины. И государь наш, повелитель Митхилы, верный своему обету, отдает могучему Раме в жены свою дочь, прекрасную Ситу, и приглашает тебя, благородный Дашаратха, на свадьбу в Митхилу».

С великой радостью выслушал Дашаратха послов государя Митхилы, щедро одарил их за счастливые вести и сказал своему советнику Васиштхе: «Царь Джанака милостиво встретил сына Каушалы в Митхиле и отдает ему свою дочь в жены. Сита славится во всем мире неземной красотой и добрым нравом, а родство с государями Митхилы еще больше возвысит наше царство. А посему надлежит нам, мудрый Васиштха, спешить в Митхилу на великий праздник, на свадьбу моего любимого сына.

Приготовь, Васиштха, щедрые дары для Джанаки и Ситы, для всех ближних государя Митхилы. Возьми из казны моей, не жалея, золотые ожерелья и дорогие камни-самоцветы, шитые серебром и золотом ткани; возьми молодых рабынь, красивых и кротких; боевых слонов, грозных и могучих; резвых скакунов из царских конюшен и пошли мои дары

в Митхилу под охраной надежного войска. И прикажи моему возничему Сумантре готовить в дорогу колесницы, чтобы выехать нам завтра утром в Митхилу».

На следующее утро Дашаратха, его сыновья, жены и советники взошли на сверкающие золотом колесницы и под охраной большого войска выехали из ворот Айодхьи. С радостным сердцем спешил Дашаратха увидеть Раму, Лакшману и Вишвамитру, и на пятый день пути взору государя Кошалы предстали высокие стены Митхилы.

С великими почестями встретил Джанака благородного Дашаратху у ворот столицы и сказал: «Я счастлив видеть тебя в Митхиле, государь. Чудесный подвиг Рамы породнил нас, преславный Дашаратха, и свадьба детей наших укрепит и возвеличит наши царства. Войди же, государь, в мою столицу и будь в ней не гостем, а полновластным господином».

Дашаратхе по сердцу пришлось и великие почести, и приветливые речи государя Митхилы, и он ласково ответил Джанаке: «Мои мудрые наставники, ученые брахманы, еще в детстве внушили мне не отвергать дарованное. Твоя дочь, красавица Сита, — воистину, божий дар, а дружба и союз с тобою, благородный Джанака, — великое благо».

Джанака и его советники проводили знатных гостей в отведенные для них покои, и государи, довольные друг другом, расстались до следующего утра.

На другой день во дворце царя Митхилы стали готовиться к свершению свадебных обрядов. Джанака радовался родству и союзу с могущественным государем Кошалы и обратился к Дашаратхе с такой речью: «Есть у меня, великий царь, другая дочь, юная и прелестная Урмила, а у тебя есть сын, доблестный Лакшмана, верный брат могучего Рамы. Я отдам отважному Лакшмане в жены лотосооковую и кроткую Урмилу, и пусть вечной будет наша дружба». — «Да будет так», — с радостью согласился Дашаратха, и тогда в беседу государей вступил мудрый и благочестивый Вишвамитра.

«О великий царь, — сказал Джанаке Вишвамитра, — у брата твоего Кушадхваджи есть две дочери, прославленные красотой и благородством. Пусть брат твой отдаст их в жены сыновьям Дашаратхи Бхарате и Шатругхне, пусть брахманы, искушенные в свадебных обрядах, соединят завтра сыновей Дашаратхи с прелестными царевнами Митхилы, и да будет дружба двух царств нерушима».

Мудрые слова благочестивого старца Вишвамитры пришлось по сердцу обоим государям, и на радостях они подарили брахманам Митхилы

и Айодхьи тысячи коров, сотни лошадей, много золота, серебра и драгоценных тканей.

Для свершения свадебного обряда царские зодчие построили высокий помост, украсили его цветами и золотом и поставили на нем алтарь. Благочестивый Васиштха прочел над помостом священные заклинания, брахманы развели на алтаре огонь и принесли жертвы богам. Затем брахманы подвели к алтарю Ситу и Раму, одетых в богатые свадебные наряды, и поставили их друг против друга. И Джанака сказал: «Да сопутствует тебе счастье, могучий Рама! Прими дочь мою Ситу, и да будет она спутницей твоей в исполнении жизненного долга. Да будет она предана супругу и да следует она, как тень, за тобой повсюду!»

Потом брахманы подвели к алтарю Лакшману и напротив поставили Урмилу, а против Бхараты и Шатругхны встали дочери Кушадхваджи — Мандивья и Шрутакирти. Джанака каждому из сыновей Дашаратхи сказал те же слова, что и Раме, а затем женихи взяли своих невест за руки и торжественно обошли вокруг священного огня, царственных своих отцов и благочестивых брахманов. И столь угоден был небожителям свершившийся обряд, что посыпались с небес на землю ароматные цветы, весело заиграли небесные музыканты — гандхарвы и закружились в пляске красавицы апсары.

Веселый пир устроил в своем дворце щедрый и радостный государь Митхилы, и были на том пиру знатные гости из Кошалы, именитые горожане Митхилы, могучие соседние государи. Красноречивые сказители славил царевичей Айодхьи и царевен Митхилы, славил великих государей Джанаку и Дашаратху и желали их детям счастья и удачи.

На другой день после свадьбы Вишвамित्रа удалился в горы, в свою обитель, а царь Дашаратха стал собираться в обратный путь в Айодхью. Джанака подарил сыновьям Дашаратхи, их юным женам и своему другу, повелителю Кошалы, множество рабов и рабынь, лошадей и слонов, дорогих камней-самоцветов, золотой и серебряной посуды. Он проводил гостей до ворот Митхилы, сердечно с ними попрощался, и Дашаратха с сыновьями направился в Айодхью под охраной грозного войска.

Поединок Рамы с сыном Джамадагни и возвращение в Айодхью

Едва царские колесницы удалились от Митхилы, как Дашаратха заметил, что заматались в тревоге звери и задул, сотрясая землю, могучий ветер. Страшно закричали в лесу птицы. Черная пелена закрыла солнце, и стало вдруг темно, как глубокой безлунной ночью.

Вдруг перед колесницей Дашаратхи из темноты появился страшный и несокрушимый истребитель кшатриев, сын Джамадагни, по имени Рама. Глаза его были красны от гнева, волосы на голове стояли дыбом, а на плече лежал острый топор, и за спиной висел губительный лук бога Вишну. Он приблизился к Дашаратхе грозный, как Шива, повергая брахманов и воинов Айодхьи в трепет. Голосом гулким, как раскаты грома, Рама, сын Джамадагни, сказал, обращаясь к Раме, сыну Дашаратхи: «Некий кшатрий несправедно убил моего отца, благочестивого брахмана Джамадагни, и тогда я поклялся, что уничтожу всех кшатриев на земле. Я слышал о твоей удивительной силе; я слышал, что ты сломал могучий лук бога Шивы. Я хочу драться с тобой в честном поединке, но сначала ты докажи мне, что у тебя есть силы для битвы со мной. У меня за спиной висит лук бога Вишну, он ничем не уступит луку Шивы. Попробуй натянуть его тетиву, прославленный сын Дашаратхи, и, если тебе это удастся, я вступаю с тобой, могучий воин, в единоборство».

Страшная молва катилась по земле о беспощадном губителе кшатриев, сыне Джамадагни. Сердце старого Дашаратхи затрепетало от страха за жизнь его возлюбленного сына, и, смиренно сложив ладони, он стал умолять сына Джамадагни отступить. «Ведь ты уже утолил свой гнев против нашей касты, — сказал ему Дашаратха, — и давно живешь

в лесах как благочестивый подвижник. К чему тебе, о праведник, битва? Возлюбленные сыновья мои еще дети».

Но сына Джамадагни не смягчили униженные слова царя Айодхьи. Тогда Рама, сын Дашаратхи, пришел в ярость. «Ладно, — сказал он сыну Джамадагни, — ты испытаешь сейчас мою силу». С этими словами царевич Рама взял в руки лук Вишну, приладил к нему смертоносную стрелу и, натянув тетиву, выстрелил в грудь сына Джамадагни. И вмиг не стало страшного истребителя кшатриев, и спала черная пелена с солнца, и все вокруг прояснилось. И тогда Рама сказал изумленному Дашаратхе: «Сын Джамадагни не потревожит нас больше, государь, и мы можем спокойно продолжать наш путь в Айодхью».

С радостью обнял царь Дашаратха своего могучего и непобедимого сына и, успокоенный, поспешил в свою столицу.

Радостными кликами встречали жители Айодхьи своего государя, его отважных сыновей и юных прекрасных дочерей царя Митхилы. Улицы столицы были чисто убраны и политы водой, дома украшены стягами и цветами, весело гремели трубы и литавры, певцы и сказители громко славили удивительные подвиги Рамы, старшего сына Дашаратхи.

Счастливейшим из государей вступил в свой дворец гордый Дашаратха со своими могучими сыновьями, с прелестными царевнами Митхилы. Молодым супругам отвели особые покои, служить им стали послушные рабы и рабыни, и радость воцарилась во дворце повелителя Айодхьи.

Однажды Дашаратха сказал Бхарате, своему сыну, что его и Шатругхну зовет в гости дядя царевичей Ашвапати. Бхарата и Шатругхна поехали в гости к царю Ашвапати, а великий Рама ведать стал царскими делами, помогать отцу править государством.

В радости и согласии жил Рама со своей супругой, красавицей Ситой, и счастлив был ее добротой и любовью.

книга вторая

А й о д х ь я

Отречение царя Дашаратхи

Когда Бхарата покинул Айодхью, чтобы отправиться в город, где правил брат его матери, он взял с собой юного Шатругхну, не ведающего грехов. Оба царевича были приняты добрым царем Ашвапати в его доме как родные сыновья. Окруженные великим почетом и угождением, жили братья в столице Ашвапати, но не переставали помнить о своем престарелом отце. И царь Дашаратха не забывал своих сыновей Бхарату и Шатругхну, пребывающих вдали от родного дома.

Все четверо сыновей были дороги Дашаратхе как члены собственного тела, но первенец, могучий Рама, был отцу всех дороже.

Никто не мог сравниться с царевичем в силе и отваге, и всех превзошел Рама ученостью, и воспитанием, и мудрым разумением. Исполненный добродетелей, он никогда не кичился и не выискивал пороков у других. Чистый душою, он был приветлив и кроток в обращении, незлобив, прямодушен, почитателен со старшими. Постоянно в часы отдыха от упражнения в воинском искусстве он вел полезные беседы с умудренными возрастом, наукою и опытом мужами; и не было никого, кто более Рамы был сведущ в делах и обязанностях правителей государства. Он знал Веды и веданги, законы и обычаи, был красноречив и рассудителен; и он никогда не уклонялся с пути долга. Он был щедр и милостив к беднякам, почитал брахманов, был сострадателен к несчастным и сурово карал злодеев. Безмерно добр он был к своим подданным, и подданные любили его.

И вот царь Дашаратха, радуясь тому, что сын его наделен столькими достоинствами, и поразмыслив, так сказал себе: «Я должен позаботиться о том, чтобы Рама, любимый сын мой, стал царем еще при моей жизни.

Я знаю, что всегда стремится он к благу народа. И народ предан ему еще больше, чем мне. Поставив Раму на царство, смогу я спокойно покинуть этот мир».

Царь объявил советникам о намерении своем и повелел созвать в Айодхью благородных раджей и властителей из различных стран земли. Только Джанаку и царя кекаев второпях не успел пригласить Дашаратха, но решил, что потом пошлет к ним гонцов с добрыми вестями.

И из разных стран пришли в Айодхью во множестве раджи и владельческие кшатрии со своими воинами и слугами и явились в собрание, где восседал могучий Дашаратха, покоритель вражеских городов, и сели по старшинству на те места, которые он указал им. И подвластные Дашаратхе цари, пребывающие обычно в его столице, сошлись там, и в окружении царственных воинов владыка Айодхьи восседал на блистающем троне, как владыка небес в окружении бессмертных богов.

Тогда сказал Дашаратха в собрании раджей голосом, подобным раскатам грома, торжественным и звучным: «Ведомо вам, о мужи, сколь я радею о благе страны и народа, следуя в том славным предкам моим, — ведь все они пеклись о подданных как о собственных детях. Но многие тысячи лет протекли с тех пор, как начал я править землею под сенью белого балдахина государей, старость согнула мои плечи, и бремя царского долга утомило меня. Ныне я стремлюсь к покою, и с согласия всех собравшихся здесь дважды рожденных, ради блага подданных я возлагаю тяжелое это бремя на старшего моего сына, одаренного всеми качествами, какие должно иметь государю. Завтра утром я намереваюсь возвести его на трон. Думаю я, что не только для меня, но и для всей страны будут от этого великая польза и утешение. Рассудите же, о мужи, прав ли я; ведь беспристрастные мыслят здраво, и лишь свободное суждение ведет к решению, согласному с истиной».

Едва окончил Дашаратха свою речь, как раздались в собрании громкие возгласы одобрения. Цари, военачальники и брахманы, горожане и жители дальних областей выразили непритворную радость; многократно воздали они хвалу благодетельной мудрости Дашаратхи и достоинствам Рамы. Воздев над головою руки со сложенными ладонями, они единодушно изъявили свое согласие с решением царя.

Видя эти многочисленные знаки одобрения, царь Дашаратха возрадовался душою и поручил Васиштхе и другим брахманам приготовить на завтра все для обрядов, совершаемых при возведении наследника на трон, и тогда приветственные клики собравшихся сотрясли землю. Да-

шаратха же, отдав распоряжения Васиштхе, призвал к себе Сумантру, колесничего, и повелел ему отправиться за Рамой и привезти его в собрание.

И Дашаратха, стоя в том блистательном собрании среди царей Севера и Юга, Востока и Запада, среди арийских властителей и вождей варваров, как Индра-громовец среди марутов, узрел своего сына, приближающегося ко дворцу в сиянии своей красоты и мужества, обликом подобного повелителю гандхарвов, любезного взорам и сердцам людей, как благостный ливень, укрощающий жестокий зной летнего дня.

Сойдя с колесницы, Рама быстро взбежал по ступеням дворцовой лестницы — Сумантра же шел за ним следом — и предстал перед отцом, сложив смиренно ладони. И, возгласив имя царя, Рама склонился к его ногам. Царь Дашаратха взял сына за руки, привлек его к себе и обнял. Потом он указал Раме место, приготовленное для него на возвышении, украшенном золотом и драгоценными камнями, и, возведя сына на возвышение, излучающее золотой блеск, царь обратился к нему с такими словами: «Рожденный первою моею женою, равной мне достоинствами, украшенный высокими добродетелями, ты, о Рама, мой достойный сын, милый сердцу! Твое величие и благородство духа принесли тебе славу и любовь народа; потому в эти дни, когда луна пребывает в созвездии Пушья, прими звание государя. Да будет правление твое благим для твоего народа; обуздывая гнев и страсть, избегай зла, храни смирение; верши мудро правосудие над подданными, и тем ты умножишь их любовь и преданность и великое познаешь блаженство, с коим сравнится лишь то, что доступно вкушающим амриту бессмертным богам».

Услышав речи Дашаратхи, друзья и доброжелатели Рамы поспешно покинули собрание, чтобы принести радостные вести царице Каушалье. И эта лучшая из женщин щедро одарила добрых вестников золотом, и коровами, и всяческими драгоценностями.

Разошлись и другие, присутствовавшие в собрании, воздав почести царю и царскому сыну. Дашаратха же удалился во внутренние покои и там, призвав к себе Раму, сказал ему: «О Рама, я исполнил свой долг в этом мире, и все, что мне еще осталось, — это возвести тебя на трон. В минувшую ночь, о сын мой, я видел зловещие сны. Звезды падали с неба со страшным ревом, и громовые раскаты сотрясали землю. Прорицатели говорят, что звезда моей жизни вошла в сочетание с враждебными планетами — Солнцем, Мангалой и Раху. Все это предвещает царю ужасное несчастье, грозящее смертью. И в последнее время недобрые

знамения появляются всюду — в небе, в воздухе и на земле; тяжкие испытания предстоят государству.

„Завтра луна войдет в созвездие Пушья” — так говорят звездочеты; завтра при благоприятном положении светил ты будешь возведен на трон. И потому, когда зайдет солнце, ты соверши вместе с Ситой необходимые обряды, и на ложе из травы куша вы проведете ночь в посте и покаянии. И пусть в эту ночь твои друзья бдительно охраняют твои покои, дабы предотвратить все беды, какие могут воспрепятствовать тому, что должно совершиться завтра».

Затем Дашаратха благословил сына и покинул покои, чтобы распорядиться о приготовлениях к завтрашним торжествам.

А весть об избрании Рамы уже разнеслась по столице, и возликовал народ Айодхьи и вышел на улицы, чтобы приветствовать будущего царя, возвращающегося из чертогов Дашаратхи в свой дом.

Злая горбунья Мантхара

Мантхара, подруга и наперсница царицы Кайкейи, выросшая вместе с нею, бывшая служанка в доме ее дяди, выглянув из окон дворца, увидела, что улицы Айодхьи украшены стягами и цветами и полны народа. Она услышала музыку и пение ведийских гимнов и радостный говор толпы, мешающийся с ревом слонов, ржанием лошадей и мычанием коров. Повстречав в дворцовых покоях няньку, одетую в нарядное платье из белого шелка, поспешающую куда-то с радостным лицом, Мантхара спросила у нее о причине всеобщего ликования и узнала, что Рама должен быть возведен завтра на царский трон.

Мантхара, безобразная и завистливая сердцем горбунья, услышав это от няньки, возгорелась потаенной злобой. И, поспешив тотчас же к Кайкейи в ее спальню, где та покоилась еще на своем ложе, не восстав ото сна, она обратилась к царице с такими словами: «Вставай, о неразумная! Время ли спать? Великая опасность надвигается на тебя. Ведомо ли тебе, что счастье твое, неверное, как речное половодье летом, ускользает от тебя ныне?»

Встревоженная словами горбуни, Кайкейи спросила, трепеща от страха: «Какая беда случилась, о Мантхара? Что означает твой вид, исполненный смятения и горести?» Мантхара ей сказала: «О благородная, тебе грозит ужасное и непоправимое несчастье. Царь Дашаратха решил возвести Раму на трон. Безмерный страх объял меня, когда я слышала об этом, и, словно горя в огне, я поспешила к тебе, поглощенная заботой о твоём благе. Ведь твоё горе, о Кайкейи, умножает мои страдания, и моё благополучие возрастает вместе с твоим. О несчастная,

ты лелеяла на своей груди ядовитую змею — твоего супруга. Речи его источают мед, но сердце исполнено зла. Отослав Бхарату в дом твоих родичей, коварный Дашаратха возжелал отдать Раме царство своих предков. Утешая тебя ласковыми словами, он готовит погибель тебе и твоему сыну; пришло для тебя время помыслить о том, что ты можешь сделать для своего спасения». Услышав слова горбуни, прекрасная Кайкейи преисполнилась радости и привстала на своем ложе, подобная ясному лунному свету осенней ночи; и она одарила Ма́нтхару драгоценным украшением как добрую вестницу. «О Манти́хара, — сказала она, — новость, которую ты принесла мне, отрадна моему сердцу. Ведь я люблю Раму, как родного сына, и ничто не утешило бы меня больше, чем вступление его на царство. За эту весть, о Манти́хара, требуй от меня какой хочешь награды».

В ярости швырнула горбуня богатое украшение наземь и так сказала царице Кайкейи: «Чему ты радуешься, безумная? Или ты не видишь, что ты — на краю бездны? Горько мне, царица, но я смеюсь в душе, глядя на тебя. Какая женщина в здравом уме станет радоваться успеху сына жены-соперницы? Ты будешь служить как рабыня гордой Каушалье, она будет помыкать тобою и нами всеми, и сын твой будет ждать милости от Рамы, словно слуга; я дрожу при мысли об этом».

«Но Рама справедлив и предан истине, благочестив и добродетелен, — отвечала Манти́харе Кайкейи. — Он старший сын царя и наследует царство по праву. Он будет милостив к своим братьям и ко всем своим родным, как и его отец. Почему же ты горюешь, о горбуня, услышав о вступлении Рамы на трон? Минут годы, и для Бхараты придет время царствовать. Власть же над страной принадлежит ему столько же, сколько и Раме, и я не утрачу почета нимало в сравнении с Каушальей».

Задыхаясь от ярости, Манти́хара сказала: «Скуден твой разум, не отличишь ты доброго от злого, и тебе не постичь беды, нависшей над тобою. Рама будет царем, а после Рамы — его сын; Бхарата же навсегда отпадет от рода государей. Не могут все сыновья царя быть царями; великая смута возникла бы, когда бы все они взошли на трон. И потому цари, о Кайкейи, возлагают бремя правления на старшего сына, если он того достоин, или на младшего, когда тот более добродетелен.

Недобрая судьба ожидает Бхарату. Пойми, что сердце мое терзается только из-за тебя. Нет сомнения в том, что Рама, обретя власть, не замедлит отослать твоего сына в отдаленную страну или же в другой мир. Рама не причинит зла преданному ему Лакшмане — эти двое всегда

стоят друг за друга; но Бхарата для Рамы — соперник и враг, и горе ему, если Рама воцарится на троне. Подумай же о том, что можно сделать для спасения Бхараты и для блага всех твоих родных и близких. Сделай так, чтобы сын твой Бхарата получил царство, а Рама был изгнан в леса; только этим ты избавишь нас от великого несчастья. Иначе Бхарата будет сокрушен Рамой, как слон, преследуемый львом в лесной чаще; а Каушалья припомнит тебе, о гордая жена, все обиды, которые ты некогда нанесла ей. Помысли же о средствах победить и изгнать твоего врага, или ты погибнешь вместе со своим сыном».

Тогда Кайкейи с лицом, пылающим от гнева, сказала Мантхаре: «Сегодня же я пошлю Раму в изгнание и немедленно возведу Бхарату на царский престол. Но скажи, как могу я совершить это?» И Мантхара, злая горбунья, завидующая счастьем Рамы, сказала: «Есть средство, о Кайкейи, — или ты забыла о нем, или молчишь о нем, чтобы услышать из моих уст то, что сама ты некогда поведала мне». — «Какое средство?» — спросила Кайкейи, приподнимаясь на ложе.

И вот о чем напонила ей Мантхара.

«В давние времена, — молвила горбунья, — когда боги воевали с демонами, твой супруг, о царица, взяв тебя с собою, выступил однажды из Айодхьи, чтобы вместе с другими царственными подвижниками оказать помощь в той войне повелителю бессмертных. Далеко на юге, в лесу Дандака, ракшасы, напав внезапно ночью, в кровавом бою истребили много отважных воинов. Царь Дашаратха сражался, не ведая страха, но был сокрушен вражеским оружием и лишился чувств; тогда он был увлечен тобою с поля битвы. В этот миг смертельной опасности, тяжко израненный, царь был спасен тобою, о достойная жена, и в благодарность за это он обещал исполнить два любых твоих желания. Ты же сказала, что примешь дар тогда, когда желание такое у тебя возникнет, на что он отвечал тебе: „Да будет так“. Ты сама рассказала мне об этом когда-то, о благородная, и из любви к тебе я сохранила все в памяти. Заставь же теперь царя отказаться от его решения. Напомни ему о его обещании и потребуй двух даров: избрания Бхараты на царство и изгнания Рамы в леса на четырнадцать лет.

Сейчас удались в дом гнева, о царица, и ложись на непокрытом полу, одетая в запыленные одежды. Не смотри на царя и не говори с ним. Только плачь, когда увидишь, что опечалился владыка земли. Ведь ты его любимая жена, ради тебя он войдет в огонь. Он будет предлагать тебе золото, и жемчуга, и драгоценные камни, но ты будь стойкой и не

склоняйся пред ним. Напомни ему о тех двух дарах, которые он обещал тебе во времена войны богов и демонов, и он тебе отказать не посмеет».

И, приняв за добро то, что поистине было злом, Кайкейи возрадовалась при мысли об исполнении своих желаний. Осыпав Мантхару похвалами и обещав щедро одарить ее, когда обретет желаемое, прекрасная Кайкейи последовала за горбуньей в дом гнева. Там, сняв с себя украшения, она опустилась наземь и сказала Мантхаре по ее же наущению: «Ступай, о лучшая из горбуний, и скажи царю, что я не покину этого места, пока не уйдет в леса Рама, а Бхарата не сядет на трон». И, подстрекаемая вновь и вновь коварной Мантхарой, Кайкейи сказала, дрожа от гнева: «Если не покинет Рама Айодхью, не нужно мне ни ложа, ни украшений, ни еды, ни питья. Или он уйдет в изгнание на долгие годы, или я удалюсь в обитель смерти». С этими жестокими словами она распростерлась на земле, усыпанной сброшенными ею с себя драгоценными украшениями.

Два желания Кайкейи

Между тем Дашаратха, отдав необходимые для грядущего торжества распоряжения, отпустил приближенных и слуг и вернулся во внутренние покои. Он вспомнил, что любимая жена его Кайкейи не знает еще об избрании Рамы, и поспешил к ней, чтобы обрадовать ее благой вестью. И он вошел в покои Кайкейи, подобные обители бессмертных, украшенные золотом, и серебром, и слоновой костью, полные карлиц и шутих, редкостных вещей, и драгоценных камней, и необыкновенных яств и напитков; там цветущие и отягченные плодами деревья осеняли пруды с прозрачной водою, и оглашались те покои сладкими звуками лютни и криками попугаев, павлинов, лебедей и птиц краунча. Но, войдя во внутренний покой, могучий царь не нашел свою возлюбленную Кайкейи на ее ложе.

Царь, огорченный, — ибо никогда еще в это время дня не заставал он покои пустыми, — выйдя оттуда, спросил стража, стоявшего у дверей, о царице, и тот поспешил ответить ему, что благородная царица, рассерженная чем-то безмерно, удалилась в дом гнева. С тревогою в сердце вступил Дашаратха в дом гнева и узрел жену свою, которая ему была милее жизни, распростершейся на земле в неподобающем ей виде, словно павшая апсара или киннари, низринутая за грехи с небес, подобно лани, пронзенной отравленною стрелой охотника.

И царь, пораженный скорбью, нежно коснулся лотосоглазой Кайкейи и сказал: «Я не знаю, за что гневаешься ты на меня. Кто обидел тебя, о благородная? Если злой недуг вселился в тебя, назови его — у меня есть искусные лекари, щедро одарю я их, и они исцелят тебя. Или

ты хочешь, чтобы я покарал кого-нибудь? Или кого-нибудь наградил? Не скрывай своих мыслей, о ты, наполнившая мое сердце печалью! Нужно ли предать кого-нибудь смерти? Или отпустить на свободу заточенного в темницу? Сделать бедняка богатым? Или богача — нищим? Ты знаешь, что я никогда не посмею воспротивиться твоему желанию — повелевай мною! Клянусь моими добрыми деяниями, я все сделаю, чтобы развеять твою тоску!»

Так говорил царь прекрасной Кайкейи, она же, тая в душе недобрые желания, отвечала ему: «Никто не обидел меня, о могучий царь. Я скажу тебе о том, чего я хочу, но прежде обещаю, что исполнишь просьбу мою без промедления». И Дашаратха сказал: «Клянусь тем, кто мне всего дороже, опорой моей жизни, Рамой, моим ненаглядным сыном клянусь, я исполню желание твоего сердца!»

Тогда сказала Кайкейи, помышляющая лишь о собственной пользе, готовая поразить слух супруга жестокой и губительной речью: «Ты поклялся и ты обещал мне, что свершится то, чего я желаю. Да услышат твою клятву тридцать и три божества с Индрой во главе! Да услышат ее Солнце, и Луна, и Небо, и Планеты, и Ночь, и День, и Страны света, и Земля, и все живые существа! Я призываю богов и вселенную в свидетели твоих слов, о царь, прославленный справедливостью, благочестием и верностью данному слову!» И, так заклиная царя, Кайкейи напомнила ему его обещание, данное в дни войны богов и демонов.

«Ныне, о потомок Рагху, — молвила Кайкейи, — я хочу получить обещанные дары. И если ты откажешь мне теперь, презренная тобою, я отрекусь от жизни». Затем, опутав царя коварной речью, как петлею оленя, попавшего в ловушку, и подчинив его своей власти всецело, она сказала: «Выслушай же меня, о государь. Дошло до меня, что идут приготовления к свершению обрядов в честь Рамы, вступающего на трон. Повели, о праведный царь, чтобы на трон взошел Бхарата. Пришло время исполнить и второе мое желание — пусть Рама, одевшись в оленьи шкуры, удалится в леса Дандака и ведет там жизнь отшельника девять и еще пять лет. Ты же отдай Бхарате царство, свободное от посягательств Рамы. Вспомни о своем обещании, о владыка, и, верный своему слову, да будешь ты царем царей».

Внимая нечестивым речам Кайкейи, Дашаратха в смятении сказал себе: «Снится ли мне дурной сон или помрачился мой разум? Или злой дух овладел мною?» И, не в силах понять причину происходящего, он лишился чувств. Когда же он пришел в себя и вспомнил слова Кайкейи,

сердце его преисполнилось скорби. И с тяжким вздохом, пораженный горем и мукой, словно олень, завидевший тигрицу, царь опустился на непокрытую землю и снова лишился чувств. Нескоро возвратилось к нему сознание; тогда он сказал Кайкейи, пылая гневом: «О ты, губительница рода! Что сделал тебе дурного Рама, злая женщина? Он всегда почитал тебя, как родную мать. За что же ты ненавидишь его? На гибель свою взял я тебя в этот дом, как змею, таящую в себе смертельный яд. Всеми прославлены добродетели Рамы; за что же я отрекюсь от своего любимого сына? Скорее откажусь я от Каушалы, или от Сумитры, или от царства, но не от Рамы; скорее мир может существовать без солнца, без воды и хлеба, нежели я смогу жить без Рамы, сына моего. И потому, о ты, стремящаяся к несправедливой цели, забудь о своем намерении! Как появилась у тебя эта ужасная мысль? Ты всегда говорила мне, что Рама столь же дорог тебе, как и благородный Бхарата. И доныне ты никогда не совершала ничего недостойного и никогда не причиняла мне горя. О милая, я не могу поверить, чтобы в здравом уме ты вела когда-нибудь такие безрассудные речи. Опомнись, о Кайкейи! Видишь, я кладу мою голову к твоим ногам. Сжался надо мною! Я стар и стою на краю могилы. Будь доброй матерью Рама и избавь меня от греха!»

Кайкейи, не вняв увещанию, обратилась к царю, терзаемому горем, с речью, еще более жестокой. «Если ты, о повелитель, обещав дар, раскаиваешься после, — сказала она, — зачем похваляешься ты, о могучий, своею праведностью в этом мире? И что скажешь ты святым мудрецам, когда спросят они тебя об этом? Ты скажешь: „Я нарушил свое слово, данное той, кому обязан жизнью”? Ради того чтобы угодить Каушалю, ты покроешь позором род Икшваку? Я же и дня не проживу, если увижу, что Каушалю воздают почести как царице-матери, — смерть я приму тогда как избавление. Если ты откажешь мне, я выпью яд в тот же день и умру на твоих глазах. Клянусь моим сыном, который мне дороже собственной жизни, только изгнание Рамы умиротворит меня».

Сказав так, Кайкейи умолкла. И царь, пораженный услышанным, взирал на нее, не в силах произнести ни слова. Затем, охваченный горестью, он поник, как дерево, подрубленное топором, и чувства в нем помутились, как у безумного. И он сказал Кайкейи такие слова, исполненные печали и отчаяния: «Кто внушил тебе, что достоин избранный тобою путь, нечестивый и гибельный? Или нет у тебя стыда, что ты обращаешься ко мне с речами, словно подсказанными злым духом? Увы! Я не знал доныне, сколь извращена твоя природа. По неведению я доверился

тебе, как ребенок, играющий с ядовитой змеею. Проклятье женщинам, коварным и лживым! Но нет, я говорю не о всех женщинах, лишь о матери Бхараты. О ты, желающая всех лишить счастья, о жестокосердая, или Бог сотворил твою душу столь подлой для того только, чтобы мучить меня? Но я не переживу изгнания Рамы. Ты останешься вдовою и будешь править царством вместе со своим сыном. Будь тогда счастлива, низвергнув в ад меня, и Каушалью, и других моих сыновей. Что скажу я теперь царям, и моим советникам, и народу после того, как, побуждаемый всеобщим одобрением, я объявил об избрании Рамы? Все станут говорить: „Безрассудный и сластолюбивый царь Дашаратха сослал в леса своего сына ради прихоти молодой жены“. О горе мне! Что скажу я Каушалье? Что станет с Ситой, когда услышит она весть об изгнании Рамы? О ты, навлекшая позор на род царей кекаев, о злодейка, не ведающая стыда, ты можешь броситься в огонь, принять яд, скрыться под землею — я не исполню твоего желания, несущего гибель мне и моему роду. Я не хочу видеть тебя живой, о ты, испепеляющая мое сердце, отнимающая у меня жизнь! Подумай, как стану жить я без Рамы! Как жить отцу, лишившемуся сына? О нет, ты не должна, о благородная, причинять мне зло. Я припадаю к твоим ногам — сжался надо мною!»

Но тщетно царь молил Кайкейи, тщетно горькие обращал к ней упреки; она презрела его мольбы и слезы и, упорствуя в намерении своем, замкнулась в безжалостном молчании.

А меж тем солнце село и наступила ночь; но не принес ее приход покоя несчастному царю. Тяжко вздыхая, возвел глаза к небу старый Дашаратха и молвил: «О ночь, блистающая звездами, внемли моим стенаниям — пусть никогда не наступит утро! Будь милостива ко мне и скрой от взора моего ненавистную Кайкейи, ввергшую меня в пучину горя!» И, сказав это, он распростерся на земле, пораженный как ударом грома постигшей его беду.

Рама во дворце Дашаратхи

Когда минула ночь и настало утро, повсюду зазвучали трубы, и загремели барабаны, и пробудился весь город и наполнился радостным шумом. Здания украсились стягами; они реяли над кровлями храмов и богатых домов, как белые облака над горными вершинами. Народ собрался на террасах и у дверей домов на пути от жилища Рамы до царского дворца. Ис утра потянулись в Айодхью со всех сторон жители окрестных и дальних деревень, прослышавшие о вступлении Рамы на престол.

В это утро, в час благоприятного расположения светил, мудрый Васиштха, сопровождаемый своими учениками, все приготовившими для обряда, вступил в лучший из городов — Айодхью, — улицы которого, чисто выметенные, политые водою и украшенные, благоухающие сандалом и агуру, заполнены были ликующей толпой. У ворот дворца Дашаратхи Васиштху встретил царский колесничий, и мудрец повелел ему немедленно войти к своему государю и объявить, что все готово для предстоящего празднества.

«Скажи государю, — молвил Васиштха, — что и золотые сосуды с водою из Ганги и из океана, и мед, и молоко, и восемь прекрасных дев, и дикий слон, и колесница, запряженная четырьмя конями, и меч, и превосходный лук, и балдахин, белый, как лунный свет, и серый буйвол, спутанный золотой цепью, и могучий лев, и трон, и тигровая шкура, и коровы, и различные священные животные и птицы — все доставлено в надлежащее время и брахманы ждут только царского слова, чтобы начать обряды».

И Сумантра вошел в царские покои, куда он имел доступ во всякое время дня, и стража беспрепятственно пропустила его. Представ перед

царем и Кайкейи, он с радостью возвестил о приходе Васишты; но ничего не ответил ему Дашаратха, угнетенный отчаянием и скорбью. Тогда, видя, что царь не в силах заговорить, Кайкейи сказала удивленному колесничему: «Сумантра, государь утомился, бодрствуя всю ночь в ожидании счастливого события. Ступай не мешкая и приведи во дворец Раму, достославного сына царя». — «Как пойду я, — возразил Сумантра, — без повеления государя?» И Дашаратха сказал ему: «Ступай за Рамой, Сумантра, я хочу его видеть».

Выслушав эти слова, колесничий удалился, не подозревая дурного, чтобы исполнить волю царя и царицы.

Прибыв ко дворцу Рамы, блистающему великолепом и красотой, подобно белому облаку в осеннем небе, Сумантра увидел у входа толпы горожан, явившихся поутру с дарами, и царских советников на конях и в колесницах, собирающихся сопровождать Раму, и огромного слона, подобного горе, готового нести царевича к месту торжества. И, вступив во дворец, Сумантра, сведущий в обычаях, приказал стражам, охраняющим покои царского сына: «Пойдите и скажите Раме, что Сумантра ждет у ворот».

Рама, услышав о приходе колесничего, повелел провести его в покои; и Сумантра, войдя, узрел царевича, восседающего с Ситой на золотом возвышении, покрытом дорогим ковром. Узнав от Сумантры, что царь и Кайкейи хотят видеть его, Рама, обрадованный, обратился к Сите и сказал ей: «О милая, нет сомнения, что добрая царица Кайкейи, проведая о моем избрании, торопит теперь государя, отца моего, со свершением торжественных обрядов; ведь она всегда была расположена ко мне и всегда радела о счастье царя и моем. И ныне государь и Кайкейи призывают меня, желая незамедлительно объявить о венчании моем на царство. Я должен поспешить во дворец моего отца, ты же оставайся и развлекайся с подругами своими».

И, простившись с синеокой Ситой, Рама покинул свой чертог. У ворот он встретил Лакшману, ожидавшего его, смиренно сложив ладони, и всех своих друзей, явившихся воздать ему почести. Ответив на их приветствия, царевич взошел на свою колесницу, отделанную серебром и покрытую тигровой шкурой, и Лакшмана взошел вместе с ним и встал позади него с белым опахалом в руках как верный его телохранитель; и сотни витязей с обнаженными мечами в руках последовали впереди и позади колесницы Рамы на конях и слонах. И всю дорогу от дворца Дашаратхи народ, теснившийся на улицах, приветствовал Раму громкими кликами, и женщины с террас и из окон домов осыпали его цветами.

Достигнув царского дворца, Рама прошел один во внутренние покои, свита же осталась ждать его у входа.

И, войдя в царские покои, Рама увидел своего отца на богато украшенном троне, печального и с измученным лицом, и рядом с ним Кайкейи. Смиренно поклонившись в ноги царю, Рама приветствовал затем царицу с надлежащим почтением; но не поднял на него взора, затуманенного слезами, и ничего не сказал ему в ответ несчастный царь.

Встревоженный и удивленный необычным поведением царя и никогда не виданной ранее мрачностью его, Рама, бледный и повергнутый в уныние, обратился тогда к Кайкейи и спросил ее: «Не преступление ли какое, совершенное мною по неведению, причина тому, что я вижу отца моего разгневанным ныне? Если это так, прошу тебя, умилостивь его и смягчи его гнев. Чем удручен его дух и почему так бледен он, всегда встречавший меня ласковой речью? Не терзает ли его какой-нибудь недуг, душевный или телесный? Не случилось ли беды с ясноликим Бхаратой или с отважным Шатругхной? Или невзгода посетила матерей моих? Скажи мне, о высокочтимая, я жажду знать истину. Какое неожиданное горе омрачило сердце владыки?»

Кайкейи сказала: «Нет, Рама, царь не гневен и ничто не грозит ему. Но некогда обещал он исполнить два моих желания и теперь боится заговорить, чтобы не промолвить неудобное тебе. Ведь ты — его любимый сын. Я расскажу тебе обо всем, о Рама, коль скоро ты обещаешь сделать все, что повелит тебе царь, будет ли то по сердцу тебе или нет».

Рама, опечаленный, ответил Кайкейи в присутствии царя: «Горе мне, если ты могла усомниться в моей сыновней преданности, о благородная! По единому слову отца моего я пойду в огонь, выпью яд, кинусь в море, если он повелит. Поведай мне, о царица, в чем воля государя, и знай, что исполню ее — еще никогда не отступал Рама от сказанного им единожды».

И Кайкейи поведала о войне богов и демонов, о спасении Дашаратхи и о том обещании, которое он дал ей. И сказала тогда коварная и подлая Кайкейи Раме, справедливому и не ведающему зла, о своих недобрых желаниях: «Пусть взойдет вместо тебя на царство Бхарата, ты же да отправишься в изгнание в леса Дандака сроком на семь и еще на семь лет».

Вслушав эти слова, жестокие, как возвешение смерти, Рама не был повергнут в отчаяние, но старый царь великой был сокрушен горечью при мысли о разлуке с любимым сыном. Рама же, истребитель врагов,

отвечал Кайкейи: «Да будет так, как ты говоришь. Ради исполнения того, что было обещано тебе моим отцом за спасение его жизни, я с радостью отправлюсь в леса и пробуду там как отшельник столько лет, сколько ты пожелала. Одно лишь печалит мое сердце: почему государь сам не объявил мне об избрании Бхараты на царство? Ведь я рад следовать любому его велению. Утешь царя! Почему, потупив взор, он безмолвно проливает слезы? Я же поспешу исполнить волю его».

Кайкейи, обрадованная, сказала: «Слова твои справедливы, о Рама! Не следует медлить с исполнением решенного. Пусть пошлют тотчас гонцов за Бхаратой — да возвратится он немедля в Айодхью. Ты же прости отцу его молчание — он смущен и потому не может говорить с тобой. И уходи в лес, поторопись, о Рама; царь не будет ни пить, ни есть, ни совершать омовение, пока ты останешься здесь».

При этих словах царь воскликнул, рыдая: «О горе!» — и упал без чувств на асану, украшенную золотом. Рама, подняв отца и усадив его на асане, приготовился уйти, понуждаемый безжалостными речами Кайкейи, как конь жестокими ударами плети. И, обещав царице покинуть в тот же день Айодхью, Рама испросил у нее разрешения увидеться с матерью и Ситой, поклонился в ноги царю, оцепеневшему в бесчувствии, и удалился.

Горе Каушалы и гнев Лакшманы

Выйдя от царя и Кайкейи, Рама направился, сопровождаемый Лакшманою, в покои своей матери.

Когда же распространился слух о его изгнании, женщины во дворце поднимали громкий плач. Жалуясь и стеля, царские жены порицали Дашаратху и проливали слезы о горькой участи Рама. «Увы! Мы лишились опоры своей и защитника», — говорили они. Но сам Рама оставался непоколебим и спокоен, утрата царства не омрачила лица его, прекрасного, как месяц осенней ночью, и речь его, обращенная к друзьям и к слугам, осталась по-прежнему исполненной благоволения, доброты и кротости.

У входа в покои Каушалы Рама встретил многих преклонных годами почтенных брахманов и с ними женщин и детей, которые все воздали ему почести и осыпали его благословениями. И привратницы, охраняющие чертог старшей царицы, приветствовали Раму словами: «Победа тебе!» — и немедленно известили повелительницу о его приходе.

Рама, войдя в благословенную обитель своей матери, застал ее у алтаря возносящей богам молитву о счастливом царствовании сына. Не ведая о беде, она с утра, облачившись в белые одежды, совершала жертвоприношение огню и старалась умиловить божества возлияниями воды, приношениями риса, варенного в молоке и сахаре, зерна, топленого масла и цветов.

Рама приветствовал мать, склонившись до земли, сложив смиренно ладони; она же поспешила к нему навстречу и, обняв его, сказала голосом, прерывающимся от радости: «Да будешь ты долговечен, о Рама, дитя мое! О, не напрасны были мои молитвы и обеты — благо царского

рода Икшваку будет твоим уделом». Тогда Рама поведал ей о постигшем их горе, о своем изгнании и о воцарении Бхараты.

Как дерево, подрубленное топором, упала Каушалья на землю, едва эта весть коснулась ее слуха. Рама, видя свою мать, достойную иной участи, распростершейся без чувств на земле, тотчас поспешил поднять ее и, видя, что одежды ее покрылись пылью, бережно их отряхнул.

«О сын мой, — молвила, очнувшись, несчастная царица, сокрушенная гибелью своей радости, — если бы не родился ты на свет, горе быть бездетной не так бы убивало меня, как эта весть, которую ты принес мне. Молитвы богам и посты, раздача милостыни и соблюдение обетов и все, что претерпела я ради обретения сына, — все было бесплодным, как семя, брошенное в песок пустыни. Как вынесу я бесконечные дни разлуки с тобою, не видя твоего лица, оскорбленная супругом, презиравая женами-соперницами, когда я, старшая царица, стану последней из рабынь надменной и дерзкой Кайкеи? О, сердце мое, наверное, из железа, если не разорвалось оно при этой страшной вести; нет места для меня в царстве Ямы! О Рама, жизнь моя бесполезна без тебя — и я последую за тобой в леса, как следует корова за своим теленком!»

Так сетовала и плакала Каушалья. Когда она умолкла, обуреваемый гневом, возвысил голос Лакшмана. «Я не знаю, о высокочтимая царица, — сказал он, — за какую вину должен Рама покинуть царство и уйти в леса. Даже враги его не могли бы найти за ним греха. Какому закону следовал царь, отрекаясь от такого сына? Поистине, одряхлев, он впал в детство. Предавшись во власть Кайкеи, он может повелеть все, что угодно, но кто посмеет воспрепятствовать Раме взойти на трон, когда я буду рядом с ним, готовый оградить его моими стрелами от любого врага? Клянусь моим луком, я уничтожу всех сторонников Бхараты и, если вся Айодхья поднимется против Рамы, я истреблю без жалости всех ее жителей — кто отважится противостоять нам обоим? Утешься, о благородная, я развею твою горе, даже если для этого нужно будет убить моего отца — поддавшись наущениям Кайкеи, он стал нам врагом и достоин смерти».

Вняв речам высокого духом Лакшманы, Каушалья, плача, сказала Раме: «Ты слышишь, о сын мой, что говорит твой брат? Ты не должен уходить отсюда, повинуйся воле бесчестной жены твоего отца, и покидать меня, угнетенную горем. В разлуке с тобою я не смогу жить, и ты, виновный в гибели матери, пойдешь после смерти в ад».

Рама отвечал своей матери Каушалье, плачущей и стenaющей: «Я не могу пойти против воли моего отца. Древние герои, богоравные воины

и святые, покоряясь воле отцов, отдавали жизнь свою и своих близких. Вспомни сыновей Сагары, погибших под землею, вспомни Раму, сына Джамадагни, по слову отца обезглавившего свою мать в лесу. Уходя от тебя в изгнание, я лишь вступаю на путь, проложенный до меня мужами, достойными подражания».

И Рама сказал Лакшмане: «Я знаю твою преданность мне и твою мощь и отвагу, о Лакшмана! Но да будет ведомо тебе, что долг — превыше всего в этом мире, а мой долг повелевает мне исполнить обещанное отцом моим. Поэтому откажись от своего неразумного намерения — я никогда не приму царства, добытого несправедливостью. Лучше ты, о Лакшмана, обуздав свой гнев, распорядись об отмене назначенных на сегодня торжеств и обрядов. Сегодня же я покину Айодхью, как обещал отцу и Кайкейи, и удалюсь в изгнание. Умерь свой гнев, о сын Сумитры, — это Судьба подсказала младшей царице ее желание. Судьба одна причина моего изгнания, с нею же, всемогущей, напрасно спорить. И потому не печалься и не гневайся на отца и на Кайкейи. Не возлагай вины на тех, чьи слова и деяния определены Судьбой».

Выслушав эти слова, Лакшмана опустил голову, тяжело вздыхая, и затем так отвечал Рама: «Ты думаешь, что следуешь стезей справедливости, повинаясь неправедным велениям царя и Кайкейи, но ты заблуждаешься, в том нет сомнения. Многие напускают на себя притворное благочестие, чтобы обмануть легковверных; но как ты не видишь порочности этих обоих, наших врагов, называющих себя нашими родителями? Почему ты, исполненный сил и отваги, безропотно следуешь нечестивым словам царя, жалко покорствующего прихотям Кайкейи? Прости меня, о великий воин, но я не могу этого стерпеть. Если это называется добродетелью, такая добродетель мне отвратна. Пусть ты считаешь это неизбежным деянием Судьбы — ты не должен вести такие речи, непостижимые для меня. Только бессильные и робкие следуют покорно воле Судьбы; но тот, чье мужество способно ей противостоять, не дрогнет перед лицом Рока. Да увидят сегодня люди, кто могущественнее — Судьба или мужество человека. Этот лук в моей руке. — не праздное украшение, этот меч — не для игры, для истребления врагов. Тучею стрел покрою я небо над полем битвы, и никто — ни конный, ни пеший, ни на колеснице, ни на боевом слоне — не пробьется сквозь смертоносный град моих стрел. Я устелю поле брани телами врагов и разрушу подлые замыслы царя и матери Бхараты. Скажи, на кого обрушить мне гибельные удары моего меча? Я — твой слуга. Повели — и я всю землю покорю

и сделаю подвластной тебе!» Так говорил Лакшмана, и слезы лились из его глаз. И Рама обнимал и утешал его, увещевая подчиниться отцовской воле.

И Рама сказал: «Я уйду сегодня. Ты же, матушка, оставайся и позаботься об отце. Неразумно желание твое последовать за мною в леса. Если после моего ухода и ты покинешь отца, он умрет; из всех деяний женщины нет более жестокого, нежели покинуть мужа. Пока жив царь, мой отец, не оставляй его, ухаживай за ним, и тем обретешь ты нетленную награду в иной жизни».

И, заливаясь слезами, Каушалья благословила Раму. Он же, многократно поклонившись матери в ноги, покинул дворец Дашаратхи, чтобы идти в свой дом, где ждала его Сита.

Сита, свершив поутру надлежащие обряды, поджидала Раму с мыслью о грядущем торжестве и с радостью в сердце, еще не зная и не предчувствуя постигшей их невзгоды. Когда же по возвращении из царского дворца Рама вступил в свой чертог и Сита увидела его, бледного и с поникшей головою, она, трепеща, поднялась со своего места ему навстречу. И сказала прекрасная дочь Джанаки: «Почему ты печален, о господин мой? Ведь сегодня — день твоего воцарения. Почему же лицо твое не осеняет царский балдахин, белый, как морская пена? Почему не окропили волосы твои медом и творогом брахманы, искушенные в Ведах и в обрядах помазания на царство? Почему не предшествуют тебе слуги, несущие золотой царский трон, и с ними слон могучий, подобный горе, и почему не следуют за тобой царские советники и богатые горожане в нарядных одеждах и не звучат, о великий воин, гимны и песнопения во славу твою? Бледность покрыла черты твои, и никогда я не видела такого смятения во взоре твоём. О чем горюешь ты в день своего торжества?»

«О Сита, о рожденная в благой семье царей Видехи, — отвечал Рама, — мой отец изгнал меня в леса! Так пожелала царица Кайкейи, он же не мог перечить ей, связанный обетом. Бхарата станет царствовать вместо меня, а я уйду в леса, где буду жить отшельником четырнадцать лет. Я ухажу сегодня. Живи счастливо и в мире под властью нового царя, повинуйся ему; соблюдай обеты и посты, каждый день, восстав ото сна, возноси молитвы богам; почитай отца моего Дашаратху, владыку народов. Моя мать Каушалья преклонна годами и подавлена горем разлуки со мною — будь к ней ласкова и почтительна. Почитай братьев моих как собственных

братьев, и превыше всех — Бхарату; помни, что цари не терпят неповиновения. Я уйду в леса, о Сита, ты же оставайся с миром и живи по моему завету».

Выслушав эти слова, сказала Рама царевна Видехи голосом нежным и сладкозвучным: «Или я столь ничтожна и низка душою в твоих глазах, что ты говоришь мне это, о лучший из людей? Мне смешны такие речи; к лицу ли они умудренному знанием закона? Нет, их даже слушать зазорно. О дорогой супруг мой, отец, мать, сын, брат, невестка — все они живут плодами собственных деяний, но жена, о благородный, всегда разделяет участь своего мужа. И потому, о Рама, если ты обречен на изгнание, то с тобою и мне суждена жизнь в лесах. И если ты уходишь сегодня, я пойду впереди тебя, ступая по терниям и колючей траве. Не разубеждай меня. Я не буду бременем для тебя, о герой; в лесном безлюдье, в дебрях, где бродят дикие звери, под сенью деревьев, напоенною благоуханием лесных цветов, я буду тебе утехой и помощницей; с тобою не страшны мне скитания в глуши, без тебя не нужны мне и небесные чертоги. Сердце мое принадлежит одному тебе, не отвергай меня, жену твою, которая решила скорее умереть, чем разлучиться с тобою!»

Но Рама, помышляя о тяготах, ожидающих поселившегося в лесу, не хотел брать Ситу с собою в изгнание и, утешая ее, проливающую слезы, так говорил ей: «О Сита, послушай меня, оставайся здесь; знай, что великие опасности и беды таят дремучие леса! Ты не ищи счастья там, где найдешь одни невзгоды. Тяжко жить в лесу — рычание львов, обитающих в пещерах гор, поражает там слух и гнетет душу; дикие звери, резвящиеся в лесной чаще, увидев человека, приближаются, чтобы напасть на него, — лес полон бед! Колючие кусты и лианы преграждают там дорогу; ночь усталый путник проводит на постели из опавших листьев, на прогалинах, оглашаемых криками сов; он питается дикими плодами и кореньями — лес полон бед! И потому ты не должна уходить в леса — леса тебе не сулят блага!»

Так говорил Рама, и, как ни умоляла его дочь Джанаки, на все ее просьбы он отвечал отказом. Тогда сказала Сита, страшась разлуки, с надменною насмешкой: «О чем думал мой отец, о Рама, когда назвал тебя своим зятем, тебя, мужчину обликом, но женщину делами? Горе людям, верящим в твое мужество, — поистине, они заблуждаются. Чего боишься ты, что не хочешь взять меня с собою? Или ты решился уступить другим жену свою — меня, которая всегда была чиста в помыслах своих и верна тебе? И почему столь усердно стремишься ты угодить тому,

ради кого лишен ты царства, и хочешь, чтобы я ему угождала? Нет, лучше я умру, чем останусь здесь, с твоими врагами. О Рама, позволь мне сопутствовать тебе! Никогда не услышишь ты от меня ни единой жалобы. Травяное ложе мне будет мягче постели, покрытой дорогими тканями, пыль, которою меня осыплет ветер, мне покажется благоуханным сандалом, а плоды, коренья и листья, которые ты мне дашь, слаще покажутся, чем пища бессмертных. Я не вынесу разлуки с тобою, о Рама! Разве смогу я жить без тебя четырнадцать лет!» При этих словах слезы, чистые как кристалл, заструились из очей Ситы, словно капли росы, стекающие с лепестков лотоса, и лицо ее побледнело, как увядший лотос, разлученный со своим водным ложем. И она приникла в горе к своему супругу, он же обнял ее и сказал: «О достойная почести, не нужно мне и небесного царства, обретенного ценой твоего горя, и я никого не боюсь! Я не хотел, чтобы ты жила в лесах, но, если ты решилась, я не могу оставить тебя; следуй за мною и раздели мое изгнание».

Слыша эти речи, Лакшмана, вошедший перед тем, поклонился брату в ноги и сказал со слезами на глазах: «Если ты уходишь в леса, населенные оленями и слонами, я пойду с тобою, предшествуя тебе с луком в руке. Без тебя не милы мне все блага небес». Тщетно пытался Рама отговорить его, напоминая ему о его долге беречь и охранять мать свою и поручая его заботам Каушалью. «Бхарата не посмеет обидеть наших матерей, — возразил сын Сумитры, — из страха перед твоею мощью. Если же он не окажет им должного почета и заботы, клянусь, я убью этого нечестивца, хотя бы все три мира встали на его защиту. Поэтому не препятствуй мне следовать за тобою. Я буду указывать тебе путь в лесу, приносить плоды и коренья, и я буду служить тебе и царевне Видехи, вам обоим, бодрствующим и спящим». И Рама, утешенный его словами, позволил сыну Сумитры сопровождать его и Ситу в лесах.

Рама покидает Айодхью

Рама и Сита пришли к царскому дворцу пешком; Лакшмана следовал за ними. Народ теснился вокруг них на улицах; горожане и горожанки, толпившиеся на террасах своих домов, бросали на них скорбные взгляды и громко выражали сочувствие свое изгнанникам и возмущение решением Дашаратхи; и многие из них изъявляли желание последовать за Рамой в леса. У дверей царских покоев Рама увидел доблестного Сумантру, сидевшего, уныло понутив голову, и послал его к отцу известить об их приходе.

Войдя к царю, Сумантра объявил ему о приходе Рамы. «Созови всех моих жен», — повелел ему тогда Дашаратха. И все триста пятьдесят жен царя пришли, и первая среди них Каушалья. Тогда царь сказал Сумантре: «Приведи моего сына».

Когда вошли в царские покои Рама, Лакшмана и дочь Джанаки, царь поспешил к ним навстречу, встав со своей асаны, но, не дойдя до Рамы, приближавшегося к отцу, смиренно сложив ладони, рухнул на землю без чувств, поверженный горем. Рама и Лакшмана подняли его и положили на асану, а дворец огласили громкие вопли и стенания женщин, смешавшиеся с нестройным звоном браслетов и золотых украшений на их воздетых к небу руках.

Очнувшись, царь сказал: «О Рама, дар, обещанный мною Кайкейи, лишает меня рассудка. Заточи меня сегодня в темницу и будь царем Айодхьи».

«О государь, — отвечал ему Рама, — правь землею тысячу лет! Не нужно мне царства. Я уйду в леса на четырнадцать лет; позволь Сите

и Лакшмане сопровождать меня. Я пытался отговорить их, но они не хотят расставаться со мною. Не печалься и благослови нас — мы уходим сегодня».

И царь, опутанный сетью обета, сказал, подстрекаемый тайно Кайкей: «Если ты решился твердо, я не смею воспрепятствовать тебе в исполнении твоего долга. Но не уходи сегодня, о сын мой! Ночь уже близка. Останься, ты отправишься в путь завтра!» Но Рама ответил: «Нет, государь, клянусь тебе, что не могу оставаться здесь ни часа более. Я обещал царице Кайкей покинуть город сегодня, и я сдержу свое слово. О мой отец, не печалься; я вернусь через четырнадцать лет!»

Царь обнял Раму. Тогда поднялся великий плач в собрании царских жен, и горестные возгласы раздались отовсюду. Только царица Кайкей среди всеобщих изъявлений скорби осталась невозмутима и в лице не изменилась. Напрасно Сумантра и следом за ним Васиштха обратились к ней со словами осуждения и с увещаниями, умоляя ее не губить супруга своего и отказаться от безумного своего желания; совесть не укоряла ее, и раскаяние ее не посетило. И облик царицы остался безмятежен, как и прежде.

Когда же Дашаратха повелел своим советникам отправить вместе с Рамой войска и сокровища царской казны, Кайкейи восстала против его решения с превеликой пылкостью. «Бхарата не примет царства, — сказала она, — лишенного ценностей своих». И Рама отказался от казны и от войска: «К чему слоновья сбруя тому, у кого слона отобрали? Я отрекся от всего! — сказал Рама. — Пусть принесут мне только одежду отшельника из бересты, пусть принесут мотыгу и корзину». И Кайкейи сама принесла одежду из бересты и подала ее Раме со словами: «Носи это».

И, сняв свой богатый наряд, Рама облачился в грубое платье отшельника; то же сделал и Лакшмана на глазах у отца своего. Но Сита, увидев предназначенное ей одеяние из бересты, пришла в смятение, как лань при виде охотничьей петли. Со слезами приняла она берестяной наряд из рук Кайкейи. Но, не умея надеть его, остановилась в замешательстве. Рама помог ей накинуть бересту поверх шелков, в которые она была одета; а женщины вокруг залились слезами, увидев Ситу в платье отшельницы. И ропот возмущения поднялся в собрании; царь же обратился к Кайкейи с горьким упреком: «Неужто мало тебе изгнания достойного Рамы? О ты, не ведающая стыда губительница рода, ты вступила на путь бесчестия, он приведет тебя в ад!»

Рама, который безмолвствовал все это время, сказал, обращаясь к Дашаратхе: «О справедливый царь, моя старая мать останется здесь под покровительством твоим и защитой! Да будет обращение с ней достойно ее, царицы древнего рода! О податель щедрых даров, тебе должно еще более почта оказывать ей теперь, когда она будет разлучена со мною, дабы не изнемогла она под бременем горя и не ушла от нас безвременно в обитель Ямы».

В горести поник головою Дашаратха, великой одолеваемый скорбью. Затем, оборотившись к Сумантре, повелел ему снарядить колесницу и запрячь ее превосходнейшими конями, чтобы отвезти изгнанников к южным пределам царства; и повелел ему принести богатые и нарядные платья для Ситы и золотые украшения и драгоценности.

Облачившись в роскошные наряды, Сита озарила своей красотой чертоги, подобная Солнцу, озаряющему вселенную своими лучами. Каушалья, обняв Ситу, сказала: «Женщины, покидающие своих мужей в несчастье, почитаются нечистыми. Такова природа женщин; от тех, кто дарил им счастье в дни благополучия, они отрекаются, когда приходит беда. Женщины неверные, неблагодарные, лживые и бессердечные, чья любовь мимолетна, почитаются нечистыми. Ни происхождение, ни ученость, ни благочестие, ни добродетель не могут привязать сердца женщин; поистине, сердца их нестойки. Но благословенны те чистые женщины, чья преданность супругу неколебима в день невзгоды. И хотя сын мой уходит в леса, ты не должна выказывать пренебрежение к нему. Богатый или бедный, супруг твой должен быть божеством для тебя».

Сита отвечала своей свекрови, сложив почтительно ладони: «Я внимаю речам благородной царицы. Да не сравнит она меня с женщинами подлыми и нечестивыми. Мне ведом долг мой; о нем говорили мне в родительском доме. Лютня не звучит без струн; колесница не движется без колес; женщина, даже имеющая сто сыновей, не знает счастья без мужа. Я почитаю супруга моего как божество; могу ли я пренебречь моим долгом?» И Каушалья, слыша эти слова, пролиwała слезы радости и горя.

Рама, Сита и Лакшмана, поклонившись царю, обошли его кругом. И с его соизволения они простились поочередно и с Каушальей, и с Сумитрой, и с другими царскими женами. Покинув дворец, они взошли на блистающую колесницу, украшенную золотом, и Сумантра повел ту колесницу, запряженную отборными конями, быстрыми как ветер.

Великое горе воцарилось во дворце и на улицах города, где собрались все жители Айодхьи, и стар и млад, чтобы проводить Раму. И народ

толпами повалил за колесницей, шумно изъявляя свою скорбь и свое негодование. «Погоди, не торопись, колесничий! — восклицал народ, обращаясь к Сумантре. — Поезжай медленнее. Дай нам в последний раз взглянуть на Раму!»

И Дашаратха вышел из дворца со всеми своими женами. Он услышал плач и стенания, увидел народ, бегущий за колесницей Рамы, и горе его возросло. При виде царя и цариц, проливающих слезы, толпа разразилась рыданиями, еще более громкими; и пыль от колес удаляющейся колесницы ложилась на землю, прибитая слезами провожающих.

Рама, оглянувшись, увидел, что отец его и мать следуют издали за колесницей. И, не в силах более вынести душевной муки, Рама крикнул, обращаясь к Сумантре: «Гони коней!»

Мать Рамы бежала за колесницей, восклицая: «Рама, Рама! Сита! Лакшмана!» — и плача об изгнанных; так корова бежит за своим теленком, когда связанного уводят его пастухи. «Стой, остановись!» — кричал царь Сумантре; Рама же повторял: «Гони!» — и колесничий, пребывая в смятении, не знал, кому он должен повиноваться. «По возвращении ты скажешь царю, что не расслышал его приказа, — сказал ему Рама. — Мне же промедление невыносимую причиняет муку». И Сумантра, окриком заставив народ расступиться, погнал коней во всю мочь.

И царь с царицею остановились, глядя сыну вослед. Пока виднелось на дороге облако пыли, поднятое колесницей, Дашаратха стоял там, не в силах отвести от него взора, когда же и оно скрылось из глаз, старый царь пошатнулся и упал бы на землю, если бы не поддержали его Каушалья с правой стороны и стройная Кайкейи — с левой. Но, с гневом оттолкнув Кайкейи, Дашаратха сказал ей: «Не касайся меня, я не хочу тебя видеть, о ты, преследующая только собственную корысть и покинувшая стезю добродетели! Ты не жена мне; я отрекаюсь от тебя, и отныне мне ничего не нужно ни от тебя, ни от сына Бхараты!»

Великая скорбь охватила Айодхью, и всю землю кругом, и небо, когда Рама удалился в изгнание. Солнце закатилось, а вечерние жертвоприношения огню не были совершены. Жители Айодхьи позабыли о своих повседневных делах, о еде и питье, и все пребывали во власти единой мысли о своей утрате; и слоны забыли о корме, и телята не сосали коров. Звезды померкли; тучи, принесенные внезапным ветром, обволокли окрестность, и тьма окутала землю. И царь Дашаратха и с ним его жены и свита вернулись в город, погруженный в печаль.

Удалившись несколько от города, Рама остановил колесницу и обратился к жителям Айодхьи, которые продолжали следовать за ним, уговаривая их вернуться обратно. И он просил их повиноваться новому царю и воздал хвалу достоинствам Бхараты. Но горожане объявили, что не хотят иного царя, кроме Рама.

Между тем брахманы из Айодхьи, согбенные под бременем лет, мудрые и ученые, приблизились, умоляя Раму остановиться и не покидать их. И когда царевич увидел, что почтенные старцы следуют за его колесницей пешком, он устыдился и сошел с колесницы и, беседуя, пошел с ними рядом. И когда достигли они реки Тамасы, наступившая темнота воспрепятствовала им продолжать путешествие. Сумантра распряг усталых коней, напоил их и выкупал, привязал и накормил травой. Рама со своими спутниками расположился на ночлег.

Здесь, на берегу Тамасы, провели они первую ночь изгнания. Рама и Сита заснули на ложе, устроенном Сумантрой под деревом, а колесничий и сын Сумитры бодрствовали до утра, беседуя о великих добродетелях Рама. Когда же забрезжил рассвет, изгнанники отправились в дорогу, прежде чем проснулись горожане, дабы не позволить им сопровождать их далее. И горожане, пробудившись, уже не нашли Раму на месте ночлега и, потеряв его след, глубоко опечаленные, поневоле возвратились в Айодхью, в свои дома.

А Рама продолжал свой путь на юг. Переправившись через Тамасу, изгнанники выбрались на большую, надежную дорогу; кони помчались с быстротою ветра, и вскоре они достигли священной реки Ведашрути.

Кругом тянулись возделанные поля, и Рама слышал, как крестьяне, работавшие на них, говорили между собою о его изгнании.

Миновав поля, сады и рощи, Рама со своими спутниками покинул пределы Кошалы. И, оставив эту обширную и процветающую страну, Рама остановил колесницу и, повернувшись в сторону Айодхьи, сложил ладони и произнес слова прощания. Затем он повелел Сумантре двигаться дальше на юг.

Они пересекли Гомати, несущую свои воды к океану, и продолжали неспешно свой путь по приветливой местности, мимо красивых и богатых селений, окруженных садами и манговыми рощами. И они достигли берегов прекрасной Ганги, чьи прохладные и незамутненные воды текут от далеких гор, где излились они с небес по волосам Шивы; текут то стремительно, то медленно, там — низвергаясь с высоты с яростным и диким ревом, отраженным окрестными скалами, здесь — струящиеся мирно и величаво, с радостным плеском, среди лесов и полей, сверкая на солнце, как алмаз; текут то через отмели, оглашаемые криками птичьих стай, то по глубоким местам, минуя тихие заводи, покрытые лотосами и лилиями, унося на волнах своих цветочную пыльцу и опавшие листья прибрежных деревьев.

Рама вышел к Ганге вблизи Шрингаверапуры; он остановился на отдых в тени огромного орехового дерева на самом берегу реки; здесь он решил остаться до утра следующего дня.

Здесь встретились путники с Гухой, царем нишадов, давнишним другом Рамы: прослышав о прибытии изгнанников, Гуха явился к месту их отдыха на берегу Ганги в сопровождении советников своих и родичей и, приветствовав обоих царевичей и Ситу, предложил им свое гостеприимство и услуги. Рама отвечал с благодарностью на приветливые речи царя, но отказался остаться у него, поведав ему, что поклялся вести отныне жизнь отшельника. И эту ночь они провели под ореховым деревом на берегу Ганги; и Гуха остался с ними и бодрствовал до утра вместе с сыном Сумитры и колесничим возле ложа Рамы и Ситы, сокрушаясь о печальной участи благородного сына Дашаратхи.

Наутро Гуха призвал своих советников и повелел им доставить крепкий и просторный челн и сильных гребцов для переправы через Гангу. И когда челн и гребцы прибыли на место, Рама простился с царем Гухой и с Сумантрой, которого он отсылал с колесницей обратно в Айодхью, и поручил Сумантре передать царю Дашаратхе и царицам весть об их благополучном путешествии. Затем он вместе с Ситой и Лакшманой вошел в челн.

Напутствуемые добрыми пожеланиями Гухи, изгнанники пустились в лодке, движимой веслами опытных гребцов, через широкую Гангу. И когда они достигли середины реки, Сита, сложив молитвенно ладони, обратилась к божественной Ганге, испрашивая у нее благополучия для сына Дашаратхи и счастливого возвращения по прошествии сорока лет.

Пристав к южному берегу, путники высадились из челна. И Рама обратился к Лакшмане, призывая его зорко оберегать Ситу в безлюдных лесах, по которым пролегал их дальнейший путь. По велению Рамы Лакшмана первым двинулся по лесной тропе; Сита следовала за ним, Рама же замыкал шествие.

И когда изгнанники исчезли в чаще леса, Сумантра, смотревший им вслед с другого берега Ганги, запряг коней и, удрученный, отправился в обратный путь, в Айодхью.

Изгнанники шли весь день по тропам цветущей и приветливой страны ватсов. По пути братья охотились в лесу на вепрей и оленей; запасшись вдоволь пищей, вечером они сделали привал под сенью большого дерева на лесной опушке. В эту ночь Рама бодрствовал вместе с Лакшманой, охраняя сон Ситы. До рассвета беседовали они, вспоминая близких, оставшихся дома; Раму одолевала тревога за отца, отданного попечению своекорыстной Кайкеи. Но тщетны были его усилия склонить Лакшману к возвращению в Айодхью.

К вечеру следующего дня достигли они священной обители Бхарадвджи у слияния Ганги с Ямуной. Великий мудрец с почетом принял изгнанников; переночевав у него, наутро они опять собрались в путь. Бхарадвджа уговаривал Раму остаться и поселиться в его обители, но царевич искал место более отдаленное и пустынное. Тогда мудрец указал ему дорогу к горе Читракуте, излюбленной отшельниками и расположенной в десяти крошах от обители Бхарадвджи, в местности, изобилующей дичью.

Распростившись с гостеприимным Бхарадвджей, путники двинулись вдоль берега Ямуны на запад. И в указанном Бхарадвджей месте они построили из сухих деревьев плот и переправились на нем через быструю Ямуну; посреди потока Сита помолилась речной богине, обещав принести ей в жертву тысячу коров и сто сосудов с вином, когда Рама благополучно вернется в Айодхью.

За Ямуной они продолжали свой путь по лесам, не удаляясь от реки. Сита с Лакшманой шли впереди, Рама следовал за ними; и братья заботливо охраняли Ситу. В пути царевна озирала с любопытством лесную

окрестность, и, когда видела незнакомый цветок или плод, она указывала на него, и Лакшмана приносил его ей; и Сита спрашивала у Рама о его названии. Так дошли они до знаменитого священного баньяна, и здесь Сита снова молилась о благополучном возвращении Рама.

И они пошли дальше; на ночлег остановились они на берегу Ямуны.

На рассвете Рама разбудил Лакшману и Ситу. Коснувшись священных вод Ямуны, они отправились дальше; и нежный щебет птиц услаждал их слух; долго шли они лесною тропой и наконец приблизились к благословенным обителям Читракуты.

«Смотри, о Сита, — молвил Рама, — как пламя, ярко рдеют в густой листве цветы деревьев кимшука. Ветви бхаллатак и бильв клонятся к земле под тяжестью цветов и плодов, и некому освободить их от бремени. Видишь, о Сита, рои пчел, вьющихся над благоухающими цветами? Слышишь, как сладко поет датьюха и откликаются ей из леса павлины? О милая, мы останемся здесь, в этих местах. Взгляни, там, за лесом, виднеются горные вершины; высоко вздымаются утесы Читракуты, подобные дворцам, блистающие на солнце то как серебро, то как сапфир, то багрянеющие, как кровь; с них ниспадают десятки водопадов, быстрых горных потоков и ручьев, сбегających по склонам во все стороны. А склоны горы покрыты рощами манго, диких яблонь и бильв, зарослями бамбука, лодхры, ююбы, тростника, нипы и сезама. Там обитают таинственные существа — киннары и видьядхары, избравшие эти прекрасные рощи для игр своих; по ночам на склонах Читракуты, как огоньки, светятся травы и в чаще бродят хищные звери — свирепые тигры, гиены и медведи.

Взгляни, вот река Мандакини с ее пестрыми островками и отмелями, с несметными стаями фламинго и уток на ней, с берегами, поросшими тенистыми деревьями и кустами, покрытыми множеством цветов; стада оленей приходят сюда на водопой, и отшельники свершают здесь свои омовения. О Сита, о Лакшмана, мы поселимся в этих чудесных краях и будем жить здесь счастливо, позабыв о наших невзгодах!»

И Рама повелел Лакшмане принести дерево, хорошее и крепкое. Выбрав надлежащее место, они выстроили себе на Читракуте хижину. Когда хижина была готова, крытая листвою деревьев, прочная и защищенная от ветра, Лакшмана убил в лесу черного оленя, и, соорудив алтарь, они принесли жертву богам домашнего очага. Рама прочел подобающие мантры и молитвы. И они вступили в свое новое жилище.

И в этой хижине на Читракуте Рама, Сита и Лакшмана зажили счастливо и безмятежно.

Смерть Дашаратхи

Простившись с царем нишадов, Сумантра с тяжелым сердцем пустился в обратный путь и на третий день в сумерки вернулся в Айодхью, безмолвную и безрадостную; и когда он приблизился к ней, ему почудилось, что город пуст и все его жители вымерли. Когда же он въехал в городские ворота, народ толпами устремился к нему, чтобы услышать от него вести о Раме. Ответив на расспросы горожан, Сумантра добрался до царского дворца и, сойдя с колесницы, вступил в чертоги Дашаратхи.

Миновав один за другим семь покоев, Сумантра вошел в восьмой, погруженный в сумрак, и здесь узрел он царя в окружении его жен, сокрушенного горем о сыне, видом своим внушающего жалость; Кайкейи не было при нем.

Покрытый дорожной пылью, предстал Сумантра перед царем, смиренно сложив ладони, и передал ему слова Рама. Дашаратха, тяжело вздыхая, обратил взор свой на колесничего и в волнении, со слезами на глазах стал расспрашивать его о сыне: «Где остановился Рама на ночлег? Неужели, о Сумантра, он, царский сын, возвращенный в роскоши, привыкший к ложу, усталому дорогими тканями, проводит ночь под деревом, на голой земле, как нищий странник? И что он ест? Как живет он в глухом лесу, кишатом хищными зверями и змеями, в безлюдье, он, кого сопровождала всегда пышная свита и охрана? Что сказал Рама? И что Лакшмана? И что сказала и сделала, войдя в лес, царица Видехи? Погадай мне обо всем, о колесничий, расскажи, как живут они в лесах!»

И Сумантра рассказал о том, как проводил он Раму до берегов Ганги, как простился с ним и вернулся домой. «И я увидел, о государь, — ска-

зал Сумантра, — что во владениях твоих, покинутых Рамой, царит уныние. Даже деревья поникли в печали, роняя листья; пересохли пруды и ручьи; в реках и озерах завяли лотосы и воды замутились. Леса застыли в немой тоске, ничто не движется в них, звери попрятались в свои норы, умолкли птицы, листья и цветы потеряли свежесть свою и благоухание. Сады и рощи утратили красоту свою. И когда я вернулся в Айодхью, никто не приветствовал меня у ворот. И люди на улицах, встречая мою колесницу, великую выказывали горесть, и всюду я слышал скорбные вздохи и рыдания. И Айодхья предстала моим взорам тоскующей, как мать, утратившая сына».

Выслушав Сумантру в глубокой печали, царь отпустил его. День утас. Царь в своих покоях, изнуренный горем, отошел ко сну.

Среди ночи Дашаратха пробудился. То была шестая ночь со дня ухода Рамы. И, терзаемый скорбью разлуки с сыном, Дашаратха вспомнил давнюю вину свою. Он сказал Каушалье, которая пребывала без сна вместе с ним в эту ночь, тою же томимая печалью: «Поистине, о царица, человек пожинает плоды своих деяний! О я, безумный, я сам навлек на себя несчастье, подобно дитяти, вкусившему по неведению яд.

Это случилось в давно минувшие дни, когда ты не была еще моей женой. Я был тогда юным царевичем, преданным страсти к охоте и воинским упражнениям; и я был прославлен своим искусством в стрельбе из лука. „Царевич попадает в цель на слух, ее не видя” — так говорили обо мне; и, гордясь этим своим умением, я, кшатрий и лучник, совершил великий грех.

Было время дождей; солнце, высушив землю, вступило в ту мрачную область небес, куда удаляются мертвые; зной спал внезапно, и синие тучи появились на небосводе. Квakanье лягушек, крики павлинов и антилоп огласили леса, птицы укрылись в своих гнездах в листве деревьев, сотрясаемых дождем и ветром.

В это благодатное время года однажды на исходе дня я взял свой лук, взошел на колесницу и отправился в лес на берегу Сарайю, намереваясь подстрелить буйвола, или слона, или иного какого-нибудь зверя. Было уже совсем темно, когда я приблизился к берегу реки. В непроглядной тьме я услышал у самой воды неясный звук, подобный крику слона. Я поднял свой лук и пустил стрелу, пустил ее на звук, и тотчас же услышал жалобный крик. Увы, то был не слон, а молодой пустынный, лесной житель, а шум, услышанный мною, был шумом лившейся в кувшин воды.

Когда я услышал человеческий голос, лук выпал из рук моих; испуганный, я поспешил на крик и на берегу Сарайю увидел юношу, распростертого у самой воды, пронзенного моей стрелою. Рядом с ним лежал кувшин. Тело его было покрыто грязью и кровью. Он поднял на меня глаза и сказал: „За что ты убил меня, царевич? Что сделал я тебе дурного? Ведь ты убил вместе со мною и моих родителей, дряхлых, слепых и беспомощных, — я был их единственной опорой. Что станет с ними? Они ждут меня теперь — я обещал им принести воды из реки — и не знают, что я умираю здесь, на глазах у тебя. Ступай по этой тропе, о царевич, она приведет тебя к хижине моего отца. Поведай ему о моей смерти, но будь осторожен — берегись его проклятий. Но прежде чем идти, извлеки эту стрелу, которая мучает меня. И не бойся, что тем лишишь меня жизни, — я не брахман родом, и грех твой не будет тягчайшим”.

И когда я вытащил стрелу из его раны, он испустил дух. Подобрав кувшин с водой, я пошел по тропе и достиг одинокой хижины. Там увидел я престарелых родителей юноши, беспомощных, подобных птицам, у которых обрезали крылья. Я сказал им о смерти их сына; поведал я и о том, как это случилось. И, сраженный страшной вестью, отец убитого проклял меня. „Я мог бы испепелить тебя на месте моим проклятием, — сказал он мне. — Но ты погубил сына моего неумышленно и сам пришел сказать мне о его смерти. Поэтому не сразу поразит тебя мое проклятие — ты умрешь от тоски по своему сыну, как умираю я теперь”. Затем, совершив поминальные обряды, родители юноши взошли на погребальный костер, и души их отлетели на небо.

Ныне сбывается предсказание старого отшельника, — плача, промолвил царь. — Я умираю от тоски по сыну. О Каушалья, я больше не вижу тебя; коснись меня рукою. Ах, если бы Рама был здесь и коснулся меня сейчас, я, кажется, мог бы еще жить. О, благословенны, трижды благословенны те, кто дожждется его возвращения! Чувства мои угасают, как угасают и превращаются в дым лучи светильника, в котором не осталось масла. И как бурный поток разрушает свои берега, горе мое разрушает мое тело. О сын мой, опора моя, ты ушел от меня! О Каушалья! О бедная Сумитра! О жестокая, о враг мой, Кайкейи, ты, что опозорила род свой!» — И с этими словами царь Дашаратха испустил свой последний вздох.

Утром, пробудившись, царские жены нашли его недвижимым на его ложе. Сначала подумали они, что спит он; но, не слыша его дыхания, они

затрепетали, как листья на ветру. Когда же истина открылась им, громкие вопли и плач их огласили царский чертог. Видя царя бездыханным, Каушалья обвила его тело руками и разразилась безутешными рыданиями. «Радуйся, о жестокосердная Кайкейи! — восклицала она. — Ты добила исполнения своих желаний». И горько плакала и убивалась Сумитра и вместе с нею Кайкейи и все жены царя.

Великое горе и смятение охватило Айодхью. Собравшись во дворце, приближенные царя совершили печальный обряд. Но в отсутствие сына царя они не решились предать тело погребальному костру и, поместив его в чан, наполненный маслом, стали держать совет. Они обратились к Васиштхе, вопрошая его о том, как надлежит им поступать далее. «Страна, лишенная царя, — говорили они, — подвержена бедам и мятежам, ей угрожают враги; младшие там не повинуются старшим, жены — мужьям; жители не строят домов, не возделывают полей, не приносят жертвы богам; богатство не имеет надежной охраны; купцы, прибывшие с товарами из дальних краев, не знают безопасности на дорогах; нет защиты от воров и разбойников; никто не может ни приобрести имущества, ни сохранить приобретенное. Люди в такой стране живут как рыбы, пожирая друг друга, и государство идет к гибели. Назови нам нового царя, о Васиштха! Ибо страна без царя — все равно что река без воды, лес без листвы, стадо без пастыря!»

Выслушав эти речи, Васиштха сказал: «Бхарата, на которого государь возложил бремя царского долга, живет в столице дяди своего вместе со своим братом Шатругхной. Не мешкая пошлем за ним гонцов». И советники согласились с ним.

Тогда он призвал к себе четверых приближенных царя и приказал им: «Отправляйтесь сей же час на быстрых конях в столицу царя Ашвапати. Скажите Бхарате, что я и советники просим его и Шатругхну возвратиться незамедлительно в Айодхью, ибо того требует неотложное дело. Но ничего не говорите ему до времени о бедах, постигших род Рагху, — об изгнании Рамы и о смерти царя».

Гонцы, повинаясь Васиштхе, отправились в дорогу и поздно вечером на седьмой день пути прибыли в Гиривраджу.

Возвращение Бхараты

В ту ночь, когда гонцы из Айодхьи прибыли в столицу Ашвапати, Бхарате приснился недобрый сон. И на следующий день он был задумчив и грустен, и напрасно, призвав красивых танцовщиц, друзья старались развлечь его плясками, игрой на лютне и веселыми представлениями. Он не рассмеялся ни разу, и печаль не покидала его. Наконец один из друзей спросил: «Почему нерадостен ты сегодня, царевич, здесь, в окружении твоих друзей?» Бхарата сказал: «Этой ночью я видел во сне моего отца, бледного, с развевающимися волосами; я видел, будто он упал с вершины горы в грязный пруд, полный коровьего навоза. Потом я увидел его покрытого с головы до ног маслом, и, смеясь, он черпал масло пригоршнями и пил его. И снилось мне, что месяц упал с небес на землю, и земля разверзлась, и обнажилось дно океана. Листва опала с деревьев, и все горы стали извергать дым. И опять я увидел моего отца; в черной одежде и с венком из красных цветов на голове, он уносился к югу на колеснице, влекомой ослиами. Женщина в красном платье смеялась над ним; и я видел, как свирепый обличьем ракшас схватил его и поволок за собою. Это мрачное сновидение не идет у меня из ума, и безотчетный страх томит мою душу — вот почему я невесел и не отвечаю на ваши речи. Я не могу избавиться от непонятной тревоги; этот сон предвещает недоброе нашему роду!»

В то время как он говорил это, послы из Айодхьи вступили в царский дворец. Принятые с почетом царем Ашвапати, они принесли богатые платья и украшения в дар ему и царевичам и обратились затем к Бхарате — передали ему слова Васиштхи, как тот повелел им. И на все расспросы

Бхараты о здоровье царя и цариц и братьев гонцы отвечали кратко, что все здоровы, но неотложное дело требует возвращения Бхараты и Шатругхны в Айодхью.

Испросив разрешения у царя Ашвапати, Бхарата отправился в путь с Шатругхной. И царь кекаев богато одарил его на прощание: он подарил ему огромных слонов с Ираватских гор, и быстрых коней, и верблюдов, и сторожевых собак с клыками, как мечи, силою подобных тиграм, и две тысячи золотых монет и снарядил многочисленную свиту сопровождать его. Но щедрые дары не тешили душу Бхараты, омраченную тревогой.

Нигде не останавливаясь надолго, держал Бхарата путь домой через леса и реки, оставляя позади своей колесницы города и страны, и, когда миновала седьмая ночь пути, на рассвете он увидел перед собой Айодхью. Но, приближаясь к городу, Бхарата был удивлен царящей в нем тишиной. Безлюдны были сады, обычно полные по утрам любителей развлечений, веселившихся ночь напролет; из городских ворот не выезжали и не въезжали в них колесницы и повозки, не шествовали слоны и выючные животные, и людей не было видно на дороге. И сердце Бхараты сжалось, предчувствуя беду.

И когда Бхарата въехал в город через ворота Вайджаянта, он увидел приметы, которые, как было ему ведомо, возвещали кончину государя. Дома горожан стояли неубранные, с раскрытыми дверьми; на зданиях не было стягов; лавки купцов были закрыты, храмы — не украшены гирляндами цветов, площади перед ними пусты и не метены, и дым жертвоприношений нигде не поднимался к небу.

Понуриw голову, с тяжелым сердцем вступил Бхарата в царский дворец и направился сразу в покои своей матери. Увидев сына, вернувшегося домой после долгого отсутствия, царица Кайкейи, обрадованная, поднялась со своей золотой асаны. Царевич поклонился матери в ноги, и она обняла его. Ответив на расспросы матери о здоровье брата ее и о путешествии, Бхарата с тревогою стал спрашивать об отце. «Я поспешил сюда, чтобы приветствовать его. Ведь это время дня он проводил всегда в твоих покоях, — молвил Бхарата, обращаясь к царице. — Почему его нет здесь сейчас? Где он? Я хочу припасть к его ногам».

И Кайкейи ответила тогда: «Государя, отца твоего, постигла участь, ожидающая все существа в этом мире».

Вняв вести о смерти отца, Бхарата, обуреваемый великою скорбью, упал на землю как подкошенный. И лик его, прекрасный, как месяц осенней ночью, исказился от рыданий, горькие сетования слетели с уст

его. Кайкейи, утешая его, помогла ему подняться, и тогда Бхарата спросил: «Какой недуг сразил отца моего? Что говорил он перед смертью? Расскажи мне о последних его минутах». Кайкейи поведала ему обо всем. «„Благословенны те, кто дождется возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой” — таковы были слова государя перед смертью», — сказала она.

Предчувствуя еще и другую беду, Бхарата спросил печально: «Куда же удалился Рама с Лакшманой и Ситой?» И Кайкейи, тщеславной исполненная радости, рассказала ему о том, как добилась она изгнания Рамы и царства своему сыну.

Бхарата, выслушав ее, сказал горестно: «Лишившись отца и старшего брата, который заменил бы мне отца, что стану я, несчастный, делать с царством? Бремя царского долга не по плечу мне; но даже если бы я был его достоин, я никогда не принял бы его, пока жив Рама, законный наследник царского трона. Как могла прийти в голову тебе эта нечестивая мысль? Что сделали тебе дурного Рама, или Каушалья, или Сумитра, ввергнутые тобою в пучину горя? О ты, убившая своего супруга, о враг мой в образе матери, не говори со мною! Ты не дочь своего отца, ты — демонское отродье, явившееся на погибель нашего рода! Уходи прочь, умри, отправляясь в ад — нет для тебя иного пути! Как смыть мне позор, который ты навлекла на меня? Я тотчас возвращу из изгнания Раму, достойного высочайшей славы, сам же я удалюсь в лесную пустыню». И с этими словами Бхарата, сбросив с себя украшения, снова опустился на землю, вздыхая, как разъяренная змея.

Между тем Каушалья, услышав голос Бхараты во дворце, сказала Сумитре: «Сын коварной Кайкейи вернулся. Я хочу видеть его». И когда Каушалья встретила Бхарату и Шатругхну, оба царевича поклонились ей в ноги, глубоко изъявляя горесть. Каушалья же сказала, обращаясь к Бхарате: «Вот и обрел ты желанное царство, лишенное терния, уязвлявшего твое сердце! Твоя мать коварством добилась этого для тебя. Но ей надлежало отправить меня в изгнание вместе с моим сыном. Сделай это ты, о Бхарата! Повели, чтобы меня и Сумитру отослали туда, где в лесном безлюдье ведут жизнь подвижников наши сыновья и Сита!»

Пораженный в самое сердце упреком Каушальи, Бхарата упал к ее ногам, восклицая со слезами: «Не укоряй меня, о благородная царица! Я жил в далекой стране, не зная ничего о замыслах моей матери; я никогда не желал царства! Ты знаешь, что я всегда был предан Раме; пусть проклят будет тот, кто рад его изгнанию, пусть не увидит он лица своих

детей, пусть кончит дни свои в одиночестве, презренный и покинутый родными и друзьями!» И, смягченная клятвами Бхараты, Каушалья обняла его и обратилась к нему со словами утешения.

И мудрый Васиштха приблизился к Бхарате, призывая его смирить свое горе, и напомнил ему о его долге — свершить над телом отца погребальный обряд. И Бхарата повелел жрецам исполнить необходимые обряды, и те повиновались.

Тело царя извлекли из чана с маслом, возложили на колесницу, и под всеобщий плач и стенания колесница выехала из городских ворот; царские жены и сыновья, жрецы и советники шли за нею. На берегу Сарайю, у погребального костра, жрецы прочли молитвы и пропели похоронные гимны. И, вернувшись во дворец, все провожавшие тело царя к месту сожжения провели десять дней, лежа на земле и предаваясь скорби.

На двенадцатый день Бхарата принес поминальную жертву шраддха и щедро одарил всех брахманов, свершавших обряды. В тринадцатый день он пешком пришел на место сожжения тела царя и здесь долго оплакивал отца.

Когда он вернулся во дворец, Шатругхна, деливший с ним горе, обратился к нему со словами: «Как могло случиться, что Рама, могучий воин, чтимый всеми, был изгнан в леса женщиной? И почему брат мой, отважный Лакшмана, не вступился за него перед отцом? Ибо царь, под влиянием женщины, поступающей несправедливо, должен быть остановлен в деянии своем». И в то время как он говорил так, в дверях появилась горбунья, богато одетая, увешанная драгоценностями и умащенная благовониями, подобная разряженной обезьяне.

Бхарата, стоявший у двери, схватил злодейку и толкнул ее к Шатругхне со словами: «Вот та, из-за которой изгнан Рама и отец наш лишился жизни. Поступай с нею как знаешь». И Шатругхна набросился на горбунью с великой яростью, она же подняла отчаянный вопль, огласивший покои, а служанки, сопровождавшие ее, разбежались с криками во все стороны.

Когда Шатругхна поволок по земле визжащую горбунью, украшения ее рассыпались повсюду, усеяв пол; царица Кайкейи, уstraшенная гневом Шатругхны, кинулась к сыну, моля о защите. Бхарата сказал брату: «Оставь ее. Женщину не должно убивать. Если мы убьем горбунью, Рама не одобрит нашего поступка». И Шатругхна отпустил Мантихару, а та, подобно попавшей в силки куропатке, бросилась с жалобным плачем к ногам Кайкейи.

Утром четырнадцатого дня царские советники явились к Бхарате и попросили его стать царем Айодхьи.

Но Бхарата отверг их просьбу. Он повелел снарядить войско — пехоту, конницу, слонов и колесницы — и проложить для него дорогу через леса, чтобы идти с ним к месту изгнания Рамы.

И несметные толпы искусных работников явились, чтобы исполнить веление Бхараты. И были среди них умелые строители дорог и мостов, люди, сведущие в качествах почвы, в проведении каналов, землекопы, лесорубы, плотники, тележники, сторожа, корзинщики, повара, проводники по лесным дебрям. Они пришли, снабженные всеми нужными орудиями и принадлежностями, и принялись за работу с усердием и сноровкой. Они расчищали заросли, валили деревья, прорубали просеки в лесу и продвигались вперед, прокладывая дорогу; они срывали бутры на пути и выравнивали почву; засыпали землею ямы и рытвины; мостили дорогу; перекидывали мосты через реки; в местах, бедных водою, рыли пруды; там, где нужно, вырубали лес, в других же местах сажали деревья и разбивали цветники вдоль пути. Так довели они дорогу до берегов Ганги, и чем дальше, тем она выглядела прекрасней, словно тропа небожителей.

И в назначенный день огромное войско двинулось вслед за Бхаратой по этой дороге. Тысяча слонов, шесть тысяч лучников на боевых колесницах, сто тысяч всадников сопровождали славного царского сына в его пути к месту изгнания Рамы. Впереди него на блистающих, как солнце, колесницах ехали верховные жрецы и советники, а позади — царицы Каушалья, Сумитра и Кайкейи; вместе с ними, жаждущие видеть Раму, отправились в путь почтеннейшие из жителей Айодхьи; и за войском следовали тысячи купцов, торговцев тканями и драгоценностями, тысячи золотых дел мастеров, гранильщиков алмазов, искусных горшечников, ткачей, оружейников, стекольщиков, резчиков по слоновой кости, поваров, торговцев вином и благовониями, банщиков, врачей, прачек, портных, певцов, музыкантов и танцовщиц, тысячи горожан всех званий со своими женами.

Войско достигло Ганги и стало многолюдным лагерем на ее берегу вблизи Шрингаверапуры. По просьбе Бхараты царь нишадов снарядил сотни судов и лодок, больших и малых, чтобы переправить его с войском и свитой на другую сторону. На большом, красиво украшенном судне, с гребцами и музыкантами на борту, Бхарата с Шатругхной, царские жены, советники и жрецы пересекли благополучно Гангу, а на других

лодках и плотах переправилось все войско Бхараты со слонами, конями, колесницами, оружием, продовольствием и все люди, сопровождавшие войско и царевича.

Со своей многочисленной свитой Бхарата двинулся дальше. И после долгого и утомительного пути, миновав священную обитель Бхарадваджи и переправившись через Ямуну, в один из дней он завидел наконец перед собою вершины Читракуты.

Дозорные, шедшие впереди войска, заметили дым, поднимающийся на вершине горы, и доложили о том Бхарате. Догадавшись, что они приблизились к обители Рамы, царевич приказал войску остановиться и пошел дальше один, взяв с собою только Шатругхну и Сумантру.

Рама и Сита сидели у очага за полдневною трапезой, когда увидели поднявшиеся над окрестностью тучи пыли, и глухой отдаленный шум, подобный раскатам грома, коснулся их слуха. Рама кликнул Лакшману, а затем сказал ему: «Слышишь ли ты этот грозный нарастающий рокот, о Лакшмана? Видишь бегущие в тревоге из леса стада оленей и буйволов, диких слонов и львов? Узнай, кто спугнул их — царская ли охота посетила окрестные леса или некий свирепый зверь рыщет поблизости от нас».

И Лакшмана пошел и взобрался на вершину дерева шала. Оглядевшись кругом, он обратил взор на восток. Там увидел он огромное войско, движущееся к Читракуте с развернутыми знаменами, — слонов, колесницы, конницу, пехоту — словно волны океана; тучей покрыло оно долины и холмы.

Поспешно возвратившись, Лакшмана сказал Раме: «Потуши огонь, о Рама, и отведи поскорее Ситу в потаенную пещеру; натяни тетиву на свой лук, приготовь стрелы и надень кольчугу. Бхарата, сын Кайкейи, приближается сюда с несметным войском, намереваясь убить нас обоих, чтобы обезопасить от покушения власть свою над царством.

Ныне, — продолжал Лакшмана, пылая гневом, — я встречусь с Бхаратой, из-за которого ввергнуты мы в эту великую невзгodu! Поистине, я убью его! И я не вижу в том греха, о Рама, чтобы убить того, кто причинил нам зло. Сегодня же увидит Кайкейи, как падет ее сын от руки моей! Я убью и Кайкейи, я истреблю всех наших недругов, и ты обретешь царство, принадлежащее тебе по праву!»

Но Рама, догадываясь об истине, постарался успокоить Лакшману. «Нет сомнения, узнав о нашем изгнании, Бхарата пришел сюда пови-

дать нас. Я не верю, что он может замыслить против нас зло, — сказал Рама. — У тебя нет причины говорить о нем дурно, Лакшмана. Брат не должен восставать на брата в борьбе за царство». И сын Сумитры, устыдившись, понурил голову и сказал Раме: «Быть может, и отец наш пришел вместе с войском, чтобы навестить нас».

Бхарата между тем, оставив войско у подножия Читракуты, отправился к обителю Рамы в сопровождении Шатрутхны и Сумантры, угадывая путь по дыму, поднимавшемуся над лесом. И, пройдя по лесным тропам, он увидел хижину, крытую листьями пальм и деревьев шала, и горящий очаг, и Раму, и Ситу, и Лакшману, сидевших у очага на постланных на земле звериных шкурах.

Увидев Раму, одетого в рубище, с оленьей шкурой на плечах, Бхарата зарыдал и бросился к его ногам. «О благородный брат мой! — вскричал он. — Из-за меня ты терпишь эти невзгоды, ты, достойный царской участи! О я, несчастный, презренна жизнь моя, жалок мой удел!»

Рама, едва узнав Бхарату, исхудавшего и бледного лицом, обнял его крепко и, прижав к груди своей, заговорил с ним ласково. «О, как долго я не видел тебя, мой мальчик! — молвил Рама. — Зачем ты пришел сюда, в этот дремучий лес? Ты не должен был делать этого, пока жив твой отец. Здоров ли государь, отец наш? Здоровы ли Каушал्या и Сумитра? Благополучна ли царица Кайкейи? И как правишь ты страной, как живет под твоею властью народу Айодхьи и окрестных земель?»

Бхарата отвечал: «Наш отец покинул нас, он взошел на небо, сокрушенный горем о сыне. Моя мать Кайкейи тому причиной. Тяжкий грех совершила она, стремясь завладеть царством, и ад будет ее уделом. Я же, раб твой, пришел сюда вместе с советниками просить тебя о милости: вернись в Айодхью и будь нашим царем, о Рама!»

Услышав о смерти отца, Рама, пораженный как ударом грома, упал на землю, словно дерево в цвету, подрубленное топором. Братья его и Сита разразились рыданиями, видя это. Они обрызгали его лицо водою, и, придя в себя, Рама сказал: «О Сита, свекор твой умер; о Лакшмана, ты лишился отца! Что делать мне теперь в Айодхье, когда нет там моего отца и повелителя?! Я не вернусь туда, даже когда истечет срок изгнания».

Вместе с братьями и Ситой, заливающейся слезами, и с Сумантрой Рама сошел к берегам Мандакини, струящейся среди цветущих лесов, и совершил поминальный обряд возлиянием воды. Затем, совершив поминальное жертвоприношение плодами, называемое пинда, братья вернулись к хижине Рамы, оглашая окрестность плачем.

Услышав этот плач, воины и приближенные Бхараты догадались о встрече его с Рамой. Тогда войско двинулось к обители, сотрясая землю своею поступью, и, вспугнутые, бежали при его приближении олени, вепри, львы, буйволы, тигры, гаялы, антилопы, а лесные птицы разлетались во все стороны. И Рама приветливо встретил у своего жилища друзей своих и доброжелателей.

Васиштха привел жен Дашаратхи к хижине Рамы. Видя бедную хижину и Раму в одежде отшельника, горько сетовали царицы; Рама поклонился им в ноги, и вслед за ним поклонились Лакшмана и Сита. Каушалья плакала, увидев изгнанников в лесной глуши, в дикой местности, отдаленной от родного дома.

В присутствии царских жен и советников, почтенных горожан Бхарата опять обратился к Раме, заклиная его вернуться в Айодхью и принять бразды правления государством. Все присоединились к просьбе Бхараты. Но Рама был тверд в своем решении следовать велению отца. «Слово царя должно быть нерушимо, — сказал Рама. — И сын обязан повиноваться велению отца после смерти его, как и при жизни. Отец наш обещал твоей матери, спасшей ему жизнь, исполнить два ее желания. И наш долг, долг сыновей его, — все сделать для того, чтобы обещание его было исполнено. Поэтому пусть царский балдахин осеняет твою голову; мою же осенит листва деревьев в дремучем лесу».

Ни братья, ни мудрый Васиштха, ни царицы, ни горожане, ни царские слуги не могли поколебать Раму просьбами своими. Тогда Бхарата сказал Сумантре: «Пойди принеси охапку травы куша и положи ее здесь, у дверей хижины». И когда колесничий повиновался его словам, Бхарата лег на траву и сказал: «Я останусь здесь, пока Рама не согласится принять власть над царством. Слушайте меня, советники и приближенные! Если он откажет мне, я и тогда останусь здесь и разделю с ним его изгнание. Я никогда не желал царства отца моего, царства, коего я не достоин. Пусть правит им тот, кому доверит его Рама».

Рама сказал: «Встань, о Бхарата, возлюбленный брат мой! Возвращайся в Айодхью. Ты достоин этого царства, о украшение рода Рагху! Вместе с мудрыми советниками и приближенными ты будешь править им справедливо и со славой. Не порицай свою мать; оказывай ей уважение, которое матери оказывать должно. И знай, что скорее красота покинет луну, Гималаи лишатся снегов и выйдет из своих берегов океан, нежели я отступлюсь от обещания, данного моему отцу и повелителю».

Видя непреклонную решимость Рамы, замолкли все, вторившие Бхарате. И Бхарата сказал тогда сыну Каушалы, тяжело вздыхая: «О благородный, сними с ног сандалии твои, украшенные золотом». И, взяв сандалии Рамы, он поклонился им и сказал: «Я беру их с собою в Айодхью; им я передаю царскую власть. Сам же я, облачившись в одежду отшельника, останусь за пределами города и, твой наместник, буду ждать твоего возвращения. Если же ты не вернешься через четырнадцать лет, я войду в огонь костра».

«Да будет так», — сказал Рама и обнял Бхарату и Шатругхну. И, простившись с Рамой, Бхарата, Шатругхна, царицы, свита их и войско, глубоко опечаленные, покинули Читракуту.

И, вернувшись в Айодхью, Бхарата не остался в ней. Он удалился в Нандиграму, селение, лежавшее к востоку от столицы, и, поместив сандалии брата под царским балдахином как залог возвращения изгнанного, правил страной именем Рамы.

Изгнанники покидают Читракуту

•

Спустя немного дней после ухода Бхараты стал замечать Рама, что странно переменялось поведение отшельников, живших под его защитой на Читракуте, вблизи его дома. Явно поселилась в них какая-то тревога; и он заметил, что при встрече с ним они переговариваются тихо и бросают на него вопрошающие взгляды. Тогда, видя по их лицам, что они пребывают в смущении и страхе, Рама обратился к старейшему из отшельников, сложив почтительно ладони. «О премудрый, — сказал он, — не нарушил ли я закона прежних государей в глазах этих святых людей, что привело в смятение их души? Или брат мой Лакшмана совершил что-либо его недостойное? Или жена моя Сита не оказала вам должного почтения, как то приличествует женщине?»

И ответил ему старец, дряхлый и согбенный, тряся головою: «Мог ли нарушить закон благочестивый и щедрый покровитель отшельников? Нет, сын мой, причина их тревоги другая. Это страх перед ракшасами угнетает их, об этом ведут они речи между собою. С тех пор как ты поселился у нас, ракшасы, ненавидящие тебя, не дают покоя нашей округе. Кхара, младший брат Раваны, и с ним другие дерзкие и кровожадные демоны-людоеды преследуют отшельников, являясь им в чудовищных и отвратительных личинах, наводящих ужас; они забрасывают святых отшельников нечистотами, во время жертвоприношений опрокидывают сосуды с жертвенной пищей и льют воду на священный огонь. Невидимками подкрадываются они к нашим хижинам и похищают жителей, мучают их и убивают. О Рагхава, мы не можем больше оставаться в лесах Читракуты, кишящих бесами; мы решили покинуть эту обитель! Неда-

леко отсюда есть цветущая лесная страна, изобилующая плодами и съедобными кореньями. Туда ухожу я со своим народом; уходи и ты с нами! Негоже тебе оставаться здесь в безлюдье, среди враждебных духов».

И вскоре отшельники ушли с Читракуты. Тогда Рама стал размышлять и решил, что не останется долее в этих местах. «Здесь виделся я последний раз с моею матерью, с Бхаратой и горожанами; память об их слезах и горе не покидает меня. К тому же слоны и кони благородного Бхараты истоптали все кругом, и местность уже не радует взора. Нам следует уйти отсюда». Так думал Рама, и он поведал о своем решении Лакшмане и дочери Видехи.

В тот же день они оставили склоны Читракуты и к вечеру достигли обители благочестивого Атри, который принял Раму как родного сына. Там провели они ночь, а наутро собрались продолжить путь. У отшельников, свершавших утренние обряды, Рама спросил, кто населяет леса, начинающиеся за оградой обители. И он узнал, что леса кругом полны хищных зверей и ракшасов, питающихся человеческим мясом; что нередко гибнут в лесу путники-отшельники, когда не соблюдают они должной осторожности или пренебрегут обрядами. Жители пустыни указали Раме тропу, проложенную отшельниками, и вместе с Ситой и Лакшманой он углубился в дремучий лес, подобно тому как скрывается солнце в непроглядных тучах.

книга третья

Л е с н а я

Изгнанники в лесу Дандака

В лесу Дандака на яркой поляне среди прозрачных водоемов, покрытых божественными цветами лотосов, Рама увидел хижины из травы и бересты. В них жили отшельники. Полы и стены хижин были покрыты оленьими шкурами, а по углам лежали связки хвороста, плоды, корни и стояли сосуды с водой. В каждой хижине был небольшой алтарь для разведения священного огня. Древние старцы, одетые в платье из коры деревьев и оленьи шкуры, нараспев читали молитвы и заклинания, и все вокруг было мирно и тихо.

Рама опустил свой лук и направился к отшельникам, которые с восторгом воззрились на пришельцев: на Раму, подобного луне, на Лакшману, стройного станом и отважного лицом, на Ситу, прекрасную, как Лакшми, богиня счастья. Святые старцы благословили их от чистого сердца, предложили им кров и все, чем были богаты сами. Громко восславили они Раму, своего покровителя и друга.

Рама отдохнул у радушных брахманов, а потом с Лакшманой и Ситой пошел в глубь леса, кишевшего дикими и хищными зверями. Сыро, темно и мрачно было там, и путь им преграждали деревья, опрокинутые свирепой бурей и могучим лесным зверем.

Вскоре в лесной чаще путники заметили людоеда, огромного, как горная вершина. Рык его был подобен грому, и видом он был ужасен: с одним глазом, с бездонным брюхом, с телом, измазанным кровью, с широко раскрытой пастью.

Когда людоед увидел Раму, Лакшману и Ситу, прекрасную дочь царя Митхилы, он пришел в ярость и кинулся на них так, как Разрушитель

Мира бросался на все живое в час гибели Вселенной. Воплем своим сотрясая землю, он схватил Ситу, посадил ее к себе на бедро и, отскочив в сторону, крикнул Рама и Лакшмане: «Эй вы, бродяги в берестяных одеждах! Эй вы, слабосильные людишки! Зачем вам, тощим подвижникам, оружие и женщина? Вы — скверные и похотливые нечестивцы! Вы позорите праведных отшельников! Я — грозный и свирепый ракшас, и зовут меня Вирадха. Лес Дандака принадлежит мне, и я брожу по нему и пожираю дичь и благочестивых отшельников. Эта неземная красавица не для вас, она станет моей женой, а тела ваши будут мне сегодня пищей».

Услышав эти речи Вирадхи, Сита затрепетала от страха, как трепещет дерево, сотрясаемое ветром. Рама взглянул на нежную Ситу, несомую на бедре кровожадным ракшасом, лицо его побледнело от горя, и он сказал Лакшмане: «О милый брат мой, посмотри на Ситу, мою верную и непорочную супругу. Прекрасная царевна, вскормленная в роскоши и неге, — на бедре у людоеда! О Лакшмана! Вот чего добивалась для нас жестокая Кайкейи! Этой корыстолюбивой царице, моей второй матери, не довольно было отнять у меня царство, ей хотелось еще и погубить нас в лесных дебрях.

О сын Сумитры! Ничто — ни холодность отца моего, ни потеря царства, ни жизнь в лесах — не может причинить мне больше горя, чем прикосновение чужого человека к Сите, моей супруге».

С глазами, полными слез, говорил Рама эти горестные слова своему верному брату, и Лакшмана загорелся гневом. Яростно, как слон, пришедший в неистовство, закричал он: «Почему же ты, повелитель Вселенной, предаешься печали, как будто ты всеми покинут, как будто нет меня рядом с тобой? Земля упьется кровью этого мерзкого пожирателя мяса, когда он падет бездыханным, лишенным жизни моей стрелою! Я обрушу на него весь гнев, накопившийся во мне с того дня, когда лиши тебя родины и власти».

Вирадха, услышав грозные речи Лакшманы, громко засмеялся: «Эй вы! Оставьте свои надежды и убирайтесь отсюда, пока целы. Всемогущий Брахма наградил меня великим даром — никто в мире не может причинить мне вреда оружием. Не берут меня ни мечи, ни стрелы, ни дротики, ни секиры».

Тогда Рама с лицом, пылавшим гневом, ответил людоеду: «Ты, видно, ищешь смерти, и ты найдешь ее сегодня в битве». Он натянул лук и всадил в ракшаса острую стрелу, а за ней еще семь стрел, украшенных павлиньими перьями, блеснувших в воздухе, как языки пламени.

Меткие стрелы Рамы пронзили тело Вирадхи и упали на землю, покрытые дымящейся кровью. Ракшас пришел в ярость от боли, посадил Ситу на землю и, высоко подняв дротик, метнул его в Раму.

Ливень стрел обрушили Рама и Лакшмана на людоеда, но он только смеялся, отшвыривая от себя стрелы руками. Тогда братья бросились на ракшаса с острыми мечами, подобными черным губительным змеям. И когда они приблизились к Вирадхе, он схватил их своими длинными руками и, посадив на плечи, понес их в глубину леса, сотрясая деревья и землю своим страшным криком.

Сита, увидев, что лесное чудовище уносит ее возлюбленного супруга и его благородного брата, горестно закричала, простирая руки к небу: «О Рама, сын Дашаратхи, сильный, чистый, правдивый! Тебя уносит злой ракшас, тебя и Лакшману! А меня растерзают медведи, тигры и пантеры! О ракшас, возьми лучше меня. Я склоняюсь перед тобою, только отпусти Раму и Лакшману!»

Когда Рама и Лакшмана услышали крик Ситы, их терпение истощилось, и для ракшаса наступил последний час. Лакшмана схватил Вирадху за левую руку, Рама — за правую, и в могучих ладонях братьев-царевичей руки ракшаса переломились, как сухие щепки. Огромный, как туча, он потерял сознание от боли и рухнул на землю, как холм, развалившийся под ударами молний. А Рама и Лакшмана бросились на людоеда и стали топтать его ногами. Они изрубили его секирами, сломали ему ноги, но страшный ракшас все еще оставался живым. Тогда Рама велел Лакшмане вырыть большую яму, чтобы заживо похоронить в ней жестокого пожирателя мяса. И тут Вирадха жалобно сказал старшему сыну Дашаратхи: «Я убит тобой, владыка, и сила твоя подобна силе самого Индры. Только мое неведение помешало мне признать тебя раньше. Теперь же я узнал тебя — ты великий Рама, достойный сын Каушалы. Я узнал и Лакшману, твоего брата, и прекрасную Ситу, твою преданную супругу. О благородный Рама, я — гандхарва. Но проклял меня когда-то бог богатства Кубера: я пытался соблазнить красавицу-апсару Рамбху. И стал я кровожадным ракшасом, но Кубера сжалился надо мной и сказал мне: „Когда Рама, сын Дашаратхи, сокрушит тебя в поединке, ты снова станешь небесным музыкантом и вернешься обратно на небо“. Спасибо тебе, великий Рама. Отныне я свободен от проклятия Куберы и вернусь в поднебесье. Закопайте меня в лесную яму и ступайте себе с миром. Недалеко отсюда есть обитель великого подвижника Шарабханги, идите к нему, он принесет вам благо». Сыновья Дашаратхи так

и сделали — закопали в землю лесного людоеда и, радостные, поспешили к Сите, чтобы обнять ее и утешить.

Затем Рама сказал Лакшмане и Сите: «В этом лесу оставаться опасно — он дик и мрачен и кишит ядовитыми гадами и дикими зверями. Нам неведомы здесь лесные тропы и дороги, и лучше нам уйти отсюда в обитель благочестивого Шарабханги». Лакшмана и Сита с ним согласились.

Когда все трое приблизились к обители Шарабханги, Рама вдруг заметил в небе невиданное чудо: необыкновенной красоты драгоценную колесницу, запряженную зелеными конями, в колеснице — великого Индру в нетленных одеждах в окружении небесных дев, красавиц апсар, держащих над ним золотые опахала. Вокруг колесницы Индры были другие небесные колесницы; в них сидели небожители и нежными головами пели гимны, прославляя повелителя небес.

Рама показал рукой Лакшмане и Сите на явившееся им чудо и сказал: «Вы подождите меня здесь, а я пойду к обители. Кажется мне, что сам Индра со своей свитой пожаловал к святому старцу». Рама устремился к хижине отшельника, но, когда подбежал он к обители Шарабханги, необыкновенное видение исчезло — Индра простился со старцем, как только увидел бегущего к хижине Раму, и сказал: «До тех пор пока доблестный Рама не сокрушит всех врагов обитателей небес, пока не одержит победу в этой борьбе, он не должен меня видеть».

Когда Рама и Лакшмана вместе с Ситой подошли к обители, они низко поклонились отшельнику и воздали ему подобающие почести. Шарабханга приветливо их встретил и ласково сказал: «Это Индра был у меня в гостях, благородный Рама. Он звал меня к себе на небо. Но я знал, что ты идешь ко мне с братом и супругой, и ожидал вашего прихода. Вы — дорогие для меня гости, и вместе с вами в мою бедную хижину пришла радость». И Рама ответил радушному Шарабханге: «Мы пришли к тебе, праведный отец, искать у тебя убежища в этом диком лесу». Тогда Шарабханга дал совет благородному Раме идти дальше к обители подвижника Сутикшны, а сам развел на алтаре огонь и бросился в него, чтобы последовать затем во владения Индры. Его дряхлое тело сгорело в священном огне жертвенного алтаря, и стал Шарабханга юным и прекрасным и взлетел в поднебесье, в царство Индры, повелителя молний.

Рама, Лакшмана и Сита остались одни в обители Шарабханги. Но вскоре явились к ним отшельники из окрестных хижин и обратились с мольбой к доблестному Раме: «О могучий стрелок из лука, ты прослав-

лен в этом мире своей силой и воинским искусством. Праведность и правдивость обрели в тебе свою обитель. Мы, отшельники, молим тебя: защити от ракшасов наши алтари, тела и души. Трусами праведных подвижников усеяли злые ракшасы лесные дороги, великие муки терпят живущие на берегах Пампы и Мандакини и обитающие в лесу Читракута. Мы припадаем к ногам твоим, владыка, и ищем у тебя от ракшасов защиты. Освободи же нас от бродящих в ночи пожирателей мяса, великий воин!»

Рама поднял с земли благочестивых старцев и сказал им: «Вам не нужно молить меня об этом: долг мой — быть вам защитой. Я живу в лесу не для своего только, но и для вашего блага — я буду охранять вас от всех напастей. И, сопровождаемый Лакшманой и Ситой, окруженный благочестивыми старцами, Рама направился к обители Сутикшны.

После долгого пути через леса и речные потоки Рама увидел украшенную цветами хижину Сутикшны. Сыновья Дашаратхи и Сита почтиительно поздоровались с подвижником, и Сутикшна приветливо сказал им: «Добро пожаловать, благородные царевицы. Я слышал, великий Рама, что коварством лишили тебя царства и изгнали из Айодхьи. Живите в моей хижине и будьте в ней хозяевами, не гостями, а меня давно уже зовет к себе Индра».

Рама поблагодарил Сутикшну за гостеприимство, и они провели в обители ночь, а наутро пошли по лесу Дандака дальше.

Десять лет прожил Рама с Ситой и Лакшманой в лесу Дандака, переходя из одной обители в другую, охраняя благочестивых отшельников от хищных зверей, ракшасов и ядовитых гадов. А на одиннадцатый год Рама вернулся в хижину Сутикшны и поведал ему о своем желании посетить обитель великого праведника Агастьи. Идти к нему от хижины Сутикшны было недолго — всего один день да еще день. Сутикшна указал дорогу Раме, и все трое отправились в путь. Агастья с радостью встретил великого Раму, его супругу и брата и подарил Раме драгоценное оружие бога Вишну — лук, меткие стрелы, сверкающие, как солнце; могучий меч в золотых ножнах, острую тяжелую секиру — и сказал: «Да будешь ты, доблестный Рама, непобедим в битвах с врагами».

Рама с благодарностью поклонился благочестивому и щедрому старцу и попросил: «Укажи мне, подвижник, такой край, где могли бы мы жить в мире и довольстве. Жить нам в лесах осталось еще четыре года, а мы очень утомились от многолетних странствий». — «Недалеко отсюда, — отвечал Агастья, — есть место, которое люди называют Панчавати. Там прекрасный лес, полный цветов, плодов и корней. Поблизости течет полноводная Годавари, а по берегам ее бродят олени и птицы». Он показал Раме дорогу в Панчавати, и Рама с Ситой и Лакшманой пошли туда искать себе кров.

Долго шли они по лесной дороге, и все время летел над ними огромный ястреб. «Кто ты?» — спросил его Рама, и ястреб приятным голосом ответил: «Я — друг твоего отца, и зовут меня Джатаю. Я буду помогать тебе, если ты этого захочешь, и охранять Ситу, когда ты будешь отлучаться».

Рама радостно обнял друга своего отца, могучего ястреба Джатаю, и с веселой душой продолжал свой путь в Панчавати.

Вскоре они пришли в указанное Агастьей место, и Рама сказал Лакшмане: «О Лакшмана, мы пришли в Панчавати. Ступай, милый брат мой, и выбери недалеко от воды красивое ровное место, с цветами, травами и тенистыми деревьями».

Лакшмана быстро нашел такое место на берегу Годавари, нарубил длинных жердей, набрал травы и листьев и соорудил красивую хижину с крепкой крышей и ровным полом. Потом Лакшмана умылся в реке, набрал в лесу плодов и корней и принес их в хижину. И Рама сказал ему: «Я доволен тобой, о Лакшмана. Ты хорошо потрудился, и здесь, воистину, прекрасно — светлая река, цветущий лес, разные плоды и корни, гуси, лебеди, утки, олени. Здесь мы будем жить с нашим могучим другом ястребом Джатаю подобно небожителям в небесных чертогах. Прими, Лакшмана, мои объятия как награду, ибо нет у меня здесь ничего больше».

Мирно прожили они в лесу Панчавати лето и осень, и вскоре наступило желанное зимнее время.

Однажды утром старший сын Дашаратхи пошел к прекрасной реке Годавари, чтобы омыть лицо и тело в ее водах. Смиранный сын Сумитры, благочестивый брат Рамы, пошел за ним следом и сказал: «О сладкоречивый брат мой, наступило время, которое всегда тобою было любимо. Земля полнится зерном, вода в реке свежее, и желанным становится огонь в жаровне. Люди собрали с полей зерно риса и очищаются от грехов, принося богам жертвы, поминая своих предков и празднуя приход нового года. Селения полны зерна, молока и масла. Покрыт снегом и далек от солнца Обладатель Снегов — Химапат. И солнце в полдень сейчас греет мягко, и не манят нас тень и речные воды; дни стали прохладными, а леса пустынные, и лотосы на холоде вянут. Темными и долгими стали ночи, лик луны покрыли туманы, и лунный свет уже не кажется приятным. И прекрасная Сита побледнела и не столь красива, как прежде. Неяркое солнце, покрытое туманом, стало подобно луне, и лик земли становится бледнее. И наш бедный брат Бхарата, честный, правдивый и могучий, истязает себя суровым покаянием, искупая грехи матери своей Кайкейи. Говорят, что люди следуют не за отцом, а за матерью своею, но о Бхарате этого не скажешь. Как же может Кайкейи, мать Бхараты, жена Дашаратхи, идти по дороге зла и неправды?»

Так сетовал добрый Лакшмана, идя следом за старшим братом, и Рама, не питавший зла к Кайкейи, сказал ему: «Не суди, брат мой, так

строго Кайкейи, она нам вторая мать. Лучше нам побеседовать о брате, о правителе царства Кошалы. И хотя не изменяет мне твердость духа, а все же я становлюсь сильнее, вспоминая любимого брата. Я вспоминаю его ласковые речи, берущие за сердце, и радость наполняет мою душу. Когда же встретимся мы с благородным Бхаратой и отважным Шатругхной?!»

Рама и Лакшмана, ведя такие речи, пришли к реке, умылись в ее водах и, чистые душой и телом, вернулись в свою обитель.

В то утро мимо хижины сыновей Дашарáтхи проходила ракшаси Шурпанакха, сестра злобного Раваны, повелителя всех ракшасов на земле. Она увидела благородного Раму, и неодолимая страсть охватила ее. И пожелала Шурпанакха стать его супругой. Кроважидная ракшаси была страшна и отвратительна, а юный Рама прекрасен, как серебрястый месяц в пору полнолуния; стан у сына Дашаратхи сложен и тонок, а у ракшаси Шурпанакхи — огромное прожорливое брюхо; на голове царевича Рамы вились красивые волосы, а у мерзкой Шурпанакхи — красная всклокоченная грива; голос у Рамы был певучий и благозвучный, а у ракшаси — пронзительный и скрипучий. Но великая любовь — полонила она Шурпанакху и лишила рассудка, когда увидела ракшаси Раму, прекрасного, как бог любви Кама, юного воина с львиной грудью, могучими руками, с большими продолговатыми, как лепестки лотоса, глазами.

Опьяненная любовью, Шурпанакха подошла к хижине и спросила Раму, благородного сына Дашаратхи: «О могучий муж, прекрасный и желанный, зачем ты здесь, в этом краю, где бродят в ночи беспощадные ракшасы, пожиратели мяса? Скажи мне, какие невзгоды привели тебя в эти пустынные леса?»

Участливые речи безобразной ракшаси не разгневали Раму, и он рассказал ей искренне и правдиво о том, как пришлось ему уйти из Айодхьи с женой и братом и много лет скитаться по лесам. А затем Рама спросил Шурпанакху: «Теперь, женщина, скажи нам правду: кто ты, из какого рода и зачем ты пришла к нам?»

Неодолимая похоть совсем замутила сознание Шурпанакхи, и она, не таясь, сказала Раме: «Я скажу тебе, Рама, всю правду. Я — ракшаси, и зовут меня Шурпанакха. Непобедимый Равана, наш владыка, — родной брат мой. Я могу принимать любое обличье, и всех ракшасов я превосхожу силой, даже многие братья мои меня боятся. Я брожу по лесам, наводя на людей ужас, и питаюсь человеческим мясом. Но я увидела тебя сегодня и полюбила как мужа. Так стань же отныне моим

супругом и взгляни на меня с любовью! На что тебе изможденная и уродливая Сита? Она совсем тебя не достойна. Я съем ее сегодня на ужин, а потом мы пойдем с тобой, как счастливые супруги, и обойдем все леса и горы земные».

Спокойно выслушал благородный Рама глупые и хвастливые слова Шурпанакхи, попавшейся в сети коварного Камы, и ответил ей, улыбаясь: «О благородная ракшаси, я женат уже, и Сита — моя любимая супруга. Разве ты с твоими великими достоинствами согласишься быть второй женой и во всем подчиняться Сите? Но вот перед тобой юный воин, мой брат Лакшмана. Он отважен, красив, обладает могучей силой и тоскует в лесу без супруги. Он сумеет по достоинству оценить твои благонравие и прелесть. Ты его проси стать твоим мужем, и с ним ты не будешь опасаться соперницы».

И так жаждала любви кровожадная Шурпанакха, что, когда Рама отказался стать ее супругом, она обратилась к Лакшмане и сказала: «Воистину, ты молод, красив, силен и достоин быть моим супругом. Со мною, Лакшмана, в этих дремучих лесах ты будешь счастлив».

Лакшмана с улыбкой ответил ракшаси, охваченной страстью: «Не к лицу тебе, красавица, становиться у слуги служанкой. Ведь я — всего лишь раб моего старшего брата. О прекраснеликая прелестная дева, тебе подобает быть царственной супругой. Отбрось страх, будь младшей женой благородного Рамы, и твоя любовь отвратит его от старой и уродливой Ситы. О чарующая Шурпанакха, ни один муж на свете не сможет сохранить любовь к простой смертной, будучи рядом с тобою!»

Так убеждал Лакшмана Шурпанакху, потерявшую голову от страсти, и ракшаси поверила всему до единого слова. И она сказала Раме: «Твой красивый брат сказал правду, но почему же ты все время смотришь не на меня, а на свою уродливую костлявую Ситу? Ну ладно, я на твоих глазах съем ее сегодня, освобожусь от соперницы, и мы будем с тобой счастливы».

С этими словами обезумевшая от любовного желания ракшаси бросилась на Ситу, но Рама удержал ее могучими руками и, загораясь гневом, сказал Лакшмане: «О сын Сумитры, что толку смеяться над этим глупым лесным чудовищем? Шурпанакха не может понять насмешку. Надо пожалеть Ситу, она почти не дышит от страха. Накажи, брат мой, это похотливое страшилище».

И тогда Лакшмана выхватил свой острый меч и отрубил ракшаси нос и уши. Кровь залила лицо Шурпанакхи; страшно крича от боли, она бросилась бежать в лес к своим братьям, чтобы найти у них утешение и защиту.

Победа над Кхарой

Шурпанакха прибежала к брату своему, свирепому Кхаре, пала в слезах на землю, рассказала ему все, что случилось с ней в хижине Рамы, Лакшманы и Ситы; рассказала, как надругались над нею — младший брат Рамы отрубил ей мечом нос и уши.

Свирепый Кхара пришел в ярость, когда увидел свою сестру Шурпанакху без ушей и носа. «Не плачь, сестра, — сказал ей Кхара, — встань с земли, утри слезы и объясни мне толком, кто они, эти Лакшмана и Рама? Ведь ты — могучая ракшаси, и никто не может сравниться с тобою силой! Я не знаю никого в целом свете, кто мог бы причинить тебе такую обиду».

Утирая кровавые слезы, Шурпанакха послушно поднялась с земли и сказала: «Они красивые, юные, нежные, сильные, и глаза их огромны и прекрасны, как лепестки белого лотоса. Платье у них из бересты и оленьей шкуры, и питаются они кореньями и плодами. Живут они в бедной хижине, как подвижники, и с ними женщина, прелестная, как Лакшми. И оба сына Дашаратхи, Лакшмана и Рама, величавы и царственны, как Индра. И я не знаю, брат мой, кто они, эти мужи, — небожители или смертные люди. Это ради нее, той красавицы — ненавистной мне Ситы, — они обошлись со мной так жестоко, как будто нет у меня ни имени, ни чести. Вся душа моя горит от злобы, и ничего не хочу я больше — только бы напиться мне крови Ситы».

Тогда Кхара крикнул своих братьев, кровожадных ракшасов, и сказал им: «В лесу Дандака, в бедной хижине живут два воина, одетые в оленьи шкуры, и с ними женщина, блистающая красотой. Эти воины

оскорбили сестру нашу, отрубили ей нос и уши. Вы ступайте немедленно в лес, отыщите обидчиков Шурпанакхи и доставьте их сюда живыми или мертвыми. Пусть сестра наша отомстит им за свою обиду и утолит свою жажду их теплой кровью».

В тот же день четырнадцать огромных и могучих ракшасов направились в Панчавати, повинуясь велению свирепого Кхары, и злобная Шурпанакха указывала им дорогу. К вечеру ракшасы добрались до хижины Рамы, Лакшманы и Ситы, и Шурпанакха показала им дочь Джанаки и сыновей Дашаратхи.

Братья-царевичи сидели в хижине у открытой двери и вели тихую беседу с Ситой. Вдруг Рама заметил притаившихся за деревьями ракшасов и сказал младшему брату: «О сын Сумитры, к нашей хижине подкрались ракшасы и замышляют недоброе. Побудь с Ситой и охраняй ее зорко, а я тем временем расправлюсь с ними».

Рама взял свой лук, украшенный золотом, вышел из хижины и сказал ракшасам, подосланным Кхарой: «Я — сын великого государя, имя мое Рама. Я живу здесь, в этой хижине, как подвижник, и со мною младший брат мой Лакшмана и супруга моя Сита. Я провожу в лесу все дни и ночи и охраняю благочестивых отшельников от лихой беды и от вас, кровожадных пожирателей мяса. Что надо вам в Панчавати? Зачем вы пришли сюда и притаились в зарослях, как хищные лесные звери? Эй вы, бродящие в ночи убийцы, стойте там, где вы стоите, и не смейте двигаться с места, если вам дорога еще ваша жизнь!»

Ракшасы слушали Раму молча, дыхание их от злобы прерывалось, и глаза от гнева покраснели; в руках они сжимали острые дротики. Но вот один из них, самый старший, дерзко ответил Раме, не знающему себе равных в битве: «Ты и брат твой надругались над нашей сестрой Шурпанакхой. Вы разгневали владыку нашего Кхару и умрете сегодня все трое: ты сам, и брат твой, и твоя жена. Что ты, слабый человек, можешь с нами сделать один? И хотя в руках твоих могучий лук, сегодня он не спасет тебя от гибели».

Сказав так, старший ракшас подал знак своим братьям — и четырнадцать дротики полетели в Раму, угрожая ему смертью. Но не помогли ракшасам их острые копыя: меткие стрелы Рамы сбили эти копыя на землю, и в тот же миг четырнадцать неотвратимых стрел, пущенных Рамой, пронзили кровожадных братьев Шурпанакхи. Ракшасы пали на землю, корчась, как змеи, брошенные в муравейники; ужасно кричали они, обливаясь кровью и в муках расставаясь с жизнью.

А Шурпанакха бросилась бежать к брату своему Кхаре, оглашая лес воплями и плачем.

Она прибежала к свирепому Кхаре, упала перед ним на землю, роняя злые слезы, и спросил ее изумленный Кхара: «Почему ты опять в слезах, сестра моя Шурпанакха? Где братья мои, преданные и могучие, непобедимые в битвах? Почему ты извиваешься на земле, как змея, и кричишь в голос, как женщины, потерявшие своих близких?»

И тогда Шурпанакха рассказала ему все: как погубили стрелы Рамы всех братьев Кхары, как охватил ее душу ужас перед Рамой, как устремилась она к брату своему Кхаре сквозь лесные дебри, чтобы найти у него убежище и защиту. «О брат мой, — кричала горестно Шурпанакха, — если жаль тебе сестру твою, если жаль тебе твоих братьев, убитых Рамой, если ты не боишься сразиться с Рамой, вырви с корнем ядовитую колючку, которая выросла в Панчавати! Если ты не покончишь сегодня с Рамой и его братом, если не отведаю я сегодня дымящейся крови Ситы, стыд и позор испепелят мою душу и я на твоих глазах наложу на себя руки!» И страшная ракшаси, охваченная дикой злобой, царапала себе лицо ногтями и била себя кулаками в огромное брюхо, испуская жуткие вопли.

Горестные слова, сказанные Шурпанакхой, жгли душу Кхары, не знающего пощады, как жжет соль открытые раны. Ярости и гневу его не было предела, и он сказал стенающей Шурпанакхе: «Не плачь, сестра, я отправлю Раму, Лакшману и Ситу в обитель Ямы, бога смерти, и ты напешься сегодня их дымящейся крови». Затем Кхара призвал к себе Душану, своего искусного полководца, и сказал ему: «Немедля приготовь к битве, победоносный Душана, четырнадцать тысяч ракшасов, преданных, отважных и свирепых, не ведающих страха в бою. Пусть будет готова к походу и моя боевая колесница — я сам поведу войско в Панчавати, чтобы покарать дерзких сыновей Дашаратхи».

Душана поспешил исполнить повеление Кхары, и вскоре огромное войско ракшасов, свирепых и могучих, было готово к походу в Панчавати. Кхара взошел на украшенную золотом колесницу, стоявшую впереди войска, с радостным сердцем оглядел своих победоносных воинов и, тронув с места колесницу, двинул свое войско в поход против двух сыновей Дашаратхи.

Когда грозное и кровожадное войско ракшасов приближалось к Панчавати, в небе появились предвестники несчастья. Большая черная туча повисла над войском Кхары и с громом низвергла на ракшасов потоки

крови; черный круг, окаймленный кровавой полосой, появился на небосводе рядом с солнцем, и страшный ястреб с огромным телом опустился на зная Кхары и уселся на золотое древко; пронзительно кричали хищные звери и птицы, кормящиеся мясом; пугающий душу мрак окутал землю, и завывали над нею злые ветры; падучие звезды проносились по огненным тропам, и, как океан в непогоду, волновалась земля, сотрясая леса и горы.

Но свирепая душа Кхары не ведала страха, и он обратился к своему войску, испуганному недобрыми знаменами, с хвастливой речью: «Братья, сила моя неизмерима, и мощь моя известна всему миру. Мои стрелы могут достать звезды с неба, и не страшны мне мрачные предзнаменования природы. Самое Смерть я могу отправить в царство Ямы! Ничто не заставит меня повернуть обратно! Мы убьем сегодня гордого Раму, убьем его прекрасную супругу, дерзкого брата, и сестра моя Шурпанакха утолит свою жажду их кровью. Никогда в жизни не знал я поражения в битвах, в гневе могу я убить самого небесного владыку. Братья! Вы знаете, что я говорю вам истинную правду, и не к лицу вам, ракшасам, наводящим ужас на все живое, бояться разгневанной природы!» И, ободлив испуганное войско, Кхара повел его дальше, навстречу битве.

А над Панчавати уже собрались боги, гандхарвы и апсары, благочестивые подвижники, прославленные мудростью и силой духа, и все они хотели посмотреть на битву великого Рамы с кровожадными ракшасами Кхары. Они взирали на Панчавати с небес и желали Раме победы над войском Кхары.

Когда жуткий мрак окутал землю и она заколебалась под ногами, Рама понял, что ракшасы идут войной на Панчавати, и стал готовиться к битве с ними. Он велел Лакшмане надежнее вооружиться, укрыть Ситу в потаенной горной пещере и стеречь ее там от напастей, пока он, Рама, будет биться с войском Кхары. «Я хочу их сам, один, уничтожить», — сказал Рама своему брату, и Лакшмана не стал ему перечить.

Рама надел на себя кольчугу, взял в руки могучий лук и меткие стрелы, ступил из хижины в ночную мглу, и, как языки пламени, сверкнули во мраке его золотые доспехи.

Войско ракшасов быстро приближалось к хижине Рамы, и грохот боевых колесниц Кхары гулко разносился по окутанному тьмой лесу. Небожители, взиравшие на землю с небес, в тревоге спрашивали друг друга, сможет ли сын Дашаратхи один победить огромное войско безжалостных пожирателей мяса.

Вскоре войско ракшасов совсем близко подошло к Панчавати, и Кхара увидел, что около бедной хижины из жердей и листьев стоит с луком в руках одинокий воин. Тогда Кхара крикнул своему возничему: «Гони!» — и тот направил колесницу прямо на доблестного сына Дашаратхи. Кхара во весь рост стоял на стремительно мчащейся колеснице, и его огромное тело, облаченное в сверкающие доспехи, было подобно огненному светилу на звездном небосклоне.

Ракшасы страшными криками сотрясали зѐмлю, тысячи стрел и дротиков полетели в сына Дашаратхи. С пронзительным свистом рассекали воздух сверкающие диски, острые копья и тяжелые булавы — это ракшасы на бегу метали их в Раму.

Колесницы и всадники, пешие воины — все огромное войско ракшасов с воем, леденящим душу, устремилось к юному царевичу, сыну Каушалы, угрожая ему смертью. Воины, сидевшие на спинах боевых слонов, обрушили на Раму ливни стрел и дротиков. Но как течение реки не колеблет гладь морскую, так и могучий Рама грудью встретил страшное войско Кхары и ни на миг не сдвинулся с места. И как могучая горная вершина не испытывает боли от ударов молний, так и Раму не тревожили стрелы и дротики, ранившие его тело. В доспехах, обгаренных кровью, он был подобен солнцу, прикрытому вечерними облаками.

Нападение ракшасов разгневало сына Дашаратхи, в кольцо изогнул он свой могучий лук и спустил с тетивы его сотни и тысячи неотразимых стрел. Насмерть поражали они воинов Кхары. Страшную и нестерпимую боль несли ракшасам эти стрелы, и были они подобны тем роковым силкам, которые расставляет людям сама неотвратимая Смерть. Стрелы Рамы в щепы разбивали боевые луки ракшасов, отсекали воинам Кхары руки, раскалывали крепкие доспехи, крушили колесницы, и падали под их ударами воины, слоны и кони. Страх и ужас сеяли они повсюду и обращали в бегство кровожадных ракшасов Кхары. Один за другим отходили в царство Ямы боевые слоны, кони и воины Кхары, и редеть стало его войско, не знавшее доселе поражений. И стало войско свирепого брата Шурпанакхи подобно объятому пламенем лесу, спастись из которого невозможно.

Дрогнули тогда воины Кхары и, забыв стыд, побежали с поля битвы. Но остановил их громовым кличем храбрый полководец Кхары Душана. Он потрясал над головой боевым луком и, восклицая: «Победа! Победа!» — устремил свою колесницу навстречу Раме. И был он грозен, как Разрушитель Вселенной. Ракшасы, ободренные его отвагой, вслед за

ним кинулись к Раме, и вновь разгоралась страшная и кровавая битва. Тысячами слетали в единый миг стрелы с тетивы божественного лука Рамы и несли смерть и уничтожение войску Кхары. Ракшасы даже не успевали заметить, как доставал великий Рама из колчана стрелы, как прилаживал их к тетиве своего лука, они только видели перед смертью Раму, стоявшего у своей хижины с изогнутым в кольцо огромным луком. Тучи стрел сына Дашаратхи закрыли небо, черной пеленой нависли они над полем битвы. Трупы убитых ракшасов, слонов и лошадей, брошенное оружие и разбитые колесницы устилали землю, и кровь потоком заливала ее.

Все свое войско потерял в кровавой битве Душана, не знавший никогда поражений. Ярость и отчаяние охватили его, и он направил свою колесницу прямо на Раму, сына Дашаратхи. Но неотвратимые стрелы настигли его быстрых коней и свалили их на землю. Следом за лошадьми пал замертво и колесничий, и сам Душана не сумел уклониться от метких стрел сына Дашаратхи. Тогда Душана бросился к Раме, держа над головой тяжелую палицу, окованную железом, и ударом палицы хотел сокрушить насмерть сына Дашаратхи. Меткими стрелами встретил Рама нападение Душаны и отсек полководцу Кхары его длинные руки. Тяжелая палица, окованная железом, упала на землю, а вслед за ней рухнул на землю и сам Душана, в тяжких муках расставаясь с жизнью.

Все воины Душаны пали мертвыми на этом кровавом поле, и не было предела ярости и скорби Кхары, когда узнал он о гибели своего полководца. Кхара собрал оставшихся в живых ракшасов, пришедших с ним в Панчавати, и повел их снова на бой с сыном Дашаратхи.

Но не знал усталости могучий и доблестный Рама. Тучи стрел, острых и метких, встретили воинов Кхары, и новые сотни и тысячи трупов устлали поле жестокой битвы. Вскоре все четырнадцать тысяч ракшасов уснули последним сном на залитом кровью поле битвы. Вся земля в окрестностях Панчавати пропиталась черной кровью ракшасов Кхары, и это побоище, невиданное в мире, совершенно было всего лишь одним человеком.

Только сам Кхара и трехглавый ракшас Тришира еще продолжали сражаться с Рамой. С яростным криком кинулся Тришира на сына Дашаратхи, стрелы его впились в светлое чело непобедимого Рамы и окрасили его лицо кровью. И тогда разгневанный Рама сказал Тришире с насмешкой: «А, храбрый ракшас, ты ранил меня стрелами в лоб, и удар твоих стрел был подобен прикосновению цветов. Теперь я угощу тебя

стрелами моего лука». И четырнадцать смертоносных стрел Рамы пронзили грудь трехглавого ракшаса. Четырьмя другими стрелами Рама свалил наземь четырех коней, запряженных в колесницу Триширы, следом за лошадьми пал возничий, а затем и сам Тришира метким выстрелом Рамы был сброшен с колесницы, и покатались по земле в разные стороны три головы убитого ракшаса.

Страх объял душу свирепого Кхары, когда пал мертвым его последний воин — трехглавый ракшас Тришира. В отчаянии Кхара схватил лук и бросился в последний бой с Рамой; с ловкостью уклоняясь от ударов, погнался он колесницу прямо на сына Дашаратхи. Ливень стрел обрушил Кхара на доблестного Раму, и, воспрянув духом, самонадеянный ракшас снова поверил, что одолеет он сегодня сына Дашаратхи, загубившего все его войско.

Как лев перед прыжком, недвижимо стоял на месте могучий Рама, ожидая последнего нападения Кхары. И как бабочка бездумно летит на огонь, так и Кхара, отбросив осторожность, кинулся к сыну Дашаратхи. Его стрелы разбились в щепы грозный лук доблестного Рамы, и стали подобны солнцу, упавшему на землю, золотые доспехи Рамы, расколотые на куски стрелами Кхары. Острые стрелы ракшаса впивались в могучее тело сына Дашаратхи, и стоял он на поле битвы, как столб пламени, пылающего без дыма.

Тогда Рама, стремясь поскорее закончить битву, взял в руки божественный лук Вишну, Хранителя Мира, и поток смертоносных стрел обрушился на Кхару. Забились в предсмертных корчах быстрые кони Кхары, на куски развалилась колесница, мертвым свалился на землю возничий, а сам Кхара, раненный стрелами Рамы, был весь залит кровью. Лишенный колесницы, Кхара вооружился тяжелой булавой и бросился с нею на сына Дашаратхи.

Меткими стрелами Рама выбил у него из рук булаву и сказал с насмешкой: «Ты умрешь сегодня, хвастливый ракшас, и земля насытится твоею кровью. Пораженный насмерть, ты уснешь навсегда в крепких объятиях земли и, как неприступная красавица, никогда не отзовешься на оклик. Все ракшасы в страхе убегут отсюда, слезами и стенаниями поминая погибших братьев, и обитатели лесов будут жить наконец спокойно. И возрыдают в печали твои любимые жены, и не знать им отныне ни радости, ни счастья».

Насмешливые слова Рамы разъярили свирепого Кхару. Он с корнем вырвал из земли огромное дерево и бросился на Раму со страшным кри-

ком: «Ты погиб, ненавистный Рама!» — но поток неотвратимых стрел сына Дашаратхи на половине пути остановил Кхару. Пронзенный стрелами Рамы, он зашатался, кровь брызнула из его ран, и Кхара упал на землю — жизнь навсегда покинула его тело.

Великие боги и мудрые брахманы, с волнением взиравшие на битву доблестного сына Дашаратхи с кровожадным Кхарой, изумились чудесному подвигу могучего Рамы и громкими радостными кликами восславили его победу над злобными и нечестивыми ракшасами. Рассеялась тьма, окутавшая землю, ярко заблестало на небосклоне солнце, весело защебетали птицы, робкие лесные лани без опаски стали щипать пахучие травы, и цветы, падавшие с неба, усеяли землю. Сита и Лакшмана вышли из горной пещеры, подошли к могучему Раме, и Сита с гордостью и любовью обняла своего победоносного супруга.

Гнев Раваны и появление золотого оленя

Все войны Кхары погибли в битве у Панчавати, только одному ракшасу, по имени Акампана, удалось живым уйти с поля боя. В великом страхе бежал он от губительных стрел сына Дашаратхи на Ланку, под защиту Раваны, его владыки. Акампана поведал грозному повелителю ракшасов о гибели Кхары и его могучего войска, и рассказ его привел Равану в ярость. «Кто же он, этот воин? — вскричал Равана в великом гневе. — Кто сумел так побить мое войско? Да причини мне такую обиду сам Индра, не видать ему радости вовеки! В ярости я могу испепелить самого Агни! Самого Яму я могу уничтожить! Ветры замирают при встрече со мною!» Так кричал разгневанный повелитель Ланки, и Акампана не мог вымолвить ни слова от страха.

Когда утих гнев грозного владыки ракшасов, Акампана осмелел немного и рассказал Раване, что войско Кхары погубил юный сын Дашаратхи, по имени Рама, могучий, как лев, и победоносный, как Разрушитель Мира. И тогда Равана сказал Акампане: «Я пойду в Панчавати и убью сына Дашаратхи». Но Акампана пал на колени перед своим государем и стал просить Равану не искать битвы с Рамой. «Ни один воин в мире, ни земной, ни небесный, не может одолеть в бою Раму, — говорил Акампана своему владыке. — Не берут сына Дашаратхи ни копья, ни стрелы, ни тяжелые палицы, ни острые секиры. А стрелы его не знают промаха и несут с собой неминуемую гибель. Стрелы Рамы способны повернуть вспять реки и остановить злые ветры. В битве Раму никто погубить не может, только разлука с Ситой, его любимой супругой, может лишить его жизни. Если Ситу похитить хитростью у Рамы, он без нее жить не сможет».

Так уговаривал мудрый ракшас своего государя не вступать в единоборство с Рамой, и Равана сказал тогда Акампане: «Я отправлюсь один в Панчавати, и будет со мной только мой искусный возничий. Сегодня же утром я вернусь на Ланку вместе с Ситой».

Повелитель Ланки взошел на золотую колесницу, взлетел на ней в поднебесье и вскоре опустился в глухом лесу у хижины ракшаса Маричи, некогда раненного Рамой в обители Вишвамитры. И Марича спросил своего господина: «Все ли спокойно в мире, великий царь? Не случилось ли в нашем государстве несчастья? Ведь не стал бы ты один без причины так спешить в лесную обитель?»

И тогда Равана рассказал Мариче, что в битве с Рамой погиб свирепый и верный ракшас Кхара и с ним вместе погибло огромное многотысячное войско. И Равана попросил Маричу помочь ему похитить Ситу, чтобы лишить победоносного Раму жизни. Речь повелителя Ланки повергла Маричу в ужас: сын Тараки хорошо помнил, сколь могуч и грозен был в обители Вишвамитры сын Дашаратхи. И Марича сказал тогда своему государю: «Только злейший враг, прикинувшийся другом, мог внушить тебе, великий царь, такую мысль. Только тот, кто жаждет погубить царство ракшасов, мог посоветовать тебе эту опасную затею. Вступать в смертельную войну с великим Рамой — все равно что голыми руками рвать ядовитые зубы у змея. В битве сын Дашаратхи все сметает на своем пути, как слон, объятый неистовой страстью. Не следует тебе дразнить льва, который может погубить все наше царство, не следует тебе, государь, погружаться в эту страшную пучину; крокодилы в ней — это смертоносный лук грозного Рамы, губительные волны — неотвратимые стрелы сына Дашаратхи. Будь, великий царь, благоразумен, возвращайся к себе на Ланку, пусть тебя развлекают твои жены, а прекрасную Ситу оставь ее грозному супругу».

Так говорил Марича своему владыке, и упросил вернуться обратно на Ланку.

Могучий Равана сидел на высоком золотом троне перед своим дворцом на Ланке, когда прибежала к нему терзаемая ненавистью и горем Шурпанакха, и окружали его мудрые и лстивые советники. Никто не мог одолеть повелителя ракшасов — ни боги, ни гандхарвы, ни брахманы, и страшен он был, как Разрушитель Вселенной. Тело его было покрыто шрамами от ударов, полученных в битвах, и на плечах его были пышные одежды. Двадцать могучих рук и десять хитрых голов было у владыки Ланки, и украшали его драгоценные браслеты, серьги и ожерелья.

Осквернитель алтарей и хулитель благочестия, сеятель зла и ужаса — таков был грозный Равана, и у него стала искать защиты злобная и мстительная Шурпанакха.

Мысли о гибели Кхары и его войска, о победе Рамы и благополучии Ситы не давали ужасной ракшаси покоя. Она подошла к золотому трону своего великого брата и обратилась к нему с бранной речью: «Ты сидишь здесь, в своей мирной столице, государь, хмельной от наслаждений, и не видишь, что надвигается на наше царство грозная опасность. Подданные утратят уважение к такому государю, который, кроме чувственных утех, ничего знать не хочет. О Равана, ты глуп и беспечен, как ребенок! Твои лазутчики погрязли в безделье, ты не знаешь, что происходит в мире, и не сумеешь предотвратить опасность, грозящую гибелью нашему царству. Как ты можешь править государством, если неведомо тебе, что творится вокруг Ланки? Разве тебе неизвестно, что случилось в Панчавати с войском Кхары? Или это тебе безразлично? Там лежат четырнадцать тысяч могучих воинов, все до единого погубленные Рамой, и среди них доблестные Кхара и Душана! Тех царей, которые не пекутся о безопасности своего государства, подданные прогоняют с престола, истинный государь даже спит с открытыми глазами, всегда готовый к защите своего народа».

Дерзкие речи Шурпанакхи не разгневали, но повергли в задумчивость повелителя Ланки, и он попросил сестру свою рассказать о Раме все, что она о нем знает. Тогда Шурпанакха поведала своему державному брату, что могучий Рама — сын Дашаратхи, что он молод, красив и лук его не знает промаха в битве. Ракшаси рассказала государю Ланки, как в единый миг уничтожил Рама огромное войско Кхары и никого не звал себе на помощь; она рассказала Раване, как Рама отпустил ее живою, не желая лишить женщину жизни, но велел Лакшмане, своему могучему и преданному брату, отрезать ей за грубые речи нос и уши. Ракшаси сказала своему великому брату, что живет в лесу с Рамой его супруга, не знающая по красоте себе равных. «Зовут эту женщину Сита, — говорила Раване Шурпанакха, — и она достойна быть тебе женою. Тот, кто будет иметь Ситу супругой, тот, кого будет обнимать она жарко, проживет в мире дольше, чем сам небесный владыка. Только ты, великий брат мой, достоин владеть красавицей Ситой. Стрелы Камы поразят тебя навечно, лишь только раз ты на нее помотришь. И если ты, повелитель Ланки, желаешь стать супругом Ситы, то отправляйся в путь и не медли».

Равана молча выслушал Шурпанакху и не сказал ей ни слова. Затем он отправился в свои конюшни и велел возничему готовить в путь золотую колесницу. Слуги облачили Равану в крепкие воинские доспехи, поверх кольчуги набросили богатые одежды, и, готовый к великой битве, грозный владыка ракшасов взошел на свою чудесную колесницу. Дивные кони вознесли колесницу в поднебесье, и взору повелителя Ланки открылась вся земля с реками, лесами и горами.

Вскоре показалась бедная хижина ракшаса Маричи, и колесница опустилась перед нею.

Марича почтительно встретил своего государя и спросил, все ли ладно на Ланке и почему так скоро вернулся к нему повелитель.

В ответ Равана обратился к нему с такими словами: «О Марича, брат мой, я охвачен печалью и в тоске моей ищущ у тебя утешения. Я поведаю тебе, Марича, о своем несчастье.

В лесу Джанастхана жили мои подданные и братья — Кхара, Душана и Тришира. Там жила сестра моя Шурпанакха и четырнадцать тысяч могучих и свирепых ракшасов, неистовых в битве. Они жили там по моему приказу и отбирали у брахманов приносимые богам жертвы. И вот они встретились в лесу с Рамой, старшим сыном Дашаратхи. И Рама, охваченный гневом, своими огненными стрелами погубил мое войско, брата моего Кхару, отважного Душану, искусного полководца, и грозного Триширу, не знавшего поражений. А Лакшмана, юный брат Рамы, оскорбил сестру мою Шурпанакху, отрезав у нее нос и уши. Так сын Дашаратхи, будучи всего лишь человеком, избавил лесных обитателей от страха и погубил мое отборное войско. Рама глуп, жесток и лишен достоинств, душа его и тело погрязли в пороках, и он заслуживает самой лютой казни. Недаром старый Дашаратха изгнал его из своего царства.

Я решил отобрать у него супругу, прекрасную Ситу, и мне нужна твоя помощь. Ты, Марича, неукротим в битве и можешь по своему желанию принимать любое обличье. Обратись, Марича, в золотого оленя и пойди к хижине Рамы. Там увидит тебя красавица Сита, ей полюбитсся чудный зверь с золотой шкурой, и попросит она Раму поймать его. И когда братья-царевичи, сыновья Дашаратхи, пойдут ловить чудесного оленя, я схвачу Ситу, унесу ее на Ланку, и не будет для Рамы беды ужасней, чем эта».

Когда Марича услышал слова повелителя Ланки, душа его затрепетала от страха, и он сказал коварному Раване, почтительно сложив ладони перед лицом: «О царь! Редко встречаются храбрые люди, которые не боятся говорить государям правду. Лстецов, угождающих властелинам,

всегда бывает гораздо больше. Я же предан тебе, государь, без корысти и скажу тебе сейчас истинную правду, хотя она и будет тебе неприятна.

Ты, о великий Равана, не посылал лазутчиков в Панчавати и потому не знаешь, как опасно гневать сына Дашаратхи. И сказал ты о нем неправду — Рама добродетелен и благочестив, как подвижник, и всемогущ, как Индра, Повелитель Молний. Велик разум сына Дашаратхи, и стоек он в исполнении обетов. Его душа и тело не знают людских пороков, и не ведает греховных помыслов его разум. Берегись, Равана, причинить горе сыну Дашаратхи — ты погубишь и себя, и царство, и все ракшасово племя. Царь греховный и капризный, не взвешивающий на весах разума своих поступков, и себя и народ свой доводит до несчастья. Великий грех ты совершаешь, государь, когда говоришь о Раме дурное, и еще больше ты будешь грешен, если похитишь Ситу у сына Дашаратхи. Мощь доблестного Рамы безгранична, и час твоей битвы с Рамой будет последним твоим часом. Да не коснется твоя рука, государь, прекрасной Ситы! Ведь она супруга великого воина, и он дорожит ею больше, чем жизнью. Рама добровольно ушел в леса и живет как бедный отшельник, чтобы помочь своему отцу не нарушать данного им когда-то слова. Сита последовала в лес за любимым супругом, и Рама с ней ни на миг не расстанется. Сохранить жизнь, счастье и царство — нелегкое дело, и потому тебе надлежит все хорошо обдумать, прежде чем ты решишь причинить великому Раме такую обиду.

Послушай, великий государь, я расскажу тебе о том, что случилось со мною когда-то, и мой рассказ будет тебе полезен. Еще недавно я скитался по лесам, питаюсь мясом и кровью и наводя на людей ужас. Тело мое было огромно, и силен я был, как тысяча могучих змеев. В руках я держал тяжелую палицу, окованную железом, в ушах моих висели золотые серьги, и тело мое было голубое, как облако на ярком солнечном небе. Днем и ночью я бродил по лесу Дандака, пожирал благочестивых отшельников и съедал приносимые богам жертвы. И тогда великий подвижник Вишвамित्रа пошел к царю Кошалы Дашаратхе и упросил его отпустить в лес юного Раму охранять жертвенный алтарь от бродящих в ночи пожирателей мяса. Царь долго не соглашался, предлагал Вишвамитре большое войско, но твердо стоял на своем подвижник, и пришлось Дашаратхе отпустить с ним в лес юного Раму. И вот сын Дашаратхи стал по ночам охранять алтарь Вишвамитры. Он был еще очень молод, и лицо его было чисто, на щеках его еще не вырос ни один волос. На шее у него висело золотое ожерелье, голова была покрыта золотым шлемом, и в

руках он держал тяжелый лук и острые стрелы. И красота его сияла в темноте ночи, как молодая луна на звездном небосклоне.

Я был неразумен и весел и непомерно горд своей силой. Огромный, как туча, я вступил в обитель Вишвамитры и беспечно прошел к алтарю мимо сына Дашаратхи, как проходит могучий лев мимо котенка. И когда я занес руку на приготовленные богам жертвы, Рама нанес мне удар в грудь с такой силой, что в единый миг я пролетел над землей сто йоджан и упал в океан с помутившимся от боли рассудком. Но удар оказался не смертельным — видно, Рама не хотел лишать меня жизни. Когда же я очнулся, то ушел из леса Дандака подальше.

Но послушай, великий государь, что случилось потом со мною. Злобный дух мой не унялся от неудачи, душа моя и моя ненасытная утроба тосковали по людскому мясу, и решил я пойти в лес Дандака снова. Я принял другое обличье, и страшный лик мой наводил ужас на все живое. Из моей разверстой пасти торчали огромные зубы и полыхало пламя, а острые рога упирались в небо. Два быстрых оленя бежали по лесу рядом со мною — то были свирепые ракшасы, мои товарищи по охоте. Мы бродили по ночному лесу, пожирали благочестивых отшельников и мешали им совершать жертвенные обряды. Вскоре я совсем одичал от человеческой крови и столь ужасен стал видом, что даже хищные звери стали меня бояться.

И однажды я встретил в лесу Раму, Лакшману и Ситу. Страшный гнев овладел мною, когда я увидел сына Дашаратхи. Жажда мести затуманила мне рассудок, и, обратившись в могучего оленя, я кинулся к Раме, стремясь пронзить его острыми рогами. Тогда сын Дашаратхи натянул свой огромный лук и пустил в меня и моих товарищей три острые стрелы. Спутники мои погибли, а мне и на этот раз посчастливилось избежать смерти. И тогда я поклялся оставить ночную охоту, не есть больше человеческого мяса и предался покаянию, как подвижник. С тех пор только вода, плоды и корни служат мне пищей, а молитвы укрепляют мою душу. Но ни на минуту не покидает меня великий страх перед Рамой. В каждом кусте, в каждом дереве мне чудится грозный сын Дашаратхи, и кажется мне, что он повсюду, как Смерть с неотвратимой петлей в руках. Даже во сне я вижу Раму и так боюсь его, что все слова, которые начинаются на „ра“, внушают мне смертельный ужас.

И я предостерегаю тебя, великий государь. Нет большего греха на земле, чем похищение жены, которая принадлежит другому. В твоём дворце тысяча прекрасных женщин, и пусть развлекают тебя твои собственные

жены. Не покушайся на супругу Рамы, если хочешь сохранить наше племя, свой царственный род и все наше государство. Я — твой друг и вновь умоляю тебя не причинять вреда Раме. Если ты не последуешь моему совету, то неминуемо погибнешь; я же не пойду с тобой, государь, против всемогущего сына Дашаратхи».

Но как человек, который, не желая звать к себе врача, приближает свою кончину, так и Равана не прислушался к советам мудрого Маричи. Выслушав его правдивую речь, повелитель раکشасов сказал: «Твои слова, трусливый Марича, не принесут плодов, как семена, брошенные в пустыне. Ничтожный Рама — всего лишь слабый человек, погрязший в пороках, и не страшны мне его лук и стрелы. Решение мое твердо — я отберу у него прекрасную Ситу. И даже Индра, Повелитель Молний, с его небесным войском не заставил бы меня отступить. А тебе, моему подданному, не подобает так непочтительно говорить со своим государем. С царем следует беседовать смиренно и говорить ему лишь то, что ласкает его слух. Только восхваления выслушивает повелитель без гнева. Ты, Марича, запутался в сетях заблуждений и совсем разучился почтительно держать себя с государем. Я не нуждаюсь, раб, в твоих советах, я сам знаю, что должно делать великому владыке Ланки. Мне нужны не советы, а помощь. Запомни, Марича, хорошенько, что надлежит тебе сделать. Ты отправишься со мной к хижине Рамы и обратишься в золотого оленя с серебряными пятнами. На поляне перед хижинкой сына Дашаратхи ты станешь играть на траве и прыгать. Там тебя увидит прекрасная Сита и попросит Раму поймать для нее золотого оленя. Сын Дашаратхи погонится за тобой, а ты заманивай его в лес все дальше и дальше, а потом громко крикни голосом Рамы: „О Сита! О Лакшмана!“ Сита пошлет Лакшману на помощь Раме, а я схвачу ее без всякой опаски и унесу на Ланку. Тогда ты ступай своей дорогой и делай что хочешь. Если ты исполнишь мое повеление, пожалую тебе половину царства, а не захочешь мне подчиниться, я убью тебя, не сходя с этого места. Ты боишься потерять жизнь, приблизившись к сыну Дашаратхи, но погибнешь здесь, вдали от Рамы, если откажешься выполнять мою волю. Выбирай же, робкий и болтливый Марича, что для тебя будет лучше».

Марича знал, что свирепый повелитель Ланки без жалости исполнит свою угрозу, и смирился. Он сказал своему государю: «Мои советы, великий царь, тебе пришлось не по вкусу, и я подчиняюсь твоей воле. Я знаю, что живым не вернусь из Панчавати, но и ты проживешь недолго, похитив супругу сына Дашаратхи».

Равана, довольный, ласково обнял Маричу и сказал: «Ты порадовал меня, брат мой, своим согласием. Теперь ты снова стал ракшасом, доблестным и отважным. Взойди же скорей на мою колесницу, она мигом перенесет нас в Панчавати».

Чудесные кони Раваны подняли золотую колесницу в поднебесье и понесли ее над горами и лесами, над царствами и городами, над реками и озерами — в Панчавати. Вскоре колесница повелителя Ланки уже летела над лесом Дандака. Вот она незаметно опустилась на землю недалеко от хижины сына Дашаратхи. Ракшасы сошли с колесницы, спрятались в кустах, и Равана сказал Мариче: «Ступай и делай то, что я тебе велел».

Великий страх перед Рамой охватил душу Маричи, но он безропотно повиновался государю Ланки. Обернувшись золотым оленем, выпрыгнул Марича на поляну перед хижинкой Рамы, Лакшманы и Ситы. Он обежал вокруг хижины сына Дашаратхи, а потом принялся резво прыгать и скакать на поляне. Он то вдруг замирал на месте, изогнув длинную шею, то начинал весело бегать по поляне, то падал на спину и перекатывался по траве с боку на бок. Побегав и поиграв на поляне, Марича вдруг исчезал в лесу и не показывался долго, а потом снова выскакивал на поляну и весело прыгал по ней у дверей хижины сыновей Дашаратхи.

И случилось так, что Сита вышла из хижины собирать цветы и плоды манго и увидела золотого оленя с серебряными пятнами на шкуре. Прекрасный олень подбежал к ней и стал весело играть с ней и лизать теплым языком ее руки. Широко раскрыла Сита от удивления свои подобные лотосам глаза — никогда раньше не видела дочь Джанаки такого чуда. Золотом и серебром блистала шкура дивного оленя, на кончиках его рогов сверкали драгоценные камни; мордочка его была как красный лотос; как сапфир голубело его брюшко, и ярким огнем горел на голове его драгоценный венец.

Восхищенная красотой золотого оленя, Сита стала звать сыновей Дашаратхи: «О Рама! О Лакшмана! Идите сюда скорей, поглядите на чудесного оленя!» И когда сыновья Дашаратхи вышли из хижины и увидели оленя, Лакшмана сказал Раме со страхом: «Мне кажется, брат мой, что это ракшас Марича прикинулся золотым оленем. Этот кровавый пожиратель мяса и раньше оборачивался оленем и убивал царей, приезжавших в лес на охоту. Этот олень необычен своей красотой и драгоценным убранством. Таких оленей не рожают в лесу дикие лани. О мудрый брат мой, это, наверное, Марича, злобный и коварный оборотень».

С улыбкой на устах слушала Лакшману Сита; и сказала она своему благородному супругу: «О великий Рама! О доблестный сын Дашаратхи! Поймай для меня чудесного оленя. Я никогда еще не видела такого красивого и ласкового зверя. Поймай его мне, и он будет играть со мной на лесной поляне. Золотой олень пленил мое сердце, и, когда мы вернемся в Айодхью, он будет украшать древний дворец государей Кошалы. О Рама, любимый супруг мой, если ты не сможешь поймать живым прекрасного оленя, то пусть его чудесная шкура радует нас в нашем лесном жилище».

С восхищением взирал доблестный Рама на дивного оленя, и радость Ситы тронула его. И он сказал младшему брату: «Нигде в мире, Лакшмана, ты не увидишь такого прекрасного оленя. Красота его и убранство в каждом человеке вызовут удивление и радость. И боюсь я, что убьют его в этом лесу царственные охотники для забавы и заберут себе золотую шкуру и камни-самоцветы. Сита, моя любимая супруга, хочет сидеть на золотой шкуре оленя, и я добуду для нее эту шкуру. А если это не просто олень, а Марича, коварный ракшас-оборотень, то его непременно надо убить. Два раза я сохранил ему жизнь, а на этот раз уже не прощу ему хитрости и обмана. Ступай в хижину, Лакшмана, и зорко стереги Ситу, а я пойду ловить золотого оленя».

Рама опоясался острым и длинным мечом, через плечо повесил свой могучий лук и пошел по зеленой поляне к дивному золотому оленю. Но олень ему в руки не дался, а пугливо побежал от него в лесную чащу. Рама бросился за ним следом, но густые кусты скрыли чудесного зверя от зорких глаз сына Дашаратхи. Потом олень снова показался Рама на лесной опушке, постоял там недвижимо некоторое время, и когда Рама был уже совсем рядом с оленем, тот сорвался с места, и снова скрыла его лесная чаща. Все дальше и дальше в глубь леса увлекал прекрасный олень сына Дашаратхи, а Рама все не мог его настигнуть. Быстрее ветра мчался могучий сын Дашаратхи по дремучему лесу, но чудесный олень не подпускал его близко к себе. И тогда разгневался Рама, достал из колчана огненную стрелу и выстрелил в золотого оленя из своего грозного лука. Неотвратимая стрела сына Дашаратхи сверкнула в воздухе, как ядовитая змея, и впилась в грудь Маричи, обернувшегося золотым оленем. От смертельного удара огненной стрелы Рама Марича подскочил высоко в воздух, до самой вершины могучей пальмы, а затем рухнул на землю, испуская страшные вопли. Упав на землю, Марича вспомнил наказ Раваны, своего владыки, и закричал громко голосом Рама: «Ах Сита! Ах Лакшмана!»

Стрела Рамы вернула Марице его настоящий облик ракшаса, навещающего ужас. И когда Рама подбежал к тому месту, где упал золотой олень, сраженный его огненной стрелой, он увидел, что в луже крови лежит отвратительный Марица, ракшас злобный и коварный, и корчится в смертельных муках.

Тревожное беспокойство закралось в душу доблестного Рамы, и он быстро побежал обратно к своей хижине, где оставил Ситу и Лакшману. И пока он бежал по лесу, вспомнились ему слова младшего брата, говорившего Раме и Сите, что золотой олень сулит им несчастье и что не олень это вовсе, а Марица, ракшас-оборотень, не с добром пришедший к ним.

«Я, поистине, убил коварного Марицу, — думал про себя сын Дашаратхи, — а перед тем как расстаться с жизнью, Марица моим голосом вскрикнул: „Ах Сита! Ах Лакшмана!“ Что, если услышала его крик преданная и любящая Сита? И как поступил могучий Лакшмана, отважный и прямодушный, когда крик ракшаса достиг его слуха?» И сжалось сердце у Рамы, не ведавшего страха в битвах, от тревоги за жизнь Ситы и Лакшманы.

Когда Сита услышала голос Рамы, звавший ее и Лакшману на помощь, силы оставили ее нежное тело, и великий страх за жизнь супруга сковал ее душу. «Милый Лакшмана, — сказала она юному брату Рамы, — ты слышал горестный крик моего супруга. Наверное, с ним случилось несчастье и ему нужна твоя помощь. Так не медли же ни минуты, беги и помоги ему, о сын Сумитры!» Но Лакшмана помнил наказ старшего брата и не двинулся с места. И тогда дочь Джанаки в гневе сказала ему: «Теперь я узнала тебя, сын Сумитры. Ты вовсе не друг моему благородному супругу. Ты — враг, спрятавшийся за личиной брата! Уж не из-за меня ли ты жаждешь гибели родного брата? Ты, нечестивый Лакшмана, пожелал жену своего старшего брата и, не боясь позора, не идешь Раме на помощь! О Рама, любимый, с тобой случилось несчастье, и ни к чему мне сохранять свою жизнь!» Так причитала Сита, охваченная горем, и заливалась горячими слезами.

И тогда Лакшмана, любящий и верный брат Рамы, сказал стенающей Сите: «О Сита, нет никого на свете, кто мог бы нанести поражение великому Раме, и ты не должна сомневаться в этом. Ты — моя царица, и я преклоняюсь перед тобою, о благородная супруга моего брата. Твои горькие упреки мне обидны, но я не смею оставить тебя одну. Отбрось, госпожа моя, тревогу и успокойся. Рама скоро убьет оленя и вернется.

Не верю я, чтобы всемогущий Рама звал нас с тобой на помощь. Это, наверное, кричал Марича, коварный оборотень. После гибели Кхары и его войска ракшасы стали нас ненавидеть, и не могу я бросить тебя одну в лесу».

Но Сита не поверила мудрым словам младшего брата Рамы, глаза гордой дочери Джанаки покраснели, и она грубо крикнула Лакшмане, сказавшему ей правду: «Позор тебе, о подлый! Ты хочешь быть со мной, когда Раму лишают жизни. Я вижу, что несчастье брата приносит тебе радость. Не из любви к брату ты последовал в лес за нами, а снедаемый вожделением к его супруге. Уж не сговорился ли ты с завистливой и жестокой Кайкеей? Только напрасны ваши коварные надежды, не видать вам успеха в ваших греховных замыслах! Да разве я могу пожелать кого-либо другого, я, любящая и любимая супруга прекрасного и доблестного Рамы? Скорее я наложу на себя руки, чем буду принадлежать другому мужчине. О Лакшмана, без Рамы, моего возлюбленного мужа, я ни минуты жить на земле не буду!»

Лакшмана смиренно отвечал разгневанной Сите: «Я не смею спорить с тобою, Сита, и ты для меня не женщина, а богиня. Но я не в силах вынести твои несправедливые упреки, они ранят мою душу. Быть может, боги были сейчас вместе с нами, и они будут мне защитой. Я говорил тебе истинную правду, а ты ответила мне жестокой обидой. Да будет тебе, дочь Джанаки, стыдно! Я пойду на поиски Рамы, и да хранят тебя боги! Увижу ли я тебя снова, когда с Рамой вернемся мы в хижину?»

Сита со слезами ему сказала: «Я жить без Рамы не буду. Я выпью яд, брошусь в костер, или утоплюсь в быстрых водах Годавари, или повешусь, или брошусь на землю с утеса. Мне нестерпимо подумать о прикосновении другого мужчины», — и дочь Джанаки поникла, подавленная горем.

Тогда Лакшмана низко поклонился Сите и пошел в лес на помощь своему старшему брату.

Похищение Ситы

Долго прятался в кустах десятиглавый Равана и терпеливо ждал той минуты, когда Сита, прекрасная супруга Рамы, останется в лесной хижине одна, без защиты. И едва скрылся могучий Лакшмана в глубине леса, как грозный повелитель Ланки вышел из своего лесного убежища и в обличье брахмана направился к хижине Ситы. На нем было одеяние из шелка, на ногах — сандалии из кожи, в руках он держал крепкий посох. И застыло, замерло все вокруг, когда страшный Равана подошел к дверям хижины. Утихли ветры, и деревья стояли не шелохнувшись. Даже быстрые воды Годавари остановились, когда налитые кровью глаза коварного ракшаса обратились на печальную царевну Митхилы, потемневшую от горя, как вечернее безлунное небо.

С восхищением смотрел на Ситу повелитель Ланки, и возрадовалось сердце кровожадного хищника ночного, и неодолимая страсть наполняла его душу. Розовые губы Ситы были прекрасны, зубы ее сверкали белизною, и лепесткам лотоса были подобны большие глаза царевны. Одеяние из желтого шелка покрывало ее стройное тело, и даже тяжкое горе не могло скрыть божественной красоты благородной супруги Рамы.

И Равана, охваченный любовью, сказал Сите, прекрасной, как Лакшми: «О красавица, на тебе одеяние из желтого шелка, и блеском ты серебру и золоту подобна. Ты как нежный цветок лотоса, окруженный лепестками. Зубы твои как тычинки цветка кунда, а глаза твои — ясные и большие, и зрачки их чернее ночи. Бедрa твои широки и округлы, тяжелы и упруги. Твои юные перси с острыми сосцами пленительны и прохладны, как плоды кокосовой пальмы. Локоны твои прекрасны, грудь

упруга, и стан твой столь тонок, что его можно охватить ладонью. О красавица, улыбка твоя чарует, и ты похитила мое сердце, как река, которая смывает и уносит берега своим потоком. Нет на земле женщины, которая была бы по красоте тебе равной! О синеглазая, все в тебе прелестно — и аромат твой, и локоны, и тело. О милая дева, твоя юность, твоя улыбка взволновали мою душу! Обликом ты богиня, но небожители здесь не бывают, здесь обитают только злые ракшасы, пожиратели человеческого мяса. Как ты, прекрасная, здесь очутилась? Разве не страшны тебе львы и тигры, кровожадные гиены и шакалы? Не подобает тебе, божественная дева, жить в диком лесу, в этой хижине, бедной и ветхой. Тебе нужно жить в городе богатом, нежиться в дворцовых покоех, гулять по цветущему саду. Ступай со мною в мой великий и богатый город, там тебе, красавица, будет благо! Скажи мне, прелестная, кто ты, чья ты дочь, чья супруга?»

Доверчивая Сита оказала брахману должное почтение, с поклоном попросила его войти в ее лесную хижину и угостила его кореньями и плодами. А затем Сита ему сказала: «Благо тебе, досточтимый брахман! Я — дочь Джанаки, царя Митхилы, и супруга Рамы, сына Дашаратхи. Двенадцать лет я жила в царском дворце в Айодхье, и все мои желания исполнялись. А на тринадцатый год царь Дашаратха захотел передать престол моему супругу, доблестному и мудрому Раме. И когда все было уже готово для венчания Рамы на царство, Кайкейи, вторая жена государя, потребовала, чтобы Дашаратха исполнил данное ей когда-то слово. И захотела Кайкейи изгнать Раму из Айодхьи, а престол передать Бхарате, своему сыну. Не думал царь Дашаратха уступать бессердечной Кайкейи, но Рама не желал отцу бесчестья и сам ушел вместе со мною и братом Лакшманой в изгнание.

Ты можешь жить здесь с нами вместе, благочестивый брахман, только скажи мне, как тебя величают, какого ты племени и какого рода?»

И тогда брахман сказал ей: «О прелестная Сита! Я — грозный Равана, великий и всемогущий, и боятся меня небожители и люди. Царство мое лежит в океане, и все ракшасы на земле — мои слуги. Я увидел тебя, прекрасная царевна Митхилы, и все жены мои мне постыли. Стань моей супругой, желанная дева, и ты будешь первой царицей в моем государстве. Пышна и обширна моя столица, стоит она на вершине горы в океане; люди зовут ее Ланкой. Я увезу тебя туда на золотой колеснице, в золотом дворце будут твои покои, и слуги мои станут твоими рабами. Там, в цветущих дворцовых садах, ты забудешь свои лесные беды».

Греховные речи повелителя Ланки разгневали целомудренную Ситу, и она, отойдя от Раваны подальше, сказала: «Я — верная супруга Рамы, не ведающего страха. Мой любимый Рама подобен неколебимой скале, он подобен могучему океану и равен самому великому Индре. Ты, нечестивый Равана, — всего лишь тигр, а пожелал себе в супруги львицу! О подлый ракшас, я для тебя как луч солнца, которого ты и коснуться не смеешь! Уж не задумал ли ты вырвать зубы у льва голыми руками? За непосильное дело ты взялся: не обнять тебе Гималаи, не гулять тебе по земле, выпив яду. Уж не хочешь ли ты переплыть океан со скалой на шее? Уж не думаешь ли ты тушить огонь клочком ткани, снять руками солнце и луну с неба? Как не сравнить ручей с океаном, а шакала — со львом могучим, так и тебе, Равана, не сравниться с великим сыном царя Дашаратхи! И ты, низкий ракшас, задумал добыть себе жену могучего и благородного Рамы?!»

Выслушал владыка ракшасов Ситу и понял, что не прельстить ему верную супругу Рамы ласковыми речами. И тогда Равана задумал напугать Ситу своей грозной силой. И он сказал ей: «Послушай меня, земная женщина, во всем мире нету никого, кто мог бы сравниться со мной силой. Не только смертные люди, даже небожители меня боятся. И в страхе бежит от меня воинство Индры, когда ярость охватывает мою душу. Сводный брат мой, бог богатства Кубера, и тот не смеет мне перечить. Силой добыл я себе золотую колесницу, и завидуют моему богатству великие боги. Ветры дуют осторожно, и солнце светит боязливо там, где ступает нога великого владыки Ланки. Столица моя красива и богата. Желтые крепкие стены со всех сторон окружают Ланку, и тысячи ракшасов стерегут ее днем и ночью. Золотые дворцы, цветущие сады и чистые водоемы украшают город и радуют мою царственную душу. О дочь Джанаки, ты будешь счастлива со мной на Ланке и вскоре забудешь о своей прежней жизни. Дни твои потекут там в роскоши и веселье, и там ты не станешь думать о Раме, обреченном на короткую земную жизнь. Бхарата, любимый сын Дашаратхи, будет править Айодхьей, а постылого, недостойного Раму царь-отец навсегда лишил власти и отправил в изгнание. Что ждет тебя с несчастным Рамой, лишенным престола и богатства? О прекрасная дева, стрелы Камы, бога любви, пронзили грозного властелина Ланки. Не отвергай же меня, желанная царевна! Я добыл тебя, и ты сейчас в моей власти. Я пришел к тебе, охваченный любовью, для твоего же блага».

Сита, преданная своему супругу, с гневом ответила повелителю Ланки: «Воистину, ты, Равана, — царь неразумный, необузданный и похотливый.

Ты приведешь свое царство и все свое племя к неминуемой гибели и позору. И тебе самому не избежать страшной кары, если ты посмеешь меня похитить».

Смелые речи Ситы привели Равану в ярость. С гневом ударил в ладоши повелитель Ланки, и обличье благочестивого брахмана исчезло. Равана принял свой прежний образ, и тело его стало огромным. Двадцать рук его крепко сжимали оружие, и десять его голов грозно глядели на Ситу налитыми кровью глазами. И страшный повелитель ракшасов с великим гневом сказал отважной Сите: «Ты, верно, лишилась рассудка, глупая Сита, и не знаешь, что всемогущ в этом мире владыка Ланки. Если встану я во весь рост на своде небесном, то могу достать землю руками. Всю воду в океане могу я выпить, и сама Смерть погибнет, если вступит в схватку со мною. Если я выстрелю из лука, то стрела моя пронзит солнце и сбросит его на землю. И ты решила напугать меня ничтожной силой твоего супруга, недолговечного земного человека! Верно, красота твоя совсем лишила тебя рассудка. Ты взгляни на меня, неразумная дева, все подвластно мне в этом мире!»

И поистине, огромный Равана страшен был, как Яма, бог смерти. Глаза его сверкали, как пламя, и неотрывно глядели на Ситу, драгоценную жемчужину среди женщин. И Равана сказал нежной Сите: «Предайся мне, красавица-дева, если хочешь иметь своим супругом воителя, прославленного в мире. Ты будешь угождать мне, твоему супругу, достойному восхвалений, а я буду радовать тебя богатством и всемогущей властью повелителя Ланки. Только на меня обрати ты свою любовь, прекрасная Сита!»

С этими словами Равана, охваченный страстью, подошел к супруге Рамы. Одной рукой он схватил Ситу за волосы, а другой обнял ее бедра. И когда добрые лесные божества увидели Ситу в объятиях ракшаса, они разбежались во все стороны в великом страхе.

Через миг у хижины Ситы появилась чудесная колесница владыки Ланки. Равана усадил в нее горестную Ситу, сам сел рядом с нею, и зеленые небесные кони подняли колесницу в поднебесье. Благородная супруга Рамы боялась оскверниться, прикасаясь к кровожадному васселину Ланки, и забилась в угол колесницы. Охваченная горем, с помутившимся рассудком, дочь Джанаки громко закричала: «Ах Лакшмана, не ведаешь ты, что коварный Равана прикинулся праведным брахманом и меня похитил! О милый Рама, из любви к отцу ты отринул счастье и богатство, и не видишь ты, как уносит меня злая сила! О супруг мой,

о могучий сокрушитель вражеских ратей, ты всегда карал преступников и злодеев, почему ты не наказываешь похитителя твоей Ситы? Ах, я — преданная жена могучего и прославленного Рамы, а подлый ракшас меня уносит! Так вот когда исполнилось сокровенное желание Кайкейи! Я молю вас, деревья Джанастанханы, я умоляю вас, нежные цветы лесные, расскажите Раме, что Равана похитил Ситу! О лес, о лесные боги! О птицы, олени и все живые твари! Я ищу у вас от Раваны защиты. О друзья мои, поведайте Раме, что силой унес Равана его любимую Ситу. И тебя, быстрая Годавари, я прошу рассказать моему супругу, как унес меня злой ракшас в свое царство. Я верю, что Рама найдет Ситу, и если даже Яма заберет меня к себе, то великий сын Дашаратхи вызволит меня и оттуда».

На вершине дерева сидел царь ястребов, древний Джатаю, и горестная Сита к нему возвала: «О досточтимый Джатаю, ты видишь, как Равана уносит меня от любимого супруга, похищает меня, как деву, не имеющую мужа. Ты уже стар, благородный Джатаю, и не можешь сразиться с этим хищником и злодеем. Так поведай, Джатаю, Раме, кто нанес ему смертельную обиду».

Верный друг царя Дашаратхи, царь ястребов Джатаю, спал глубоким сном, но горестные крики Ситы разбудили его. Он очнулся от сна и увидел, что коварный Равана похитил супругу Рамы и уносит ее в золотой колеснице на Ланку. И тогда Джатаю крикнул повелителю ракшасов: «О Равана, мне известны древние предания, я знаю все, что предписывают живым существам священные законы. Ты совершил недостойный поступок. Это говорю тебе я, повелитель ястребов Джатаю. Великий Рама, почитаемый людьми сын Дашаратхи, сурово накажет тебя за это. Он полон любви и дружбы к людям, перед ним склоняются лесные подвижники, но в гневе страшен непобедимый и грозный супруг царевны Митхилы. Войско Кхары испытало на себе его силу.

Ты, Равана, — сам государь и властитель и должен следить, чтобы законы соблюдались. Как же ты будешь блюсти священные законы, если сам их преступно нарушаешь? Ты, Равана, — сам великий царь, а жену похитил у другого царя! Благородный муж не взглянет на чужую жену, а ты посягнул на супругу великого сына Дашаратхи. Все у людей исходит от царя — и низкий грех, и праведная добродетель. Послушайся, Равана, доброго совета, верни Ситу скорей обратно. Жизнью ты заплатишь за нее могучему Раме! Ужели не чувствуешь ты, как Смерть обвила тебя своей петлею? О коварный ракшас, я — старый ястреб,

шестьдесят тысяч лет я живу на свете, но не дам я тебе в обиду нежную супругу Рамы. Ты будешь, трусливый вор, сражаться со мною в поединке! Подожди, подлый Равана, немного, и земля обнимет тебя так же крепко, как обняла она брата твоего, свирепого Кхару. Стой же, десятиглавый пожиратель человеческого мяса, я спасу от тебя царевну Митхилы! И хотя нету со мною рядом ни Рамы, ни Лакшманы, я сброшу тебя с твоей золотой колесницы».

И в небе началась горячая битва благородного ястреба Джатаю с подлым и коварным властелином Ланки.

Равана метал в ястреба дротики и острые стрелы, противники сближались в рукопашной схватке, и удалось наконец Джатаю нанести Раване кровавые раны. Царь ракшасов, разъяренный болью, натянув свой лук со всей силой, пустил в Джатаю десять острых стрел и пронзил ими тело его. Но горькие слезы нежной Ситы ранили могучего царя ястребов сильнее, чем стрелы владыки Ланки. Джатаю взлетел высоко в небо, а затем ринулся вниз на Равану, сидевшего в колеснице, и сломал острыми когтями могучий лук повелителя Ланки. Тогда Равана, вне себя от гнева, схватил другой лук, еще более прежнего грозный, и острые стрелы сотнями, тысячами полетели в отважного Джатаю. Стрелы Раваны покрыли все тело Джатаю и торчали со всех сторон, как острые иглы дикобраза. И казалось, что старая грозная птица лежит в гнезде, свитом из прутьев.

Могучим взмахом огромных крыльев сбил Джатаю со своего тела стрелы, бросился без страха на владыку Ланки, когтями сломал на куски лук и щит похитителя Ситы. Не избежали когтей Джатаю и чудесные зеленые кони, запряженные в золотую колесницу. Доблестный царь ястребов нанес им смертельные раны, и они пали на землю и забились в предсмертных судорогах. Ударом крепкого, как железо, клюва Джатаю убил возницу, а затем на куски разбил колесницу. И не стало тогда у Раваны драгоценной колесницы, которая быстро, как ветер, носила царя ракшасов по земле, по воде и в поднебесье.

И остался Равана без лука, без щита, без доспехов, без своей чудесной колесницы и полетел на землю, держа на груди трепетную Ситу. И когда увидели это звери и птицы и все живые существа, то трижды восславили они отважного Джатаю.

Но царь ястребов был очень дряхл, и яростная битва истощила его силы. А десятиглавый Равана усталости не ведал, и по-прежнему могучи были его длинные руки. На земле, отойдя в сторону от Ситы, Равана

снова бросился на Джатаю. Тогда царь ястребов вцепился ему в спину и стал наносить Раване удары крыльями, клювом и когтями. Он рвал ему когтями тело, долбил голову острым клювом, и клочьями летели волосы ракшаса на землю. Доблестный защитник Ситы отрывал когтями Раване руки, а они вырастали снова.

Лютая злоба охватила повелителя Ланки. И бросился он на изнемогшего Джатаю и отрубил острым мечом крылья и ноги храброй птицы. И пал на землю доблестный Джатаю, обливаясь кровью. Безутешно зарыдала Сита, подавленная тяжким горем. Она подбежала к распростертому на земле другу и горестно закричала: «О могучий Рама, ради нас с тобою погибла в жестокой битве эта добрая и сильная птица! О Рама! О Лакшмана! Спасите меня!»

Жалобные крики Ситы разнеслись далеко по лесу, и слышали ее все звери и птицы. Несчастная супруга великого Рамы прильнула к дереву всем телом, обхватила его руками и плакала, заливаясь горячими слезами. А в злобном Раване еще не остыла ярость жестокой битвы. Он подбежал к Сите, схватил ее за волосы мощной рукой и рванул к себе с такой силой, что у бедной царевны Митхилы все завертелось перед глазами: и земля, и лес, и небо. И непроглядная тьма покрыла все вокруг, и застыли недвижимо ветры, и солнце яркое померкло.

Равана крепко сжал руками Ситу, птицею взвился в небо и полетел на Ланку, унося с собой супругу Рамы.

Через леса и горы, через реки и озера летел царь ракшасов на Ланку, и некому больше было защитить прекрасную Ситу. Но вдруг заметила царевна Митхилы, что стоят на вершине горы пять больших обезьян, смотрят в небо и видят, как Равана уносит Ситу. Тогда бедная Сита оторвала шелковый лоскуток от своего платья и бросила его вниз обезьянам. «Может быть, — подумала Сита, — обезьяны увидят Раму, отдадут ему этот клочок от моей одежды и расскажут сыну Дашаратхи, как нес над землею могучий демон его верную супругу».

Вскоре Равана был уже у океана, пролетел над его бурными волнами и опустился у золотого дворца на Ланке. Повелитель ракшасов быстро прошел в дворцовые покои, посадил на золотую асану Ситу и приказал страшным демоницам: «Ни женщины, ни мужчины — никто не должен видеть Ситу без моего согласия. Все, что прекрасная Сита пожелает, доставьте ей немедленно — и золото, и драгоценности, и ткани. И если кто-либо нанесет ей обиду, да не проживет он более ни часу. И пусть все во дворце помнят об этом». Так сказал грозный Равана слугам и удалился в свои покои. Затем он призвал к себе восемь могучих ракшасов-людоедов, дал им в руки грозное оружие и приказал поспешить в Джанастанху и быть там вместо войска Кхары, убитого великим Рамой.

«Я не могу быть спокоен, — сказал своим воинам повелитель Ланки, — пока не уничтожу Раму и его брата. Только тогда жизнь моя станет радостной и веселой. Будьте моими ушами и глазами в Джанастанхе и доносите мне все, что вы узнаете о сыновьях Дашаратхи. Могучий Рама опасен в битве, и вам надлежит соблюдать осторожность. Постарайтесь напасть на него внезапно, когда Рама не будет ждать нападения, и смело лишайте его и Лакшману жизни. Мне известна ваша хитрость и доблесть в битвах, и во всем я на вас полагаюсь».

Ракшасы низко поклонились своему владыке, молча вышли из дворца государя и ночью покинули Ланку, направив свой путь в Джанастанху. А коварный и безрассудный Равана веселился, похитив Ситу, и не ведал он, что надвигается на него грозная опасность и что жить ему осталось недолго.

Гордый Равана был доволен собою. Прекрасную Ситу он похитил, восемь коварных ракшасов-людоедов отправились в Джанастану подстерегать сыновей Дашаратхи, и радовался повелитель Ланки своим успехам. Теперь он желал поскорее жениться на Сите, и, отбросив в сторону все заботы, Равана направился в покои Ситы, охваченный неодолимой любовью.

А Сита, подавленная горем, плакала не переставая, и страшные ракшасы, глядевшие сурово, окружали царевну Митхилы. И была прекрасная супруга Рамы как утлая ладья в бурном море, как трепетная лань, которую затравили собаки. И не замечала Сита роскошных чертогов, не видела она ни золота, ни серебра на дворцовых стенах и колоннах, не смотрела на золотые решетки на окнах, на цветы и водоемы в дворцовых садах. Опустив голову, стояла горестная Сита и не подняла головы, когда приблизился к ней владыка Ланки.

Тогда Равана сказал ей: «Ты видишь, желанная дева, царство мое богато и огромно, и все это твое, синеглазая царевна, и моя жизнь принадлежит тебе вместе со всем моим богатством. Тебя окружают мои прекрасные жены, и я прошу тебя, будь им госпожой. Ради своего же блага стань, Сита, моей супругой. Обрати ко мне свои мысли! Полюби меня, сгорающего от страсти! Почему ты отвергаешь меня, неразумная дева? Царство мое необъятно, его омывают морские волны, его окружают неприступные стены, и никто в мире не сравнится со мною могуществом и богатством. На что тебе нищий Рама с его короткой земною жизнью? Так склонись же ко мне, милая дева, ты найдешь во мне достойного супруга! Ведь юность и красота не вечны, робкая царевна! Развлекайся, веселись со мною, и ты скоро позабудешь Раму. Никакая сила не сможет привести на Ланку жалкого сына Дашаратхи. И нет никого в мире, кто мог бы забрать тебя отсюда. Правь, Сита, вместе со мною этим царством, и все живое и неживое будет тебе подвластно. Радуйся богатству, которое тебя окружает, и наслаждайся всем, чем я владею. Здесь, на Ланке, все к твоим услугам».

Так говорил Равана верной супруге Рамы, а Сита, закрыв лицо руками, плакала и роняла на землю горючие слезы. И тогда повелитель Ланки сказал Сите: «Я склоняюсь к твоим ногам, прекрасная дева, и ты можешь попать мою голову твоей ступнею. Ты видишь, Сита, я готов быть твоим слугою, но подари и ты мне свое расположение, свою улыбку и взгляни на меня благосклонно. Да не будут мои слова, слова любви

и кротости, бесплодны. Ни одна женщина в мире не может похвалиться, что склонялся перед ней с мольбою гордый и могучий повелитель Ланки. Помни, Сита, ты будешь моей женой!»

Горе терзало Ситу, но не испытывала страха отважная царица Митхилы. Она бросила между собою и Раваной травинку, и понял повелитель Ланки, что это не просто травинка, а неприступная стена между ними. И сказала Раване Сита: «Был на земле царь по имени Дашаратха. Был он могуч, как горная вершина, и служил справедливости. У него есть сын, и зовут его Рама, и доблесть его прославлена во всем мире. У него большие глаза и могучие руки, и обликом он подобен небожителю. Как лев, могуч Рама, рожденный Дашаратхой, и лик его лучезарен. И брат его Лакшмана так же силен и прекрасен. Как трусливый вор, ты меня похитил, выбрав час, когда я была беззащитна.

Будь сын Дашаратхи в то время со мною, ты лежал бы сейчас на земле Джанастханы мертвым, как лежат там твой свирепый брат Кхара и его четырнадцать тысяч ракшасов, страшных своим обличьем. Украшенные золотом стрелы Рамы сокрушили бы тебя и твоё войско так же, как сокрушает берега великая Ганга. Пусть ни боги, ни асуры не могут лишить тебя жизни, но не спасись тебе от руки моего супруга. Дни твои сочтены, владыка Ланки! Тот, кто в силах осушить великий океан и достать рукой луну с неба, избавит верную Ситу от жестокого плена. И горькое вдовство и сиротство постигнет жителей Ланки, и ты, Равана, будешь тому виною. А я, твердая в обетах царица Митхилы, гордая и верная супруга Рамы, я готова за любовь свою на подвиг! Я недоступна для тебя, Равана, и ты не коснешься меня, нечестивец! Может быть, я не смогу защитить свое тело, но жизнью своей я распорядиться сумею. Опозоренной я жить не буду». Так сказала повелителю Ланки прекрасная Сита и больше ни слова не отвечала ему.

И тогда свирепый ракшас пришел в ярость и сказал Сите с угрозой: «Запомни мои слова, царица Митхилы. Если ты, о красавица со сладостной улыбкой, не станешь ко мне благосклонной, мои повара тебя изрубят на куски и подадут мне на золотом блюде на завтрак. А вы, — обратился Равана к демоницам, страшным обличьем, которые окружали супруга Рамы, — вам я велю сломить ее гордость. Уведите Ситу в ашоковый лес и зорко ее там стерегите. И то бранью жестокой, то лаской постарайтесь приручить непокорную деву, как приручают дикую слониху».

Злобные демоницы увели Ситу в ашоковый лес, радуясь тому, что царица Митхилы оказалась в их власти. Благоуханные цветы и деревья

с прекрасными плодами окружали Ситу, зеленая трава расстилась у нее под ногами, и ласково светило над головой солнце.

Но горестная Сита была там как лань среди тигров, как бедная самка оленя, которую гонят без отдыха собаки. Зорко следили за Ситой злые чудовища, и не знала супруга Рамы от них покоя. И только думы о любимом муже и о Лакшмане, его брате, утешали Ситу в ее несчастье.

И боги сжалились над горестной Ситой. По воле всемогущего Индры в глубокий сон погрузились однажды жители Ланки, и перед Ситой в ашоковом лесу явился Владыка Небесных Молний. И сказал печальной супруге Рамы великий Индра: «Не печалься, царица Митхилы. Придет время, и сын Дашаратхи все узнает. И он явится за тобою на Ланку и вызволит тебя отсюда. И ничто Раму не удержит — ни горы, ни реки, ни великий океан».

Владыка небесный подарил Сите горсть риса, варенного в масле, и сказал ей, что рис этот не простой, а чудесный, что избавит он ее, царицу Митхилы, от голода и жажды на долгие годы. С радостью приняла этот дар Сита, низко поклонилась всемогущему Индре, и на душе у нее стало веселее.

Отчаяние Рама

3

Быстро, как ветер, мчался Рама в свою лесную хижину, и тревога за Ситу терзала его душу. Ему хотелось скорее увидеть любимую супругу, и нетерпение заставляло его бежать еще быстрее. Сокрушая кусты и деревья, бежал домой могучий сын Дашаратхи, а за ним следом бежали лесные шакалы и так страшно выли, что у людей волосы становились от страха дыбом. Их крик напугал и бесстрашного Раму. «Ведь Марича моим голосом звал на помощь Лакшману и Ситу, — думал с тревогой сын Дашаратхи, — и Лакшмана, поверив этому крику, мог оставить в хижине Ситу и поспешить ко мне на помощь. А лес полон ракшасов, злых и кровожадных, и они давно мечтают о том, чтобы отомстить мне за погибшее войско Кхары».

Вскоре Рама вбежал в свое лесное жилище, но Ситу в хижине не оказалось, не было там и Лакшманы, верного брата Рамы. Встревоженный, выбежал из хижины сын Дашаратхи, обошел ее вокруг еще и еще раз, но пусто было на лесной поляне. Страх за жизнь любимой Ситу охватил его душу, когда приблизились к нему лесные звери и, обратив свои морды к востоку, громко и жалобно завывали. И совсем горько стало Раме, когда увидел он Лакшману, выходящего из леса, и увидел, что был его брат один, без Ситу. Рама схватил Лакшману за плечи и вскричал с великим беспокойством: «Где моя Сита? Что с ней? Жива ли моя любимая супруга? Да как ты мог, безумец, ее оставить! Ее могут убить или похитить, или она заблудилась и бродит где-то одна по дикому лесу! О Лакшмана, увидим ли мы с тобой ее еще? Так тревожно кричат птицы, так жалобно воют лесные звери, что смертельная тоска охватывает душу».

«Где же та прелестная дева, — продолжал выпрашивать Лакшману Рама, — та, что покинула дворцовую роскошь и последовала за мною в изгнание? Где она, моя прелестная супруга, моя опора в печали и невзгодах? Где же моя любимая Сита, без которой я ни минуты жить не в силах? Где же Сита, мое утешение в изгнании, где царевна Митхилы, прекрасная, как богиня? Ничего мне в жизни без нее не надо — ни власти, ни богатства! О сын Сумитры, когда я умру вслед за Ситой, радоваться будет бесчестная Кайкейи. Вот теперь она своего добилась! Ценой наших жизней добилась она власти и богатства для своего любимого сына. Я теперь понимаю, что здесь без меня случилось. Сита испугалась за мою жизнь и послала тебя ко мне на помощь, но ты, сын Сумитры, поступил неразумно, ты не должен был Ситу слушать. Лес полон нашими врагами, и я всегда опасался, что может случиться такое несчастье. Неужели боги уготовили мне такое испытание?»

Опечаленный сын Дашаратхи вошел в хижину, взглянул на опустевшее ложе Ситы, и ноги Рамы подкосились от горя. Он побыл в хижине недолго, а потом вышел на поляну и сказал сыну Сумитры: «Я доверился тебе, Лакшмана, поручил тебе охранять в лесу мою супругу. Как же ты смог ее оставить? Когда я увидел, что ты выходишь из леса, выходишь один, без Ситы, в голове у меня помутилось от обиды и сердце мое затрепетало».

И тогда Лакшмана, сам охваченный неизмеримой скорбью, ответил Раме: «Я не хотел уходить отсюда и не думал оставлять Ситу без охраны. Но она заставила меня идти к тебе на помощь. Крик Маричи дошел до ее слуха, и она задрожала от страха за твою жизнь. Горькие рыдания сотрясали ее плечи, соленые слезы бороздили ее щеки, и она сама хотела бежать вслед за тобою. Я старался ее успокоить, я говорил ей, что ничего не может с тобой случиться, что не твой крик до нее донесся, но Сита ничего не хотела слушать. Благоразумие совсем ее покинуло, и она сказала, нанося мне жестокую обиду: „Ты, Лакшмана, мечтаешь о гибели своего брата. Ты хочешь получить меня в супруги, но я ею никогда не стану. Если ты не хочешь идти на помощь Раме, значит, ты пошел с нами в изгнание с корыстной целью“. После такой обиды я не мог оставаться в хижине и побежал вслед за тобою, дрожа от гнева».

И могучий Рама, подавленный несчастьем, ответил брату: «Ты поступил плохо, когда ушел и оставил Ситу без охраны. Ведь ты же знал, что со мною ничего плохого случиться не может. И ты, грозный воин, не должен был обращать внимания на гневные слова Ситы. Я недоволен

тобой, сын Сумитры, ты поддался гневу и обиде и оставил жену мою без присмотра. Ты, Лакшмана, не смел послушаться моего приказа! Золотой олень заманил меня в лес далеко, а когда я убил его своей стрелою, я увидел, что это был ракшас, страшный обличьем, — Марича. И когда этот ракшас расставался с жизнью, он моим голосом крикнул те слова, которые обманули Ситу и тебя вместе с нею».

Горе так истерзало Раму, что отказывались служить ноги и судорога свела левое веко. Сильная дрожь сотрясала его тело и никак не унималась. Как в тумане ходил вокруг хижины горестный Рама и повторял неустанно: «Что с Ситой?» Все окрестности обошел в тревоге сын Дашаратхи, но нигде вокруг не было Ситы, и отчаяние охватило Раму. Он снова и снова обходил все кругом, но нигде не было видно Ситы, и все казалось ему опустевшим, как водоем без лотосов зимою. И сам Рама с глазами, покрасневшими от горя, казался человеком, потерявшим разум. Он пошел в лес и обратился к деревьям: «О кадамба, не знаешь ли ты, где Сита? Если знаешь, скажи мне, где сейчас моя супруга? О билья, поведай, не видала ли ты где-нибудь Ситу? Она в желтой шелковой одежде, и дыхание ее, как твои плоды, благоуханно. Она очень тебя любила; скажи мне, жива ли стройная царица Митхила? О прекрасная ашока, говорят, ты печаль устраняешь! Докажи это мне, подавленному горем, дай увидеть мне Ситу! О карникара, ты прекрасен с твоими цветами! Скажи мне, не видал ли ты мою супругу? Она очень любила твои цветы!» Так спрашивал у деревьев Рама и бегал по лесу, как человек, которого оставил разум.

Рама спрашивал у животных: «О лань, не знаешь ли ты, где моя Сита? У моей жены глаза похожи на твои. О слон могучий, может быть, ты знаешь что-нибудь о Сите? Бедрa ее прекрасны, как твой хобот. Скажи мне, не видал ли ты где-нибудь Ситы? О тигр, скажи мне без страха, может быть, ты видел мою любимую супругу? Она, как луна, прекрасна! О милая, о лотосоглазая, где ты? Увижу ли я тебя снова? Скажи мне, где ты укрылась? Нет у тебя жалости ко мне, Сита! Никогда раньше ты не смеялась так жестоко надо мною. Почему же теперь ты не бережешь мою душу от страданий? Я вижу, ты уходишь от меня все дальше и дальше. Не спеши, подожди немного, если ты меня еще хоть чуточку любишь! О Сита, о дева с милой улыбкой, неужели ты не та, что была прежде? О нет, наверное, с тобой случилось несчастье! Ведь не могла же ты шутя причинить мне такое горе! Злые ракшасы унесли тебя, наверное, в неведомые земли. Моя Сита, царица Митхила с прекрасным

лицом и стройным телом, верно, стала добычей кровожадных ракшасов, врагов моих лютых. Шея ее как ствол сандала, украшенный ожерельем. И быть может, прекрасная шея Ситы прокушена ракшасом-кровопийцей! О Сита, моя любимая супруга, я оставил тебя, слабую и беспомощную, на съедение бродящим в ночи убийцам. И осталась ты без охраны и оказалась у ракшасов во власти, будто ты была одинока, не имела ни друзей, ни мужа. О Лакшмана, о могучий воин, где моя Сита? О Сита, любимая, где ты? Что с тобой приключилось?»

Так кричал Рама и бродил по лесу, горько плача, и казалось, разум навсегда его покинул. Он не в силах был стоять на одном месте, он бегал по лесу и вдоль быстрой реки Годавари, подымался на холмы и пригорки и осматривал каждый куст в поисках любимой Ситы.

Тогда Лакшмана сказал старшему брату: «О Рама, у тебя могучий разум, не надо так предаваться печали. Будем вместе искать нашу Ситу. Ты видишь вдаль за деревьями высокий холм — в нем много пещер, больших и глубоких. Может быть, Сита ждет нас в какой-нибудь пещере. Ведь она так любит любоваться лесом и бродить по нему, собирая цветы и травы. Сита очень любит лесные водоемы, в них много лотосов, белых и красных. Может быть, она сидит сейчас у водоема в какой-нибудь пещере и связывает лотосы в гирлянды. А может быть, она просто шутит и спряталась где-нибудь в лесу или у реки и хочет немного напугать нас и посмотреть, как мы ее ищем. Если ты думаешь, брат мой, что Сита непременно в лесу, мы обыщем каждый куст, каждый клочок земли. Не нужно, мой мудрый брат, отчаиваться напрасно».

И сыновья Дашаратхи принялись тщательно искать Ситу. Они заглянули повсюду, обошли все холмы и плоскогорья, обшарили все кусты и пещеры, осмотрели реки и озера, но нигде не нашли прекрасной Ситы, и снова отчаяние овладело Рамой. Его сознание помутилось от горя, стало ему чудиться, что Сита стоит рядом с ними, и стал Рама разговаривать с нею: «О моя милая! Ты так любишь цветы лесные. Ты украсила себя веточками ашоки, и еще больше возросло мое горе. Бедро твои как стволы банана, и сама ты спряталась в банановой роще. Но я найду тебя, любимая Сита, тебе не удастся от меня укрыться. Но только не шути со мною так больше. О милая, не доводи меня до смерти. Так шутить в обители негоже. Я-то хорошо знаю, что ты всегда любила игры и шутки. Но хижина эта без тебя пустынна, тебе следует скорей сюда вернуться».

А потом Рама очнулся от видений и сказал Лакшмане печально: «Я думаю, что злые ракшасы похитили Ситу. Не случись такого несчастья, Сита была бы с нами. Я ушел из Айодхьи с Ситой, а возвращаться придется одному. Как войду я без нее в свои покои? Все добрые люди меня осудят, и не станет у меня сил объяснять им, как это случилось. Что скажу я царю Митхилы, когда кончится мое изгнание? Нет, я не вернусь в Айодхью! Пусть правит там Бхарата. Так ты, Лакшмана, ему и скажешь. А теперь ты возвращайся в Айодхью, а я навсегда останусь в лесу. Я жить не могу без Ситы, и без нее мне нечего делать в Айодхье. Поклонись, Лакшмана, матерям нашим и береги их от напастей. А Каушалье, моей родной матери, расскажи без утайки все, что случилось здесь, в глухом лесу, с нами и Ситой».

Поблел Лакшмана, когда слушал Раму, и сердце его наполнилось печалью. А Рама продолжал горестные речи: «Кажется, полюбили меня все беды на свете. Все несчастья идут за мною следом. Но я не знаю за собой прегрешений. Видно, просто судьба меня невзлюбила. Я утратил власть и богатство, потерял родного отца, оставил мать и друзей своих в Айодхье. Жизнь в изгнании, лесные беды не причиняли мне тяжких страданий, но, когда я утратил Ситу, все несчастья мои поразили меня с новой силой, и как огонь жгут они мне тело и душу. Наверное, ракшасы схватили Ситу и унесли ее по воздуху отсюда. Ты помнишь, Лакшмана, Сита любила сидеть здесь с тобою и вести душевные беседы. Ее доброта, ее ласковая улыбка украшали нам с тобою жизнь. Вот течет Годавари перед нами! Как любила глядеться в ее воды Сита! Может быть, Сита пошла по берегу речному? Но она сюда никогда одна не ходила. Может быть, царица Митхилы пошла собирать лотосы для гирлянды? Но она никогда их без меня не собирала. Может быть, она пошла гулять в лес, полный цветов и трав ароматных? Но Сита боялась гулять без меня по лесу.

О солнце! Тебе все про людей известно. Скажи мне, убитому горем, жива иль мертва моя Сита? О великий ветер, от тебя на земле ничего не скроешь. Расскажи мне, что случилось с Ситой? Погибла ли моя супруга, оберегая доброе имя моих предков, или ушла куда-нибудь далеко?»

Так убивался, рыдая, великий Рама, и Лакшмана сказал ему, пытаясь утешить брата: «Не позволяй печали завладеть твоим сердцем. Ты лучше примись за поиски Ситы. Людей, у которых сильны разум и воля, трудности и несчастья не ввергают в отчаяние».

Тогда Рама послал Лакшману к реке Годавари спросить у нее, не знает ли она, где сейчас Сита. Но Лакшмана не получил ответа. Годавари боялась Равану и не посмела ничего ответить. Тогда сыновья Дашаратхи спросили лесных оленей, не видели ли они, куда пошла Сита. Ничего не сказали им олени, только подняли к небу свои морды, повернулись и побежали к югу — туда Равана унес прекрасную Ситу. Так олени поступили трижды, и Лакшмана догадался, что хотели поведать им добрые лесные звери. И он сказал своему горестному брату: «Ты видишь, Рама, что показывают нам олени? Нам следует пойти к югу, может быть, в пути мы что-нибудь узнаем о Сите».

Смерть Джатаю

И сыновья Дашаратхи пошли к югу. Рама шел впереди, а Лакшмана следом, и оба пристально смотрели на землю — они искали следы цариц Митхилы. Долго шли они на юг по лесу, и вдруг Рама заметил цветы, разбросанные на лесной поляне. Рама подобрал их и сказал брату: «Эти цветы я подарил Сите, чтобы она украсила ими свои волосы. Благодарение солнцу, земле и ветру, что они сохранили эти цветы для нас с тобою». А затем Рама повернулся к горе, стоявшей перед ними, и сказал ей, как лев олененку: «Покажи мне золотоликую Ситу, не то я сокрошу твою вершину». Но гора не показала ему Ситу. И тогда Рама сказал ей снова: «До подножия испепелят тебя мои огненные стрелы, и никто тебе помочь не сможет». А потом, обернувшись к брату, он сказал: «О Лакшмана, если Годавари не скажет мне правду о Сите, я осушу эту живую реку». Ярость затуманила рассудок Рамы, и он взирал на все таким грозным взглядом, как будто хотел все окрест испепелить своим огненным взором.

Оглянувшись кругом, Рама вдруг увидел, что на земле остались следы ног ракшасов, которые прошли здесь недавно. Недалеко от сыновей Дашаратхи валялись на земле сломанный лук, колчан и стрелы, а рядом с ними лежали обломки золотой колесницы. Раму все это напугало очень, и он сказал своему верному брату: «Ты только взгляни, сын Сумитры, вот лежат золотые украшения Ситы, и земля покрыта каплями крови. Кажется, ракшасы ее украли и на куски разорвали ее тело. О Лакшмана, здесь из-за Ситы была кровавая битва. О брат мой, чей это лук лежит на земле, украшенный жемчугом и самоцветами? Чьи это золотые доспехи,

сверкающие как солнце и украшенные благородным сапфиром? Только великие государи обладают таким богатством! О сын Сумитры, кому принадлежали эти золотые кони с мордами, наводящими ужас? И сверкающая золотом колесница? И золоченые, с перьями стрелы? И чей это колесничий, который лежит здесь, лишенный жизни? Здесь на земле ступали чьи-то ноги, такие следы только ракшасы оставляют. О боги! Я сделал ракшасов своими врагами, и они так страшно мне отомстили. Моя бедная Сита либо убита, либо похищена. Благодетельство и непорочность не спасли ее от несчастья. Но если праведность и целомудрие не смогли избавить ее от несчастья, то что же может сейчас помочь мне? Воистину, небожители решили, что я уже утратил свою силу! Но я им покажу ее сегодня. Никто отныне не узнает счастья — ни гандхарвы, ни ракшасы, ни боги. Я заполню своими стрелами все небо, и все живое станет сегодня недвижимым! Все планеты прекратят свое движение, и луна покроется тенью. Утихнут ветры, и погаснет солнце, мрак окутает нашу землю, рухнут горы, и высохнут озера! И если небожители не вернут мне Ситу, я весь мир целиком разрушу! О Лакшмана, все небесные боги и с ними Индра столкнутся сегодня с моей мощью, если они не вернут мне любимую супругу! Все живое на земле погибнет, и я на куски разнесу все небесные чертоги».

Лакшмана был спокойнее, чем Рама, и он сказал старшему брату: «Ты всегда умел владеть собою и не давал воли своим чувствам. Ты всегда был добр и милостив ко всему живому. Почему же ты сейчас на весь мир ополчился за преступление одного злодея? Ты видишь здесь обломки колесницы, лук и стрелы, боевые доспехи, но всем этим мог владеть только один воин, здесь не было большого войска. Вот нам и надо отыскать хозяина золотой колесницы! И если боги не помогут тебе в этом, тогда только можешь ты гневаться на небо. Пойдем искать, великий брат мой, и мы найдем того, кто похитил Ситу».

Сначала сыновья Дашаратхи стали искать Ситу в лесу Джанастхана и вдруг увидели лежащего в луже крови великого царя ястребов Джа-таю. Его огромное тело возвышалось над землей, как горная вершина, и Рама показалось, что перед ним ракшас-оборотень. И он сказал младшему брату: «Смотри, Лакшмана, там на земле лежит кровожадный оборотень. Это он, наверное, похитил Ситу, обернувшись ястребом, могучей птицей. Я убью его, и этот день будет для него последним».

Но когда Рама положил стрелу на тетиву лука, умиравший ястреб сказал сыну Дашаратхи: «Да живешь ты на земле много лет, доблестный

Рама. Равана, повелитель ракшасов-злодеев, унес по воздуху твою супругу. Я хотел спасти от него Ситу, но умираю от ран, которые он нанес мне. Я с ним храбро сражался, я разбил золотую колесницу Раваны, убил его коней и лишил жизни возничего, но царь демонов, Равана, мечом отрубил мои крылья и ноги, и теперь старый Джатаю умирает».

Горе охватило Раму с новой силой, когда узнал он Джатаю, старого друга Дашаратхи, в полумертвой птице. И Рама то обнимал Джатаю, то катался по земле в великой скорби и горестно жаловался брату: «О Лакшмана, я лишился царства, и бедный отец мой скончался; ракшасы похитили мою супругу, и я чуть не убил своей рукой лучшего друга, отдавшего за меня свою жизнь. Воистину, злая судьба преследует меня неотступно!

Благо тебе, Джатаю, верный друг мой! Может быть, ты сможешь рассказать мне, как похитили мою Ситу? Как совладал Равана с тобою, могучим царем ястребов? Почему Равана похитил Ситу силой и тайно? Что плохого я ему сделал? Скажи мне, здорова ли была Сита, что она тебе говорила? Поведай мне, Джатаю, кто он, этот Равана, откуда? Где мне искать злодея?»

Доблестный Джатаю ответил: «Равана, могучий повелитель ракшасов, похитил твою супругу. Когда я упал на землю, недвижимый, он поднялся с Ситой высоко в небо и полетел с твоей супругой к югу. Я знаю, что ты повергнешь Равану в битве и вернешь себе свою супругу». Тут глаза старого ястреба закрылись, кровь хлынула у него из клюва, и жизнь навсегда покинула Джатаю. Отважного и благородного друга потерял великий Рама, а печаль снова терзала его душу. Полный любви и благодарности к Джатаю, Рама решил похоронить его как великого героя. Лакшмана принес из лесу сухие поленья, разжег костер, и братья с почестями, подобающими герою, в последний путь проводили своего друга.

Битва с лесным чудовищем

Когда сыновья Дашаратхи простились с Джатаю, они пошли на юг по нехоженным лесным тропам и вскоре оставили пределы Джанастханы. По дороге они искали всюду следы прекрасной царевны Митхилы и все дальше продвигались к югу. Вскоре на пути их встала высокая горная вершина, а в ней была глубокая и темная пещера. Когда братья подошли поближе, то увидели, что в пещере сидит ракшаси, страшная обличьем. У нее были острые зубы, огромное брюхо, и шкура у нее была грубой и жесткой. Когда она увидела двух воинов, идущих к пещере, то выступила им навстречу и сказала Лакшмане, который шел первым: «Пойдем со мною, прекрасный воин, я хочу насладиться с тобой любовью». Она обняла Лакшману за шею и ласково с ним заговорила: «О милый воин, я рада твоему приходу. Меня зовут Айомукхи, и мы будем любить друг друга вечно на этих горных зеленых склонах, на берегах веселых горных речек».

Великий гнев обуял младшего брата Рамы, и он острым кинжалом отрезал чудовищу нос, уши и отвисшую низко грудь. Со страшным воплем ракшаси бросилась прочь от сыновей Дашаратхи, а они пошли своей дорогой дальше. Все вокруг было тихо и спокойно, но вскоре дурные предзнаменования встревожили Раму и Лакшману. Закричали лесные птицы, налетел вихрем могучий ветер, и густая тьма опустилась на землю. Что-то страшное надвигалось на сыновей Дашаратхи, и предчувствие беды томило душу юного брата Рамы. Вскоре братья увидели огромного ракшаса, стоявшего посреди дороги. У него не было головы и шеи, и смотреть на него было страшно. Пасть его с острыми клыками

была посредине огромного брюха, и добычу он загребал длинными руками. И все, что ему попадалось в руки, он отправлял в прожорливое брюхо. И когда братья-царевичи подошли к нему поближе, он схватил их своими могучими руками и потянул к своей раскрытой пасти. Ракшас обрадовался добыче и сказал Рама и Лакшмане: «О прекрасные воины, я ждал вас, я давно хочу утолить голод. Сама судьба прислала мне вас на ужин». Но Рама и Лакшмана достали из ножен острые кинжалы и одним взмахом отсекали чудовищу длинные алчные лапы. Ракшас заревел от боли и, обливаясь кровью, крикнул сыновьям Дашаратхи: «Кто вы такие?»

Лакшмана рассказал ракшасу, которого звали Кабандха, что они царевичи из Айодхьи, что жестокая Кайкейи отправила их в леса в изгнание, что ракшасы похитили прекрасную супругу Рамы и что они идут на юг искать Ситу. «А ты кто такой?» — спросил его младший сын Дашаратхи, и страшный ракшас ему ответил: «Благо вам, доблестные герои. Я счастлив и рад, что встретил вас на лесной дороге. Послушайте, я расскажу вам, что со мною однажды случилось.

Некогда я был юн и прекрасен и красота моя славилась повсюду. Но я любил забавляться, пугая по ночам благочестивых отшельников. Я принимал разные обличья, одно было страшнее другого. И однажды некий отшельник, которому я помешал совершать жертвенные обряды, проклял меня: „Да будешь ты вечно страшилищем ужасным и да возненавидят тебя люди“. Тогда я стал умолять его снять с меня проклятие, и подвижник сжалился надо мною. Он сказал мне: „Твоя красота к тебе вернется, когда Рама, сын Дашаратхи, отсечет тебе руки и на костре сожжет твоё тело“. Но на этом не кончились мои несчастья. Я разгневал непомерной своей гордыней Индру, и он ударом молнии вогнал мне голову в брюхо и отнял у меня ноги. А чтобы я с голоду не умер, он удлинил мне на йоджану руки. А пасть мне Индра сотворил в брюхе. Так я и жил долгие годы, загребая добычу длинными руками и отправляя ее прямо в брюхо. Но Индра сказал мне напоследок: „Когда придут сюда сыновья Дашаратхи, когда они отсекут тебе руки и сожгут на огне твоё тело, тогда ты достигнешь, гордый ракшас, неба“».

Жалко стало Рама лесное чудовище, и он обещал ему сжечь на костре его тело. А потом Рама спросил у него, не знает ли он, кто такой Равана и где он и какая к нему ведет дорога. Но ракшас ничего не помнил: Индра отнял у него вместе с головой и память. И он ничего не смог сказать сыновьям Дашаратхи. Только, прощаясь перед смертью, он прибавил: «Ты сожги меня, Рама, скорее, и тогда я вспомню, кто может тебе помочь».

Рама и Лакшмана разожгли большой костер в глубокой пещере, бросили ракшаса в жаркое пламя, и тело его вспыхнуло, как масло. И вскоре в пламени костра появился высокий муж, красивый и стройный. На нем были белые одежды, и гирлянды украшали его шею. Он медленно стал подниматься в небо, и там ждала его небесная колесница, запряженная белыми лебедями. И он сказал сыновьям Дашаратхи из поднебесья: «Вам нужны помощники и друзья в борьбе за Ситу. Ступайте к озеру Пампа. Там на горе Ришьямука живет могучий царь обезьян Сугрива, и с ним его четыре друга. Сугрива утратил свое царство, и сейчас он в горе и печали. Идите, воины, к Сугриве, он поможет вам отыскать Ситу». И колесница, запряженная лебедями, умчалась в чертоги Индры.

Рама и Лакшмана пошли на запад, к озеру Пампа. Из леса в лес вела их длинная дорога, от одной горной вершины к другой. На склонах холмов проводили они ночи и питались кореньями и плодами. Долго шли сыновья Дашаратхи к озеру Пампа, и наконец берега его открылись перед ними.

Прекрасно было озеро Пампа. Вода в нем была тихая, чистая и голубая. Красные и белые лотосы цвели на спокойных водах Пампы, и плескались у берега лебеди и утки. Вкусная, чудесная рыба водилась в озерных глубинах, и непуганые звери приходили к озеру утолять жажду. Желтый нежный песок покрывал берега Пампы, и кругом благоухали ароматом дивные цветы и зеленые деревья.

книга четвертая

Кишкиндха

Встреча с Сугривой, царем обезьян

Начиналась теплая весна, когда Рама и Лакшмана пришли на чудесный берег озера Пампа. Все кругом расцветало, и нежная зеленая трава растилась под ногами сыновей Дашаратхи. Цветы повсюду раскрывали свои бутоны и сладостно благоухали. Легкий и нежный ветерок, подобный дыханию прекрасной Ситы, овеивал братьев чудесным ароматом. Птицы радостно порхали с ветки на ветку и весело резвились, предаваясь любви и забавам. Пчелы неумолимо вились над цветами, пили радужные капельки росы из бутонов и томно жужжали. Прекрасная весна пробуждала к любви на земле все живое.

Печальный Рама сидел на берегу озера Пампа и вспоминал, как любил приход весны Сита, как оба они радовались первым весенним дням. Горестные слезы текли по щекам сына Дашаратхи, и он говорил Лакшмане печально: «Я не могу жить без Ситы, о сын Сумитры; не могу дышать, не видя глаз ее, удлинненных, как лепестки лотоса; не могу пить, не могу есть без улыбки ее и ласковых прикосновений. И дивно, о верный брат мой, все, что любил я раньше, все, что радовало мою душу, мне теперь, без Ситы, постыло: и эта весна с ее красою, и цветов душистый запах, и вся эта красота, что нас окружает, и птицы эти, и звери, и пчелы, которые полны сейчас любовной неги. Воротись, друг мой, в Айодхью. Бхарата своих братьев любит, он тебя ласково встретит. А мне теперь ничего не нужно — ни царства, ни власти, ни богатства. Была бы только рядом со мною Сита, и жили бы мы с нею в этом краю чудесном, и ничего мне больше не надо».

Лакшмана, любящий и верный, горевал вместе со своим старшим братом, утешал его ласковым словом и просил быть твердым, мужественным и терпеливым в случившемся с ним несчастье.

Братья отдохнули на берегу прекрасного озера Пампа и пошли к горе Ришьямука.

И увидел их повелитель обезьян Сугрива, лишенный власти своим братом Валином. Сугрива сидел со своими друзьями на вершине горы Ришьямука и со страхом смотрел на сыновей Дашаратхи, идущих по лесной дороге. В руках у них были луки и стрелы, у пояса висели кинжалы, на плечах были оленьи шкуры. Одежда на них была из бересты, и волосы, как у подвижников, заплетены в косы. Когда Сугрива увидел этих грозных воинов, он стал бегать по горной вершине и от страха не мог найти себе места. Бедный Сугрива подумал, что это брат его Валин прислал к нему беспощадных убийц под видом благочестивых подвижников.

Неизвестность и страх истомили испуганного Сугриву, и тогда он сказал Хануману, сыну Вайю, бога ветра, своему верному советнику и другу: «Спустись, Хануман, в долину и узнай, кто эти воины и куда они свой путь держат».

Хануман умел принимать любое обличье, огромным прыжком он спустился с горы в долину и обернулся нищим бродягой. Он подошел к сыновьям Дашаратхи, с почтением им поклонился и обратился к ним с вежливой речью: «По виду вы подвижники лесные, и люди вас, должно быть, почитают за святость. Но в руках у вас грозное оружие, и оно внушает страх обитателям леса. У вас могучие и длинные руки; как у львов, крепки ваши плечи, и поступь ваша царственна и властна. Лица у вас обоих прекрасны, и облик ваш говорит мне, что ваш род знаменит и знатен. Скажите мне, кто вы, о воины, и откуда. Меня послал к вам благородный Сугрива, еще недавно он был царем грозным и могучим, но коварный брат лишил его престола. В окружении своих верных друзей Сугрива живет на горной вершине Ришьямука. Я — Хануман, сын бога ветра и первый советник Сугривы».

Братья немного помолчали, а потом Рама велел Лакшмане ответить Хануману. И Лакшмана свой рассказ начал такими словами: «Наш отец — царь Кошалы Дашаратха, а мы его сыновья — Рама и Лакшмана. Мы добровольно ушли в леса, в изгнание, чтобы избавить отца от бесчестия. Равана, владыка ракшасов, похитил Ситу, прекрасную супругу Рамы. В поисках Ситы мы шли на юг по лесным дорогам, и встретился нам ракшас по имени Кабандха. Он сказал, чтобы мы шли к озеру Пампа, к горе Ришьямука, к повелителю обезьян Сугриве. „Он поможет вам, — сказал Кабандха, — отыскать путь в царство Раваны и вызволить из плена Ситу”. И вот мы пришли к озеру Пампа, к горе Ришьямука, и хотим найти Сугриву и просить его оказать нам помощь». Так говорил

Лакшмана, вспоминая все, что с ними случилось, и горькие слезы текли у него из глаз не переставая.

Мудрый Хануман ответил Лакшмане: «Мой повелитель Сутрива, как и вы, пребывает в печали и несчастье. Его лишил власти и богатства его могучий и жестокий брат Валин. Но сын Солнца, великий Сутрива, поможет вам вместе с нами отыскать прекрасную Ситу и вызволить ее из плена». И Хануман вместе с сыновьями Дашаратхи направился к господину своему Сутриве, а Рама и Лакшмана радовались встрече с благочестивым Хануманом, и на душе у них стало веселее. Хануман говорил с ними искренне и правдиво, и сыновья Дашаратхи поверили его обещаниям.

Когда они поднялись на вершину Ришьямуки, первый советник Сутривы доложил своему государю: «О мудрейший владыка, один из тех воинов, что пришли к нам, — это Рама, сын Дашаратхи, из рода царей Айодхьи; с ним Лакшмана, его младший брат. Они ушли из Айодхьи в изгнание, чтобы славный отец их не нарушил данного им слова и не навлек на себя позора. Сыновья Дашаратхи пришли сюда для встречи с тобою, они ищут твоей дружбы и союза с тобою. Когда Рама и Лакшмана были на охоте, коварный Равана похитил прекрасную Ситу, нежную супругу Рамы. Братьям надо отыскать к Раване дорогу и освободить царевну Митхилы. Сыновья Дашаратхи — могучие воины, не знающие поражений. Ты должен принять их, владыка, ласково и дружелюбно».

Слова Ханумана успокоили Сутриву. Он с радостной улыбкой вышел к сыновьям Дашаратхи и молвил с почтением Рама: «Государь, сын Ветра сказал мне, что ты ищешь дружбы со мною, что нет у тебя враждебных мне намерений. Великая честь для меня — союз с тобою. Ведь ты, о Рама, — великий воин из древнего и славного рода, а я — всего лишь бедная обезьяна без царства, без власти, без богатства. И если Хануман сказал правду, то я протягиваю тебе руку дружбы и предлагаю скрепить наш союз клятвой».

Рама с радостью пожал руку Сутриве, и они договорились о союзе, а затем по-братски обнялись. Хануман взял две сухие дощечки, стал тереть их одну о другую и добыл огонь для совершения жертвенного обряда. Друзья принесли богу огня, великому Агни, жертвы ароматными цветами, а затем Хануман поставил Сутриву и Раму у костра, одного против другого. Сутрива и Рама обошли вокруг огня, пылавшего ярко, и обряд заключения союза завершился. «Ты друг моего сердца, — говорил ласково Сутрива Рама, — и одни у нас отныне радости и беды».

Друзья сели на траву на вершине горы Ришьямука, и Сутрива рассказал сыновьям Дашаратхи печальную историю своей жизни: «Уже

много лет я живу под гнетом вечного страха за свою жизнь. Меня всего лишили — царства, жены и богатства. Одно за другим преследуют меня несчастья, и в этом диком краю я спасаю свою жизнь. Мой злейший враг — могучий брат мой Валин, и он неустанно ищет моей смерти. Избавь меня, великий Рама, от страха перед Валином, от страха перед смертью, который он мне угрожает. О Рама! Помоги мне избавиться от страха!»

Благородный Рама ответил Сугриве: «О могучий вождь обезьян! Я свято исполняю все законы, которые предписывает дружба. Похититель твоей супруги погибнет. Ты сегодня увидишь его мертвым. Мои стрелы, подобные ядовитым змеям, лишат жестокого Валина жизни». Слова доблестного сына Дашаратхи вдохнули в печального Сугриву радость и надежду, и он с благодарностью сказал Рама: «О Рама, ты — великий витязь! И среди воинов ты могучему льву подобен! Твоя сила вернет мне жену и царство! О божественный, непобедимый Рама, исполни свое обещание!

Послушай меня, о великий Рама, я знаю, какие беды привели тебя к озеру Пампа на поиски несчастного Сугривы. Хануман рассказал мне об этом. О всемогущий сокрушитель врагов, поверь мне, мы отыщем твою супругу, куда бы Равана ее ни спрятал. Когда коварный Равана уносил в поднебесье твою супругу, бедная Сита горестно кричала: „О Рама! О Лакшмана!“ Увидев меня и моих верных друзей на горной вершине, она сбросила вниз лоскут своего платья. Я подобрал и сохранил этот лоскут. Я передам его тебе, могучий Рама, и ты его, наверное, узнаешь». Сугрива побежал в горную пещеру и быстро вернулся с лоскутком желтого шелка. Рама взял его бережно в ладони, и на глазах его заблестали слезы. И стало лицо Рамы как луна, покрытая росой. Рама сел печально на землю, устремил глаза на клочок платья Ситы и не мог отвести от него взора. Наконец Рама спросил Сугриву: «Скажи мне, Сугрива, когда ты видел бедную Ситу; скажи мне, где живет этот ракшас-похититель. Он совершил тяжкое преступление, он нанес мне смертельную рану, и все ракшасы на земле вместе с ним от моей руки погибнут».

Сугрива отвечал Рама, что не знает он, где живет и прячется Равана и каковы его оружие и войско. «Но ты не печалься, — сказал Сугрива Рама, — я честно клянусь помочь тебе вызволить Ситу. Но ты, могучий витязь, не предавайся так постигшему тебя горю. Ты — великий воитель, и крепка твоя воля, и негоже тебе, как женщине, проливать слезы. Когда горе целиком захватит человека, он уже не может бороться с врагами».

Слова Сугривы ободрили Раму, он вытер краем одежды лицо, залитое слезами, ласково обнял своего друга-обезьяну и сказал: «Скажи мне,

Сугрива, что нужно сейчас для тебя сделать? Ты утешил меня своею дружбой и вернул мне бодрость и силу. С моей помощью ты всего достигнешь, я исполню все твои пожелания. Никогда в жизни не говорил я неправды, и ты сам в этом убедишься».

Так они беседовали друг с другом и радовались своему союзу и дружбе. А затем Рама сказал Сугриве: «Теперь ты мой верный друг и союзник. Расскажи мне все без утайки, почему возникла у тебя вражда с твоим братом. Если я буду знать правду о ваших раздорах, если будет мне доподлинно известно, в чем твоя правота перед братом, легче мне будет помогать тебе добиться справедливости и счастья».

И Сугрива стал рассказывать Раме, как случилась у него вражда с братом Валином, как потерял он жену, престол и богатство: «Когда скончался наш великий родитель, царем стал мой старший брат Валин, а я был ему верным другом и слугою. Но однажды пришла беда к воротам Кишкиндхи, нашей столицы. Пришел туда могучий асура по имени Маяви, постучал кулаком в ворота и, страшно рыча, вызвал Валина на поединок. Это случилось ночью, и все обитатели Кишкиндхи спали. Страшное рычание Маяви разбудило моего царственного брата. Горестно заплакали его жены, они просили Валина не вступать с асурой в схватку ночью, но храбрый брат мой их не послушал и бросился асуре навстречу. Жены царя Кишкиндхи преградили ему дорогу, бросились с мольбой перед ним на колени, но Валин отстранил их и пошел в гнев к воротам Кишкиндхи. Я был преданным и любящим братом и пошел за государем следом. Но когда асура увидел, что нас перед ним двое, он испугался и обратился в бегство. Полная луна ярко блистала на небосводе, и дорога была светла и пустынна. Мы побежали за ним в погоню. Вскоре он добежал до большой норы, которая вела в глубокую подземную пещеру, вскочил в нее, а мы с Валином остались снаружи. Царем Кишкиндхи овладела ярость, и он сказал мне: „Ты, Сугрива, стой на страже у входа, а я ползу в подземелье и убью там дерзкого Маяви“. Целый год я простоял на страже у входа в подземелье, а брат мой все не появлялся. А потом я увидел, что из норы кровь потекла ручьями, и до слуха моего докатилось рычание асуры Маяви. А голоса брата моего не было слышно. Горькая печаль тогда меня охватила. Я подумал, что брат мой, наверное, погиб в этой подземной битве, и я вернулся в Кишкиндху, завалив большой скалой вход в пещеру.

Когда я, охваченный горем, рассказал о случившемся несчастье царским советникам в Кишкиндхе, они решили посадить меня на царство.

Я старался править мудро и справедливо, но вдруг однажды приходит в Кишкиндху Валин, живой и невредимый. Он убил своего врага в битве, и глаза его покраснели от гнева, когда он увидел меня на престоле. Своих советников он предал страшной казни, обвинив их в коварной измене, а на меня набросился с бранью. Валин всегда был для меня господином, и я покорно слушал его упреки. Я радовался его победе и счастлив был, что он вернулся в Кишкиндху. Я почтительно перед ним склонился и поставил себе на голову его ногу. Но злоба и ярость Валина не утихли. Он не хотел мне больше верить, и я стал опасаться за свою жизнь. Я хотел умили-вить Валина и сказал ему искренне и правдиво: „Какое великое счастье, государь, для Кишкиндхи, что ты вернулся здоровым и невредимым, уни-чтожив своего врага в кровавом поединке. Ведь ты для нас — прибежище и защита, и беспомощны мы, когда ты не с нами. Я буду счастлив, великий царь, служить тебе снова верой и правдой. Целый год я ждал тебя у входа в пещеру, не отходя от него ни на минуту. А потом я увидел кровь, текущую из пещеры, услышал победные крики Маяви, а твоего голоса не слышал. В великом горе я оплакал твою кончину, завалил скалой вход в пещеру и пошел в печали в Кишкиндху. Твои друзья, советники и родные, остав-шись без великого государя, заставили меня править странюю. Но вот, к радости всей Кишкиндхи, ты вернулся, победоносный, и правь теперь ты нашей державой, а я снова буду твоим верным слугою”.

Но Валин мне больше не верил. Он осыпал меня жестокой бранью, обвинял меня в предательстве коварном и причинил мне смертельную оби-ду. А затем он собрал в дворцовом зале своих приближенных и рассказал им, как преследовал он асуру Маяви, как искал его год целый в подземелье и убил его в жестокой битве. А потом Валин стал выбираться из пещеры и не мог никак оттуда выйти. Он звал меня на помощь и не мог дозваться, и с большим трудом ему удалось кое-как отодвинуть скалу от входа и вы-браться из подземелья. И вот он пришел к себе в столицу и застал другого на престоле. И Валин сказал своим приближенным, что он обвиняет меня в измене. Он сказал им, что я нарочно не стал его дожидаться, что я поку-сился на его жизнь, завалив вход в пещеру, чтобы захватить власть в Киш-киндхе. А затем Валин с одобрения своих приближенных отобрал у меня дом, жену и богатство и выгнал меня из Кишкиндхи.

И стал я бродить по свету и нигде не мог найти безопасного места. Мне нужно было где-нибудь укрыться от Валина, чтобы оградить себя от его злобы и мести». Так закончил свой печальный рассказ Сугрива, и Раме стало жалко несчастную обезьяну. Жестокость и несправедливость

Валина разгневала благородного сына Дашаратхи, и он обещал Сугриве достойно наказать его злого брата.

Неведомо было печальному Сугриве, как могуч был старший сын Дашаратхи. Он боялся, не случится ли так, что Валин окажется сильнее Рамы. И тогда Сугрива решил рассказать Раме о том, как Валин сражался с асурой Дандхуви: «Асура был огромного роста, и сила у него была неизмерима. Он со многими вступал в единоборство, но достойного ему соперника не находилось. Дандхуви с корнем вырывал из земли деревья, играл скалой, как деревянным мячиком, и мог по желанию обращаться в свирепого буйвола с острыми и крепкими рогами.

И вот однажды сведущие люди сказали асуре, чтобы он направился в Кишкиндху и вызвал на поединок Валина. Они рассказали ему, что Валин обладает непомерной силой и с охотой вступит с ним в единоборство. Асура так и сделал. Обернувшись свирепым буйволом, он подошел к воротам Кишкиндхи, страшно заревел и стал рыть копытами землю, с нетерпением ожидая битвы.

В этот час Валин был в своих покоях, и его окружали прекрасные и юные жены. Яростный крик буйвола его растревожил, и Валин помчался к воротам Кишкиндхи. Битва между ними была недолгой. Страшным ударом в темя Валин лишил буйвола жизни, а труп его забросил в лес, где жил отшельник Матанга. Тело буйвола пролетело по воздуху несколько йоджан, упало на землю рядом с хижинкой Матанги, и на одежду подвижника брызнула кровь Дандхуви. Мудрый Матанга знал все, что творится на свете, и понял, что это Валин виноват в том, что его одежда окропилась кровью. И тогда благочестивый подвижник сказал, что если Валин посмеет вступить в его лес хоть однажды, не избежать тому страшного проклятия. Поэтому, — сказал Сугрива Раме, — я и обитаю здесь, у леса Матанги, — Валин не решается и подходить к нему близко.

Я рассказал тебе все это, Рама, чтобы знал ты, насколько силен грозный Валин, чтобы ты еще раз подумал, можно ли тебе вступать с ним в единоборство. Хватит ли у тебя, благородный сын Дашаратхи, силы справиться в битве с Валином? Докажи мне чем-нибудь, что силы у тебя больше!»

Тогда Рама достал стрелу, натянул лук и спустил с тетивы стрелу. И та стрела насквозь пробила стволы семи деревьев, как масло, пронзила горную вершину и вернулась к Раме в колчан обратно. И Сугрива не мог сдержать своего восторга — от радости он пустился в пляс, сравнивая сына Дашаратхи с Индрой, воителем небесным. Более не сомневался Сугрива в победе доблестного Рамы.

Победа над Валином

Друзья собирались в путь недолго и вскоре отправились в Кишкиндху. Когда они подошли к городским воротам, Рама и Лакшмана укрылись в лесу, а Сугрива остался один у ворот и стал рычать громко и страшно. Заслышав это рычание, означавшее вызов на поединок, Валин выбежал из ворот Кишкиндхи, и началась смертельная схватка между братьями — обезьяньими вождями. А Рама стоял в лесу с луком и стрелами наготове, но стрелять не решался: он боялся попасть стрелой в своего друга Сугриву. Два брата были очень похожи друг на друга, и в бою нельзя было их отличить одного от другого. Бой недолго продолжался — Валин вскоре одолел Сугриву, и тот, разгневанный и побитый, побежал в лес. Лес принадлежал Матанге, и Валин боялся преследовать Сугриву, боялся, что проклянет его мудрый отшельник.

Сыновья Дашаратхи окружили Сугриву, успокоили бальзамом его раны, и Рама в ответ на упреки Сугривы объяснил ему, почему он стрелять не решился. «Вас нельзя было отличить друг от друга, — сказал ему Рама. — Я мог убить тебя своею стрелою и лишиться союзника и друга».

Рама велел Сугриве снова вызвать Валина на поединок, но попросил Сугриву надеть на себя что-нибудь, что отличало бы его от брата. Тогда Сугрива надел на шею цветочную гирлянду, и все трое опять пошли к воротам Кишкиндхи. По дороге из лесу Сугрива обратился к Рама с просьбой: «Я боюсь, великий сын Дашаратхи, снова вступать в битву с Валином. Брат мой превосходит меня силой и опять побьет меня пре- больно. Все тело мое ломит от его могучих ударов. Я прошу тебя, Рама,

на этот раз ты помоги мне одолеть его в поединке. Без твоей помощи я не справлюсь с Валином, и я боюсь, что ты снова останешься безучастным». Но Рама успокоил своего друга и уверил Сугриву, что Валин будет сурово наказан.

Царь Кишкиндхи забавлялся игрой в женских покоях, когда снова раздался у ворот столицы боевой клич Сугривы, призывающий государя на битву. Валин поднялся с ложа, гнев охватил его душу, и глаза от ярости налились кровью. Шерсть на теле его встала дыбом, пасть оскалилась в грозной улыбке, и острые клыки кровожадно обнажились. Тара, любимая супруга Валина, побежала за ним следом, обняла его крепко и, томимая тяжелым предчувствием, с тревогой в сердце сказала государю: «Успокой свою ярость, великий! Она стремительна, как воды горного потока, и быстро проходит. Ты отбрось свой гнев, как ночной венок, который снимают, подымаясь с ложа. Отложи, повелитель, поединок до завтра. Сегодня я тревожусь за твою жизнь. Твоя гордость воина и честь полководца не могут пострадать нисколько — ведь ты побил его в поединке сегодня. Сегодня я боюсь несчастья. И вот что меня тревожит: совсем недавно была между вами схватка, ты победил Сугриву и сильно ранил, но он снова вернулся и требует продолжения поединка. Значит, он не один вернулся, значит, он надеется на чью-то помощь, раз, будучи битым, решился снова с тобою драться. Я слышала, что Сугрива заключил союз и дружбу с сыновьями Дашаратхи, с могучим Рамой и его верным братом, а они не знают поражений в битвах. Я хорошо знаю Сугриву: он сначала узнал, сколь сильны сыновья Дашаратхи, а потом уже вступил с ними в союз и дружбу. Великий Рама по силе и воинскому искусству не знает себе равных, и все слабые и обиженные в этом мире находят у него помощь и поддержку. Ты не должен вступать в борьбу с сыновьями Дашаратхи, с ними надо искать союза и дружбы. Смирись, подави в душе своей вражду к Сугриве. Он — твой младший брат, он был тебе всегда предан и служил тебе верно. Поверь, любимый супруг мой, что я тебе только добра желаю, и последуй моему совету».

Но Валин не последовал совету Тары, он весь был во власти гнева. Он не прислушался к мудрому слову и пошел навстречу своей смерти. Он отстранил от себя рыдающую супругу и сказал ей: «Какой бы я был воин, если бы я уклонялся от вызова на поединок? Что сказали бы обо мне обитатели Кишкиндхи? Кто стал бы уважать трусливого государя? Для настоящего воина лучше смерть, чем позорное бегство с поля битвы. Но я даю тебе, Тара, слово. Убивать я Сугриву не буду. Я лишь поколочу

его крепко, усмирю его гордыню, но жизни его лишать не стану. А ты, милая супруга, сейчас не удерживай меня и не мешай мне, если ты истинно меня любишь, и ступай к другим женщинам моего дома. Я уйду ненадолго и вернусь обратно очень скоро».

Обливаясь горькими слезами, Тара крепко обняла своего супруга, благословила его на битву с Сугривой и, охваченная горем, ушла на женскую половину.

Валин быстро выбежал за ворота Кишкиндхи и встал, сжимая могучие кулаки, напротив яростного Сугривы. И Валин сказал младшему брату: «Один лишь раз я тебя ударю, и ты расстанешься, подлый изменник, с жизнью».

Братья стали наступать друг на друга и наносить друг другу жестокие удары. Они сражались кулаками, ногами и зубами. Шерсть клочьями летела в стороны, и кровь заливала землю. Однако вскоре государь Кишкиндхи стал одолевать Сугриву. Рама заметил из своего лесного убежища, как слабеют силы у его союзника и друга. Тогда он взял в руки лук, достал из колчана острые стрелы и одну положил на тетиву. Затем Рама прицелился хорошенько в царя Кишкиндхи и выстрелил меткой стрелой. Молнией блеснула золоченая стрела сына Дашаратхи и впиалась прямо в грудь несправедного Валина. Государь Кишкиндхи зашатался, стал хвататься руками за воздух, рассудок его помутился от великой боли, и, как дерево, подрубленное дровосеком, Валин рухнул на землю.

Тогда Рама и Лакшмана вышли из засады и вместе с Сугривой подошли к умирающему царю Кишкиндхи. Могучий владыка обезьяньего царства обратился перед смертью к Раме с такою речью: «Люди говорят про тебя, сын Дашаратхи, что ты правдив, благороден и честен, что ты — прибежище и защита для всех, кто слаб и обижен. Теперь я знаю, что люди говорили неправду. Ведь я ничем тебя не обидел, не причинял зла твоим друзьям и близким. Я — всего лишь бедная обезьяна, которая живет в лесах и питается кореньями и плодами. Открыто я вышел на бой с Сугривой, и не я первый эту битву начал. Сам Сугрива дважды послал мне вызов. Я думал, что у нас будет честный поединок. И хотя я знал, что ты, Рама, находишься рядом, я полагался на твоё благородство. Видно, права была Тара. Теперь я знаю, что старший сын Дашаратхи коварен, хитер и нечестен. Ты стрелял в меня, укрывшись в засаде, когда я сошелся в честном поединке с Сугривой».

Так сказал Валин великому союзнику Сугривы и замолк, не добавив больше ни слова.

Тогда Рама ответил умирающему Валину: «Все земли, леса, горы и реки и все люди, живущие на этих землях, все лесные звери и птицы, все, что простирается отсюда на юг и север, на восток и на запад, — все это владения моего царственного рода, и правит этим обширным государством мой брат, благородный и справедливый Бхарата. Он сам наказывает сурово и велит наказывать нам, своим братьям, всякого, кто покусится на сестру, на жену отца или брата. Ты же отнял у Сугривы супругу и наслаждаешься с чужой женой грешной любовью. Потому ты, Валин, наказан мною. Так велит поступать закон, таков долг благочестивого кшатрия. Но ты забыл еще, Валин, что ты просто зверь, а я охотник. Закон позволяет бить зверя из засады. Это вечный закон охоты. Ты не должен роптать на законы — их нам устанавливают всемогущие боги. Поэтому я твоих упреков не приемлю, и несправедливы были твои речи, отважный витязь».

Умирающий Валин не стал перечить сыну Дашаратхи, он только сказал великому Раме: «Есть у меня любимая супруга, есть у меня любимый сын Ангада. Я прошу тебя, сын Дашаратхи, позаботься о них после моей смерти». И Рама обещал ему их не оставить.

Вскоре Тара узнала о гибели своего супруга. Слуги рассказали ей, что царь Кишкиндхи убит великим Рамой, и она, охваченная горем, как безумная выбежала из Кишкиндхи. Там она увидела сыновей Дашаратхи, стоявших с луком и стрелами у тела Валина, и в страхе убежала обратно. Потом она снова выглянула за ворота и увидела с болью в сердце, как разбегаются во все стороны перепуганные обезьяны, — они потеряли своего могучего вождя и теперь боялись потерять свою жизнь. И тогда благородная Тара, скорбящая о погибшем муже, сказала напуганным Рамой обезьянам: «О верные подданные моего супруга, почему вы бежите в страхе, покинув своего умирающего государя? Вы все дрожите от испуга, ваши души потрясены несчастьем, но разве вам не стыдно бросать своего господина, за которого вы должны сражаться?»

Но упреки Тары не остановили бегущих. Они так были напуганы сыном Дашаратхи, что только сказали своей царице: «Беги и ты с нами и спасай от гибели своего сына. Сама Смерть в облике Рамы пришла сюда за нами. Если мы останемся в столице, то все погибнем, и дети наши погибнут вместе с нами». Но печальная Тара ни на шаг не сдвинулась с места и горестно вздохнула; она сказала бегущим в испуге обезьянам: «Валина, государя нашего, нет с нами, и не знаю я, что мне делать! Кто будет править в Кишкиндхе, кто будет охранять меня и Ангаду?»

И что теперь будет с нами? Я не покину Кишкиндху, а пойду преклонюсь головою к стопам доблестного Валина». И молодая вдова зарыдала, стала царапать свое лицо ногтями и направилась к мертвому телу своего супруга. Около Валина в глубоком молчании стояли сыновья Дашаратхи, и с ними стоял брат умирающего государя — Сугрива. Скорбно прошла мимо них плачущая Тара, и рассудок ее помутился от горя, и упала она на землю, когда увидела убитого супруга.

Вскоре Тара очнулась и, поднявшись с земли, громко и горестно закричала. Она крепко обнимала погибшего в бою Валина и стонала в печали: «О могучий воин, ты наводил на врагов ужас в битвах, но зачем ты не послушал меня сегодня? Встань с сырой земли, могучий Валин, у тебя в Кишкиндхе есть лучшее ложе! Не подобает великому государю почивать на сырой земле. Я вижу, что ты меня не любишь уже больше, холодная земля стала тебе дороже. Ты ее согреваешь своим телом, а меня ты навсегда отвергнул. О горе! Ты убит, наш мудрый владыка, а я навсегда лишилась радости и надежды. На части разрывается мое сердце от скорби, когда гляжу я на тебя, повергнутого врагами. Не надо было тебе отнимать у Сугривы супругу! Видно, боги нам этого не простили. На вдовство ты обрек меня, неистовый в гневе, и станет беззащитным сиротой наш сын Ангада. Я всегда жила в роскоши и неге, а теперь позорная нищета выпадет на нашу долю. Младший брат твой Сугрива стал совсем бессердечным от злобы, мне и Ангаде будет плохо, когда он станет государем Кишкиндхи. О милый сын мой Ангада, взгляни на отца своего, могучего государя! Ведь ты никогда не увидишь его больше. О Сугрива, ты дождался наконец своей победы и вернул себе Руму, твою любимую супругу. Можешь теперь радоваться, Сугрива! С помощью великого Рамы ты погубил своего родного брата и сам теперь будешь править Кишкиндхой».

Всех обитателей Кишкиндхи тронули рыдания Тары, и они вместе с ней горестно причитали: «О могучий Валин! О доблестный воин! Ты уходишь в далекую страну, а нас не берешь с собою. Ты оставил свою супругу Тару, ты покинул сына Ангаду, и вся Кишкиндха стала сиротою. Мы склоняемся перед тобой с мольбою, прости нам, государь, грехи наши!»

Тогда Хануман, благородный и мудрый, обратился к рыдающей Таре с речью: «Перестань причитать и плакать, царица. Твой супруг немало совершил прегрешений. Он отобрал прекрасную Руму у брата, прогнал преданного Сугриву из Кишкиндхи, оставил его без семьи и богатства. Долгие годы Валин преследовал Сугриву и угрожал ему неустанно смер-

тью. Теперь твой супруг наказан за это. И наказали его справедливо. Тебе нужно о себе подумать и о сыне своем Ангаде. Валина мы с почестями похороним, а твой юный сын станет наследником престола. Это будет справедливо и тебя, наверное, утешит».

Тара лежала на земле рядом с Валином, как звезда, низринутая с неба. Она так ответила мудрому и справедливому Хануману: «Сын мой мал, чтобы править царством, а мне, женщине, это не подобает. Престол надо передать дяде Ангады, Сугриве, брату убитого государя. И не о том вовсе моя печаль, я скорблю по убитому супругу. Нет у меня теперь радости в жизни, мне остались только молитвы».

Еще раз открыл Валин глаза перед смертью, посмотрел вокруг последним взглядом и сказал младшему брату: «Я часто бывал неразумным и совершал греховные поступки. Ты прости меня, Сугрива, я причинил тебе немало бед. Прими после меня мое царство, правь им мудро и справедливо и не забудь сына моего Ангаду. Пусть он найдет в тебе родного отца, и пусть он вырастет мужем разумным и храбрым. Не забудь, Сугрива, и прекрасную Тару, любящую мать и верную супругу. А ты, Ангада, во всем слушай Сугриву, почитай его как родного отца. Теперь он тебе отец, а ты ему сын».

Сугрива был бледен и печален, слушая последние слова государя Кишкиндхи. Вскоре Валин вздохнул последний раз и замер. Потускневшие глаза его закатились, отвисла могучая челюсть, и государь Кишкиндхи скончался.

Сугрива вновь воцаряется в Кишкиндхе

Прощальные ласковые речи Валина и безграничное горе Тары потрясли душу Сугривы. Он подошел к старшему сыну Дашаратхи и сказал ему печально: «О великий Рама, ты выполнил свое обещание, но я лишился всех радостей в жизни. Царица Тара убивается от горя, доблестный и могучий Валин оставил сына сиротою, и ни к чему мне царство; какая мне теперь от него радость? Прежде я желал смерти Валина. И вот мечта моя стала явью, а сердце мое разрывается от печали. Лучше мне уйти и жить на горе Ришьямука, не нужно мне власти и богатства, добытых такой дорогой ценой. Брат сказал мне перед своей кончиной: „Я не искал твоей смерти, Сугрива“. И Валин говорил правду. Всякий раз, когда мы вступали в схватку, он наносил мне жестокие удары, но всегда сохранял мне жизнь. А я дал волю страсти, злобе и чувству мести. И вот теперь великий грех лежит на мне, и нет оправдания моему поступку, не найти мне утешения в этом мире. Ангادا еще малый ребенок, ему не отец, а мать сейчас нужнее. А я взойду на костер вместе с братом, и на небе возродятся наша дружба и братство». Так говорил благородный Сугрива Раме, и сын Дашаратхи удивлялся доброте младшего брата Валина.

А потом и Тара подошла к Раме и попросила убить ее той же стрелой, от которой погиб ее супруг, могучий Валин: «Я не смогу жить на земле без мужа, и Валину без меня на небесах будет одиноко, а других женщин он не захочет. Горе разлуки со мною будет там терзать и мучить его душу».

«Если ты убьешь, меня, великий Рама, — говорила прекрасная Тара сыну Дашаратхи, — греха на твоей душе не будет. Ты сделаешь доброе дело, ты соединишь на небесах жену с мужем, и боги тебя за это не осудят».

Раму растрогали речи Тары, но он ей ответил сурово: «Все совершается на земле по воле богов — и рождение, и расцвет, и кончина. Мы, смертные люди, над своею жизнью не властны. А ты, Тара, молода и красива, и жизнь твоя Ангаде нужнее. Валин умер, и теперь ему не нужны твои слезы. Тебе надлежит думать о погребальном обряде. Государя Кишкиндхи надо проводить в последний путь с почетом. И не следует тебе с этим медлить. Необратимое время — первопричина всего в этом мире, оно — источник свершения действий. Движению времени даже вечность противостоять не может. Оно конца не имеет, и никто не в силах остановить его течение. Оно не владеет державой, нет у него друзей, могучих и верных, нету племени, нету рода, а никто не может с ним совладать. Время даже себе не подвластно. Только мудрый может постигнуть сокровенный смысл его течения. Но на земле все в его державной воле — и любовь, и труд, и богатство.

Повелитель Кишкиндхи — Валин получил то, чего добивался. Он пожинает плоды своих деяний. И когда тело его будет предано огню, душа его вступит в небесные пределы. Он был прежде благочестивым и мудрым государем и, несомненно, заслуживает неба. Я говорю тебе, Тара, еще раз, совершайте погребальный обряд». Но Тара не могла остановить рыданий. Тогда Лакшмана сказал Сугриве: «Не медли, государь, с погребением Валина. Ты сам, царица Тара и сын Валина — Ангада должны обо всем распорядиться. Но сначала пусть успокоится Ангада, он совсем потерял голову от горя. Прикажи, Сугрива, сложить погребальный костер, и пусть слуги положат в него куски благовонного сандала. Поручи Ангаде приготовить цветы, гирлянды, благовонные масла и драгоценные ткани. Пусть Тара пошлет слуг за носилками для Валина. Отберите могучих и крепких обезьян, оденьте их в белые одежды, они будут нести погребальные носилки. Приготовьте деньги для раздачи народу. Ты, Сугрива, сейчас государь в Кишкиндхе и сам должен обо всем подумать».

Носилки для погребения Валина были подобны небесному трону, украшенному изображениями птиц и деревьев. Они были убраны дорожками тканями и цветами, и решетчатые окошки на носилках блистали серебром и золотом. Сугрива и Ангада положили на них мертвое тело Валина, и могучие обезьяны в белых одеждах понесли умершего государя к погребальному костру.

Как великого и знатного владыку хоронили царя Кишкиндхи. Тара сидела с ним на носилках, и голова его покоилась у нее на коленях. Впереди

бежали слуги и бросали деньги жителям Кишкиндхи, а позади шли несметной толпой обезьяны. Тара громко и горестно рыдала, с нею вместе плакали все жители столицы; сотрясались от рыданий плечи воинов, несших носилки.

«О повелитель обезьян, — причитала Тара, — о мой господин, о милый, взгляни на меня. Ты лежишь как живой, и на лице твоём улыбка. Сама Смерть в облике Рамы пришла в Кишкиндху, и от удара одной стрелы мы все осиротели. О царь, вокруг тебя твои друзья, твои советники, твои вдовы, и все они рыдают. О сокрушитель врагов, о любимый, отошли всех обратно в город, а мы останемся здесь в лесу с тобою и будем любить друг друга». Так горестно причитала Тара, и все жены обезьяньих вождей вторили ей.

У высокой поленицы носилки с телом Валина остановились, и сошла с них на землю скорбная царица Тара. Вскоре слуги разожгли погребальный костер, на него поставили носилки с телом Валина, и владыка Кишкиндхи, казненный Рамой, отправился в благое путешествие на небо.

Жители Кишкиндхи в последний раз простились с Валином, омыли свои тела в речных водах и с печалью воротились в свои жилища.

После совершения обряда Хануман низко поклонился сыну Дашаратхи и обратился к нему с почтительной речью: «Войди, великий Рама, в гостеприимную Кишкиндху и возведи на престол своего союзника и друга Сугриву». Просьба Ханумана и Сугривы была приятна непобедимому Раме, но он отказался. Пока длились четырнадцать лет его изгнания, Рама не мог вступить ни в одно селение, ни в один город. Только в лесу он мог остановиться. И потому Рама ответил Хануману: «Вы сами посадите на престол Сугриву и вручите ему державную власть и богатство. Доблестный Сугрива пусть правит могучей Кишкиндхой, а наследником престола провозгласите Ангаду. Этого хотел сам Валин, и так будет справедливо. Скоро наступит дождливое время, четыре месяца оно продлится — для поисков Ситы не годится это время года. Вы ступайте себе в Кишкиндху, займитесь делами государства, а я и Лакшмана будем жить пока в горной пещере. Здесь кругом воздух свежий и чистый, есть вода, плоды и коренья, и жить нам здесь будет приятно».

Рама и Лакшмана простились с Сугривой и Хануманом и ушли в горную пещеру, а обезьяны направились в Кишкиндху.

Торжественно вступил Сугрива в свою столицу, полновластным властелином вошел в дворцовые покои и сел на престол государя Кишкиндхи. В руке он держал золотой жезл, над головой его был золотой зонт —

царское отличие, — а перед ним лежали дорогие подарки. Жители Киш-киндхи пришли поздравить нового государя и принесли ему лекарственные травы, воду в золотых кувшинах, плоды, корни, зерно и масло, цветы, дорогие ткани и тигровые шкуры. Шестнадцать молодых и красивых дев поднесли довольному Сугриве подарки, брахманы прочли священные молитвы, и Сугрива был признан всеми законным государем. Советники Сугривы объявили Ангаду наследником престола, и начались в Кишкиндхе великое ликование и радость. Рума с любовью и восторгом вернулась к прежнему супругу, и снова стал радоваться жизни благородный Сугрива. Хануман послал гонцов к великому Раме, и они доложили обо всем происшедшем доблестным сыновьям Дашаратхи.

Долгих четыре месяца надо было ждать Раме и Лакшмане, когда закончится дождливое время и наступит желанная осень. Осенью сыновья Дашаратхи решили продолжать поиски прекрасной Ситы. Рама и Лакшмана выбрали себе сухую и светлую пещеру и поселились в ней. Густой лес расстился вокруг. Леса и зеленые поляны тянулись чередою, и в лесах обитали львы, слоны и тигры. Кругом было много птицы и зверя, в водоемах водилась вкусная рыба, а в лесных плодах и кореньях не было недостатка. Здесь решили братья дожидаться осени.

Сугрива забывает о своем обещании

Когда Сугрива стал государем Кишкиндхи, он не стал заниматься царскими делами, а передал управление царством своим советникам. Они вершили суд и собирали налоги, охраняли границы Кишкиндхи от набегов, понуждали подданных соблюдать законы. А Сугрива предался забавам и утехам со своей женой Румой и Тарой, которая давно была ему желанной. Тара тоже стала супругой Сугривы, и он со своими женами не расставался. Все дни и ночи проводил он с ними, предаваясь любви и не ведая огорчений. В пирах и веселье проходило время государя Кишкиндхи, и он не замечал его течения.

Однажды Хануман напомнил Сугриве, что пора дождей подходит к концу и надо будет исполнять обещание, которое государь дал сыновьям Дашаратхи. «Пора нам, государь, — говорил Хануман Сугриве, — подумать о том, как помочь Рама в поисках Ситы. Дело это будет не простое, борьба с Раваной будет опасной. Но сначала нам надо найти его. А чтобы найти и одолеть похитителя Ситы, нужно огромное войско».

И Сугрива повелел созвать в Кишкиндху всех обезьян, живущих в этом мире, обучить их воинскому искусству и послать на поиски Ситы. Так сказал государь Хануману, удалился в свои покои и с женами опять не расставался.

Вскоре кончилось дождливое время, и нестерпимо стало Рама ожидание. Тоска по Сите становилась все сильнее, и однажды Рама сказал младшему брату: «Ты видишь, Лакшмана, отступает дождливое время. Земля уже насытилась влагой и принесла богатый урожай. Гром уже не грохочет так громко — тучи плывут к горным вершинам с тихим рокотом

и, приблизившись к ним, затихают. Они уже отдали земле всю влагу, посветлели и стали спокойнее, как слоны после весенней течки.

О сын Сумитры, затихли уже грозные бури и ливни, не слышно грома, успокоились птицы и звери. Вершины холмов, омытые дождями и залитые лунным светом, так прекрасны в эти светлые ночи! Воистину, наступает желанная осень и всему придает очарование: и зеленеющему лесу, и ласковому дневному солнцу, и лунному свету, и небесным звездам. Лотосы раскрываются с зарею, томно и приятно жужжат трудолюбивые пчелы, цветы наполняют воздух сладостным ароматом. Яростные слоны затихли, а лебеди слетелись к берегам рек отовсюду и, попавшись в сети великого Камы, весело играют. Гордые павлины гуляют, глядя в небо, как подвижники, созерцающие бога, отвергшие любовь и женщин. Золотые деревья с отяжелевшими от плодов ветвями согнулись и смотрят в землю. Успокоились речные потоки, просветлело небо, и веет тихий ветер, насыщенный ароматом лилий. Как красавицы в светлых одеждах, приходят ночи с серебряной луной, с яркими звездами, усеявшими все небо. И чистые воды Пампы с белоснежными лилиями, спящими на водной глади, подобны безоблачному ночному небу, украшенному звездами и луною. Легкий ветер колышет яркие цветы у берегов тихих речек, земля разрешилась от бремени богатым урожаем, и величавым спокойствием дышит вся природа. Это значит, о Лакшмана, что к нам пришла желанная осень, а дожди она надолго прогоняет.

О доблестный сын Сумитры, это время удобно для враждующих государей, которые ищут войны друг с другом. Осень — лучшее время для боевых походов, но не вижу я, чтобы Сугрива помнил о своем обещании. О сын Сумитры, я весь во власти тоски и горя, и эти четыре месяца дождей и грома показались мне столетием. Сугрива забыл обо мне, разлученном с дорогой супругой, лишенном царства, убитом горем. Не почувствует он моему несчастью; ему, счастливому, оно сейчас непонятно. Уж не думает ли он, что я уже для него не опасен, что оградят его от меня крепкие стены Кишкиндхи, что я без престола и власти для него недостойный противник? Уж не думает ли Сугрива, что Рама, оскорбленный похитителем Ситы, погруженный в мечты о любимой супруге, уже не в силах стрелять из лука? Видно, Сугрива забыл, кому он обязан своим счастьем!

Настало время приступить к розыску Ситы. Ступай, Лакшмана, в Кишкиндху и передай этому неразумному обезьянному государю: „Тот, кто нарушает слово, данное могучему покровителю и другу, не заслуживает

снисхождения. Тот же, кто держит свое слово, доброе оно или дурное, славится людьми повсюду. Тот, кто принимает от друзей помощь, любовь и ласку, а сам к несчастью друзей равнодушен, считается неблагодарным, и нет ему прощения в этом мире". И еще спроси, Лакшмана, у Сугривы, уж не хочет ли он увидеть на поле боя, как летят стрелы из моего золотого лука; уж не хочет ли он послушать, как в разгаре боя гудит, как гром небесный, тетива моего лука. Передай Сугриве, что, если он не выполнит свое обещание, с ним случится то же, что случилось с его братом Валином. Пусть государь Кишкиндхи вспомнит, что союз и дружба нужны нам обоим. Четыре месяца провел Сугрива в наслаждениях и забавах, а я томился в тоске и горе. И еще скажи нечестивому Сугриве, что, если он не приступит к поискам Ситы, Рама все его царство уничтожит и ни одной обезьяны на земле живой не оставит».

Лакшмана загорелся гневом, слушая речь старшего брата. Он очень любил великого Раму, вместе с ним тосковал о пропавшей Сите, делил с Рамой все радости и несчастья, и равнодушие Сугривы к их бедам приводило его в ярость.

«Сугриву надо убить и отправить на небо к Валину, — сказал Лакшмана горестному Раме. — Не следовало давать ему престол в Кишкиндхе». Но Рама успокоил разгневанного брата: «Ты ступай к Сугриве без ярости и злобы и напomini ему о его обещаниях».

И Лакшмана пошел в Кишкиндху. С грозным луком в руках, с глазами, покрасневшими от гнева, сын Сумитры шел через лес, как разъяренный слон, ломая деревья и дробя на куски камни, попадавшие ему под ноги. Но когда Лакшмана подошел к Кишкиндхе, то понял, что пройти в нее будет не просто. Кругом ходили обезьяны с могучими лапами и острыми клыками. Они испугались, когда увидели Лакшману, идущего к Кишкиндхе, с грозным луком и красными от гнева глазами. Дозорные схватили в руки большие каменные глыбы, вырвали с корнем из земли деревья и приготовились к битве. Но Лакшмана увидел у ворот Ангаду и сказал ему строго: «Пойди и скажи Сугриве, что Лакшмана, сын Сумитры, удрученный несчастьем своего брата, пришел к государю Кишкиндхи и ожидает его у ворот столицы. Пусть Сугрива вспомнит о том, что он обещал великому Раме».

Ангада почтительно поклонился Лакшмане и пошел в Кишкиндху. Он прошел через городские ворота, вступил в дворцовые покои и нашел Сугриву в объятиях Румы. Опьяненный вином и любовью, Сугрива сладко спал на богатом ложе. Спящий, он не понял того, что сказал ему сын

Тары, и долго еще не мог проснуться. И только когда завывали от страха перед сыном Сумитры могучие дозорные обезьяны, лишь тогда проснулся Сугрива, и его охватило беспокойство. Он спросил своих советников в тревоге, почему так страшно кричат дозорные, и друзья Сугривы все разъяснили ему. Советники дали разумный совет хмельному царю Кишкиндхи: «Пойди, государь, к воротам, почтительно поклонись брату Рамы и проводи его в свои покои. Успокой гнев Лакшманы и досаду и скажи, что Сугрива своих друзей не забывает, что он свои обещания исполняет, что Рама напрасно на него в обиде».

Тогда Сугрива ответил своим советникам: «Я не сделал сыновьям Дашаратхи ничего дурного, ни Лакшмане, ни Раме. И потому у меня нет страха перед ними. Мои враги не видят моих достоинств, они видят только мои пороки. Наверное, они Лакшмане сказали, что я совсем беззащитен. Однако опасны друзья, гневающиеся без причины. С ними нужно быть осторожным».

Хануман, первый царский советник, склонился перед Сугривой и почтительно сказал ему: «О владыка Кишкиндхи, все мы многим обязаны сыну Дашаратхи. Твой верный союзник, благородный Рама помог тебе, государь, вернуть власть и богатство. Он избавил тебя от угрозы смерти, вернул тебе прекрасную Руму. Уже четыре месяца ты — господин Кишкиндхи, ты живешь в роскоши и богатстве, и с тобою твои любимые жены. А великий Рама живет в холодной пещере, и нет у него ни власти, ни богатства. Злобный Равана похитил у него Ситу, и горе истерзало его душу. Нас всех в Кишкиндхе истомило дождливое время, а несчастному Раме оно показалось вечностью. Давно уже дожидается сын Дашаратхи, что ты, Сугрива, вспомнишь о нем и его несчастье. Он надеется, что ты помнишь свои обещания и твердо держишь свое царское слово. Великий Рама верит, что ты pomoжешь разыскать его супругу, а ты об этом даже не вспомнил. Давно уже кончилось дождливое время, уже наступила благодатная осень, а ты еще ничего не сделал для своего союзника и друга. Поэтому и пришел сюда Лакшмана в гневе и требует от тебя ответа. Рама и Лакшмана гnevаются справедливо, и нам надо свою вину исправить».

Ты выйди, великий царь, к Лакшмане с ласковым приветом, проводи его в свои покои с почетом и будь с ним кротким и терпеливым. Пусть Лакшмана выскажет тебе свои упреки, а ты прими их, государь, без гнева. Упреки сыновей Дашаратхи не должны тебя обидеть. Кротостью и лаской ты успокой младшего брата Рамы и обещай ему сделать все, как

должно. Ты скажи ему, Сугрива, что мы немедленно приступим к розыску прекрасной царевны Митхилы».

Мудрая речь благородного Ханумана понравилась Сугриве, и он во всем согласился со своим другом.

Сугрива велел своим дозорным обезьянам поклониться Лакшмане с должным почтением и немедленно пропустить его в Кишкиндху. Крепкие ворота, ведущие в столицу Сугривы, широко распахнулись перед доблестным братом Рамы, и Лакшмана вошел в прекрасный пещерный город. Земными поклонами встречали Лакшману напуганные обезьяны, а он гордо шел по Кишкиндхе, сжимая в руках меч и стрелы.

Вскоре Лакшмана остановился перед огромной и светлой пещерой — то были чертоги государя Кишкиндхи. Все в этой пещере было прекрасно: и колонны, и драгоценности, и утварь. Цветущие сады украшали пещеру, и на стенах ее сверкали драгоценные камни. Редкие цветы насыщали воздух нежным ароматом, а чистые водоемы давали обитателям пещеры спасительную прохладу. И роскошное жилище царя Кишкиндхи было подобно чертогам Индры, Повелителя Молний. Приближенные Сугривы, знатные обезьяны, потомки гандхарвов и великих богов, в прекрасных одеждах и с гирляндами на шее наполняли пещеру. Семь покоев прошел сын Сумитры и остановился наконец перед опочивальней Сугривы. Двери в нее были открыты; и взору Лакшманы представились золотые и серебряные ложа повелителя Кишкиндхи. Звуки музыки и чарующего пения доносились из опочивальни, и юный Лакшмана не решился войти в нее сразу. Он увидел в опочивальне Сугривы красавицу, гордую молодостью и красотой, и была она из знатного рода. Драгоценные камни и золотые ожерелья, серебряные серьги и браслеты украшали ее, а на голове у нее был венок из прекрасных цветов, источающих благоухание. Лакшмана увидел красавицу и смутился. Он все еще гневался на Сугриву, но ему стало стыдно, что прошел он без спросу на женскую половину царского дома.

Перед смутившимся братом Рамы стояла прекрасная царица Тара. Это Сугрива послал ее Лакшмане навстречу, когда, услышав грозный звон его тетивы, почувствовал великий страх перед могучим сыном Дашаратхи. Государь Кишкиндхи знал свою вину перед Рамой и страшился его гнева. Он помнил, как стрела Рамы покарала несправедного Валина, и не хотел расставаться с жизнью. Хитрый Сугрива попросил Тару выйти Лакшмане навстречу и умиловить его своей обходительностью и красотой. Сугрива сказал ей: «О прекрасная, выйди к младшему брату

Рамы и успокой его искренними речами. Когда увидит тебя юный воин, то гнев скоро его оставит. Лакшмана добр и благороден, он никогда не скажет тебе, красавица, грубого слова».

Воистину, Лакшмана обуздал свой гнев, когда увидел Тару, и встал перед ней, опустив голову на грудь, как подвижник. А прекрасная и хмельная Тара смело спросила у сына Сумитры: «О сын великого Дашаратхи, кто посмел тебя разгневать? Кто ослушался твоих повелений? Кто может пройти равнодушно мимо огня в лесу, полном сухих деревьев?» Лакшмана ей ответил приветливо и дружелюбно: «Ты хочешь блага своему супругу, прекрасная Тара, и не хочешь видеть, как он погружается в пороки. Сугрива так отдался любовным забавам, что благочестие и благородство скоро его покинут. О Тара, сыновья Дашаратхи живут в тоске и печали, а государь Кишкиндхи живет в роскоши и неге и совсем забыл о своем долге. Он не хочет помнить, что обещал помочь моему великому брату разыскать Ситу. Он забыл о том, что Рама — его благодетель и что Сугрива обязан моему брату дружбой. Давно уже прошло время дождей, давно наступила осень, а твой супруг не вспоминает о своем долге».

Тара ласково ответила сыну Сумитры: «Нехорошо тебе, Лакшмана, испытывать злобу к своему верному другу. Только добра желает вам Сугрива, и ты должен простить ему оплошность. Вам, сыновьям Дашаратхи, истинным подвижникам и праведным людям, должно проявить милосердие к Сугриве и не взыскивать с него строго. Ты, Лакшмана, сказал истинную правду, уже давно наступила осень, уже пора идти на поиски Ситы, и Рама гневается справедливо. Воистину, наш государь, благородный Сугрива, свой долг союзника и друга не исполнил. Но ты, сын Сумитры, должен простить своего друга. О великий воин, тебе, наверное, известна непреодолимая сила Камы, бога любви. Это из-за него, из-за Камы, сердце и мысли Сугривы далеки были от деяний. Ведь даже человек, охваченный любовью, забывает обо всем на свете. А Сугрива — всего лишь обезьяна. Будь к нему, Лакшмана, милосерден. Буйная страсть завлела повелителя обезьян Сугривой, и он, утратив стыд, забыл о своем долге.

Да и мог ли он не поддаться великой силе могучего Камы? Ведь даже великие подвижники иногда не в силах устоять перед властью страстей. А наш государь, царь Кишкиндхи, воин простой и веселый, и он безмерно счастлив, вернув себе царство и богатство. Но любовь не совсем овладела Сугривой, наш благородный государь думал о вашем благе

и готовился к поискам Ситы. Уже все обезьяны мира знают, что им нужно идти на помощь сыновьям Дашаратхи. Десятки тысяч обезьян, могучих и быстрых, собрались в Кишкиндху по повелению Сугривы. О грозный Лакшмана, будь милостив к нашему государю и войди к нему без обиды и гнева».

Лакшмана вошел в опочивальню и увидел там Сугриву, сидевшего на роскошном ложе в окружении красавиц. Пышные царские одежды облекали государя Кишкиндхи, и драгоценные камни, как солнце, сверкали в его короне.

Тяжело дыша, с вздымающейся грудью, вступил разгневанный Лакшмана в опочивальню Сугривы и остановился, сжимая в руках лук и стрелы. И страшно стало государю Кишкиндхи. Он вскочил с золотого трона и, окруженный красавицами, поспешил навстречу посланцу могучего Рамы.

Тогда Лакшмана сказал Сугриве: «Ты лжив и бесчестен, царь Кишкиндхи. Ты не помнишь добра, Сугрива, и не знаешь, что такое благодарность. Ты весь во власти греха и порока, ты даже царством своим не правишь, и нет у тебя сочувствия к чужим бедам. Напрасно великий брат мой помогал тебе сражаться с Валином, напрасно он взял тебя под свою защиту, ты не достоин дружбы сыновей Дашаратхи. Ты словно змея, которая квакает, как лягушка, чтобы заманить к себе в пасть глупых лягушек, и не знает об этом могучий Рама. Тебе, Сугрива, следует помнить, как меткие стрелы Рамы отправили твоего брата на небо. Тебе придется немедля свой долг исполнить и не нарушать больше своей клятвы, не то ты не останешься государем Кишкиндхи надолго и немедленно встретишься со своим братом Валином».

Царь Кишкиндхи был так напуган гневной речью сына Сумитры, что не мог вымолвить ни слова. И тогда луноликая Тара обратилась к Лакшмане с такими словами: «Ты не должен, доблестный брат Рамы, говорить с Сугривой так сурово. Государь Кишкиндхи — великий повелитель, и он не может слушать такие оскорбительные речи. Не настолько грешен владыка обезьян Сугрива, чтобы ты его так порочил. Наш государь правдив, простодушен и всегда платит добром за добро. И не забыл он, как великий Рама помог ему овладеть Кишкиндхой. И Сугрива, и все его жены, и все советники государя — все мы знаем, что счастьем, радостью и богатством мы обязаны могучему сыну Дашаратхи.

Ты не думай, Лакшмана, что Сугрива уже забыл долгие годы изгнания, нищеты и страданий. Еще нет и полугода, как Сугрива стал госуда-

рем Кишкиндхи и счастье помрачило его рассудок. И не столь уж велик его проступок, прославленные подвижники совершали грехи потяжелее. Я расскажу тебе, Лакшмана, как случился грех с Вишвамित्रой.

Некогда Вишвамित्रа отказался от царства и ушел в горы, чтобы жить как подвижник. Сотни лет он подвергал себя суровому покаянию, чтобы добиться большей святости, чем Васиштва. Неколебимо тверд был в своих обетах Вишвамित्रа, но и его опутал своими сетями могучий Кама. Вишвамित्रа влюбился в небесную деву и даже не заметил, как десять лет в грехе пролетели.

Так разве можно так строго судить Сугриву? О Лакшмана, о доблестный сын Дашаратхи, пусть великий Рама простит своего друга, который долгие годы жил без любви и ласки. Не подобает вам, воителям благородным и знатым, гневаться на государя Кишкиндхи. Я клянусь тебе, Лакшмана, что ради вашего блага, ради блага Ситы, прекрасной царевны Митхилы, Сугрива откажется и от жен, и от богатства, и от власти.

Ракшасов у Раваны десятки и сотни тысяч, и надо их всех уничтожить, чтобы освободить Ситу из плена. И трудно будет великому Раме справиться с ними со всеми и одолеть Равану в битве, если не помогут ему Сугрива и его бесчисленное обезьянье войско. Пока Рама будет сражаться с Раваной, храбрые рати Сугривы уничтожат всех ракшасов, хищных пожирателей мяса.

Ко всем племенам обезьяньим уже мчатся посланники Сугривы. Всех обезьян на свете они приведут в Кишкиндху, чтобы идти походом на поиски Ситы. Потому и не торопился царь Кишкиндхи, что ожидал, когда придут в столицу обезьяны. А сегодня они все уже собрались, и не окинуть взором несметное войско Сугривы. С ними вместе пришли и медведи лесные, и все они хотят помочь великому сыну Дашаратхи.

Вот почему, Лакшмана, ты не должен давать волю ярости и гневу и бранить строго ни в чем не повинного царя Кишкиндхи. В ярости лицо твое страшно, сын Сумитры, и, как Смерть, пугает оно обитателей Кишкиндхи».

Лакшмана был доволен словами Тары, и гнев его утих понемногу. Сугрива заметил, что Лакшмана стал добрее, и отбросил страх, как отбрасывают промокшие от дождя одежды. Царь Кишкиндхи снял с себя пышные царские одежды, снял драгоценные украшения и золотые ожерелья и почувствовал себя бодрым и сильным, как прежде. И, радуя Лакшману, обладателя грозного оружия, мощью своих рук и силой духа,

Сугрива, повелитель обезьян, сказал ему: «О сын Сумитры, милость и дружба Рамы помогли мне вернуть все, что я утратил, — и власть, и царство, и богатство, и жен моих любимых. Благо великому сыну Дашаратхи! Теперь я — владыка вечного царства обезьян — Кишкиндхи, и слава моя никогда отныне не померкнет. Все обезьяны мира придут на помощь благородному Раме, обладателю несравненной мощи, и мы скоро найдем прекрасную супругу сына Дашаратхи. Все мои подданные, все обезьяны на земле готовы выполнить любое повеление твоего великого брата, способного одной стрелой пробить семь могучих деревьев. О сын Сумитры, скажи мне, что надо сделать для прославленного сына Дашаратхи, который звоном тетивы своего лука сотрясает землю и горные вершины? Пусть прикажет Рама, мой друг и союзник, и я пойду для него на край света. Ради блага великого Рамы я брошу моих жен, брошу царство, расстанусь с роскошью моих чертогов и буду, как раб, служить сыну Дашаратхи».

Слова Сугривы, государя Кишкиндхи, успокоили гневного сына Сумитры, в душе его пробудилось чувство дружбы к Сугриве, и он сказал: «О брат мой, повелитель обезьян Сугрива. Горе Рамы испепелило мою душу, и я пришел наказать тебя за измену. Но я ошибся, и ты прости мне обидные речи. Я не гневаюсь на тебя больше. Такова, я вижу, твоя природа — и в любви, и в дружбе ты все забываешь. Но ты наделен самоотверженностью, мужеством и силой, и на тебя можно опереться в несчастье. Несомненно, ты достоин быть повелителем Кишкиндхи».

Встреча с гневным братом Рамы, грозным сыном Сумитры, которого так испугался вначале Сугрива, закончилась миром и согласием, и царь Кишкиндхи шепнул на ухо Хануману: «Немедля разошли гонцов в Гималаи и горы Виндхья. Пусть мчатся наши гонцы ко всем обезьянам и медведям на западе и на востоке. Пусть вожди со своими племенами поспешат в Кишкиндху. И чтобы сегодня все были в моей столице. А тех вождей, тех обезьян, которые посмеют ослушаться моего приказа, пусть тотчас покарают смертью».

Хануман, сын могучего Вайю, выслушал приказ своего государя и немедля отправил гонцов во все стороны света. И вскоре сотни тысяч обезьян, малых и великих, слабых и могучих, отовсюду поспешили в Кишкиндху. С ними вместе бежали грозные лесные и горные медведи, и земля затряслась под ногами подданных Сугривы, мчавшихся в Кишкиндху по зову своего государя.

И вскоре под стенами Кишкиндхи собралось несметное обезьянье войско, и с ними были друзья Сугривы — лесные и горные медведи. Сотни тысяч, миллионы подданных царя Кишкиндхи окружили его столицу, готовые идти по приказу своего государя на край света. И все они явились с великими дарами, принесли с собой плоды и корни, чтобы подарить их своему владыке.

Вожди обезьян и медведей с почтением пошли навстречу Сугриве и сыну Сумитры; склонив головы, поднесли они великие дары своему господину со словами: «Ты повелел, великий царь, и мы здесь, в твоей столице. Приказывай, о великий Сугрива, мы все — твои покорные слуги».

И тогда Сугрива приказал подать ему золотую колесницу, приказал, чтобы запрягли в нее горячих и быстрых коней. А потом государь Кишкиндхи попрощался со всеми женами, сел вместе с Лакшманой и Хануманом в колесницу, и отправились они к пещере, в которой Рама ждал возвращения Лакшманы. Владыку обезьян и сына Сумитры провожали обитатели Кишкиндхи; музыканты трубили в раковины и били в барабаны, а сказители возносили хвалу своему властелину и могучему брату Раме.

Быстрые кони рванулись с места, в воздухе раздались прощальные крики жителей Кишкиндхи, и несметное войско обезьян и медведей двинулось вслед за колесницей. Топот воинов Сугривы сотрясал землю, пыль поднялась столбом до самого поднебесья, и ни зги вокруг не стало видно. Все окрестности заполнило несметное войско Сугривы; не перечесть и не окинуть взором было это обезьянье и медвежье войско. И Лакшмана, верный брат Рамы, был доволен.

Вскоре Сугрива прибыл к пещере Рамы и сошел с колесницы на землю. Он подошел к великому сыну Дашаратхи, встал перед ним на колени, сложил перед лицом ладони и опустил голову к ногам своего могучего друга; и все обезьяны и все медведи сделали то же. И возрадовалось сердце тоскующего Рамы. Он поднял с земли Сугриву, ласково обнял, посадил его с собою рядом и сказал ему: «Благо тебе, Сугрива! Ты хорошо сделал, что пришел ко мне на помощь. Давно уже кончились дожди, давно уже наступила на земле осень, и нельзя нам пропускать благоприятное время. Мы, о государь Кишкиндхи, не можем больше медлить, нам нужно идти на поиски Ситы. Тоска и горе, великая тревога за жизнь беззащитной Ситы ни на миг не дают мне покоя. Не влекут меня к себе ни вода, ни пища, не радуют меня ни солнце, ни цветы и птицы, и нет мне даже ночью покоя. Я должен разыскать царевну Митхилы, мне нужно рассчитаться с Раваной за обиду, и я не могу больше здесь оставаться. Нам с тобой, славный повелитель Кишкиндхи, пора приняться за дело, иначе мы уподобимся тому человеку, который однажды заснул на дереве, а проснулся только тогда, когда упал на землю».

Царь Кишкиндхи ответил Рама так, как должно отвечать преданному другу. Он сказал благородному сыну Дашаратхи: «Я — твой верный друг и союзник, великий Рама. Ты видишь, я свой долг исполняю — я привел сюда к тебе несметное войско, во главе этого войска стоят искусные полководцы. Владей нами! Поступай с нами, как ты считаешь нужным!»

Рама снова обнял Сугриву и, восхищенный преданностью царя Кишкиндхи, сказал ему от всего сердца: «Я не дивлюсь сокрушительным молниям Индры, я не дивлюсь лунному сиянию — все это для меня не диво. Но свет, который приходит от таких друзей, как царь Кишкиндхи, — вот это подлинное чудо. С твоей помощью, великий Сугрива, я уничтожу похитителя Ситы и сокрушу все его царство. И будет на земле наконец спокойно, и не будут ракшасы, бродящие в ночи пожиратели мяса, приносить вред людям».

Так закончилась миром и согласием недолгая размолвка Рама и Сугривы; друзья и союзники снова обрели любовь и доверие друг к другу, и на душе у них стало спокойно.

Потом Сугрива спросил у великого сына Дашаратхи: «Скажи нам, великий Рама, что нам нужно сначала сделать?» Рама ему ответил: «Нам нужно узнать, Сугрива, жива ли Сита; нам нужно узнать, где Равана прячет мою супругу. А когда мы это узнаем, мы пойдем туда с тобою вместе и назначим день и час для битвы с похитителем Ситы. Теперь тебе все известно, государь Кишкиндхи, ты сам знаешь, что нужно делать. Прикажи своим полководцам, пусть они найдут то место, где злобный Равана укрывает мою супругу».

Тогда Сугрива призвал к себе вождей обезьян и медведей и сказал им: «Ступайте, мои верные полководцы, на юг и на север, на восток и на запад, обыщите всю землю и узнайте, где живет десятиголовый Равана, который похитил любимую супругу моего могучего друга».

Обезьяны и медведи — а было их много сотен тысяч — отправились в путь по приказу Сугривы и разошлись во все стороны света. Государь Кишкиндхи повелел им искать Ситу повсюду, он приказал им обшарить леса, горы и пещеры, все селения, города, реки и озера, осмотреть каждый куст, все холмы и долины и найти то место, где Равана прячет Ситу.

Полководцы Сугривы, выслушав приказ государя Кишкиндхи, направились на поиски Ситы, и каждый, гордясь своей силой и умом, гордясь мощью своей рати, говорил хвастливо: «Я найду Ситу, убью Равану и принесу Ситу сыну Дашаратхи. Я обыщу всю землю, я обшарю леса

и горы, я доберусь до глубин земли и океана, и ничто меня не остановит — ни дремучие леса, ни реки и озера, ни горные вершины, ни бури морские; я непременно найду царевну Митхилы, куда бы коварный Равана ее ни спрятал».

Когда полководцы Сугривы ушли на поиски Ситы, царь Кишкиндхи спросил у Ханумана: «О сын Ветра, ты могуч, ты ловок, ты быстр как ветер, ты не знаешь преград в этом мире, и все тебе на земле известно. Поразмысли, мой мудрый советник, где можно отыскать прекрасную супругу Рамы!» Великий сын Дашаратхи, могучий Рама, почитал достоинства Ханумана, и он сказал, обратившись к Сугриве: «Нет никого среди подданных царя Кишкиндхи, кто был бы мудрее Ханумана. Наш друг, повелитель Кишкиндхи, сам почитает разум Ханумана. Я верю, что мы отыщем Ситу, если верный советник Сугривы сам отправится на поиски моей супруги». И Рама, сняв с руки драгоценное кольцо, на котором было написано его имя, вручил его Хануману и сказал ему: «Если ты, мудрый Хануман, найдешь Ситу и покажешь ей мое кольцо, то она примет тебя как посла своего супруга и будет смотреть на тебя без всякого страха. Она смело тебе все расскажет и передаст с тобой все, что нужно. Ступай же, Хануман, на поиски Ситы, а мы будем ждать тебя нетерпеливо».

Хануман взял у Рамы кольцо, почтительно поклонился Сугриве и сыновьям Дашаратхи и удалился. Он пошел на юг вместе с войском, во главе которого стоял Ангада, а Сугрива вернулся в Кишкиндху к своим любимым женам. Сыновья Дашаратхи остались в своей пещере дожидаться вестей от полководцев Сугривы.

Через месяц государь Кишкиндхи поехал навестить благородных сыновей Дашаратхи; золотая колесница принесла его к горной пещере Рамы. Братья сердечно встретили Сугриву и сели вместе с ним у горного ручья с чистой и прохладной водою. Они сидели и мирно беседовали, и стали в тот день прибывать к пещере доблестные полководцы Сугривы, посланные на поиски Ситы. Они были на западе и востоке, они ходили на север, они обыскали там всю землю, но не смогли исполнить повеление Сугривы. Они подошли к государю, опустили перед ним на колени, сложили перед лицом ладони и почтительно доложили: «О великий царь Кишкиндхи, мы — твои верные слуги и сделали все, как ты нам повелел. Мы обходили леса и горы, осматривали рощи и горные пещеры, мы побывали на всех островах в океане, ни один клочок земли мы не оставили не обшарив, но не встретилась нам дочь царя Митхилы, пре-

красная супруга Рамы. Мы склоняемся перед тобой, великий владыка, мы старались исполнить твое повеление, но, должно быть, не было Ситы там, где мы ее искали».

А Хануман пошел с войском Ангады на юг и все осматривал на своем пути с великим тщанием. Они ничего не оставляли без осмотра, они обошли все горы Виндхья, но тоже нигде не смогли найти Ситу. Тогда они перешли через эти высокие горы, спустились в долину по южному горному склону и пошли дальше на юг к великому океану. Вскоре им встрети-лась на пути пещера, и перед входом в нее Хануман и Ангада остановили свое войско. Пещера была огромная и глубокая, и в ней было темно, как безлунной ночью, и вступать в нее было опасно. Тогда обезьяны встали друг за другом и пошли в пещеру вслед за Хануманом.

Они шли в темноте, держа за руки друг друга, они спотыкались о камни и падали, сбивая друг друга, но Хануман, мудрый и отважный, смело вел их по мрачной пещере. Они шли все вперед и вперед, путь их был долгим и тяжелым, и воины Ангады изнемогали от усталости, голо-да и жажды.

Но вскоре вдруг перед ними мрак осветился солнечным светом — впереди виднелись золотые деревья с удивительными цветами из драго-ценных камней, а за деревьями были водоемы, и плавали в них золотые лотосы и золотые рыбки. А еще дальше стояли дивные дворцы из сереб-ра и золота, и стены их были украшены сверкающими самоцветами и жемчугом. Как кораллы, пламенели повсюду дивные плоды и неви-данные цветы, у стен стояли золотые скамьи, и все вокруг сверкало, как лучи солнца. Посреди деревьев, укрытая оленьей шкурой, на золотой скамье сидела подвижница и молча глядела на обезьян Ангады.

Роскошь и богатство этого удивительного сада поразили мудрого Ханумана, и он с почтением поклонился подвижнице. А затем он спро-сил: «Скажи нам, благочестивая подвижница, что это за край чудесный, куда я пришел с моим войском, назови нам свое имя. Никогда раньше мы не видали такого чуда, и рассудок наш от изумления слабеет».

Молчаливая подвижница им сказала: «Зовут меня Свайампрабха; я дочь хранителя этого прекрасного сада. Все здесь принадлежит Хеме, небесной деве. У нее был возлюбленный, божественный зодчий, и его звали Майя. Великий Брахма, бог — Созидатель Мира, наделил его чу-десным даром, и он построил этот дивный сад и дворец из золота и дра-гоценного камня. А теперь ты скажи мне, могучая обезьяна, кто вы та-кие, откуда пришли и куда идете?» И Хануман ей ответил, что идет он

с войском Сугривы, повелителя Кишкиндхи, на поиски прекрасной Ситы, любимой супруги доблестного Рамы. Хануман поблагодарил подвижницу Свайампрабху за воду и плоды, которыми она накормила его войско, и просил ее помочь им продолжать их путь.

Свайампрабха сказала Хануману: «Всякий, кто попал сюда, в эту дивную пещеру, в золотой сад небесной девы Хемы, никогда уже не сможет отсюда выйти и должен остаться здесь навечно. Но я помогу вам выбраться из пещеры, если вы согласитесь закрыть глаза и ничего не видеть».

Хануман согласился с требованием Свайампрабхи и приказал своему войску закрыть лапами глаза и слепо довериться благочестивой подвижнице. Свайампрабха взяла за руку Ханумана и повела войско обезьянье к выходу из пещеры. Долго они шли по пещере, а потом вдруг подвижница остановилась, пожелала счастливого пути Хануману и его войску и исчезла. Обезьяны остановились, открыли глаза и удивились: далеко позади были горы, нигде не видно было выхода из пещеры, чудный сад с золотым дворцом нигде не был виден, а перед ними сверкали под лучами солнца бурные воды океана.

Встреча с ястребом Сампати

Прошел месяц, а обезьяны войска Ангады так и не нашли нигде прекрасной Ситы. Они обошли всю землю у океана, обыскали каждый клочок земли от высоких гор Виндхья до глубокого моря, но нигде не было супруги Рамы.

Обезьяны Ангады и Ханумана сидели печальные на склоне холма и смотрели на сверкающие воды океана. Они сидели и не знали, что им делать дальше. Сугрива уже ждал от них ответа, но нечего им было сказать своему государю. Они не смели возвращаться без Ситы, Сугрива их отпустил только на месяц, и они нарушили повеление царя Кишкиндхи. Обезьяны боялись гнева Сугривы, и страшно им было возвращаться в Кишкиндху.

Ангада говорил своему войску: «Я боюсь, что Сугрива предаст меня лютой казни. Наш государь неискренен и вероломен, он привык говорить неправду. Однажды он обманул своего царственного брата, а второй раз обманул Раму — он выполнил свое обещание, данное сыну Дашаратхи, только потому, что боялся смерти. Если бы не страшны ему были неотвратимые стрелы Рамы, Сугрива не сдержал бы своего слова. Нет у него в душе благодарности к другу, нет у него милосердия к сыну Валина. Сугрива будет рад избавиться от неугодного ему наследника престола. Поэтому государь Кишкиндхи не простит Ангаде даже малого проступка. Я не сдвинусь с места отсюда, лучше я буду здесь сидеть, страдая от голода и жажды, и дожидаться смерти, но не вернусь в Кишкиндху».

Слова Ангады разжалобили его войско, с плачем окружили обезьяны своего вождя и сказали, что они его не оставят. Напрасно Хануман старался

уверить Ангаду, что государь Кишкиндхи милостив к сыну Тары, что несправедливо он обвиняет в жестокости Сугриву, Ангада ему не поверил и решил остаться на берегу океана.

Усталые и голодные, отчаявшиеся обезьяны сидели на траве вокруг Ангады и тихо между собой говорили. В беседе они упомянули имя царя ястребов Джатаю, и слова их услышал родной брат друга царя Дашаратхи могучий ястреб Сампати. Он уже давно видел обезьян, сидевших у моря, его уже давно мучил голод, и он намерен был съесть всех обезьян до единой, но рассказ о гибели его мудрого брата смягчил его свирепую душу. Сампати подошел, раскинув крылья, к испуганным обезьянам и сказал им: «Скажите мне, кто вы такие? Откуда вы пришли к океану? Что вам известно о моем брате Джатаю? Мой брат любимый дороже мне, чем жизнь. Мой брат обитал в лесу Джанастанхана, и я ничего не знаю о его смерти. Расскажите мне все об этом и ничего не таите».

И Ангада рассказал могучему Сампати, как Равана похитил Ситу, как нес ее в золотой колеснице, как Джатаю за Ситу вступился и как Равана, кровожадный ракшас, убил Джатаю в жестокой схватке. А потом Ангада сказал Сампати, что в поисках Ситы сыновья Дашаратхи встретили в лесу умиравшего Джатаю. «Благородный сын Дашаратхи, могучий Рама, вступил в союз с нашим государем, — продолжал Ангада, — и царь Кишкиндхи послал нас искать похищенную Ситу. Сроку нам дал Сугрива только месяц. Но мы так и не отыскивали Ситу и опоздали возвратиться в Кишкиндху. Мы устали от голода и жажды, нас страшит гнев царя Сугривы, и мы решили домой не возвращаться. Вот мы и сидим здесь на берегу великого океана и ожидаем прихода смерти».

Жалобный рассказ Ангады о поисках Ситы, о гибели Джатаю и беды измученных подданных Сугривы тронули душу свирепого царя ястребов Сампати, и он рассказал им про свою жизнь: «Сто лет тому назад мы были молоды еще и сильны с моим братом, и казалось нам, что нет для нас никаких преград в этом мире. Мы думали, что весь мир воздушный нам подвластен, да и на земле с нами никто соперничать не может. И обуюла нас великая гордыня. И тогда решили мы полететь к самому солнцу и покрасоваться в небе рядом с могучим светилом. Стали мы лететь с Джатаю к солнцу, а лучи его жгли нас немилосердно и не позволяли нам подниматься выше. И тогда я пожалел Джатаю, не хотел я, чтобы солнце его сгубило, и прикрыл его своими крылами. И солнце сожгло мои крылья наполовину. И не стало у меня сил держаться на воздухе в поднебесье, и с большой высоты я упал в горы Виндхья и с тех пор не

могу подняться в воздух. И вот однажды встретился мне на пути великий подвижник, прославленный мудростью и святостью. Отшельник почувствовал жалость к моим бедам и сказал мне: „Ты не теряй надежды, Сампати, еще будет в твоей жизни радость, ты еще будешь резвиться в небе и летать над землей. Живи здесь, на берегу океана, и дожидайся лучшего часа. Настанет день, когда к берегу моря придут друзья и союзники лучезарного Рамы, сына великого Дашаратхи. Они придут сюда на край земли к океану искать прекрасную супругу Рамы, и, если ты им, Сампати, чем-либо поможешь, у тебя снова отрастут твои крылья”. Наконец-то я дождался своего счастья — я встретил вас, друзья и помощники Рамы, и теперь я смогу взлететь в небо. Я могу вам помочь, я могу вам сказать, куда унес ракшас Ситу. Как-то сидел я на берегу океана и видел, как Равана летел по небу, держа в руках Ситу, а дочь Джанаки горестно кричала: „О Рама! О Лакшмана! Где вы? Спасите Ситу!” Прекрасная супруга Рамы в великом горе срывала с себя золотые браслеты и бросала их на землю, в плену украшения ей были не нужны. Десятиголовый Равана унес Ситу в свою столицу, в большой и богатый город Ланку, окруженный крепкими стенами. Тысячи свирепых ракшасов стерегут его столицу и никого к ней близко не подпускают. Ни один зверь, ни одна птица не могут пробраться на Ланку, злые ракшасы пожирают всех пришельцев. Этот город стоит на острове далеко в море, и окружают его воды морские. Со всего мира тащили ракшасы богатства на Ланку. Дворцы у Раваны золотые, они окружены дивными садами, на крепостных стенах стоят дозорные башни, и в них на страже сидят ракшасы днем и ночью. И есть на Ланке у Раваны прекрасный ашоковый лес. Там в неволе, охраняемая ужасными ракшаси, тоскует и томится прекрасная Сита. В тот лес нет никому прохода, ракшасы никого не подпускают близко, и слуги Раваны мучают там супругу Рамы, истязая ее жестокостью и бранью. Сита же не берет у Раваны ни питья, ни пищи и ни с кем не молвит ни слова».

И пока Сампати рассказывал Хануману и Ангаде и другим обезьянам из их войска, где живет Равана, похититель супруги Рамы, где находится его царство, которое ракшасы зовут Ланкой, у царя ястребов отрастали новые крылья. Они росли у него и крепили и наливались могучей силой. Вот Сампати взмахнул крыльями, поднялся в воздух и улетел далеко в небо, пожелав обезьянам удачи.

Со вниманием и радостью слушали обезьяны могучего Сампати, и ликованию их не было предела. Наконец-то они узнали, куда спрятал

Равана Ситу, где находится его богатое царство. Теперь Хануман и Ангада знали, где томится несчастная Сита, теперь они могли порадовать великого Раму и царя Сугриву, теперь смерть им более не грозила. И обезьяны забыли про жажду, про голод, про усталость, и в сердцах у них воцарилась радость. Но возвращаться в Кишкиндху было еще рано, надо было еще проверить, правду ли им сказал Сампати, надо было побывать на Ланке и постараться увидеть Ситу, надо было передать ей драгоценное кольцо ее супруга. Но обезьяны не ведали, как это сделать, как им добраться через море на Ланку, как пройти мимо крепких стен и дозорных башен, как отыскать на Ланке Ситу. С берега остров Раваны не был виден, он стоял далеко-далеко в море, а по морю до острова обезьянам было не добраться. Только один путь — по небу — мог привести обезьян на Ланку, но так далеко обезьяны летать не умели.

И тогда спросили обезьяны друг друга, кто из них мог бы прыгнуть на Ланку. Одна обезьяна сказала, что может прыгнуть всего на десять йоджан, а другая сказала, что дальше двадцати ей не прыгнуть, третья сказала, что может прыгнуть на тридцать йоджан, но до Ланки было еще дальше. И тогда Ангада сказал своим воинам, что при его искусстве, при его мощи он может прыгнуть вперед на сто йоджан, но для прыжка обратно у него, наверное, сил не хватит. И снова пригорюнились обезьяны. Видно, не судьба им помочь великому Раме, не обрадовать им своего любимого государя.

Долго обезьяны сидели молча, склонив головы, у берега океана, и наконец одна из них обратилась к Хануману с такими словами: «О Хануман, ты среди нас самый мудрый, ты могучий и отважный воин, ты среди нас самый сильный. Твой отец, бог Ветра, великий Вайю, не знает преград своим желаниям. Он мчится над землей, как молния Индры, но и ты, его сын, не уступаешь Ветру силой. Ты своего великого родителя вполне достоин. Никто из нас не может с тобой сравниться всемогуществом и умением прыгать. Только ты, великий Хануман, можешь совершить этот подвиг — прыгнуть на Ланку и вернуться благополучно обратно».

Радовалось сердце Ханумана, когда слушал он хвалебные речи. Лестные слова приятны были сыну Ветра, и, воистину, он был достоин этих восхвалений. Обезьяна говорила правду о Ханумане, он не знал среди своих сородичей себе равных.

Некогда прекрасная небесная дева, обезьяна по имени Анджана, гуляла на вершине горы, приняв человеческий облик и украсив себя цветами

и шелковой одеждой. Внезапно на вершине горы подул ветер, и платье прекрасной Анджаны приподнялось. Пленила красота небесной девы могучего Вайю — вспыхнул он к ней неодолимой страстью. Вайю обнял прекрасную деву могучими руками и сказал ей, испуганной: «Ты не бойся меня, красавица, я бог Ветра, я полюбил тебя, прелестная, пылко и хочу подарить тебе сына, который будет равен мне по силе и умению летать по небу».

Небесная дева Анджана уступила великому богу и вскоре родила могучую обезьяну, сына Вайю, и звали его Хануманом. Он был еще детенышем, совсем малым, когда взвился однажды, играя, в небо и пролетел там три тысячи йоджан. И в небе его увидел великий Индра, царь небесный, рассердился на него и молнией ударил его в челюсть. Хануман упал с неба на горную вершину и долго потом залечивал ушибы. Тогда-то и прозвали его Хануманом, то есть тем, у кого сломана челюсть.

И вот обезьяны сказали Хануману: «Ты держишь, великий сын Ветра, в своих руках нашу жизнь. Только ты можешь прыгнуть на Ланку, и мы обращаемся к тебе с мольбой: сделай это ради Ситы, ради великого сына Дашаратхи, ради спасения наших жизней».

И Хануман дал обезьянам свое согласие.

книга пятая

П р е к р а с н а я

Прыжок Ханумана

Став на вершине горы Махендра, Хануман крепко уперся в нее обеими ногами, так что она затряслась, а с деревьев, росших по ее склонам, осыпались листья и цветы; набрал воздуха в грудь, простер ввысь руки и, взмахнув ими, взревев, прыгнул в небо. От могучего толчка гора зашаталась и извергла водопады; звери, обитающие в ее пещерах, устрешенные, подняли дикий вой и рев, а деревья с ее склонов сорвало вихрем, и они взлетели в небо вслед за Хануманом, как друзья, провожающие друга в далекий путь, и упали в море.

А Хануман, по воле своей выросший до исполинских размеров, понесся по поднебесью, как летучая гора, и ветер, рожденный его стремительным полетом, рассеивал облака на небе и гнал по морю бурные валы. Тень Ханумана бежала под ним по волнам, словно судно, движимое попутным ветром. А он летел в вышине, то ныряя в тучи, то снова появляясь из них, словно ясный месяц. Боги же, гандхарвы и святые, наблюдая его чудесный полет, преисполнились восхищения и воспели ему хвалу.

Океан, видя удивительный прыжок Ханумана, подумал: «Поистине, я должен помочь вождю обезьян, летящему надо мною. Он свершает свой подвиг ради Рамы, потомка Сагары. Я не должен доводить его в этом чудесном полете до изнеможения». И он повелел горе Майнаке, пребывающей в его глубинах, подняться из воды, чтобы дать отдых Хануману. И воды океана расступились внезапно, и гора Майнака, восстав, подняла к небу свою золотую вершину. Обратившись к Хануману, она сказала: «О лучший из обезьян, спустись, отдохни на вершине моей, прими дары мои; я рада послужить тебе». Сын Ветра отвечал: «Я благодарен

тебе за твою приветливую речь, но не будь на меня в обиде, дело ждет меня, и я должен спешить; я обещал нигде в дороге не останавливаться». И, коснувшись вершины Майнаки рукою, он продолжал свой путь. И в короткий срок он пересек необозримые пространства океана.

Вдруг путь ему преградило чудовище. То Сураса, Мать змей, жуткая и уродливая, встала из морских волн перед Хануманом. «О Хануман, — сказала она, — боги определили тебе стать моей добычей. Я хочу съест тебя — войди в мою пасть». И она широко разинула свою пасть, надвигаясь на сына Ветра. Но Хануман сказал: «Я спешу, чтобы выполнить поручение Рамы — я послан им к его возлюбленной Сите, похищенной царем ракшасов. Когда я увидаю Ситу и принесу весть о ней Раме, я войду в твою пасть, обещаю тебе». Но Сураса отвечала: «Никто не может миновать меня, я проглатываю всех — эту власть даровали мне боги».

Тогда Хануман сказал: «Раскрой же пасть свою так, чтобы я мог войти в нее». И Сураса разинула пасть шириною в десять йоджан. Тогда в тот же миг сын Ветра вырос на столько же йоджан. Тогда на двадцать йоджан разинула пасть Сураса; и тотчас на столько же вырос Хануман. И, глядя на страшный зев ее, подобный бездне, сын Ветра волею своей достиг тридцати йоджан в высоту. На сорок йоджан раскрыла пасть Сураса; на пятьдесят йоджан вырос Хануман.

Вот уже на сто йоджан разинула свою пасть Сураса, Мать змей. Тут в мгновение ока сын Ветра уменьшился до размеров мизинца и, войдя в ее пасть, тотчас выскользнул оттуда, прежде нежели Сураса успела захлопнуть ее. «О Сураса, — сказал он, — я не миновал твоей пасти; не нарушена власть, данная тебе богами. Прощай, теперь я полечу туда, где томится в плену царевна Видехи».

Он полетел дальше и скоро оставил далеко позади страшную Сурасу. Словно крылатая гора, он продолжал полет над океаном по воздушным тропам — там, где летают птицы и гандхарвы, там, где совершали свой вечный путь Солнце и Луна, планеты и звезды, где на блистающих колесницах, влекомых птицами-змеями, львами, тиграми и слонами, странствовали по небу праведные и благочестивые, обретшие горнее царство за добрые дела на земле.

Его, летящего по поднебесью, увидела Симхика, свирепая ракшаси, которой всемогущий Брахма даровал силу ловить живые существа за отбрасываемую ими тень. Она сказала про себя: «Наконец дождалась я добычи!» — и схватила тень Ханумана. Хануман же подумал: «Словно движение корабля, остановленного встречным ветром в океане, полет

мой внезапно прервался, и скованы мои силы». Он огляделся по сторонам, глянул вниз и тут увидел чудовище, поднявшееся из соленых вод океана. «Это ракшаси, которая может поймать любое живое существо за его тень; о ней рассказывал мне царь обезьян», — подумал сын Ветра.

С ревом, подобным раскатам грома, бросилась Симхика на Ханумана. Он увидел перед собой ее лапы, подобные извивающимся змеям, ее отвратительную пасть и, вмиг сократившись в размерах, стремглав бросился в нее. Исчезнув в пасти Симхики, как Месяц, проглоченный Раху, демоном затмения, Хануман проник в нутро свирепой ракшаси и острыми когтями тотчас разодрал ее сердце. И Симхика, испустив дух, свалилась в воду и исчезла в пучине, меж тем как Хануман, выскочив из ее пасти, спокойно продолжал свой путь в небесах.

Пролетев сто йоджан над океаном, Хануман увидел вдали остров посреди моря, увидел горные вершины и берег, поросший деревьями, и понял, что достиг цели. Он подумал, глядя на свое отражение в морских водах: «Столь огромного, меня наверняка заметят ракшасы» — и в тот же миг принял свой обычный облик. Затем плавно, словно облако, он опустился на вершину горы Трикута, поросшую цветущими кетаками и пальмами, распугивая обитающих на ней зверей и птиц своим внезапным появлением.

Хануман в городе Ланке

Опустившись на вершину горы Трикута, Хануман с высоты стал оглядывать окрестности. Он увидел радующие взор холмы и обширные леса, голубые озера и пруды, покрытые лотосами и лилиями, зеленые луга, рощи и сады в цвету, широкие прямые дороги среди лесов и полей, а на вершине утеса — прекрасную Ланку, словно плывущую в воздухе, неприступную и грозную твердыню Раваны.

Глядя на великолепную столицу ракшасов, опоясанную золотой стеной и словно подпирающую небеса кровлями своих дворцов, подобных белым облакам, с сотнями стягов и знамен на стенах, Хануман преисполнился восхищения. Затем он подумал: «Оставаясь в собственном облике, я не могу войти в город, охраняемый бдительными и коварными ракшасами. Чтобы отыскать Ситу, я должен обмануть их, хитрых и могучих; я должен проникнуть в Ланку незамеченным, ночью».

И, вздохнув, Хануман подумал: «Как смогу я тайне от нечестивого владыки Ланки посетить дочь Джанаки и исполнить поручение Рамы? Я думаю, даже ветер не скитается здесь незамеченным. Порученное дело уже накануне успеха может погибнуть из-за неразумения посланца, не сумевшего выбрать надлежащее время и место. Что нужно сделать мне, чтобы избежать опрометчивости? Как должно мне поступить, чтобы дело не пострадало и прыжок мой через океан не оказался напрасным?»

Так размышлял Хануман и, горя желанием увидеть царевну Видехи, с нетерпением ожидал заката. Когда же солнце село и наступила ночь, сын Ветра, уменьшившись до размеров кошки, незаметно приблизился

к прекрасной Ланке, озаренной огнями и светом звезд, охраняемой свирепыми ракшасами, окруженной рвом, полным воды, где плавали лотосы, и могучей стеною, которую украшали ворота с золотыми сводами.

Перепрыгнув через крепостную стену, Хануман ступил на вражескую землю и двинулся, крадучись, по улицам города, устланном цветами, мимо высоких красивых домов разнообразной постройки с алмазными окнами, разноцветными стенами, дверями из золота и хрусталя. И, пробираясь от дома к дому, он слышал доносившиеся из них сладостные звуки лютен и флейт, перезвон колокольчиков, звуки шагов и хлопанье в ладоши, смех и нежное пение дев, очарованных любовью, подобное пению апсар на небесах. Из других домов он услышал слова молитв и священные гимны, распеваемые благочестивыми брахманами, знатоками Вед; и здесь и там он слышал рычание львов.

И, освещая путь сыну Ветра, месяц взошел на середину неба, окруженный звездами, и озарил сиянием своим землю, рассеивая мрак и ниспосылая утешение сердцам живущих. Хануман, подняв глаза, увидел его, плывущего по небу над Ланкой, словно лебедь по озеру. И вслед за месяцем явилась благая полночь, вестница разгульных пиров прожорливых ракшасов, прекращающая ссоры влюбленных, низводящая небо на землю.

Заглядывая в дома, мудрый вождь обезьян видел там ракшасов, опьяненных вином и богатством, ведущих беседы между собой, спорящих, бранящихся, насмехающихся друг над другом, вспыльчивых, размахивающих толстыми руками, натягивающих луки, бьющих себя в грудь, обнимающих своих возлюбленных; веселых женщин, натирающихся мазями и благовониями, опьяняющихся вином; красавиц, улыбающихся, или вздыхающих в гневе, или спящих. И в домах вельмож Хануман видел их добродетельных, восседающих в роскошных покоях жен, прекрасных, как звезды на небе, нарядных, украшенных драгоценностями и цветами; видел сбросивших покрывала — и тела одних подобны были расплавленному золоту, других — лунному свету; видел одних, наслаждающихся радостью в объятиях своих возлюбленных, чаруя их сердца своею красотою, других — печальных, томящихся в разлуке с милым сердцу. Но Ситы не было среди них!

Тогда, прыгая по кровлям семейных домов, Хануман стал рыскать по Ланке в поисках царевны Видехи. Он увидел на улицах, мощенных драгоценными камнями, ляпис-лазурью и жемчугом, бурлящие толпы ракшасов и бесов, славящих Равану, на площади перед царским дворцом — множество стражей и соглядатаев Раваны.

И были там ракшасы косматые, с намазанными маслом волосами, и другие — бритоголовые; одни были одеты в коровьи шкуры, другие — в богатые платья, третьи — совершенно нагие; были там красавцы и уроды, страшные великаны и отвратительные карлики, толстые и худые, одноглазые и одноухие; были там воины, вооруженные палицами и топорами, дротиками и петлями, лучники, меченосцы, копейщики, колесничие и знаменосцы. И сотни и тысячи воинов, бдительно стерегущих покой Раваны, увидел там Хануман.

Он увидел роскошный чертог царя ракшасов, возвышающийся на вершине горы, с золотою аркою над входом, с кровлею, украшенной жемчугом и драгоценными камнями, обнесенный высокой стеною и окруженный глубоким рвом. Обыскав в окрестностях царского дворца все дома и сады, побывав во дворцах Прахасты, и Кумбхакарны, и Махапаршвы, и Индраджита, и Вибхишаны, и Шуки, и других приближенных и родичей царя, сын Ветра, незамеченный, вошел в обитель Раваны, охраняемую грозными ракшасами, как дремучий лес — львами.

Хануман во дворце Раваны

Там, на просторных дворах, Хануман увидел неукротимых и быстрых коней — рыжих, белых и черных — и могучих слонов, хорошо обученных, несокрушимых в бою; превосходные повозки и колесницы, украшенные изображениями из слоновой кости, золота и серебра, увешанные бубенцами и покрытые львиными и тигровыми шкурами; и угрюмых ракшасов, охраняющих покои Раваны. Он увидел сады, восхитительные строения, предназначенные для дневного отдыха, увеселительные беседки, поляны для павлинов и пруды для лебедей; а в дворцовых покоях, благоухающих сандалом и агуру, оглашаемых звуками лютен и раковин, словно рокотом морских волн, и озаряемых красотою прелестных дев — жемчужин среди женщин, он увидел золотые лежа и асаны, драгоценные сосуды, повсюду бродили разнообразные ручные звери и птицы.

Хануман увидел там чудесную колесницу Пушпака, которую Равана отнял у своего старшего брата Куберы, бога богатства, украшенную блистающими драгоценными камнями, словно небесная твердь — луною и планетами, и способную летать по небу с быстротой ветра, повинуюсь воле возникшего. Она была так огромна, что на ней смогли поместиться леса и горы, дома из сапфиров и изумрудов с хрустальными и золотыми окнами, золотыми лестницами, искусными изображениями птиц и змей, волков и слонов, сделанными из серебра и кораллов, прекрасное изваяние Лакшми, богини счастья, сидящей у пруда с лотосом в руке.

Обыскав колесницу Пушпака и не найдя на ней Ситы, Хануман пошел дальше. И увидел он перед собою великолепный чертог, озаренный светильниками и факелами, с великолепными прямыми колоннами,

возносящимися к небу, с пилястрами и арками, хрустальными террасами, лестницаей, выложенной драгоценными камнями, со стульями из слоновой кости, кораллов, серебра и золота. И ветер, донеся до Ханумана запах благовоний, вина и яств, шепнул ему: «Войди, Равана здесь!»

Когда на исходе ночи сын Ветра вступил в покои властелина ракшасов, он узрел там тысячи женщин небывалой прелести и красоты.

Изнуренные вином и плясками, они все спали на полу и ложах, покрытых драгоценными тканями; волосы их были рáспущенны и разметались в беспорядке, одежды сброшены, украшения — браслеты, пояса, жемчужные ожерелья — рассыпались и перемешались на полу, цветочные венки — измяты и растоптаны; и были те юные девы подобны лианам, сорванным с дерева и попраным слоновыми ногами. Охмелевшие от вина и любви, они лежали, погруженные в сон, положив головы одна другой на грудь, или на бедра, или на спину, обнимая друг друга, или закинув руки за голову, или сцепившись руками, словно сплетаясь в гирлянды прекрасных тел. Ветерок, пробегая, шевелил и приподнимал их легкие покровы.

И в местах, отведенных для еды и питья, Хануман увидел остатки роскошного пиршества: груды мяса буйволов, оленей и вепрей, куропадок и павлинов на золотых блюдах, козлятину, и зайчатину, и рыбу — все приготовленное искусными поварами — и различные плоды; золотые кувшины и хрустальные кубки были разбросаны повсюду; одни — полные меда, превосходных вин и напитков из сахара, плодов и цветов, другие — наполовину отпитеые, и пустые, и опрокинутые.

Хануман вглядывался в лица красавиц, смеживших очи, подобные лотосам, сомкнувшим свои лепестки с наступлением ночи. Здесь были юные ракшасы и чужеземные царевны, плененные Раваной, дочери могучих раджей и брахманов, дайтьев, гандхарвов и нагов. Одни из них были отбиты Раваной силою у их родителей и родственников, другие, обуянные страстью, сами пришли к нему и стали его женами; и ни одна из них не была взята им в жены против ее воли — все они были покорены достоинствами его. Но Ситы не было среди них!

Оглядев огромный покой, озаренный светильниками и погруженный в безмолвие, Хануман увидел посреди него возвышение из слоновой кости, золота и ляпис-лазури, с белым балдахином, украшенным цветами, и на том возвышении — золотое ложе, покрытое бараньими шкурами. На ложе покоился спящий Равана, повелитель ракшасов и отрада их дочерей, исполин, подобный облаку на закатном небе. И, увидев его внезапно, Хануман отпрянул словно в испуге; но затем, взобравшись по

лестнице до середины, остановился, рассматривая владыку Ланки, подобного спящему тигру.

Он увидел ее огромную голову, увенчанную золотой диадемой и украшенную сверкающими серьгами, его широкие плечи, его руки, подобные булавам или пятиглавым змеям; в ногах его Хануман увидел спящих жен и танцовщиц, обнимающих и прижимающих к груди лютни, флейты и тимпаны, словно матери — любимых детей. И отдельно от всех на богато убранном ложе он увидел женщину, прекрасную обликом, сияющую как золото и украшенную редкими драгоценностями. Хануман подумал: «Это, должно быть, Сита», — и, подумав так, он ударил в ладоши, поцеловал свой хвост, издал радостный клич, взлетел по столбу, поддерживающему своды, до самого потолка и соскочил вниз, проявив тем свою обезьянью природу.

Но, приглядевшись, он сказал себе: «Это не может быть Сита. Верная Раме, она не приняла бы участие в пире и не спала бы теперь вблизи Раваны». Та, кого сын Ветра принял вначале за Ситу, была царица Мандодари, любимая жена Раваны, госпожа внутренних покоев.

Убедившись в своей ошибке, Хануман возобновил поиски похищенной супруги Рамы, но, обыскав все дома Ланки и дворец Раваны, обыскав беседки и спальни, он нигде не нашел Ситу. И тогда, охваченный тревогой, он подумал: «Ситы, наверное, уже нет в живых. Чистая и добродетельная, она убита этим владыкой ракшасов, черпающим радость в нечестивых деяниях. Напрасны были мои усилия. Срок, назначенный мне царем Сугривой, миновал. Увы! Что скажут мне обезьяны, когда я вернусь? Они спросят меня, видел ли я дочь Джанаки на Ланке, а что я отвечу им? Что скажет старый Джамбаван, что скажет Ангада? Какой каре подвергнет меня гневный Сугрива?

Но упорство есть источник удачи; поистине, упорный всегда достигает цели. Я обыщу здесь все места, которые я еще не видел. Я снова обыщу все дома, и беседки, и сады, и дороги, и колесницы».

И он снова пустился на поиски, осматривая дворцы и храмы, многоярусные здания и глубокие подземелья, взлетая на кровли и спускаясь на землю, скача вперед и останавливаясь, открывая двери и закрывая, входя и выходя, — и не было в чертогах Раваны пространства в четыре пальца шириною, которое не осмотрел бы и не проверил мудрый вождь обезьян. Он осмотрел дома знати и горные пещеры, леса и городские улицы, холмы и пруды — он видел повсюду множество ракшасов, угрюмых и безобразных, но нигде не увидел Ситы.

Тогда он предался отчаянию: «Я обыскал горы и реки, леса и болота — весь остров и город и нигде не нашел дочери Джанаки. Царь коршунов Сампати сказал, что Сита унесена Раваной на Ланку. Почему же я не вижу ее здесь? Наверное, когда Равана летел с нею по воздуху, он выпустил ее из рук, и она упала в море. Или он здесь убил ее, хранящую супружескую верность, и она, невинная, съедена была его злыми женами.

Что мне теперь делать? Я не могу вернуться к обезьянам. Если я скажу Раме, что Ситы нет, он умрет от горя. Тогда умрет и Сугрива, и все его подданные наложат на себя руки, и опустеют леса и горы, и исчезнет с лица земли племя обезьян. Нет, я никогда не вернусь отсюда в Кишкиндху, не повидав дочери Джанаки. Я стану отшельником и буду жить в лесной глуши, питаюсь плодами и кореньями и соблюдая суровые обеты. И, сложив свой погребальный костер, я войду в огонь. Или я брошусь в воду; ибо слава моя погибла, раз я не нашел Ситу. Или я убью злодея Равану и отомщу за нее и за себя».

Затем он подумал: «Я должен снова и снова обыскать Ланку. Вот обширный ашоковый лес, еще не осмотренный мною. Я войду в него». И, помыслив так, он приблизился к священному лесу, бдительно охраняемому ракшасами.

Поручив себя мысленно защите Брахмы, Индры, Марутов и других богов, Хануман вошел в священный лес. Он вскочил на стену, ограждавшую его, и отсюда взору его открылись густые купы цветущих деревьев — ашोक и шала, смоковниц и манго, отягченных плодами, оглашаемых пением птиц и жужжанием пчел; и он прыгнул с ограды в лес, словно стрела, спущенная с тетивы, а затем стал стремительно пробираться сквозь заросли, раздвигая кусты, спугивая птиц с ветвей деревьев, осыпающих его цветами и плодами. И он увидел восхитительные поляны и дорожки, ведущие через лес, выложенные драгоценными камнями. В покрытых лотосами и лилиями прудах с прозрачной водою, с дном из хрусталя, со ступенями из жемчуга и кораллов, ведущими к воде, плавали утки и лебеди. Словно балдахин, осеняли водоемы цветущие деревья, опутанные лианами. Он увидел гору, живописную, покрытую лесом; и водопад вырывался из нее, как дева из объятий возлюбленного; и тихоструйную речку с деревьями на берегах, касающимися воды ветвями.

Вблизи одного пруда с золотыми берегами Хануман увидел могучее и раскидистое дерево сисса, возвышающееся над другими. «С вершины этого дерева, — подумал Хануман, — я могу обозреть чудный лес, достойный того, чтобы скрывать Ситу. К этой реке с чистой и прозрачной водой она приходит, наверное, совершать утреннее омовение». И он взобрался на дерево сисса и обозрел с высоты прекрасную рощу, подобную Нандане, райскому саду бессмертных.

Он увидел поодаль высокий белый дворец, украшенный кораллами и золотом, с тысячью колонн, восхищающий взоры своей соразмерностью.

А перед дворцом под деревом сидела Сита, бледная, исхудавшая и грустная, одетая в рубище, лишенная украшений, — окруженная сонмом демониц, она была подобна лани, окруженной собачьей стаей.

Вглядываясь в Ситу, Хануман подумал: «Она ли это? Я едва узнаю ее. Да, это она! Она истомилась в разлуке с Рамой, и красота ее стала различима не вдруг, подобно пламени, застланному дымом». И, горюя об участи Ситы, Хануман сказал себе: «Кто может противостоять судьбе, если Сита, супруга Рамы, никогда не уклонявшегося с пути долга, терпит такую невзгоду? Ради нее были убиты могучий Валин, и Кабандха, и свирепый Вирадха, и Кхара, и Тришира, и Душана, и четырнадцать тысяч ракшасов истреблены были стрелами Рамы в Джанастане; она — причина возвращения царства Сугриве; ради нее совершил я свой прыжок через океан. Но она достойна всего этого. Власть над тремя мирами и на сотую долю не стоит Ситы, дочери Джанаки, благочестивого царя Митхилы».

Месяц в это время выплыл из-за облака и, разорвав тьму, осветил бледный, как луна, лик Ситы. И невдалеке от нее Хануман увидел в лунном свете стерегущих ее демониц, угрюмых и безобразных ракшаси. И были среди них одноухие, и с длинными чудовищными ушами, и совсем без ушей, и с длинными носами, и безносые, и с носами, растущими из лба; у одних верхняя часть тела была непомерно велика, у других мала; у них были длинные и тонкие шеи; одни косматые, с густыми волосами, покрывавшими все тело, словно одеялом, другие с голыми черепами; были там демоницы с большими животами, с длинными грудями, с длинными лицами, с длинными ногами; были там высокие, горбатые, были и карлицы, были красноглазые, были черные, рыжие, желтые; были вооруженные железными копьями, колотушками и молотками, были и безоружные. И были среди них ракшасы с мордами как у вепря, как у оленя, как у тигра, как у буйвола, как у козы, как у шакала; у одних ноги были как у верблюда, у других как у слона, у третьих как у лошади; и у некоторых головы росли из груди. Там были демоницы с ушами как у лошади, как у коровы, как у осла, как у слона, как у льва; с носами как у слонов. И все они были злы и бранчливы и, сидя вокруг дерева, пили непрестанно вино и пожирали мясо; с ног до головы были они забрызганы кровью. И, глядя на Ситу, найденную после долгих поисков смиренно восседающей под деревом и бросающей испуганные взоры на страшных демониц, видя ее грустную и бедно одетую, но все же сияющую красотой, Хануман пролил слезы радости.

Он провел на дереве ночь, скрывшись среди ветвей. Перед рассветом он услышал доносящиеся из дворца Раваны голоса брахманов, читающих утренние молитвы и гимны Вед, и придворных певцов Раваны, поющих ему хвалу.

И Равана пробудился под эти звуки, услаждающие его слух, и подумал о царице Видехи. Не в силах обуздать свою страсть, он поднялся с ложа и, облаченный в нарядные одежды с драгоценными украшениями, вышел из дворца и вступил через золотые ворота в ашоковый лес, оглашаемый пением птиц.

Следом за ним шли девы: одни несли в руках опахала, другие — золотые кувшины с водою, третьи — золотой трон, четвертые — белый балдахин, подобный луне. А рядом с Раваной шла его любимица и несла в правой руке кубок, полный вина. И глаза прекрасных жен Раваны были мутны от сна и от вина, волосы растрепаны, одежда и украшения в беспорядке, лица покрыты потом.

Хануман услышал брелчание браслетов и поясов красавиц и, выглянув из листвы, увидел Равану, озаренного огнями светильников, которые несли перед ним ракшасы. В блистательном наряде, украшенном цветами и драгоценностями, воспламененный любовью и гордостью, он вступил в священную рощу, подобный самому Каме, богу любви, только лишенный лука и стрел.

«Это Равана, которого я видел спящим во дворце», — подумал Хануман и спрятался среди ветвей дерева сисса, продолжая следить за приближающимся владыкой ракшасов. А Равана направился туда, где сидела под деревом Сита, охраняемая свирепыми стражницами.

Увидев Равану, царица Видехи затрепетала, словно платановое дерево, сотрясаемое ветром. Она съежилась, поджав колени к животу и закрыв грудь руками, и принялась громко плакать. И Равана, подойдя, увидел ее, исхудавшую, сидящую под деревом на голой земле, в рваной и грязной одежде, словно женщина низкого рода, подобную увядшему лотосу, извлеченному из пруда.

Тогда Равана обратился к Сите с ласковыми речами, пытаясь соблазнить ее и подчинить своей воле. «О красавица, — сказал он, — почему, увидев меня, ты закрываешься руками, словно боишься меня? О робкая, доверься мне и полюби меня, ибо я томлюсь по тебе, о Сита! Ты прекрасна; божественный ваятель, создавший тебя, прекратил свой труд, ибо нигде я не встречал красоты, подобной твоей! Кто может, увидев тебя, устоять перед властью любви? Самого Брахму, прародителя бессмертных, тронет прелесть твоя. О царица, я гляжу на тебя, на лицо и тело твое, и куда бы я ни взглянул — я не могу оторвать взора. Ты — жемчужина среди женщин; достойны ли тебя это платье, лишенное украшений, голод, голая земля? Полюби меня и наслаждайся всеми благами в моем дворце — нарядами, украшениями, роскошным ложем, сладкими винами, песнями, плясками, музыкой. О Сита, юность твоя проходит здесь, словно воды речного потока, чтобы никогда не вернуться! Стань моей женою — и все, чем я владею, будет твоим.

О дочь Джанаки, ты похитила сердце мое, как Гаруда, царь птиц, — змею. С тех пор как я увидел тебя, я не хочу смотреть на своих жен. Равных им красою нет в трех мирах; но ты прекраснее их. Стань моей женою — и ты будешь повелевать ими, ты будешь первою из цариц. Они будут служить тебе, как апсары служат Лакшми, богине счастья и красоты.

Все сокровища, которые собрал я в трех мирах, будут твоими. Я отдам тебе все мое царство; все, что ты ни пожелаешь, я добуду для тебя. Нет никого во вселенной, кто мог бы противостоять моей воле. Ты увидишь мощь мою и отвагу в битве. Я победил даже богов и асуров. Если ты захочешь, я завоюю всю землю и отдам ее Джанаке. Стань моей женою, и ты будешь повелевать мною. Ты будешь наслаждаться всею роскошью, какая есть в мире, ты сможешь одарить, кого захочешь, землями и богатством, ты сможешь исполнить желания своих друзей. Разве Рама, жалкий изгнанник, одетый в берестяное рубище, даст тебе то, чем я могу наделить тебя? Равен ли он мне в чем-нибудь? Лишенный царства и красоты, он влачит свою жизнь в лесу, как отшельник, преданный

суровым обетам. Я сомневаюсь, жив ли он еще. Он никогда уже не увидит тебя. Забудь его, о Сита, стань моей женою, и мы насладимся счастьем в садах, цветущих на берегу океана».

Слыша эти речи страшного ракшаса, Сита отвечала ему, дрожа, слабым голосом: «Оставь меня и обрати свою любовь на своих жен. Рожденная в царской семье, я никогда не совершу бесчестного деяния. Я не могу быть твоею, ибо я — жена другого, и я верна ему. Ты не соблазнишь меня своими богатствами. Как лучи принадлежат Солнцу, так я принадлежу Раме, и только ему одному. Эти руки мои, которыми я обнимала Раму, никогда не обнимут другого. Откажись от своих нечестивых желаний, вступи на стезю справедливости. Верни меня Раме, оказав мне то уважение, которого я достойна. Примирись с Рамой, если ты хочешь сохранить свое царство и свою жизнь. Берегись его гнева. Иначе скоро ты услышишь звон тетивы его лука, и стрелы с именами Рамы и Лакшманы разрушат Ланку и истребят племя ракшасов. Как псу против тигра, тебе не устоять против сына Дашаратхи. Как некогда Вишну освободил богиню Лакшми, плененную асурами, так и Рама исторгнет меня из твоего плена, и ты падешь от руки его, как дерево, пораженное ударом молнии».

Равана сказал: «Повсюду на земле женщина покоряется ласке. Но ты, чем добрее я к тебе, тем суровее меня отвергаешь. Поистине, любовь моя к тебе обуздывает мой гнев, как искусный колесничий — взбесившегося коня. Велика власть любви над женщиной! Поэтому я щажу тебя, достойную быть убитой и обесчещенной. О Сита, за каждое из этих дерзких слов, обращенных тобою ко мне, ты заслуживаешь смерти!»

И, совладав со своим гневом, владыка ракшасов сказал ей: «Я жду еще два месяца: когда они минуют, ты разделишь со мною ложе, о красавица! Если же и тогда ты будешь упорствовать, мои повара разрежут твое тело на части и подадут тебя мне для утренней трапезы!» При этих словах ракшаса вздохи сожаления послышались среди царевен и дочерей гандхарвов, безмолвно выражавших свое сочувствие Сите. Сита же, гордая своей добродетелью и отвагой своего супруга, так отвечала Раване: «Поистине, нет в этом городе никого, кто желал бы тебе блага и удержал бы тебя от пагубного деяния. Как не выпали глаза твои, страшные и кровавые, столь злобно глядящие на меня? Как не отвалился язык твой, с коего слетели столь подлые речи? О ты, подлеший из ракшасов, обращая эти нечестивые речи к супруге могучего Рамы, где надеешься ты найти убежище, которое спасет тебя от его мщения? Ты оскорбляешь

его, пока не встретился с ним лицом к лицу, о ты, не ведающий стыда! Он сокрушит тебя, как разъяренный слон — зайца в лесу; ты же и есть заяц. Если ты столь могуч и отважен, как похваляешься, почему похитил ты меня тайком из хижины Рамы?»

Внимая речам Ситы, Равана, повелитель ракшасов, вращая своими налитыми кровью глазами, взирал на дочь Джанаки, мрачный, как надгробие, и золотая диадема дрожала у него на голове. Вздыхая в гневе, как змея, он сказал Сите: «Бесполезно твое упорство. Я уничтожу тебя, как солнце уничтожает тьму». И, обратившись к уродливым демоницам, окружавшим Ситу, он сказал им: «О ракшаси, сделайте так, чтобы Сита покорилась моей воле. Добром или злом, лаской или угрозами склоните ее к повиновению».

Меж тем прекрасная ракшаси по имени Дханьямалини приблизилась поспешно к Раване, пылающему гневом, и, обнимая его, сказала: «Идем, ты развлечешься со мною, о великий царь. К чему тебе она, эта бледная и жалкая отшельница? Она не достойна того, что ты обещаешь ей. И поистине, тот, кто домогается женщины против ее желания, сжигает самого себя, тот же, кто обращается к исполненной желания, обретает наслаждение». И она силою увлекла его за собою.

Рассмеявшись, Равана повернулся и удалился вместе с Дханьямалини, сотрясая землю своей поступью, и следом за ним вернулись во дворец сопровождавшие его жены.

Тогда свирепые ракшаси придвинулись к царевне Видехи и обратились к ней со злобными речами: «Или ты не хочешь стать избранной женою великого Раваны, десятиглавого внука Пуластья?» Одна из них, с кровавыми глазами, сказала Сите: «Пуластья был четвертым из шести владык живущих, первых, сотворенных мыслью Брахмы. Вишравас был его сыном, Равана же — сын Вишраваса. О красавица, тебе подобает стать женою повелителя ракшасов; не пренебрегай моей речью!» Другая, с глазами как у кошки, сказала: «Ты отказываешь Раване, прославленному своим могуществом и отвагой, победителю тридцати трех богов. Он отверг ради тебя своих любимых жен; он желает тебя и будет любить тебя больше всего на свете». Третья сказала: «О неразумная, ты не хочешь стать женою царя, победителя гандхарвов и нагов, обладателя великих богатств и сокровищ!» Четвертая сказала: «Ты бежишь от любви того, кому повинуются все, по чьей воле цветут деревья и облака проливают дождь. Почему ты не хочешь стать его женою? Мы говорим с тобою ради твоего же блага. Покорись, дерзкая, воле Раваны, или ты умрешь!» И они все набросились на Ситу с упреками, жестокими и злыми: «Почему не хочешь ты жить во дворце, в царских покоях, наслаждаясь сокровищами трех миров? Ты предпочитаешь быть женою человека. Но ты никогда не добьешься своего! О Сита, забудь о Рамене, смертном, лишенном царства, бедствующем, чьи надежды погибли!»

Сита с глазами, полными слез, отвечала им: «Убейте меня, если хотите, но я никогда не последую вашим советам, противным естеству человека. Бедный или лишенный царства, Рама — мой муж, и я всегда буду

верна ему, как верна была Шачи — Индре, Арундхати — Васиштхе, а Дамаянти, дочь Бхимы, — царю Нале». Вне себя от гнева, ракшаси окружили трепещущую Ситу и, вращая глазами, облизываясь и потрясая оружием, угрожали ей, говоря: «Она не достойна стать женою Раваны, владыки ракшасов!» Одна из них сказала: «О Сита, ты довольно выказала любовь свою к супругу. Но чрезмерность ни в чем не приводит к добру. Забудь о бедняке Рама и стань женою великого царя ракшасов. Послушайся меня; если же ты не последуешь нашим советам, мы съедем тебя». Другая сказала: «О неразумная дочь царя Митхилы, мы терпели речи твои из сострадания; но не доводи до крайности свое упорство. Ты — во власти повелителя Ланки, унесенная им за океан, и сам Индра не вызовет тебя отсюда. Послушайся меня, о царевна! Зачем ты проливаешь слезы? Забудь свое горе и насладись счастьем с владыкой ракшасов. Молодость женщин быстротечна. Пока не ушла твоя молодость, вкуси радости, которые принесет тебе супружество с царем ракшасов. Если же ты не послушаешься меня, я вырву и съем твое сердце!» Третья сказала, потрясая копьем: «Когда я гляжу на ее глаза, подобные глазам лани, и на ее трепещущую грудь, меня снедает желание отведать ее мяса, ее глаз, ее печени, ее сердца и головы!» Четвертая сказала: «Я жажду перегрызть горло этой жестокой женщине. Что вы сидите вокруг нее? Мы скажем царю, что женщина мертва, и, несомненно, он разрешит нам съесть ее». Пятая сказала: «Я не люблю ссор. Разделим ее на равные части. Принесите сюда вина, мы славно попируем!»

Слыша эти речи ужасных ракшаси, Сита, испуганная, начала плакать. Дрожащим голосом она сказала: «Съешьте меня, если хотите, я не последую вашим советам. Женщина не может быть женою ракшаса». И, приникнув к стволу ашоки, она воскликнула, заливаясь слезами: «О Рама, я гибну в пучине бед, словно корабль во власти бури посреди океана. О я несчастная, это смерть моя в образе оленя явилась тогда соблазнить меня, и, безумная, я потеряла Раму и Лакшману по собственной вине. Наверное, Рама и Лакшмана не знают, где я, иначе давно уже они явились бы сюда и освободили меня из плена, истребив ракшасов и разрушив Ланку дотла. Или Рама забыл обо мне? Или оба могучих воина были убиты тогда коварным Раваной? Но если так, я не хочу больше жить, я жажду смерти; пусть убьют меня ракшаси, или я сама покончу с собою».

Так жалуясь и сетуя, Сита отошла от ашоки и приблизилась к дереву сисса, мысля о том, чтобы покончить с собою, повесившись на ветвях его на собственных волосах.

Свидание Ханумана с Ситой

Между тем Хануман, сидя на ветвях дерева сисса, слышал все — и речи Раваны, и угрозы ракшасы, и сетования Ситы. Он подумал: «Наконец мои глаза видели ее, ту, которую тщетно искали по всему свету тысячи обезьян. Я тщательно осмотрел город ракшасов и узнал силы Раваны. Теперь я должен утешить ее, верную и любящую супругу доброго Рамы. Если я покину Ланку, не сделав этого, я не исполню своего долга. Если я так уйду, царевна, потеряв надежду, лишит себя жизни. Тогда тщетными окажутся все усилия и труды Рамы, и царя Сугривы, и мои. Но как я заговорю с нею? Как обезьяна высокого и благородного рода, я обращусь к ней на санскрите. Но если я заговорю, как брахман, на санскрите, она примет меня за Равану и испугается. Лучше я употребляю язык простонародья. Но и тогда она может меня испугаться, приняв за Равану-оборотня. Она закричит — сбегутся ракшасы и, увидев меня, поднимут на ноги всю окрестность. Они постараются убить меня или взять в плен. Если же мне и удастся от них отбиться, я обессилею и уже не смогу перескочить через океан. А если меня убьют или пленят, я не знаю, кто тогда поможет Раме, — никто, кроме меня, не сможет пролететь сто йоджан над океаном. Но все-таки я должен заговорить с нею, иначе она умрет. Как же мне поступить, чтобы не загубить плоды моих усилий? Как заговорить с нею и не испугать ее?» И, поразмыслив, Хануман решил: «Я назову сразу имя Рамы, и она поверит мне».

Когда Сита приблизилась к дереву сисса, Хануман, став на ветке, заговорил голосом приятным и негромким, так чтобы только она могла

услышать его: «Был добрый и благочестивый царь Дашаратха из славного рода Икшваку, властитель колесниц, коней и слонов. Его любимым сыном был прекрасный Рама, лучший из познавших науки и сгибавших лук в бою. Изгнанный по велению своего старого отца, он поселился в лесу с женою и братом. Охотясь в лесах, он убил многих храбрых ракшасов. И, мстя за избиение ракшасов, Равана-оборотень обманом похитил его супругу. Скитаясь по свету в поисках Ситы, Рама нашел себе друга в Сугриве, царе обезьян. По приказу Сугривы тысячи обезьян отправились во все страны на розыски Ситы. И, следуя совету Сампати, я перепрыгнул через океан и наконец нашел ее. Это она. Я вижу все черты и приметы, о которых говорил мне Рама».

Сказав это, Хануман умолк. И Сита, слышавшая его слова, в великом удивлении подняла взор и стала оглядываться по сторонам. И, увидев сына Ветра, сидящего смиренно среди ветвей, она, пораженная, подумала: «Эта ужаснейшая обликом обезьяна устрашает взор». Испуганная, она воскликнула жалобно: «О Рама! О Лакшмана!» — и заплакала беззвучно. И, глядя на лучшего из обезьян, смиренно приближающегося к ней, Сита подумала: «Не сон ли я вижу?» — и едва не лишилась сознания от страха. Она сказала себе: «Дурной сон приснился мне сегодня; увидеть обезьяну во сне, говорят, недобрая примета. Но это не сон. Это призрак, созданный моей истомившейся душою. Думая все время о Рама, я всюду слышу его слова. О всемогущий Брахма, сделай так, чтобы это не был призрак».

Сойдя с дерева, Хануман предстал перед Ситой и, смиренно сложив ладони, обратился к ней с такими словами: «Кто ты, о прекрасная, с глазами, подобными лотосам, одетая в рубище? Кого оплакиваешь ты так жалобно? Ты подобна небесной деве, дочери из рода бессмертных; но ты ступаешь по земле, на глазах твоих слезы — значит, ты смертная женщина. Не Сита ли ты, похищенная Раваной из Джанастханы? По твоему печальному облику и несравненной красоте твоей я узнаю в тебе супругу Рамы». Сита, обрадованная именем Рамы, отвечала: «Да, я дочь Джанаки, благочестивого царя Видехи, имя мое — Сита, я — супруга благородного Рамы. Коварный и злобный Равана похитил меня в лесу и унес сюда, на Ланку; он назначил мне два месяца сроку; когда они истекут, я должна умереть».

Хануман отвечал Сите, убитой горем: «О благородная, я пришел сюда по велению Рамы как его посланец. Он жив и здоров, о царевна Видехи, и спрашивает о твоём благополучии. И Лакшмана, преданный спутник

твоего супруга, удрученный горем, склоняет голову перед тобою». Сита, объятая восторгом так, словно уже видела Раму и Лакшману перед собой, отвечала: «Теперь я знаю, что правду говорят: раз в сто лет истинная радость посещает человека!»

Но когда Хануман подошел ближе, подозрение опять охватило Ситу: «Увы! Увы! Зачем я говорила с ним? Это Равана, обернувшийся обезьяной, опять приближается ко мне». И она опустила на землю, потупив взор, чтобы не видеть Ханумана. Когда же он поклонился ей, она сказала ему, вздыхая: «Если ты Равана, колдовством меняющий свой облик, и снова хочешь мучить меня — не подобает тебе такая низость. Да, ты — Равана, я узнаю тебя, явившегося ко мне когда-то в образе нищего странника. О ты, оборотень, о бродящий в ночи, довольно тебе терзать меня! Но если ты враг, откуда та радость, которую даровал мне твой приход? Если же ты вестник Рамы, я благословляю тебя. О лучший из обезьян, расскажи мне о Раме! Мне кажется, я вижу сон. Или я одержима бесом? Или сошла с ума? Или это призрак, рождаемый песками пустыни? Нет, я в своем уме, я вижу ясно себя и обезьяну?» И Сита опять умолкла, терзаемая страхом.

Тогда Хануман сказал ей слова радостные, ласкающие ее слух. «Лучезарный, как солнце, озаряющее небо, восхищающий взоры, как месяц, он щедр к подданным своим, как сам Кубера, бог богатства. Он отважен, как Индра, правдив и красноречив, как Вачаспати, прекрасен, как Кама, бог любви. Весь мир прибегает к его защите. Скоро ты увидишь, как гнев его поразит твоего похитителя. Я послан к тебе Рамой. Он томится в разлуке с тобою, он спрашивает о твоём благополучии. И Лакшмана тоже. И друг Рамы, царь обезьян Сугрива, спрашивает о твоём благополучии, о благородная. Рама, Лакшмана и Сугрива все время думают о тебе. Скоро ты увидишь их здесь вместе с несметным войском обезьян. Я — советник царя Сугривы, имя мое — Хануман. Я пересек океан и проник в Ланку; я обманул бдительность моих врагов и пришел сюда увидеть тебя. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Оставь подозрения и поверь мне».

Сита сказала тогда Хануману голосом нежным и тихим: «Где встретил ты Раму, как узнал ты Лакшману? Как побратались люди и обезьяны? Расскажи мне о царственных знаках, коими отмечены Рама и Лакшмана, — и я забуду свою печаль». И Хануман рассказал ей обо всем: о царственных приметах и достоинствах Рамы и Лакшманы, о встрече их

с Сугривой, об убиении Валина, о поисках, которые вели обезьяны по всему свету, о себе и о своем происхождении.

И Сита поверила ему, и слезы радости пролились из ее очей; прекрасный лик ее просветлел, как лик луны, освободившийся из плена Раху, демона затмения. Хануман сказал: «Я поведал тебе обо всем. Взгляни, вот драгоценный перстень с именем Рамы, вырезанным на нем. Он дал мне его как знак, которому ты поверишь. Утешься, скоро наступит конец твоим бедам».

И когда Сита увидела перстень Рамы и взяла его в руки, ей показалось, что она уже обрела своего супруга. Исполненная радости, она воздала хвалу Хануману. «О лучший из обезьян, — сказала она, — поистине, ты отважен, могуч и мудр, поистине, ты — необыкновенная обезьяна, если, не страшась Раваны, достиг Ланки, перепрыгнув через океан. Прими привет мой и мою благодарность, о посланец Рамы!» И она принялась расспрашивать его о Раме: «Грустит ли он? Очень ли он страдает? Не забросил ли он все дела, томимый печалью и страхом? Окружают ли его друзья? Помогают ли ему боги? Не забыл ли он меня в разлуке? Хочет ли он спасти меня? Не пошлет ли Бхарата, брат его, ему войска для моего освобождения? Помогут ли ему Сугрива и Лакшмана? Не исхудал ли он в разлуке со мною? Помнит ли он меня? Почему он медлит и не приходит мне на помощь? О посланец, поведай мне о моем любимом!»

И Хануман рассказал ей о том, как страдает в разлуке Рама; он утешил Ситу, предсказав ей скорый конец ее невзгод.

«О лучший из обезьян, — сказала Сита, — скажи Раме, чтобы он приходил, пока не кончился год моего пребывания здесь, иначе он не застанет меня в живых. Десять месяцев минуло, остается еще два. Этот срок назначил мне безжалостный Равана». Хануман сказал: «О Сита, едва Рама услышит из уст моих весть о тебе, он явится сюда для твоего освобождения. Но я могу освободить тебя из плена уже сегодня. Садись на мою спину, и я перенесу тебя через океан. Уже сегодня ты увидишь Раму и Лакшману на горе Прасравана, готовых к походу». Слыша эти удивительные речи, Сита улыбнулась и сказала: «Как ты отваживаешься, такой маленький, нести меня так далеко?» Хануман подумал: «Она обижает меня, не ведая моего могущества». И он увеличился в размерах у нее на глазах, уподобившись холму, и сказал: «Я мог бы унести всю Ланку вместе с ее горами, лесами и строениями и ее повелителем. Доверься моей силе, о благородная, и отбрось сомнения». Сита сказала:

«О великий вождь обезьян, я знаю твою отвагу и твою удивительную силу. Но я боюсь потерять сознание в быстром полете по воздуху и упасть в море с твоей спины. И ракшасы, хватившись меня, погонятся за тобою, и, когда они настигнут тебя в воздухе, ты будешь безоружен, и как сможешь ты сражаться и защищать меня в одно и то же время? Тогда в страхе я непременно упаду с твоей спины. Поэтому я не полечу с тобою, о лучший из обезьян. О могучий, приведи сюда скорее непобедимого Раму с отважным Лакшманой и утешь меня, истомленную разлукой!»

И она сказала: «Напомни моему любимому о том, что случилось с нами однажды, когда мы жили на Читракуте. Повтори ему этот мой рассказ.

Однажды на берегу реки Мандакини в цветущем лесу ты, мой супруг, уснул, положив голову мне на колени. Злая ворона прилетела и клюнула меня в грудь. Ты пробудился и, увидев меня, испуганно прикрывающую грудь, на которой порвалось платье, рассмеялся. Но, увидев кровь на моей груди, ты воспламенился гневом. Ты взял стрелу Брахмы, привязал к ней лист священной травы куша и пустил ее в ворону, сидевшую поодаль. То был сын Индры, обернувшийся вороной. Он полетел по небу, по всему миру, но всюду следовала за ним твоя стрела. Устрашенный, он прибег к твоей защите. Лишив его правого глаза, ты отпустил его, сохранив ему жизнь. О Рама, ты обратил оружие Брахмы против обидевшей меня вороны; почему же ты медлишь и щадишь моего похитителя?

Скажи это Раме и отдай ему этот драгоценный камень, который носила я в волосах». И Сита вынула драгоценный камень, который был спрятан у нее в одежде, и подала его Хануману. «Этот камень Рама хорошо знает, — сказала она. — Увидев его, он вспомнит о троих — о своей матери, обо мне и о царе Дашаратхе. Ступай, о Хануман, и да послужит твоя отвага и твоя мудрость моему избавлению».

«Да будет так!» — отвечал Хануман и, напутствуемый закланиями и благословениями плачущей Ситы, приготовился покинуть Ланку. Он простился с Ситой, ободрил ее и обещав ей снова и снова скорую встречу с Рамой. А затем оставил он священную рощу ракшасов, взмошел на гору Аришта и, устремив свой взор на морскую пучину, мысленно измерил предстоящий ему путь над океаном. Затем, издав ужасный крик, потрясший леса и горы, он распростер руки и прыгнул в небо. И от могучего толчка его ног гора Аришта со своими лесами и скалами провалилась под землю.

Возвращение Ханумана

Перелетев через океан обратно, с юга на север, словно крылатая гора, Хануман увидел перед собой вершину горы Махендра; и, жаждущий встретить поскорее своих друзей, он испустил крик, подобный раскату грома. И казалось, крик тот расколол небесную твердь с солнцем, луною и звездами. И обезьяны, собравшиеся на северном берегу моря в ожидании Ханумана, услышав этот крик, пришли в волнение. Но Джамбаван, лучший из медведей, обрадованный, обратился к обезьянам со словами: «Нет сомнения, сын Ветра возвращается с удачей. Иначе он не издавал бы таких криков, как этот». И обезьяны запрыгали по деревьям и скалам, выражая так нетерпение увидеть Ханумана.

Когда же Хануман появился на небе, они замерли, сложив ладони, и, как только он опустился на вершину горы Махендра, окружили его, шумно изъявляя радость, и принесли ему плодов и кореньев, принесли охапки ветвей, чтобы ему было на что сесть.

Хануман приветствовал Джамбавана и царевича Ангаду и остальных обезьян и сказал: «Я видел благородную дочь Джанаки».

Затем, расположившись в живописной роще на горе Махендра, он рассказал обезьянам подробно и по порядку о своем путешествии — и о том, что приключилось с ним в пути, и о встрече с Ситой, — а закончив свой рассказ, воздал великую хвалу добродетелям Ситы.

Обезьяны, выслушав его, торжествуя и радуясь его удаче, восславили подвиг Ханумана. Затем Ангада сказал: «Эти двое — Дживида и Майнда, — могучие обезьяны, сыновья Ашвинов, небесных близнецов, могут в гневе разрушить всю Ланку с ее колесницами, конями

и слонами. Что до остальных, я один справлюсь со всеми ракшасами и с царем их Раваной. Если же вы, доблестные воины, все поможете мне, никто не устоит перед нами. Достоин ли нас явиться к Рама и сказать ему: „Мы видели благородную царевну, но не могли выручить ее из беды”? Нападём немедленно на Ланку и, разгромив ракшасов, вернёмся к Рама и Сугриве с освобожденною нами Ситой!» На это Джамбаван сказал ему, улыбаясь: «О великий вождь обезьян, то, что ты предлагаешь, не следует делать, по моему разумению. Нас послали на юг отыскать Ситу, но ни Рама, ни Сугрива не поручали нам ее привести. Даже если нам удастся это, Рама будет недоволен нарушением его повелений. Он поклялся перед всеми, что сам освободит Ситу. Поэтому нам лучше сейчас же отправиться к Рама и Сугриве и поведать им о том, что мы узнали. Рама же решит, как надлежит нам поступить».

Следуя совету Джамбавана, обезьяны тотчас пустились в путь и вскоре достигли Прасраваны, где ожидали вестей Рама, Лакшмана и Сугрива. Завидев издали обезьян, летящих по воздуху во главе с Хануманом и Ангадой, словно тучи, гонимые ветром, Сугрива сказал Рама: «Утешься. Твоя благородная супруга найдена — иначе Ангادا не отважился бы явиться сюда. И по его радостному виду я заключаю, что он несет добрые вести».

С ликующими криками опустились обезьяны на землю перед Рамой, и Хануман, склонив голову, поведал сыну Дашаратхи, что Сита жива и здорова. Услышав от Ханумана, что он видел Ситу, Рама был охвачен великой радостью. А Лакшмана, обрадованный, с почтением взирал на Сугриву и Ханумана.

И, расположившись на лесной поляне, обезьяны принялись наперебой рассказывать Рама о Сите, о жизни ее в плену и о верности супругу. Рама же снова и снова расспрашивал их, желая знать все о Сите.

Тогда обезьяны обратились к Хануману с просьбой поведать обо всем, ничего не упуская. И сын Ветра рассказал о том, как нашел он Ситу, о разговоре ее с Раваной, об угрозах демониц, о сетованиях царевны и о своей встрече с нею; слово в слово передал он все речи Ситы и повторил Рама ее рассказ о дерзкой вороне. Он отдал Рама и драгоценный камень, посланный Ситой, сказав при этом: «Бледная и исхудавшая, она молвила мне на прощание: „Два месяца осталось жить мне, томящейся во власти ракшасов!” О Рама, я рассказал тебе все; готовься же переправиться через океан».

Рама, прижимая к груди украшение Ситы, заплакал. Он сказал Хануману: «Поистине, сердце мое тает при виде этого камня. Его подарил

Сите отец в день нашей свадьбы, и она носила его в волосах. Когда я гляжу на этот камень, мне кажется, что я опять вижу Ситу перед собою. О Лакшмана, есть ли ужаснее участь — держать в руках этот камень, принесенный из-за моря, но не Ситу? О Хануман, повтори мне снова все, что сказала царица Видехи, ее слова для меня как брызги воды для лишившегося чувств. Она сказала, что ей осталось жить еще два месяца. Но я не могу жить ни мгновения без нее. О Хануман, веди меня немедленно туда, где ты нашел мою возлюбленную. Как живет она одна среди страшных и свирепых ракшасов? О Хануман, поведай мне все, что она сказала тебе. Ее слова даруют мне жизнь, как целебные травы — сраженному недугом. О Хануман, расскажи мне о ней, разлученной со мною!»

И снова и снова Хануман повторял Раме разговор свой с Ситой, ее слова, слова утешения, которые он тогда обращал к ней: «„Скоро ты увидишь сына Дашаратхи во главе несметных ратей могучих обезьян, — так сказал я ей. — Скоро ты услышишь боевой клич нашего войска, подобный раскатам грома. И скоро ты узришь Раму на троне Айодхьи рядом с тобою, вернувшегося из изгнания”. И речи мои утешили ее».

книга шестая

Б и т в а

Выступление в поход

Выслушав рассказ Ханумана, Рама сказал: «Великий подвиг совершил Хануман! Никто другой в мире не мог бы о таком и помыслить! Одно удручает меня: не могу я воздать ему достойно за ту несравненную услугу, которую оказал он мне и роду Рагху. Но дай мне обнять тебя, о великий сын Ветра, и тем изъяснить тебе мою благодарность!» И Рама обнял Ханумана, а затем, обращаясь к Сугриве и Хануману, он сказал: «Поиски Ситы завершились успехом. Но теперь другая забота гнетет мою душу: как минует войско обезьян преграду непреодолимую, как перейдет оно через пучину?» Сугрива сказал: «Не горюй, о Рама! Сита найдена, и мы знаем теперь, где обитает ее похититель, наш враг. Никто в трех мирах не устоит против тебя в бою, и нет неисполнимого для этих преданных тебе могучих обезьян. Но войско наше не перейдет море без моста. И потому, о Рагхава, повели построить мост через океан; когда же мы вторгнемся на Ланку, Равана и ракшасы его падут под нашими ударами, и Сита вернется к тебе. Победа будет нашей, великий воин, в том нет у меня сомнения!»

Тогда, ободренный этими речами отважного Сугривы, Рама стал расспрашивать Ханумана о крепости Ланки, о силах, ее охраняющих, и о ее оборонительных средствах и сооружениях. Хануман, сын Ветра, сказал: «Узнай, о Рама, что Ланка, подобная великолепию обители бессмертных, стоит на горе и ее окружает высокая и неприступная золотая стена, выложенная жемчугом, кораллом, ляпис-лазурью и драгоценными камнями; а вдоль стены тянется широкий ров, наполненный водою, бездонный и непроходимый, кишашщий рыбами и хищными водяными тварями.

Четверо ворот имеет город, огромных и крепких, запертых тяжелыми засовами. Против каждого ворот через ров переброшен мост; и в этих местах установлены сотни железных острых шатагхни, камнеметов и иных боевых орудий, способных отразить нападение и сбросить в ров вражеское войско. Десять тысяч храбрых ракшасов-копьеносцев охраняют Восточные ворота Ланки; сто тысяч — цвет войска ракшасов — стоят на страже Южных ворот; миллион ракшасов, опытных и неодолимых воинов, вооруженных мечами и щитами, обороняет Западные ворота; и Северные ворота защищают десять миллионов ракшасов. Город полон колесниц, слонов и коней, и несметные полчища неукротимых и бесстрашных ракшасов, отпрысков знатных семей, мириады свирепых демонов, бесов и оборотней стерегут его днем и ночью. Вождь их — воинственный Равана смел и в бою неопрометчив; по единому знаку Раваны повинуются ему его грозные рати. Но, переправившись через море, обезьяны побеждают ракшасов и покорят их твердыню. Повели войскам выступать, о Рама!»

«Воистину, — отвечал Хануману Рама, — настало время свершения наших планов. Сегодня восходит на небе Северная Пхальгуни, созвездие, под которым родилась Сита. Сегодня мы выступим в поход, чтобы освободить из плена царевну Видехи.

Пусть отважный Нила с тысячами быстроногих обезьян идет впереди войска, разведывая путь. О Нила, укажи войску такую дорогу, которая идет по медвяным лугам и тенистым лесам, изобилует плодами и кореньями, источниками чистой воды. И пусть твои проворные воины бдительно высматривают вражеских лазутчиков в лесных зарослях и в горных ущельях и на скалах.

Пусть останутся неопытные и несмелые, ибо поход наш преисполнен опасностей и тягот.

Следом за Нилой двинутся во главе обезьянней рати могучий Гаджа и предводитель прыгунов Гавакша. И пусть Ришава, украшение обезьяннего рода, ведет правое крыло нашего войска, а неистовый Гандха — левое крыло. Я же буду следовать в середине войска: могучий Хануман понесет меня, как божественный слон Айравата — Индру. Лакшману понесет Ангада. А с тыла пусть замыкают шествие наше царь медведей — могучий Джамбаван, Сушена и обезьяна Вегадаршин».

Войско построилось в порядке, указанном Рамой, и выступило в поход в час благоприятного расположения светил. И на всем пути все приметы и знамения предрекали ему успех.

Нила шел впереди, расчищая войску дорогу. Следом шли тысячи и тысячи обезьян, испускающих воинственные клики, ревуших, как львы, неистовствующих и изъясляющих радость свою прыжками и кувырканьем, стремящихся вперед неудержимо! Одни из них, похваляясь силой, хватали и швыряли оземь товарищей своих, другие ломали деревья, кусты и лианы, третьи низвергали камни со скал; и одни двигались прямо, другие — наискось, лакомясь на ходу медом и плодами, купаясь в ручьях и прудах, взбираясь на холмы, прыгая по деревьям, сметая преграды на своем пути, побуждаемые жаждой битвы.

Царь Сутрива, Рама и Лакшмана двигались в середине войска; окруженные толпами обезьян устрашающего вида, могучих, подобно тиграм и слонам; следом за ними шли, замыкая войско, Джамбаван и Сушена, предводительствующие несчетной ратью медведей.

И Нила, и Балимукха, и Гаджа, и Рабхаса, и другие военачальники неумоимо обегали ряды идущих, подбадривая воинов. А обезьяны шли и шли, заполнив всю землю на много йоджан вокруг. Иные, вдохновенные тщеславием юности, издавали грозные крики и вопли, иные подпрыгивали высоко в воздух или же стремились вперед, падали на землю и тотчас вскакивали, задирали хвосты, визжали, топтали землю ногами, вырывали из земли деревья и тащили их на себе, играли деревьями и камнями, выказывая друг перед другом рвение свое и радость. И обезьяны ревели в присутствии Рамы: «Мы убьем Равану и истребим всех бесов ночных!»

Так двигалось войско на юг, оставляя за собою леса, поля и холмы, деревни, города и страны. И пыль от идущих обезьян, медведей и тигров — воинов, вооруженных когтями и клыками, — поднималась, как туча над землею, и застилала свет солнца.

Миновав гору Сахья, войско пошло, не останавливаясь, поспешая ради освобождения Ситы. Небеса были безоблачны, дул ласковый попутный ветерок, приветно звучали крики зверей и пение птиц в лесах, воды источников были прохладны и усладительны, и ветви деревьев, колеблемые ветром, отрясали на идущих дожди благоухающих цветов. И звезды в небе предвещали удачу.

С вершины горы Махендра Рама увидел наконец вдали безбрежные просторы океана, обители Варуны. И, построив свои бесчисленные рати, вожди обезьяньего войска вступили в лес, прилегающий к морскому берегу. Рама сказал Сутриве: «О Сутрива, мы достигли океана — прикажи войскам своим стать лагерем на его берегу. Настало время нам поразмыслить

и посоветоваться о том, как переправиться через пучину океана, господина рек. И пусть военачальники идут к своим отрядам и воспретят им разбредаться по окрестностям — здесь на каждом шагу следует остерегаться ракшасов, коварных оборотней».

И войско вышло на поросший берег, омываемый волнами, и взорам воинов открылся бескрайний океан, рокочущий, вздымающий валы, увенчанные пеной, гонимые яростным ветром, океан — обитель бога Варуны, таящая в глубинах своих, населенных чудовищными акулами, китами, тимингалами и морскими змеями, бесценные сокровища и жемчуга. Воды океана прибыли с восходом луны, и беспредельные просторы его подобны были во всем небесам. И волны, то поднимаясь, то падая, словно плясали, словно смеялись, плеща и пенясь, и, ударяясь друг о друга, они рождали шум, подобный грому небес; казалось, гневался океан, с ревом бьющийся о прибрежные скалы; но шум, поднятый обезьяньим войском, хлынувшим на берег морской, разносился далеко окрест и покрывал рев пучины.

И на берегу неоглядного и бездонного моря, за которым жили ракшасы, обезьяны стали лагерем.

Совет во дворце Раваны

Рано утром доблестный Вибхишана, муж, приверженный благоразумию и добродетели, вступил в чертоги Раваны, своего старшего брата, как блистающее солнце в полосу густых облаков. Там, в чертогах, возвышающихся подобно горным вершинам, в просторных дворцовых покоях, полных украшений, жемчуга и драгоценных камней, жили родовитые царские сановники, многомудрые и благочестивые, и жили там прекрасные жены царя.

Ревом труб и барабанным боем оглашались покои Раваны, и грозные стражи — свирепые ракшасы — охраняли врата в них из чистого золота.

Миновав ряд покоев, где брахманы, знатоки Вед, совершали обряды и распевали священные гимны и молитвы, Вибхишана узрел своего царственного брата, приветствовал его и по знаку его опустил на золоченую асану. И сказал могучерукий Вибхишана царю ракшасов в присутствии его приближенных слова, исполненные здравомыслия и соответствующие месту и времени: «С тех пор как царица Видехи, о победоносный, явилась к нам, похищенная тобою у ее супруга, дурные предзнаменования сулят беду нашему роду. На жертвенных алтарях огни чадят и гаснут, не разгораясь; в жертвенном масле находят муравьев; змеи заползают в храмы. Вороны, каркая, тучами кружат над кровлями зданий, в сумерки слышен злоеющий вой шакалов, и волки прибегают в город из лесов и воют по ночам у ворот дворца. О царь, чтобы предотвратить грозящую нам беду, есть один лишь путь — примириться с Рамой, вернуть ему Ситу. Иначе неминуемая гибель ждет наш город и всех ракшасов. В бою неодолим могучий победитель Кхары, и страшным будет возмездие за нанесенную ему тобой обиду».

Внимая этим разумным речам, Равана, ослепленный своею греховною страстью, обуян был гневом. «Страха я не ведаю совсем, — сказал он. — Никогда уже не видеть Рама дочери Джанаки. Пусть сам Индра с небожителями будет помогать ему — против меня он бессилен». И Равана, недовольный, отпустил своего брата Вибхишану, сказавшего ему правду.

Поразмыслив и посовещавшись со своими приближенными, Равана решил, что время войны настало. И он взмошел на колесницу, украшенную жемчугом и кораллами, с золотою упряжью, и отправился в дом совета, воздвигнутый Вишвакарманом. Могучие ракшасы, вооруженные мечами и щитами, сопровождали его, и подданные склоняли головы перед ним, сложив ладони, и возглашали победу ему, когда он следовал в дом совета, наполняя окрестность громом своей колесницы.

Прибыв во дворец, воздвигнутый Вишвакарманом, Равана вошел и сел на трон, украшенный ляпис-лазурью и покрытый оленьей шкурой. Он разослал гонцов по всей Ланке, повелев им созвать ракшасов, и гонцы вошли в каждый дом и всюду возвестили царскую волю. И со всех концов явились в столицу грозные воины, пешие и конные, на бесчисленных колесницах и повозках и на слонах, готовые исполнить любой приказ десятиглавого владыки.

Когда все воители и военачальники, и среди них — Кумбхакарна, бодрствовавший в тот день, заняли свои места, Равана сказал: «О могучие мужи! Вы, чья отвага помогла мне одержать победу над якшами и данавами и самими бессмертными богами! Ныне снова нужен мне ваш совет и ваша помощь — с ними мне всегда сопутствовал успех. Рама во главе обезьяньего войска идет на Ланку, проведая о том, что сюда унесена мною из леса Дандака его возлюбленная Сита.

Я не знаю в трех мирах никого, кто бы равен был красотой Сите, и нет никого для меня желанней. Она так стройна и нежна, словно сам Майя, небесный художник и зодчий, изваял ее и наделил несметными чарами, пленяющими взор и сердце. Когда я вижу ее ноги, маленькие и нежные, как лепестки цветов, страсть опалает мою душу. И когда я взираю на ее прекрасное лицо, сияющее, как солнечный свет, я теряю власть над собою. Но непорочная красавица не хочет взойти на мое ложе. И, терзаемый неукротимой страстью, одолеваемый и радостью и гневом, я потерял покой, я изнурен, как конь, загнанный в скачке. Год сроку просила у меня царица. Она ожидает супруга своего Раму, на чью отвагу возлагает свои надежды, стремясь избавиться от плена. И хотя не пересечь ему и его обезьянам океана и не страшен мне, одолевшему богов, враг — простой смертный, все же я призвал вас на

совет, ибо совет рождает победу — так говорят мудрые. Обдумайте и рассудите, как защитить Ланку и что нужно для того, чтобы Сита осталась в моей власти и чтобы погибли сыновья Дашаратхи».

И, выслушав эти речи Раваны, ракшасы отвечали ему: «У тебя, о царь, достаточно войска и оружия. О чем печалиться тебе, победителю Смерти? Повели сыну твоему Индраджиту, одолевшему властителя небес, стать во главе рати — он без труда справится с обезьянами и с Рамой».

Прахаста сказал: «Я могу одолеть в битве богов, и данавов, и нагов, и гандхарвов — что для меня эти двое из людского рода, Рама и Лакшмана? Хануман обманул нас однажды, но во второй раз он не уйдет отсюда живым. Прикажи, о царь, и я истреблю обезьяний род и очищу от него землю; и не будет у тебя причины для тревоги».

И Дурмукха, и Ваджрадамштра, и Никумбха, сын Кумбхакарны, и другие военачальники ракшасов, каждый поочередно, поклялись, что в одиночку одолеют Раму и Лакшману и обезьянье войско. И распаленные гневом ракшасы вскочили со своих мест, и, размахивая неистово копьями, палицами, луками, дротиками, топорами и сверкающими мечами, они выкрикивали угрозы и сулили смерть Раме и его соратникам.

Кумбхакарна же сказал: «О царь, в тот миг, когда похитил ты Ситу из-под стражи Лакшманы, поистине, страсть захлестнула твой разум, подобно тому как затопляет Ямуна прибрежные поля в половодье. Это деяние было недостойно тебя, о великий царь. Раньше чем совершить его, должен ты был просить нас о совете, а не после того. Тот, кто поступает по справедливости, не имеет причины раскаиваться после. Но тот, кто действует, не рассуждая, и спрашивает совета не в надлежащее время, терпит ущерб».

Но если уж настало время сражаться, я огражу тебя от твоих врагов, о Десятиглавый. Будь покоен — я принесу тебе желанную победу. Я убью Раму и выпью его кровь, я сокрошу и пожру вождей обезьян. И когда я пошлю Раму в страну, которой правит Яма, Сита навсегда пребудет в твоей власти, и ты насладишься ее красотой без помехи».

И Махапаршва сказал, видя гнев Раваны: «О победоносный, поистине, человек, вошедший в цветущую рощу и не отведавший меда, коим она изобилует, дурачит сам себя. Кто может повелевать тобою, о повелитель, кто посмеет противиться твоей воле? Почему не исполнишь ты своего желания, если страсть влечет тебя к Сите, и не вкусишь наслаждения вволю? Чего бояться тебе, когда Кумбхакарна, и Индраджит, и все мы стоим на страже твоего покоя и сам громовежец Индра не в силах помешать тебе в твоих стремлениях?»

Выслушав эти речи, Равана отвечал Махапаршве: «Знай, о Махапаршва, что я не могу сделать того, о чем ты говоришь. Некогда я увидел Панджикастхалу, блистающую, словно пламя в небе, на пути к обители Брахмы. Ее красота ослепила меня, и я наслаждался ею, лишив ее блистательного наряда; подобная сломанному лотосу, удалась она в чертоги Прародителя. И тогда, узнав о случившемся, разгневанный Владыка сказал мне: „Если когда-нибудь отныне ты возьмешь женщину силой, голова твоя в тот же миг разорвется на тысячу частей“. Вот почему, угнетаемый тайным страхом, я не касаюсь царевны Видехи.

Но Рамы я не боюсь. Этот дерзкий не знает мощи моей, и потому отважился он приблизиться к моим владениям. Кто, безрассудный, смеет тревожить спящего в пещере льва? Он не видел в сражении стрел моих, подобных ядовитым змеям, несущих смерть врагам. Как взошедшее солнце побеждает блеск звезд, так и я со своею могучей ратью одолею его силу».

Тогда сказал царю ракшасов Вибхишана, преданный мысли о благе его: «Воистину, страсть твоя к Сите — это змея, обвившаяся вокруг твоей шеи; она тебя задушит. И на всех нас великую опасность навлекла дочь царя Митхилы — пока не поздно, отдай ее Раме. Пока обезьяны не овладели Ланкой и стрелы Рамы не снесли головы с плеч лучшему из ракшасов, верни ему его возлюбленную супругу». И, обратившись к Прахасте и другим военачальникам ракшасов, Вибхишана сказал: «О бродящие в ночи, мощь вашего врага беспредельна, и ради вашей жизни и блага вы не должны пренебрегать ею. Нет мудрости в том, что сказали вы здесь, как нет у грешника надежды на небесное блаженство. Ни ты, о Прахаста, ни Индраджит, ни Кумбхакарна не в силах устоять против Рамы в бою. И если царь наш неистов и безрассуден и сам стремится навстречу своей гибели, вы должны поступить как истинные друзья его, а не как враги. Как одержимого злым духом спасают друзья, таща его за волосы, так и вы спасите царя, хотя бы и вопреки воле его! Ради блага царя, и города, и всех ракшасов — возвратите Раме дочь государя Митхилы!»

Со вниманием выслушав Вибхишану, одаренного божественным красноречием, великий духом Индраджит, предводитель демонов, сказал: «К чему, о дядя, ведешь ты эти бесполезные речи, приличествующие трусу? Нет в нашем роду боязливых и слабых; один Вибхишана, брат моего отца, лишен, видно, мужества и силы. Чего боишься ты, о робкий, когда любой из ракшасов справится и с Рамой и с Лакшманой? Ведь они — всего лишь смертные люди. Повелитель богов, владыка трех миров, был пленен мною и приведен на землю, и небожители разбежались

в страхе передо мною. Я вырвал клыки у небесного слона Айраваты и низвел его на землю. Ужели я, сломивший гордость богов и дайтьев, не одолею человека?» Вибхишана отвечал Индраджиту: «О сын мой, ты еще дитя, и ум твой не созрел для совета — оттого и похваляешься ты, как безумец, на горе себе и отцу своему. Ни тебе, никому другому не устоять против сына Дашаратхи; безрассудны твои слова! О царь, — молвил Вибхишана, — верни Ситу Раме, и да избегнем мы беды и обретаем покой!»

На эти слова Вибхишаны, исполненные благоразумия, Равана отвечал, движимый пагубным гневом: «Лучше жить среди явных врагов или среди разъяренных змей, чем с теми, которые выдают себя за друзей, будучи врагами втайне. Я хорошо знаю, о ракшас, природу родственников, они одинаковы повсюду — всегда рады несчастьем близкого. И родственники царя, могучего и победоносного, всегда стремятся повредить ему и расстроить его замыслы. Худшие враги — лицемерные родственники, они рады повредить один другому. Знаешь, что в былые времена сказали слоны, завидев охотников? „Нам не страшны ни огонь, ни оружие, ни даже ужасная петля — мы боимся коварных родичей своих, ослепленных себялюбием. Только с их помощью нас находят и ловят в лесах”. И нет хуже страха, чем страх перед родственниками. Недаром говорят: „В коровах — молоко, в родственниках — опасность, в женщинах — непостоянство, в брахманах — благочестие”. Ты завидуешь моей славе, моему богатству, моему могуществу. Позор тебе, о презренная обезьяна, ты, что бесчестишь род свой! Если бы иной кто-нибудь осмелился произнести то, что я услышал сейчас от тебя, он тотчас лишился бы жизни!»

Оскорбленный суровой речью Раваны, Вибхишана поднялся в гнев со своего места и сказал: «Ты ослеплен, о царь. Только забота о твоём благе понуждает меня говорить. Я не хочу видеть тебя убитым, сраженным золотоперыми стрелами Рамы. Ты — старший брат мой, и я должен почитать тебя, как отца, но ты не следуешь праведным путем. И я не потерплю твоих оскорблений. О царь, тех, кто услаждает твой слух льстивыми речами, ты много найдешь вокруг себя, но редки те, кто может сказать или выслушать слова неприятные, но справедливые. Прости мне, о Десятиглавый, то, что я сказал тебе ради твоего блага. Поступай как хочешь, обороняй, как можешь, себя и этот город. Я уйду, и да будешь ты счастлив без меня».

И Вибхишана и вместе с ним еще четверо высокородных ракшасов покинули собрание бесов тьмы.

Покинув Ланку, Вибхишана во мгновение ока достиг тех мест, где расположились с обезьяньим войском Рама и Лакшмана. Вожди обезьян увидели его издалека, летящего по воздуху подобно грозовой туче, сверкающей молниями, и с ним четверых его спутников, могучих и устрашающих видом, с мечами и палицами в руках. И Сугрива, поразмыслив, сказал Хануману и другим обезьянам: «Смотрите, вот летит ракшас и вслед за ним еще четверо вооруженных демонов, чтобы убить нас». И обезьяны отвечали, потрясая каменными глыбами и стволами деревьев: «Прикажи, о царь, и мы сокрушим и уничтожим этих злобных бесов. На горе себе явились они сюда». Вибхишана между тем опустился на северном берегу океана и громким голосом вскричал, обращаясь к Сугриве и его приближенным: «Я — Вибхишана, младший брат Раваны, царя ракшасов, свершившего много нечестивых деяний. Это он похитил Ситу из Джанастханы и убил коршуна Джатаю; ныне он держит ее в плену на Ланке. Тщетно я увещевал его и умолял его возвратить Ситу Раме. Он оскорбил и унизил меня, и я покинул Ланку, покинул детей моих и жен и явился сюда искать прибежища у Рагхавы. Поведайте великому духом потомку Рагху, что прибыл Вибхишана, брат царя демонов».

Сугрива поспешил тогда к Раме и сказал ему: «Младший брат Раваны, по имени Вибхишана, явился сюда с четырьмя ракшасами искать твоего покровительства. Остерегайся его, о победоносный; эти ракшасы коварны и опасны. Несомненно, он проник к нам, чтобы посеять смуту в нашем стане или убить нас, воспользовавшись нашей беспечностью, как сова, истребившая спящих ворон. Он — ракшас родом и брат нашего

врага, как можем мы доверять ему? О благородный, я думаю, что этот Вибхишана, подсланный к нам Раваной, должен быть убит. Он погубит тебя, если ты поверишь ему».

Выслушав Сугриву, Рама обратился к другим обезьянам, окружавшим его, и сказал: «А что думаете вы об этом и что посоветуете мне, как истинные друзья?» Обезьяны отвечали ему: «О Рама, ты говоришь так для того только, чтобы почтить нас изъявлением твоего уважения. Ты мудр и проныцателен и знаешь сам, как надлежит здесь поступить. Но пусть выскажут свое мнение мудрейшие из нас». Ангада сказал тогда о Вибхишане: «Мы не должны поверить ему сразу; ведь он пришел от наших врагов. Злые скрывают истинную свою природу и губят людей, пользуясь их слабостями. Нам должно быть настороже». И Шарабха сказал: «Прежде испытайте его; подошли к нему тайных соглядатаев и, если убедишься, что он не замышляет злого, привлеки его на нашу сторону».

Хануман же молвил, обращаясь к Раме: «Я не думаю, о царь, что есть польза в том, что советуют тебе. И мне кажется, что действовать следует осмотрительно и неопрометчиво. Как можем мы испытать его? И если пришелец явился как друг, наша подозрительность только оттолкнет его. Я же не заметил в нем коварства, когда он говорил. Речь его лишена хитрости; я верю ему. Замышляющий злое не явится так смело и открыто. Не так легко скрыть собственную природу, она всегда выдаст себя. Нет сомнения, Вибхишана слышал о гибели Валина и о воцарении Сугривы; ныне, подвижимый здравомыслием, он пришел к нам, желая получить царство. Обдумав это, нам следует принять его помощь. Я сказал то, что думаю об этом, о мудрый, теперь тебе надлежит решать».

Рама сказал: «Я мыслю о Вибхишане так же, как и ты, о сын Ветра. Очевидно, он пришел сюда как друг; и я не могу отвергнуть его». Выслушав эти слова и поразмыслив над ними, Сугрива, царь обезьян, сказал: «Пришел ли он к нам как друг или как враг, этот бродящий в ночи, нам не следует принимать его, покинувшего своего брата в беде. Почему должны мы верить, что он не предаст и нас в час невзгоды?» Рама тогда, глядя на Сугриву, молвил, улыбаясь: «Мудры слова царя обезьян. Но следует помнить, что есть разные враги — одни приходят извне, другие появляются внутри рода. И если в роду царей братья не верят друг другу — тогда они боятся один другого и меж ними неизбежна война. Мы не родственники Вибхишане; он пришел к нам, чтобы завоевать царство. О Сугрива, не все братья подобны Бхарате, не все друзья — тебе. Намерения Вибхишаны нам ясны, и нам не следует пренебрегать новым союзником». Сугрива

сказал на это: «О благородный, этот демон подослан сюда Раваной. Он намеревается погубить нас — меня, и тебя, и Лакшману. Я полагаю, нам лучше умертвить его и четверых его приближенных!»

Выслушав слова Сугривы и взвесив их, Рама сказал: «Вибхишана пришел в наш стан как друг, и нет у нас причины подозревать его в злых замыслах. И даже если мы не знаем его истинных намерений, я не могу отказать в убежище тому, кто просит меня о нем.

К тому же он не сможет причинить нам зла, если он и захочет. Ни пишачи, ни данавы, ни якши, ни все ракшасы на земле не страшны мне — я справлюсь с любым из них. О Сугрива, лучший из обезьян, ступай и приведи сюда Вибхишану; пусть он идет безбоязненно; тот, кто ищет у меня убежища, всегда найдет его, будь то сам владыка демонов».

Сугрива, убежденный словами Рама, повиновался; и Вибхишана с четырьмя ракшасами предстал перед сыном Дашаратхи и поклонился ему в ноги. «Я — младший брат Раваны, оскорбленный им, — сказал Вибхишана. — Я пришел к тебе искать защиты у тебя, о великий духом, оставив на Ланке друзей моих и мои богатства. Жизнь моя и все, чем я владею, — в твоей власти отныне, о Рагхава». И Рама, ободрив его приветливыми речами и взглядом, сказал ему: «Поведай мне о силе и слабости моих врагов».

Вибхишана сказал: «О царевич, Равана, десятиглавый владыка ракшасов, могуч и непобедим в бою. Милостью Самосущего, дарованной ему заподвиги благочестия, он неуязвим для всех — для богов и гандхарвов, для змей и птиц. Второй мой брат, Кумбхакарна, в битве равен силою властителю небес. Сын Раваны Индраджит сражается в непробиваемых оружьем доспехах, в перчатках из кожи игуаны и обладает даром становиться невидимым в бою. Прахаста, победитель Манибхадры, предводительствует войском Раваны. Десять тысяч раз по десять тысяч воинов у него под началом — ракшасов, населяющих Ланку, оборотней, кровожадных и грозных. В битве они неодолимы».

Выслушав эти речи и взвесив их в уме, сын Дашаратхи сказал: «Я вижу, сколь велико могущество Раваны, о котором ты рассказываешь, о Вибхишана. Но знай, что я убью Десятиглавого и его соратников и сделаю тебя царем. Ни под землей, ни на небесах не скроется он от меня и не найдет спасения. Клянусь моими братьями, я вернусь в Айодхью, лишь когда убью в битве Равану с его сыновьями, родичами и друзьями».

И Вибхишана сказал: «Располагай мною, о Рагхава; я помогу тебе всей моею мощью в завоевании Ланки. Ты увидишь меня, истребляющего ракшасов, в самой гуще войска Раваны».

Тогда Рама, обрадованный, обнял Вибхишану; затем, обратившись к Лакшмане, он сказал: «О брат мой, принеси воды из океана». И сын Сумитры повиновался; и по велению Рамы он окропил водою голову Вибхишаны; перед взорами обезьяньего войска, при возгласах одобрения и приветственных кликах воинов Рама объявил Вибхишану царем ракшасов. И обезьяны воздали хвалу великодушию и мудрости сына Дашаратхи.

Помазав на царство младшего брата Раваны, Рама вышел на берег океана, господина рек, и стал на берегу над пучиной, рокочущей и вздымающей волны. И, узрев Лакшману рядом с собою, Рама сказал ему такие слова: «Говорят, что скорбь утихает со временем; но моя тоска, порожденная разлукою с Ситой, возрастает день ото дня. Увы! Снова и снова слышится мне крик ее: „О супруг мой!“ — в час ее похищения; словно яд, он жжет меня. О сын Сумитры, покинув тебя, я готов низринуться в эту бездну океана, чтобы погасить огонь, испепеляющий мое сердце!

Когда, пронзив стрелами грудь повелителя ракшасов, я развею мою тоску? Когда увижу я лицо моей любимой, сияющее несравненной красотой? Когда она обнимет меня, улыбаясь, и я, подобно умирающему, приникшему к источнику бессмертия, запечатлею поцелуй на губах ее, нежный, как лепестки лотоса?»

О Ветер, лети в ту сторону, где томится в плену моя милая, и, коснувшись ее, вернись и повея на меня, принеси мне радость!

Вдали от меня, ее супруга, она влачит свои дни среди свирепых демонов и демониц, лишенная защиты. Нежная и хрупкая, как цветок, она изнурена печалью и невзгодами. Когда же настанет день нашей встречи и горе покинет меня?»

Ракшас Шардула, соглядатай злого Раваны, увидел войско Сугривы на берегу океана. Поспешив на Ланку, он предстал перед своим повелителем и сказал: «Несметная рать обезьян и медведей приближается к Ланке. Сыновья Дашаратхи привели ее на берег океана. Реши, о великий царь, что должно сделать прежде, чем враг подступит к городу!»

Услышав от Шардулы о приближении неприятеля, Равана призвал к себе ракшаса по имени Шука и сказал ему: «Ступай во вражеский стан, явись к царю Сугриве и передай ему от меня такие слова: „О Сугрива, могучий сын Солнца, отпрыск великого рода! Зачем ведешь ты против меня свое войско? Я не враждовал с тобою. Поистине, я считаю тебя моим братом, о царь обезьян! Я похитил супругу у царевича Айодхьи, но что тебе до этого, о Сугрива? Возвращайся в Кишкиндоху. Никому не дано одолеть крепость Ланки. Даже боги и гандхарвы не могли этого сделать — что же говорить о людях и обезьянах?“»

Приняв такое поручение, ракшас тотчас обернулся птицей и взвился в небо. Пролетев над бездной океана, он опустился на землю и, явившись перед Сутривой, повторил все, что молвил ему коварный Равана. Едва он кончил, обезьяны, слышавшие его речи, повскакали с мест, бросились стремительно на Шуку и схватили его, намереваясь оборвать ему крылья или убить его. И схваченный ими Шука вскричал тогда жалобным голосом, обращаясь к Рама: «О потомок Рагху, не подобает убивать посла. Останови обезьян, о Рама!» И Рама сказал обезьянам: «Не убивайте его».

Снова став на землю, демон молвил: «О Сутрива, что сказать мне Раване, перед которым трепещут все живые существа?» Царь обезьян отвечал: «Скажи ему, о ракшас, мои слова: „О Равана, ты не друг мне и не благодетель мой, и я не питаю любви к тебе. Ты враг Рамы и потому достоин смерти — как Валин до тебя — с твоими друзьями и родственниками. И потому я убью тебя, о царь бродящих в ночи, с твоими сыновьями, друзьями и родственниками и обращу Ланку в пепел. И ты не избежнешь своей участи, даже если боги встанут на твою защиту. Ни ракшасы, ни пишачи, ни гандхарвы, ни асуры не защитят тебя, Равана. Ты похитил прекрасную Ситу, но ты не соразмерил своих сил, о безумный. Кара настигнет тебя; тебе не устоять перед могуществом Рамы — он возьмет твою жизнь”».

Тогда, обращаясь к Сутриве, заговорил Аганда, сын Валина: «О мудрейший царь, этот ракшас — не посол. Думается мне — и в том у меня нет сомнения, — что это соглядатай. Он явился сюда, чтобы разведать наши силы. Истинно говорю тебе, схвати его. Не давай ему возвращаться в Ланку». И тогда по приказу Сутривы обезьяны схватили Шуку, и он возопил, как погибающая душа. Жестоко сжатый руками безжалостных обезьян, Шука вскричал, опять взывая к великодушному сыну Дашаратхи: «О Рама, они отрывают мне крылья и выпарывают глаза! Если я погибну, пусть все грехи, свершенные мною со дня рождения и до смертного часа, падут на твою голову!» И, слыша этот жалостный крик, Рама остановил обезьян и сказал им: «Отпустите посла».

И, повинуясь слову Рамы, обезьяны пощадили Шуку, но до времени воспрепятствовали ему возвращаться на Ланку и по повелению Сутривы, связав, оставили в плену.

Сутрива и Хануман обратились тогда к Вибхишане и спросили его: «Скажи, доблестный, как переправиться нам с войском через бездну вод — обитель Варуны?» На это ответил благочестивый брат Раваны: «Пусть Рама прибегнет к милости Океана. Некогда царь Сагара, пращур Рамы, сотворил эту великую бездну — океанскую пучину; и ныне могучий Океан не откажет в помощи потомку Сагары».

И по совету Вибхишаны Рама вышел на берег океана. Три дня он оставался там, и три ночи он спал на берегу на ложе из травы куша. На четвертый день он услышал голос Океана; встав из волн в блистающем жемчугом и золотом наряде, окруженный огненноликими паннагами и женами своими, богинями рек, Океан приблизился к Раме и сказал: «О Рагхава, глубины мои бездонны, и нет предела вечному движению волн. Нет переправы через меня — такова моя природа. Но я помогу тебе и сделаю так, чтобы войско твое могло перейти меня, и свирепые морские чудовища не тронут его. О благородный, в войске твоём есть обезьяна по имени Нала, сын Вишвакармана, зодчего богов. Повели ему построить мост через меня, и воды мои, как твердое дно, поддержат этот мост».

Сказав так, Океан исчез; с ним исчезли реки и паннаги. Тогда поднялся Нала, достойнейший из обезьян, и сказал: «Истину молвил господин рек. Искусством, унаследованным мною от отца, я воздвигну мост через бескрайнюю обитель дельфинов. Пусть сегодня же примутся за работу могучие обезьяны».

И тогда по велению Рамы сильнейшие из обезьян сотнями и тысячами не мешкая отправились в лес. Обезьяны-исполины, сами подобные горам, стали вырывать из земли деревья и носить их к океану. И они бросали и валили в море деревья шала и пальмы, ашвакарны, арджуны и цветущие карникары, семилистники, ашоки и биллаки, бамбук и бакулы и гранатовые и манговые деревья. Они валили или вырывали их с корнями, они выламывали громадные утесы и катили или тащили их при помощи хитроумных приспособлений к воде. И когда эти огромные

утесы рушились в океан, воды вздымались горою до самых небес и опять опадали; и деревья, падая в пучину, рождали смятение волн и водовороты.

И превеликий и оглушающий шум стоял от падения в воду тех скал. Меж тем, пока одни обезьяны тащили и рушили в океан деревья и камни, другие уже взбирались на них, выступающих из воды, держа в руках палки и веревки для измерения прямизны моста. И с помощью сотен могучих обезьян Нала начал строить мост через океан, мост в сто йоджан длиною.

В первый же день обезьяны, мощью подобные слонам, исполненные рвения и напрягшие силы, закончили четырнадцать йоджан моста. Во второй день, работая быстро и споро, они сделали двадцать йоджан. На третий день могучие обитатели лесов продвинулись на двадцать одну йоджану. На четвертый день пылкие и неутомимые обезьяны, трудясь с великим усердием и охотою, продвинулись на двадцать две йоджаны. И на пятый день они закончили двадцать три йоджаны, достигнув дальнего берега. Так могучий сын Вишвакармана, равный искусством своему божественному отцу, построил мост через океан.

И этот мост, сооруженный обезьянами над обителью дельфинов, был прекрасен видом и блистателен, как Млечный Путь на небосводе. Тогда боги и гандхарвы, сиддхи и великие святые появились на небесах, жаждущие увидеть это чудо. И они узрели великолепный мост Нала в десять йоджан шириною, протянувшийся через океан на сто йоджан, сооруженный с искусством бесподобным и непостижимым. А обезьяны, прыгая и кувыряясь, с ревом и громогласными криками радости, тоже созерцали этот чудесный мост, подобный пробору в волосах на голове Океана.

И сотни тысяч отважных обитателей лесов перешли по воздвигнутому ими мосту через океан, и во главе войска Хануман и Ангада перенесли на себе на другой берег океана Раму и Лакшману. И воины шли через мост, скача, и прыгая, и взвываясь в воздух, как птицы, с громовыми кликами и торжествующим ревом, заглушающим грозный рев океанской пучины.

Перейдя океан, войско стало на поросшем лесом берегу, в местности, изобилующей плодовыми деревьями и пресной водою. Солнце померкло; облака на небе окрасились кровью; красные, как сандал, сумерки опустились на землю, и из окрестных лесов слышались вой шакалов и тоскливые крики неведомых птиц и зверей, предвещающие великое кровопролитие и гибель воинов в грядущей битве.

И, построив войска, Рама повел их на Ланку. Сугрива и Вибхишана шли впереди, издавая воинственные клики. И земля дрожала под поступью могучей рати обезьян.

Вскоре Ланка завиднелась впереди, словно гряда облаков; и шум города, звуки труб и литавр донеслись до слуха обезьяньего войска. И, услышав их, обезьяны, обрадованные, взревели, покрыв эти звуки своим ревом. Рама же, завидев вдали город ракшасов с его великолепными дворцами, возносящими стены свои к небесам, с его прекрасными домами, увенчанными знаменами и стягами, — завидев перед собою Ланку, воздвигнутую Вишвакарманом на вершине горы, предался мысли о Сите, томящейся в плену за ее стенами.

Обезьяны меж тем двинулись к Ланке, вырывая на ходу деревья и подбирая камни. Рама сказал Сугриве: «Пусть построится наше войско в должном порядке: пусть Ангада вместе с Нилой станет в середине строя; пусть Ришабха со своими обезьянами станет на правом крыле войска, а отважный Гандхамадана — на левом. Я с Лакшманой стану впереди; медведи во главе с Джамбаваном и Сушеной пусть следуют за Ангадой, а ты, о царь обезьян, прикроешь нас с тыла».

И когда войска, тучей заполнившие подступы к Ланке, построились в указанном Рамой порядке, сын Дашаратхи сказал Сугриве: «Теперь ты можешь освободить Шуку». И Сугрива отпустил посла Раваны.

Освобожденный по слову Рама Шука, жестоко помятый и ошипанный обезьянами, натерпевшись смертельного страха, еле живой возвратился в город Ланку и предстал перед царем ракшасов. Увидев его, Равана разразился смехом и спросил Шуку: «Что стало с твоими крыльями? Ты выглядишь так, словно кто-то хотел их оторвать у тебя. Так, видно, ты попал в лапы обезьян?» И Шука, трепеща, рассказал о том, что с ним случилось. «С обезьянами договориться нельзя, о государь, — сказал он. — Они свирепы и взбалмошны по природе своей. Рама вступил на остров вместе с Сугривой, тот Рама, который убил Вирадху, и Кабандху, и Кхару. Воздвигнув мост через пучину и перейдя океан, Рама стоит теперь у стен города; и с ним пришли полчища обезьян и медведей, подобных горам и тучам. И не может быть мира между ними и ракшасами. О владыка, настало для тебя время — либо отдать им немедля Ситу, либо сражаться». Услышав речи Шуки, Равана с глазами, пылающими от гнева, молвил: «Даже если боги, и гандхарвы, и данавы выступят против меня все вместе, я и тогда не отдам Ситу. Скоро я сожгу своими стрелами Раму, как сжигает молния, упавшая с неба, слона, и рати его истреблю, подобно тому как восходящее солнце поглощает свет звезд на заре. Сын Дашаратхи не ведает силы моей, потому ищет он боя со мною». Затем он обратился к Шуке и Шаране, двум своим советникам, и сказал: «Как перешел Рама с войском через безбрежный и бурный океан — этого не могу я постигнуть; подобного еще не свершалось в этом мире. А сооружение моста через море — это деяние, в которое верить невозможно. И все же враг под стенами Ланки, и я должен знать численность

обезьяньих войск. Ступайте и, проникнув незамеченными в ряды неприятелей, узнайте число их и силу и кто предводительствует их отрядами, кто — советники и приближенные Рамы и кто — Сугривы, кто из обезьян отважнее других и искуснее в бою, как построили они мост через воды океана, как расположились они здесь, на Ланке, каково их оружие, кто стоит во главе войска и что замышляют Рама и Лакшмана. Все это разведав поистине, возвращайтесь без промедления».

С этими поручениями Шука и Шарана отправились, обернувшись обезьянами, в ряды обезьяньего войска; но не в силах были они счесть несметные полчища, покрывшие тучею окрестности Ланки, равнину и горы. И одни отряды уже вступили на сушу, другие еще шли по мосту через океан, одни двигались во всех направлениях, с ревом и кликами, сотрясая поступью землю, другие стояли, расположившись на отдых. В то время как Шука и Шарана в обличье обезьян наблюдали движение обезьяньего войска, они были обнаружены и взяты в плен Вибхишаной.

Разоблачив их, Вибхишана привел обоих к Раме и сказал: «О победоносный, эти двое — советники царя ракшасов Шука и Шарана. Они пришли как соглядатаи из Ланки». Представ перед Рамой, ракшасы, уstraшенные и отчаявшиеся в спасении жизни, признались, смиренно сложив ладони: «О милостивый, по велению Раваны мы пришли сюда, чтобы разведать силы твои». Рама сказал, улыбаясь: «Если вы достаточно рассмотрели войска наши и успели выполнить ваше поручение, возвращайтесь с миром. О Вибхишана, хотя эти бесы проникли к нам как соглядатаи, отпусти их. Пусть они идут к своему господину и передадут ему мои слова: „Призови всю свою силу, на которую ты надеялся, когда похищал мою Ситу, делай что хочешь, собери всех друзей и соратников, но завтра ты увидишь Ланку, город и крепость, в развалинах и войска твои — истребленными моими стрелами. Завтра гнев мой обрушится на тебя и твоих ракшасов!“»

Выслушав эти слова, Шука и Шарана поклонились Раме и, вернувшись в Ланку, сказали владыке ракшасов: «О царь, мы были взяты в плен Вибхишаной, но Рама освободил нас. О повелитель, неисчислимо войско Рамы, и мощь его неизмерима; он и один, без войска, способен сокрушить твердыню Ланки! Ни богам, ни демонам не одолеть его в битве. Склонись к миру, о царь. Верни царевну Митхилу сыну Дашаратхи».

«Никто в мире не принудит меня отдать Ситу», — отвечал Равана и вместе с соглядатаями взошел на кровлю дворца, чтобы обозреть оттуда

неприятельское войско; кровля та возносилась над землею на высоту многих палм, если бы были поставлены они одна на другую. И, взойдя на кровлю дворца, Равана увидел океан, и горы, и леса. И увидел он, что земля кругом покрыта, словно тучею, полчищами обезьян. «О Шарана, — сказал владыка ракшасов, — скажи мне, кто из обезьян сильнее и отважнее других, кто предводительствует их войсками и чьи советы слушает Сугрива?» На это Шарана, знающий вождей обезьяньих ратей, отвечал Раване: «Вон та обезьяна, что стоит перед стенами Ланки, окруженная сотнями и тысячами военачальников, испуская громовые клики, потрясающие стены крепости и окрестные холмы, — это Нила, отважный предводитель обезьяньих отрядов. А тот могучий, что, потрясая руками, топчет землю ногою и мечет грозные взгляды на Ланку, то Ангада, сын Валина, наследник царства Кишкиндхи. Он вызывает тебя на бой. А там — друг Рагхавы, неукротимый Хануман, ведет несметную рать обезьян, грозя тебе поражением. Позади Ангады, окруженный грозным войском, стоит на поле отважный Нала, строитель моста. Там — за Шветой следуют с ревом и улюлюканьем обитатели сандаловых лесов. Силою одного своего войска надеется Швета покорить Ланку. Вблизи от него — Кумуда, царь лесов, растущих на берегах Гомати. А тот, подобный льву, рыжий, с длинной гривой, — стоя поодаль от других, он пожирает Ланку глазами — это Рамбха, предводитель обезьян с гор Виндхья. Тот же, что стоит, разевая пасть и дрожа от гнева, — смотри, как он хлещет хвостом! — то Шарабха с горы Шалвейя, о царь! У него под началом сорок сотен тысяч обезьяньих вождей. А этот, подобный туче, покрывшей небо, испускающий воинственный клич, — Панаша, предводитель обезьяньих ратей. Там приближается к стенам Ланки яростный Гавайя во главе могучей дружины. Там возвышается над всеми, подобно горе, царь медведей мудрый Джамбаван, некогда оказавший помощь Индре в войне богов и демонов. Там — бесстрашный Ришабха ведет тысячи обезьян, влекущих деревья и огромные камни, готовых идти на приступ. Там — Гавакша со своими быстроногими и свирепыми воинами движется на Ланку, вздымая облака красной пыли. Там — Балимукха, жаждущий сокрушить нашу крепость, там — Кешарин с плодородных холмов, озаренных солнцем, и Кратхана с берегов Ганги, гроза слоновьих стад, и Гандхамадана, и Гайя, и Праматхин, и многие еще вожди, окруженные несметными ратями, и я не могу перечислить, о царь, всех могучих и отважных воинов, предводителей этого войска».

Когда Шарана умолк, Шука молвил, обращаясь к Раване: «Эти воины, которых ты видишь, о царь, стоящие под стенами Ланки, подобные могучим смоковницам на берегах Ганги, храбрые и неутомимые обезьяны, отпрыски богов и гандхарвов, способные менять свой облик по желанию, трудноодолимы в бою. А эти двое, которых ты видишь, обликом подобные богам, — это Майнда и Двивида, в битве не знающие равных. Милостью Брахмы им дозволено было отвесть амриты — и нет теперь никого, кто мог бы им противостоять. А этот могучий, подобный ярому слону, — старший сын Кешарина, прославленный под именем Ханумана, о нем говорят, что он сын Ветра, — тот, что в поисках Ситы перелетел океан.

А рядом с ним — темнолицый муж, красотою подобный месяцу, — это Рама, о царь, тот, у кого ты похитил Ситу; храбрейший из рода Икшваку, он пришел сразиться с тобою. Справа от него — воин, блистающий в золотой кольчуге, статный и широкоплечий, — это верный Лакшмана, готовый отдать жизнь за старшего брата. Слева от Рамы, в окружении ракшасов, стоит Вибхишана, помазанный Рамою как царь Ланки, — полный гнева, он жаждет сразиться с тобою. А посреди войска, увенчанный золотым венцом, стоит Сугрива, царь обезьян, получивший царство из рук Рамы. Взгляни на его неисчислимое войско, о государь, и приготовься к битве жестокой и беспощадной!»

Глядя на вождей вражеской рати, которых указывали ему Шука и Шарана, на Раму и Лакшману, Вибхишану, Сугриву и Ханумана и других, Равана почуял в сердце своем смятение; и когда соглядатаи кончили свои речи, он обратился к ним, в гнев браня их и порицая: «Советники, живущие милостью своего государя, не должны вести речей, неугодных царю и омрачающих дух его. Или я просил вас возносить хвалы врагам, стоящим у стен города и готовым напасть на нас? Видно, напрасно вы изучали премудрость государевой службы — впустую пошла наука, и невежество владеет вами доныне. Счастлива моя судьба, что, имея таких глупых советников, я до сих пор не потерял свое царство! Или вы не боитесь смерти, что ведете подобные речи в присутствии своего повелителя? Я предаю смерти каждого, кто посмеет славить при мне моего врага. Только память о ваших прежних заслугах смягчает мой гнев. Довольно! Ступайте прочь от меня; я пощажу ваши жизни, но не приближайтесь ко мне более!»

Слыша такие слова, Шука и Шарана, повергнутые в смущение, поклонились Раване и, молвив: «Победа тебе, о царь!» — удалились.

Соглядатаи Раваны донесли своему господину, что воины Рамы взойшли на гору Субелу. И встревоженный Равана, послал за Прахастой и повелел ему приготовить войска к обороне крепости Ланки. Затем он призвал к себе Видьюдджиху, ракшаса, искушенного в колдовстве, и, войдя с ним на ту половину дворца, где томилась плененная Сита, сказал ему: «О демон, сделай так, чтобы предать дочь Джанаки во власть чар. Сотвори для меня своим волшебством голову Рамы, лук его и стрелы».

Видьюдджиха повиновался и создал волшебством то, о чем просил его Равана. И царь, довольный, одарил его драгоценным украшением. Затем он отправился в рощу ашок и предстал перед печальною Ситой, сидевшей под деревом на непокрытой земле в окружении свирепых демонов.

Равана приблизился к ней и сказал: «О красавица, тот, ради кого ты меня отвергаешь, убийца Кхары, супруг твой Рагхава, пал в бою. Пришел конец твоим надеждам и твоей гордости. Теперь ты станешь моей женой. О неразумная, оставь свое упрямство и стань госпожою всех моих жен! Что тебе до мертвого? Услышь о гибели своего супруга. С многочисленным войском, собранным царем обезьян, Рама вышел на берег моря, намереваясь достигнуть гибели моей. Когда настала ночь, и войско расположилось на отдых на берегу, и усталые воины заснули, мои соглядатаи проникли в их лагерь. И в полночь мои могучие ратники, предводимые Прахастой, перебили спящих врагов. Свирепый Прахаста отрубил голову спящему Раме; Вибхишана взят в плен; Лакшмана бежал с остатками войска. Сугриве свернули шею, и Хануман убит ракшасами. Пал

и Джамбаван в ночной резне, пронзенный многими стрелами и копьями, и отважнейшие из обезьян — Майнда и Двивида плавают в собственной крови, заколотые мечами. Убиты и Ангада, и Кумуда, и многие вожди обезьяньей рати. Другие разбежались, преследуемые ракшасами, как слоны — могучими львами. И одни попадали в море, другие искали спасения в лесах; и берег морской, леса и горы усеяны трупами обезьян, сраженных ракшасами. Супруг твой убит, и войско его истреблено моими слугами; мне принесли его голову, окровавленную и покрытую пылью».

И, повернувшись к одной из ракшаси, Равана сказал ей в присутствии Ситы: «Приведи сюда великого духом Видьюдджибху, принесшего голову Рагхавы с поля битвы».

И Видьюдджибха немедленно явился на зов с призрачной головою и луком в руках и стал перед Раваной, склонив голову. Тогда царь ракшасов сказал ему: «Покажи Сите голову Рамы. Пусть она в последний раз взглянет на лицо своего мужа». Ракшас, бросив голову на землю перед Ситой, исчез. А Равана бросил рядом с головою лук и сказал: «Это оружие Рамы. Прахаста принес его с собою».

Увидев эту голову и этот великолепный лук, вспомнив о союзе между Рамой и Сугривой, о котором говорил ей Хануман, Сита уверилась в праведности рассказа Раваны. И, глядя на лицо, на глаза, чело и волосы, знакомые ей, измученная царица Видехи издала горестный крик и упала на землю без чувств.

Придя в себя, прекрасная Сита взяла в руки ту голову и предалась своему горю. «О, я погибла! — вскричала она. — Увы, супруг мой, ты, стремившийся освободить меня, пал от руки ракшаса! Из-за меня, злощастной, ты принял смерть — не женою тебе я стала, а злою твоею судьбой! О бедная Каушалья, из троих, кого она проводила в путь, один лишь Лакшмана вернется к ней; и когда она узнает о смерти Рамы и о моем плене, сердце ее разорвется от горя. Ты добилась своей цели, Кайкейи, — мертв Рама, лучший из рода Икшваку. Предсказатели сулили ему долгую жизнь; но слова их были лживы.

Как это могло случиться? Почему ты ушел из мира, о господин мой, и оставил меня одну? О Равана, убей и меня вместе с Рамой; возврати жену ее мужу, положи голову мою рядом с его головою и тело — рядом с его телом. О Равана, я хочу последовать за господином моим!»

Так плакала и убивалась прекрасная дочь Джанаки, не сводя глаз с головы и лука супруга. И в это время дворцовый страж поспешно явился

перед Раваной, сложив ладони, со словами: «Победа царю!» И сказал страж: «О государь, Прахаста со всеми придворными пришел и хочет видеть тебя. Прости раба твоего, но дело, должно быть, не терпит промедления; он послал меня за тобою».

Вняв словам ракшаса, Десятиглавый покинул рощу ашок. И едва он оставил рощу, голова и лук исчезли! Сарамы, супруга благочестивого Вибхисаны, видя, как горюет Сита, приблизилась к ней тогда, чтобы ее утешить.

«О Сита, — сказала Сарамы, — презрев ради тебя страх перед Раваной, я подкралась сюда незамеченной и слышала все, что он говорил тебе и что ты ему отвечала. И я успела узнать, почему удалился он отсюда так поспешно. О прекрасная царица, утешься! Рама не убит, его нельзя застать врасплох; и невредимо войско обезьян. То, что видела ты, — призрак, чары, созданные волхованием того нечестивца, враждующего со всеми существами.

Горю твоему скоро конец, и уже брезжит заря твоего счастливого дня. Поистине, богиня Лакшми обратила свой взор на тебя. Узнай, о царица: Рама перешел океан с обезьяньим войском и стал лагерем на южном его берегу! Ракшасы, посланные разведать о движении войска Рамы, донесли о его переправе. И Равана, получив эти вести, совещается со своими военачальниками».

Как только Сарамы сказала Сите эти слова, обе слышали клики войска, подобные рыканию львов, и бой барабанов. Сарамы сказала: «Этот барабанный бой, о Сита, призывает к оружию! Прислушайся к его раскатам, подобным раскатам грома. Слышишь ли ты грохот колесниц и ржание коней? Войско ракшасов спешит на защиту города. Пришел час испытаний и страха для Ланки; для тебя же наступило время счастливой надежды. Скоро, о царица Митхилы, Рама, убив Равану в битве, вызволит тебя из плена, и вновь обретешь ты счастье с возлюбленным твоим супругом».

И как облака осени освежают благостным дождем опаленную зноем землю, так и добрая Сарамы утешила Ситу, повергнутую в отчаяние речами Раваны. Желая оказать услугу Сите, Сарамы сказала ей с приветливой улыбкой: «Если хочешь, я могу тайно пробраться к Раме, передать ему твои слова и вернуться обратно». Но Сита сказала: «Если хочешь ты сделать мне добро, о Сарамы, прошу тебя, пойди и узнай, что делает и замышляет Равана. Уже много дней живу я здесь в страхе и тревоге, и коварный и злобный владыка ракшасов постоянно меня преследует

и угрожает мне. Узнай, что они решили — отдать меня Раме или оставить в плену, — и скажи мне. Это та великая милость, которую я жду от тебя».

Сарама отерла слезы с лица Ситы и сказала: «Если таково твое желание, я иду, о дочь Джанаки». И она отправилась тайно в покои Раваны и, подслушав речи, которые велись на совете ракшасов, вернулась вскоре в ашоковую рощу к горестной супруге Рамы.

«О дочь царя Митхилы, — сказала она трепещущей Сите, — советники, умудренные годами, и сама мать Раваны приступили к повелению ракшасов, убеждая его вернуть тебя Раме. Но он упорствует в своем намерении оставить тебя у себя; и пока он не падет на поле битвы, никто здесь не посмеет нарушить его волю».

При этих словах Сарамы до слуха их донеслись всеяющий трепет рев обезьяньего войска, сотрясший землю, и звуки труб и бой барабанов. И воинственные клики защитников Ланки раздались в ответ.

В этот час десятиглавый властитель ракшасов, обуянный гибельной страстью, отвергнув благие советы мудрейших из своих приближенных, повелел своим воинам готовиться к битве. Он поставил Прахасту защищать Восточные ворота, Махапаршву и Маходару он послал к Южным воротам, Индраджит стал во главе защитников Западных ворот, сам же Равана взял на себя оборону Северных ворот, где во главе рати стояли Шука и Шарана. В городе во главе войска он поставил Вирупакшу.

И, распустив советников, отдав необходимые распоряжения, Равана вошел в свои великолепные чертоги.

Обезьяны у стен Ланки

Рама и Лакшмана, Хануман — сын Ветра, Джамбаван — царь медведей, Вибхишана — доблестный ракшас, Ангада — сын Валина, Сушен со своими друзьями, Нала, Шарабха, Кумуда и другие вожди собрались на совет: «Ланка, твердыня Раваны, неприступная даже для богов и гандхарвов, исполинов и нагов, перед нами. Мы должны ради успеха нашего дела помыслить о предстоящем и принять решение».

Вибхишана сказал: «Мои советники — Анала, Панаша, Сампати и Прамати, — обернувшись птицами, пролетели над Ланкой и, обозрев приготовления врага, вернулись обратно. О Рама, узнай, что Восточные ворота защищает Прахаста, Южные — могучие Махапаршва и Маходара; Индраджит, сын Раваны, с отборными воинами защищает Западные ворота, а сам Равана со своими советниками и бесчисленной ратью ракшасов обороняет Северные ворота. Войско же, оставшееся в городе, возглавляет Вирупакша. Десять тысяч слонов, десять тысяч колесниц, двадцать тысяч всадников и тьма ракшасов, могучих вождей несметных дружин, обороняют Ланку.

О Рама, не гневайся на меня и не думай, что я хочу уstrasшить тебя, перечисляя силы неприятельского войска; я только хочу, чтобы возрос твой гнев против Раваны. Ты можешь одолеть в битве самих богов. С твоим могучим войском ты разгоришь Равану и сразишь его в бою».

Когда Вибхишана сказал эти слова, Рама обратился к вождям и повелел им: «Пусть Нила с войском станет против Прахасты у Восточных ворот; пусть Ангада, сын Валина, с сильным отрядом противостоит Махапаршве и Маходаре у Южных ворот; через Западные ворота пусть

пробивается в город Хануман, сын Ветра, с несметною ратью. Я же с сыном Сумитры пойду на приступ Северных ворот, пойду, чтобы сокрушить Равану — того, кто силою, дарованной ему богом, губит богоравных святых и притесняет народы. Могучий царь обезьян, повелитель медведей и младший брат владыки ракшасов возглавят войска в середине нашего строя».

Сказав так и повелев войскам готовиться к битве, Рама в сопровождении Лакшманы и Сугривы и многих обезьянних вождей на закате дня вззошел на вершину горы Субелы. Там они провели ночь, а наутро взорам их с высоты открылась Ланка на вершине горы Трикуты, словно повисшая в воздухе, окруженная золотым сиянием, неприступная, недостижимая даже в мысли; Ланка, обнесенная золотыми и серебряными стенами, украшенная великолепными воротами, подобными белым облакам, и прекрасными дворцами, с блистающими на солнце кровлями, над которыми вздымался, словно пронзая небо макушкой, тысячеколонный чертог Раваны, подобный божественной горе Кайлаше. И, глядя на этот богатый и процветающий город, полный сокровищ, блистающий красотою и подобный обители бессмертных, Рама преисполнился изумления.

Спустившись с горы, сын Дашаратхи обозрел свои непобедимые войска, построившиеся для битвы, и, отдав распоряжения, он с луком своим в руках направился к стенам Ланки. Вибхишана и Сугрива шли за ним по пятам, и за ними следовали Хануман и Джамбаван, царь медведей, и Нала, и Нила, и Лакшмана, и следом за ними двинулось все огромное войско обезьян и медведей, покрыв землю на много йоджан кругом.

Вскоре они достигли города ракшасов, и войско по слову Рамы остановилось на подступах к Ланке. Рама стал перед Северными воротами. Там увидел он толпы ракшасов, одетых в кольчуги, вооруженных луками, копьями, мечами, топорами и палицами. И, придя к Восточным воротам, Нила, предводитель обезьяньего войска, стал напротив них вместе с Майндой и Двидой. Могучий же Ангада, сопровождаемый Ришабхой, Гавакшей, Гайей и Гавайей, направился к Южным воротам, а Хануман расположил свои отряды напротив Западных ворот. Сугрива, Джамбаван и Сушена стали неколебимо под стенами Ланки с главными силами войска; а Лакшмана и Вибхишана по слову Рамы обходили строй от ворот к воротам, наставляя и ободряя ратников.

И те подобные тиграм обезьяны стояли, потрясая деревьями и скалами, свирепые обликом, готовые сражаться. Одни из них были равны силою десяти слонам; другие были в десять раз сильнее, и одни из обезьянних

вождей были равны силою тысяче слонов, и другие были в десять раз, и еще другие — в сто раз сильнее. И были там такие, чья мощь была неизмерима.

И удивительно и беспримерно было их скопище под стенами Ланки, словно саранча, покрыли они окрестность, и сотни и тысячи их стремились к стенам крепости, стекаясь со всех сторон, наполняя землю и воздух великим и ужасающим шумом, подобным реву морской пучины. И от шума того содрогалась вся Ланка с ее стенами, холмами и садами. Одни отряды приближались к городу, теснясь и напирая, другие стремились вдоль стен вокруг Ланки, они двигались по всем направлениям, словно волны великого водоворота, они тучею облепили склоны горы.

Полчища обезьян обложили Ланку кругом, так что даже ветер не мог бы теперь проникнуть в город. И ракшасы с тревогой и изумлением взирали со стен на неисчислимое вражеское войско, осадившее Ланку.

Но прежде чем вести обезьян на приступ, Рама, следуя совету мудрого Вибхишаны, призвал к себе Ангаду, сына Валина, и сказал ему: «О благородный, ступай сейчас к Десятиглавому и передай ему мои слова: „Я миновал бездну океана и осадил твой город. О ты, тщеславный демон, оскорбитель богов и гандхарвов, апсар и змей, святых и царей. Срок могущества твоего, дарованного тебе всевышним Брахмой, истек. Я стою у ворот Ланки, и жизнь твоя в моих руках. Если ты, о худший из бродящих в ночи, не возвратишь мне дочь царя Митхилы, я разрушу твой город моими стрелами и избавлю мир от ракшасов. Я пощажу тебя, если ты предашься моей милости. Царство Ланки приобретет благочестивый Вибхишана, наш союзник. Ты же, нечестивый и безрассудный, избравший глупцов своими советниками, не достоин царствовать ни на мгновение. Сражайся, ракшас, призвав всю мощь свою и отвагу. Пронзенный насмерть моими стрелами, ты обрешь мир — и то будет благом для тебя”».

Выслушав эти слова Рамы, сын Тары взвился, как огонь, в небо и, перелетев через крепостную стену, опустился на землю прямо перед Раваной, восседавшим в окружении своих советников. И, упав с неба, как молния, доблестный Ангада предстал перед повелителем ракшасов и сказал ему: «Я — посол Рамы, царя Кошалы, прославленного своими подвигами. Ангадой зовусь я, сыном Валина; я не знаю, слышал ли ты обо мне. Рама, потомок рода Рагху, говорит тебе: „Выходи на бой, о нечестивый, и докажи свою силу. Я убью тебя с твоими советниками, твоими сыновьями, родственниками и друзьями, тебя, врага богов и данавов, гандхарвов, змей, святых и демонов. И когда я убью тебя, три мира —

небо, земля и подземное царство — обретут покой и избавление от бед. Вибхишана же получит все твое богатство и станет царем Ланки. Только если ты, склонившись передо мною и воздав мне почести, вернешь мне дочь царя Митхилы, я пощажу тебя”».

Когда тот вождь обезьян промолвил такие слова, владыка бродящих в ночи пришел в небывалую ярость и приказал своим советникам: «Схватите этого безумца и убейте его на месте». Тотчас четверо свирепых и мрачноликих ракшасов схватили отважного Ангаду за руки. Но, почуввав их хватку, сын Тары, поведя руками, стряхнул их с себя, как букашек, и одним прыжком взлетел на крышу дворца, возвышавшегося словно горная вершина. И, сорвав крышу с дворца Раваны и громко выкликнув свое имя, Ангада издал устрашающий рев и взвился в воздух; и, повергнув ракшасов в уныние и наполнив ликованием сердца обезьян, он вернулся на сторону Рамы, спустившись посреди своего войска.

И Рама, окруженный обезьянами, испускающими радостные клики, подал знак начать битву. По велению Сугривы Сушена стал обходить войска от ворот к воротам, как ясный месяц — звезды в ночи. И ракшасы в тревоге увидели, что все пространство между крепостным валом и рвом заполнилось вмиг обезьянами и они уже толпами лезут на вал. Поднялся оглушительный рев, словно в час кончины мира; и ракшасы, схватив оружие, приготовились обороняться.

Приступ

По слову Рамы все огромное обезьянье войско, разделившись на отряды, двинулось на твердыню Ланки. Со всех сторон тысячи и десятки тысяч обезьян ринулись, теснясь, на приступ, испуская леденящие душу клики. Они забросали рвы, полные прозрачной воды, камнями, землей, соломой и стволами деревьев, а перейдя их, принялись ломать золотые ворота, ударяя в них камнями и бревнами, и полезли сотнями на стены. И обезьяны ревели, вопили и кричали: «Победа Раме, сыну Дашаратхи, победа могучему Лакшмане, победа царю Сугриве!»

Тогда Равана, возгоревшись гневом, приказал своему войску выступать. И бродящие в ночи издали все разом устрашающий вой, а обезьяны под стенами Ланки, заслышав его, взревели в ответ. Забили барабаны, затрубили тысячи раковин, и войска, повинувшись велениям Раваны, устремились из города в поле, исполненные жажды боя, словно бурный поток в день Всемирного потопа.

Рев труб и барабанный бой, клики воинов, крики слонов, ржание коней, грохот колесниц, топот демонской рати смешались с громовым кличем обезьян и разнеслись по окрестности, наполнив землю, небеса и море.

И началось великое сражение между ракшасами и обезьянами, подобное битве богов и асуров в былые века.

Ракшасы, являя силу свою и искусство боя, разили обезьян копьями и мечами, палицами и топорами, а неукротимые обитатели лесов убивали ракшасов дубинами, бревнами и каменными глыбами или раздирали их когтями и зубами. И громкий клич «Победа царю Сугриве!» мешался

с другим — «Победа тебе, о царь!», ибо каждое войско выкрикивало имя своего государя. И еще другие свирепые ракшасы, стоя на стене, пронзали обезьян стрелами и дротиками. Обезьяны же, пылая гневом, прыгали на врагов и душили и убивали их руками. И битва между ракшасами и обезьянами была ужасной и ошеломляющей, и земля под их ногами скоро стала сырою от потоков крови и покрылась мертвыми телами.

Чем дольше длился бой, тем больше возрастала ярость сражающихся. На конях, блистающих золотой сбруей, на ярых гороподобных слонах, на пламенеющих колесницах, в сверкающих на солнце кольчугах доблестные ракшасы, жаждущие добыть победу повелителю своему Раване, хлынули из города неукротимым потоком. И могучие обезьяны, алкающие битвы, ринулись им навстречу, готовые победить или погибнуть во славу Рамы и царя Сугривы. И меж тем как закипел бой между той и другой ратью, многие высокородные воины того и другого стана сошлись один на один в ожесточенной схватке.

Как некогда демон Андхака с богом Шивой, так встретился Индраджит, сын Раваны, с Ангадой, сыном Валина. Хануман схватился с Джамбумалином, Нила вступил в единоборство с Никумбхой, а царь обезьян Сугрива обрушился на Прагхасу. Четверо могучих ракшасов — Агникету, Рашмикету, Митрагхна и Яджнакопа — напали на Раму; Ваджрамушти встретился с Майндой, а с Двивидой — Ашанипрабха, неодолимый в бою Пратапана сражался с грозным Налой, а с Сушеною, сыном Варуны, бился Видьюнмалин.

И яростной и беспощадной была битва между ракшасами и обезьянами. Кровавая река заструилась по бранному полю, и тела павших воителей были ее берегами со вздыбившимися на них волосами — травами.

Тяжелою палицей яростный Индраджит нанес Ангаде удар, подобный удару молнии владыки небес. Ангада же своею дубиной единым ударом разнес на куски золотую его колесницу, сразив насмерть возничего и коней. Джамбумалин на быстрой, как вихрь, колеснице бурей нагнал Ханумана и копьем нанес ему рану между сосков. Но Хануман, не дрогнув, могучим ударом сокрушил вражескую колесницу с ракшасом вместе. Свирепый Пратапана с ревом набросился на смелого Налу. Пронзенный многими стрелами меткого ракшаса, Нала вскочил на его колесницу и, выдрав когтями ему глаза, бросил их на землю.

Агникету, Рашмикету, Митрагхна и Яджнакопа осыпали Раму дождем стрел. Възъяренный их ударами, сын Дашаратхи четырьмя стрелами, подобными огненным молниям, снес головы всем четверым. Прагхаса,

пожиратель вражеских ратей, был убит Сугривой, обрушившим на него ствол семилистника, с корнем выдернутого из земли. Майнда же убил Ваджрамушти ударом кулака, опрокинув его наземь вместе с колесницей и конями.

Никумбха пронзил в сражении Нилу множеством стрел — так солнце пронзает лучами гряду облаков. Мчась по полю на своей колеснице, он со смехом осыпал Нилу сотнею стрел. Нила тогда, настигнув Никумбху, ухватился за колесо и, сорвав его с колесницы, срезал им голову Никумбхе, а заодно и вознице его.

Двивида метнул в противника своего каменную глыбу. В ответ Ашанипрабха пронзил Двивиду многими стрелами, подобными молнии Индры. Израненный стрелами Двивида, вне себя от гнева и боли, ухватил могучий ствол дерева шала и сокрушил им Ашанипрабху вместе с его колесницей. И Сушена, отважный воин, был осыпан златоперыми стрелами Видьюнмалина. Схватив очередную каменную глыбу, Сушена метнул ее в Видьюнмалина; обрушившись, она раздробила на куски колесницу ракшаса, но Видьюнмалин успел соскочить с нее и бросился на Сушену. Тогда медвежий вождь поднял над головою новую скалу, еще тяжелее прежней; и в тот же миг Видьюнмалин нанес ему страшный удар палицей в грудь. Но, не дрогнув, Сушена опустил камень на голову ракшаса и поверг его, бездыханного, на землю.

И, одолеваемые могучими обезьянами, ракшасы, опьяненные запахом крови, сражались, теснимые к стенам Ланки, страстно желая заката солнца.

И меж тем как длилось сражение, ужасен стал вид поля битвы, покрытого мертвыми телами ракшасов и обезьян, коней и слонов, обломками разбитых колесниц, сломанными осями, дышлами, колесами, разбросанными по земле стягами и оцетинившегося копьями, дротиками, мечами, палицами и стрелами. И стаи шакалов стали собираться со всех сторон того поля, в небе закружились стервятники, а с приближением сумерек страшные безглавые призраки-кабандхи поднялись в воздух.

День прошел, и наступила роковая ночь. Но и в спустившейся на землю тьме битва продолжалась, и ярость бойцов не угасала. В непроглядном мраке обезьяны и ракшасы стали убивать друг друга, восклицая: «Ты — ракшас!» и «Ты — обезьяна!» И раздались крики: «Бей!», «Руби!», «Убит!», «Нападай!», «Куда бежишь?» Ракшасы в своих золотых кольчугах казались в той темноте холмами, покрытыми светящимися травами. С наступлением ночи сила их возросла, и, обуянные гне-

вом, они двинулись вперед, истребляя и пожирая обезьян. И обезьяны в неистовом гневѣ бросались и прыгали на них, раздирая когтями и зубами коней и всадников, слонов и воинов, сражающихся на слонах, и разбивая колесницы, украшенные стягами.

Пыль, поднятая ногами сражающихся, копытами коней и колесницами, забивала глаза и уши. Грохот барабанов, звуки литавр и мриданг раздавались во мраке, мешаясь с грозным пением труб, громаханием колесниц, ржанием лошадей, ревом слонов, воем ракшасов и визгом обезьян. И ночь та, гибельная для ракшасов и обезьян, была ужасна; и казалось, не было ей конца.

В этой глубокой тьме ракшасы толпою напали на Раму. Рама же с Лакшманой меткими стрелами, подобными ядовитым змеям, пронзили многих вождей войска Раваны — и тех, что были различимы, и тех, что скрывались во мраке. В мгновение ока Рама четырьмя стрелами поразил четверых могучих ракшасов — неукротимого Яджнашатру и великого телом Ваджрадамштру и двух советников Раваны — Шуку и Шарану; тяжело раненные стрелами Рамы, они покинули поле боя.

Златоперые стрелы Рамы, подобные языкам пламени, пронизывали ночную тьму во всех направлениях; и ракшасы, осмелившиеся приблизиться к нему, гибли, как мотыльки, налетевшие на огонь.

И страшная ночь той битвы казалась еще страшнее от оглушительного грохота барабанов и рева сражающихся воинов, подобного реву океана.

Храбрый Ангада одолел в бою Индраджита. Покинув свою колесницу, израненный сын царя ракшасов, чьи кони и возница были убиты Ангадой, отступил с поля боя. И все, кто видел тот поединок, слышанные о воинском искусстве Индраджита, воздали хвалу отваге и мощи Ангады; и обезьяны, ликуя, восславили сына Валина громкими кликами.

Индраджит, потерпев поражение от Ангады, вне себя от ярости, прибег тогда к дару, полученному им от Брахмы. Не в силах одолеть врага в открытом единоборстве, он, склонный к коварству в бою, стал невидимкой и, обратившись против Рамы и Лакшманы, направил на них, сам оставаясь недоступным их взорам, губительный полет своих страшных стрел. И, пылая злобой, он уязвлял их непрестанно своими стрелами-змеями; они же оба — Рама и Лакшмана — бессильны были поразить его, неуязвимого, прибегнувшего к чарам ради победы над врагом.

Тогда, стремясь обнаружить своего невидимого противника, Рама призвал к себе на помощь семерых обезьяньих вождей — Ангаду, сына Валина, бесстрашного Шарабху, Дживиду, Ханумана, могучего Санупрастху, Ришабху и Ришабхаскандху. По велению Рамы все семеро возвились в воздух и полетели по всем направлениям, размахивая огромными древесными стволами, рассекая пространство в поисках Индраджита. Но сын Раваны, искусный в стрельбе из лука, встретил их яростный полет неодолимым ливнем стрел; и могучие обезьяны, израненные его оружием, не могли его сокрушить и оградить от его стрел Раму.

И на глазах обезьяньего войска Индраджит продолжал поражать Раму и Лакшману своим ужасным оружием и покрывал их тела стрелами, и кровь потоками заструилась у них из ран. Индраджит же, скрытый от взоров, вскричал, обращаясь к братьям: «Когда я сражаюсь невидимкой, сам владыка богов бессилен против меня — а кто вы, ничтожные? Гневом исполнен мой дух; ныне оружием моим я отошлю сынов Дашаратхи в царство Ямы!» И, вновь пронзив их стрелами, он издал радостный крик. А Рама и Лакшмана не могли уже больше выдержать смертоносного ливня. Жестоко израненные стрелами, торчащими из тел их во все стороны, так что не оставалось места шириною в палец, не пронзенного стрелой, они упали на землю, обливаясь кровью.

Первым упал Рама. Индраджит многократно пронзил его тело стрелами с гладкими наконечниками, называемыми «нарача», и стрелами с наконечниками как ножи, и дротиками, называемыми «телячий зуб», и другими, называемыми «львиный клык». Видя, что Рама пал, Лакшмана отчаялся в спасении своем, и слезы полились из его очей; и, пораженный тучею стрел Индраджита, он упал рядом со старшим братом. И обезьяны, охваченные ужасом и скорбью, проливая обильные слезы, испустили горестный вопль и, теснясь, толпой обступили павших героев.

Спасение Рамы и Лакшманы

Индраджит, глядя на недвижимые тела Рамы и Лакшманы, преисполнился радости и сказал: «Могучие братья, сыновья Дашаратхи, убившие Кхару и Душану, сами убиты ныне моими стрелами. Тот, кто вселял тревогу в сердце моего отца и лишил покоя прекрасную Ланку, принял смерть от моей руки. Сломлена мощь врагов — лесных бродяг». И, угрожая вождям обезьян, сын Раваны поразил девятью стрелами Нилу, пронзил Майнду и Двивиду тремя стрелами каждого, одну стрелу всадил в грудь Джамбавана и десять послал в сына Ветра; и по две стрелы он послал в Гавакшу и в Шарабху и бесчисленными тучами стрел осыпал обезьян Сугриву и Ангаду, сына Валина.

Обрушив ливень стрел на обезьян и устранив их силой своего оружия, сын Раваны сказал, смеясь: «О ракшасы, взгляните на этих братьев, пригвожденных стрелами к земле на виду у своих войск». И ракшасы, видя Раму и Лакшману распростертыми недвижно на земле, сочли их мертвыми и, ликуя, испустили торжествующий рев и восславили сына Раваны. И гордый Индраджит с победой вернулся в Ланку.

Возвратившись с отрядами в город, Индраджит предстал перед отцом; приблизившись к нему со сложенными ладонями, он поведал ему о гибели Рамы и Лакшманы. Услышав, что враг его убит, Равана вскочил с места и с великой радостью обнял сына. И, поцеловав его в голову, Равана спросил о том, как все это случилось, и Индраджит рассказал ему о битве. Тогда, утешенный тем рассказом, повелитель ракшасов прогнал из сердца тревогу и восславил подвиг сына своего, Индраджита.

А обезьяны между тем, окружив кольцом павших сыновей Дашаратхи, стали стражей над их телами, дабы не допустить врага приблизиться к ним. Хануман и Ангада, Нила и Сушена, Кумуда и Нала, Джамбаван, Ришабха, Рамбха и другие, вооружившись стволами деревьев, стали вокруг тесным строем, бдительно и зорко всматриваясь во все стороны.

Долго лежали братья без движения на поле брани, охраняемые обезьянами. Наконец очнулся Рама, чье могучее тело превозмогло недуг от бесчисленных ран. Увидев брата, пронзенного стрелами, покрытого кровью, распростертого без чувств на земле, Рама, сраженный горем, воскликнул: «На что мне жизнь, на что мне возвращение Ситы, если я вижу брата моего павшим на поле битвы? Как вернусь я без него в родной дом? Что скажу я матери его, Сумитре, жадно ждущей возвращения сына? Как утешу ее? Горе мне! По моей вине пал Лакшмана, верный брат мой, бывший мне помощью и утешением в дни невзгод. О Лакшмана, как ты последовал за мною в изгнание, в леса, так и я последую теперь за тобою в обитель Ямы! Я не достоин жить. Погиб доблестный Лакшмана. Не исполнится обещание, данное мною Вибхишане, и не станет он царем ракшасов. О Сугрива, собери свое войско и поспеши покинуть Ланку! Без меня ты будешь разбит Раваной. Уходи скорей через мост, возвращаясь в Кишкиндху. Никто другой не мог бы сделать того, что сделал ты в этом страшном бою. И Ангада бился отважно, и Майнда, и Двивида, и Гавайя, и Гавакша, и Шарабха — все сражались за меня, не щадя своей жизни. Но, Сугрива, человек не может одолеть Судьбы. Ты, о благородный мой друг, сделал все, что было в твоих силах. И вы все, о лучшие из обезьян, были мне верными друзьями. Теперь я освобождаю вас от слова, данного мне; оставьте меня и уходите отсюда в ваши родные страны!»

И, слыша эти сетования сына Дашаратхи, обезьяны проливали обильные слезы. В это время Вибхишана с палицей в руке, ободлив войска, приблизился к месту, где лежали Рама и Лакшмана. И, видя его, быстро приближающегося подобно черной туче, обезьяны, приняв его за Индраджита, в страхе обратились в бегство перед ним.

Сугрива, удивленный, молвил: «Почему это войско, возволновавшись, как море в непогоду, мечется вокруг в непостижимом смятении? Бросая оружие, с вытаращенными от страха глазами, воины разбегаются во все стороны, не оглядываясь, спотыкаясь и перепрыгивая через упавших». Между тем Вибхишана подошел с палицей в руке и приветствовал царя обезьян. Увидев его, Сугрива сказал стоявшему вблизи Джамбавану: «Это Вибхишана, это при виде его лучшие из обезьян, охваченные страхом

перед Индраджитом и принимая нашего союзника за сына Раваны, обращаются в бегство. Ступай, Джамбаван, останови бегущих, кричи им: „Это Вибхишана идет!“» И царь медведей повиновался и прекратил бегство обезьян, образумив их и успокоив.

Благочестивый же Вибхишана, увидев Раму и Лакшману, пронзенных стрелами, опечалился и, плача, разразился горькой жалобой: «Эти ракшасы, прибегая к коварным уловкам в бою, одолели отважных витязей. Мой нечестивый племянник погубил тех, на чье могущество я полагался. Увы! Пришел конец моим надеждам на царство! Враг мой Равана победил!»

Сугрива сказал Вибхишане: «О преданный справедливости, утешься! Не сомневайся, ты будешь царем Ланки! Оба витязя — и Рама и Лакшмана — живы и оправятся от ран». И, обратившись к Сушене, Сугрива сказал: «Ступай к своим воинам, взяв с собою Раму и Лакшману, и, когда придут они в сознание, возвращайся с ними в Кишкинду. Я же останусь здесь и, убив Равану с его сыновьями и друзьями, верну Раме дочь царя Митхилы!» Сушена возразил царю обезьян: «В былые дни я видел войну богов и демонов. Тогда данавы, прибегнув к чарам, нанесли небожителям смертельные раны. Но Брихаспати, божественный мудрец, воскресил погибших заклинаниями и травами. Есть целебные травы в горах, есть волшебные заклинания, которыми можно излечить раны сыновей Дашаратхи. Но кому они ведомы, те травы и заклинания?»

А пока он так говорил, внезапно поднялся ветер, и тучи, сверкающие молнией, появились на небе. И ветер тот взволновал глубины моря и потряс горные вершины. И обезьяны увидели в небе великого царя птиц — Гаруду, сына Винаты, приближающегося в стремительном полете. При его приближении змеи Индраджита, обращенные им в стрелы силою чар, в страхе выскочили из тел Рамы и Лакшманы и скрылись в земле. Гаруда же, опустившись возле раненых, приветствовал Раму и коснулся его лица рукою. И когда Гаруда коснулся перстами их ран, раны зажили в мгновение ока, и сила и память вернулись к ним. Оба витязя встали на ноги, и оба почувствовали, что мощь их возросла неизмеримо. И Рама сказал дивному целителю: «По милости твоей мы избавились от великой беды. Ты даровал нам жизнь, как второй отец, и сердце мое исполнено благодарности к тебе. Кто ты, о прекрасный обликом, увенчанный цветами, в блистающих одеждах, не запятнанных земным прахом?»

Царь птиц отвечал ему: «О потомок Рагху, я — друг твой Гаруда, повелитель пернатых, гроза змей — детей Кадру. Услышав о твоей беде, я прилетел сюда с быстротой ветра, чтобы помочь тебе. Никто другой, кроме меня, — ни боги вместе с гандхарвами, ни могучие асуры, ни обезьяны — не могут спасти того, кого ранили насмерть заколдованные стрелы Индраджита: то не стрелы, а страшные ядовитые змеи, обращенные в стрелы силою чар. Ты слышал, о Рама, об извечной вражде между детьми Винаты, богини Небосвода, и детьми Кадру, пресмыкающимися на земле. Боги дали мне великую власть над потомством Кадру, некогда низким обманом поработившей мою мать; змеи трепещут и ищут спасения в бегстве при моем появлении. Я исцелил тебя, о сын Дашаратхи, но отныне будь осторожен; берегись коварства ракшасов! Они коварны по природе своей, ты же, простодушный, полагаешься в битве только на силу свою и отвагу».

Сказав это, Гаруда обнял Раму и промолвил: «Ты победишь в этой битве. Враг твой падет от твоей руки, Ланка покорится тебе, и с вновь обретенной Ситой ты счастливо возвратишься в Айодхью. Прощай!» И, обойдя обезьяньих вождей и обняв их тоже, Гаруда взмыл в небо, покрыв его своими крыльями, и вскоре скрылся из глаз.

А обезьяны, видя сыновей Дашаратхи исцеленными, испустили радостные клики, подобные рыканию львов. И забили барабаны, затрубили трубы, и обезьяны, вырывая деревья из земли для предстоящей битвы, снова двинулись к стенам Ланки с устрашающим ракшасов ревом, подобным громовым раскатам грозовых туч.

Победа Ангады над Ваджрадамштрой

И Равана слышал тот ужасный шум, поднятый обезьянами и ракшасами, ревущими и вопящими. Прислушиваясь к нему, повелитель бродящих в ночи сказал своим советникам: «Этот шум, выдающий ликование обезьяньего войска теперь, когда Рама и Лакшмана сражены на поле боя, тревожит меня». И, обратившись к приближенным ракшасам, он приказал: «Ступайте и узнайте о причине радости в неприятельском стане».

И те, поспешно взойдя на стены, узрели на поле войско обезьян, выстроившееся, чтобы идти на приступ, во главе с Сугривой и обоими сынами Дашаратхи, освобожденными от зачарованных стрел. Тогда, удрученные духом, свирепокие ракшасы спустились со стены, предстали перед своим повелителем с поблдневшими лицами и горестно поведали ему ту бедственную новость.

Услышав от них, что Рама и Лакшмана восстали от ран и вновь появились на поле боя, владыка ракшасов охвачен был великой яростью и тревогой: «Если, смертельно раненные страшными стрелами Индраджита, дарованными ему богом, восстали эти оба, возвращенные к жизни, я вижу, что бесполезным оказалось мое могущество и тщетным были удары нашего оружия». И, вздыхая тяжело, словно разгневанный змей, Равана обратился к могучему и свирепому ракшасу Ваджрадамштре, восседавшему посреди собрания ракшасов, и повелел ему: «Ступай, о достойный, возьми с собою войско, убей Раму и Сугриву и истреби обезьянью рать!»

«Да будет так!» — отвечал Ваджрадамштра и, выйдя поспешно, приказал военачальникам строить войска. И, одетый в блистающую кольчугу,

с золотыми браслетами и поножами, с драгоценной диадемой на голове, с луком в руке, он взошел на золотую колесницу, сверкающую как пламя, и выехал из Южных ворот навстречу обезьянам могучего Ангады. Следом за ним устремились с воинственным кличем, подобным грому, полчища грозных ракшасов, вооруженных копьями и мечами, бердышами, железными палицами, булавами, дубинами, дротиками и пиками, арканами и топорами. Вместе с пешими воинами мчались в бой всадники на быстрых конях, летели колесницы, украшенные стягами, бежали слоны, подобные движущимся горам. И все войско ракшасов наступало на обезьян грозною тучей, гремящей и мечущей молнии.

Когда Ваджрадамштра выехал из Южных ворот на своей боевой колеснице, недобрые знамения появились в небе перед его взором. Воронь, каркая, закружились над его головою, и отвратительный стервятник опустился и сел на верхушку его стяга. Шакалы в лесах подняли зловежий вой. Воины Ваджрадамштры стали спотыкаться. И обезглавленный труп с леденящим душу воплем упал прямо на его пути.

При виде этих зловежних примет душа Ваджрадамштры омрачилась тоскою, и войско его дрогнуло. Обезьяны же, видя это, ринулись на врагов с ревом и рыком, потрясаящим землю.

И закипел жаркий бой под стенами Ланки между обезьянами и ракшасами, свирепыми и беспощадными, пылающими воинственной страстью, рвущимися уничтожить друг друга. Воины бросались друг на друга, нанося и получая в ответ яростные удары, прыгая, падая, топча друг друга ногами, проливая потоками кровь и сами истекая кровью. Сходясь один на один и отряд на отряд, не отвращая в битве лица, бойцы поражали друг друга палицами и дубинами, мечами и древесными стволами, боевыми топорами и каменными глыбами; и камни и бревна, сталкиваясь в воздухе с мечами и колями, порождали великий грохот и треск, мешавшийся с барабанным боем и пением труб, громаханием колесниц, ржанием коней и криками воинов. А некоторые, отбросив оружие, вцеплялись друг в друга голыми руками, и дрались кулаками, и били, и рвали, и раздирали друг друга на части. И многие ракшасы были разорваны на куски обезьянами или сокрушены глыбами скал, и многие обезьяны были убиты оружием ракшасов.

Ваджрадамштра, грозным обликом подобный Шиве, Разрушителю Вселенной, пробивался сквозь ряды неприятельской рати, сея смерть на своем пути и вселяя трепет в сердца обезьян, и следом за ним продвигались воины его, одушевленные жаждой боя. Но отважный Ангада, обла-

дающий львиною мощью, с глазами красными и горящими от гнева, ухватив ствол дерева ашвакарна, учинил великое побоище в рядах войска ракшасов. Сотни их полегли от его руки, как лес, вырубленный топором дровосека, и поле покрылось горами трупов с разможенными головами и переломанными руками и ногами, покрылось трупами коней, слонов и обломками сокрушенных боевых колесниц; реки крови заструились по полю брани. И смутилось и заколебалось войско ракшасов под неистовым натиском Ангады, сына Валина.

Видя поражение своего войска, Ваджрадамштра был охвачен гневом. И, натянув свой лук, блистающий, как молния Индры, он начал осыпать ливнями стрел ряды обезьян. И сильнейшие из ракшасов, стоя на колесницах, начали посылать во врагов тучи стрел и дротиков. А обезьяны стали метать в ракшасов древесные стволы и огромные камни. И оба войска понесли тут сильный урон, и многие ракшасы и обезьяны, сраженные, полегли на поле.

Тогда предводитель ракшасов, могучий Ваджрадамштра, обрушил на обезьян непрерывный ливень стрел. И он, искусный в стрельбе из лука, пронзал одной стрелою и восемь, и девять обезьян разом. Воспламененный гневом, Ваджрадамштра опрокинул тогда и рассеял неприятельский строй. И обезьяны, израненные его стрелами, в страхе бежали тогда под защиту Ангады.

Ангада, видя ряды своей рати расстроенными, обратил свой взор на Ваджрадамштру и встретился с его взором. И оба ринулись друг на друга и сошлись в смертельной схватке, словно лев с разъяренным слоном. Сотнями и тысячами стрел, подобных языкам пламени, Ваджрадамштра пронзил тело сына Валина. Обезьяний же вождь, истекая кровью, метнул огромное дерево в Ваджрадамштру. Но, видя это, ракшас, не смутившись и не дрогнув ни на мгновение, рассек то дерево в полете на части своим оружием, и, не долетев до цели, куски его упали на землю. Тогда Ангада, подняв над головою громадную скалу, со страшным криком метнул ее во врага. Но тот, неустрашенный, спокойно соскочил с колесницы и стал поодаль на земле. И каменная глыба, брошенная Ангадой, обрушилась на колесницу и разнесла ее в щепы и насмерть придавила коней.

Схватив тотчас же другой такой же камень — поросшую деревьями горную вершину, — сын царя Кишкиндхи обрушил ее на голову ракшаса. И Ваджрадамштра, оглушенный, изрыгая кровь изо рта, мгновение стоял недвижимо, опираясь на палицу, чтобы не упасть, и тяжело вздыхая. Придя в себя, он взмахнул своей чудовищной палицей и нанес ею Ангаде

удар в грудь; затем, отбросив палицу, он бросился на Ангаду, и оба сцепились врукопашную, нанося друг другу страшные удары кулаками. И ракшас и обезьяна, избивая друг друга, изрыгали кровь изо рта и вздыхали тяжело, подобно змеям, и оба, изнуренные тем боем, разошлись наконец, не в силах одолеть один другого голыми руками.

Отступив, Ваджрадамштра взял щит, обтянутый ослиной кожей, и меч с клинком широким и острым и снова напал на Ангаду. Ангада тоже схватил меч, и оба — ракшас и обезьяна — стали кружить друг возле друга, прыгая и отскакивая и соревнуясь в ловкости и проворстве. И, нападая один на другого, оба жаждущие победы, они выпускали воинственные клики; и кровь струилась у них из ран, уподобляя обоих витязей деревьям кимшука, покрытым алыми цветами.

И оба, вконец изнуренные битвой, уже не могли держаться на ногах и продолжали сражаться, стоя на коленях. Но вот внезапно, в мгновение ока, Ангада вскочил с горящими глазами — с быстротой змеи, прыгнувшей на жертву! И единым взмахом своего острого меча сын Валина снес голову с плеч Ваджрадамштры; и отрубленная голова, покрытая кровью, покатилась по земле, вращая глазами.

Ракшасы, видя гибель своего военачальника, в ужасе обратились в бегство, преследуемые обезьянами, ища спасения от избиения за стенами Ланки. А сын Валина, сразивший Ваджрадамштру, торжествовал победу, возвышаясь среди обезьян, как Индра среди бессмертных.

Победа Ханумана над Акампаной

Услышав, что Ваджрадамштра пал от руки Ангады, Равана сказал своим военачальникам, стоявшим перед ним со сложенными ладонями: «Пусть победоносные ракшасы, наделенные великою мощью, выйдут в поле под водительством Акампаны, опытного и искушенного в ведении войны. Этот преданный мне и воинственный полководец сумеет покарать врагов и оградить Ланку от их нашествия. Он победит сына Дашаратхи и Сутриву, он истребит свирепых и диких обезьян».

Тогда по велению Раваны лучшие из лучших ракшасы, неистовые и кровожадные воины, мрачноликие, с горящими, как угли, глазами, построились и двинулись в бой, побуждаемые своим предводителем. Акампана, обликом сходный с грозовою тучей, повелевая голосом, подобным раскатам грома, взошел на колесницу, украшенную золотом, и, окруженный ракшасами, выехал в поле через Западные ворота.

В тот миг, когда Акампана, могуществом равный солнцу, выехал в поле, кони его споткнулись, задержался у него левый глаз, и покрылся бледностью лик его, и изменил ему голос. Все вокруг потемнело, и вой хищных зверей и крики зловещих птиц послышались отовсюду. Но, презрев неблагоприятные знамения, Акампана вышел на поле битвы.

С ревом, вселяющим ужас в сердце, могучее войско ракшасов вышло через Западные ворота Ланки. И завязалась жестокая и беспощадная битва между бродящими в ночи и обитателями лесов, между воинами Раваны и славными ратниками Рамы. Облака пыли, поднятые ногами сражающихся, окутали поле боя и все окрестности густой пеленою, за которою скрылись войска, сошедшиеся в битве, только яростные крики

и вопли звучали над полем. В этих тучах пыли бойцы перестали различать друг друга и разили врага и друга без разбору. Земля покрылась в тот миг мертвыми телами и стала мокрой и скользкой от крови; и когда потоки крови увлажнили землю, пыль улеглась. Битва же между ракшасами и обезьянами разгорелась с новой силой.

Ракшасы напирали на обезьян, нанося им удары палицами и мечами, топорами и копьями, а обезьяны, отражая те удары, обрушивали на головы ракшасов утесы и древесные стволы и напирали навстречу, и вожди обезьяньего войска врывались в ряды врагов, убивая, опрокидывая и тесня неприятельских воинов.

Акампана, увидев, что в одном месте войска его дрогнули и отступают под натиском обезьяньих вождей, воскликнул, обращаясь к своему возничему: «Веди мою колесницу туда, где сражаются эти могучие обезьяны. Они истребляют моих воинов в битве, и ряды моей рати редуют под их ударами. Я должен укротить их отвагу. Да падут они от моей руки!» И колесничий направил быстрых коней туда, где ракшасы терпели поражение, и Акампана напал с великой яростью на обезьян, затмив небо тучею своих стрел.

Поражаемые стрелами Акампаны, обезьяны, не в силах противостоять ему, стали разбегаться с его пути. Тогда Хануман, бестрепетный сердцем, видя избиение своих родичей, вступил в бой, и могучие вожди обезьян, сплотившись вокруг него, повернули опять навстречу врагу. Как Индра дождем осыпает землю, так осыпал Акампана Ханумана бесчисленными стрелами. Но не дрогнул сын Ветра и встретил смехом тот ливень стрел, готовясь сразить Акампану. С воинственным криком Хануман бросился на ракшаса; земля загудела под его ногами. Подобный пылающему огню, приблизился Хануман к Акампане; и по дороге, вспомнив о том, что он безоружен, Хануман вывернул из земли огромный холм и поднял его над головой одной рукою.

Завидев тот холм, вскинутый ввысь Хануманом, Акампана издали пробил его своими стрелами, и холм рассыпался в прах в руках сына Ветра. Тогда могучий Хануман, охваченный гневом, выдернул из земли ствол дерева ашвакарна, вознесшийся выше горной вершины, и, взмахнув им, стал вращать его над головою. Но и ту ашвакарну мгновенно расщепил Акампана своими меткими стрелами.

В ярости бросился Хануман вперед, сокрушая все на своем пути, истребляя врагов, разбивая колесницы и убивая лучников на колесницах, слонов и их седоков, коней и всадников и пеших воинов. Акампана же,

видя избиеание ракшасов, испустил тревожный крик и пронзил Ханумана четырьмя и еще десятью железными стрелами и множеством острых дротиков. И со стрелами и дротиками Акамpany, торчащими из его тела, Хануман казался холмом, поросшим деревьями.

Взбешенный Хануман вырвал новое дерево из земли. Вне себя от гнева, раздраженный ранами, нанесенными оружием ракшаса, Хануман настиг Акампану, как некогда Индра — демона Намучи, и, изловчившись, с силою опустил древесный ствол на голову предводителя ракшасов. И, сраженный страшным ударом, Акампана упал с колесницы и умер.

После гибели Акамpany ракшасы, пав духом, бросились бежать по направлению к Ланке, бросая оружие. Обезьяны преследовали их, поражая камнями и деревьями, истребляя вражеское войско, наголову разгромленное в бою. Устрашенные ракшасы бежали во весь дух с развевающимися волосами, и пот струился потоком по их лицам, и, достигнув Ланки, они, оглядываясь в испуге, теснясь и давя друг друга в смятении, устремились в городские ворота, спеша укрыться за стенами крепости.

Обезьяны же, ликуя и торжествуя победу, восславили подвиг Ханумана громкими кликами. Рама, и Лакшмана, и Сугрива, и Вибхишана воздали великую хвалу своему другу, отважному сыну Ветра.

Победа Нилы над Прахастой

Когда весть о гибели Акампаны достигла слуха предводителя ракшасов, он, разгневанный и ошеломленный, устремил взор на своих советников. Поразмыслив, он в то утро, покинув свой дворец, обошел стены города, проверяя готовность и бдительность защитников Ланки. И, окинув взором окрестности Ланки, он увидел их заполненными бесчисленными ордами обезьян. Тогда Равана сказал Прахасте, искушенному в науке войны: «Кроме битвы, я не вижу иного средства спасти город, осажденный со всех сторон. Эта задача под силу мне или Кумбхакарне, моему брату, или Индраджиту, моему сыну, или тебе, моему полководцу. Возьми войско и выйди против обезьян — нет сомнения, они побегут, едва заслышат твой голос. Они — эти неразумные твари — не вынесут твоего боевого клича, как не выносит слон рыкания льва. И когда обезьянье войско обратится в бегство, Рама и Лакшмана останутся одни, лишенные силы и опоры. Ты легко и не подвергая жизнь свою большой опасности одержишь победу над ними, Прахаста. Скажи, что думаешь ты об этом?»

Прахаста отвечал царю бродящих в ночи: «О государь, ты всегда был милостив и щедр ко мне. Нет такого деяния, которое я отказался бы совершить ради твоего блага. Смерти я не боюсь. Для тебя я с радостью пожертвую жизнью». И, обратившись к своим военачальникам, он сказал: «Соберите войско ракшасов. Сегодня я накормлю досыта стервятников и коршунов телами врагов, сраженных моими стрелами».

Повинуясь словам Прахасты, военачальники построили войска. Вмиг закишела Ланка боевыми слонами, конями, колесницами и полчищами

отважных и ужасных ракшасов, вооруженных всеми видами оружия. В воздух поднялся дым жертвоприношений, совершаемых ради победы войска Раваны. Ракшасы, исполненные воинственного духа, надели поверх доспехов освященные и заговоренные цветочные гирлянды и стали перед Раваной, готовые идти в бой.

Тогда, приветствовав царя, Прахаста затрубил в свой рог и взошел, облаченный в золотые доспехи, лучезарный и прекрасный, как восходящее солнце, на колесницу, управляемую искусным возничим, запряженную быстрыми как ветер конями. Забили барабаны, затрубили трубы, и несметное войско ракшасов во главе с грозным Прахастой, подобным богу смерти, вышло из города через Восточные ворота, сотрясая землю и вселяя ужас во все живое леденящим душу ревом.

И когда войско вышло из города, птицы, питающиеся падалью, рея в безоблачном небе, появились с правой стороны от колесницы Прахасты. В лесу жуткие шакалы, извергая из пастей огонь, пронзительно завывли. Солнце померкло, кровавый дождь пролился на головы идущего войска. Зловещий стервятник с криком опустился на стяг Прахасты и, повернувшись на юг, разодрал его своими когтями и тем лишил украшения колесницу полководца ракшасов. Кони Прахасты споткнулись, и поводья выпали из рук его возничего.

И обезьяны рати встали на пути Прахасты, прославленного своей отвагой и воинским искусством. Вырывая с корнями деревья и поднимая тяжелые скалы, обезьяны, пылая жаждою битвы и бросая вызов врагам, приготовились встретить и отразить натиск ракшасов. И оба войска столкнулись с оглушающим шумом.

Рама, видя, как вышло из города вражеское войско, обратился с улыбкой к Вибхишане и спросил его: «Кто этот славный воин огромного роста впереди всех на колеснице? И какова его сила? Расскажи мне об этом ракшасе, о могучий». Вибхишана отвечал: «О Рагхава, это Прахаста, полководец Раваны, и с ним — треть войска Ланки. Этот ракшас прославлен своей силой, отвагой и воинским искусством. Рядом с ним — четверо его полководцев-советников — Нарантака, Кумбхахану, Маханада и Саммуната — воители опытные и не ведающие страха. Могучую рать выслал Равана в поле, нелегко будет одолеть ее. Смотри, войска сошлись, и битва началась!»

Густые тучи стрел и камней полетели с обеих сторон. Ракшасы напали с яростью на обезьян, поражая их своим оружием, а обитатели лесов отважно противостояли ракшасам, нанося им жестокие удары. Многие

тогда были пронзены копьями и стрелами, зарублены мечами и топорами; многие полегли, сокрушенные дубинами и камнями. Одни, оглушенные палицей, валились замертво на землю, другие падали, пронзенные в грудь стрелой, третьи лишались жизни, разрубленные надвое мечом. Ряды обезьян поредели под натиском свирепых ракшасов, но и многие ракшасы пали, убитые неистовыми обезьянами. И ракшасы и обезьяны сражались, не ведая страха и усталости, вступив на стезю героев.

Нарантака, Кумбхахону, Маханада и Саммуната — четверо могучих советников Прахасты — пробивались сквозь ряды неприятельского войска, сокрушая и истребляя обитателей лесов. Под их напором стали отступать обезьяны.

Тогда вожди обезьяньего войска пришли на помощь своим воинам. Дживида, стремительно бросившись в гущу боя, воздев над головою каменный утес, обрушил его на Нарантаку и убил его. Майнда могучим стволом ашвакарны сразил Саммунату: Джамбаван каменной глыбой прикончил Маханаду, а Кумбхахону испустил дух, сраженный ударом дубины, нанесенным Тарой.

Но, не уstraшенный этим поражением, Прахаста со своей колесницы обрушил тогда на головы обезьяньего войска непрерывный и нескончаемый ливень стрел. И великое смятение посеял он среди обезьян, неся им тяжелый урон и принудив их к отступлению.

А земля покрылась телами сраженных обезьян и ракшасов, и река крови, ужасающая взор, потекла по ней: трупы были ее берегами, мечи и копья — деревьями на тех берегах, волосы павших — ее мхом, внутренности, вывалившиеся из распоротых животов, — ее водорослями, коршуны и стервятники — ее лебедями, рыбами плавали в ней отрубленные головы, и стоны раненых были ее журчанием. И как другие реки текут к океану, так эта страшная река текла в царство Ямы, бога смерти.

Тогда Нила увидел Прахасту, стоящего на золотой колеснице и посылающего тучи смертоносных стрел на войско обезьян. И Нила бросился к нему, сметая ракшасов на своем пути, как ветер разгоняет с неба облака. И Прахаста, лучший из лучников, увидел приближающегося к нему Нилу и, повернув колесницу ему навстречу, направил на Нилу удары своих стрел.

Одолеваемый стрелами Прахасты, Нила остановился, зажмурившись, как буйвол под струями осеннего ливня. Затем, оправившись от ударов вражеского оружия, Нила с криком взмахнул над головою чудовищным стволом дерева шала и, охваченный гневом, сокрушил им на-

смерть коней Прахасты, предводителя ратей. Вторым ударом он сломал лук в руках Прахасты и вскричал снова и снова. Лишившись лука, ракшас взял палицу и соскочил с колесницы. И оба прославленных вождя стали друг против друга на поле, покрытые кровью, словно лев против тигра, питающие смертельную вражду один к другому, подобные Индре и Вритре, готовым к единоборству, и каждый жаждал победы.

Прахаста, применив все свое искусство, напал на Нилу и палицею угодил ему в висок. Кровь заструилась потоком из раны; вне себя от ярости, Нила поразил древесным стволом предводителя ракшасов в грудь. Не дрогнув под этим ударом, Прахаста снова бросился на Нилу, воздев палицу над головою. Но, предупредив его удар, проворный Нила нагнулся и, подхватив с земли огромную скалу, низринул ее на голову Прахасты. Вдребезги раздробил он голову Прахасты, и полководец Раваны мертвый рухнул на землю, словно дерево, подрубленное топором; и кровь рекою хлынула из его разможенной головы.

Когда Прахаста был убит Нилой, несокрушимая рать ракшасов, не ведавшая доселе поражений, отступила к Ланке. Так же, как река, когда разрушат плотину, устремляется бурным потоком из запруды, так войско ракшасов устремилось прочь с поля битвы, когда вождь его пал. И войско вернулось в крепость в глубоком молчании, охваченное скорбью; и казалось, сознание покинуло ракшасов, ошеломленных своею утратой.

А победоносный, восславленный обезьянами Нила, совершив свой подвиг и торжествуя, присоединился к Раме и Лакшмане.

Равана на поле боя

Воины, отступившие с поля сражения, явились к владыке ракшасов и поведали ему о гибели Прахасты от руки могучего Нилы. Услышав от них эту недобрую весть, Равана возгорелся гневом. Пораженный скорбью в самое сердце, он обратился к своим военачальникам и сказал: «Не должно более пренебрегать врагом, коим убит был со своими соратниками вождь моих войск, победивший некогда самих небожителей. И потому, не предаваясь долгим размышлениям, я решил ныне сам выйти на поле битвы. Как лесной пожар пожирает деревья, так истреблю я сегодня моими стрелами войско обезьян и убью Раму и Лакшману».

Сказав так, владыка Ланки взошел на колесницу, сверкающую как пламя, и под пение священных гимнов, звуки труб, литавр и барабанов выехал из города через Северные ворота, окруженный полчищами свирепых ракшасов с горящими огнем глазами, ревущих и воющих бесов, пожирателей мяса, словно окруженный сонмищами духов Шива, Разрушитель Вселенной. И, выйдя из города, он увидел в поле ряды обезьян, протянувшиеся без конца и края, как волны моря, со скалами и древесными стволами в воздетых руках.

Завидев грозную рать ракшасов, вышедшую в поле из города, Рама обратился к Вибхишане, лучшему из воителей, и спросил: «Кто ведет эти войска, вооруженные копьями и мечами, топорами и палицами, сопровождаемые колесницами, и всадниками, и слонами, подобными гограм? Кто эти могучие и доблестные воины, свирепые обликом, бесстрашно выступающие впереди своих дружин?»

Вибхишана сказал: «О царь, тот, едущий на слоне, — Дурмухха, блистающий золотыми доспехами; этот, на колеснице, украшенной стягом с изображением льва, — Индраджит, гордящийся даром, полученным им от всемогущего Брахмы; этот, огромный, подобный Холму Заката в горах Виндхья, сжимающий в руке лук чудовищных размеров, — Вирупакша; этот, с кровавыми глазами, испускающий воинственный клич, — Маходара; этот, неистовый, на быстром коне, со сверкающим дротиком в руках, — Пишача; этот, с копьем, верхом на быке, подобный месяцу сиянием, — знаменитый Юпакша; эти двое — один со змеей на стяге, вооруженный луком, другой с золотой булавою в руке, украшенной драгоценными камнями, — Кумбха и Никумбха, сыновья Кумбхакарны; а этот, под белым балдахином, в драгоценном венце и с кольцами в ушах, с горящим взором, окруженный ужасными ликами, подобными тигринным, верблюжьим, слоновьим, оленьим и лошадиным мордам, возвышающийся над всеми как горная вершина, — это сам владыка ракшасов, сокрушитель гордыни бессмертных!»

Рама сказал: «Блеск его ослепляет глаза, как блеск солнца, и я с трудом различаю его — Равану, царя бродящих в ночи, равного богам сиянием. И воины его подобны движущимся утесам; огненное оружие сверкает у них в руках. Окруженный чудовищными ликами, он, воистину, как Шива, Разрушитель Вселенной, окруженный призраками. О Вибхишана, настал долгожданный час — ныне я встречаюсь в бою с похитителем Ситы и обрушу на него гнев свой!» С этими словами Рама взял свой лук и, сопровождаемый по пятам Лакшманой, направился на встречу ракшасам.

Равана обратился к своим воинам и сказал им: «Станьте у стен Ланки, охраняя все входы и выходы, чтобы обитатели лесов, видя, что все вышли в поле со мною, не проникли в пустой город и не причинили нам великих бед». Сказав так и оставив войска у стен города, Равана ринулся на вражеское войско и ворвался в его ряды, как огромная рыба, нырнувшая в воды океана.

Сутрива поспешил ему навстречу, воздев над головою горную вершину, поросшую лесом. И он метнул ее в повелителя бродящих в ночи. Но, видя стремительное падение того громадного утеса, Равана своими золотыми стрелами разнес его на части в полете. И Равана взял копье, подобное пылающему огню, неотвратимое, как молния Громовержца, губительное, как сам Разрушитель Вселенной, и метнул его с силою в Сутриву. И копье вонзилось в грудь героя, и, корчась, Сутрива с воплем упал на землю.

Видя царя обезьян распростертым без чувств на земле, ракшасы преисполнились радости. Тогда Гавакша и Гавайя, Сушена, Ришабха и Нала, вырывая скалы из земли, ринулись на Равану. Но сотнями острых стрел встретил их владыка демонов и отразил их натиск; и он нанес им теми золотыми стрелами мучительные раны, и, пронзенные многократно ужасным оружием Раваны, обезьяньи вожди дрогнули и бежали, ища спасения и защиты у Рамы.

Тогда Лакшмана, приблизившись к Раме, сказал ему, сложив ладони: «О благородный, только я могу одолеть этого нечестивца. Я убью его. Позволь мне сразиться с ним, о Рама». Рама отвечал ему: «Ступай, о Лакшмана, и употреби все свое умение и отвагу в бою. Равана поистине силен и смел, и удивительна мощь его в битве. Нет сомнения, в гневе он грозен и губителен для всего живого. Будь бдителен и осторожен, оберегай себя и не допускай промахов».

Сын Сумитры обнял Раму и, воздав ему хвалу, отправился в бой. Между тем Равана, истребляя и рассеивая обезьяньи рати, продвигался по бранному полю, пока не стал на его пути Хануман, сын Ветра. «О Равана! — воскликнул Хануман, воздев правую руку. — Ни боги, ни данавы, ни гандхарвы, ни демоны не могли одолеть тебя, но ныне, вступив в борьбу с обезьянами, ты найдешь свой конец. Вот этой моей рукой я вырву душу из твоего тела!» Равана отвечал ему, и глаза его налились кровью от гнева: «Бей же, о грозный противник! Покажи свою удаль, прежде чем я прикончу тебя».

И храбрый Хануман вступил в единоборство с врагом бессмертных богов. Равана с размаху поразил своею десницей сына Ветра, и Хануман пошатнулся, огушенный, с трудом устояв на ногах. Но, тотчас оправившись, он нанес страшный удар повелителю ракшасов; и содрогнулся Равана под тем ударом, как гора от землетрясения. И сказал он, обретя дыхание: «Неплохо, о обезьяна! По силе ты достойный меня противник!» Хануман же сказал: «Ничтожна моя сила, если ты дышишь еще, о Равана. Бей же ты, о нечестивый! Почему ты медлишь? Следующим ударом я отправляю тебя в царство Ямы!» Тогда Равана, разгневанный его словами, сжал в кулак свою правую руку и с силой опустил ее на грудь Ханумана. И Хануман зашатался, теряя сознание. А Равана, оставив его, обратился против Нилы.

Тучи стрел послал повелитель ракшасов в Нилу. А Нила, взмахнув огромной скалою, запустил ею в Равану; но тот раздробил ее в полете семью стрелами, мгновенно выпустив их одну за другой. При виде своей

неудачи взъярился Нила, и стал он метать одно за другим могучие деревья в Равану — деревья шала, и ашвакарны, и манго в цвету, и другие. Но всех их расщепил в полете стрелами Десятиглавый и в ответ десятками стрел поразил вождя обезьян.

Увертываясь от метко направленных стрел демона, Нила уменьшился внезапно в размерах и, взвившись в воздух, оказался над колесницею Раваны, а падая с высоты, уцепился за верхушку его стяга. Видя обезьяну над своей головою, Равана был ошеломлен и разгневан, а Нила испускал насмешливые крики. И Рама, и Лакшмана, и Хануман, пришедший в себя после удара, с изумлением взирали на необычайное проворство Нилы, вмиг перескочившего со стяга на лук Раваны, с лука — на его венец и с венца метнувшегося снова на стяг. И Равана, пораженный увертливостью обезьяны, схватился за лук. А обезьяны, видя растерянность царя ракшасов, веселясь, испускали громкие крики, и раздраженный этими криками Равана, в чье сердце вселилась тревога, не знал, что ему предпринять против Нилы.

Тогда, взяв огненную стрелу и поместив ее на тетиву лука, повелитель ракшасов устремил свой взор на Нилу, восседающего на стяге, и сказал: «Поистине, обезьяна, велико твое искусство менять размеры и облик и твое проворство и ловкость. Но берегись, обезьяна! Эта моя стрела положит конец твоим уловкам!»

Сказав так, могучерукий Равана, властитель Ланки, отпустил тетиву. И Нила, пораженный в грудь стрелой, корчась, еле живой упал на землю, но жизнь не покинула его, и он скрылся с пути колесницы Десятиглавого.

Равана же на своей гремющей как гром колеснице, пылая жаждой битвы, устремился на сына Сумитры. И Лакшмана бесстрашно ринулся ему навстречу, сжимая лук в руке, и вскричал: «О владыка бродящих в ночи, испытай мою силу в бою! Довольно тебе сражаться с обезьянами!» Услышав эти слова Лакшманы и звон тетивы его лука, Равана приблизился к нему, стоящему на поле брани, и в гневе сказал ему: «О потомок Рагху, наконец-то ты, неразумный, встал на пути моем, куда привела тебя твоя судьба. Сейчас, пронзенный моими стрелами, ты отправишься в царство Смерти». Но Лакшмана, презрев угрозу, отвечал ему: «Напрасно ты похваляешься своею силою, о царь грешников. Мне известна твоя мощь и твоя отвага. Здесь стою я с луком в руке. Приблизься! Что толку в пустых речах?»

Властитель ракшасов, принимая вызов, натянул свой лук и выпустил, пылая гневом, семь золотых стрел одну за другой. Лакшмана своими

острыми стрелами в тот же миг расщепил их все семь в полете, и, как змеи, рассеченные на части, не долетев, они упали на поле. И снова Равана обрушил на брата Рамы ливень стрел, и снова Лакшмана расщепил их в полете своими стрелами с остриями, подобными лезвиям ножей. И, видя тщетность своих усилий, царь ракшасов преисполнился удивления и снова направил острые стрелы на Лакшману; но тот, отразив все удары, сам послал тучи стрел во врага, принудив Равану отбиваться от них.

Отразив стрелы сына Сумитры, Равана поместил на тетиву лука стрелу, подобную истребительному огню в день кончины мира. И той ужасной стрелою, дарованной ему всемогущим Брахмой, он поразил Лакшману в голову. Содрогнулся Лакшмана под ударом стрелы, но, преодолев беспамятство и боль, продолжая бой, нацеленной метко стрелою сломал в руках у Раваны лук и еще три стрелы вонзил ему в грудь. Пошатнулся и Равана, истекая кровью, и, оправившись, схватил копье, подобное столбу пламени, и метнул в сына Сумитры то чудовищное копье, вселившее трепет в сердца обезьян.

Лакшмана многими стрелами поразил то копье в воздухе, но не в силах был остановить его неотвратимый полет. Оно поразило грудь Лакшманы, и рухнул он, лишившись сознания. И в тот же миг Десятиглавый был возле него и схватил его, чтобы увлечь за собою. Но тотчас бросился на владыку ракшасов отважный Хануман и с такою силою ударил его кулаком в грудь, что Равана выпустил Лакшману из рук и, обеспамятев, опустился на колени и кровь хлынула у него изо рта.

А Хануман взял на руки Лакшману, потерявшего сознание, и отнес его к Рама. И Хануман сказал Рама: «Ты должен покарать нечестивого врага. Садись мне на спину, я понесу тебя, как Гаруда, царь птиц, нес великого бога Вишну на битву с демонами». Рама сел Хануману на спину, и могучий сын Ветра понес его в гущу боя, где Равана, оправившись от удара, уже вновь осыпал стрелами ряды обезьяньего войска. Приблизившись к Раване, Рама вскричал: «Стой, стой, о нечестивый ракшас! Ты не уйдешь от меня, причинивший мне столько зла. Я, истребивший четырнадцать тысяч ракшасов, отправлю сегодня во владения Ямы и тебя с твоими сыновьями и внуками!»

Равана, повернув колесницу навстречу Рама, поднял свой лук и тучей пылающих стрел осыпал врага. И теми стрелами он многократно поразил Ханумана; но Хануман, сын Ветра, несущий Рама, стойко выдержал все удары.

Увидев, что лучший из обезьян жестоко изранен Раваной, сын Дашаратхи был охвачен гневом. Приблизившись к врагу, он своими острыми стрелами разнес на куски колесницу владыки ракшасов вместе с бывшим в ней оружием и со стягом Раваны и убил его возницу и коней его. И как Индра разбил громовым ударом великую гору Меру, так Рама разверз грудь Раваны стрелою, подобною молнии Индры. Поник Десятиглавый под страшным тем ударом, и лук выпал из его ослабевшей руки. А Рама взял чакру — диск, который мечут в бою, — и, метнув ее, сбил драгоценный венок с головы повелителя Ланки. «Великие подвиги ты совершил в битве, — молвил сын Дашаратхи Раване, — многих доблестных воинов моего войска ты сразил. Ты изнурен боем. Я не буду сегодня биться с тобою. Ступай в свою Ланку, о царь бродящих в ночи. Мы еще встретимся в этом сражении, и ты познаешь мощь моей десницы».

И Равана, израненный, лишившийся оружия, коней и колесницы, поспешно отступил и возвратился в Ланку, укрывшись за ее стенами со своим войском.

Пробуждение Кумбхакарны

Вернувшись в Ланку, Равана, мучимый болью от ран, побежденный в сражении Рамой, как слон, побежденный львом, как змей, побежденный Гарудой, предался скорби. Воссев на золотом троне, Равана сказал, озирая собрание ракшасов: «Поистине, все мои подвиги благочестия и истязания плоти были бесплодны, ибо, вознесясь превыше грозного Индры, ныне я потерпел поражение от смертного. И теперь на память мне приходят зловещие слова Брахмы: „Знай, что опасность грозит тебе от руки смертного. Тебя не одолеют ни боги, ни исполины, ни гандхарвы, ни якши, ни ракшасы, ни наги. Но ты не просил неуязвимости от человека”.

Мне кажется, этот сын Дашаратхи и есть тот смертный, от кого грозит мне гибель. И проклятия жертв моих приходят мне на память; все они предсказали мне отмщение. Анаранья, потомок Икшваку, предрек мне, что из рода его выйдет герой, который убьет меня в битве вместе с моими сыновьями и соратниками. Ума же, дочь Химавата, оскорбленная мною, предсказала, что женщина станет причиной моей гибели. И Нандикешвара, коего я унизил, сулил мне претерпеть унижение от обезьян.

Великая опасность грозит нам ныне. Все силы должны мы напрячь, чтобы отвратить ее. Пусть воины станут на стенах и у ворот, пусть будут бдительны, пусть зорко следят за движением врага. И пусть разбудят Кумбхакарну. Он — последняя наша надежда, он — неодолимый в битве, не знающий равных в отваге и мощи, он рассеет полчища обезьян и убьет сыновей Дашаратхи. Я потерпел поражение — теперь никто, кроме Кумбхакарны, не может помочь мне. Но он спит, он спит месяцы и годы, чтобы бодрствовать один день. Ступайте и разбудите его».

Вняв словам своего владыки, ракшасы, взяв с собою венки, благовоения и обильные запасы пищи, поспешно отправились к пещере, где спал Кумбхакарна.

Чудовищным и непостижимым было могущество Кумбхакарны, брата Раваны. Когда в былые времена Кумбхакарна вслед за старшим братом, свершив суровые обеты, пришел просить себе дара у Брахмы, в великое смятение пришли боги, ожидая страшного бедствия для вселенной. И они умолили Брахму позволить им обмануть чудовище. Едва Кумбхакарна раскрыл рот для просьбы, Сарасвати, богиня речи, проникла в гортань ему и оттуда голосом Кумбхакарны попросила у Брахмы вечного сна.

С тех пор Кумбхакарна погружен был навечно в глубокий сон, лежа в просторной пещере, которую отвел ему Равана. Но каждые шесть лет он просыпался на один день, и тогда великая опасность грозила миру.

Подойдя к входу в пещеру, ракшасы были остановлены дыханием спящего Кумбхакарны, которое, подобно бурному ветру, вылетало из его груди; с трудом удержались они на ногах. Но, преодолев встречный ветер, ракшасы вошли в пещеру и узрели Кумбхакарну, лежавшего, возвышаясь, подобно холму, на полу, вымощенном золотом и драгоценными камнями. В золотой диадеме с золотыми браслетами на руках, он лежал, огромный, как никто во вселенной, и грудь его вздымалась во сне, и запах крови и жира исходил от него.

Ракшасы внесли в пещеру и горою навалили на полу великое множество туш оленей, буйволов и вепрей; там же они насыпали великую гору риса, поставили кувшины с кровью и различными яствами. Они умастили тело Кумбхакарны и окурили его благовониями и украсили его цветами. Затем, став кругом, они возопили все разом во всю свою мочь, затрубили в трубы, забили в барабаны, захлопали в ладоши, затопали ногами и принялись толкать, тормозить, бить и колотить Кумбхакарну.

И столь великий шум возносился к небесам, что птицы, пролетавшие мимо, падали замертво на землю. Но Кумбхакарна, погруженный всемогущим Брахмой в тяжкий сон, не просыпался.

Тогда ракшасы взяли дубины и палицы и, подступив к Кумбхакарне, стали бить его, сладко спящего, в грудь каменными глыбами, дубинами, палицами и булавами, а другие били что есть силы в барабаны и литавры и трубили в раковины. И десять тысяч ракшасов, собравшихся в пещере, не могли разбудить Кумбхакарну.

Тогда ракшасы пришли в ярость. Они пустили скакать по телу Кумбхакарны коней, и верблюдов, и мулов, пустили ползать по нему змей. Они колотили его дубинами и бревнами, резали ножами, хлестали плетями. Они кричали, ревели, рычали, вопили, выли, визжали, били в барабаны, литавры, трубили в трубы, так что вся Ланка с ее лесами и холмами наполнилась оглушительным шумом.

Одни заколотили разом в тысячу барабанов, другие заревели разом во всю силу глоток; но Кумбхакарна даже не шелохнулся. Одни рвали его волосы, другие кусали его уши, третьи вылили в его уши тысячу кувшинов воды. Но только когда тысяча слонов ринулась на него разом, топча его тело, Кумбхакарна наконец пробудился от сна.

Не замечая рушащихся на него ударов, он потянулся, раскинул руки, зевнул, разверзнув пасть, подобную входу в подземное царство, вздохнул — словно буря забушевала в недрах горы — и сел, раскрыв глаза, горящие как две звезды, терзаемый муками голода.

Тотчас ракшасы указали ему на груды съестного, и Кумбхакарна накинулся на еду, пожирая мясные туши и запивая их кувшинами крови. Когда он насытился, ракшасы обступили его со всех сторон и стали, склонив головы, он же обвел их взглядом и сказал: «Зачем вы разбудили меня? Пребывает ли в здравье и благополучии царь? Или стряслась какая-нибудь беда и опасность грозит ему? Если так, я уничтожу любую опасность и отведу от него любую беду. Ни Индра, ни Агни — никто из богов не может противостоять мне. Поведайте мне всю правду. Вы не посмели бы разбудить меня раньше срока, если бы у вас не было важной причины!»

Тогда выступил вперед царский советник по имени Юпакша и молвил гневному Кумбхакарне, сложив смиренно ладони: «Нет опасности, которая угрожала бы нам от богов, о могучий! Но, владыка, великая опасность грозит нам от смертного! Ланка осаждена обезьянами, подобными горным утесам. Рама, сын Дашаратхи, привел их, пылая гневом и жаждою мести за похищение Ситы. Ныне в бою он одолел повелителя ракшасов, свершив то, что не по силам было ни богам, ни данавам, ни исполинам-дайтьям. И наш великий государь отступил с поля боя, едва не лишившись жизни, — великодушный враг пощадил его».

Услышав о поражении брата, Кумбхакарна, вращая глазами, сказал Юпакше: «Сегодня же, уничтожив вражеское войско и его вождей, я избавлю царя от тревог. Сегодня же я призову ракшасов на пир — да насытятся они мясом и кровью обезьян! А сам я напьюсь крови Рамы

и Лакшманы!» И, встав со своего ложа, Кумбхакарна совершил омовение; по его велению ракшасы принесли ему две тысячи кувшинов вина, и, выпив их все, воспрянув духом, освеженный и бодрый, отправился он к Раване.

Возвышаясь над домами и стенами Ланки, грозным обликом подобный смерти, он шагнул, направляясь к чертогам брата, и под ногами его сотряслась земля. Завидев его издалека, дрогнули отважные обезьяны; страх вселился в их сердца. И Рама схватился за лук и сказал, обращаясь к Вибишане: «Кто он, этот злобный великан, подобный горе или туче, таящей молнию, при виде которого дрогнули и подались назад ряды нашего войска, — ракшас или асура? Такого, как он, еще не видели мои глаза».

Вибишана ответил: «О Рагхава, это Кумбхакарна, сын Вишраваса, брат Раваны, победитель Индры и Ямы. Нет среди ракшасов равного ему могуществу. Едва родившись, он начал тысячами пожирать живые существа; и по воле богов, боявшихся опустошения вселенной, Брахма погрузил его в вечный сон. Но Равана умолил всевышнего Брахму позволить его брату просыпаться каждые шесть лет на один день. Видно, теперь властелин ракшасов, уstraшенный твоею мощью и жаждущий победы, разбудил Кумбхакарну. Не диво, что обезьяны и медведи готовы бежать при его появлении. Разве смогут они устоять против него и одержать над ним победу? Но они должны будут с ним сражаться!»

Рама промолвил тогда, обращаясь к Ниле: «Пусть обезьяны, вооружившись, станут на дорогах и у мостов, закрывая выходы из города, и пусть приготовятся к битве». И по слову великого Рама несметное обезьянье войско, потрясая каменными глыбами и стволами деревьев, приблизилось к городским воротам, возглавляемое славными Ангадой, Хануманом, Шарабхой и Гавакшей.

А Кумбхакарна между тем достиг чертогов Раваны и вошел в них, как солнце в тучи, сотрясая поступью землю. Он предстал перед Раваной, восседавшим на колеснице Пушпака, и поклонился ему в ноги, приветствуя его. Равана же, обрадованный, сошел с колесницы и, обняв брата, усадил его на драгоценную асану, блистающую золотом.

Кумбхакарна спросил: «О царь, зачем ты повелел разбудить меня? Скажи, кто угрожает тебе? Кого я должен сокрушить?» И Равана, восплавав гневом, отвечал, в ярости вращая глазами: «О могучий, ты долго спал и не знаешь о беде, постигшей меня. Рама вместе с Сугривой переправился через океан и ныне истребляет мой народ на поле битвы. Увы!

Взгляни на нашу Ланку, осажденную полчищами обезьян, бесчисленными, как волны океана! Я не могу с ними справиться. Лучшие из ракшасов пали в сражении, и страх проник в мою душу. Избавь меня от него, о Кумбхакарна! Спаси Ланку! В ней остались одни старики и дети — все остальные бьются, обороняя крепость. Я, никогда еще ни о чем не просивший тебя, ныне прошу тебя, как брата, о могучий победитель небесных воинств, разбей вражеские рати и рассей их, как бурный ветер рассеивает осенние тучи!»

Выслушав сетования Раваны, Кумбхакарна сказал, усмехаясь: «Так беда, которую мы предвидели в день нашего совета, постигла тебя, о безрассудный! Поистине, ты пожинаешь плод своего нечестивого деяния. О великий царь, гордый своим могуществом, ты пренебрег благоразумием и начал тем, чем следует кончать, — деянием — и кончил тем, с чего начинают мудрые, — размышлением. Ты не прислушался к разумным советам — на что же ты жалуешься теперь?»

Равана, нахмутив брови, отвечал на эти слова Кумбхакарны: «Не ради поучений я призвал тебя — что толку теперь в пустых речах? Не время поминать мою гордость и неблагоразумие. Не слов, но дела жду я от тебя. Друг — тот, кто помогает попавшему в беду».

Видя мрачность Раваны, Кумбхакарна сказал ему, утешая его: «О царь, прогони печаль и не гневайся! Выслушай меня. Я истреблю тех, кто причинил тебе горе; покуда я жив, ты не познаешь беды. Но какая бы невзгода ни грозила тебе, я должен сказать то, что мыслю, ради твоего блага. Братская любовь подсказала мне эти речи. И все, что может сделать друг для друга в беде, я сделаю для тебя. Будь покоен! Я принесу тебе с поля боя голову Рамы и проглочу обезьянье войско, утешив сердца тех ракшасов, чьи друзья пали в битве. Мне не нужно ни меча, ни копья, ни палицы, ни стрел — голыми руками справлюсь я с сыном Дашаратхи; да узрят все мощь Кумбхакарны, восставшего от долгого сна! Утешься, о повелитель. Когда я отправлю ненавистного Раму в царство Ямы, непреклонная Сита добром уступит твоим желаниям и станет наконец твоей супругой».

Поднялся Кумбхакарна и сказал, готовый отправиться в бой: «Я пойду один. Пусть войско остается здесь. Голодный и разгневанный, я один пожру обезьянье войско». Но Равана молвил: «Ступай вместе с войском, вооруженным копьями и палицами, и вооружись сам. Обезьяны сильны, отважны и искусны в ведении боя; они могут загрызть тебя, если ты выйдешь в одиночку и без оружия».

И Равана, встав с места, надел на шею Кумбхакарне ожерелье из драгоценных камней, золотые украшения и цепь, сияющую как лунный свет. А Кумбхакарна облачился в золотую кольчугу и взял в руки кованое железное копье, позолоченное и сверкающее как пламя. И, обняв своего старшего брата, обойдя вокруг него и поклонившись ему, Кумбхакарна покинул дворец.

Равана же благословил Кумбхакарну и повелел бить в барабаны и трубить в трубы; и могучее войско ракшасов, вооружившись до зубов, выступило вслед за Кумбхакарной на поле боя.

Победа Рамы над Кумбхакарной

Под барабанный бой и пение труб, с оглушительным ревом, колеблющим землю и море, вышли в поле из ворот Ланки ракшасы, предводительствуемые Кумбхакарной. Могучие знатные воины войска ракшасов следовали за ним на слонах, конях и колесницах, грохот которых был подобен раскатам грома. Другие ехали на верблюдах, ослах, змеях, львах, леопардах, оленях, птицах, а следом за ними шли бесчисленные отряды пеших воинов, вооруженных мечами, копьями, палицами, секирами, булавами, таласкандами, дротиками, боевыми топорами.

И впереди всех двигался свирепый Кумбхакарна, подобный пылающей горе, одаренный чудовищной силой. Приняв ужасающий облик, он вращал глазами, огромными, как колеса колесницы, и твердил: «Как огонь пожирает летящих в него мотыльков, так пожру я цвет обезьяньего войска!»

Когда же Кумбхакарна выходил из города, ужасные знамения появились повсюду: затряслась земля, взволновалось море, солнце померкло в небе; шакалы завывали по краям поля, разеваая пылающие пасти, птицы закружились в воздухе по левую руку от Кумбхакарны, и коршун сел на острие его копья. Но, презрев дурные предзнаменования, Кумбхакарна перешагнул через городскую стену и стал на поле перед обезьяньими войсками. И когда он предстал их взорам, смертельный ужас объял обезьян, и они обратились в бегство; и рати Сугривы рассеялись, словно облака под порывами ветра. Увидев обезьян, разбегающихся с его пути, Кумбхакарна испустил ликующий рев; и, заслышав голос его, подобный грому, многие обезьяны попадали на землю как подкошенные. Неодоли-

мый страх овладел их сердцами, и толпами бежали обитатели лесов с поля битвы от Кумбхакарны, как от Ямы, бога смерти, в час гибели вселенной бегут живые существа.

Ангада, сын Валина, видя всеобщее бегство, вскричал, обращаясь к Нале и Ниле, Гавакше и могучему Кумуде: «Куда бежите вы, забыв свой род и стыд, гонимые страхом, словно простые обезьяны? Остановитесь! Это только призрак, созданный чарами ракшасов, чтобы вас напугать. Остановите войско и заставьте его сражаться». И обезьяны, ободренные Ангадой, повернули обратно, хватая древесные стволы и каменные глыбы, и напали с яростью на Кумбхакарну.

Но великан не дрогнул и не шелохнулся под ударами, наносимыми ему обезьянами. И деревья с покрытыми листвою и цветами вершинами ломались о его тело, и огромные скалы, ударившись о него, рассыпались в прах. Кумбхакарна набросился на обезьян и учинил великое побоище в их рядах, истребляя их и пожирая, как лесной пожар пожирает деревья. Одни обезьяны погибли, истекая кровью, другие бежали стремглав, спасая жизнь. Из бежавших одни укрылись в лесах, другие — в горах, третьи бросились в море, четвертые бежали по мосту, построенному Налой через океан; некоторые же обезьяны попадали на землю, притворившись мертвыми, и некоторые взобрались на деревья.

Видя поражение и бегство обезьяньего войска, Ангада снова вскричал: «Стойте, мы должны сражаться! Стойте, защищайтесь, обезьяны! О вы, трусы, куда вы бежите, дрожа за жизнь свою? Ваши жены будут смеяться над вами — возможно ли перенести такой позор? Что стоят ваши речи о долге знатных и верности своему царю? О низкие, если вы спасете свои жизни, презрение будет вашим уделом до конца дней, о вы, бежавшие толпами от одного. Стойте! Сражаясь, мы либо падем в бою все до единого, если тому суждено быть, и обречем нетленное царство Брахмы, недостижимое для трусов, либо, победив врага, покроем себя славой. Стойте! Обречен на гибель Кумбхакарна, едва он встретится с Рамой!»

Но обезьяны отвечали Ангаде словами, недостойными героев: «Страшное побоище учинил среди нас этот ракшас! Не время стоять — нам дорога наша жизнь!» И они продолжали разбегаться во все стороны при приближении свирепого Кумбхакарны. С великим трудом удалось Ангаде остановить и сплотить вокруг себя отряд из храбрейших и благороднейших воинов, вдохнув в них речами своими отвагу и надежду. Глядя на них, остановились и вернулись, ободренные, и другие беглецы.

И войско обезьян стало вокруг Ангады, опять готовое сражаться, ожидая его повелений.

Воодушевленные речами Ангады, обезьяны, исполненные решимости встретить судьбу свою, не отвращая лица, вздымая над головами деревья и утесы, вновь ринулись на Кумбхакарну. Кумбхакарна же, схватив дубину, поверг единым ударом семь сотен обезьян; затем, отбросив оружие, он обрушился на обезьян, пожирая их десятками и сотнями, как Гаруда — змей. И другие факшасы вслед за ним ворвались в ряды обезьяньего войска, сея среди них смерть своими острыми стрелами. И обезьяны напали на ракшасов, размахивая стволами деревьев, разбивая колесницы, убивая всадников и пеших, коней и слонов.

Хануман швырнул в Кумбхакарну горной вершиной и вслед за нею стал метать в него без отдыха скалы и огромные деревья; но все их отразил Кумбхакарна своим копьем. Тогда схватил Хануман утес, поросший деревьями, превосходящий остальные размерами, и, приблизившись, с силой метнул его в брата Раваны. Содрогнулся от удара Кумбхакарна, и кровь выступила у него на теле. Разгневанный, он ударил своим копьем Ханумана в грудь; Хануман взревел от боли, и кровь хлынула у него из рта. И, видя поражение сына Ветра, многие обезьяны, уstraшенные, обратились в бегство.

Могучий Нила, собрав войска, напал на Кумбхакарну и метнул в него горный утес. Но Кумбхакарна поразил его на лету копьем, и утес рассыпался на куски; пылая и дымясь, упали они на землю. Тогда пятеро грозных обезьяньих вождей — Нила, Ришабха, Шарабха, Гавакша и Гандахамадана — напали на великана, нанося ему страшные удары камнями, деревьями и кулаками. Но те удары были для Кумбхакарны лишь щекотанием и не тревожили его нисколько. Он схватил руками храброго Ришабху и сдавил его и швырнул на землю. И упал Ришабха, и кровь хлынула у него из рта и ушей. А Кумбхакарна ударами кулаков расшвырял и Нилу, и Шарабху, и Гавакшу, и все они повалились без чувств на землю, обливаясь кровью.

Ангада напал тогда на Кумбхакарну, тщась спасти от истребления обезьян. Он метнул скалу и поразил ею великана в голову. Разъяренный, тот направил на сына Валина удар своего копья; но быстрый Ангада ловко увернулся и тотчас, подскочив, ударил из всех сил Кумбхакарну в грудь. Пошатнулся брат Раваны, а придя в себя, сам нанес Ангаде страшный удар, и царевич упал, потеряв сознание.

Кумбхакарна, повергнув Ангаду, устремился на Сугриву, царя обезьян. Завидев Кумбхакарну, покрытого кровью обезьян, приближающегося к нему, размахивая копьем, Сугрива схватил громадный утес и, воскликнув: «Получай, о ты, пожиратель воинов!» — метнул в ракшаса. Ударившись о грудь Кумбхакарны, утес разлетелся вдребезги, и приуныли обезьяны, а ракшасы вскричали, торжествуя. Кумбхакарна же метнул в Сугриву смертоносное свое копье; но, прыгнув, на лету поймал его сын Ветра, пришедший тем временем на помощь Сугриве, и надвое переломил железное копье о свое бедро. И радостно закричали обезьяны, восхваляя ловкость и силу Ханумана; а ракшасы повержены были в уныние.

Тогда Кумбхакарна сорвал вершину горы и обрушил ее на Сугриву. Лишившись чувств, упал Сугрива на землю; вновь возликовали ракшасы, а обезьян охватило отчаяние. Кумбхакарна схватил царя обезьян и, пленив, понес его с поля, как буйный ветер уносит тучу с неба.

Неся в руках бесчувственного Сугриву, Кумбхакарна вернулся в Ланку под шумное ликование ракшасов и был осыпан ливнем цветов. Царь обезьян между тем очнулся и увидел, что Кумбхакарна несет его уже по улицам Ланки.

Внезапно рванувшись из рук ракшаса, Сугрива вцепился ему в нос и разордал его своими когтями и в мгновение ока откусил Кумбхакарне нос и уши. Кровь хлынула ручьями из ран; вне себя от боли, демон схватил Сугриву и, швырнув на землю, придавил его. Но, вырвавшись, Сугрива взвился в воздух и, бежав из плена, вернулся к своему войску.

А Кумбхакарна, лишившийся носа и ушей, с потоками крови, струящимися из ран, уподобился горе с ручьями, стекающими по склонам. Упустив Сугриву, он в ярости ринулся опять на поле битвы. Потеряв копье свое, сломанное Хануманом, он вооружился на этот раз огромною палицей.

Выбежав из города, Кумбхакарна, жаждущий крови и мяса, стал пожирать обезьян, как Смерть пожирает живые существа в день светопреставления. Он хватал их руками по одной, по две, по три и помногу и запихивал в пасть, не обращая внимания на удары камнями и деревьями, которые ему наносили. Ослепленный яростью, он порою хватал и ракшасов вместе с обезьянами и пожирал их тоже, не различая. Весь с головы до ног забрызганный кровью и мозгом, он подобен был Разрушителю Вселенной, и кишки и внутренности пожранных свисали у него изо рта. И обезьяны, объятые ужасом, бежали от него под защиту Рамы.

И Рама двинулся ему навстречу, сопровождаемый Лакшманой и самыми отважными обезьянами. И, став на поле битвы, он вскричал, обращаясь к Кумбхакарне: «Иди сюда, о вождь ракшасов! Вот я стою здесь с луком в руке. Узнай во мне истребителя твоего рода. Ныне пришел час твоей смерти!»

Кумбхакарна, увидев Раму на поле битвы, рассмеялся; подобен раскатам грома был его ужасный смех. «О доблестный, — сказал он, — не принимай меня ни за Вирадху, ни за Кабандху, ни за Маричу, ни даже за Кхару. Я — Кумбхакарна. Взгляни на палицу мою, выкованную из железа. Ею сокрушил я некогда сонмы богов и данавов. Ныне, о тигр из рода Икшваку, ты изведешь мощь мою и явишь мне свою силу. А после я проглочу тебя».

Вслушав речи Кумбхакарны, Рама выпустил в него тучу стрел, украшенных золотыми наконечниками. Но, войдя в тело врага богов, стрелы те, хотя и подобны были молниям, не причинили ему ни малейшего вреда. И Кумбхакарна двинулся на Раму, размахивая палицею и сметая обезьян на своем пути.

Тогда Рама поразил Кумбхакарну в грудь семью ужасными стрелами, подобными чудовищным змеям. Остановился Кумбхакарна, и пламя вылетело у него из пасти; и палица выпала из рук его. Истекающий кровью, он подобен был в этот миг облаку на небе в час заката.

Разъяренный, он ринулся вперед, сокрушая кулаками всех, кто попался ему на пути, пожирая обезьян, медведей и ракшасов без разбору. Лакшмана сказал тогда обезьянам: «Пока он безоружен, вы можете, напав все разом, одолеть его, опьяненного запахом крови; и больше он уже не будет пожирать обезьян».

Тогда тысячи обезьян накинулись со всех сторон на Кумбхакарну, карабкаясь на него, как на гору, терзая его своими когтями и впиваясь в его тело зубами. Но, неуязвимый для их когтей и зубов, Кумбхакарна яростно стряхнул их с себя, как стряхивает седоков взбесившийся слон; он хватал их своими длинными руками и отправлял себе в пасть; они же, проворные, вылезали у него из носа и ушей. Все же великое множество обезьян пожрал тогда Кумбхакарна.

Рама, пылая гневом, устремился на брата Раваны с луком в руке, ободряя обезьян. И Кумбхакарна, подобрав свою палицу, бросился на Раму. А обезьяны, уцелевшие от той ужасной схватки, израненные и изувеченные, расползлись и разбежались во все стороны, уклоняясь от губительных ударов страшной палицы, оставив на поле груды убитых.

И, приблизившись к Кумбхакарне, Рама натянул свой лук и пустил в чудовище стрелу, подобную жезлу Ямы, бога смерти, с острием как лезвие ножа. И той страшной стрелою он отсек десницу Кумбхакарны; и громадная рука вместе с палицей, подобной горному утесу, отлетев, упала на поле посреди войска Сугривы, насмерть придавив множество обезьян и медведей.

Взревел Кумбхакарна, оглушая все живые существа, и, выдернув левой рукою огромную пальму, замахнулся ею на Раму. Но тотчас золотой стрелой, подобной оружию Индры, Рама отсек и эту руку, воздетую ввысь, и упала она на землю, как гора, сокрушая деревья и скалы, обезьян и ракшасов.

А Рама двумя остро отточенными стрелами с лезвиями, изогнутыми, как полумесяц, отсек Кумбхакарне обе ноги, и они упали с громом, раздавшимся по всей Ланке и отразившимся в ее лесах и горах.

Упав на землю, Кумбхакарна, разинув свою ужасную пасть, с ревом пополз на Раму, словно Раху-дракон, преследующий Луну на небесах. Рама же, схватив лук, в мгновение ока наполнил пасть его своими золотоперыми стрелами. Затем Рама взял копье Индры, сверкающее как солнце и подобное Разрушителю Вселенной. И, метнув его могучей рукой, он снес тем роковым копьем голову Кумбхакарны, подобную горной вершине, как некогда Индра снес голову великому дракону Вритре.

Голова Кумбхакарны упала на город Ланку, сокрушая дома и дворцы, сравнивая с землею стены и ворота. А тело его обрушилось в океан и наполовину погрузилось в бездну, убивая рыб и морских змей. И возликовали боги на небесах, взиравшие с высоты на битву, и гандхарвы, и якши, и святые, и паннаги, и птицы и восславили мощь и отвагу Рамы.

И обезьяны, радуясь гибели своего врага, вознесли хвалу Раме и преклонились перед ним. А ракшасы, с ужасом взирая на сына Дашаратхи, испускали горестные вопли, как дикие слоны при виде льва. И великое отчаяние овладело ими!

Ракшасы, вернувшись в Ланку, поведали Раване о гибели Кумбхакарны: «Истребив и пожрав несметное множество обезьян, он пал от руки Рамы и лежит теперь, обезглавленный, с отсеченными руками и ногами, наполовину погрузившись в море, наполовину возвышаясь как гора, загородив ворота Ланки». Услышав эти слова, Равана упал без чувств на землю. Преисполнился скорби Индраджит, узнав о гибели дяди; возрыдали Маходара и Махапаршва, проведая о смерти брата.

Придя в себя, Равана возопил: «О герой! О сокрушитель вражеских ратей! О могучий Кумбхакарна, ты покинул меня, по воле судьбы удалившись в обитель Ямы. С тобою не страшны мне были ни боги, ни демоны. Как удалось Раме сразить тебя, непобедимого? То-то ликуют теперь обезьяны! Но без тебя не нужны мне ни царство, ни Сита, ни жизнь! Если я не убью в битве убийцу моего брата, боги будут смеяться надо мной, победившим их когда-то, и смерть будет мне желанным уделом!»

Сетуя так, Равана снова опустился на землю. Тогда Индраджит приблизился к нему и сказал: «О, ты не должен предаваться отчаянию, отец, пока дышит сын твой Индраджит. Завтра же ты увидишь Раму и Лакшману, пронзенных моими стрелами насмерть. Клянусь тебе, они не уйдут от моего мщения!»

Между тем день угас и ночь опустилась на землю. И в эту ночь обезьяны, предводительствуемые Сугривой и другими вождями, приблизились к стенам Ланки и забросали город пылающими головнями. Они подожгли стены, ворота и строения Ланки, и великое смятение поднялось в столице ракшасов.

Рушились дома, рушились и гибли в огне роскошные чертоги, полные богатств, драгоценных тканей, утвари и оружия; при свете пожара толпами металась по улицам ракшасы и ракшасы с отчаянными воплями, спасая жизни свои и имущество; кони и слоны, сорвавшиеся с привязи, обезумев от страха, давили людей и умножали смятение — Ланка подобна была бушующему в океане водовороту в день кончины мира. Далеко разносились крики жителей, ржание коней, вопли слонов и треск пламени, и воды океана на много йоджан вокруг побагровели, озаренные пожаром Ланки.

А обезьяны при свете пламени пошли на приступ городских ворот. Ракшасы, посланные Раваной на защиту крепости, встретили их копьями, мечами и топорами, и у входа в город завязалась ожесточенная битва.

Как безумные ринулись обезьяны и ракшасы друг на друга, разя мечами и камнями, палицами и дубинами; и, напирая с обеих сторон, они кусались и царапались, рубили и рвали, пронзали друг друга в бою. В этой кровопролитной и страшной резне Ангада, сражающийся в первых рядах обезьяньего войска, встретился с храбрым Кампаной и поверг его на землю, бездыханного, ударом каменной глыбы. Узрев падение Кампаны, могучий Шонитакша на боевой колеснице бесстрашно устремился на грозного сына Валина. И он осыпал Ангаду в мгновение ока сотнями стрел с наконечниками как лезвия ножей, и с крестообразными наконечниками, и с остриями, как перья павлина и как телячьи зубы, и коваными железными стрелами. Но, не дрогнув под ударами, Ангада сокрушил каменной глыбой колесницу Шонитакши, его лук и стрелы.

И Шонитакша с палицей в руках соскочил с колесницы. Тогда, видя, что Ангада одолевает Шонитакшу, могучие ракшасы Праджангха и Юпакша пришли своему соратнику на помощь, и Ангада меж Праджангхой и Шонитакшей подобен был месяцу между двумя созвездиями. Тут Майнда и Двивида поспешили на выручку Ангаде.

И ужасной была битва между тремя обезьяньими вождями и тремя прославленными ракшасами у врат Ланки, и у тех, кто видел ее, волосы встали дыбом на голове.

Тяжкие удары могучих древесных стволов обрушили обезьяны на ракшасов; но Праджангха отразил их натиск своим мечом. Тогда град огромных камней обрушили Ангада, Майнда и Двивида на вражеские колесницы; но Юпакша отразил те камни в полете своими стрелами. А Шонитакша палицей отбил все камни и бревна, пущенные в него обезьянами.

Праджангха бросился на сына Валина, подняв меч над головою; Ангада же ударил по мечу стволом ашвакарны и выбил его из рук Праджангхи. Тогда обезоруженный Праджангха сжал руку в кулак и нанес им сокрушительный удар по голове Ангады. Ангада пошатнулся, но, мгновенно придя в себя, с такою силой ударил Праджангху, что голова у того отделилась от тела, и рухнул он на землю мертвый.

Видя гибель родича своего, Юпакша, с глазами, полными слез, соскочил с мечом в руке с колесницы. Дживида бросился к нему навстречу и, оглушив его ударом кулака, своими могучими руками обхватил ракшаса. Тогда Шонитакша, выручая Юпакшу, приблизился и палицею нанес удар Дживиде. Пошатнулся обезьяний вождь под тем ударом, но оправился тотчас и обратился против нового врага, и вырвал он палицу из рук Шонитакши. Майнда подоспел тем временем и сцепился с Юпакшей. А Дживида разодрал когтями лицо Шонитакши, повалил его и придавил к земле; и ракшас, корчась, испустил дух. А Майнда тогда же задушил Юпакшу в своих неодолимых объятиях.

Ангада между тем устремился дальше, рассеивая и обращая в бегство защитников Ланки. Но на пути победоносного обезьяньего войска стал тогда Кумбха, сын Кумбхакарны, и остановил его натиск. Сгибая до отказа свой могучий лук, он сверкающими стрелами своими, подобными молниям, преградил дорогу обезьянам. Оперенной стрелою, украшенной золотом, Кумбха поразил в грудь Дживиду, и отважный вождь лесных племен распростерся на земле без сознания, раскинув в стороны руки и ноги. Майнда бросился на сына Кумбхакарны и метнул в него громадный утес; но, стрелами отразив его удар, Кумбха пронзил Майнду своим оружием, и тот упал без чувств на землю рядом с братом.

Видя братьев своей матери поверженными в бою, Ангада ринулся в ярости на Кумбху. И сотнями стрел поразил Кумбха царевича обезьян, но не мог остановить его — Ангада приблизился к ракшасу и обрушил на него ствол огромного дерева, подобного стягу Индры, Повелителя Молний. Но и этот удар отразил Кумбха; Ангада же, пронзенный многократно его стрелами, рухнул на землю и, не в силах вынести боли, лишился чувств.

Рама, услышав о поражении Ангады, послал против Кумбхи Джамбавана и Сушену с медведями и обезьяну Вегадаршина. Но и их яростный натиск отразил сын Кумбхакарны, стоя непоколебимо у ворот Ланки со смертоносным луком в руке. Тогда Сугрива, царь обезьян, выступил против Кумбхи и напал на него, как могучий лев на слона.

Невзирая на убийственный ливень стрел, которыми осыпал его Кумбха, Сугрива приблизился к ракшасу, вырвал из рук его грозный лук, сияющий словно радуга, — небесный лук Индры — и обратился к Кумбхе, подобному боевому слону, у которого вырвали бивни, с такими словами: «О сын Кумбхакарны, велика твоя доблесть и удивительно могущество твое! Славный подвиг совершил ты ныне, отразив нападение нашего войска. Я не хочу подвергнуться порицанию, убив тебя сейчас, утомленного битвой. Отдохни и сразись тогда со мною!»

Но Кумбха, возгоревшись гневом, бросился на Сугриву и обхватил его обеими руками. Сотряслась земля под ногами обоих могучих воинов и извергла из себя потоки воды, когда они, словно разъяренные слоны, сошедшиеся в поединке из-за слонихи, кружились, тяжело вздыхая, обхватив друг друга руками, и каждый тщился сокрушить противника своею мощью.

Наконец Сугрива оторвал сына Кумбхакарны от земли и, подняв его над головою, швырнул в море. И воды взметнулись в небо горою в том месте, где упал Кумбха, и вновь опустились.

Вслед за Кумбхой преградил обезьянам дорогу Никумбха, второй сын Кумбхакарны. Но и он был сражен в жестокой схватке — Хануман свернул ему шею своими руками.

Узнав о гибели своих вождей, Равана заскрежетал зубами от ярости. И, стремясь воспрепятствовать врагу ворваться в город, он послал на защиту Ланки Индраджита. Совершив жертвоприношение богу огня и зажав оружие Индраджита, царь ракшасов благословил сына на битву.

Явившись на поле боя, Индраджит ободрил ракшасов; и, прибегнув к чарам, сражаясь невидимкой, он тучами стрел своих заставил отступать обезьян. Сугриву, и Нилу, и Налу, и Ришабху, могучих вождей обезьяньего войска, поразил он своим оружием. Испытали на себе его удары и оба сына Дашаратхи.

Не в силах победить Индраджита, сражающегося невидимым, обезьяны, утомленные боем, отступили в ту ночь от стен Ланки.

Победа Лакшманы над Индраджитом

Утром следующего дня Индраджит, сопровождаемый войском ракшасов, выехал через Западные ворота на своей колеснице в поле. Завидев его, обезьяны, пылая жаждой боя и сжимая в руках каменные глыбы, двинулись ему навстречу во главе с Хануманом.

Когда же приблизились обезьяны к Индраджиту, увидели они на его колеснице Ситу, печальную, изнуренную постом, в бедной одежде, лишенную украшений. И Хануман, узрев дочь Джанаки во власти Индраджита, сокрушился в сердце своем, и задумался он, не умея разгадать намерения ракшаса. В сопровождении отважных обезьян он направился к колеснице сына Раваны.

Индраджит же, видя приближающихся неприятелей, возгорелся гневом. Обнажив свой меч, он схватил Ситу за волосы. И все обезьяны увидели, как заплакала Сита, восклицая: «О Рама! О Рама!» При виде этого Хануман, сын Ветра, в великой скорби пролил обильные слезы. Гневно вскричал он, обращаясь к царевичу ракшасов: «На свою погибель, о нечестивый, ты касаешься ее волос! О, проклят ты, если решился на подлое это деяние! О низкий душою! О злобный! О жестокий и бесчестный злодей! О ты, чья мощь — в пороках! Или не ведаешь ты стыда, что хочешь свершить бесчеловечное дело? Что сделала тебе дочь Джанаки, о безжалостный, за что ты хочешь убить ее? Ситу изгнали из дома, лишили царства, разлучили с супругом — этого ли не довольно тебе? Если ты убьешь Ситу, недолго продлится и твоя жизнь, о злодей; ты падешь от руки моей! А после смерти ты отправишься в обитель, предназначенную для тех, кто убивает женщин, в обитель, коей избегают и презреннейшие из грешников».

С этими словами Хануман со своими обезьянами, исполненными гнева, устремился на Индраджита. Видя их приближение, ракшасы преградили им путь, и завязался бой. Индраджит же, осыпая обезьян ливнем стрел, отвечал Хануману: «Сегодня я убью на глазах у вас Ситу, ради которой пришли вы все сюда вслед за Рамой. И, убив ее, о житель леса, я убью затем тебя, Раму, Лакшману, Сугриву и предателя Вибхишану. Позор же из-за убийства женщин, обезьяна, меня не волнует! О чем толкуешь ты — что причиняет страдание врагу, то и надлежит свершать!»

И, сказав так, Индраджит поразил мечом плачущую Ситу, не ведающую грехов, и голова ее упала на землю. «Смотри, я убил своим мечом возлюбленную Рамы, — сказал Индраджит Хануману. — Тщетны теперь ваши труды». И он, убивший на глазах обезьян Ситу, издал устрашающий вопль и скрылся.

Обезьяны в ужасе бежали прочь от того места, где это свершилось. Но, обращаясь к бегущим, Хануман вскричал: «Куда вы бежите, о обезьяны? Куда девалась ваша отвага! Остановитесь! Следуйте за мною, я пойду впереди вас в битву!» И обезьяны повернули обратно. Сплотившись вокруг Ханумана, они бросились в бой. И сын Ветра напал на вражеское войско, круша и истребляя ракшасов, словно воплощение смерти. Вне себя от горя и гнева, он схватил огромный утес и метнул его в Индраджита, чья колесница опять появилась на поле. Но возникший сына Раваны, видя полет камня, повернул коней и быстро отъехал. И утес обрушился на поле, насмерть придавив многих пеших ракшасов.

Оттеснив войско ракшасов к стенам Ланки, Хануман сказал своим обезьянам: «Стойте, пока довольно сражаться! Дочь Джанаки, ради которой мы бились не жалея жизни, убита! Теперь мы должны пойти и поведать об этом Раме и Сутриве — как они повелят, так мы и сделаем тогда». И обезьяны отошли вслед за Хануманом.

Между тем, слыша издали громовые клики обезьян и ракшасов и ужасный шум битвы у Западных ворот, Рама сказал, обращаясь к Джамбавану: «О благородный, поистине Хануман совершает сейчас какой-то великий ратный подвиг — я слышу грозное бряцание оружия. Поспеши, о царь медведей, со своим воинством, окажи помощь лучшему из обезьян!»

«Да будет так!» — сказал царь медведей и со своим войском приблизился к Западным воротам, где сражался Хануман. И там он узрел Ханумана, стоящего в окружении обезьян, отдыхающих после битвы. Хануман же, завидев войско медведей, подобное темным тучам, вышел им

навстречу и остановил их. Затем сын Ветра со своими воинами отправился к Северным воротам, в стан сына Дашаратхи.

Представ перед Рамой, Хануман сказал ему со скорбью в сердце: «Сегодня, когда мы сражались на поле брани, Индраджит, сын Раваны, на наших глазах убил плачущую Ситу. О каратель врагов, видя ее гибель, я был сокрушен горем. И я пришел к тебе поведать о том, что случилось».

Услышав слова Ханумана, Рама, сраженный горем, упал на землю, как подрубленное дерево.

Видя богоравного потомка Рагху распростертым на земле, обезьяны сбежались со всех сторон и обступили его. Они обрызгали его лицо водою, благоухающей запахом лотоса, и сознание возвратилось к нему. Тогда Лакшмана, обняв Раму, сказал ему такие слова: «Бесполезны подвиги добра, о благородный, они не спасут от горя тебя, никогда не покидавшего стези справедливости. Не к добродетели, но к счастью стремится все живое, все существа. И я думаю, ее не существует вовсе. Добродетель не ведет к счастью. Если бы это было так, ты бы не был ввергнут в пучину бед. И если бы неправедность вела к несчастью, Равана уже был бы низвергнут в ад и ты не познал бы невзгоды. Если закосневшие в грехе торжествуют, а добродетельные преданы жалкой участи — значит, нет истины в Священном Писании. Напрасным было отречение твое от царства, напрасен отказ от богатства: имеющий богатство имеет силу, имеющий богатство имеет друзей, имеющий богатство почитается в этом мире, имеющий богатство умен, имеющий богатство могуч, имеющий богатство наделен всеми достоинствами, все желания его исполняются.

Но если добродетель и существует — значит, она жалка и бессильна и только в силе отважных находит опору. Если же она столь ничтожна и бессильна сама по себе — значит, следовать ей не должно. Следуй отваге, как прежде следовал ты добродетели. Истинная добродетель — отвага. Вставай! Встань, о лучший из смертных, о могучерукий, о верный обетам! Разгневанный убиением дочери Джанаки, ныне я оружием моим сровняю с землею Ланку с ее колесницами, и слонами, и конями, и знатными ракшасами!»

В то время как Лакшмана говорил это Раме, Вибхишана, расположив войска в надлежащих местах, пришел сюда в сопровождении своих четырех советников и увидел Раму, обеспамятевшего от горя, и обезьян, проливающих слезы. Вибхишана, пораженный, спросил: «Что это?» И сын Сумитры стал рассказывать ему об увиденном Хануманом. Тогда

Вибхишана прервал его и сказал, обращаясь к Рама: «О царь, то, о чем поведал тебе сокрушенный скорбью Хануман, я мыслю невозможным. Равана не умертвит Ситу; он никогда не согласится расстаться с тою, ради которой он подверг себя и свой народ страшным бедам. То была не Сита; то был призрак ее, созданный чарами Индраджита, обманувшего обезьян.

А сейчас коварный сын Раваны отправился в священную рощу Никумбхила; там приносит он жертву богу огня, чтобы заковать свое оружие и стать непобедимым в битве. О потомок Рагу, стряхни с себя эту напрасную печаль, навеянную обманом! Видя тебя, повергнутого в скорбь, все войско упало духом. Мы должны непременно помешать жертвоприношению Индраджита. Пошли туда Лакшману с войском, пусть он помешает обряду; иначе великая беда может постичь нас, и мы никогда не победим сына Раваны».

А Рама, ошеломленный горем, слушал и не мог уразуметь смысл слов Вибхишаны. И он промолвил: «О властелин ракшасов, повтори снова то, что ты сказал». И снова Вибхишана повторил свои речи. «Мы все погибнем, если Индраджит завершит свой обряд», — сказал он.

И Рама, воспрянувший духом, повелел Лакшмане идти с Вибхишаной и с войском, предводительствуемым Хануманом и Джамбаваном, к роще Никумбхила и убить Индраджита.

Завидев впереди войско ракшасов, Вибхишана сказал Лакшмане: «Повели обезьянам напасть на вражескую рать — тогда Индраджит придет на выручку своим, прервав обряд». И Лакшмана стал осыпать ракшасов стрелами, а обезьяны и медведи, искусно сражающиеся древесными стволами и камнями, возглавляемые сыном Ветра и Джамбаваном, обрушились на неприятеля. Тучи камней и бревен, стрел и дротиков взвились в воздух с той и другой стороны, затмив небо над головами сражающихся. Жестокая и кровопролитная битва началась вблизи священной рощи Никумбхила.

Хануман, держа в руках огромное дерево, бился впереди своего войска. Каждым ударом поражал он насмерть сотни ракшасов, невзирая на ливни стрел, которыми осыпали его враги. Словно лесной пожар дровья, истреблял он ракшасов сотнями и тысячами, тесня и опрокидывая ряды их войска. Со всех сторон окружили его враги; они бросались на него, разя его копьями, и мечами, и топорами, и железными палицами; но не могли укротить его неистовой мощи и сами падали под его ударами или обращались в бегство, роняя оружие.

Тогда Индраджит появился из лесной полутьмы и, узрев избиение своей дружины, взмог на колесницу, не докончив обряда, и поспешил на выручку ракшасам. Вибхишана указал на него Лакшмане и сказал: «Это Индраджит, сын Раваны, мчится на колеснице, чтобы отразить бешеный натиск Ханумана. Ты должен убить его, прежде чем он довершит жертвоприношение и станет невидимым даже самим богам».

И Вибхишана указал Лакшмане путь в роще Никумбхила к месту жертвоприношения Индраджита. Оба героя вступили под сень леса, мрачного, подобного темным грозовым облакам. «Здесь, под этим деревом, сын Раваны приносит жертвы духам, — сказал Вибхишана, указывая на огромное дерево нягродха, широко раскинувшее свои ветви над землею. — Здесь мы подождем его возвращения». И Лакшмана стал возле дерева, натянув свой лук в ожидании сына Раваны.

Вскоре Индраджит показался на своей огненной колеснице, запряженной черными конями, одетый в золотую кольчугу, с мечом в руках. Лакшмана выступил при его приближении из-под дерева нягродхи и вскричал: «Защидайся! Я вызываю тебя на бой». А сын Раваны, увидев рядом с Лакшманой Вибхишану, обратился к нему с речами, исполненными злобы: «Рожденный в роду ракшасов, ты, брат моего отца, почему восстаешь против твоего племянника, о бесчестный? Отрекшись от родных, ты предпочел стать слугою их врага. О неразумный, знай, что предавшему своих не доверяет и новый его господин и уничтожает его, когда достигает своей цели».

Вибхишана отвечал сыну своего брата: «О ракшас, ты говоришь так, словно не знаешь меня. Рожденный в племени бродящих в ночи, я по природе своей никогда не был ракшасом. Нет мне радости в ужасном, и не любя мне несправедливость. Грабеж, похищение чужих жен, устрашение народа, убийство, гордость, гнев, враждебность, взбалмошность, восстание против богов — от всего этого, ставшего уделом моего брата, я отрекся как от греха. Все это навлечет неизбежную гибель на Ланку, на отца твоего и на тебя. Ты молод и высокомерен, ракшас! Ты можешь говорить мне все, что тебе угодно. Но ты не ступишь за это дерево — тебя сразят стрелы богоравного Лакшманы, и нынче же ты отпавишься в царство смерти!»

Индраджит тогда повернулся к Лакшмане и сказал ему: «О сын Сумитры, или ты забыл, как поверг я тебя и твоего брата своими стрелами в первый день битвы? Либо это ускользнуло из твоей памяти, либо ты сам возжелал удалиться в обитель Ямы. Если в первом бою ты не убе-

дился в моем могуществе, я его явлю тебе ныне; сегодня же коршуны и шакалы отведают твоего мяса!» — «Оставь пустую похвальбу, — отвечал ему Лакшмана, — ты, сражавшийся невидимкой. Сегодня, о людоед, ты падешь от моей руки».

В гнев Индраджит поднял тогда свой лук и обрушил на Лакшману ливень стрел. И Лакшмана натянул свой лук до отказа и выпустил в сына Раваны пять железных стрел, называемых «нарача», — одну за другой. И те стремительные стрелы, подобные огненным змеям, вонзились в грудь Индраджита; и, засев у него в груди, они сверкали на ней, как лучи солнца. И беспощадный и смертельный бой завязался между Лакшманой и Индраджитом, словно между могучими львами.

Семью острыми стрелами пронзил Индраджит грудь Лакшманы, послав в то же мгновение сотню стрел в Вибхишану. Но не дрогнул Лакшмана и сказал, смеясь: «Славные воины в битве не сражаются столь ничтожным оружием. О ракшас, стрелы твои легки и слабы, они только щекочут меня».

С этими словами сын Сумитры обрушил на врага тучу губительных и неотвратимых стрел, затмивших небо. Под ударами тех стрел золотая кольчуга Индраджита рассыпалась на куски, и они упали на дно его колесницы, как падучие звезды с неба. А сын Раваны, израненный и окровавленный стрелами Лакшманы, уподобился тогда солнцу в час заката. Возгоревшись гневом, Индраджит тысячью стрел поразил доблестного брата Рамы, и стрелы те порвали на куски великолепную кольчугу Лакшманы.

И оба воина — человек и ракшас — стали сражаться с удвоенной яростью, осыпая друг друга стрелами, нанося и получая удары; великое искусство боя и великую отвагу являли оба. Лишившиеся оба доспехов, истекая кровью, они сражались, не отвращая лица и не ведая усталости, наполняя пространство вокруг непрерывными потоками стрел. И звук, который издавали те стрелы при полете, как гром оглашал окрестности, вселяя страх в сердца обезьян и ракшасов.

Долго длился их бой. Но ни один не мог одолеть другого.

Вибхишана между тем осыпал стрелами ракшасов, препятствуя им прийти на помощь Индраджиту. И четверо его друзей бились с ним рядом, поражая ракшасов стрелами и копьями. Джамбаван со своими медведями теснил рати бесов, круша их огромными скалами, сражаясь когтями и зубами; Хануман неистовствовал в битве, сокрушая врагов, словно сама Смерть. И реки крови текли по земле. И звери, питающиеся падалью, выли, собираясь стаями по краям поля в предвкушении добычи.

А Лакшмана, отразив удары оружия Индраджита и осыпав стрелами его самого, его возничего и находящихся поблизости ракшасов, схватил копье с широким, как лезвие ножа, концом и, с силой метнув его, снес голову возничему сына Раваны. Тогда Индраджит, искуснейший в науке войны, продолжая бой и поражая стрелами врагов, сам стал править конями вместо возничего. Он нанес удары стрелами Лакшмане и обезьяньим вождям; тремя же стрелами он поразил в лицо Вибхишану. Тогда Вибхишана, не направлявший доселе оружия против сына своего брата, возгорелся гневом. И, бросившись на Индраджита, он палицей сокрушил насмерть четырех его коней.

Лишившись коней, Индраджит соскочил с колесницы и метнул в своего дядю копье. Но прежде чем копье долетело до цели, сын Сумитры поразил его своими стрелами, и, распавшись на десять частей, оно упало на землю. Тогда Индраджит, разъяренный, взял стрелу, дарованную ему Ямой, богом смерти, и поместил ее на тетиву своего лука. Увидев это, Лакшмана взял стрелу — дар Куберы, бога богатства. И оба они одновременно натянули луки со всею силой — и разом обе страшные стрелы взлетели в воздух, озарив своим блеском окрестности, и мгновенно столкнулись в воздухе с оглушительным громом, как две планеты в час гибели вселенной. Извергнув пламя, разлетелись они на сто пылающих частей и упали, дымясь, на землю.

И каждый был удручен падением своего оружия. Сын Сумитры, охваченный гневом, взял тогда оружие Варуны и нанес сокрушительный удар противнику; но Индраджит отразил тот удар ужасным оружием Рудры. Затем воинственный сын Раваны взял огненное оружие Агни; но отважный Лакшмана отразил его удар солнечным оружием Сурьи. Индраджит направил тогда на Лакшману заколдованную стрелу асуров; Лакшмана же отразил стрелу неподдающимся оружием Шивы.

И обезьяны, и ракшасы, и боги на небесах, взиравшие на ту небывалую битву, преисполнились изумления и охвачены были трепетом.

Наконец брат Рамы наложил на свой лук стрелу, сияющую ослепительным блеском, ужасную и неотвратимую, ту стрелу, которою некогда Индра поразил могучих данавов в войне богов с демонами. Направив на врага оружие Индры, Лакшмана произнес такие слова: «Если истинно справедлив и правдив сын Дашаратхи Рама, если нет ему равных в отваге — убей сына Раваны!» И, натянув лук до уха, он спустил стрелу с тетивы.

И она отсекла голову Индраджита — лук выпал тогда из его руки, тело рухнуло с колесницы на землю. Радостные крики испустили Вибхишана и обезьяны. А ракшасы бросились бежать во все стороны без оглядки, бросая копья, мечи и топоры; одни из них скрылись за стенами Ланки, другие бросились в море, третьи искали убежища в горах.

И когда пал Индраджит, возликовали боги на небесах, святые, данавы, гандхарвы и апсары; возликовала вся вселенная. Когда пал Индраджит, улеглась пыль на земле, чистыми стали воды и прояснилось небо. Обезьяны же бросились в объятия друг другу; они вопили и визжали от радости, колотили по земле руками, ногами и хвостами и возглашали: «Победа Лакшмане!» — наполняя страшным шумом окрестности.

Гибель Раваны

Советники Раваны, услышав о гибели Индраджита, предстали перед царем, не ведающим о постигшем его горе. «О великий царь, — сказали они, — сына твоего на глазах у нашего войска убил Лакшмана с помощью Вибхишаны. Победитель бессмертных побежден был в бою и вознесся в горнее царство».

Едва эти слова коснулись слуха грозного царя ракшасов, пораженный ужасом и скорбью в самое сердце, упал он на землю, лишившись сознания. Когда же оно возвратилось к нему, он вскричал, жестоко терзаемый горем: «О сын мой! О первый из славных воинов войска ракшасов! Победитель Индры, как уступил ты Лакшмане в бою? Отдавший жизнь за меня, но не избавивший меня от врагов, ты взошел на небеса. Весь этот мир со всеми лесами и горами, вся вселенная кажется мне пустой без Индраджита. О сын мой, ты должен был свершить для меня последние обряды, когда удаюсь я в царство Ямы! Как могло случиться, что ты опередил меня?»

Но вот горе Раваны сменилось великим гневом: «Сын мой чарами своими обманул обезьян, обезглавив на глазах у них призрак Ситу. Ныне я сам свершу это доброе дело — я убью царевну Видехи!» Сказав это своим советникам, Равана схватил меч и, вне себя от ярости, выбежал из своих покоев. Обуянный гневом, с разумом, помутившимся от горя, Равана устремился к ашоковой роще, где ракшасы стерегли Ситу; и никто не осмеливался остановить его.

Завидев свирепого Равану, приближающегося с мечом в руке, Сита подумала: «Поистине, он идет сюда, чтобы убить меня, разгневанный моим отказом» — и поникла в скорби, оплакивая свою участь.

Тогда, видя слезы ее, добросердечный и честный советник Супаршва приблизился к Десятиглавому, хотя остальные царедворцы удерживали его, и сказал: «За что, о царь, забыв о справедливости, ты хочешь умертвить царевну Митхилы? О владыка ракшасов, неужели ты, свершивший великие подвиги благочестия, станешь ныне убийцей женщины? Оставь пока Ситу, о царь, обрати свой гнев на врага своего. Приготовься к битве, о могучий! Когда же, взойдя на колесницу и выехав на поле брани, ты убьешь сына Дашаратхи, Сита будет во власти твоей». И, вняв речам друга, Равана опомнился и, повернувшись, возвратился в свой дворец.

Великая скорбь воцарилась между тем в городе ракшасов, лишившемся в эти дни лучших и храбрейших своих защитников. Из каждого дома Ланки слышались жалобные вопли и стенания — жены, сестры и матери павших предавались безутешному горю. И, оплакивая своих близких, они проклинали Шурпанакху, чья нечестивая страсть стала причиной ужасных бед, постигших род ракшасов; и ропот поднялся в городе против безрассудства Раваны, навлекшего на Ланку гнев непобедимого Рамы.

А Равана, вернувшись в свой дворец, сел на трон и, вздыхая, как разъяренный лев, с горящими от гнева глазами обратился к приближенным своим — Маходаре, Махапаршве и Вирупакше: «Соберите воинов; ныне я сам поведу их в битву. Я отомщу сегодня сыновьям Дашаратхи за гибель Кхары, Прахасты, Кумбхакарны и Индраджита. Я истреблю обезьян моими оперенными стрелами и осушу слезы на глазах тех, чьи родные пали в сражении». Маходара, Махапаршва и Вирупакша поклонились, сложив ладони, и, молвив: «Да будет так!» — поспешили исполнить веление царя.

Они приказали военачальникам собрать и построить для битвы всех воинов, которые еще оставались в Ланке. И огромное войско ракшасов — пешие и конные воины, на слонах и на колесницах — стало у Северных ворот, готовое к бою. Равана же взошел на свою колесницу, сверкающую, как тысяча солнц, и двинулся на поле брани во главе того могучего войска.

Когда он выехал из городских ворот, зловещие знамения явились в небе его взорам. Но, презрев их, безумный Равана устремился навстречу врагам, обреченный на смерть. И войско ракшасов, ободренное примером своего вождя, с громовым кличем ударило по осаждающим.

Дикий рев и вой с обеих сторон вознесся к небесам. Ливень каменных глыб и деревьев обрушился на головы бродящих в ночи. Поражаемые

ударами скал, могучие ракшасы шатались и падали с выкаченными глазами, извергая кровь изо рта. И обезьяны падали под ударами копий, мечей и палиц. И бойцы обоих станов сражались и убивали друг друга, не отвращая лица от смерти, покрытые кровью с ног до головы. И разъяренные ракшасы, бросив оружие, хватали убитых обезьян и сражались их телами, и обезьяны мертвыми телами врагов поражали неприятеля. И с неослабевающей яростью длился тот беспощадный бой.

И вот под бурным натиском ракшасов дрогнули и стали отступать обезьяны. Тогда Сугрива, видя замешательство своего войска, ринулся в битву, вращая над головою стволом дерева шала, и принялся крушить им наступающих ракшасов, как буря — лесные деревья. Отважный Вирупакша выступил ему навстречу, взобравшись на боевого слона.

Издавая воинственные клики, подобные рычанию льва, Вирупакша поразил Сугриву и многих обезьян своими убийственными стрелами. Но, не сокрушенный его ударами, царь обезьян, приблизившись к Вирупакше, древесным стволом нанес с размаху удар по голове его слона. И, ступив вперед еще несколько шагов, громадный слон Вирупакши упал на землю и умер.

Вирупакша, соскочив со слона, бросился на Сугриву с мечом в руке. Сугрива швырнул в него тяжелой скалою, но ракшас легко увернулся и, приблизившись к царю обезьян, ударил его мечом в грудь. Сугрива упал, но тотчас вскочил и ударом кулака сам свалил с ног Вирупакшу. Но Вирупакша поднялся с земли и, взмахнув мечом, рассек доспехи Сугривы и снова поверг его на землю. И когда тот снова поднялся, в третий раз поразил его своим мечом Вирупакша.

Тогда Сугрива стал осторожнее. Кружа возле вождя ракшасов и уклоняясь от ударов его меча, он улучил мгновение и, подскочив к Вирупакше, изо всех сил поразил его в голову своей десницей.

И с ужасным криком покатился Вирупакша по земле, кровь хлынула у него из разбитой головы, и он испустил дух.

Как воды в прудах убывают в летний зной, так поредели ряды обезьян и ракшасов, истребляющих друг друга в жестокой битве. Равана, видя, что Вирупакша убит и войско его терпит урон, пылая гневом, обратился к Маходаре и Махапаршве и сказал: «Теперь на вас одних моя надежда. Настало время вам доказать свою преданность царю ракшасов. Ступайте и бейтесь храбро». И оба они устремились в сражение, как мотыльки, летящие на огонь.

Маходара на быстрой колеснице ворвался в ряды вражеского войска и осыпал стрелами обезьян, отсекая головы и руки, пронзая насмерть вражеских воинов, вставших на его пути; и в страхе бежали от него обезьяны под защиту Сугривы и Ангады.

Тогда Сугрива, подобрав с земли булаву, окованную железом, напал на Маходару. И, выказав необычайное проворство, он насмерть поразил коней ракшаса. Маходара соскочил с колесницы и метнул в царя обезьян палицу; Сугрива подставил свою булаву, но она сломалась под ударом. Тогда он схватил другую палицу и сошелся с Маходарой в единоборстве, и оба нанесли удар одновременно, и палицы у того и другого, скрестившись в воздухе, сломались. Тогда оба могучих бойца схватились врукопашную, нанося друг другу удары кулаками, и оба свалились на землю и снова поднялись, не прекращая боя. Изнуренные поединком, они схватили наконец мечи и бросились друг на друга. И Маходара нанес удар, и меч его пронзил доспехи Сугривы и засел в них; и в то время как ракшас тщился извлечь свое оружие, царь обезьян мечом отрубил ему голову.

А Махапаршва меж тем сеял смерть в рядах обезьяньего войска своими меткими стрелами. Джамбаван, царь медведей, выступил против него и, метнув огромный утес, сокрушил коней его и его колесницу. Но, придя в себя от удара, Махапаршва осыпал стрелами Джамбавана и Гавакшу и других обезьян и медведей и заставил их отступить. Тогда сын Валина устремился на него, подобрав с земли железную палицу. И, схватив ту огромную палицу обеими руками, Ангада взмахнул ею над головой и метнул ее и раздробил лук и стрелы в руках Махапаршвы. Махапаршва, лишившись лука, выхватил меч и поразил приблизившегося Ангаду в левое плечо. Но Ангада, разгневанный, ударил ракшаса в грудь кулаком с такою силой, что тот упал на землю мертвый.

Равана, когда пали лучшие его военачальники, охваченный великою яростью, сам ринулся в гущу боя на своей чудесной колеснице. Под колесницею Раваны сотрясалась земля со всеми горами, лесами и реками. Громом наполнились окрестности, и страх объял все живое — зверей и птиц.

Приблизившись к вражескому войску, повелитель ракшасов поднял свой исполинский лук — и день померк от непроглядной тучи его стрел, закрывшей небо от взоров над головами обезьян. Врассыпную бежали обезьяны, в ужасе не смея оглянуться, падая сотнями и тысячами под смертельными ударами оружия Раваны.

Тогда Рама выступил вперед, сопровождаемый Лакшманой, и натянул тетиву своего лука. И от звона той тетивы и от пения пущенных Рамою стрел сотни ракшасов попадали на землю. А Равана, приблизившийся к Раме и Лакшмане, подобен был Раху, демону затмения, пред Солнцем и Месяцем. Тучею огненных стрел осыпал Лакшмана Равану, но Десятиглавый отразил все его удары и обратился против Рамы, посылая в него свои ужасные стрелы, подобные ядовитым змеям. И Рама отвечал ему ливнем стрел, и оба стали кружить по полю, один против другого, сын Дашаратхи пеший, а царь ракшасов на колеснице, стремясь найти друг у друга уязвимое место и нанести смертельный удар. Небо покрылось их стрелами, словно тучами в дождливое время года, и тьма опустилась на землю.

Не в силах одолеть Раму, Равана, обуянный гневом, прибег к заколдованному оружию асуров. И он выпустил в Раму страшные стрелы с головами, подобными головам львов и тигров, волков и шакалов, ястребов и коршунов, собак и медведей, змей и ящерниц, с красными разверстыми пастьми. Но все эти стрелы-чудовища Рама поразил своими стрелами в небе, и, сломанные, они попадали на землю, тысячами давя и убивая обезьян.

А между тем как Рама отражал заколдованные стрелы Раваны, Вибхишана с палицей в руке приблизился к колеснице своего старшего брата и в мгновение насмерть поразил его коней. Равана, рассвирепев, соскочил с колесницы и, схватив копье, подобное жезлу Смерти, занес его над Вибхишаной. Видя, что смертельная опасность нависла над Вибхишаной, Лакшмана не мешкая натянул свой лук и осыпал владыку ракшасов своими стрелами; в грудь, в плечи, в руки Раваны впились они. Ошеломленный теми стрелами, Равана остановился в замешательстве; и Вибхишана успел отступить за предел досягаемости копья.

Взъярился царь ракшасов, узрев, что Вибхишана ускользнул от него, и вскричал, обращаясь к Лакшмане: «Брат мой избег моего копья, но оно поразит тебя, о ты, гордый своей отвагой!» И, взмахнув копьем, он метнул его в сына Сумитры. «Да минует оно Лакшману!» — воскликнул Рама, следя за полетом его. Но не исполнилось его желание — глубоко вонзилось то копье в могучую грудь отважного Лакшманы, и с разверстой грудью рухнул он на землю, обливаясь кровью.

Войско обезьян поражено было скорбью и отчаянием, когда Лакшмана пал под страшным ударом Раваны. Затем Хануман и Сугрива бросились к сыну Сумитры, распростертому без признаков жизни на земле,

и оттащили его с поля боя, меж тем как Рама оборонял их своими стрелами от стрел Десятиглавого. Но как ни пытались они, не в силах были вытащить копье из груди Лакшманы.

Рама, думая, что брат его насмерть сражен Десятиглавым, поспешил к телу Лакшманы и, опустившись в отчаянии рядом с ним на колени, разразился горькими сетованиями и стенаниями. Сушена, утешая его, сказал: «О лучший из людей, не горюй. Лакшмана не убит. Взгляни, лицо его не исказилось и не почернело. Он тяжело ранен, но исцеление возможно». Тогда Джамбаван, мудрый царь медведей, приблизившись, сказал: «Тяжко ранен Лакшмана, но спасти его можно. Но только сын Ветра может совершить это чудо». И, обратившись к Хануману, царь медведей молвил: «О Хануман, настал час тебе снова явить свое могущество. Далеко отсюда, на Севере, в Гималаях, меж горами Кайлаша и Ришабха, есть гора, называемая Маходая, на которой растут целебные травы. На ее вершине ты найдешь четыре целебных корня — трав мритасандживани, вишальякарани, суварнакарани и сандхани. О Хануман, лети на север с быстротою ветра и тотчас возвращайся с этими травами. Если ты поспеешь вовремя, Лакшмана возвратится к жизни».

И, услышав слова Джамбавана, Хануман, не медля ни мгновения, взбежал на вершину горы и, оттолкнувшись ногами так, что гора зашаталась, взвился в небо и исчез из глаз. И, пролетев с быстротою ветра над океаном, он устремился дальше на север и понесся над горами и равнинами, над озерами и реками, над лесами и полями, над дивными городами и цветущими странами; и, оставив за собою тысячи йоджан в полете, он увидел впереди Гималаи, увенчанные снегами. Там, между горами Кайлаша и Ришабха, он опустился на вершину Маходаи и стал искать целебные корни, о которых говорил ему Джамбаван.

Но травы попрятались при его появлении. И, тщетно проискав их, Хануман возгорелся гневом. «Промедление грозит бедою, — сказал он. — Я же не могу найти эти травы. Но не могу я и вернуться без них». И, поразмыслив, он обхватил гору обеими руками и, раскачав, выдернул ее из земли. Вместе со всею горою в руках пустился он в обратный путь и, с той же быстротою пролетев над землею и морем, предстал перед изумленными обезьянами на поле у стен Ланки.

Мудрый Джамбаван быстро отыскал травы и дал их понюхать Лакшмане. И тот, мгновенно исцеленный, придя в себя, поднялся с земли. Ликующими криками разразились обезьяны, а Рама со слезами радости на глазах обнял Лакшману, исцеленного от ран, и сказал: «Великое

счастье, о брат мой, что я вижу тебя, вернувшегося из обители смерти. Без тебя на что мне жизнь моя, и победа, и Сита!» Лакшмана же отвечал ему: «Не говори так, о Рама. Давший обет не должен от него отречься, что бы ни случилось. Сегодня, о могучий, ты исполнишь свой обет, убьешь Равану и освободишь Ситу. Я хочу увидеть гибель нечестивца, прежде чем зайдет солнце!»

Вняв словам Лакшманы, Рама взял лук и стрелы и возвратился на поле битвы. И Равана, взойдя на новую колесницу, запряженную свежими конями, обрушился на Раму, как Раху, демон затмения, — на Солнце. И как туча проливает страшный ливень на гору, так царь ракшасов осыпал сына Дашаратхи стрелами своими, подобными молниям.

Когда боги, взирая с небес на битву, увидели, что Рама сражается пеший против ракшаса, мчащегося на колеснице, молвил Индра возническому своему Матали: «Возьми мою колесницу и, сойдя на землю, окажи помощь потомку Рагху!» — «Я иду, о владыка богов», — отвечал Матали и запряг коней в золотую колесницу Индры, увенчанную золотым стягом. И, спустившись с небес, он предстал перед Рамой со сложенными ладонями и сказал: «О потомок Рагху, тысячеглазый бог посылает тебе эту колесницу для того, чтобы ты одержал на ней победу! Возьми этот лук Индры и кольчугу его, подобную огню, и стрелы, блистающие как солнце. Взойди на колесницу и убей Равану, я же буду твоим возничим!»

Обойдя колесницу Индры и поклонившись ей, Рама взошел на нее, озаряющую блеском миры, и битва, еще не виданная на земле, завязалась между сыном Дашаратхи и царем ракшасов.

Объятый гневом повелитель ракшасов вновь прибег к заколдованному оружию. Золотые стрелы, слетающие с его лука, превратившись в губительных ядовитых змей, покрыли сына Дашаратхи. Извергая пламя из пастей, те змеи, тучей затмив небо, летели на Раму; и, видя их страшный полет, Рама прибег к оружию Гаруды. И златоперые стрелы, слетающие с его лука, превратились в воздухе в золотых птиц, и, рея в небе, они истребили змеиные стрелы Раваны.

Разъяренный неудачей, Равана обрушил тогда на Раму тысячи стрел и тучею стрел пронзил Матали, божественного возницу. Он сбил стрелою золотой стяг с колесницы и даже небесных коней пронзил и ранил стрелами. И боги на небесах, и чараны, и сиддхи, и святые пришли в смятение и опечалились, видя подвиги Раваны; и опечалились обезьяны с Вибхишаной.

Тогда Рама, истребитель ракшасов, пришел в великую ярость. И при виде его разгневанного лика страх объял все живое, содрогнулась земля, взволновался океан, и бурные тучи помчались по небу. И затрепетало сердце Раваны.

С возросшею силой обрушил Рама на Равану удары своего оружия. Отразив стрелы Раваны своими стрелами, он ранил его коней, пронзил его грудь и тремя остро отточенными стрелами поразил владыку ракшасов в висок. И обезьяны, воспрянув духом, обрушили на Десятиглавого и на его возничего град камней.

И под тучею стрел Рамы и каменных глыб ошеломленный Равана поник на своей колеснице. Видя, что конец Раваны близок, его возничий, не смутившись духом, повернул коней, и помчали они колесницу прочь с поля боя.

Придя понемногу в себя, Равана воспылал гневом, глаза его налились кровью, и он обратился к своему колесничему с такими словами: «О безумец, или ты считаешь меня лишенным отваги, силы и воинского искусства, что увозишь меня с поля брани перед лицом врага? О презренный! Ты погубил мою славу! На глазах у доблестного врага ты превратил меня, пылающего жаждой битвы, в жалкого труса. По неразумению ли своему ты увел колесницу из сражения или ты подкуплен врагом и предал меня?» Возничий отвечал смиренно: «О государь, не из страха и не по невежеству сделал я это, и не подкуплен я врагом! Но я видел, что ты утомился в битве, и судьба в тот миг была к нам неблагоприятна. О могучий, возничий, искушенный в науке войны, должен знать время, когда вести колесницу в битву, когда стать на месте и когда уйти из-под ударов врага. Только ради твоего блага поступил я так, о победоносный! Повелевай теперь, я повинуюсь твоему слову!» И Равана сказал: «О возничий, поверни тотчас колесницу и веди ее туда, где сражается Рагхава. Не повергнув врага, не оставляет Равана поля битвы!»

Рама, завидев стремительно приближающуюся колесницу Раваны, сказал Матали: «Десятиглавый возвращается на поле боя. Поистине, он жаждет смерти моей в этом бою! Направь коней ему навстречу. Будь осмотрителен и бесстрашен; не мне учить тебя, колесничего богов!»

Матали, довольный речами Рамы, повел колесницу навстречу врагу, и, оставив колесницу Раваны по правую руку, вихрем промчавшись мимо, он запорошил очи Десятиглавого и его возницы пылью из-под колес. И бой начался снова, страшный и беспощадный.

А в небе появились леденящие сердце знамения. Кровавый дождь пролился на колесницу Раваны; стаи стервятников взвились над его головою и полетели, преследуя его возницу; и день померк, и красный сумрак опустился на Ланку. И ракшасы оцепенели при виде этих знамений, охваченные ужасом, и оружие выпало у них из рук.

Над войском же сына Дашаратхи повсюду появились добрые знамения, предвещающая победу Рамы.

Ракшасы и обезьяны окружили поле, на котором бились Рама и Равана, и, прекратив сражение, стали недвижно с обеих сторон, словно нарисованные: повергнутые в изумление и ужас, глядели они на тот небывалый поединок. И боги смотрели с небес на единоборство человека и ракшаса.

Равана пронзил своими стрелами коней Рамы. Но не сразили их стрелы Раваны, даже не дрогнули небесные кони, и быстрота и сила их не умалились. Тогда повелитель ракшасов затмил небо своими пылающими стрелами, и, сливаясь одна с другою, они нависли над головами сражающихся, как второй небосвод, объятый огнем. И Рама послал им навстречу непрерывный поток своих стрел, и стрелы Раваны и Рамы сталкивались в воздухе с оглушительным громом. И обе колесницы, управляемые искусными возничими, носились по полю, как тучи, извергающие ливни.

И Равана пронзил многократно Раму и Матали своими стрелами, и Рама поразил Равану и его колесничего; но оба — и Рама и Равана — стояли непоколебимо и продолжали битву, не дрогнув под ударами; и возничие их продолжали править конями. Колесницы Рамы и Раваны сошлись и снова разошлись, и оба могучих воина непрерывно обрушивали друг на друга удары стрел, и дротиков, и копий, и булав, и палиц; земля сотряслась от их боя, и громом наполнились окрестности.

Наконец Рама поместил на тетиву своего лука огромную стрелу, подобную чудовищной змее. Натянув свой лук, он послал ту стрелу в Равану — ею снес он голову с плеч повелителю ракшасов. И на глазах обитателей трех миров — земли, и неба, и подземного царства — голова Раваны упала на землю.

Но тотчас на месте ее выросла новая голова, подобная прежней! И эту голову в тот же миг отсек Рама своими стрелами, и мгновенно новая голова появилась на ее месте. И эту отсек сын Дашаратхи. И так одну за другой он отсек сто голов у Раваны, равных сиянием, и всякий раз новая голова вырастала на месте прежней. И семь дней и ночей, не прекращаясь, длилась эта битва, и Рама не мог одолеть царя демонов, который

казался бессмертным. «Поистине, это те самые стрелы мои, которыми были убиты Марича, и Кхара, и Вирадха, и Валин, — подумал Рама. — И я не могу постичь, почему бесполезна их сила, обращенная против Раваны».

Тогда Матали сказал Рама: «Почему устранился ты его, о воин? Порази его оружием, заклтым именем Брахмы. Ибо пришел час его гибели, предсказанный богами». И Матали подал Рама пылающую стрелу, созданную некогда самим Брахмой, Прародителем богов, для Индры. В оперении ее заключен был Ветер, в острие — Огонь и Солнце, в древке — Небо, в тяжести ее — горы Меру и Мандара. Она была ужасна, как смерть, и издавала змеиное шипение.

Поместив ту страшную стрелу на свой лук, Рама выпустил ее в Равану. И стрела Брахмы, посланная Рамой, поразила Равану, разверзла грудь его и, пронзив сердце, омытая кровью ракшаса, вернулась в колчан. А Равана упал бездыханный.

И бежали ракшасы, лишенные надежды, а обезьяны пустились преследовать их с деревьями и камнями в руках. Оглушительным ревом возгласили обезьяны победу Рамы. В небе зазвучала труба, и дождь цветов упал на колесницу Рамы. Ярче засияло солнце, ветер, напоенный благоуханием, овеял землю, и вселенная обрела мир.

Свершение погребальных обрядов

»

Видя брата своего убитым, Вибхишана сказал со слезами на глазах: «О могучий, то, что я предрекал тебе, свершилось! Ни ты, ни Кумбхакарна, ни Индраджит, ни Прахаста не внимали моим речам, ослепленные высокомерием, и вот исполнилось предсказанное мною. Бык из рода ракшасов сражен тигром Рамою».

Жены Раваны вышли из чертогов, услышав весть о гибели их повелителя, охваченные горем, с распущенными волосами, стеная и плача. Выйдя вместе с прочими ракшасами из города через Северные ворота, они, вопя: «О господин наш, о супруг, о жизнь наша!» — побрели по полю битвы, скользя в лужах крови и спотыкаясь о безглавые трупы, словно стадо слоних, лишившееся своего вожака. Увидев мертвого Равану, распростертого на земле, они упали на тело его, подобные срезанным с дерева лианам. И одна обнимала его за шею, другая приникла к его ногам, третья схватила его руку, откинувшуюся в сторону, четвертая, рыдая, вглядывалась в его лицо. И Мандодари, первая из жен Раваны, упала на грудь его, восклицая жалобно: «О могучий победитель богов, ты, пред кем трепетал сам Индра! Как позволил ты убить тебя смертному! Нет, я не верю, что это свершил Рама; это сама Смерть, воплощенная в облике Рамы, явилась, чтобы забрать тебя от нас. О! Ты не слушал моих слов, когда я предостерегала тебя от вражды с Рамой, и вот ты лежишь, сраженный, на поле боя, и тело твое, покрытое кровью, уже похолодело! Не слушая советов мудрых, ты привел в свой дом Ситу, к которой воспылал внезапной любовью, и вот она погубила тебя. Если бы ты вернул ее Раме, когда все просили тебя об этом, ты был бы жив и не случилось бы этой

беды. И что ты нашел в ней? В твоём гареме есть женщины, много красивее Ситы. И ни рождением, ни красотой, ни достоинством дочь Джанаки не равна мне, но ты не видел этого, о безумный! Теперь она, избавившись от невзгод, насладится счастьем с возлюбленным супругом, а я, несчастная, низвергнутая в пучину горя, стала вдовой, лишилась всех богатств и наслаждений, которые разделяла с тобою. О, проклятие неверной судьбы!»

Так вопила и стнала Мандодари, обливаясь слезами. Вибхишана меж тем сказал: «Я не думаю, что должно свершать погребальные обряды ради того, кто при жизни, отрекшись от благочестия, был безжалостен, коварен и лжив и похищал чужих жен. Он — враг мой в образе брата. О Рама, пусть назовут меня люди жестоким, но, хотя он и брат мой, помня о его злодеяниях, я не могу свершать для него обряд».

Но Рама сказал: «Ты не прав, о царь ракшасов. Хотя и совершил он при жизни много злого, он был воином могучим, отважным и стойким в бою. Он пал в битве — и вражда кончается вместе со смертью. Сверши для него все, что должно свершать для умершего, и мудрые одобряют тебя».

И Вибхишана повелел приготовить все для сожжения тела Раваны.

Брахманы покрыли тело павшего царя шелковой тканью и поместили его на золотое ложе; под звуки труб они воспели ему хвалу. Затем, подняв его, они двинулись на юг, к месту сожжения, и все ракшасы во главе с Вибхишаной последовали за ними, и жены Раваны, и жрецы, знатоки «Яджурведы», с горящими факелами в руках. На месте сожжения жрецы соорудили, согласно обряду, погребальный костер из сандалового дерева и благоухающей травы ушира, покрыли его шкурой антилопы и воздвигли алтарь. Поместив тело Раваны на костер, брахманы окропили его плечи маслом.

Затем они совершили возлияние предкам владыки ракшасов; потом заклали жертвенных животных, согласно предписаниям шастр. И, покрыв тело драгоценными тканями и благоухающими цветочными венками, Вибхишана и друзья умершего посыпали его сухими рисовыми зернами. И, согласно обряду, Вибхишана зажег костер под стенания и вопли осиротевших жен Раваны. Затем все вернулись в город.

Доблесть обезьян, советы Сугривы, могущество сына Ветра, преданность Лакшманы, любовь и верность Ситы узнали и восславили боги.

Рама воздал почести Матали и вернул колесницу Индре; простившись с Рамой, Матали на колеснице вернулся на небо. Вступив в Ланку, Лакшмана, исполняя волю Рамы, торжественно, при стечении толп обезьян и ракшасов, возвел на трон Вибхишану. И тогда молвил Рама Хануману: «О благородный, испросив позволения царя Вибхишаны, ступай в Ланку и посети дочь государя Митхилы. Поведай ей о нашей победе и возвращайся ко мне с вестью о ней».

И Хануман, испросив позволения у Вибхишаны, вступил в столицу ракшасов и приблизился к знакомому ему саду. Он увидел Ситу, бледную и печальную, под деревом в окружении ракшасы. Он подошел и стал перед нею, смиренно сложив ладони. Узрев Ханумана, Сита пребывала сначала в молчании, но, узнав его, преисполнилась радости. Сын Ветра сказал ей: «О царевна Видехи, Рама, Сугрива и Лакшмана здоровы и благополучны. Могучий Равана пал от руки Рамы, которому помогали и Вибхишана, и Лакшмана, и обезьяны. Услышь счастливую весть о победе и утешься — кончились твои невзгоды».

Когда прекрасная Сита услышала эти речи Ханумана, она хотела заговорить, но голос прервался, и она не могла произнести ни слова. Хануман, видя ее безмолвствующей, спросил: «О чем задумалась ты, о царевна? Почему ты не приветствуешь меня?» Сита же отвечала, сдерживая слезы: «Услышав о победе моего супруга, я не могла заговорить сразу от радости, овладевшей мною. О Хануман, я не знаю такого сокровища на земле, которым я могла бы одарить тебя за эту весть, принесенную мне тобою. Золото, серебро, жемчу-

га, власть над тремя мирами — ничто не может вознаградить тебя». На эти слова отвечал сын Ветра: «Я видел Раму, поразившего насмерть врага своего на поле боя, — и не нужно мне лучшей награды». И затем он сказал Сите: «Позволь мне убить этих ракшасы, мучивших в этой роще тебя, удрученную горем, находившуюся в разлуке с супругом. По велению Раваны они жестоко терзали тебя грубыми речами и притесняли всячески. Я хочу убить этих коварных и уродливых стражниц твоих, карая их за то зло, которое они причинили тебе». Но Сита сказала: «О сын Ветра, не гневайся на этих рабынь; они повиновались чужой воле. Моя несчастная судьба привела меня сюда, она — причина моих страданий. Их же, мучивших меня по велению Раваны, я прощаю; он убит, и они больше не причинят мне вреда. О Хануман, ныне я хочу увидеть супруга моего». Хануман поклонился Сите и отвечал: «Ты — достойная супруга Рамы, увенчанного добродетелью. Позволь мне теперь удалиться. Скоро ты увидишь Раму — сейчас же я отнесу ему весть о тебе». И Хануман покинул Ланку и, возвратившись в лагерь Рамы, поведал ему о своей встрече с Ситой.

«Сита хочет увидеть тебя», — сказал Раме Хануман. И Рама молвил Вибхишане: «Приведи сюда дочь царя Митхилы».

Когда Сита появилась в лагере Рамы, несомая в паланкине, толпы обезьян, медведей и ракшасов сбежались со всех сторон, чтобы взглянуть на нее. Вибхишана приказал своим слугам гнать народ прочь, но Рама остановил его, сказав: «Зачем ты обижаешь меня, обижая их? Нет для них греха, если увидят они Ситу в моем присутствии».

И Сита приблизилась к Раме и устремила на него свой взор, полный любви и радости; и когда она увидела лицо своего возлюбленного супруга, горе ее рассеялось.

Рама сказал ей, стоящей перед ним смиренно: «О дочь Джанаки, я исполнил свой обет, я убил Равану и освободил тебя из плена. Все, что я совершил, я совершил ради тебя. Я смыл оскорбление, нанесенное мне моим врагом.

Но кто, о Сита, ведущий происхождение от высокого рода, примет обратно жену, столь долго жившую в доме другого? Равана касался тебя, смотрел на красоту твою греховным взором — могу ли я, приняв тебя теперь, покрыть позором мой великий род? Ступай куда хочешь, Сита, я отпускаю тебя! Оставайся, если хочешь, с Вибхишаной или с Сугривой или отправляйся к Бхарате. Ты не жена мне больше!»

Вняв этим жестоким словам, Сита поникла, пораженная скорбью и стыдом, проливая слезы. Затем, вытерев глаза, она сказала: «О господин мой,

если другой и касался меня, это было против моей воли. Сердцем я всегда оставалась верна тебе. Ты говоришь со мною, словно с простою женщиной; ты забыл о моем происхождении. Но я — дочь Земли и достойна иных речей. Если же ты решил отречься от меня, почему не поведал ты мне об этом раньше, когда посылал ко мне Ханумана? Я умерла бы тогда от горя, и не пришлось бы тебе терпеть все эти невзгоды ради меня, осаждать Ланку и сражаться с Раваной». И, повернувшись к Лакшмане, Сита сказала: «О сын Сумитры, приготовь мне погребальный костер, только он исцелит мое горе. Жизнь больше не мила мне, отвергнутой в присутствии народа супругом, лишенным любви!»

Лакшмана, охваченный гневом, взглянул на Раму. Но, поняв намерения Рамы по знакам, которые тот ему делал, повиновался и соорудил погребальный костер. Никто не смел вмешаться, заговорить или даже поднять глаза на ужасный лик Рамы, подобный лику Смерти в час светопреставления.

Сита приблизилась к костру и сказала, сложив ладони, обращаясь к огню: «О Агни, да будешь ты свидетелем перед народом тому, что сердце мое никогда не отвращалось от Рамы!»

И Сита вошла в огонь, и неслыханные стечения и сетования поднялись и в народе, и среди обезьян, и среди ракшасов.

И когда она скрылась в огне, заколебался костер, и из пламени встал человек исполинского роста в красном платье с золотыми украшениями, с черными вьющимися волосами, и на руках его лежала Сита, целая и невредимая. Бог Агни — все узнали его — приблизился к Раме и сказал: «О Рама, вот твоя Сита. Она чиста перед тобою, грех не коснулся ее — я, бог огня, свидетельствую о том перед народом. Возьми ее — я повелеваю тебе».

И, поставив Ситу на землю перед сыном Дашаратхи, он исчез в дыму костра.

Тогда Рама с глазами, полными слез счастья, сказал, обращаясь к народу: «Прекрасная Сита долго жила во дворце Раваны — ей нужно было это очищение на глазах у всех. Я никогда не сомневался в том, что она оставалась чиста и верна мне; Сита принадлежит мне, как солнцу — его лучи. Но она была беззащитна от дурных толков в народе; я же, помня свой царский долг, не мог допустить того, чтобы люди говорили, что сын Дашаратхи презрел закон и добродетель. Теперь же Сита очищена от зла перед тремя мирами, и никто не посмеет упрекнуть ее».

Так Рама, восхваляемый народом, вновь обрел свою супругу, и дни счастья наступили для них обоих.

Возвращение из изгнания

На утро следующего после победы над Раваной дня Вибхишана предстал перед Рамой и сказал ему: «Отныне, о Рама, я — твой слуга, повинующийся твоим велениям. Требуя от меня все, что ты захочешь! Ты можешь оставаться в моем царстве с Лакшманой и Ситой, сколько пожелаешь, и все, чем я владею, я предоставляю тебе!» Рама сказал: «Благородный Бхарата ждет меня в Айодхье, печалюсь о моем долгом отсутствии. О Вибхишана, устрой так, чтобы мы могли как можно скорее отправиться в Айодхью. Ибо далек туда путь». Вибхишана отвечал ему: «О царь, я могу помочь тебе в этом. Возьми в дар от меня колесницу моего брата Куберы, называемую Пушпака. Эта колесница,двигающаяся по воздуху, повинуюсь желанию того, кто ею владеет, быстро донесет тебя до Айодхьи».

И когда чудесная колесница была доставлена по велению Вибхишаны, царь ракшасов поклонился сыну Дашаратхи и сказал: «О Рама, что еще могу я сделать для тебя?» Рама сказал: «Все эти обезьяны и медведи доблестно потрудились, добывая для нас победу. Одари их драгоценностями и богатствами, о Вибхишана; и пусть вернутся они, убоголюбивые тобою, в свои страны». И Вибхишана повиновался Раме и щедро одарил обезьян и медведей.

Рама взошел на колесницу вместе с Ситой и Лакшманой и обратился к собравшимся вокруг обезьянам, медведям и ракшасам: «Прощайте! О лучшие из обезьян, вы исполнили свой долг дружбы! Возвращайтесь с миром в Кишкиндху. О Сугрива, ты сделал все, что может совершить добрый и преданный друг! О Вибхишана, да будет счастливым

и безмятежным твое царствование! Я же хочу вернуться в Айодхью, город моих предков».

Тогда обезьяны и медведи и Вибхишана попросили: «Возьми нас с собою. Мы хотим видеть восшествие твое на трон; лишь тогда возвратимся мы в свои страны». И Рама взял их всех на колесницу Пушпака и поднялся в небо, держа путь на север.

С быстротою ветра полетели они над океаном, над странами и городами. И когда они пролетали над Кишкиндохой, Рама по просьбе Ситы взял с собою на колесницу жен обезьяньих вождей.

И спустя четырнадцать лет с того дня, как он покинул родной дом, отправляясь в изгнание, Рама увидел перед собой Айодхью и опустился на чудесной колеснице Пушпака в окрестностях города, вблизи рощи Нандиграма.

Здесь встретил он Бхарату, одетого в оленьи шкуры, изнуренного и печального. Пребывая все эти годы в обители отшельника, Бхарата правил отсюда страну, поместив сандалии Рамы на троне. И велика была радость братьев, встретившихся после долгой разлуки.

Приняв Раму и спутников его в Нандиграме, Бхарата послал Шатругхну в Айодхью приготовить все для встречи и торжеств в честь воцарения Рамы. И здесь же, в Нандиграме, Бхарата передал Раме власть над страню.

И от рощи Нандиграма до Айодхьи была проложена прямая и ровная дорога. Когда Рама приблизился по ней к Айодхье со своими спутниками, навстречу ему из ворот вышли толпы народа: горожане, брахманы, кшатрии, люди низших сословий, воины на конях, колесницах и слонах, певцы, танцовщицы, музыканты, царицы и царедворцы во главе с Шатругхной и Сумитрой. И со слезами радости обняла Каушалья Раму, а Сумитра — Лакшману. Великое ликование началось в Айодхье в тот день. В царском дворце Рама с Ситой воссели на золотом троне, украшенном драгоценными камнями; и брахманы во главе с Васиштхой свершили обряды, необходимые при возведении на царство. Возрадовались тогда боги на небесах, и возрадовался народ Айодхьи. И трон Рамы окружили его братья и друзья — Лакшмана, Бхарата, Шатругхна, Сугрива, Хануман, Вибхишана, Ангада, Джамбаван, Сушена, Нила, Нала, Сумантра, Гуха — царь нишадов; и они приветствовали Раму и Ситу и воздали им царские почести и вознесли им хвалу.

книга седьмая

П о с л е д н я я

(

Долго ликовали жители Айодхьи, празднуя возвращение и победу Рамы — великого, могучего и возлюбленного людьми сына Дашаратхи. Певцы и сказители воспевали необыкновенные подвиги своего государя, и по утрам, когда благородный Рагхава пробуждался от сна, они приходили в царские покои и возносили ему хвалу, толпой окружая его ложе. «О победоносный вонитель, — говорили они Раме, — когда сон смыкает твои веки, ночь опускается на землю и вся вселенная засыпает; а когда ты открываешь свои очи, солнце озаряет небо и землю и пробуждается все живое.

О владыка, мощью ты подобен Вишну, Хранителю Мира, красотой превосходишь Ашвинов, светлым разумом ты подобен Брихаспати, а искусством править государством — самому Брахме, Создателю Вселенной. Ты непоколебим, как Гималаи, и благороден, как небесное светило, и не было на земле до тебя государя, который мог бы с тобой сравниться, и никогда не будет. Среди отважных мужей ты — первый, ты непобедим, ты благочестив, ты справедлив и милосерден. Слава, богатство и любовь всегда будут неразлучны с тобой».

Так прославляли певцы великого сына Дашаратхи, и он, восстав от сна, поднимался со своего драгоценного ложа, покрытого белым. Искренние слуги стояли перед Рамой, держа в руках серебряные сосуды с прохладной водою.

И Рама, совершив утреннее омовение, возложив на алтарь, где горел священный огонь, приношения богам и прошептав молитву, окруженный советниками и друзьями, выходил из внутренних покоев. Мудрый

Васиштха, его помощник, подвластные Раме государи, прославленные воины и соратники Рагхавы ожидали его в роскошном чертоге царя Кошалы. Там были благородные братья Рамы — Лакшмана, Бхарата и Шатругхна и с ними доблестный Сугрива и благородный Вибхишана в окружении преданных ему ракшасов. Все почтительно склонялись перед царственным владыкой и произносили Раме должные слова уважения и почета.

Так царь Рама из рода Рагху проводил свои дни, окруженный друзьями и союзниками, празднуя победу и проводя время в приятных беседах.

Но проходили дни, и государевы заботы все чаще отвлекали Раму от друзей и увеселений. И поняли тогда друзья и соратники великого царя, что нельзя праздновать победу вечно, что забота о жизни жителей Айодхьи не оставляет Раме времени для веселья. И тогда стали они просить Раму, чтобы позволил он им покинуть Кошалу и отправиться в их собственные царства. И Рама дал им на то свое согласие.

Ласково простился Рама с великим Джанакой, царем Митхилы. Он сказал ему: «Ты, могучий государь, — наше прибежище и защита. Ты помог мне одержать победу над Раваной, коварным владыкой Ланки. Наша дружба с тобой нерушима и никогда не порвется. Прими от меня в дар драгоценные камни-самоцветы, золотые сосуды и юных рабынь, певиц и танцовщиц, быстрых коней из Камбоджи, шелковые и парчовые ткани. Возвращаясь, доблестный Джанака, в Митхилу, а брат мой, Бхарата, будет сопровождать тебя в дороге».

Джанака ответил Раме: «Я радуюсь твоей победе, сын Дашаратхи, я радуюсь, что счастье поселилось в твоём доме. Но даров твоих я не возьму в Митхилу, пусть мои дочери поделят их между собой».

За Джанакой уехал домой царь Ашвапати, а потом отправился в Каши могучий Пратардана, и в пути сопровождали их братья Рамы — Лакшмана и Шатругхна. Цари увезли с собой дорогие подарки; очень сокрушались они, что не позвал их Рама помочь ему в битве на Ланке. Возвратившись же в свои царства, Джанака, Ашвапати и Пратардана послали Раме дорогие подарки, и братья Рамы привезли с собой в Айодхью коней, горячих и быстрых, боевых слонов, благоуханный сандал, жемчуга, кораллы и драгоценные колесницы. Все это они поднесли царю Айодхьи, но он взял себе немного; остальное он подарил Сугриве, Вибхишане и Хануману и всем тем предводителям обезьян и медведей, которые помогли ему добиться победы на Ланке. Обезьяны и медведи украсили

себя алмазами и жемчугами, набросили на себя драгоценные ткани и веселились, довольные царскими дарами.

Привольно и хорошо жили в Айодхье обезьяны и медведи: их щедро кормили мясом, сладкими плодами, молоком и маслом, и все жители столицы были приветливы и ласковы с верными друзьями государя. Много месяцев прожили обезьяны и медведи в Айодхье, но им казалось, что они были там не долее мгновения.

Но вот наступил день, когда друзьям надо было расставаться. Тогда Рама, сын Дашаратхи, позвал во дворец предводителей медведей и обезьян и сказал им: «Все вы — мои друзья и дороги мне, как братья, как частицы моего тела. Вы, отважные обитатели лесов, спасали меня от невзгод и несчастий». А потом Рама обратился к Сутриве с такими словами: «О благородный, ты возвращаешься в прекрасную Кишкиндху, недоступную для недругов. Да будет царствование твое благополучно. Будь, могучий царь, всегда ласков и справедлив с Ангадой. Да будут счастливы под твоей защитой могучие вожди — Хануман, Нала, Сушена, Нила, Майнда, Дживида, Джамбаван и все остальные воины, не жалевшие жизни ради моего блага. Пусть будут мои друзья почитаемы в твоём царстве».

Потом Рама сказал Вибхишане: «О мудрый, ты благонравен и честен. И подданные твои любят тебя. Ступай с миром и правь Ланкой справедливо и рассудительно. Не потакай злу, будь милосерден к подданным твоим. И об одном только я прошу тебя, Вибхишана, — не забывай меня и Сутриву».

Со слезами на глазах слушали Раму его верные друзья, и, когда умолк царь Айодхьи, они трижды восславили его и сказали: «О великий Рама, ты — прибежище мудрости, лик твой прекрасен, и мощь твоя неизмерима!»

Затем выступил вперед Хануман и сказал: «Я хочу, великий царь, чтобы всегда была с тобой моя любовь. И да не поколеблется моя преданность тебе! И пусть мысль моя будет только о тебе, государь! И да хранится жизнь в моем теле столь же долго, сколь будут жить на земле сказания о подвигах великого Рамы. О доблестный воитель, как ветры рассеивают облака, так и я буду разгонять мою тоску о тебе рассказами и песнями о твоих деяниях».

Когда Хануман умолк, Рама поднялся с золотого трона, подошел к Хануману, обнял его. «Да будет так, — сказал он, — как ты хочешь, мудрый воин. И пусть жизнь не покидает твое тело до тех пор, пока жива

будет на земле память о наших битвах и нашей дружбе. Я навсегда в долгу у тебя, благородный Хануман, и нет таких драгоценностей в мире, которыми я мог бы воздать тебе за верную службу. Только лаской и любовью я смогу отплатить тебе за все, что ты свершил для меня». И Рама снял с шеи своей золотую цепь, украшенную алмазами и сапфирами, и повесил ее, сверкавшую как лучи солнца, на шею Хануману.

С радостным сердцем слушали вожди обезьян приветливые речи Рамы и склонились до земли перед царем Айодхьи. Не стыдясь слез, плакали отважные воины, расставаясь с сыном Дашаратхи, и великая печаль охватила их души, не знавшие страха в битвах.

Разъехались по домам друзья и союзники благородного царя Айодхьи, а Рама и его братья все свое время проводили в заботах о благе жителей Кошалы.

И вот однажды, когда Рама беседовал со своими братьями, с неба раздался благозвучный голос: «О благородный Рама, взгляни на меня со вниманием. Я Пушпака, о царь. Меня отправил к тебе Кубера и сказал, что ты — мой настоящий хозяин. Ты завоевал меня у Раваны, и только тебе я могу принадлежать по праву. Кубера радуется гибели Раваны, его сыновей, братьев и советников. И Кубера послал меня к тебе и велел служить тебе верой и правдой. И вот, великий царь, я здесь, прими же меня без страха и сомнения. В мгновение ока я могу перенести тебя туда, куда ты скажешь».

Рама Пушпаке ответил: «Что же, если ты говоришь так, значит, это правда. Сейчас ты ступай куда хочешь, но, когда я вспомню тебя, будь рядом со мною». — «Да будет так», — сказала Пушпака и скрылась в поднебесье.

И тогда Бхарата, почтительно сложив перед лицом ладони, сказал Раме: «О мудрый, недолго ты правишь царством, но столь много чудес мы видели уже в Айодхье! Вещи владеют речью, человеческим голосом заговорили колесницы. Подданные наши не знают никаких лишений, даже дряхлые животные не встречаются более со смертью. Женщины без страха дают жизнь детям, и все люди сыты и довольны. О царь, благополучие в Айодхье все возрастает. Индра в нужное время посылает дожди на жаждущую землю, ветры дуют легко и приносят людям свежесть. И подданные говорят повсюду: „Да будет наш государь навсегда, вечно с нами!“» И Рама радовался, слушая слова благородного Бхараты, и на душе у него было светло и весело.

Вот Рама ласково простился с братьями и пошел в сад, цветущий и прекрасный, благоухающий сандалом и цветами. Капельки росы свер-

кали под солнцем на лепестках лотосов и лилий, весело щебетали птицы, и хлопотливо жужжали пчелы. Вокруг были невысокие холмы, поросшие зелеными деревьями, и ручьи, журча, сбегали по их склонам. В прозрачных водоемах резвились диковинные рыбки, и сад был столь пленителен, так радовал душу, что даже боги, и с ними великий Индра, могли позавидовать государю Айодхьи.

Рама сел на скамью, украшенную вышитым покрывалом, и прекрасная Сита села с ним рядом. Слуги принесли им вкусные яства, ароматные плоды и сладкие вина. Рама и Сита ели, пили и наслаждались беседой. Тихая музыка радовала царя и царицу, красивые танцовщицы тешили их своим искусством. И властители Айодхьи были в том саду, как Индра со своей супругой Шачи.

Спокойно и счастливо жил Рама в Айодхье, и каждый день радовал любящую Ситу лаской и заботой. Так в наслаждениях и забавах Рама и Сита провели всю зиму, а потом весну, лето и осень, и прожили они в радости и счастье десять тысяч лет.

Однажды вечером Сита, набросив на себя прекрасные одежды, явилась перед Рамой, и радовался он, глядя на божественную красоту своей супруги. И он сказал ей с улыбкой: «О дочь Джанаки, я вижу, что ты ждешь ребенка, и радуюсь этому. Я хочу сделать что-нибудь для тебя, назови мне твои желания».

Сита ответила ему: «О Рама, я хочу навестить бедные хижины благочестивых отшельников, живущих на берегу Ранги. Я хочу провести ночь в обители подвижников, изнуряющих свою плоть, и получить у них благословение». И Рама сказал: «Да будет так, как ты хочешь, Сита! Ты можешь отправиться туда даже завтра». И, довольные друг другом, царственные супруги вышли к друзьям, ожидавшим у дверей внутренних покоев.

Испытанные советники государя дождались, когда Рама сел на трон, а затем сами сели вокруг него и стали рассказывать старинные предания, развлекая ими великого сына Дашаратхи. А потом Рама спросил у советников: «Скажите мне, мои верные друзья, что говорят жители Айодхьи о царице Кайкейи, о Бхарате, Лакшмане и Шатругхне, о Сите, моей преданной супруге? Повсюду люди осуждают своих государей, если они сходят со стези справедливости и добродетели».

Тогда поднялся со своего места царский соглядатай Бхадра и сказал: «О великий царь, подданные твои хвалят тебя в своих беседах. С победой над Раваной в их дома вошли богатство и благополучие». Но Рама

сказал ему: «Ты скажи мне все без утайки, скажи, что не нравится людям. Я должен знать это, чтобы править царством справедливо».

И тогда Бхадра, не боясь уже разгневать государя, сказал ему: «Так слушай же, владыка! И недоброе говорят о тебе люди повсюду — на базарах, на улицах, во дворах своих домов. Они говорят так: „Воистину, наш великий царь совершил невиданное чудо. Не слышали наши предки о том, что можно соорудить мост в океане. Тысячи лет никто не мог одолеть Равану, повелителя Ланки, а Рама его уничтожил, сокрушил его огромное войско, а помогали ему только обезьяны и медведи. Наш государь освободил из плена свою супругу, но он не должен был брать ее с собой в столицу, — ведь к ней прикасался кровожадный царь Ланки. Сита жила у Раваны в ашоковом лесу, страшные ракшасы сторожили ее там днем и ночью, и Равана входил в тот сад. Так как же может наш государь быть вместе с Ситой? И нет у него гнева на супругу, он ее любит и почитает. А ведь мы все берем пример со своего государя, значит, и нам тоже нужно прощать дурное поведение женщин!“ Прости мне, великий царь, но так говорят между собой жители столицы и отдаленных селений».

Слова Бхадры опечалили Раму, и он спросил своих советников, искусенных в управлении государством: «Правду ли сказал мне Бхадра?» Верные друзья Рамы низко склонили головы, подтверждая слова Бхадры.

Царь Айодхьи отпустил своих друзей, задумался, а потом, призвав к себе воина из дворцовой стражи, приказал: «Ступай позови ко мне моих братьев».

Верный страж приложил ко лбу ладони, низко склонился перед Рамой и отправился выполнять повеление своего владыки.

Вскоре верные братья Рамы — Лакшмана, Бхарата и Шатругхна — предстали перед царем Айодхьи. Рама сидел на золотом троне, погруженный в мрачное раздумье, и братья с тревогой в сердце ожидали, что он им скажет.

Когда царевичи из рода Рагху подошли близко к трону, Рама обратился к ним своею личною скорбью, и сказал им, преданным и смиренным: «Благо вам, любимые братья! Вы никогда не перечили моей воле. Я поведаю вам о том, что омрачает мою душу. Возлюбленные подданные мои, жители славной Айодхьи, отдаленных городов и селений, говорят обо мне дурное — они хулят мою прекрасную супругу, нежную и преданную Ситу, и слова их осуждения пронзают мое сердце, как смертоносные стрелы.

Я рожден в благородной и знатной семье Икшваку, Сита родом из дома могучих царей Митхилы, и мне дорога добрая слава моего рода.

О Лакшмана, ты знаешь, как Равана похитил в лесу Дандака мою любимую супругу, как я наказал смертью коварного властителя Ланки. Разлука с Ситой не давала мне покоя ни днем ни ночью, и все же я не забыл в час победы, что была Сита в руках нечестивого и распутного владыки ракшасов, что она может войти в дом моих предков только чистой и невинной. И тогда, о Лакшмана, нежная Сита вошла в пламя костра, чтобы все — небожители и люди — видели, что она сохранила верность своему супругу. Сам Агни, всемогущий и великий, оградил Ситу от губительного огня и вместе с лучезарным Сурьей перед всем миром подтвердил невинность благородной дочери царя Митхилы. Могучий Индра, владыка небесный, незримо охранял Ситу на острове Ланка и сам вручил мне мою целомудренную и любящую супругу. И не было у меня сомнений в чистоте дочери Джанаки, и я ввел ее во дворец благородных властителей Айодхьи. Но сейчас тревога и печаль гложут мою душу, — подданные говорят про царицу плохое и меня, государя своего, осуждают. Люди всегда говорят о тех, кто возвышается над ними. И так всегда будет в этом мире. Поэтому и берегут знатные люди свое доброе имя. Я могу отречься от престола, отказаться от роскоши и богатства, могу отречься от родных и близких, даже от жизни, но не могу отдать на поругание свою славу. Она мне — дороже жизни.

Завтра поутру вели, Лакшмана, возникшему Сумантре приготовить колесницу и увезти Ситу в лес на другой берег Ганги. Царица давно собиралась посетить подвижников, прославленных мудростью и благочестием. Там в лесу стоит тихая обитель Вальмики, всеведущего отшельника со щедрой душой и добрым сердцем. О сын Сумитры, ты должен оставить в той обители Ситу и тотчас вернуться в Айодхью. Не возражай мне, брат мой, ни единым словом, и отговаривать меня не надо! Печаль навсегда поселилась в моем сердце, твои слова будут ранить мою душу. И пусть никто не знает о том, что я сказал вам, пусть останется в тайне изгнание царицы из Айодхьи!»

Глаза повелителя Кошалы наполнились слезами, и, тяжело вздыхая, он простился с братьями и удалился в свои покои.

Когда прошла ночь и настало утро, Лакшмана сказал царскому возничему: «О Сумантра, запряги скорее быстрых коней в колесницу и приготовь в ней мягкое и удобное ложе. Государь велел отвезти Ситу в лес на другой берег Ганги. Царица пожелала навестить благочестивых подвижников и наделить их щедрыми дарами».

Сумантра поспешил исполнить повеление Рамы, а Лакшмана вошел в дворцовые покои Ситы. Бледный от бессонной ночи, пряча печаль, лежавшую на сердце, сын Сумитры низко поклонился Сите и сказал: «О дочь Джанаки, ты просила у государя позволения навестить подвижников, живущих в лесу на берегу Ганги. Великий Рама посылает тебе свое соизволение и поручил мне отвезти тебя туда. Следуй же за мной. Исполняя волю нашего владыки, я провожу тебя в обитель благочестивого Вальмики».

Слова Лакшманы обрадовали благородную царицу, и она пожелала отправиться в путь немедленно. Она велела уложить в колесницу дорогую утварь и одежду в дар отшельникам и вслед за Лакшманой вышла из дворца царей Айодхьи.

Лакшмана и Сита вззошли на колесницу, и царица сказала вдруг сыну Сумитры: «О потомок Рагху, я замечаю тревожные знаки. У меня дрожит тело, подергивается правое веко, и голова моя будто в тумане. И все вокруг кажется мне осиротевшим, словно счастье навеки покинуло землю. О Лакшмана, ты любишь своих братьев, скажи мне, все ли они здоровы, не приключилось ли беды с Рамой? Благополучны ли наши подданные и родные?» И Сита сложила смиренно перед лицом ладони и обратилась к богам с молитвой. «Все благополучно, благородная царица, в Айодхье», — ответил ей Лакшмана, и колесница тронулась в путь, увозя в изгнание ничего не ведавшую Ситу.

К вечеру путники остановились на ночлег на берегу реки Гомати, а наутро снова двинулись дальше к берегам великой Ганги, очищавшей от всех грехов. Вскоре царские кони, быстрые, как мысль, доставили Лакшману и Ситу на берег Ганги. Громко и горестно закричал печальный Лакшмана, когда увидел перед собой воды Ганги, и удивленная Сита его спросила: «Почему ты плачешь, Лакшмана? Наконец-то исполнилась мечта моя побывать на берегу всемогущей Ганги. И ты радоваться должен, а не плакать. О сын Сумитры, не огорчай меня в час моего веселья. О благородный, ты проводишь свои дни рядом с Рамой, а теперь ради меня ты его покинул — не потому ли ты такой печальный? О Лакшмана, Рама мне дороже жизни, но я же не тоскую, не плачу! Так и ты должен преодолеть свою горе. Перевези меня на другой берег Ганги, я навещу благочестивых старцев, одарю их утварью и одеждой, а наутро мы поедем обратно в Айодхью. Даже недолгая разлука с Рамой для меня невыносима».

Могучий Лакшмана, сокрушитель ракшасов, слушал Ситу, потупив глаза в землю, а потом послал Сумантру за гребцами. Затем Лакшмана

и Сита сели в лодку, и гребцы доставили их на другой берег Ганги. Ступив на землю, Лакшмана сложил почтительно перед лицом ладони и голосом сдавленным и тихим сказал Сите: «О дочь царя Видехи! За чем брат послал меня сюда с тобою! Как копьем пронзил он мое сердце и обрек на позор и осуждение. Тяжкая болезнь, даже смерть мне были бы милее. О прекрасная Сита, будь милостива, прости мне мое прегрешение». И доблестный Лакшмана зарыдал и обратился к богам с мольбою послать ему смерть, не томить его больше жизнью.

Горе Лакшманы удивило супругу Рамы, и она спросила брата своего мужа: «Что случилось, о сын Сумитры? Твоя печаль мне непонятна. Почему ты просишь у меня прощения — ты ни в чем не виноват передо мною. О Лакшмана, расскажи мне, что тебя тревожит, и я возьму на себя твою горе. Уж не случилось ли беды в Айодхье? Ради любимого Рамы расскажи мне о своей печали!»

И тогда сын Сумитры горестно сказал Сите: «О богоподобная царица, я запер у себя в сердце слова, сказанные нашим владыкой, те слова, которые терзают мою душу. Великий Рама стоял посреди чертога, подавленный несчастьем, и рассказывал нам, своим братьям, о том, что говорят жители Айодхьи о его благородной супруге. Той хулы, что на тебя возводят, я повторить не смею, но скажу тебе только, что наш государь, великий и победоносный Рама, боясь народной хулы и опасаясь за свое доброе имя, отрекся от тебя, благородная царица. Властитель Айодхьи ни в чем тебя не обвиняет, но велел мне оставить тебя здесь, в обители благочестивого Вальмики, и объявить всем, что ты покинула Айодхью, чтобы жить в лесу в покаянии и молитвах. Прими же, гордая дочь царя Видехи, эту печальную весть стойко, не давай сломить себя жестокому несчастью.

Вальмики — великий подвижник и преданный друг царей Айодхьи, он не даст тебя никому в обиду. В его обители ты проведешь дни свои счастливо и спокойно, и прошу тебя, не оставляй в помыслах своих нашего владыку. Обращай к бессмертным богам свои молитвы, и ты будешь увенчана благочестием и доброй славой».

Как укус ядовитой змеи, безжалостны были слова Лакшманы, и дочь Джанаки, охваченная скорбью, в беспамятстве упала на землю. Долго лежала она на земле недвижимой, а потом поднялась и, плача, сказала сыну Сумитры: «Воистину, Лакшмана, Великий Творец создал меня только для страданий. С юных лет одно несчастье за другим преследует меня. Я не знаю за собой прегрешений, но, может быть, я по неведению

в чем-нибудь виновата, и вот Рама отвергает меня теперь, хотя я чиста и невинна перед ним. О милый Лакшмана, годы изгнания в лесу Данда-ка кажутся мне теперь временем радости и счастья — тогда я могла служить Раме, моему возлюбленному супругу.

О благородный воитель, как же я буду жить здесь без родных, без друзей, без любимого мужа? Кому я смогу поведать свою печаль, свою муку? И что я отвечу благочестивым подвижникам, когда они спросят меня, в чем моя вина, почему отрекся от меня могучий Рама? О сын Сумитры, лучше бы мне расстаться с жизнью в водах вечной Ганги! Но я не смею просить у нее покоя, чтобы не погиб, не прервался вместе со мною доблестный род Икшваку.

Послушай, Лакшмана, исполни мое последнее желание: поклонись государю и скажи ему: „О великий Рагхава, тебе ведомо, что Сита чиста и невинна и в тебе одном вся ее жизнь. Она знает, что ты отверг ее, желая сохранить доброе имя царя Айодхьи. Ты — великий Рама, — единственное прибежище дочери Джанаки, и она поможет тебе в твоих стараниях!“ И еще скажи, Лакшмана, моему любимому супругу, что нет у меня страха за себя, а только больно мне, что подданные меня, безвинную, хулят и поносят. Воистину, мой супруг для меня — сам бог, лучший друг и мудрый наставник. И ради него, ради его блага нужно жертвовать и самой жизнью. О Лакшмана, скажи ему от меня все это. А теперь, сын Сумитры, подойди ко мне ближе и взгляни на меня. Я жду наследника для нашего государя, и все приметы к тому уже стали явны».

Лакшмана со смущенным сердцем низко склонился перед Ситой, горестно заплакав. Помолчав недолго, он сказал ей: «О благонравная царица, не ведающая греха! Что ты говоришь мне? Ведь я никогда не поднимал глаз на тебя, прекрасную, как богиня Лакшми. Мы с тобой в священном лесу, супруга твоего нет с нами — как же я посмею поднять на тебя глаза?» И Лакшмана, сокрушенный жалостью к прекрасной Сите, повернулся к берегу Ганги и пошел к лодке.

Переправившись через Гангу, Лакшмана взошел на колесницу Сумантры и повелел везти себя в Айодхью. Отдохнувшие кони быстро мчали его в царскую столицу, а Лакшмана все смотрел и смотрел на другой берег Ганги. Там, вдоль берега, как робкая лань, брела супруга великого государя и все оглядывалась на удалявшуюся колесницу Сумантры. И когда ее уже не стало видно, силы совсем оставили Ситу. Горе тяжким бременем придавило прекрасную царицу, она закричала горестно и громко, и крик ее разнесся далеко по лесу.

Ученики благочестивого Вальмики увидели в лесу Ситу, прибежали к своему наставнику и сказали: «О великомудрый! По лесу бредет женщина, прекрасная, как Лакшми, красивее нам не случилось видеть. Но чья она супруга, мы не знаем. Она громко плачет и кричит горестно и скорбно. Как богиня, сошедшая с небес на землю, идет она по берегу Ганги и, наверное, нуждается в поддержке. Помоги ей, приведи ее сюда, Учитель!»

Благочестием и добродетельной жизнью Вальмики обрел чудесный дар проникновения во все, что происходило в этом мире, и не было для него на земле тайн. Вальмики пошел навстречу Сите, а ученики его почтительно следовали за ним.

Вскоре подвижник пришел к берегу Ганги, увидел супругу Рамы, плачущую и беспомощную, и, приблизившись, сказал ей: «О целомудренная красавица, я знаю тебя. Ты невестка царя Дашаратхи, любимая жена победоносного Рамы, дочь могучего повелителя Митхилы. Твой приход сюда — великое благо для меня. Это боги, должно быть, наградили меня за суровое подвижничество и стойкую добродетель. Я счастлив видеть тебя здесь, чистую, невинную и благонравную. Все мне известно в этом мире, и все, что происходит на земле, я знаю. Утешься, прекрасная, и не печалься. Здесь, в моей обители, ты ни в чем нужды не узнаешь. Благочестивые отшельники и юные ученики мои будут заботиться о тебе и не дадут тебя никому в обиду. Пусть моя скромная обитель станет отныне твоим собственным домом, и да исчезнет твое горе! Пусть твоя милая улыбка снова украшает лик твой, как луна освещает ночное небо!»

Сита смиренно склонилась к ногам подвижника и тихо сказала: «Да исполнятся, блаженный, все твои желания!» И, почтительно сложив ладони, Сита пошла вслед за Вальмики в его обитель. Благочестивые старцы и юные ученики радостно обступили благородную царицу, и Вальмики сказал им: «Перед вами благонравная Сита, супруга великого Рамы, дочь благородного царя Видехи. Могучий Рама прислал ее к нам, и она пришла сюда чистой и невинной. Благородная дочь царя Видехи достойна того, чтобы мы все ей служили, и мы будем заботиться о ней, как о родной дочери нашей». Благочестивый Вальмики поручил добронравным старцам Ситу и удалился в свою хижину, сопровождаемый учениками.

Проведя день и ночь в пути, Лакшмана на следующий полдень вернулся в богатую и счастливую Айодхью. Сердце его сжималось от горя, когда колесница Сумантры остановилась у дворца, сверкавшего, как луна

на полночном небе. Лакшмана сошел с колесницы и с поникшей головой прошел во внутренние покои. Сердце Лакшманы переполнилось жалостью к любимому брату и его несчастной супруге, когда увидел он Раму, с печальным лицом сидевшего на золотом царском троне. Сын Сумитры подошел к Раме, низко склонился перед ним, касаясь ладонями ступней государя, и сказал: «О преславный владыка, следуя твоему повелению, я оставил дочь Джанаки на берегу Ганги в обители благочестивого Вальмики и вернулся сюда служить тебе. Не печалься, великий брат мой, не позволяй горю сломить тебя. Люди, обладающие разумом, знают, как течет неумолимое время. За возвышением следует падение, за процветанием — увядание, за рождением — смерть. Ты — великий государь, и не следует тебе предаваться власти земной суеты, ибо подданные вновь будут порицать тебя, но теперь уже за слабость. Ты отверг божественную Ситу из страха перед людским судом, но еще больше тебя осудят подданные твои, если узнают, что не в силах ты перенести разлуку с дочерью царя Видехи. Будь же ты тверд духом, великий брат мой, и гони прочь скорбь и печали».

И тогда Рама сказал своему преданному брату и другу: «О мудрый Лакшмана, слова твои истинны и правдивы, и ты утешил меня в моем тяжком горе! А теперь, Лакшмана, ступай к воротам и позови всех, у кого есть дело к государю Айодхьи, кто ищет у него правого суда и поддержки».

С утра до позднего вечера шли люди к царю Айодхьи искать у него справедливости и защиты, и все получали у благородного Рамы добрую помощь и ласковое слово. И слава о великом государе Кошалы разносилась по всему миру.

Однажды пришли к царю Айодхьи два подвижника и пожаловались ему на обиды, которые чинит благочестивым отшельникам могучий ракшас Лавана.

«Этот кровожадный пожиратель мяса, — сказали Раме подвижники, — живет и правит в городе Мадхувати, окруженном крепкими стенами. Каждое утро, на рассвете, он выходит из своей крепости за добычей, за диким и вольным зверем, за пернатой дичью и разоряет наши лесные обители. И никому в окрестных лесах нет от него покоя — ни птице, ни зверю, ни человеку, — все они находят свою гибель в его ненасытной утробе. Многие витязи в прошедшие времена вызывали Лавану на поединок, но никто из них не мог одолеть проклятого ракшаса в битве. Лавана огромен, как горная вершина, косматой головой он упирается

в поднебесье, под его тяжкой поступью сотрясается твердь земная, а его грозный дротик без промаха разит врагов его насмерть и сам возвращается к нему обратно. И нет ни у кого — ни у небожителей, ни у смертных — от этого дротика защиты. Некогда сам Шива, великий и всемогущий, подарил этот дротик отцу Лаваны, асуре Мадху, в награду за благочестие и праведную жизнь, а теперь им владеет на погибель всему живому нечестивый и злобный ракшас.

Мы пришли искать у тебя, могучий Рама, от Лаваны защиты».

Так сказали подвижники мудрому царю Айодхьи и умолкли, ожидая его решения.

Тогда Рама призвал к себе Шатругхну, своего младшего брата, и сказал ему: «Ступай, доблестный Шатругхна, с большим войском, убей нечестивого Лавану, избавь от обид и страха праведных подвижников и возьми себе царство Лаваны — Мадхувати».

Посылая своего младшего брата на битву со свирепым сыном Мадху, Рама велел снарядить для Шатругхны большое и грозное войско. Четыре тысячи отважных всадников дал ему царь Айодхьи, две тысячи грозных колесниц, быстрых как вихрь, и сто боевых слонов, устрашающих и могучих. Но дорожке войска были для Шатругхны наставления и советы Рамы.

«Знай, Шатругхна, — сказал брату мудрый царь Айодхьи, — что свирепый Лавана неодолим в битве, когда в руках у него неотразимый дротик Шивы. Если могучий ракшас, не ведающий страха, узнает, что ты пошел на него войною, то он приготовится к схватке с тобой и уничтожит тебя со всем твоим войском точно так же, как сокрушил он некогда великое воинство храброго Мандхатри, царя из славного рода повелителей Айодхьи.

Царь Мандхатри был силен и отважен, он не знал поражений в битвах и подчинил себе всех земных государей. И тогда, обуянный гордыней, он решил покорить еще и небесное царство. Его войско уже подступило к самому стольному городу Индры, к прекрасной Амаравати, но осаждать его не стало — Мандхатри повелел войску повернуть обратно, на землю, потому что Индра, опасаясь грозного царя Айодхьи и стремясь уклониться от битвы с его победоносной ратью, открыл тогда Мандхатри, что не все царства земные он подчинил своей власти, что есть еще город Лаваны, сына Мадху, который ему еще не покорился.

И вот тогда гордый царь Айодхьи направил свое войско к Мадхувати и послал Лаване с глашатаем вызов на поединок. В том бою славный

Мандхатри нашел свою гибель. Дротик Шивы насмерть сразил непобедимого до той поры государя Айодхьи и отправил в царство Ямы все его войско.

Если ты не хочешь, доблестный Шатругхна, погибнуть бесславно, как Мандхатри, тебе надо одному, без войска, скрытно подойти к Мадхувати и вызвать Лавану на поединок в тот час, когда он выйдет из города за добычей.

Пусть подвижники сейчас проведут сухим путем твое войско, переправят его на другой берег Ганги и там скроют его от людских взоров в лесных дебрях, а через месяц, когда настанет дождливое время, ты выведешь на колеснице вслед за ними. Лавана знает, что опытный воин в дождливые дни войско в поход не водит, и потому выйдет на охоту без опаски, оставив дротик Шивы в своем жилище в Мадхувати. Вот тогда ты предложи ему помериться силой в воинском единоборстве.

Но помни, Шатругхна, что и без дротика Шивы Лавана — грозный соперник; сила его могучих рук неизмерима, страха в бою он не знает, в гневном неистовстве сын Мадху внушает врагам ужас, и приближаться к нему, яростному, опасно.

Чтобы победа твоя, брат мой, была верной, я дарю тебе смертоносную стрелу, способную сокрушить и уничтожить все живое. Некогда ее выковал и подарил мне сам великий Вишну, но я не решился спускать ее с тетивы в дни битвы с повелителем Ланки, боялся погубить леса и воды, птицу и зверя, небожителей и смертных. Но если Лавана станет одолевать тебя, смело спускай с тетивы стрелу Вишну — она отправит злобного ракшаса в царство Ямы, а сама вернется в твой колчан».

Отважный Шатругхна с благодарностью принял наставления и драгоценный дар Рамы, и наутро подвижники повели его войско в леса на другой берег Ганги. А через месяц, когда наступило дождливое время, Шатругхна выехал один из Айодхьи и направился в Мадхувати.

Путь его лежал через обитель мудрого Вальмики, расположенную неподалеку от великой Ганги, и доблестный брат царя Айодхьи решил остановиться там на ночь. Отшельники приветливо встретили Шатругхну и предложили ему ночлег, питье и пищу. И случилось так, что в ту же ночь благородная Сита родила двух прекрасных, как утренняя заря, мальчиков. То были Куша и Лава — сыновья великого Рамы.

Наутро Шатругхна отправился своим путем к Мадхувати и к середине следующей ночи добрался до ворот стольного города свирепого сына Мадху и затаился в ближней роще.

Едва занялся рассвет, крепкие городские ворота отворились и огромный, как горная вершина, ракшас вышел в лес на охоту за своей добычей. И когда он возвращался, гоня перед собой стадо лесных оленей, Шатругхна с могучим луком в руках пошел Лаване навстречу. Увидев его, владыка Мадхувати засмеялся и спросил: «Когда я прихожу в ярость, тысяча лучников бежит от меня в страхе перед смертью. Дай совет мне, храбрый воитель, как тебя съест лучше — живым или мертвым?» И Лавана засмеялся так весело, что у Шатругхны от ярости слезы появились на глазах. И в гневе он крикнул: «Я — сын великого Дашаратхи, могучий Рама — брат мой, и зовут меня Шатругхна! Я пришел сюда, чтобы уничтожить тебя! Ты — враг всех добрых людей на свете, и ты умрешь от моей руки сегодня!»

Но Лавана опять громко засмеялся и сказал Шатругхне: «Я вижу, у тебя помутился разум и ты ищешь для себя кончины. Сама судьба подарила мне тебя сегодня. Равана, повелитель Ланки, был моим родным дядей, а брат твой убил его в битве. Я же вас не трогал и молча стерпел гибель всего рода Раваны. Но вы, Рагхавы, все подлы и нечестивы. Весь ваш род, всю семью вашу я уничтожу. Что же, если ты сам ищешь поединка, я готов с тобой сразиться. Только у меня нет с собой оружия. Подожди меня здесь, я пойду за оружием, а когда вернусь, я вступлю с тобой в единоборство». Но Шатругхна не согласился. «Вступай в бой, кровожадный ракшас, — сказал ему Шатругхна, — или я отправлю тебя в царство Ямы!» Тогда могучий ракшас стал смиренно упрашивать Шатругхну подождать его, пока он будет ходить за оружием в Мадхувати. Но Шатругхна сказал ему: «Мой брат, могучий Рама, освободил небожителей от страха перед кровожадным Раваной, а я освобожу благочестивых подвижников и жителей Мадхувати от страха перед тобою. И твоё царство, которое ты захватил несправедливыми деяниями, станет отныне моим царством!»

Слова Шатругхны привели Лавану в ярость, он вырвал с корнем из земли могучее дерево и, как копье, метнул его в ненавистного ему брата Рамы. Но не долетело дерево до Шатругхны, стрелы его раздробили огромное дерево в щепки. Лавана же стремился к победе. Сотни, тысячи деревьев вырывал он из земли, пытаясь сокрушить Шатругхну, но все усилия его были тщетны. Тогда Лавана схватил огромное дерево, приблизился к Шатругхне и, изловчившись, ударил его по голове с такой силой, что отважный сын Дашаратхи распростерся на земле недвижимым.

Страшно стало благочестивым подвижникам, наблюдавшим за битвой, и обратились они с мольбой к всемогущему Брахме помочь доблестному Шатругхне. И великий Брахма согласился. Он вселил в Шатругхну новые силы, и сын Дашаратхи вновь вступил с Лаваной в единоборство. Натянул Шатругхна свой могучий лук, и огненная стрела Вишну насквозь пронзила сердце злобного владыки Мадхувати. Лавана рухнул на землю, забился в предсмертных корчах и отправился в царство Ямы.

И радость воцарилась на земле, и возликовали боги; ясный свет залил поле битвы, а с неба посыпались цветы на доблестного Шатругхну. Великий Индра и вместе с ним все небожители спустились с небес на поле битвы, и царь небес обратился к Шатругхне с такими словами: «Скажи мне, отважный сын Дашаратхи, что тебе желанно, ты заслужил сегодня любой дар». И Шатругхна, приложив ко лбу ладони, низко склонился перед Индрой и сказал: «Да будет великий город Мадхувати столицей моего царства!» И желание Шатругхны было исполнено.

Так Шатругхна, могучий сын Дашаратхи, стал править царством в Мадхувати, и все жители столицы, все горожане, все жители отдаленных селений были довольны своим государем, а дома их день ото дня богатели. Двенадцать лет правил Шатругхна своим государством, а на тринадцатый год затосковал он и решил навестить Айодхью, в которой жили его любимые братья. Он взял с собой небольшое войско и отправился в Айодхью, и Рама встретил его с великой радостью.

И вот однажды, когда Рама сидел в своем чертоге на золотом троне государей Айодхьи в окружении своих братьев, друзей и советников, он сказал своим друзьям и братьям, что решил принести коня в жертву богам, дабы все знали, что государь Айодхьи достиг на земле высшей власти. Радость охватила всех собравшихся в чертоге, и громкими кликами они выразили государю свое одобрение. Тотчас же помчались гонцы во все подвластные Раме царства, к друзьям Рамы, Сугриве и Вибхишане, в ближние и дальние леса к благочестивым подвижникам. Гонцы везли им приглашения прибыть в Айодхью на великий праздник.

В лесу Наймиша мудрый Васиштха и его помощники воздвигли большой алтарь, чтобы принести на нем в жертву богам прекрасного коня. И отовсюду потянулись люди в столицу государя Кошалы — под охраной большого войска на боевых слонах и колесницах ехали в Айодхью державные владыки и прославленные воители, ехали туда благочестивые брахманы, шли жители дальних городов и селений. Пришел в сто-

лицу Рамы и Вальмики со своими учениками, и были среди них юные сыновья Ситы — Куша и Лава.

Вальмики сложил в своей обители великую песню о чудесных подвигах могучего Рамы и обучил этой песне Кушу и Лаву. И когда пришли они в Айодхью, Вальмики сказал им: «Дети мои, ходите по городу и под звуки вины голосами звучными и нежными пойте людям песнь о подвигах Рамы. Пойдите к воротам дворца государя Айодхьи и спойте там эту песню. Может быть, Рама вас услышит и позовет в свои чертоги».

Когда прошла ночь и настало утро, Куша и Лава вышли на улицу Айодхьи и запели песню о подвигах Рамы. Мерно и сладостно звучал ее напев и трогал сердца тех, кто слышал ее.

Пение Куши и Лавы коснулось слуха великого Рамы, и царь Айодхьи позвал юных певцов в дворцовые покои. А затем он позвал к себе Вальмики, подвластных государей, ученых брахманов, почтенных старцев, умудренных жизнью; всех, кто был искусен в речи и письме; всех, кто умел слагать песни и играть на вине, прославленных певцов и музыкантов. И когда все собрались в царском чертоге, Рама повелел Куше и Лаве петь, и замолкли все, внимая певцам; только глаза гостей увлажнились слезами восхищения. И многие удивлялись тому, как похожи были юные певцы на великого Раму, государя Айодхьи.

Повинуясь наставлению Вальмики, Куша и Лава спели начало песни о Раме и замолчали. Рама, довольный услышанным, обратился к Лакшмане и сказал: «О сын Сумитры, подари певцам восемнадцать тысяч золотых монет и дай им все, что они захотят».

Но Куша и Лава не приняли царского дара: «Мы — отшельники, великий государь, мы живем в лесу; на что нам это богатство? Мы питаемся только плодами и кореньями, пьем только воду ключевую, и золота нам не надо». И удивились Рама и его гости их отказу. А потом Рама спросил у них: «Скажите мне, кто сложил эту песню, как зовут его, мудрого, искусного в речи?» Куша и Лава ответили властелину Айодхьи: «Вальмики сложил эту песню, в ней воспел он, о великий царь, твои деяния, и много дней пройдет, прежде чем мы допоем ее до конца. Если ты хочешь, о государь, мы споем ее тебе».

Много дней слушали Кушу и Лаву Рама, его братья и знатные гости. И когда умолкли певцы, закончив песню, понял Рама, что перед ним — сыновья Ситы. И Рама сказал, поднявшись с трона: «Пусть пошлют гонца за Вальмики. Пусть он поведаст здесь, что чиста дочь Джанаки передо мною и людьми, и расскажет о праведной ее жизни в лесной

обитатели. Пусть приведет он Ситу в мой дворец, и да услышат все ее клятву здесь, чтобы уже никогда не коснулось ее обвинение».

Гонцы поспешили к Вальмики и передали ему слова царя. И Вальмики отвечал им: «Скажите государю, что желание его будет исполнено!»

В назначенный день во дворце Рамы собрались цари и советники, жрецы, отшельники, горожане и сельские жители, воины, торговцы и ремесленники, обезьяны, медведи и ракшасы. Когда все собрались и сели на отведенные им места, согласно их рёду и обычаю, Вальмики вошел во дворец, и следом за ним шла Сита. Взор ее был опущен долу, руки сложены на груди; глаза ее были полны слез, мысли же обращены к Раме. Она вошла и остановилась посреди чертога; и красота ее поразила всех, и шепот восхищения пронесся по собранию.

Тогда Вальмики сказал, обращаясь к Раме: «О сын Дашаратхи, из боязни позора ты отрекся от Ситы и оставил ее в лесу. Ты страшился осуждения народа, о стойкий в обетах! Но Сита невинна и следует по стезе добродетели; она пришла сюда, чтобы очиститься клятвой и избавить тебя от злословия. Я же свидетельствую здесь, перед всеми, что она непорочна. Поистине, эти двое отроков — твои сыновья, о Рама! Если же слова мои лживы, да будет бесплодным тысячетелнее мое подвижничество!»

Рама сказал: «Всем ведома твоя правдивость и святость, о великий подвижник. Я знаю, что невинна Сита и что Куша и Лава — мои сыновья. Ни разу не усомнился я в чистоте моей супруги — и все же я отринул ее. Пусть же теперь перед собравшимися здесь она докажет свою невинность!»

И тогда сказала Сита, не поднимая головы и сложив ладони у груди: «Никогда никого, кроме Рамы, не было в мыслях моих. И если я сказала правду, да раскроет мне Мать-Земля свои объятия! Мыслью, словом и делом я всегда служила благу Рамы и чтала его одного как супруга. Если молвила я правду, да раскроет мне Мать-Земля свои объятия! Я невинна перед супругом моим и людьми, и если молвила я правду, да примет меня в объятия свои Мать-Земля!»

И Земля разверзлась на глазах у всех, и поднялся из нее драгоценный трон, сверкающий как солнце, несомый на головах чудовищных змей — нагов; на троне том сидела Притхиви, богиня земли. Она заключила Ситу в свои объятия, посадила ее рядом с собою на трон и исчезла с нею в подземных глубинах. С неба просыпался дождь благоухающих цветов, и земля сомкнулась над головами Ситы и ее матери.

Тогда раздались крики: «Невинна и непорочна Сита! Да славится вечно непорочная дочь Джанаки!» И народ возликовал, когда очистилась от хулы прекрасная Сита.

Только Рама был печален и безутешен. «Горе мне, — говорил он, и слезы струились из его глаз. — Еще никогда не знал я такого горя. Сита, прекрасная, как Лакшми, исчезла на глазах у меня. Когда ее похитил Равана и унес ее на свой остров в океане, я сумел найти мою супругу и вернуть ее. О Земля, верни мне мою Ситу! Я как потерянный без нее. Если ты не вернешь ее мне, я переверну тебя всю с твоими лесами и горами!»

И, тронутый его горем, явился Рама Брахма и сказал: «Не печалься, о великий воин. На небесах ты снова обретешь свою Ситу и вместе с нею — бессмертие и вечное блаженство».

С тех пор Рама уже не видел Ситу среди живущих. Он повелел искусному ваятелю сделать золотое изображение Ситы. До конца своих дней он не взял себе другой супруги и чтил ее золотой образ.

Прошли еще годы. Умерли Каушалья и Сумитра и соединились на небесах с Дашаратхой. Рама отрекся от царства, разделив его между сыновьями: Куше он отдал Кошалу, Лаве — Уттару. Он умер в лесу на берегу Сарайю и взошел на небо, где снова встретился с Ситой.

Куша основал город Кушавати в горах Виндхья, Лава — город Шравasti. И оба правили долго и счастливо.

Сказание о Кришне

Рождение Кансы

В былые времена в древнем городе Матхуре жил и правил благочестивый и кроткий государь по имени Уграсена. И была у него всего одна жена. Она была прекрасна лицом и телом, послушна и преданна своему супругу.

Однажды с дозволения государя отправилась она с подругами и служанками погулять в цветущий лес поблизости от Матхуры. Подруги и служанки царицы завели веселые игры, а государыня, задумавшись, незаметно забрела одна в чащу леса. Там увидел царицу злой и могучий ракшас.

Очарованный красотой юной государыни Матхуры, он задумал насладиться ею и для этого решил прибегнуть к колдовскому обману. Обернувшись царем Уграсеной, он вышел к ней навстречу, увлек на зеленую лесную поляну и склонил ее к любовным ласкам. А затем, когда ракшас утолил свое желание, он предстал перед царицей таким, каким он был, — огромным, уродливым и страшным.

Отчаяние и скорбь охватили супругу Уграсены, когда поняла она, что с нею приключилось. Она залилась горькими слезами и в гнев прокляла похотливого ракшаса тяжким проклятием. Тогда ракшас сказал царице: «Ты напрасно гневаешься на меня, прекраснобёдрая. У тебя до сей поры не было потомства, а я тебе подарил сына. Он вырастет отважным и могучим и подчинит себе всех окрестных государей. Сила его будет так велика, что даже боги будут его бояться. Да и роду он будет непростого. Его пращур, великий асура Хираньякашипу, некогда властвовал над тремя мирами».

Кончив речь, ракшас отвернулся от царицы и направился в глубь леса, а супруга Уграсены долго еще оставалась безутешной, оплакивая свою поруганную чистоту и непорочность. А потом горе ее постепенно утихло, и, поразмыслив, царица и вовсе успокоилась.

Вскоре на поляну прибежали подруги и служанки, увидели, что одежды на царице в беспорядке и, встревоженные, стали спрашивать, не случилось ли с ней какого-нибудь несчастья. Государыня сказала им, что на нее напала страшная обезьяна и так ее напугала, что она до сих пор не может оправиться от испуга. А затем все уселись на быстрые колесницы и благополучно вернулись в Матхуру, во дворец Уграсены.

В царских увеселениях и забавах время проходило быстро, и, когда наступил десятый месяц, царица разрешилась от бремени сыном. Родители назвали его Кансой.

Грозные предзнаменования сопровождали рождение Кансы. В тот час, когда появился на свет царственный младенец, в небесной вышине загрохотал гром, сверкнули молнии, затрясась земля, черные тучи заволокли яркое солнце, и непроглядная тьма окутала Матхуру, объяв ужасом души подданных царя Уграсены. Но эти страшные приметы, предвестники несчастья, не омрачили радости государя. Счастливый рождением долгожданного сына, он устроил богатый и веселый пир и пригласил на него соседних государей и знатных жителей Матхуры.

Царевич Канса рос всем на удивление очень быстро и уже в восемь лет обладал необычайной силой. А когда он возмужал, то стал в нем сказываться злой и жестокий нрав его истинной природы. Безо всякой жалости к людям он мог надругаться над ними, похищал у отцов и матерей малых детей и предавал их мучительной смерти. Горожане в страхе стали прятать своих сыновей и дочерей, чтобы уберечь их от жестокой казни.

На окрестных государей Канса водил походом войско Уграсены, разорял их города и селения, уводил в плен детей, мужчин и женщин. Уграсена попытался было унять своего свирепого сына. Сначала он убеждал его добрым словом, а потом пригрозил, что силой отвратит его от злонравия и дурных поступков. Тогда Канса пришел в неистовую ярость и, отрешив родного отца от власти, объявил себя верховным владыкой в государстве и стал править в Матхуре единодержавно.

И с той поры в стране воцарились беззаконие и несправедливость. Не только мирным горожанам и селянам, но и благочестивым брахманам не было отныне покоя. Канса разорял их обители, осквернял алтари для

жертвоприношений, запрещал возносить богам молитвы. Люди праведные предались печали, а ракшасы и асуры ликовали и толпами стекались в Матхуру, прославляя своего вождя и владыку Кансу.

И не стало больше на земле Матхуры правды и порядка. Люди прятались от асуров, ракшасов и Кансы в дремучих лесах и горных пещерах, и переполнилась Земля страданиями людскими. И тогда, не снеся бремени печали, обернулась Земля большой пятнистой коровой, и с мычанием и слезами отправилась она к великому Брахме и поведала ему о злодеяниях Кансы.

Со вниманием выслушал ее всемогущий Брахма и успокоил. Он сказал ей, что уже недалек тот день, когда великий Вишну, приняв людское обличье, придет к Земле и ее обитателям на помощь и освободит их от асуров, ракшасов и Кансы.

«Он родится в доме славных потомков Яду, — сказал ей Брахма, — и нарекут его Кришной. И будет у него старший брат по имени Баладева. Им станет Ананта, вселенский змей, на котором возлежит великий Вишну в часы благочестивых размышлений. Баладева будет Кришне верным спутником, другом и опорой, и оба они прославят подвигами свои имена во всей вселенной. Ты же ступай обратно, терпеливо неси свое бремя и жди предназначенного часа».

Небо предсказывает Кансе гибель

И вот однажды к Кансе пришел Девака, брат Уграсены, и сказал: «Государь, моя дочь Деваки уже выросла, и настала пора выдавать ее замуж. Но я не смею выбрать ей жениха без твоего мудрого совета и ожидаю, великий царь, твоих повелений».

Кроткая речь дяди пришлась по душе свирепому Кансе, и он, поразмыслив, велел выдать свою сестру замуж за Васудеву, сына Шурасены, повелителя Ядавов. Васудева был могучим и благородным воином, и Девака обрадовался выбору Кансы.

Тотчас, без промедления к Шурасене на многих колесницах отправилось пышное посольство с богатыми дарами, и Канса повелел послам сказать Шурасене, что государи Матхуры предлагают ему скрепить союзом Деваки с Васудевой их давнишнюю дружбу.

Владыка Ядавов встретил посольство Кансы с большим почетом. Всех послов поместили в роскошные палаты, порадовали щедрыми дарами и сердечным гостеприимством, а когда послы собрались в обратный путь, Шурасена велел сказать повелителям Матхуры, чтобы они ожидали вскоре жениха вместе с его родичами и друзьями.

Торжественно встречали жители Матхуры свадебный поезд с женихом Деваки. Город был чисто убран и празднично украшен; нарядные горожане радостными кликами приветствовали доблестного Васудеву, а в царском дворце гостей ожидал богатый и веселый пир.

В приданое Деваки Канса дал чудесный дворец в своей столице, множество рабынь, красивых, юных и прелестных; золоченые колесницы, украшенные драгоценными камнями; резвых коней, быстрых как

мысль; боевых слонов и богатые одежды, затканые серебром и золотом. И вот, когда закончился свадебный пир и все, гости и хозяева, вышли на дворцовое крыльцо, чтобы проводить молодых в их новое жилище, а Канса уже взялся было за поводья, чтобы самому вести колесницу Васудевы и Деваки, вдруг с небес раздался голос, обращенный к свирепому властителю Матхуры: «О Канса! Помни, что восьмой сын Деваки принесет тебе гибель. Смерть придет к тебе от его руки».

Голос смолк, и все затихли вокруг в страхе и тревожном ожидании несчастья. Разъяренный Канса, бросив поводья, вскочил на колесницу, схватил за волосы дрожащую от испуга Деваки и, стащив ее на землю, обнажил меч и закричал, подняв голову к небу: «Я вырву с корнем это проклятое ядовитое дерево, и оно уже никогда не сможет плодоносить. Я убью свою сестру Деваки немедля и безо всяких опасений буду править своим государством».

С этими словами Канса занес свой острый меч над головой несчастной Деваки и готов уж был исполнить свою угрозу, как Васудева упал ему в ноги и взмолился: «Не совершай греха, великий государь, не погуби свою сестру и свою душу. Я клятвенно обещаю тебе, владыка, что каждого сына, рожденного Деваки, я на второй день буду сам отдавать в твои руки, и в твоей воле будет поступить с ним так, как ты пожелаешь».

Клятва Васудевы успокоила Кансу, он опустил меч, вложил его в ножны и подумал: «В самом деле, зачем мне губить свою душу убийством Деваки. Лучше я предам смерти всех ее сыновей и тем избавлю себя от гибели, предсказанной небом». И повеселевший государь Матхуры сказал Васудеве: «Спасибо тебе, брат. Ты вовремя остановил мою руку и избавил меня от греха. Пусть живет твоя возлюбленная Деваки. Я желаю вам радости и счастья. Но клятву твою, Васудева, я принимаю и слову твоему верю».

Затем Канса простился с молодыми, а Васудева и Деваки отправились в свои палаты, и толпы жителей Матхуры с радостными кликами и добрыми пожеланиями провожали их колесницу до самого дома.

Рождение Баладевы

В радости и веселье быстро протекли девять месяцев у счастливых супругов Васудевы и Деваки, а на десятый месяц благородная царица разрешилась от бремени своим первым сыном. Верный своему нерушимому слову, горестный Васудева взял на руки младенца и отправился с ним во дворец Кансы. Представ перед грозным государем Матхуры, Васудева склонился перед ним в смиренном поклоне и сказал: «О владыка! Я принес тебе своего первого сына. Прими его и поступи с ним так, как пожелаешь».

Канса ласково встретил Васудеву и с улыбкой ему ответил: «Я вижу, доблестный витязь, что ты верен своему долгу и я могу на твое слово положиться. Мне твой первенец не страшен. Не он, а восьмой твой сын должен принести мне несчастье. Забирай своего сына обратно, отнеси его Деваки и живите, пока не пришел неотвратимый час, в спокойствии и довольстве». С этими словами властитель Матхуры отпустил обрадованного Васудеву, и тот, счастливый, вернулся домой с сыном, живым и невредимым, к своей любимой супруге.

Так прошло много лет. Каждый год прелестная Деваки радовала Васудеву новым сыном, и, когда супруги ожидали уже седьмого, навелся в гости к государю Матхуры божественный мудрец и вечный скиталец Нарада. Канса встретил его с великим почетом, одарил его драгоценными дарами, и, когда гость отведал предложенные ему яства и отдохнул после долгой дороги, Канса обратился к нему с вопросом: «Скажи, великий провидец, что привело тебя в Матхуру? Что я могу для тебя сделать? Ты — желанный гость в моем государстве. Приказывай, благословенный, и я, твой слуга, с радостью исполню все, что ты пожелаешь».

Нараде, однако, ничего не было нужно. Он пришел в Матхуру, чтобы пробудить в свирепом Кансе беспокойство, чтобы напомнить ему о грозном предсказании, которое сулило сыну Уграсены гибель от потомства Васудевы и Деваки.

«Ты напрасно, — сказал Нарада Кансе, — пощадил сыновей Деваки. Кто знает, который из них угрожает тебе смертью. Помни, Канса, что весь род Ядавов тебе враждебен, и каждого из них надлежит тебе опасаться. Пока все они живы, не может быть у тебя покоя».

Так сказал сыну Уграсены божественный мудрец Нарада и удалился из Матхуры, а свирепый Канса уже не мог найти себе места от охватившей его тревоги. Страх перед неотвратимой смертью сковал ему душу, и он уже стремился поскорее расправиться с сыновьями Васудевы и Деваки, предать их жестокой казни и истребить весь род Шурасены, не оставив в нем даже младенцев.

По его указу стражники направились в палаты Васудевы и Деваки, заковали несчастных супругов в железные оковы, заключили их в мрачную сырую темницу, а всех шестерых сыновей Деваки лишили жизни и отправили в страшное царство Ямы.

А затем безжалостные воины Кансы, кровожадные асуры и ракшасы, набросились на всех родичей Васудевы. Они жгли и разоряли их жилища, предавали смерти стариков, детей и женщин, и пришлось Ядавам бежать из окрестностей Матхуры, спасая от смерти жен Васудевы и их потомство. Одни бежали к панчалам и видарбхам, другие — к куру и видехам, третьи — в Бадж, к повелителю пастушьего племени Нанде, в вольный город Гокулу — его столицу. Там, в Бадже, нашли себе убежище и защиту прелестная Рохини и остальные жены Васудевы. Гостеприимный и радушный Нанда всех их принял у себя и приветил, отвел им удобные жилища, окружил их вниманием и заботой.

Так, в добром и веселом городе Гокуле, у благородного владыки пастухов Нанды, среди родных и друзей нашли себе отдохновение и оправились от пережитого страха прекрасные жены Васудевы.

А Деваки и Васудева между тем продолжали томиться в мрачной темнице и со страхом ожидали, что с ними будет дальше. По велению свирепого Кансы днем и ночью их сторожили кровожадные ракшасы со злыми псами и дикими львами. И никто не мог проникнуть к узникам без дозволения повелителя Матхуры. А он, обуянный страхом, уже не мог себе вернуть покоя и каждую стражу сам проверял, крепки ли на дверях темницы запоры, верно ли несут службу воины, надежно ли они стерегут Васудеву и Деваки.

В ту пору несчастная сестра Кансы снова ожидала сына, и не радостью, а великим страданием обернулось для нее материнство. С ужасом думала горестная Деваки о том, что вскоре беременность ее станет явной и не уберечь ей будет тогда свое дитя от жестокой казни. Но не ведала благородная супруга Васудевы, что боги не позволяют Кансе погубить ее седьмого сына.

И верно. Однажды ночью в темницу к царственным узникам явилась богиня Амбика, Великая Мать, тайно вынула плод из спящей Деваки и той же ночью вложила этот плод в лоно Рохини, второй жены Васудевы, которая мирно спала в своей опочивальне в городе Гокуле под защитой радушного владыки пастухов Нанды.

А когда наутро Деваки проснулась и не нашла у себя под сердцем дитя, которое она носила, то несказанно удивилась такому чуду. И она то радовалась тому, что случилось, то горевала. А на следующую ночь боги послали Васудеве и Деваки сновидение и в том сне поведали им, что дитя их не погибло, что Рохини приняла его в свое лоно и не грозит ему отныне казнь от руки повелителя Матхуры. Счастливые и успокоенные, проснулись поутру Васудева и Деваки и вознесли богам благодарственные молитвы.

Когда пришло положенное время, прелестная Рохини родила в Гокуле чудесного младенца, которого потом нарекли жрецы Баладевой. В честь новорожденного сына Васудевы пастухи и пастушки из вольного племени Нанды устроили веселый пир и пением и плясками порадовали счастливую Рохини и радушного и щедрого владыку пастухов Нанду.

Тем временем Васудева и Деваки продолжали томиться в своей темнице. Медленно и тоскливо тянулись безрадостные дни и бессонные ночи, и будущее не сулило им отрады.

Рождение Кришны

И вот однажды наступило время, которого с таким страхом ожидал свирепый повелитель Матхуры. Деваки зачала восьмого сына. С той поры она день ото дня становилась все краше и краше. Красота ее светилась во мраке темницы, как пламя светильника, горящего в глиняном сосуде. И когда Канса увидел, как расцвела Деваки, он совсем лишился покоя и, удвоив стражу у темницы, с нетерпением ждал того часа, когда палач покончит с очередным отпрыском Васудевы.

И вот наконец пришла ночь, когда сестра свирепого повелителя Матхуры должна была подарить своему супругу еще одного сына. В ту ночь ярко сияли на небесах звезды, и земля с ее горами и лесами, реками и озерами, пашнями и садами была тиха и прекрасна. Водоемы полны были рыбой, луга — цветами, леса — дичью и зверем; тихий ветер напоен был запахом цветущих трав и деревьев. В поднебесье звенели песни гандхарвов, небесных певцов и музыкантов, и апсары кружились в веселом танце. В эту ночь на свет появился восьмой сын Деваки и Васудевы.

Когда они взглянули на свое новорожденное дитя, то, онемев, пали перед ним на колени и воззрились на него в испуге и изумлении. Это был удивительный младенец. У него были глаза, подобные лепесткам лотоса, и рук у него было не две, а целых четыре. В одной из них он держал раковину, в другой — булаву, в третьей — остро отточенный диск, а в четвертой — цветок лотоса. На груди его виднелся чудесный знак, имеваемый шриватса; на шее — ожерелье со сверкающим драгоценным камнем Каустубха; тело было покрыто голубым одеянием, руки и ноги

были украшены дивными браслетами, и весь он был в золотистом сиянии, как облако в лучах восходящего солнца.

Всего лишь мгновение созерцали Деваки и Васудева явившееся им чудо, а уже в следующий миг перед ними лежало обыкновенное новорожденное человеческое дитя. Но чудесное видение навсегда запало им в душу, и открылось тогда Васудеве и его супруге, что боги, видно, избрали прекрасное лоно Деваки, чтобы одарить людей и землю воином небывалым, великим и всемогущим. И потому тревога за жизнь их последнего, восьмого сына стала еще тягостнее и сильнее.

Васудева схватил на руки сына и, позабыв, что он в прочно запертой темнице, бросился к дверям, толкнул их со всей силой, и снова несчастным пленникам Кансы открылось чудо. Боги опять пришли им на помощь. Амбика погрузила в непробудный сон свирепую стражу, двери темницы перед Васудевой отворились, и он без препятствий вышел на волю. Затем боги внушили Васудеве мысль бежать в Гокулу, к радушному Нанде и его жене Яшодде, которая в эту ночь разрешилась от бремени младенцем.

Васудева с сыном на руках прошел через всю Матхуру к городским воротам, миновал спящую стражу, спустился к берегу быстротекущей и грозной водоворотами Ямуны, и воды реки расступились перед сыном Шурасены. Посуху перебрался он на другой берег и устремился к Гокуле, ко дворцу Нанды. И здесь, так же как в Матхуре, все крепко спали, погруженные в сон Амбикой, великой и всемогущей.

Васудева прошел в опочивальню Яшоды, положил рядом с ней на ложе сына, взял на руки девочку, рожденную этой ночью супругой Нанды, и тем же путем вернулся в свою темницу. Он отдал дитя ожидавшей его Деваки, и двери темницы за ними снова накрепко замкнулись.

В глубоком сне разрешилась от бремени Яшода, и только утром узнала, каким ребенком наградили ее боги. И когда поутру, проснувшись, она взглянула на дитя, рожденное ею, то от души порадовалась, что боги даровали ей не дочь, а сына. Великой радости преисполнился и Нанда. Долгие годы прожили они с Яшодой без потомства, и наконец-то родилась у них наследник.

Между тем в Матхуре, стольном городе Кансы, воины, сторожившие Васудеву и Деваки, очнулись от долгого ночного сна только на рассвете, разбуженные громким детским плачем. Этот плач доносился из темницы, в которой томились сын Шурасены и его супруга. Встрево-

женные стражи поспешили в царский дворец, разбудили государя и поведали ему, что слышали плач младенца в темнице.

Владыка Матхуры до конца их не дослушал, в тревоге вскочил со своего ночного ложа и устремился к дому заточения Васудевы и Деваки. В великом страхе бежал Канса к темнице и думал о том, что пришел наконец его смертный час, давно предсказанный ему небом.

И едва вступил он дрожащими ногами на порог темницы, как его сестра, несчастная Деваки, обратилась к нему с жалостливой речью. «Государь, — сказала она Кансе, — взгляни, это дитя — твоя племянница по крови. Зачем тебе лишать ее жизни? Ведь дочь, а не сына родила я нынешней ночью. О брат мой! Все сыновья мои сгнули, будто слизнуло их огненное пламя. Но такова уж была их несчастная доля. Неужто это дитя может быть для тебя опасно? Я прошу тебя, государь, сохранить ей жизнь. Ты погубил всех моих детей, так не лишай меня хоть этого — последнего ребенка». И горестная Деваки прижала новорожденную дочь к своей груди, укрывая ее от глаз безжалостного Кансы.

Но свирепый государь Матхуры не внял мольбам несчастной супруги Васудевы. Он силой оторвал дитя от груди Деваки, схватил плачущего младенца за ноги и размахнулся, чтобы разбить его голову о камень, да дитя вдруг выскользнуло из рук Кансы и сквозь внезапно раскрывшиеся своды темницы поднялось высоко в небо. И застывшие от изумления Канса и Деваки, Васудева, стражники и городской люд, поднявшийся спозаранку, увидели в поднебесье не дитя, а богиню, облаченную в прекрасные одежды, украшенную цветами, золотыми браслетами и драгоценными камнями. Много рук было у богини, и держала она в руках лук, стрелы, трезубец, меч, щит, диск и палицу, окованную крепким железом. А вокруг нее толпились сиддхи и чараны, гандхарвы и апсары и хором восхваляли прекрасную богиню.

Обратясь к Кансе, богиня промолвила из поднебесья: «Ну что, злодей, не удалось тебе со мной покончить? Видно, тот, кто принесет предсказанную тебе гибель, родился не здесь, а где-нибудь в другом месте. Так что ты остерегись впредь убивать понапрасну ни в чем не повинных младенцев».

Так сказала свирепому Кансе богиня и удалилась в небесное царство. То была Амбика, Великая Матерь. Это ее, обернувшуюся ребенком, родила прошлой ночью Яшода, супруга благородного Нанды. На нее-то и обменял Васудева своего восьмого сына. Но властитель Матхуры

ничего этого не ведал. Полный изумления, раскаяния и страха, он тотчас велел освободить от оков Васудеву и Деваки и обратился к ним с горестной речью: «О сестра! О брат мой! Я погубил ваших сыновей и подобен людоеду, пожравшему собственных детей. Жестокий нравом, я не ведал жалости и сострадания к другим людям. Я злобен, ревнив, завистлив, и все друзья и родичи мои меня проклинают. И неведомо мне, что ждет меня после моей кончины. Тяжкий грех, убийство брахманов, тяготееет надо мною. Но не знал я, что и небожители, как смертные люди, могут говорить неправду. Я поверил, окаянный, их предсказаниям и лишил жизни сыновей моей кровной сестры Деваки.

О Васудева и Деваки! Вы оба благородны, благочестивы и полны доброты к людям. Простите же мне мои проступки».

И Канса, свирепый предводитель кровожадных ракшасов, с плачем и слезами склонился к ногам своей сестры и ее супруга. Раскаяние и слезы Кансы растрогали Васудеву и Деваки, и они не стали держать против него зла на сердце. И, подарив ему свое прощение, они покинули темницу и направились в свои дворцовые палаты.

А на следующее утро, едва только ночная тьма отступила, Канса призвал к себе во дворец своих советников и полководцев, и поведал им о том, что случилось с ним в тюремной темнице и что сказала ему Амбика, Великая Мать, и стал спрашивать у них совета.

Лукавые дайти, извечные соперники богов, выслушав рассказ государя, сказали: «Если все, что ты поведал нам, владыка, правда, то не мешкая надо предать смерти всех младенцев, которым от рождения дней десять или чуть поболее. Пусть отправятся твои воины немедленно во все города и селения, во все хижины лесные и предадут всех недавно рожденных безжалостной казни. Только тогда ты сможешь быть спокойным. И нет нужды тебе, великий царь, страшиться угроз и гнева трусливых обитателей небесного царства. Стоит тебе только натянуть твой могучий лук и положить стрелу на тетиву, как они, скинув пояса и одежды, побросав оружие и колесницы, побегут с поля битвы, охваченные страхом, и будут искать спасения в потайных норах и пещерах. Так стоит ли нам думать о них, об этих трусах, которые так любят похвастаться своей храбростью и мощью, когда им не грозит опасность? Что может нам сделать Вишну, который всегда прячется от всех в никому не ведомых убежищах? Какой вред может причинить нам Шива, который вечно ищет уединения на заброшенных погребальных пепелищах и в диких лесных чащобах? Нам ли

бояться Индру с его жалкой силенкой? Или, быть может, Брахму, которого ничто не может отвлечь от его суровых покаяний? Боги, великий государь, неуязвимы там, где им приносят жертвы. Так уничтожим всех брахманов и подвижников, порушим их алтари и храмы, все святые обители, лишим небожителей жертвоприношений, и они потеряют все свои силы».

Канса со вниманием слушал речи своих приближенных. Их советы пришлись ему по нраву, и, поразмыслив, он повелел своим советникам и полководцам разослать войска во все города и селения государства, предать огню и разрушению все обители и храмы, а брахманов и новорожденных младенцев подвергнуть лютой казни.

Убиение Путаны

И тотчас же по указу свирепого и коварного Кансы из ворот Матхуры вышло грозное войско и направилось исполнять жестокую волю государя.

А в город Гокулу, столицу благочестивого Нанды, Канса послал страшную и кровожадную ракшаси, пожирательницу детей Путану. Эта ракшаси владела колдовским искусством, могла по своей воле принимать любое обличье, умела подниматься, как птица, в поднебесье, а на земле перелетать с одного места на другое.

И вот однажды ночью Путана прилетела в Гокулу, опустилась на землю, обернулась красавицей, приветливой и юной, и рано утром пошла в город. Волосы у нее были искусно уложены и украшены цветами жасмина, в ушах сверкали драгоценные серьги, на шее блистало ожерелье, на губах сияла чарующая улыбка; грудь у нее была тяжела и упруга, бедра — округлы, а стан был тонкий и гибкий, как тростинка. Прекрасная, как Лакшми, богиня счастья, Путана шла по улицам столицы Нанды, а жены пастухов не сводили с нее глаз, дивясь ее красоте, драгоценностям и роскошному одеянию.

Провожаемая восхищенными взглядами подданных Нанды, Путана приблизилась ко дворцу государя, прошла незаметно мимо стражи и проникла во внутренние покои. Там она увидела царевича, который лежал, прикрыв глаза, в своей колыбели, и взяла его к себе на руки. Сердце в груди Путаны было подобно острому мечу в ножнах, но с младенцем на руках она казалась прекрасной, милосердной и чадолубивой. И когда мамки царского сына вдруг увидели царевича на руках у Путаны, то оцепенели от изумления и не могли вымолвить ни слова. А Путана, положив

младенца на колени, обнажила грудь и вложила упругий сосок, помазанный страшным ядом, в уста ребенку.

Царевич сжал губами сосок, крепко схватил руками грудь Путаны и едва принялся сосать, как ракшаси ощутила в груди такую боль, что дыхание у нее прервалось и кровавая испарина покрыла ее тело. Теряя силы, Путана опрокинулась на спину, раскинула в стороны руки и ноги, и страшный вопль вырвался у нее из горла: «Отпусти меня! Отпусти меня!» Этот громовый крик до основания сотряс и землю, и горы, и небесные пределы, и гулкое эхо отозвалось со всех сторон света, и люди в страхе пали на землю, решив, что это Индра обрушил на них свои грозные стрелы.

Сознание Путаны помрачилось от нестерпимой боли, рот широко раскрылся в смертной зевоте, руки и ноги стали ей непослушны, а ложная красота ее вдруг исчезла, и к ракшаси вернулось ее настоящее обличье. И было оно, воистину, ужасно.

Голова ее была покрыта всклокоченными красными волосами; в широкой пасти торчали длинные острые зубы, ноздри ее носа были глубоки и темны, как пещеры, а туловище огромно, как горная вершина; одной руки или ноги Путаны было довольно, чтобы перегородить реку, а ее запавшее ненасытное брюхо было как озеро, пересохшее от зноя; ягодицы же у ракшаси были как крутые берега морские, и глядеть людям на поверженную Путану было омерзительно и страшно.

Когда пастухи опомнились от изумления и испуга, они заметили царевича, беззаботно игравшего на груди Путаны, и, охваченные ужасом и тревогой за жизнь царственного младенца, поспешно отнесли его к Яшодe. А чтобы не случилось с царевичем какой-нибудь напасти, женщины из вольного племени Нанды принялись совершать очистительные обряды. Сначала они помахали над головой царевича хвостом коровы, потом коровьей мочой омыли его тело и посыпали порошком из истолченного коровьего копыта, а затем, обмакнув пальцы в коровий помет, начертали ими двенадцать имен Вишну на двенадцати частях тела младенца. Так они оградили сына Яшоды от порчи, дурного глаза, болезней и несчастия.

Тем временем из Матхуры в Гокулу вернулся Нанда и с удивлением воззрелся на чудовищный труп Путаны, который, как гора, возвышался в государевых покоях. Царь потребовал от своих подданных ответа, и пастухи с волнением поведали Нанде о том, что случилось в его столице, пока сам он был гостем благородного Васудевы. Они рассказали ему про то, как ракшаси вошла в Гокулу в обличье юной прелестной девы, как

вступила она в государевы покои, обманув стражу, как пыталась покорить грудью царского сына и как внезапно скончалась, будто дитя в один миг высосало из нее всю ее силу и жизнь.

С изумлением слушал Нанда рассказ о происшедшем чуде и вспоминал о том, как предостерегал его в Матхуре Васудева о кознях коварного Кансы, замыслившего истребить всех новорожденных младенцев. И, видя своего сына живым и невредимым, владыка Гокулы радовался тому, что опасность, грозившая царевичу, миновала, и строго повелел мамам, нянькам и ближним людям пуще глаза своего беречь сыновей Рохини и Яшоды. А затем Панда приказал пастухам убрать из дворца мертвую Путану и предать ее останки погребальному обряду.

Вскоре по случаю рождения царского сына в государевом дворце устроили большой и веселый праздник. На него сошлись званые Яшодой гости: знатные соседи Нанды, пастухи, их жены и мудрые брахманы, знатоки старинных обычаев и обрядов. В тот праздничный и веселый день во дворцовых покоях с самого утра играли музыканты и пели песни певцы и певицы. Под звуки музыки и песен мамы и няньки совершили торжественный обряд омовения царского сына, а брахманы пропели над его колыбелью священные мантры, ограждающие от несчастия, и благословили царевича на долгую и славную жизнь. А затем начался обильный пир, и все гости ели, пили, славил радушие гостеприимных хозяев и желали им благополучия и счастья, а благородный Нанда, радуясь общему веселью, щедро наделял гостей яствами, цветами и богатыми дарами.

Пока гости веселились и пировали, царевич тихо уснул в своей колыбели, и его унесли во дворцовый двор, укрыв от солнца под большой повозкой. А когда пришло положенное время, голод пробудил царского сына, и он громко заплакал, требуя себе пищи. Государыня же, потчует гостей, про сына на время позабыла и пробуждение его не углядела. А царевич, не найдя близ себя груди Яшоды, закричал громко и нетерпеливо и в гневе воздел кверху свои ножки, нежные, как лепестки коралла, и задел ими днище повозки. От прикосновения ног младенца большая повозка взлетела вдруг высоко в воздух, перевернулась и с грохотом упала на землю далеко в стороне от колыбели, сокрушив на куски колеса, дышла, ярмо и стоявшие в повозке сосуды с напитками, вкусными и хмельными. И собравшиеся во дворцовом дворе, и с ними Нанда и Яшода, изумились, увидав, как тяжелая большая повозка будто сама собой вдруг взвилась высоко в небо, и не могли взять в толк, что же было

тому причиной. И только мальчики, сыновья пастухов и пастушек, весело игравшие в дворцовом саду государя, видели, как все это случилось, и сказали людям, что это царевич подбросил повозку в небо, толкнув ее ногами. Но им никто не поверил. И мудрено же было поверить, когда самые сильные воины Нанды с великим трудом сумели поднять повозку и водворить ее на прежнее место.

Когда все наконец оправились от удивления и испуга, Яшода взяла на руки сына, досыта его накормила и велела брахманам еще раз вознести богам молитвы, чтобы отвести от царевича всяческие беды и напасти. Брахманы охотно исполнили повеление Яшоды, а благородный Нанда щедро одарил их. Он дал им великое множество коров, прекрасные одежды и дорогие украшения из серебра и золота. Вскоре гости, простившись с радушными хозяевами, отправились по домам, а Нанда и Яшода с еще большим усердием принялись блюсти и пестовать своего удивительного сына.

Нападение и гибель Тринаварты

Вскоре после веселого праздника в столице Нанды прелестная Яшода вышла как-то раз с царевичем в цветущий дворцовый сад. Царица ласково играла с сыном и забавляла его и вдруг почувствовала с испугом и удивлением, что царевич с каждым мгновением становится все тяжелее и тяжелее и наконец стал таким тяжелым, будто на руках она держала не новорожденного младенца, а каменную гору. Боясь уронить дитя, Яшода поспешно опустила его на землю и стала сзывать дворцовых брахманов, искусных в исцелении недугов. И неведомо было встревоженной супруге Нанды, что в саду ее притаился страшный асура Тринаварта, посланный властителем Матхуры, чтобы погубить ее единственного сына. И пока испуганная Яшода, скликая брахманов, ненадолго оставила царевича без присмотра, Тринаварта тотчас обернулся могучим воздушным смерчем и, подхватив младенца, вихрем унес его из дворцового сада.

С пронзительным свистом пронесся черный крутящийся смерч по улицам Гокулы, окутав ее тьмой и ослепив жителей столицы клубами пыли. И страшный гром раздался над городом, сотрясая стены домов и храмов, и гулкое эхо отозвалось со всех сторон света. А горестная Яшода с засыпанными песком глазами металась из стороны в сторону в поисках сына, как корова, потерявшая теленка, и, не найдя царевича на прежнем месте, упала на землю, обливаясь горячими слезами.

Тем временем черный смерч вылетел за пределы столицы Нанды и взвился высоко в поднебесье, но там, в воздушных просторах, могучий вихрь стал терять свои силы. Необычайная тяжесть младенца, повисшего на шее Тринаварты, неодолимо тянула асуру вниз, и ему казалось, что на шее у него висит не дитя, а огромная горная вершина. И тогда Тринаварта, опасаясь за свою жизнь, задумал сбросить сына Яшоды на землю, но не смог разжать

младенческие руки, сомкнувшиеся у него на шее. И чем больше старался освободиться Тринаварта, тем сильнее руки царевича сжимали ему горло. Могуций асура стал слабеть и задыхаться, глаза его выпучились от удушья, и, вконец обессилев, бездыханным он рухнул с поднебесной высоты на землю. Тело его при падении ударилось о камень, и жизнь навсегда покинула Тринаварту.

И тотчас рассеялась тьма, утихли ветры, улеглись тучи пыли, небо над городом прояснилось, и жители Гокулы, мужчины, женщины и дети, устремились туда, где лежал поверженный воин Кансы. Как горный утес, возвышалось его тело над жилищами пастухов из вольного племени Нанды, и людям казалось, что перед ними лежит сам великий асура Трипура, сраженный в давние времена смертоносными стрелами грозного Рудры.

Пастухи, дивясь, со всех сторон оглядывали Тринаварту, неожиданно свалившегося с неба, и вдруг с изумлением увидали, что у него на груди живой и невредимый лежит сын Яшоды, которого искали и нигде не могли найти верные слуги Нанды. Пастухи поспешили вернуть царевича государыне и государю, и все подданные Нанды радовались и удивлялись чудесному избавлению младенца от страшного асуры-оборотня.

«Только великий Вишну мог совершить такое чудо, только он один мог спасти младенца из пасти неотвратимой смерти», — уверяли друг друга ликующие пастухи и пастушки и возносили Хранителю Мира благодарственные молитвы.

И лишь один Нанда оставался мрачным и печальным среди всеобщего веселья. Ему вспомнились тревожные предостережения Васудевы и все опасности, выпавшие на долю его новорожденного сына, и тяжкая забота о том, как уберечь царевича от коварных происков Кансы, томила его душу.

А его супруга, прелестная Яшода, уже не думала о том, что было. Счастливая, она держала на руках своего единственного сына, снова ставшего таким же легким, как прежде, и кормила его грудью. Проголодавшийся царевич с жадностью насыщался живительной и благодатной пищей, безмятежно улыбался и, наевшись, вдруг широко раскрыл рот в сонной зевоте. И в зеве младенца государыня явственно увидала всю Вселенную с небесной твердью, поднебесьем и просторами земными. В небе том сияли звезды и светила, солнце ярко освещало воздушные пределы и всю огромную землю с горами, долами, лесами и морями.

Необыкновенное видение и встревожило и смутило Яшоду; сознание у царицы помрачилось, и в страхе она зажмурила свои очи. А когда государыня снова отважилась взглянуть на лик своего сына, чудесное видение уже исчезло, а дитя, сомкнув губы, тихо и спокойно почивало.

Однажды в Браджд, царство благородного Нанды, пришел Гарга, жрец и наставник Ядавов, посланный в Гокулу Васудевоу. Владыка пастухов встретил его у входа в свои чертоги, почтительно склонился перед ними, сложив перед своим лицом ладони, и предложил мудрецу отдых, еду и воду. Когда Гарга отдохнул и утолил голод и жажду, Нанда обратился к нему с такими словами: «Я рад твоему приходу, благочестивый брахман, и готов исполнить любую твою просьбу. Велика твоя слава и на земле, и в небесных пределах, и все люди чтут твою ученость. Тебе ведомо все о небесном своде, о светилах, о звездах и о тех планетах, которых не воспринимают земные людские чувства. Ты подчинил себе все желания и страсти, и все сокрытое в мире тебе известно. Ты знаешь, что сыновьям Рохини и Яшоды уже давно пора выбрать имя, и мы ждали твоего прихода, чтобы совершить положенные обряды».

Гарга выслушал со вниманием повелителя Браджда и так ему ответил: «О благородный царь, всем на земле известно, что я главный жрец в роду славных потомков Яду. И если я стану совершать те обряды, которые тебе потребны, все подумают, что твоих сыновей родила царица Ядавов Деваки, что ты только приютил их из дружбы к Васудеве. А у Кансы разум злой, недоверчивый и пытливый, и душа его давно уже неспокойна. Он навсегда запомнил все, что сказала ему Амбика, Великая Мать, и, размышляя о сказанном ею денно и нощно, укрепился в мысли, что твой сын и есть то восьмое дитя Васудевы, которое должно принести ему гибель. И если Канса, дознавшись, его погубит, всех нас ожидают великие несчастья».

И все же Нанда уговорил Гаргу совершить тайно необходимые обряды, ибо ему и самому не хотелось, чтобы не он, а другой жрец нарек имена сыновьям Рохини и Яшоды. И тогда праведный Гарга в строгой тайне исполнил положенные обычаем обряды. Он сказал: «Юный сын благородной Рохини обладает неизмеримой силой и потому нарекается Баладевой. Он всегда будет приносить людям радость и утешать их печали, и посему они будут звать его еще и Баларамой. Будет у него и третье имя — Санкаршана, что значит „Извлеченный“, ибо Амбика, наша Великая Матерь, извлекла его из лона Деваки и тайно в лоно прелестной Рохини вложила.

А чудесный сын Яшоды в своих прежних рождениях, в другие юги, был белым, красным и желтым. Теперь же он родился на земле черным и потому нарекается Кришной. И да будет вам всем известно, что родила его кроткая Деваки от доблестного Васудевы, и поэтому люди станут называть его по отцу еще и Васудевой. И пусть не ведает об этом свирепый Канса, и да хранят боги Кришну от всяческих напастей. Кришна принесет твоему племени, благородный владыка, радость и счастье и охранит его от нищеты, невзгод и болезней».

После наречения имен сыновьям Васудевы Гарга попрощался с Нандой и пастухами и удалился в свою обитель.

Время младенчества у сыновей Васудевы прошло очень быстро, и вскоре Кришна и Баладева стали уже ползать по полу на четвереньках. Им очень хотелось переползти порог и выйти вслед за взрослыми на волю, но на улице все было им незнакомо, они пугались и быстро ползли обратно к матерям под защиту. А затем через некоторое время и Кришна и Баладева научились вставать на ноги и крепко на них держаться и увлеклись играми своих сверстников, сыновей пастухов и пастушек. Они любили хватать телят за хвосты и дергать, пить тайком из горшков топленое молоко и простоквашу, черпать рукой из сосудов свежесбитое масло и делиться с обезьянами украденной пищей. Жены пастухов весело смеялись, глядя на шалости сыновей Рохини и Яшоды, и любовались их прелестью и красотой. Но Кришна любил не только невинные шалости, ему очень нравилось и проказить. Когда женщины доили коров или сбивали масло, он тайком пробирался в дома, пугал малых ребятшек, пробивал в сосудах с молоком и сметаной дырки, выпускал телят из загон и только смеялся, когда пастухи и пастушки выговаривали ему за его проступки. Они часто жаловались на него Яшоды, и тогда он так пугался и так просительно смотрел на Яшоду, что она не в силах была на него сердиться.

Но однажды Кришна не на шутку разгневал кроткую супругу Нанды. Это было в тот день, когда Яшода принялась сбивать масло. Утомленный играми с товарищами, Кришна почувствовал голод и прибежал к Яшодe. Она обрадовалась его приходу, усадила его к себе на колени, дала ему грудь, полную живительной влаги, и забыла про все на свете. И вдруг Яшода услышала, что молоко из сосудов, стоявших на огне очага, побежало. Она кинулась спасать молоко и оставила сына недокормленным и голодным. Раздраженный тем, что его лишили желанной пищи, Кришна разбил горшок, стоявший с ним рядом, и стал насыщаться маслом, черпая его пригоршней. А потом ему стало жаль обезьян, которые заглядывали в окна и смотрели на него голодными и алчными глазами. Тогда Кришна забрался на край большой ступы, придвинув ее сначала к окнам, и стал наделять обезьян маслом.

Когда это увидела Яшода, то гнев охватил ее добрую душу, и она решила прутом наказать напроказившего сына. Но Кришна не дался ей в руки, убежал от ее гнева, и Яшода с трудом его догнала. И вот тогда она решила сначала привязать веревкой к ступе и потом уж наказать как следует своего непослушного сына.

Яшода взяла крепкую веревку и принялась привязывать сына к ступе, но ей двух вершков веревки не хватило. Тогда Яшода надвязала веревку, и снова ей двух вершков не достало. Разгневавшись, Яшода собрала все свои веревки, связала их вместе, опоясала кольцом Кришну и только стала вязать его к ступе, как оказалось, что опять ровно двух вершков не хватает. Тогда по приказу Яшоды пастушки собрали все имевшиеся в Гокуле веревки, принесли их супруге Нанды, связали их вместе, и опять двух вершков не хватило. И сколько царица и пастушки ни старались привязать Кришну к ступе, им это никак не удавалось — все время веревка на два вершка оказывалась короче, чем нужно. Они, изумленные происшедшим, измучились вконец и сердились и никак не могли взять в толк, почему это происходит. А Кришна, видя их муки, улыбался.

Сердитая царица и пастушки в своих стараниях привязать ребенка к ступе совсем утомились, одежды на них взмокли от пота, волосы их растрепались, украшения упали на пол. И тогда прошла у Кришны обида на Яшоду, и он позволил ей привязать себя к ступе. И тут-то царица и пастушки убедились, что вовсе им не нужно было надвязывать веревку.

Когда Яшода наконец привязала Кришну к ступе, она ушла отдохнуть во внутренние покои, а царевич стал смотреть на два высоких дерева, стоявших неподалеку от дома. Эти два дерева пастухи называли Ар-

джуна и Ямала. Когда-то эти деревья были сыновьями Куберы, Хранителя Мира, и звали их раньше Налакубара и Манигрива. Они превратились в деревья, когда их проклял божественный мудрец, вестник богов, Нарада.

Когда-то сыновья Куберы, преданные почитатели Шивы, были молоды, красивы и богаты. Они любили хмельные напитки, песни, пляски и веселое застолье. И вот как-то раз они веселились с двумя прекрасными апсарами в чудесной роще на склоне горы Кайласа. Апсары пели песни и танцевали, а хмельные сыновья Куберы ими любовались. А потом они спустились на берег могучей Ганги и все вместе, нагие, стали забавляться в светлых водах дочери Химавата. И случилось так, что Нарада, великий провидец, шествовал своим путем по берегу Ганги и увидел их игры и забавы. Заметив Нараду, апсары застыдились, поспешили к берегу и прикрыли свою наготу одеждой, а гордые и хмельные сыновья Куберы продолжали веселиться и не оказали должного почтения божественному риши.

И тогда Нарада разгневался на сыновей Куберы и промолвил: «О Налакубара и Манигрива, вы кичитесь своим богатством и бесстыдно нарушаете обычай почитания старших. А посему быть вам отныне существами, которым не нужно ни движение, ни одежда». Так по проклятию Нарады гордые сыновья Куберы обратились в неподвижные деревья. Но, уходя, Нарада сказал им, что, если через много сотен лет сын Васудевы, потомка доблестного Яду, их чем-нибудь коснется, они снова станут прекрасными сыновьями Куберы и вернутся в небесное царство.

Много сотен лет простояли неподвижно рядом Арджуна и Ямала, и нагота их теперь уже никого не смущала. Они все помнили, что было с ними раньше, но не могли одолеть проклятия Нарады. Им оставалось только дожидаться, когда наконец отпрыск Васудевы вернет им прежний облик.

Красивые, стройные деревья, стоявшие рядом, как близнецы-братья, привлекли к себе взор Кришны, привязанного к ступе, и ему захотелось разглядеть их получше. И тогда он вместе со ступой направился в дворцовый двор к Арджуне и Ямале.

С каждым шагом веревка, которой Кришна был привязан к ступе, ослабевала, и вскоре царевич уже легко бежал к деревьям, волоча за собой большую и тяжелую ступу. Когда Кришна проходил между Арджуной и Ямалой, ступа между ними застряла, и царевичу пришлось с силой потянуть веревку. И рывок оказался настолько сильным, что ступа

с корнем вырвала деревья, и раздался такой грохот, как будто небеса разверзлись и обрушили на землю могучие дождевые потоки. И тотчас перед Кришной появились два блистающих неземной красотой мужа. Они склонили головы перед сыном Яшоды, радостно и почтительно поблагодарили его за чудесное избавление от проклятия и удалились в небесные пределы. То были Арджуна и Ямала, снова ставшие Налакубарой и Манигровкой.

После их ухода царевич поставил ступу на́ днище, снова привязал себя к ней веревкой и стал кротко дожидаться прощения Яшоды.

Тем временем Нанда, его супруга, пастухи и пастушки спешили туда, где стояли Арджуна и Ямала, напуганные страшным громом и исчезновением Кришны. Когда они прибежали во дворцовый двор, то с изумлением увидали Кришну, привязанного к ступе, и лежащие на земле могучие деревья, кем-то вырванные с корнем. С радостью глядели они на живого и невредимого Кришну и никак не могли уразуметь, как царевич оказался на этом месте и что случилось с Арджуной и Ямалой.

Дети пастухов, игравшие неподалеку, им сказали: «Это Кришна вырвал из земли деревья. Он бежал по двору, волоча за собой ступу, и задел ею за эти деревья, а когда он потянул веревку, то раздался ужасный грохот и вырванные с корнем из земли деревья упали. А потом откуда-то появились два блистающих красотой мужа в светлых одеждах. Они что-то сказали Кришне и исчезли так же внезапно, как и появились».

Но пастухи не поверили их рассказу. «Откуда может быть у ребенка столько силы, — говорили они друг другу, — чтобы вырвать такие могучие деревья из земли вместе с корнем?» Так им и осталось непонятно, как очутился со ступой во дворе Кришна и почему упали на землю мощные деревья. А Нанда был счастлив, что с Кришной не случилось ничего дурного, и он, радостно улыбаясь, отвязал царевича от ступы.

Однажды собрались старейшины вольного племени пастухов у своего владыки Нанды и стали размышлять о том, как уберечь и умножить свои богатства, как сохранить благополучие и здоровье государя и его потомства. И был среди них один старец по имени Упананда, который превосходил других и мудростью, и знанием жизни. Он был преисполнен любви к Кришне и Баладеве, и он сказал: «Все мы очень любим наш город, но, видно, нам надо уходить отсюда. Оставаться в Гокуле стало опасно. Нам следует подумать о том, чтобы сохранить сына нашего государя. Одна беда за другой ходит за ним следом. Едва он успел родиться, как напала на него кровожадная Путана. Потом же, спасибо великому Вишну, он избавился от новой опасности — его чуть не задавила повозка; а затем на Кришну напал Тринаварта; теперь же кто-то попытался деревьями раздавить Кришну, и опять он только чудом спасся от смерти. Так мало времени прошло со дня рождения Кришны, и так много обрушилось на него несчастий. Лучше нам всем с нашими детьми уйти отсюда в другое место. Знаю я большой лес, который называется Вриндавана. В нем прекрасные луга и поляны, он изобилует дичью, травой и плодами, по нему бегут ручьи с чистой и прохладной водою, и не будет нам в этом лесу ни в чем недостатка. Нам нужно не мешкая положить наш скарб на повозки, посадить в них стариков, детей и женщин и направиться во Вриндавану».

И все старейшины во главе с государем согласились с мудрым старцем Упанандой и повелели пастухам готовиться к отъезду.

И вскоре вольное племя Нанды прибыло на левый берег Ямуны и расположилось в обширном лесу, именуемом Вриндавана. Пастухи

широким кольцом, как стеной, оградили повозками лагерь, соорудили для коров и телят навесы, поставили высокие шатры и поместили в них стариков, детей и женщин.

Здесь, на широких и вольных берегах Ямуны, Кришна и Баладева росли быстро и привольно и скоро сами стали пастухами. Они пасли телят на зеленых лугах Вриндаваны и весело играли со своими друзьями. Из тростника они вырезали для себя свирели, крутили волчки, сделанные из орехов, бегали на четвереньках по траве наперегонки и мычали, подражая быкам и коровам.

Но вот как-то раз, когда Кришна и Баладева пасли телят на зеленом берегу Ямуны, туда явился посланный Кансой ракшас. Он обернулся телянком, пощипывая траву, пробрался в середину стада и стал дожидаться темноты, чтобы напасть на сыновей Рохини и Яшоды. Но Кришна заметил приبلудного телянка, незаметно подошел к нему и, схватив его за хвост и задние ноги, подбросил его высоко в воздух. Упав с высоты на землю, ракшас ударился головой о камень и скончался, обретя свое истинное обличье.

И когда Кришна и Баладева с друзьями подошли к нему поближе, то увидели перед собой не телянка, а огромного ракшаса с широкой пастью, острыми клыками и красными всклокоченными волосами. Товарищи Кришны содеянному им несказанно изумились и радостно воскликнули: «Хорошо сделано, Кришна!»

А потом мальчики позавтракали на цветущей поляне и продолжали безмятежно пастись свое стадо на берегу Ямуны. Затем они повели свое стадо на водопой к Ямуне, напоили телят, напились сами, и когда собрались обратно на луга Вриндаваны, то увидели на отмели необыкновенную птицу. Она стояла на мелководье на таких длинных ногах и была такая большая, что казалась вершиной горы, которую молния отделила от подножия и подняла в воздух. У этой птицы была необычайно длинная шея и мощный клюв, которым она с легкостью, как тростник, перекусывала могучие деревья. Это был асура по имени Бака, который принял обличье птицы.

Когда Бака увидел сына Яшоды, он мгновенно бросился на него с широко раскрытым клювом и проглотил его, как маленькую рыбку. Баладева и друзья Кришны от ужаса окаменели и не могли вымолвить ни слова. Но Бака почему-то вдруг завертелся на месте, раскрыл клюв и, отпрыгнув, выпустил Кришну на волю, будто неумоготу было Баке удерживать Кришну в своей глотке. Затем Бака снова кинулся на сына Васуде-

вы, стремясь убить его ударом клюва. Но Кришна, изловчившись, схватил клюв Баки руками и легко, как тростинку, сломал его пополам, и асура рухнул на землю бездыханным. Так погиб еще один воин Кансы, асура Бака.

А затем Кришна и Баладева собрали своих телят и вместе с товарищами погнали стадо домой, в свой лагерь. Когда они отдохнули, умылись, поели и надели чистые одежды, то рассказали пастухам и пастушкам про удивительные подвиги, совершенные пятилетним Кришной. И все, и мужчины и женщины, несказанно этому удивились и стали говорить друг другу: «Видно, сын Яшоды необыкновенный мальчик. Видно, ему покровительствуют боги. Вот уже сколько раз он был в зубах неотвратимой смерти, но всегда оставался живым и невредимым, а враги его погибали. Наверное, ни асуры, ни ракшасы не в силах одолеть сына Яшоды и, как бабочки, летящие на огонь, гибнут».

Нападение Аджагары на Кришну и Баладеву

Каждый день на рассвете Кришна и Баладева вместе с другими сыновьями пастухов из вольного племени Нанды выходили пасти телят на цветущие луга Вриндаваны. Они гнали перед собой стадо и весело играли. По пути в лес мальчики украшали себя цветами, дудели в рожок, подражали крику лесных птиц, дергали за хвост обезьян, сидящих на деревьях, громко смеялись над своей собственной тенью и слушали гулкое эхо, которое откликалось на их громкие крики.

И вот в одно такое веселое утро Кришну и Баладеву выследил в лесу другой воин Кансы, асура по имени Аджагара. Он был младшим братом Путаны и Баки, и, когда он увидел Кришну, который шел впереди стада, играя на свирели, Аджагара сказал себе: «Вот он идет, убийца моей сестры и моего брата. Сегодня я отправлю и его, и Баладеву, и всех его сверстников в царство Ямы».

Он быстро обернулся огромным, длиною в целую йоджану, змеем, улегся вдоль дороги и распахнул широкую пасть. Нижнюю челюсть Аджагара положил на землю, а верхнюю воздел в небо, и она нависла над вершинами деревьев. В глубине его пасти царил мрак, как в горной пещере, по краям пасти торчали клыки, подобные каменным утесам, а широкий язык шевелился в пыли на дороге. Дыхание его было смрадным, глаза пылали гневом и метали искры. Юные пастухи в изумлении остановились перед змеем и, приняв его за божество здешнего леса, стали спрашивать друг друга: «Что это за существо перед нами, доброе или злое? И зачем оно здесь появилось? Уж не задумал ли этот змей погубить наше стадо? Или, быть может, он хочет нас самих лишить жизни?»

Но тут мальчики вспомнили, что с ними рядом и Кришна и Баладева, и без страха погнали телят прямо в пасть разлегшегося на дороге змея и сами шагнули вслед за своим стадом. Но пасть змея за ними не замкнулась. Видно, змей ожидал, когда последует за товарищами Кришна. А сын Яшоды не успел удержать своих друзей на месте и, помедлив всего лишь одно мгновение, сам решительно шагнул прямо в смрадную пасть Аджагары.

Как только Кришна оказался в пасти злобного змея, он сразу стал расти и в ширину и в высоту так быстро, что целиком закупорил глотку змея и уперся головой ему в нёбо. И Аджагара стал задыхаться. Скопившиеся в его утробе ветры не находили выхода и распирали Аджагару. От удушья и напора утробных ветров тело змея лопнуло, и голова его отлетела далеко в сторону от дороги.

И тогда Кришна, снова став таким, как прежде, вышел на волю вместе с Баладевой и своими друзьями, и они весело погнали свое стадо на тучные луга Вриндаваны. А шкуру Аджагары мальчики очистили от плоти, высушили на солнце, и она еще долго им служила, как пещера, для потехи.

Схватка с асурой Дхенукой

Однажды в прекрасную весеннюю пору на шестом году своей жизни Кришна с Баладевой и своими друзьями погнал стадо телят в цветущий лес Вриндавану. В весеннем лесу чудесно пели птицы, томно жужжали пчелы, по лесным тропам весело сновали звери, тихий ветерок навевал благовонные запахи цветущих трав и деревьев, и все в этом лесу радовало сердце. Когда телята насытились травой и душистыми цветами, Кришна погнал стадо на водопой к берегу Ямуны. По дороге к реке сын Яшоды не переставал шутить и веселиться. То он гудел, как опьяненные весной пчелы, то ворковал, как влюбленный голубь, то начинал куковать, как кукушка, то курлыкал, как царственный журавль. Потешая своих друзей, он исполнял любовный танец павлина или пугал телят, рокоча, как грозные тучи. Иногда он становился на четвереньки и начинал рычать, подражая неведомому зверю и пугая грозным рыканием львов и тигров. Он любил, погоняя стадо, затевать борьбу со своим старшим братом и веселил друзей прыжками и грозным видом.

А когда они пригоняли стадо к берегу Ямуны, Кришна, утомленный, ложился на траву в тени деревьев и отдыхал, положив голову на колени Баладевы.

И вот как-то раз мальчики сказали Кришне и Баладеве, что неподалеку стоит прекрасная пальмовая роща, обильная вкусными пахучими плодами. Однако пойти туда они боятся, потому что стережет эту рощу могучий и жестокий асура по имени Дхенука. Он денно и нощно бродит в облике дикого осла вокруг этой рощи, и окружают его сородичи, такие же сильные и злые, как Дхенука. И люди, опасаясь асуров-людоедов, никогда не приближаются к этой роще.

«О Кришна, — сказали мальчики сыну Яшоды, — плоды этих пальм так чудесно пахнут, нам так хочется их отведать, не сможешь ли ты вместе с Баладевой нам пройти в эту рощу? И если вы оба, могучие, согласитесь, то мы без страха отправимся туда вместе с вами».

Кришна и Баладева весело согласились, и юные пастухи отважно направились в пальмовую рощу. Вступив в запретные владения Дхенуки, Кришна тотчас подошел к высокой пальме, ухватился за ствол руками, сильно потряхнул заветное дерево, и благоуханные плоды посыпались на землю. Они падали с таким шумом, что казалось, будто где-то рядом огромный слон сокрушает на своем пути деревья, опьяненный весенней течкой.

Этот шум донесся до асуры Дхенуки, и он сначала замер на месте, прислушиваясь к тревожным звукам, а потом помчался как ветер в сторону Кришны и Баладевы, и земля затряслась под его тяжким скоком. Когда Дхенука увидел, что юные пастухи вступили в его рощу и лакомятся плодами его пальмы, он с громким, наводящим ужас ревом забегал вокруг Кришны и Баладевы, стараясь ударить их в грудь могучим копытом. Но отважные сыновья Рохини и Яшоды с ловкостью уклонялись от удара. Тогда разъяренный Дхенука повернулся к Баладеве задом и взбрыкнул ногами, стремясь нанести старшему брату Кришны смертельные удары.

Однако слепая ярость совсем лишила разума Дхенуку. Баладева легко уклонился от удара, схватил асуру за его задние ноги, поднял и стал вращать его над головой с такой силой, что сознание у Дхенуки помрачилось. А затем сын Рохини ударил асуру головой о пальму, и жизнь навсегда покинула свирепого Дхенуку.

Асуры, сородичи Дхенуки, когда узнали, что их предводитель погиб от могучей руки Баладевы, пришли в неистовую ярость. Обернувшись дикими ослами, они все разом набросились на Кришну и его старшего брата. На полном скаку они стремились могучим плечом сшибить с ног сыновей Рохини и Яшоды; с грозным ревом поднимались на дыбы и обрушивались грудью на Кришну и Баладеву, стремясь раздавить их тяжестью своего тела. А когда им это не удавалось, они, оборотаясь к своим врагам задом, вскидывали круп высоко в воздух и норовили поразить братьев острым копытом. Но Кришна и Баладева, ловко уклоняясь от удара, ловили ослов за их задние ноги, поднимали асуров в воздух и сокрушали о стволы пальмовых деревьев. Вскоре вся земля в пальмовой роще была усеяна убитыми ослами, ветвями, опавшими листьями и осыпавшимися плодами.

Так Кришна и Баладева избавили людей от асуры Дхенуки и его братьев, и прекрасная пальмовая роща стала для всех отныне безопасна. Теперь люди без боязни могли наслаждаться красотой этого леса, лакомиться вкусными плодами и пасти коров на зеленых лугах мирной рощи.

После схватки с Дхенукой и другими асурами-ослами Кришна и Баладева вместе со своими друзьями погнали телят обратно в свой лагерь. Впереди стада шел неутомимый и радостный Кришна. Волосы у него запылились, цветы в гирлянде на шее увяли, но он весело и ласково улыбался, блестя очами, и выводил задухновенный напев на своей свирели.

С радостью, нежностью и любовью встречали юных пастухов прекрасные женщины из вольного племени Нанды, и никто из них не в силах был отвести глаз от прелестного лица Кришны.

Матери, а с ними Рохини и Яшода, тотчас начали приводить сыновей в порядок. Они умыли их родниковой водою, причесали, сменили на них одежду, украсили их венками, накормили и напоили. И, отдохнув, юные пастухи рассказали всем про славные подвиги Кришны и Баладевы в схватке с Дхенукой и другими дикими ослами, а потом, довольные и счастливые, спокойно уснули каждый на своем ложе.

Кришна укрощает змея Калию

Однажды Кришна со своими друзьями пас телят на лугах Вриндаваны. Когда наступило время водопоя, Кришна пригнал стадо к берегу реки Калинди и увидел на песке прибрежном мертвых пастухов и с ними рядом павшее коровье стадо. И пастухи и коровы погибли, напившись воды из реки Калинди. Русло этой реки лежало на большом подземном водоеме, в котором обитал страшный стоглавый змей Калия, и соединялось с этим водоемом тесным проходом. Мертвящий яд змея проникал в воды Калинди и отравлял в ней все живое. Раньше Калия жил в другом месте и воды Калинди были чисты. Он поселился в этом подземном водоеме, спасаясь от Гаруды, могучего сына Винаты.

Издавна был заведен такой обычай, чтобы наги два раза в месяц приносили в дань Гаруде вкусную и обильную пищу. И стоглавый змей Калия тоже соблюдал этот обычай. Но однажды гордый и могучий нага возмутился и не только сам не принес дань Гаруде, но и съел то, что принесли ему другие наги. Гаруда тогда пришел в ярость и набросился на Калию, решив навсегда с ним покончить. Но Калия был могучим змеем, и яд его был смертелен. Сто его голов уставились немигающими глазами на сына Винаты, распахнули страшные пасти и обнажили острые клыки, наполненные убийственным ядом. Как молния бросался Калия на Гаруду, но проворный сын Винаты всякий раз уклонялся от укуса, а затем изловчился и нанес своим мощным крылом тяжкий удар непокорному змею. И тогда Калия испугался и, спасаясь от когтей Гаруды, бросился в воды Калинди, которых царь пернатых не смел касаться.

Как-то раз Гаруда ловил рыбу в реке Калинди, чтобы полакомиться ею и утолить терзавший его голод. И когда он собрался съесть пойманную им рыбу, к нему обратился благочестивый подвижник, проходивший мимо, и попросил его сохранить рыбе жизнь. Подвижнику было жаль жен и детишек этой рыбы, ибо они были от потери отца и мужа безутешны. Но Гаруду обуревал тогда такой жестокий голод, что он не послушал подвижника и съел пойманную им рыбу. И тогда гневный брахман сказал ему: «Если ты, Гаруда, когда-либо еще коснешься вод Калинди и тронешь в ней какую-нибудь рыбу, то в тот же час и погибнешь». И никто о том заклятии не ведал, но Калия как-то дознался. Поэтому могучий змей со всем своим родом укрылся от Гаруды в светлых водах Калинди, а сын Винаты не посмел преступить запрета.

С тех пор могучий змей Калия и весь его род поселились в большом озере, лежащем под руслом Калинди, но иногда они проникали в речные воды и отравляли их своим жгучим ядом. И стали воды некогда чистой реки Калинди убийственны для всего живого. Даже птицы, пролетая над рекой, гибли от ядовитых испарений, подымавшихся над водою, и замертво падали в речные волны. И когда бурные ветры приносили ядовитые пары в лесные чащи, все живое в лесах погибало.

Когда Кришна пришел на этот берег реки Калинди, он не испытал страха. Забравшись на вершину дерева кадамба, нависшего над водою, он отважно прыгнул в ядовитую реку. И сразу воды реки вспенились и вскипели от яда, который источили змеи, потревоженные Кришной. Но опасная влага сыну Яшоды никакого вреда не причинила. Как могучий слон, плескался он в водах Калинди, играл и плавал, весело ударяя ладонями по ядовитым волнам. Плеск воды и радостные клики купающегося Кришны потревожили Калию, и, озлобясь, стоголавый змей всплыл из своего убежища на поверхность и тугими кольцами обвил тело сына Яшоды. Когда друзья Кришны увидели его в объятиях змея, ужас охватил их души, и они без чувств пали на землю, а телята громко и протяжно замычали, роняя горестные слезы.

А в это самое время в лесном лагере Нанды во Вриндаване появились грозные предзнаменования — предвестники несчастья: непрерывно тряслась земля, черные тучи заволокли небо, огненные языки то и дело вспыхивали на почерневшем небосводе, и страх охватил соплеменников Кришны и Баладевы. Пастухи и пастушки в сильном волнении отправились к своему владыке и стали спрашивать у него, вернулся ли Кришна со своими друзьями. Все они очень любили прекрасного сына Яшоды

и опасались за его жизнь. В первый раз он угнал в дальний лес стадо без Баладевы, и всем казалось, что не случайно так трясется земля и помрачнело небо. «Не случилось ли беды с Кришной», — говорили пастухи друг другу и отправились искать повсюду сына Яшоды. А могучий Баладева только смеялся, глядя на опечаленных и скорбящих, ибо не верил он, что кто-либо может причинить несчастье его младшему брату.

В поисках Кришны пастухи пришли по его следам к берегу реки Калинди и увидели недвижимого сына Яшоды в объятиях стоголавого змея. И горе сразу сковало им души. Они столпились вокруг поникшей Яшоды и зарыдали вместе с нею, оплакивая Кришну. Им казалось, что жизнь от них навсегда уходит, что никогда уж больше не будет для них светить солнце, что никогда они не увидят улыбки Кришны, и мир опустел для них всех навечно.

Благородный Нанда и его верные слуги не могли спокойно видеть юного Кришну в ядовитых водах Калинди, в смертельных объятиях злобного змея и собрались было броситься в реку на помощь Кришне, но Баладева им не позволил. Он удержал их на берегу своей мощной рукою. И, воистину, не могли они помочь сыну Яшоды — только понапрасну все бы погибли.

Когда Кришна увидел своих родных и друзей на берегу Калинди, объятых горем, ему стало очень жаль их. И тогда тело его вдруг стало расширяться, а кольца, в которых Калия сжимал сына Яшоды, стали все размыкаться и размыкаться, пока и вовсе не разомкнулись, и Кришна оказался на свободе. Могучий змей пришел в неистовую ярость, щеки его раздулись, смрадное дыхание обжигало, смертельный яд стекал по его клыкам в воду, раздвоенные языки его алчно шевелились, и двести немигающих глаз с ненавистью уставились на Кришну, стремясь лишить сына Яшоды всякой силы. И когда змей бросился на Кришну, тот, грозный, как Гаруда, повелитель пернатых, волчком стал вращаться в воде вокруг змея, и Калия не в силах был до него дотянуться. И до тех пор гонялся яростный змей за Кришной, пока силы его совсем не иссякли. А когда Калия утомился и уронил свои головы в воду, тогда Кришна вскочил на его широкую шею и стал плясать, попирая все сто голов змея ногами. Но злость и ярость еще не оставили Калию. Он вновь и вновь пытался, задыхаясь, укунить Кришну, только Кришна не давал ему подняться. Все глубже и глубже погружался ослабевший змей в воду, и сил у него уже совсем не осталось. И тогда скорбные жены Калии обратились к сыну Яшоды с мольбой пощадить их супруга. Справедливый Кришна

пожалел жен и сородичей Калии и не стал губить их отца и супруга. Он перестал топтать змея, отпустил его на волю, но повелел немедленно покинуть Калинди и поселиться отныне со всеми родичами в далеком океане на острове Раманака.

«Пусть, — сказал Кришна стоглавому змею, — река Калинди будет чистой. Пусть она служит людям и приносит им радость».

И змеи убрались из Калинди и поселились на острове Раманака в далеком океане, и Гаруда не стал им чинить препятствий, не мешал им спокойно жить и размножаться.

А река Калинди очистилась от яда, воды ее прояснились, в ней снова поселились рыбы, и берега ее зазеленели, а пастухи и коровы, павшие некогда без чувств от ядовитых испарений, вдруг восстали и снова вернулись к жизни.

Ожили и развеселились и Нанда, и Яшода, и все сородичи Кришны, когда он вышел живой и невредимый на берег Калинди, победив могучего стоглавого змея. Пастухи и пастушки, счастливые, обнимали его на радостях и целовали и желали ему долгих лет жизни и победы над врагами.

Вскоре закатилось над лесом солнце, ночная тьма окутала берега Калинди, и все вольное племя Нанды погрузилось в мирный сон на траве прибрежной поляны.

Вскоре кончилось весеннее время, и в леса пришло лето, та пора, когда палящие лучи солнца сжигают зелень, когда мелеют ручьи, реки и озера и все живое прячется от зноя. Но в прекрасном лесу Вриндавана лето было ласковым и мягким. В том лесу в эту пору солнечные лучи не убивали, а приносили жизнь. Ручьи и водоемы были полноводны, белые лилии и голубые лотосы благоухали, яркой и свежей была зелень, а влажные ветры приносили с собой живительные запахи цветущих деревьев.

В одно раннее летнее утро Кришна вместе с Баладевой и своими друзьями гнал стадо телят на зеленые луга Вриндаваны. Он шел впереди всех, играя на свирели, а за ним поспешали его друзья и Баладева. Они гудели в рожки, издавали радостные клики и пели песни.

Когда все пришли на большую лесную поляну, сын Яшоды вдруг заметил в толпе сверстников чужого. И действительно, то был асура Праламбха, посланный Кансой для расправы с сыновьями Рохини и Яшоды. Он обернулся сверстником Кришны, стал пасти телят вместе с его друзьями и надеялся, что никто его не приметит и никто в нем асуру не распознает. Но зоркий Кришна сразу разглядел чужого. И тогда сын Яшоды предложил своим товарищам состязание. Он сказал им: «Давайте разделимся на два отряда и будем состязаться в ловкости и силе. И тот отряд, который проиграет, пусть возит на своих спинах победивших». Мальчики с радостью с этим согласились. Один отряд возглавил Кришна, а во главе другого стал Баладева. Асура Праламбха оказался в отряде Кришны, все в этом отряде были моложе Баладевы, и они состязание проиграли. И пришлось им победителей возить на своих спинах.

Баладеве досталась спина Праламбхи, и асура быстро, как ветер, понесся в глубину леса, чтобы там предать Баладеву смерти. Но с каждым шагом силы его иссякали, а седок с каждым шагом становился все тяжелее и тяжелее, и наконец асуре стало казаться, что он взвалил себе на спину не мальчика, а горную вершину. Тогда он внезапно остановился, сбросил Баладеву на землю и вернул себе свое настоящее обличье. Он стоял перед сыном Рохини, огромный, с красными волосами, с круглыми горящими глазами, с большими острыми клыками и сверкал золотыми браслетами на запястьях, драгоценным ожерельем на шее.

Но Баладева совсем его не испугался и, не позволив асуре даже взмахнуть рукою, нанес Праламбхе такой могучий удар, что голова асуры раскололась на кусочки, и Праламбха рухнул на землю бездыханным. Так гневный Индра ударом ваджры раскалывает горы.

Вскоре к Баладеве подоспели Кришна с друзьями и несказанно удивились, когда увидели у ног Баладевы павшего асуру, огромного, как горная вершина. Баладева рассказал друзьям о том, что случилось, и мальчики воспели хвалу сыну Рохини за его силу и отвагу.

Пастушки признаются друг другу в любви к Кришне

Одно время года быстро сменяет другое. Так и во Вриндаване осень вскоре сменила лето и принесла с собой обильную влагу. Веяли прохладные ветерки на лесных полянах, благоуханием цветов был наполнен влажный воздух, под тяжестью созревших плодов сгибались деревья, весело журчали лесные ручьи, переполненные дождевою водою, громко перекликались птицы и томно жужжали пчелы.

А Кришна и Баладева по-прежнему по утрам гнали на луга свое стадо и играли с друзьями. И когда юные и прекрасные сыновья Рохини и Яшоды удалялись из дома, все девушки и женщины племени Нанды, очарованные звуками свирели Кришны, отдавали свои сердца всемогущему Каме. С восхищением и любовью провожали они уходящего со стадом Кришну и, когда он скрывался в глубине леса, поверяли друг другу свою тайную любовь к прелестному сыну Яшоды. Волнуясь и перебивая друг друга, они восхваляли подвиги Кришны в поединках с асурами, ракшасами и змеем Калией, замирали, вспоминая ласковые взгляды и нежные слова Кришны, и вдруг смущенно замолкали, когда думали о том, что Кришна был сыном государя и высоко стоял надо всеми. И тогда наступало молчание, и каждая дева в мыслях своих представляла себе Кришну в тот час, когда он уходит в луга со своим стадом. В волосах у сына Яшоды воткнуты павлиньи перья, уши его украшены живыми цветами, желтые одежды отливают золотистым блеском, на шее висит прекрасная гирлянда, и алые губы его исторгают медовые звуки из свирели. Воистину, сладкие напевы Кришны похищали сердца вольных женщин из племени Нанды, и, едва услышав эти напевы, женщины в сердце своем раскрывали Кришне свои объятия.

Осенний день длится долго, и когда еще наступит вечер и вернется Кришна домой со своим стадом. И женщины подгоняли время, когда говорили друг с другом о Кришне. «Может ли быть большее счастье у зрячей девы, чем любоваться своим любимым! — восклицали пастушки. — И нет у нас радости большей, чем взирать на милое лицо Кришны, ловить его ласковые взгляды, полные томного желания, упиваться звуками его свирели. Он так молод и так прекрасен, что нету сил отвести от его лика очи. О подружки! Можно ли не завидовать свирели, которая касается медовых уст сына Яшоды? Вся амрита алых губ Кришны достается только свирели, а нам ни капельки она не оставляет.

О подружки! Все земли, все леса завидуют сейчас Вриндаване, ибо по нему ступают нежные ноги Кришны. Звуки свирели сына Яшоды приносят счастье не только юным девам, даже дикие звери на вершинах гор испытывают радость и выходят к людям без страха. Павлины весело танцуют под напевы Кришны, и пятнистые лани бегут за ним следом и не сводят с него зачарованного взгляда. И даже апсары, небесные девы, глядя на прелестный лик сына Яшоды, на его чарующую походку, упиваясь звуками его свирели, даже они испытывают сердечное волнение. Всемогуший Кама даже у них тогда похищает разум, и ничто не может успокоить их влечения к прекрасному Кришне. Апсары тогда собой более не владеют, их волосы приходят в беспорядок, венки и украшения с них спадают, опускаются к ногам прозрачные одежды.

О подружки дорогие! Даже птицы, эти отшельники лесные, замолкают, когда слышат звуки свирели Кришны, и наслаждение смежает им веки. И потоки речные, внимая его колдовским напевам, не могут скрыть своей любви к Кришне: к стопам его устремляются их воды, и быстрое течение их от страсти замирает. И тучи небесные жаждут к нему прикоснуться, когда он гонит свое стадо на луга под палящими лучами солнца; они нежно прикрывают Кришну своей сенью, кропят его дождем благоуханным и посылают ему желанную прохладу. Даже подвижницы и те томятся любовью к Кришне и, украшая себя цветами и шафраном, жаждают встречи с любимым.

Как завидуем мы высокой горе Говардхане! Воистину, она у Кришны самая близкая подруга. По ее склонам ступают его ноги, на траве ее лугов он отдыхает и водой из ее ручьев утоляет жажду».

Так поверяли друг другу свою страсть к сыну Яшоды девушки вольного племени Нанды и в беседах о нем коротали время до его возвращения из леса.

Когда наступил последний осенний месяц, девушки из племени Нанды, по обычаю, совершали обряды поклонения Махадеви. В это светлое и радостное время они постились и питались только рисом, сваренным в очищенном масле; каждое утро на рассвете, едва всходило солнце, омывали тело в быстрых водах Ямуны и, выйдя на берег, приносили жертвы Махадеви. Они лепили из песка и глины прекрасный образ богини, подносили к ее стопам зеленые травы, плоды, рис, венки с благоуханными цветами и возносили к ней молитвы.

Они говорили богине: «О Махадеви! О Амбика! Ты милосердна и всемогуща. Сделай так, чтобы прекрасный сын пастуха Нанды стал моим мужем».

И весь месяц от одного утра к другому они водили, взявшись за руки, свои девичьи хороводы в чистых струях Ямуны и с заветной мечтой на сердце обращались к Махадеви с одной лишь молитвой, и каждая желала стать женой сына Яшоды.

И вот однажды на рассвете к берегу великой реки пришел со своими друзьями Кришна, которому очень хотелось увидеть, как девушки водят хороводы в чистой Ямуне и совершают поклонение Махадеви. Когда девушки, оставив на берегу свои одежды, погрузились в воду и стали играть и водить свои хороводы, воспевая великую Махадеви, Кришна вышел украдкой из лесной чащи, забрал девичьи наряды, залез на дерево, уселся на ветвях удобно и, смеясь, окликнул влюбленных в него пастушек.

«О красавицы, — сказал им весело Кришна, — вы, наверное, устали от ваших молитв, хороводов и омовений. Выходите из воды и возьмите

у меня свои одежды. Если вы все сразу или одна за другой подойдете ко мне, я верну вам ваши одежды, а если не подойдете, то не верну. Я никогда не лгу и сейчас говорю вам только правду. Мои друзья могут подтвердить вам это».

Никогда раньше сын Яшоды не шутил так с ними, и восхищение, нежность и любовь к Кришне переполнили девичьи души. Пастушки стыдливо глядели друг на друга, улыбались, но выйти на берег не посмели и еще глубже, по самое горло, опустились в воду. Однако очень скоро пастушки почувствовали холод, и тогда они сказали Кришне: «О милый! Разве подобает тебе, сыну нашего владыки, произносить такие речи? Мы ведь любим тебя, и весь наш народ тобой гордится. Верни же нам наши одежды, мы совсем продрогли в прохладной воде Ямуны. Ты так прекрасен, темноликий Кришна, и все мы — твои рабыни, и ты можешь повелевать нами. Но будь милостив, доблестный витязь, верни нам наши одежды. Иначе мы пожалуемся Нанде, нашему государю, и обо всем ему расскажем».

Кришна с улыбкой им ответил: «Если вы молвили правду и готовы повиноваться мне, как рабыни, то вы, ясноглазые, немедленно выйдете из воды и возьмете у меня свои одежды. Если же вы сказали неправду, то можете искать защиты у Нанды. Мне мой господин и отец не страшен».

Вода в Ямуне с каждой минутой становилась все прохладней и прохладней, пастушки в реке совсем озябли, и, видя, что их любимый непреклонен, они решили ему подчиниться. Продрогшие, прикрыв руками сокровенные части тела, они вышли одна за другой из воды и кротко остановились перед Кришной. А сын Яшоды, довольный тем, что исполнилось его желание, любовался непорочной красотой пастушек и испытал истинную радость. Однако не все открылось его вожделеющему взору, и Кришна, повесив себе на плечи девичьи одежды, сказал пастушкам: «Вы так старались соблюсти ваши обеты и обряды, чтобы все было исполнено как должно, чтобы ничего в обрядах не нарушить, а почтения к богам не проявили. Ведь вы тяжко согрешили — вы совершали омовение нагими и тем нарушили святость обряда. И чтобы не тяготел этот грех над вами, подымите вверх руки, соедините вместе ладони, возложите их на темя и нагните головы в поклоне. Тогда боги простят вам ваше прегрешение, а я отдам вам ваши одежды».

Слова Кришны встревожили пастушек. Ведь они так старались, чтобы Махадеви исполнила их заветное желание, и не на шутку испугались, что их нагота могла причинить великой богине обиду. И чтобы замолить

свой грех перед нею, они послушно возложили на голову ладони и склонились перед Кришной.

Теперь хитроумный сын Яшоды мог вдоволь любоваться ничем не прикрытой красотой пастушек. И действительно, созерцание их целомудренной наготы порадовало Кришну, и он вернул юным девам их наряды.

Пастушки были, воистину, счастливы, что их любимый, прекрасный сын Яшоды, говорил с ними, улыбался им и ласкал их взглядом, и не осталось у них на него обиды за то, что он похитил у них одежды и заставил заблудиться в стылых водах реки Ямуны. Их души были полны нежности и любви к Кришне, и сердца их принадлежали ему всецело.

Они давно уже надели свои одежды, а все еще стояли перед сыном Яшоды, не сводя с него зачарованных глаз и боясь пошевелиться.

И тогда Кришна, глядя с улыбкой в их стыдливые лица, сказал им: «О красавицы, я знаю, что любовь ко мне переполняет ваши души, что преданность ваша беспредельна. Мне ведомы и ваши заветные желания. Я видел, вы так страстно поклонялись Махадеви, что она не оставит вас без своей заботы. И я даю вам слово, что вскоре придет такая ночь, когда мы вместе спляшем в хороводе под звуки моей пастушеской свирели, и в вашем сердце поселится радость».

Очень не хотелось влюбленным пастушкам расставаться с Кришной, но дома их ожидали дневные труды и заботы, и они против воли своей попрощались с сыном Яшоды и, огорченные, с печалью в сердце, направились в свой лагерь в цветущем лесу Вриндавана.

Ночной хоровод Кришны с пастушками

Целый год миновал с той поры, когда Кришна похитил у пастушек их одежды, и снова в лесу Вриндавана наступила благодатная осень. По ночам на звездном небосводе блистала полная луна, и лучи ее серебристым сиянием освещали рощи. Все горести людские, все заботы в эти лунные ночи забывались. Так затихает в сердце любимой боль разлуки, когда возлюбленный возвращается к ней издалека.

И вот пришла наконец та ночь веселых хороводов, которую обещал Кришна влюбленным в него пастушкам. В ту ночь высоко в поднебесье сияли серебряные звезды; как светлый лик Лакшми, глядела на землю луна, соперница белых лилий; воздух был напоен благоуханием жасмина, и сладкие звуки свирели Кришны поманили пастушек к радости, любви и счастью.

Всех девушек, непорочной красотой которых любовался сын Яшоды на берегу Ямуны, давно повывадали замуж, и у них уже родились дети, но едва слышали они призывные напевы свирели, как вновь сердца их оказались в плену у Кришны.

В тот час пастушки еще не почивали, еще не кончены были у них хлопоты дневные, еще много было у них работы. Одни кормили своих детей грудью, другие сушили на очаге пшеничные зерна, подавали еду своим отцам, мужьям и братьям, прибирали в хлеву за коровой; третьи прихорашивались к ночи — красили губы, румянили щеки, клали тени на веки. Но когда они слышали дивные звуки свирели, доносившиеся из леса, то все сразу, будто сговорившись, труды свои прервали и, забыв про детей, мужей и близких, устремились к заветной роще. И так торо-

пились пастушки на встречу с Кришной, что роняли на бегу и украшения и одежды.

Отцы, мужья и братья попытались вернуть их, но пастушки даже не оглянулись, будто и не ведали никогда ни обязанностей, ни долга. Так сильна была власть Кришны над ними, так велика была их любовь к сыну Яшоды.

Когда пастушки прибежали в рощу, где Кришна играл на своей свирели, и, разгоряченные, взволнованные, остановились перед ним, смущенно потупив очи, он сказал им: «Привет вам и благо, красавицы. Уж не случилось ли какой беды в домах ваших? Здоровы ли ваши близкие и родные? Что вас привело сюда столь поздно? Ночь так темна, так непроглядна, лес полон дикими хищными зверями, он сейчас неприятен и очень опасен для таких юных и прелестных женщин. Что будут думать ваши мужья и братья, матери и отцы ваши? Тревога за вас погонит их нонюю из дома, они станут вас искать повсюду. Ступайте, лотосоглазые, обратно, возвращайтесь домой к вашим отцам, мужьям и детям».

Пастушки выслушали Кришну, не промолвили ему в ответ ни слова и стояли недвижимо, не поднимая глаз на сына Яшоды. И тогда Кришна спросил их: «Может быть, вы забыли, каким бывает лес в ночную пору, и пришли взглянуть на эту рощу? Но вы уже видели его однажды в ночное время. Благоуханные цветы украшали тогда деревья, лунный свет серебрил стволы и ветви, и тихий ветерок с Ямуны шелестел листвою. Не в диковинку вам эта роща в лунные осенние ночи. Так поспешите же домой, непорочные жены, к мужьям вашим и должным угождением подарите им покой и радость. Дома вас ждут ваши дети, ждут коровы и телята. Ступайте же обратно, подоите коров, дайте грудь малым детям.

Нет для женщины, для жены ничего важнее, чем служение своему мужу и забота о детях. И если жена хочет быть вместе с мужем и там, куда уходят после смерти, то пусть она всегда будет с ним и в этой жизни и никогда его не оставляет. С искренним сердцем должна жена угождать мужу, даже если он стар, болен и беден. Нет большего зла на земле, чем измена мужу. Это тяжкий грех, и расплата за него бывает тяжелой. Осуждение, позор, несчастье — вот что ждет женщину за измену мужу, и нет изменнице пути в небесное царство. Так ступайте же домой к своим мужьям и детям, непорочные и юные жены».

Речи Кришны опечалили и обидели пастушек. С бодью в сердце они стояли перед Кришной, склонив головы, потупив очи, и оплакивали в душе свои надежды. Слова их милого, их возлюбленного Кришны не

сулили им ни радости, ни счастья. Щеки их от горя и досады побледнели, сомкнулись алые губы, по щекам потекли слезы, орошая груди, украшенные шафраном и цветами. Не говоря ни слова, пастушки тяжело вздыхали и рисовали на песке пальцем ноги непонятные узоры.

А потом они сказали Кришне: «О господин наш, нас влечет к тебе всемогущий Кама, о тебе одном все наши помыслы, по тебе одному тоскует наше сердце. Только ты один нам дорог, ты — наша душа, наш друг, наша любовь и радость. Мы все отринули, все ради тебя позабыли, лишь бы на миг коснуться твоих ног, любимый. Что проку в родных, мужьях и детях! Они — лишь источник тяжких мук и страданий. Ты один сулишь нам отраду и забвение.

Так будь же милостив к нам, лотосоглазый Кришна, не лишай нас надежды! Целый год, очень долгий год наши сердца, наши руки были отданы дому и заботам о наших близких, а теперь они пленены тобою, и светлоликий Кама лишил их всякой силы. И ноги наши совсем ослабели, где уж им повернуть обратно. Да и что мы будем теперь делать дома? Там теперь для нас все чужое.

О возлюбленный наш! На губах твоих таится улада, твоя улыбка, твои очи, твои напевы волнуют душу, пробуждают радость. Все любят тебя в лесу Вриндавана, все к тебе стремятся, даже дикие звери. Ты прогоняешь тоску, утоляешь печали, веселишь сердце. Так можем ли мы думать о других мужчинах! О любимый, нет женщины на земле и во всей вселенной, которая не нарушила бы ради тебя все запреты, зачарованная твоей свирелью.

Так не отвергай же нас, милый, позволь нам служить тебе, любоваться тобой, сопровождать тебя повсюду. Мы все — твои верные рабыни и только тебе одному преданы всецело».

Все жалобные, шедшие от сердца слова пастушек растрогали Кришну, он приветливо улыбнулся и протянул им руки, приглашая их к хороводу. И был он среди них как слон — вожак в стаде в хмельное весеннее время. Под ласковым взглядом Кришны, от его улыбки расцвели померкшие лица пастушек, разрумянились щеки, разгорелись очи, и, веселые, счастливые, они завели вместе с сыном Яшоды хороводную пляску под лунным ночным сиянием.

Кришна выводил на своей свирели чарующие напевы, а влюбленные в него пастушки хором воспевали его красоту и доблесть. Его белозубую улыбку они сравнивали с луною на звездном небосводе, его поступь в танце — с поступью павлина, его победы над асурами — с подвигами Вишну.

А затем Кришна увел пастушек из лесной рощи на прохладный песчаный берег Ямуны, где веял тихий благоуханный ветер. Там сын Яшоды и пастушки снова водили хороводы, пели песни и дарили радость друг другу. Этой лунной ночью на берегу Ямуны господином был всемогущий Кама, и юные пастушки, забыв про все на свете, славили его и величали.

Кришна по очереди танцевал с каждой пастушкой, крепко обнимая тонкий стан или округлые плечи, нежно им улыбался, глядя в сияющие очи, говорил им слова, полные любви и неги, весело шутил с ними и смеялся. И каждой пастушке, упоенной любовью, казалось, что только ей дарит свою нежность Кришна, что только с ней одной он танцует, только ей одной поет свои песни.

И непомерная гордость вдруг обуяла пастушек, и в мыслях своих они уже казались себе самыми желанными и прекрасными на свете. Поступь их в хороводе стала горделивой, взгляд — надменным, движения — важными, и сразу невесело стало сыну Яшоды. Не понравилась ему эта перемена в его подругах, и он незаметно скрылся от них в лесную чащу.

Горько стало пастушкам, когда очнулись они от своей гордыни и увидели, что нет с ними Кришны. Радость их сразу померкла, бессильно опустили руки, и печаль поселилась у них в сердце. Как слоники без вожака стада, стояли они, поникнув, и не знали, как им быть, куда идти, что делать. А потом, словно слепые, побрели они по лесу, переходя из одной рощи в другую, и жалобно кричали: «Кришна! Кришна!»

В беспамятстве от горя они вопрошали деревья, не знают ли они, куда ушел их возлюбленный, прекрасный сын Яшоды. Они спрашивали дерево ашоку: «Послушай, не видал ты брата Баладевы? Не проходил ли мимо тебя Кришна? Он одной своей улыбкой может прогнать досаду, успокоить боль, подарить радость! Не проходил ли он здесь, этой лесной тропой?»

«О манго! О кадамба! — обращались пастушки к другим деревьям. — Ведь вы для себя не живете, вы дарите путникам тень и прохладу. Так скажите нам, куда ушел наш любимый? Может быть, он проходил здесь, лотосоглазый, обнимая другую?»

О гибкие лианы! Мы завидуем вашему счастью, вы никогда не разлучаетесь со своим милым. Скажите, не прикасался ли Кришна к вам рукою, проходя мимо?»

А потом они спросили робких ланей: «О милые друзья! О красавицы лесные, не встречался ли вам Кришна со своей свирелью? Ведь вы так любите слушать его напевы и ходить за ним следом! Может быть, он

говорил здесь с вами и гладил вас своей ладонью? Здесь так пахнет цветами кунды из его гилянды!»

«О великая мать! О кормилица людская, — взмолились земле пастушки, — по тебе ступали этой ночью ноги Кришны. Скажи нам, не тая правды, куда ушел наш любимый?»

Безмерно было горе пастушек, потерявших в ночном лесу Кришну. Они вспоминали его взгляд, улыбку, его шутки и песни и плакали горячими слезами. А потом, чтобы хоть немного себя утешить, они стали вспоминать про подвиги Кришны. В беседе о любимом они немного повеселели, а затем так увлеклись разговором, что стали показывать друг другу, как сын Яшоды побеждал ракшасов и асуров свирепого Кансы.

Сначала одна из пастушек, приняв другую за Путану и изображая новорожденного Кришну, приникла к груди подруги и, опрокинув ее на землю, торжествовала победу. Другая легла на землю, закричала, как плачущий младенец, и показала, как Кришна подбросил в небо тяжелую повозку. Третья, как Тринаварта, приподняв подругу руками, помчалась с нею, как вихрь, по лесу, а потом внезапно упала и замерла, раскинув в стороны руки и ноги, как упавший асура, которого Кришна, еще будучи младенцем, лишил жизни. Четвертая пастушка изображала детские игры сына Яшоды — ползала на четвереньках, подражала мычанию коровы, показывала, как малолетний Кришна дергал за хвост обезьяну, и все пастушки, глядя на нее, заливались веселым смехом, позабыв про свое горе. Потом одна из них представила подругам бой Кришны с Бакой, а другая — битву сына Яшоды со стоглавым змеем Калией. Она поставила ногу на голову подруги и сказала: «Убирайся отсюда, гад ползучий! Разве ты не знаешь, что я рожден, чтобы карать злых и нечестивых?»

Под конец они все вместе изобразили, как Кришна гонит стадо телят из леса. Одна из них была Кришной. Она взяла в рот тростинку и, будто играя на свирели, пошла по лесу, а сзади на четвереньках с мычанием поспешали, как телята, ее подруги.

А потом, утомленные этой забавой, пастушки снова предались печали и опять принялись искать пропавшего Кришну. Они брели в отчаянии по темному лесу, и иногда им казалось, что они видят следы милых ног Кришны, а рядом с ними чьи-то другие. И тогда злая ревность завладела ими.

«Кто она, эта счастливица, — говорили они друг другу, — чьи это следы рядом со следами Кришны? Кого он обнимал здесь за плечи, кому улыбался, кому пел свои песни?»

Наверное, это она, чужая, разлучила нас с нашим счастьем, для себя одной украла у нас Кришну. Вот, смотрите, здесь он рвал для нее цветы на поляне, чтобы украсить ее этими цветами. А вот здесь следы ее исчезли, а его следы почему-то стали глубже. Неужели он носил ее на руках по лесу?»

Горе, ревность, досада так измучили несчастных пастушек, что когда они вернулись на песчаный берег Ямуны, то, обессиленные, опустились на землю и безутешно зарыдали. Этот плач облегчил пастушкам душу, и, успокоившись немного, они вновь принялись хором восхвалять красоту и доблесть своего любимого Кришны.

А Кришна, который повсюду украдкой следовал за ними, видел их горе, их поиски, их слезы, наконец сжалился над ними и простил пастушкам их недолгую гордыню.

Он вышел неожиданно к ним на берег Ямуны и предстал перед ними еще краше, чем прежде. Он был в желтом одеянии, сиявшем, как яркое солнце в полдень, на шее висела гирлянда из свежих благоуханных цветов дерева кунда, а на лице блистала такая прелестная улыбка, которая могла поймать в свои сети не только юных пастушек, но и самого всемогущего Каму.

Когда пастушки увидели, что перед ними стоит улыбающийся Кришна, глаза у них заблестали, на лице появился румянец и горе их сразу развеялось и исчезло. Так чудо иногда возвращает к жизни и деянию людей, уже совсем угасших и почти простившихся с жизнью.

Пастушки быстро поднялись с земли навстречу Кришне и окружили его радостной толпой. Они любовно заглядывали ему в очи, нежной ладонью старались коснуться его волос, плеч, стройного стана и не могли наглядеться на сына Яшоды. От небывалого счастья у них невольно смежались веки, и в мыслях своих они крепко его обнимали. И сердца их вновь открылись для забав, радости и веселья.

Здесь, на песчаном берегу Ямуны, под лунным сиянием, вдыхая хмелеющее благоухание распустившихся цветов кунда, рядом со своим возлюбленным Кришной пастушки вновь стали проказливы и беззаботны. Они сняли с себя головные накладки, постелили их на песке и усадили на мягкое ложе из этих накладок своего возлюбленного, прекрасного сына Яшоды. Песок на берегу реки был чист и омыт водами Ямуны, ложе, на котором восседал Кришна, было теплым и пахло шафраном, лица пастушек сияли восторгом и любовью, и сын Яшоды ощутил в сердце своем истинную радость. И пастушки были очень довольны, им ничего больше не было нужно, только бы их милый был рядом с ними.

Вдоволь налюбовавшись на дивную красоту сына Яшоды и совсем позабыв про свои недавние горести и печали, они поднялись с земли и закружились вокруг Кришны в веселом хороводе. Он играл для них на своей свирели пленявшие их сердца напевы, а пастушки плавно двигались в хороводе, держась за руки, друг за другом и ладно пели, и был сын Яшоды в этом драгоценном ожерелье светлым сверкающим алмазом.

И каждой пастушке опять казалось, что только для нее играет на свирели Кришна, только с ней одной танцует, только на нее одну смотрит, только ее одну любит. Увлеченные хороводом, опаленные любовью, пастушки нежно улыбались Кришне, изогнув лукаво брови и блестя счастливыми глазами. Волосы и одежды у них пришли в беспорядок, цветочные гирлянды измялись, скатились на землю украшения и браслеты, и разгоряченные пляской пастушки от усталости едва дышали. Тогда Кришна увлек своих подруг в прохладную Ямуну. Как молодой слон посреди стада, играл в воде сын Яшоды. Он плавал и резвился в чистых водах Ямуны, обрызгивал водой пастушек, затевал в реке веселые игры, и казалось, не будет конца этой счастливой ночи. Но вскоре небо на востоке посветлело и заалело, предвещая наступление утра. Вместе с зарей приходили к людям их дневные труды и заботы, наступила пора и пастушкам расставаться с Кришной и возвращаться домой к своим близким.

Нападение змея на царя Нанду

Когда наступил день поклонения Амбике и Шиве, все вольнолюбивое племя Нанды вместе с государыней и государем отправилось к берегам реки Сарасвати совершать положенные обряды. Соорудив на берегу реки алтарь, пастухи принесли обильные жертвы Шиве и его супруге, вознесли им молитвы, умолая великого бога не оставить их племя без милости и защиты, и весь день постились, отказавшись от пищи и вкушая только воду. А вечером после омовения пастухи поставили на прибрежной поляне высокие шатры и расположились в них на ночь.

С наступлением темной ночи, когда уже все крепко спали, на берег Сарасвати приполз огромный змей, злой и голодный. Он пробрался в шатер государя и, раскрыв широкую пасть, заглотал до живота обе ноги Нанды. Царь проснулся и громко закричал от боли и испуга, зовя пастухов к себе на помощь. Разбуженные его криком пастухи выбежали из шатров на берег, выхватили из костра горящие головни и бросились к шатру государя. Увидев своего царя в пасти огромного змея, они стали бить огненными головнями кровожадного змея, но их удары никакого вреда змею не причинили. Тогда пастухи стали звать на помощь Кришну. А змей тем временем заглатывал Нанду все глубже и глубже, и, когда Кришна и Баладева вошли в шатер, только голова государя еще оставалась на свободе. Сын Яшоды без всякой боязни подошел к змею и едва поставил на него свою ногу, как чудовища не стало, и Нанда оказался на свободе целым и невредимым. А вместо змея в шатре в дивном одеянии стоял муж, сиявший небесною красотой, и приветливо улыбался.

«Кто ты? — спросил его Кришна. — Откуда? И почему ты был крокожадным змеем?» И чудный муж, светлый ликом, украшенный драгоценным ожерельем, ему ответил: «Я — гандхарва, доблестный сын Нанды. Сударшана — так меня звали некогда в царстве Индры. Однажды я мчался по небосводу на блестящей колеснице и был горд своей красотой, богатством, друзьями и любовью апсар. В пути встретились мне два небесных мудреца — Ангирас и Вирупа. Волосы их были стянуты на затылке в тугой узел, на них было грубое рубище и вериги, и тела их были тонки и прозрачны от долгих и суровых покаяний. И в гордыне своей я стал смеяться над их жалким видом. Мудрецы возгорелись гневом и наложили на меня тяжкое проклятие. Они сказали: „Быть тебе, Сударшана, отныне огромным и страшным змеем и ползать тебе по земле в поисках пищи, наводя страх и ужас на все живое. И быть тебе крокожадным змеем до той поры, пока Кришна, сын Васудевы, потомок Яду, не поставит тебе на голову свою ногу“. Так сказали мне подвижники Ангирас и Вирупа, и с того часа обратился я в отвратительного ползучего гада. Но отныне я свободен от проклятия, ибо поставил мне на голову свою ногу Кришна, и теперь я могу вернуться обратно в небесное царство Индры».

И с дозволения сына Яшоды прекрасный Сударшана поднялся в небесные пределы и вернулся к своим друзьям в столицу Индры, небесный город Амаравати. А все пастухи и пастушки как зачарованные взирали на Кришну и восхищались новым подвигом прекрасного сына государя.

Бой Кришны с асурой Ариштой

После поклонения Амбике и Шиве вольнолюбивое племя Нанды возвратилось в свое селение в лесу Вриндавана, и жизнь у них потекла так же мирно и счастливо, как прежде. Но вот как-то раз пастухи услышали грозный рев и топот копыт, сотрясавший землю. То явился к пастухам могучий асура Аришта, посланный свирепым Кансой. На краю селения Аришта обернулся горбатым быком, огромным, как горная вершина. Длинный хвост его упирался в небо, высокий горб наполовину скрывала туча, копытом Аришта рыл землю и грозно потрясал рогами. От его страшного рева преисполнились страха пастухи и пастушки, а тельные коровы так испугались, что скинули телят раньше срока. Смертельный ужас обуял подданных Нанды, и они побежали из селения, зовя на помощь сына Яшоды. Кришна пастухов успокоил, смело подошел к Ариште и сказал: «О глупый бык, зачем ты пришел сюда? Что тебе нужно в мирном лесу Вриндавана? Зачем ты людей пугаешь?» И, глядя быку в глаза, налитые кровью, Кришна хлопнул в ладони перед яростной мордой Аришты. Этот хлопок привел быка в такую неистовую ярость, что он стал бешено рыть копытами землю, а потом, устремив острые рога на сына Яшоды, бросился на него, чтобы разом с ним покончить. Но Кришна от него не уклонился. Он схватил за рога Аришту, с легкостью, как ягненка, поднял его в воздух, а потом швырнул на землю. Так могучий вожак слоновьего стада опрокидывает своего соперника в борьбе за самку в буйные дни весенней течи.

Однако Аришта быстро оправился от падения и снова бросился на Кришну. С морды у него текла пена, горячий пот струился по шкуре

и заливал землю, дыхание его обжигало, и глядеть на злобного Аришту было страшно. Но Кришна и на этот раз его не испугался, а, крепко схватив его за рога, пнул его в грудь ногой и снова опрокинул на землю. А потом Кришна выдернул рога из головы Аришты, с силой всадил их в его шкуру, и жизнь от асуры отлетела. Пасть у бездыханного Аришты раскрылась, черная кровь потоком потекла на землю, ноги его задержались в предсмертной муке, и еще один поверженный воин Кансы отошел навсегда в царство Ямы.

Пастухи и пастушки громкими кликами встретили победу Кришны и воспели хвалу силе и отваге могучего сына Яшоды.

После гибели Аришты в стольный город Кансы Матхуру снова явился вестник богов, божественный мудрец Нарада. Он пришел во дворец к коварному сыну Уграсены и сказал: «Государь, ты был обманут Васудево́й. Восьмое дитя Деваки вовсе не девочка, которую ты видел в темнице. На самом же деле Деваки родила сына, и зовут его Кришна. Он и есть восьмой сын Васудевы и Деваки, от руки которого суждено тебе погибнуть. А седьмого сына Васудевы и Деваки зовут Баладева. Ты его, государь, никогда не видел и ничего о нем не слышал. Васудева спрятал своих сыновей у Нанды, и они растут в его лесном царстве, как родные дети Нанды и Яшоды. Это Баладева и Кришна погубили лучших воинов Матхуры».

Слова вестника богов привели Кансу в неистовую ярость, и он, обнажив острый меч, бросился ко дворцу Васудевы и Деваки, чтобы тут же с ними покончить. Но Нарада преградил ему дорогу и сказал, что неразумно лишать жизни родителей Кришны и Баладевы, что сейчас Кансе нужно о себе подумать. Государь Матхуры, поразмыслив, со словами Нарады согласился и приказал снова заключить под стражу Васудеву и Деваки и стеречь их неусыпно.

Когда Нарада удалился в небесные пределы, Канса призвал к себе могучего асуру по имени Кешин и сказал ему: «Ступай в Бадж, найди Кришну и Баладеву и убей их. Они — сыновья Васудевы».

Тотчас Кешин отправился в царство Нанды, а властитель Матхуры велел позвать к себе своих советников Чануру, Муштаку и Тосалаку и сказал им: «Сыновья Васудевы и Деваки живы. Они скрываются от меня в царстве Нанды. Заманите их в Матхуру и убейте в открытом поединке. Пусть мастера соорудят в моей столице для состязания в борьбе и кулачном бое широкую арену, обнесут ее крепкою стеною, а для въезда на нее возведут высокие ворота. У стены вокруг арены пусть по-

ставят сиденья для жителей Матхуры, а для меня и моих гостей, окрестных и подвластных мне государей, пусть мастера поставят высокие помосты и богато их разукрасят.

В день, назначенный для поединка, мы принесем обильные жертвы великому Шиве, и да поможет он нам одержать победу над сыновьями Васудевы. Только после их кончины я смогу править государством, не боясь за свою жизнь. Когда все будет готово и если Кешин живым не вернется, мы пошлем Кришне и Баладеве приглашение на праздник в честь грозного Шивы и на состязание в борьбе и кулачном бое, и они не посмеют отказаться. У входа на арену, за воротами, поставьте самого свирепого слона из моего войска и велите погонщику растоптать сыновей Васудевы, когда они будут входить в ворота.

А теперь ступайте, мои верные друзья, исполняйте мою волю и готовьтесь к поединку с Кришной и Баладевой».

А затем царь асуров Канса, коварный государь Матхуры, позвал во дворец Акруру, брата Васудевы, который славился среди Ядавов мудростью и добрым нравом. Канса с почетом встретил брата Васудевы и обратился к нему с просьбой, кротко сложив перед своим лицом ладони. «О благородный Акрура, — сказал ему лукавый Канса, — ты добр, справедлив и милосерден. И нет среди моих друзей человека, который был бы ко мне более, чем ты, привязан. Окажи мне дружескую услугу, помоги мне исполнить нелегкое дело. Ступай в Бадж, в царство Нанды. Там живут нынче сыновья Васудевы. Очень уж хочется мне повидать их. Скажи им, что я приглашаю их, и Нанду, и все его племя на великое жертвоприношение Шиве, на молодецкие состязания в борьбе и кулачном бое. Если ты согласен, Акрура, то не теряй времени на промедление и привези в Матхуру дорогих гостей вот на этой быстрой колеснице».

Акрура не посмел перечить свирепому Кансе, молча перед ним склонился и отправился в Бадж выполнять волю государя. А Канса, жестокий в своих помыслах и лукавый, сказал себе, простившись с братом Васудевы: «Ступай, ступай, милосердный Акрура. Ты только замани мне сыновей Васудевы, а уж я с ними здесь расправлюсь. А когда их не станет, когда сыновья Васудевы отправятся в царство Ямы, тогда я уничтожу всех Ядавов, их родичей и друзей до последнего младенца. Я предам лютой смерти и отца моего, Уграсену, который все еще жаждет власти, и брата его Деваку, и всех моих врагов в государстве. А потом мои друзья, преданные мне безо всякой корысти, и первый среди них — могучий Джарасандха, благородный государь Магадхи, помогут мне стать

властелином всей земли и всей вселенной». Так предавался мечтам кровожадный Канса и с нетерпением ожидал вестей от Кешина и Акруры.

А брат Васудевы мчался в это время в колеснице в царство Нанды выполнять волю государя и думал о судьбе, которая направляет людские поступки. «Судьба всемогуща, — говорил себе Акрура, — это она дарует нам поражения и победы. И нам следует принимать их смиренно. Люди жаждут исполнить свои желания, но судьба может поставить на их пути преграды. Канса стремится избежать смерти, предсказанной небом, но и ему судьбы своей не осилить».

Схватка Кришны с асурой Кешинем

Могучий асура Кешин, выполняя волю государя Матхуры, обернулся жеребцом, диким и свирепым, и, быстрый как ветер, помчался в царство Нанды, сотрясая тяжким скоком землю. Кешин был огромен, как вершина Гималая. Его хвост и грива, как грозовые тучи в бурю, преградили свету путь на землю, а грозное ржание повергло в ужас и небожителей и смертных. Когда Кешин ступил на землю Нанды и заслонил собою дневное светило, небо над Браджем померкло. А когда асура заржал и стукнул копытом о землю, неодолимый страх охватил вольных пастухов и пастушек. Только юный Кришна остался спокойным. Он сразу догадался, что это еще один воин Кансы прибыл в Брадж испытать свою судьбу и силу сыновей Рохини и Яшоды.

Кришна пошел асуре навстречу и, подойдя к нему совсем близко, громко его окликнул. Оклик Кришны привел могучего коня, обладавшего неодолимой силой, в неистовую ярость. Он широко раскрыл пасть, будто собирался заглотить небо, и заревел, как лев перед смертельной схваткой. А затем Кешин кинулся на Кришну. Под его тяжким скоком дрогнула земля, зашатались могучие деревья, птицы в испуге вспорхнули с веток.

С громким ржанием Кешин поднялся на дыбы и устремил на Кришну тяжелое копыто. Но сын Яшоды, ловко уклонившись от удара, схватил мощной рукой угрожавшее ему копыто, оторвал коня от земли, поднял его в воздух и, повертев его над своей головой так, как вращают пращей камень, далеко от себя отбросил. И столь велика была сила в руках Кришны, что целых четыреста локтей пролетел по воздуху

Кешин, а потом с грохотом рухнул на землю. Асура обеспамятел от боли, сознание у него помрачилось, и не сразу он сумел оправиться от нанесенного ему Кришной удара.

А когда к асуре вернулись сознание и силы, он, оскалив клыкастую пасть, с громким ревом снова бросился на сына Яшоды. Кришна встретил нападение со спокойной улыбкой; он протянул навстречу коню свою левую руку, проворно сунул ее в разверстую пасть Кешина, и рука его скользнула, как змея в нору, прямо в конскую утробу. С лязгом сомкнул свои мощные челюсти Кешин, чтобы перекусить, как тростинку, руку Кришны, но клыки его сразу обломились, едва только коснулись руки сына Яшоды. Так мгновенно крошатся у смертных зубы, если тронуть их раскаленным железом.

В конской глотке рука Кришны стала вдруг расти и пухнуть, и могучий Кешин начал задыхаться. Смертной испариной покрылась его гладкая шкура, глаза выпучились от удушья, ноги его ослабели и подкосились, и асура замертво рухнул на землю. Тогда Кришна безо всяких усилий выдернул из глотки Кешина свою левую руку, и она снова стала такой же, как прежде.

Легко далась Кришне победа над могучим воином Кансы, и он несколько ею не возгордился. Он быстро собрал свое стадо и погнал его с друзьями на обильные травой лесные поляны, а пастухи и пастушки, восхищенные новым подвигом Кришны, долго еще славили его и величали.

После долгого пути быстрая колесница доставила посла Кансы, благородного Акруру, в славную столицу Нанды. Над Гокулой уже опустился вечер, благодатное солнце спряталось за далеким лесом, тихие ветры принесли с Ямуны в столицу Нанды речную прохладу. Братья Баладева и Кришна уже давно пригнали домой свое стадо, отдохнули от дневных трудов, умылись и сменили одежду. На одном брате платье было желтым, на другом — голубым. Рохини и Яшода сыновей своих заботливо причесали, украсили свежими цветами, накормили и напоили. Кришна был темнотелий, а Баладева — белолицый, но оба они были молоды, сильны и прекрасны. У обоих были могучие руки, крепкие ноги, широкие плечи, и черты лица у них были соразмерны. Всем довольны были сыновья Рохини и Яшоды, со всеми были они приветливы, добры и правдивы.

Братья весело играли со своими друзьями, когда колесница Акруры остановилась у ворот дворца государя. Кришна и Баладева почтительно встретили посла Кансы, провели его в гостевую палату и усадили на почетное место. Потом для Акруры слуги принесли воду, омыли ему запыленные ноги и поставили перед гостем обильное угощение. Когда посол Кансы отдохнул после долгой дороги и утолил свой голод и жажду, Кришна с дозволения Нанды, по обычаю, обратился к гостю с вопросом.

«О благородный Акрура, — сказал ему Кришна, — все ли родные твои и близкие здоровы? Спокоен ли был твой путь в нашу столицу? Благополучен ли владыка Матхуры, здоров ли? Скажи нам, что привело тебя в страну пастухов и пастушек, в мирное царство нашего государя Нанды?»

В ответ правдивый Акрура рассказал Нанде, Кришне и Баладеве и всем ближним государя о том, что побывал в Матхуре Нарада, великий провидец, и открыл царю Кансе, что Деваки родила и седьмого и восьмого сына; что Васудева укрыл их в Брадже у Нанды, что государь Гокулы как родных детей вырастил сыновей Деваки и что зовут их Баладева и Кришна. «Когда Канса обо всем этом проведал, — продолжал свой рассказ Акрура, — он велел устроить в Матхуре великий праздник в честь милосердного Шивы и пригласить на него всех окрестных государей. На том празднике будет большое состязание в борьбе и кулачном бое, и Чанура, Муштика и Тосалака, могучие витязи Кансы, вызывают всех, кто хочет помериться с ними силой, на честный поединок. Меня, — сказал Нанде Акрура, — послал сюда Канса пригласить тебя и все твое вольное племя на этот праздник. Канса просит тебя, великий царь, пожаловать со щедрыми дарами в гости в Матхуру. Соскучился Канса по твоему молоку, творогу и маслу».

Нанда с вниманием выслушал Акруру, а потом, поразмыслив и с согласия Баладевы и Кришны, принял приглашение Кансы и повелел пастухам готовиться к отъезду в Матхуру.

Когда пастушки прослышали, что Кришна вместе с Баладевой, Нандой и другими пастухами уезжает в стольный город Кансы, они пришли в великое уныние. Их страшила долгая разлука с любимым, и сразу жизнь им стала не в радость, а домашние труды — в великую тягость. Кришна еще не уехал, а их уже стали одолевать тревога, тоска и беспокойство. Руки у них бессильно опустились, глаза померкли, волосы повисли в беспорядке, и потоком заструились по щекам горькие слезы. С гневом и досадой они проклинали Акруру, посла Кансы, как клянут гонца, прибывшего с недоброй вестью.

И пастушки, плача, так говорили друг другу: «О дорогие подружки, как мы вынесем это горе разлуки с любимым, с которым так весело и незаметно пролетают долгие ночи? Как мы будем жить без хороводов, без песен, без его свирели? Как мы будем жить без его улыбки, без его проказ, без его дружбы?»

Так причитали и жаловались на свою беду пастушки, а тем временем расторопные слуги Нанды все уже приготовили к отъезду. Посол Кансы совершил положенные обычаем омовения, вознес Шиве и его великой супруге благочестивые молитвы, взошел на свою быструю колесницу, и отдохнувшие кони помчали его в Матхуру. А за ним следом тронулись

в путь и Нанда, и Кришна с Баладевой, и пастухи с богатыми дарами властителю Матхуры.

Сын Яшоды, проезжая мимо безутешных и плачущих пастушек, ласково сказал им: «Не печальтесь, не горюйте, милые, я скоро вернусь к вам». Но его слова не принесли облегчения пастушкам, и, пока их взор различал высокий стяг Кришны на его колеснице, пока желтая дорожная пыль не скрывала его из виду, до тех пор горестные пастушки провожали глазами Кришну и Баладеву, словно не надеялись больше на встречу с ними.

Вскоре быстрые колесницы доставили путников к берегу Ямуны, чистые воды которой смывают все прегрешения людские. Здесь, на песчаном берегу Ямуны, пастухи остановились, сошли с колесниц на землю, окунулись в священные воды Ямуны, утолили голод вкусной пищей и, передохнув, двинулись своим путем дальше.

Когда пастухи во главе со своим государем Нандой приблизились к стольному городу Кансы, они сошли с колесниц возле густой и зеленой рощи, и Кришна сказал Акруре: «Мы останемся здесь, в этой роще, и отдохнем после долгой дороги, а ты, благородный брат Васудевы, следуй своим путем к государю Матхуры, передай ему поклон и жди нас у себя в доме».

Посол Кансы не стал противоречить, въехал один в Матхуру и предстал перед своим владыкой, свирепым и коварным сыном Уграсены. «О великий царь, — сказал ему Акрура, — я выполнил твое повеление. Нанда, Кришна и Баладева следуют за мной в твою столицу». Канса был очень доволен, слова посла доставили ему радость. Наконец-то он заманил сыновей Васудевы в Матхуру и сможет теперь навсегда с ними покончить. Канса щедро наградил благородного Акруру, обласкал его своей милостью царской и отпустил домой, к его родным и близким.

Когда вслед за прохладным утром наступил знойный полдень, Кришне захотелось посмотреть на город, в котором он родился, в котором томился под жестокой властью Кансы Васудева и Деваки. С дозволения Нанды Кришна и Баладева, повязав простые платки на шею, приблизились вместе со своими друзьями к стольному городу Кансы. Широкий и глубокий ров окружал Матхуру и служил преградой вражеским набегам. Через ров к городским воротам вел висячий мост, и охраняла те крепкие ворота грозная государева стража.

Кришна и Баладева с их друзьями прошли по зыбкому мосту к воротам, миновали царскую стражу и вступили в столицу Кансы. Город был

велик и многолюден. Вдоль прямых и чисто убранных улиц теснились просторные дома жителей Матхуры и высились над ними роскошные дворцы приближенных государя. Хрусталем и самоцветами были украшены дворцовые ворота, крыши были покрыты желтой медью, а в дворцовых садах гуляли величавые павлины и цвели лотосы в голубых водоемах. Длинной чередой вдоль улиц тянулись лавки торгового и ремесленного люда, и были в них диковинные товары. Прекрасные сады и зеленые рощи украшали столицу Кансы, каждый дом был обвит зеленой травой ползучей, и развевались над Матхурой на ветру пестрые флаги.

Когда Кришна и Баладева шли по улице Матхуры, им повстречался хозяин прачечной и красильни. Его слуги несли на спинах большие корзины со стираной и крашеной одеждой. И захотелось Кришне, Баладеве и их друзьям принарядиться. «Послушай, добрый человек, — сказал красильщику Кришна, — подари нам красивые одежды, и боги тебя наградят по заслугам, ты достигнешь великого богатства».

Красильщик ответил Кришне злобной бранью: «Экий ты глупец и невежда. Небось в твоём лесу ты не ходишь за коровами в таких нарядах, да ещё из таких драгоценных тканей? Как ты осмелился такие слова промолвить? Ведь это одежды самого государя Матхуры! Если ты, пастушонок, дорожишь своей жизнью, то беги отсюда поскорее, а не то прибьют тебя царские слуги».

Эти слова привели Кришну в неистовую ярость. Он схватил красильщика рукой за горло, вмиг отделил его голову от шеи, и тот рухнул замертво на землю. А его слуги и носильщики в страхе убежали, побросав на дороге корзины с одеждой.

Кришна поднял одну корзину, выбрал себе платье по вкусу, сам оделся, нарядил по-царски своих друзей и Баладеву, а лишнее бросил на дороге. А потом братья со своими друзьями навестили тех торговцев, которые издавна почитали весь род Васудевы и Нанду, благородного государя Баджа. Золотых дел мастер подарил им самоцветные ожерелья и золотые браслеты, цветочник поднес им благоухающие свежими цветами гирлянды, а ткач повязал златотканые платки на шею.

Одетые по-царски, с драгоценными украшениями и цветами, Кришна и Баладева величаво шествовали по улицам Матхуры, сопровождаемые юными пастухами, как два могучих слона, белый и чёрный, во главе слоновьего стада. На пути им встретилась юная горбуня с сосудом благовонных притираний. «Скажи нам, лотосоглазая, — сказал ей с улыбкой Кришна, — кто ты, какого ты рода и как тебя величают? Скажи нам

правду, удели нам немного твоего душистого бальзама, и в награду я обещаю тебе счастье».

Юная горбунья ответила Кришне: «Я служанка царя Матхуры, и зовут меня Тривакра. Эти душистые мази я готовлю для государя и сама его ими умащаю. Он очень любит эти благовонные притирания и благоволит ко мне за это. Но я наделю тебя, милый, этим снадобьем. Ты так красив и так добр ко мне, что я не могу отказать тебе в твоей просьбе».

Кришна пленил юную Тривакру своей красотой, улыбкой и приветливой речью, и она умастила своим душистым бальзамом его лицо и руки. И тогда Кришна решил наградить Тривакру. Он наступил ногой на ее сандалии, взял ее рукой за подбородок и, помедлив мгновение, отпустил Тривакру. И когда затем Баладева и друзья Кришны взглянули на юную горбунью, то несказанно изумились. Горб у Тривакры исчез, тело ее стало прямым и стройным, как юное деревце, и она ощутила себя прекрасной и горделиво улыбнулась. А потом, доверчиво припав к груди Кришны, Тривакра ему шепнула: «Ты взволновал мою душу, прекрасный витязь, и я не в силах с тобой расстаться. Будь милосерден, войди в мой дом и будь в нем как хозяин».

Кришна с улыбкой ей ответил: «О милая! Брови твои прекрасны, строен стан, и округлы у тебя бедра. И грудь твоя тяжела и упруга, и смотреть на тебя мне приятно. Воистину, ты можешь и исцелить жар сердечный, и утолить печаль человека, изгнанного на чужбину. Но мы пришли в Матхуру не для утех любовных, не для забавы. Я обещаю тебе, Тривакра, что навещу тебя в твоём доме, когда полностью свершу все, что должно, в Матхуре».

Кришна простился с юной Тривакрой и вместе с Баладевой и своими друзьями направился к тому месту, где советники Кансы воздвигли алтарь для принесения жертвы великому Шиве. Там на особом помосте под охраной могучих воинов государя Матхуры лежал боевой лук устрашающего вида, и был он подобен луку Индры, владыки небесного царства. Не каждому витязю было под силу поднять тот лук с помоста, натянуть тетиву и поразить цель оперенной стрелой.

Когда Кришна увидел этот могучий лук Кансы, ему захотелось взять его в руки и испытать свою силу. Но горожане не одобрили его желания. «Не следует тебе этого делать, — сказали они Кришне, — этот могучий лук тебе не под силу. Ведь ты его даже с земли не поднимаешь. Не берись, а то будут над тобой смеяться все жители Матхуры. Людей ты насмешишь, а себя только опозоришь».

Но Кришна их совета не послушал. Он смело прошел к помосту, отстранив стражу, легко, левой рукой поднял огромный лук царей Матхуры и натянул тетиву с такой силой, что могучий лук сломался на две половины. При этом раздался такой гром, что он заполнил собой все небесные пределы, и гулкое эхо отозвалось со всех сторон света. Когда этот громовой гул донесся до ушей Кансы, то его обуял ужас, а стража, охранявшая лук царей Матхуры, набросилась с палицами на Кришну и Баладеву, угрожая им оковами и темницей. Пришлось братьям защищаться от асуров Кансы. Они вооружились обломками лука, вдвоем смело встретили нападение стражи и в короткой схватке всех до единого воинов Кансы отправили в царство Ямы. А потом они пошли по улицам Матхуры дальше, любовались ее рощами и дворцами, и все жители столицы Кансы радостными кликами восхваляли силу и доблесть юных сыновей Деваки.

Когда жгучее солнце покатилося на запад и скрылось за высокими горами, Кришна и Баладева со своими друзьями покинули Матхуру и вернулись на свою стоянку. Там они омыли себе ноги, сменили дневную одежду на ночную, утолили голод рисом, сваренным в очищенном масле, напились ключевой воды и улеглись спать прямо на теплой земле, положив под голову солому. И сон их был легкий и светел.

А встревоженный государь Матхуры все не мог найти себе места, он метался в страхе по своей опочивальне и почти не смыкал глаз до самого рассвета. Дневные подвиги Кришны и Баладевы не давали ему покоя, и, когда приходила к нему недолгая дремота, ему чудились зловеющие видения. То он видел себя в зеркале, но почему-то не было головы на шее; небесные светила в глазах у Кансы двоились, и кто-то враждебный сверлил отверстия в его теле; то ему казалось, что он потерял слух, и мир вокруг него стал беззвучным; то он видел деревья с золотыми стволами и ветвями, и когда он шел куда-то мимо этих деревьев, то стопы его следов на песке не оставляли. То чудилось Кансе в тяжелых сновидениях, что злые чудища сжимают его в своих объятиях и вырваться от них он не может; что вместо пищи слуги кормят его цветами и что едет он куда-то без войска, без охраны, верхом на осле, и нет у дороги ни конца ни края.

Так провел Канса эту тяжкую ночь, и страх перед неотвратимой смертью не оставлял его ни на одно мгновение.

Но когда наступило утро и солнце осветило землю, государь Матхуры приободрился и повелел начинать в назначенное время праздничное состязание в борьбе и кулачном бое. Служители украсили арену, музы-

канты ударили в барабаны, и жители Матхуры, а также знатные гости Кансы, окрестные и подвластные ему государи, заняли свои места вокруг арены. Пестрые флаги, цветочные гирлянды и богатые ткани украшали павильон государя Матхуры, советники и полководцы окружали Кансу, но на душе у него было беспокойно.

По царскому знаку музыканты ударили в барабаны, и барабанный бой заглушил воинственные клики борцов, приготовившихся к поединку.

Участники предстоящих состязаний, гордые своей силой и умением, облаченные в нарядные одежды, в сопровождении наставников вышли на арену, и зрители встретили их радостными криками.

А затем Чанура, Муштика, Кута, Шала и Тосала, могучие воины Матхуры, взволнованные и ликующие, вышли на середину арены и готовились к состязанию. Но Канса все еще не велел начинать схватку — он ждал, когда появятся на арене сыновья Васудевы и Деваки. А Кришна и Баладева, совершив накануне очистительные обряды, надев свои лучшие одежды и украсив себя цветами, подошли в тот час к воротам, ведущим на праздничную арену, но войти в них оказалось невозможно: в воротах стоял огромный, как горная вершина, слон и загораживал дорогу.

«Эй, ты, послушай, — сказал погонщику слона Кришна, подняв свое лицо вверх, — убери своего слона из ворот и дай пройти нам на арену. Да поспеши, а то я отправлю и тебя, и твоего слона в царство Ямы».

Голос юного сына Деваки был звучен и рокотал, как рокочат грозные тучи перед бурей. В ответ на слова Кришны погонщик, выполняя тайный наказ своего государя, двинул слона прямо на сына Деваки, нещадно коля животное стрекалом. Слон, разъяренный болью, бросился на Кришну, хоботом притянул его к своим острым бивням и только было изготовился покончить с сыном Деваки, как Кришна освободился от захвата и, ранив слона в ногу, отбежал в сторону и стал слону невидим. Потеряв Кришну из виду, слон стал вертеться на одном месте, стараясь снова зацепить хоботом сына Деваки. Но Кришна торопился на состязания и решил не давать ни слону, ни погонщику пощады. Он схватил могучее животное за хвост, оттащил его от ворот на расстояние длиною в четыреста боевых луков, а затем ударил его с такой силой, что слон не удержался на ногах и упал на землю. Когда слон поднялся с земли, злобе его не было предела. Сотрясая землю, он бросился на Кришну, стремясь растоптать его ногами, но сын Деваки

ловко уклонился от удара, и слон снова потерял его из виду. Тогда, совсем от ярости обезумев, слон нацелил свои бивни на юного сына Деваки, желая пронзить его своими могучими клыками, но вместо увернувшегося в сторону Кришны вонзил свои бивни в твердую землю. Злоба погонщика и свирепая ярость опасного животного разгневали сына Деваки, и он решил тотчас с ними покончить. Кришна схватил слона мощной рукой за хобот, сильным рывком повалил его на землю, вырвал у него из пасти огромные бивни и поразил слона его же клыками. А затем наступил черед погонщика, послушного раба Кансы. Кришна убил его слоновьим бивнем.

Оставив у ворот два трупa, слона и человека, Кришна и Баладева, вооруженные бивнями, как острыми мечами, прошли через свободные ворота на арену. Зрители замерли от восторга, увидев перед собой юного сына Деваки. Он явился, держа в руках слоновый бивень, разгоряченный схваткой, забрызганный вражеской кровью, грозный, как Индра с его громовой ваджрой, и прекрасный, как Кама, воплотившийся на земле для радости и счастья всех живущих на ней женщин.

Когда повелитель Матхуры, свирепый и отважный Канса, узнал, как погиб в воротах самый могучий слон его войска, когда увидел он на арене двух юных и бесстрашных сыновей Деваки, то не знавший страха в битве с врагами сын Уграсены почувствовал, как его охватывает ужас. Возложив теперь все надежды на асуров, ожидавших своих соперников на арене и обладавших неодолимой силой, Канса повелел начинать состязание.

И тогда Чанура, гордый и могучий асура, обратился к сыновьям Деваки с такими словами: «Великий государь Матхуры наслышан, что вы, сыновья Нанды, искусны в борьбе и кулачном бое. Поэтому он пригласил вас на этот праздник, чтобы все жители его столицы могли вас увидеть и убедиться, что молва о вас правдива».

Хитроумный Кришна, искусный в речи, ему ответил: «Мы — вольные пастухи и мирно живем в лесах под защитой справедливого и благородного Нанды, но все мы — подданные царя Матхуры и рады потешить его честным боем. Все видят, что мы еще не вступили в мужской возраст, и если наши соперники будут равны нам годами и силой, то состязание будет справедливым. И тогда никто не назовет его нечестным боем и не падет грех на головы тех, кто устроил это состязание».

Но Чанура, бывалый воин Кансы, жаждал сразиться с Кришной и Баладевой и, уверенный в своей победе, сказал сыну Деваки: «Всем известны ваша сила, доблесть и воинское искусство. Ведь это вы сей-

час убили боевого слона, который по своей силе был равен целому слоновьему стаду. Такой подвиг дети совершить не могут. И если против вас выйдут воины, прославленные во всех трех мирах своими подвигами и могучей силой, то это будет только справедливо. Я вызываю тебя на поединок, Кришна, а Муштика пусть померяется силой с Баладевой».

Насмешливые слова Чануры разгневали Кришну и Баладеву, и они вступили в жестокую схватку с асурами свирепого Кансы. Борцы обхватили друг друга мощными руками, и каждый стремился опрокинуть своего соперника на землю. Они наносили противнику удары ступней, коленом, локтем, головой и даже грудью. Соперники сходились и расходились, осторожно шли друг за другом по кругу, хватали противника за пояс, за шею, за руки, пинали друг друга ногами, падали на землю и снова подымались, продолжая ожесточенную схватку. Они выворачивали друг другу руки, старались сломать противнику суставы и причинить ему такую боль, чтобы лишить его стойкости и силы.

Все женщины Матхуры, восседавшие вокруг арены, страстно желали победы юным и прекрасным сыновьям Деваки. Они с волнением говорили друг другу: «Увы! Наш государь и его советники совершают несправедное дело, ибо противники не равны по своим годам и силе. Эти асуры, Муштика и Чанура, огромны, как горные вершины, и тела у них словно из железа. А сыновья Деваки еще не вступили в мужскую пору, и тела их будто нежные побеги бамбука. Разве можно было позволять им вступить в бой с такими воинами, как Муштика и Чанура. Воистину, это не состязание, а убийство, и наш государь обычаи честного поединка нарушил. Здесь, на этой арене, царствует несправедливость, и мы не можем тут оставаться дольше. И нет на этом празднестве невиновных, здесь все за происшедшее в ответе — и те, что сидят и смотрят молча, и те, кто всей душой на стороне Кансы, Муштики и Чануры, и те, чья совесть неспокойна, кто лицемерно восхваляет государевых борцов и самого царя Матхуры.

О милые, взгляните, как прекрасен Кришна, как нежен лик сына Деваки. Как роса с лепестка лотоса, стекают по его щекам капли пота. Посмотрите, как отважно он стремится навстречу Чануре. Взгляните, как сверкают карие очи Баладевы, как гневно и грозно надвигается он на Муштику, а тот под его натиском отступает».

Так говорили между собой прелестные женщины Матхуры, любуясь сыновьями Деваки и сердясь на несправедного Кансу.

Кришна слышал их речи, видел на их прекрасных лицах тревогу за него и Баладеву, и ему стало жаль всех, кто боялся за жизнь сыновей Деваки и желал им победы. И тогда он решил, что довольно уж он поиграл с Чанурой и понатешился этой схваткой, что пришла пора покончить с надменными асурами Кансы, и он стал наносить Чануре смертельные удары.

Все огромное тело Чануры нестерпимо болело, каждый следующий удар Кришны опрокидывал асуру на землю, но стойкий и доблестный воин Кансы всякий раз подымался и снова набрасывался на сына Деваки. Собравшись с силами, Чанура нанес мощный удар по груди Кришны, но тот даже не шелохнулся. Чанура снова ударил его в грудь, вложив в удар всю свою силу, а Кришна и на этот раз не сдвинулся с места. Так могучий слон не заметит удара, если его хлестнуть по шкуре цветочной гирляндой.

И Чануру стал охватывать ужас, а Кришна вдруг схватил асуру за руку, рывком оторвал от земли его тело, повертел его над головой, а потом, как диск, бросил его с такой силой, что при падении Чанура лишился чувств, и спустя мгновение жизнь навсегда покинула его тело.

Вслед за Чанурой и Муштика отошел в царство Ямы. Доблестный Баладева поступил с ним точно так же, как Кришна с Чанурой: поднял Муштику в воздух, повертел его над головой и с размаху стукнул о твердую как камень землю арены. Так бесславно погиб в поединке с Баладевой другой прославленный воин Кансы.

Место Муштики тотчас заступил Кута, доблестный асура, огромный, как горная вершина в Гималаях. Но и его сокрушил ударом левой руки Баладева, и Кута рухнул, изрыгая кровь, на арену, и дыхание у него отлетело. Так падают могучие деревья, вырванные с корнем свирепой бурей.

А против Кришны на место Чануры встал отважный Шала, но сын Деваки не дал ему даже замахнуться — ударом ноги он отправил Шалу в царство Ямы вслед за его верным другом Чанурой. Потом пришел черед и Тосалаки. Кришна схватил его мощными руками, пригнул его голову к коленям и сломал ему поясницу. Так Индра ударом ваджры в гневе ломает пополам могучие деревья.

Трупы лучших бойцов Кансы устилали арену, и черная кровь асуров залила землю. И тогда мужество покинуло оставшихся в живых воинов Кансы. Позабыв о повелении государя, не заботясь о своей былой славе, не страшась позора, они в страхе за свою жизнь побежали с арены, пря-

часть за спины жителей Матхуры, собравшихся на великое состязание. И остались на арене только сыновья Деваки, сиявшие, как звезды на небосводе, красотой и радостью победы.

Пастухи из вольного племени Нанды повскакали со своих мест и с ликованием бросились на арену обнимать Кришну и Баладеву, торжествуя победу доблестных сыновей Васудевы. Пастухов охватила буйная радость. Взявшись за руки, они с восторгом принялись танцевать вокруг Кришны и Баладевы, и их золотые браслеты на ногах и руках весело звенели. И все жители Матхуры, мужчины, женщины и дети, ликовали и радовались победе сыновей Васудевы. Позабыв про грозного и свирепого государя, они воздымали вверх руки и одобрительно кричали: «Победа! Победа!»

А государю Матхуры было не до веселья. Час, предсказанный ему небом, неотвратно приближался, а лучших его бойцов и защитников уже не было на свете. По знаку Кансы музыканты перестали бить в барабаны, и он сказал, обращаясь к своим полководцам: «Велите войнам связать вожда пастухов Нанду и посадить в темницу, и пусть они сторожат его неусыпно, ибо он злоумышлял против моей жизни и власти. У пастухов изымите все их богатство и вместе с этими злодеями, Кришной и Баладевой, прогоните их прочь из Матхуры. Васудеву, самого коварного из смертных, сегодня же предать лютой казни, а с ним и отца моего Уграсену, и советников его, и всех его ближних, ибо они потворствовали врагам моим, угрожающим моей жизни и власти».

Когда Кришна услышал это, он пришел в такую ярость, что прямо с середины арены прыгнул на возвышение, на котором восседал на троне Канса, и предстал перед государем Матхуры, как сама Смерть, предсказанная тому небом. Канса быстро вытащил острый меч из ножен, прикрыл грудь щитом из крепкой бычьей кожи и, уклонившись от могучей руки Кришны, побежал от сына Васудевы в глубь павильона. Но Кришна, уловив мгновение, схватил Кансу и, выбив у него из рук меч, поволок его на арену. Царский венец с головы Кансы свалился, волосы у него растрепались, руки его от страха ослабели, крепкий щит упал на землю, и сознание у государя Матхуры помрачилось. А Кришна на глазах у пораженных происшедшим подданных Кансы поставил свою стопу на грудь распростертого на земле свирепого государя Матхуры, и жизнь навсегда покинула его тело.

Но родные братья Кансы — а их у него было восемь — с гибелью государя не примирились. Они выбежали на арену, окружили со всех

сторон сына Деваки и с громким криком набросились на него, стремясь отомстить за смерть своего старшего брата. Кришна встретил их нападение с улыбкой и, размахнувшись, одним ударом свалил их бездыханными на землю, и все братья Кансы в одно мгновение ушли вслед за ним в царство Ямы. Так разъяренный лев, алчущий добычи, ударом одной своей могучей лапы убивает целое оленье стадо.

Осиротели, овдовели в один день прекрасные и юные жены Кансы и его братьев. Они выбежали на арену, склонились над трупами своих любимых и жалобно запричитали, горестно оплакивая свою утрату. Кришне было жаль несчастных женщин, и, чтобы не мешать им оплакивать своих близких, он под восторженные крики жителей Матхуры удалился с арены и велел предать останки Кансы, его братьев и воинов, погибших в схватке, пышным погребальным обрядам.

Прямо с арены Кришна и Баладева со своими друзьями направились к темнице, в которую заточил жестокий Канса Васудеву и Деваки, разогнали бесполезную стражу и освободили отца и мать от оков и неволи. Когда Васудева и Деваки, счастливые, вышли из темницы, их доблестные сыновья склонились до земли перед ними, и Кришна сказал им: «Столько лет мы были в разлуке с вами и до сих пор не ведали счастья жить с родными отцом и матерью под одной крышей. А вы оба всегда были за нас в тревоге, всегда опасались за нашу жизнь. Вы дали нам чудесный дар — нашу жизнь, и никогда нам, верно, не удастся послушанием и любовью за этот дар с вами расплатиться. Мы всегда будем в долгу перед вами, даже если великий Брахма продлит до ста лет наши жизни. Ведь тот, кто не отдает всего себя своим близким, тот становится мертвым еще при жизни. Но мы не виноваты перед вами, нас разлучил злобный Канса, и он за все его злодейства жестоко сегодня наказан».

Васудева и Деваки слушали почтительную речь Кришны и радовались всем сердцем. Сыновья их остались живы, были здоровы, могучи и прекрасны лицом и телом, и не было на земле им равных. Они, счастливые, заключили Кришну и Баладеву в свои объятия и от волнения не могли вымолвить ни единого слова.

А потом Кришна почтительно склонился перед Уграсеной, своим двоюродным дедом, и сказал ему: «О великий царь, мы, жители Матхуры и Браджа, мы все твои подданные, и ты вправе повелевать нами по закону. Отныне ты наш верховный владыка, и никто в целом мире не посмеет посягнуть на твою власть и державу».

Когда соплеменники и сородичи Васудевы — Ядавы, Вришнии, Андхаки и многие другие — прослышали, что Канса отошел в царство Ямы, что на царском престоле в Матхуре вновь правит кроткий и благочестивый Уграсена, они вышли из своих убежищ, в которых они таились от ракшасов, асуров и Кансы, и вернулись в свои родные дома и владения в Матхуре. Могучие сыновья Васудевы и Деваки служили им всем опорой и защитой, и наконец они зажили мирно и спокойно.

Снова в Матхуре воцарились закон и справедливость, никто больше не грозил людям темницей, смертью и разорением, никто не надругался над брахманами, не осквернял святых мест и храмов, не мешал приносить богам жертвы. Повсюду в государстве воцарились мир и порядок, и люди перестали бояться за своих детей, имущество и свою жизнь.

Сыновья Васудевы и Деваки радовались тому, как счастливо все случилось, и направились к Нанде, благородному царю Баджа. Они предстали перед своим вторым отцом, обняли его колени и сказали: «Ты — наш родитель, ты нас взрастил, воспитал и уберег от всех бед и напастей. Нет любви верней и бескорыстней, чем любовь отца и матери к своим детям. Они любят их больше, чем себя, больше, чем жизнь. Так и ты, отец, и супруга твоя, благородная Яшода, для нас родители дорогие, и мы любим вас, как родные дети.

Давно уже, государь, ты покинул Бадж и свою столицу, и все пастушье племя, верно, ждет тебя обратно. Возвращайся в Гокулу поскорей, а потом и мы последуем за тобой, как только покончим с нашими заботами в Матхуре».

Благородный Нанда согласился с Кришной и велел пастухам приготовить в путь повозки и колесницы. Васудева и Деваки одарили Нанду и пастухов щедрыми богатыми дарами. Они дали им золотые и серебряные сосуды, дорогие златотканые одежды, горячих коней, быстрых как мысль, подарили им свою любовь и дружбу. Пастухи положили обильные дары на большие повозки, взошли на быстрые колесницы, попрощались с жителями Матхуры, с Кришной и Баладевой, поклонились Васудеве и Деваки и по знаку Нанды направились в Гокулу, в свою далекую лесную столицу.

Когда пастухи отбыли из Матхуры, Васудева призвал к себе Гаргу, верховного жреца великого рода Яду, и велел приготовить все, как должно, для совершения торжественного обряда — для посвящения его сыновей, Кришны и Баладевы, в высокий сан дважды рожденных, чтобы направить их затем, как того требует обычай, к мудрому брахману на

учение. Гарга с радостью исполнил повеление Васудевы, и стали Кришна и Баладева, могучие воины, победители Кансы, послушными и прилежными учениками. Васудева щедро одарил Гаргу коровами из царского хлева, дорогими тканями, рисом и пшеницей, милостью своей и лаской.

А Кришна и Баладева отправились в уединенную обитель, в которой жил их мудрый наставник, и стали изучать у него Веды и Веданги, великое искусство рассуждения и убедительной речи, обычаи людские и законы, трудное умение управлять людьми и государством, защищать страну от вражеских набегов, карать преступных и нерадивых, награждать праведных и послушных.

Сыновья Васудевы и Деваки учились старательно и прилежно, все запоминали с первого слова. Шестьдесят четыре дня и шестьдесят четыре ночи внимали они словам своего наставника и по истечении этого срока стали несравненными знатоками всех шестидесяти четырех искусств и умений. И вся ученость людская стала им подвластна. И тогда их учитель в награду за учение попросил Кришну и Баладеву вернуть к жизни его единственного сына, погибшего некогда в бурливом океане.

Сыновья Васудевы и Деваки почтительно склонились перед брахманом и послушно направились к берегу океана. На песчаном берегу было пустынно, сильные ветры вздымали пенистые волны, а Кришна и Баладева молча сидели на песке перед водой и ждали, когда появится перед ними владыка беспредельных океанских просторов. Но ждать им пришлось недолго. Вскоре волны морские расступились, и на берег вышел сам Сагара, властелин океана, и сложил у ног сыновей Васудевы богатые дары моря. Кришна эти дары от Сагары принял и сказал ему: «Ступай немедленно обратно, на дно морское, и верни нам живым и невредимым сына нашего наставника, которого загубили твои слуги». — «О доблестный сын Васудевы, — ответил ему владыка океана, — мои слуги не губили того, о ком ты просишь. Но есть на свете кровожадный асура по имени Лангаджана. Он скрывается от мести богов в океанских водах, приняв другое обличье. Он стал ныне раковиной морскою, и, наверное, это он похитил того человека».

Могучий и гневный сын Васудевы не стал дожидаться, пока слуги Сагары сыщут асуру Лангаджану, и, не говоря более ни слова, сошел с берега в воду, погрузился на дно морское, нашел на дне Лангаджану и убил его в короткой схватке. Но сына учителя он в той раковине не обнаружил.

Тогда Кришна и Баладева, простившись с Сагарой, владыкой бурливого океана, направились в страну умерших, в царство всемогущего Ямы. Перед воротами в его владения Кришна громко затрубил в звучную раковину морскую, в которой раньше прятался кровожадный Лангаджана, и грозный Яма вышел навстречу сыновьям Васудевы.

«Что я могу сделать для тебя, доблестный сын Деваки? — спросил Кришну Яма. — Скажи мне, и я все для тебя исполню». Кришна ответил повелителю царства мертвых: «О грозный Яма, юный сын нашего наставника не по своей воле оказался в твоих владениях. Верни нам его живым и невредимым, и пусть он радуется еще долгие годы своего премудрого отца и его благочестивую супругу». — «Да будет так», — сказал грозный Яма, и сын учителя появился перед Кришной и Баладевой. Они посадили юношу на свою колесницу, поблагодарили за милость владыку царства умерших и помчались к обители своего учителя и его супруги. Там они вручили наставнику его сына и сказали: «О мудрый брахман, мы исполнили твою просьбу. Нет ли у тебя иной заботы? Скажи нам, и мы все для тебя исполним».

Но мудрый брахман не стал их просьбами тревожить. «Ничего мне больше не надо, — сказал им наставник. — Вы вернули мне сына, и довольно мне этого великого дара. А теперь возвращайтесь к своим родным, друзьям и близким и берегите свое доброе и славное имя».

Кришна и Баладева почтительно простились с брахманом и его супругой, поклонились им обоим в ноги, взошли на свою быструю колесницу и направились в Матхуру к Васудеве и Деваки. Все родичи и жители Матхуры с радостью и ликованием встретили сыновей Васудевы, и Уграсена попросил мудрого и могучего Кришну разделить с ним царскую власть и помогать ему в управлении государством. И доблестный сын Васудевы ответил согласием на просьбу своего двоюродного деда.

Войны Кришны с царем Магадхи

После гибели Кансы от могучих рук сына Васудевы его вдовы Асти и Прапти долго оставались безутешны. В цветущую пору своей жизни остались они без мужа, без царства, без власти, без богатства, и не могли они без душевной боли видеть, как радуются и ликуют Ядавы в их стольном городе Матхуре. И не захотели они более оставаться во дворце Уграсены и принимать из рук сыновей Васудевы как милость то, что раньше принадлежало им по праву. Они решили вернуться в Магадху, в их родной город Раджагриху, в котором правил их отец, грозный и могучий Джарасандха. В слезах и в горе прибыли они к царю Магадхи и поведали ему о том, как был убит их любимый супруг сыновьями Васудевы, как лишились они царской доли, и Джарасандха возгорелся гневом и поклялся страшно отомстить Кришне за гибель Кансы.

У царя Магадхи были богатая казна и могучее войско. Под его рукой было много соседних и дальних государей, много было у него друзей, союзников и данников разных, и он решил призвать их всех под свои знамена и идти войной на Матхуру. Могучие цари Севера и Юга, Запада и Востока откликнулись на зов Джарасандхи и пришли со своими войсками под стены Раджагрихи. И несметная рать собралась на земле царя Магадхи. Были в ней огромные слоны, обученные бою с врагами, стремительные колесницы, всадники на горячих конях, быстрых, как мысль, и грозные пешие рати. Днем и ночью слышали жители Раджагрихи громкие крики слонов, ржание боевых коней, клики и топот сотен тысяч воинов, жаждущих победы над Матхурой.

И когда это небывалое войско двинулось в поход на сыновей Васудевы, земля под ним заколебалась и желтые тучи пыли закрубились над широкой дорогой, ведущей к берегам священной Ямуны. У реки войско Джарасандхи к вечеру остановилось; лошадям и боевым слонам воины отвели особое место, мягкой тканью обмотали животным пасти и ноги, маслом смазали у колесниц колеса, костров и факелов не зажигали, и в полной тишине воины царя Магадхи провели эту ночь накануне битвы. Только слышно было иногда, как хрустнет в лесу ветка или плеснет рыба в многоводной Ямуне.

А наутро, едва над рекой показалось солнце, в высокий шатер Джарасандхи собрались союзные государи и полководцы, и царь Магадхи обратился к ним с речью: «Надо нам так окружить со всех сторон Матхуру, чтобы никто не мог без нашего ведома ни войти в нее, ни выйти оттуда. Западные ворота Матхуры будут осаждать войска Мадры, Калинги и Кашмира под командой своих государей. Царь Венудари из великого рода Пуру, Бхишмака, царь Видарбхи, вместе с Рукмином, его сыном, владыка панчалов Друпادا, цари Матсьев и Тригартвов поведут свои войска к Северным воротам, а Джаядратха, Шалья, Кауравы и Кайкейи должны войти в Матхуру через Восточные ворота. Сам я вместе с войском Магадхи буду брать Южные ворота. Прикажете всем воинам приготовить к битве свое оружие — палицы, мечи, секиры, копья и колесницы с острыми ножами. Пусть слоны идут впереди нашей рати, а всадники и колесницы пусть ждут моего знака. И пусть столица ненавистных Ядавов испытает сегодня ужас перед войском Магадхи, перед своей близкой кончиной. Мы возьмем сегодня Матхуру в жестокой битве и сровняем с землей этот город. Сегодня мы либо отпразднуем победу и покараем сыновей Васудевы за смерть Кансы, либо пусть я лучше погибну в битве».

Войско царя Магадхи сплошным кольцом окружило Матхуру; отважные воины, не боясь смерти, бросились на городские ворота, и началась жестокая и кровавая сеча между войском Джарасандхи и воинами Кришны и Баладевы. Но в Матхуре воинов было немного, стены вокруг города были невысоки, и сыновья Васудевы опасались, что их город не выдержит долгой осады. И они решили тогда превзойти войско Джарасандхи не числом, а отвагой и искусством.

Братья взошли на быстрые колесницы, положили на них луки, стрелы, копья и секиры, приказали открыть Южные ворота и с небольшим конным войском выехали навстречу Джарасандхе. Кришна зычно тру-

бил в свою раковину морскую, Баладева спускал с тетивы смертоносные стрелы, и страшно стало воинам царя Магадхи, когда оказались они лицом к лицу с отважными сыновьями Васудевы.

Чтобы ободрить свое дрогнувшее войско, вперед выехал на колеснице Джарасандха и крикнул Кришне: «Эй, коварный сын Деваки! Убийца благородного Кансы! Я не стану сражаться с таким юным, как ты, пастушонком. Но с Баладевой я готов сойтись в поединке. Так становись же, Баладева, напротив царя Магадхи, и я тотчас отправлю тебя в царство грозного Ямы».

Кришна ответил Джарасандхе достойной государя речью: «Могучему воину не к лицу хвастливые речи. Настоящий витязь сражается не словами, а оружием. Но я прощаю тебе пустую похвалу, царь Магадхи, ибо ты побежишь вскоре с поля битвы, и твои воины тебя догнать не сумеют».

А затем по знаку Кришны колесницы сыновей Васудевы ринулись на воинов Джарасандхи, внося во вражеские ряды смятение и беспорядок. Они кружили по полю битвы, сея вокруг себя смерть и ужас, и устилали трупам врагов землю. Тучи смертоносных стрел спускал с тетивы своего прославленного лука Кришна, и каждая стрела приносила кровавую жертву Яме. А неукротимый в битве Баладева, вздымая над головой тяжелый сошник, сокрушал врагов, теснившихся у его колесницы, подобно Индре, поражавшему асуров своей ваджрой.

Потом Баладева направил свою колесницу на боевых слонов Джарасандхи и ударами сошника и булавы так напугал животных, что они обратились в бегство, топча колесницы, всадников и пеших воинов царя Магадхи. И не устояли тогда, дрогнули и побежали с поля битвы рати Джарасандхи. Гневный царь преградил бегущим дорогу и яростно закричал, стоя на своей грозной колеснице: «Позор вам, воины Магадхи! Вы покидаете поле битвы, не выполнив своего воинского долга! Куда вы бежите? Назад, воины! Остановитесь! Великий грех падет на ваши души, и вы ничем не искупите позора! Остановитесь! Или я сам отправлю вас в царство Ямы! Мне не нужны в моем войске трусы! Я и один справлюсь с этими пастухами».

И воины, в страхе бежавшие от ударов Кришны и Баладевы, устыдились, воспрянули духом и вернулись на поле битвы. И снова с грохотом на всем скаку сталкивались тяжелые колесницы, грудью сшибались яростные кони, смешались в рукопашной схватке враждующие пешие рати. Кричали от боли раненые слоны и кони, стонали люди, кровь людская и кровь животных потоком струилась по полю битвы.

Баладева на своей грозной колеснице пробился сквозь ряды воинов Магадхи к Джарасандхе и ударом своей булавы свалил его коней на землю. И тогда начался между ними смертельный поединок. Баладева стремительно кружился вокруг царя Магадхи и наносил ему сокрушительные удары своей булавой. И не выдержал Джарасандха могучего натиска сына Васудевы. Он дрогнул, пошатнулся и едва не упал на землю, если бы не поддерживали его отважные бойцы из его войска, если бы они не прикрыли его своей грудью и не увели в безопасное место.

Доблестный Кришна с немногими воинами Матхуры яростно сражался против войска Бхишмаки, царя видарбхов, и его сына Рукмина, а Баладева теснил рати Джарасандхи и Шишупалы, царя чедиев. Под могучими ударами сошника и булавы Баладевы, как снопы во время жатвы, падали на землю воины вражеской рати, освобождая сыну Васудевы дорогу к колеснице царя Магадхи. И снова завязался между ними смертельный поединок. С шумом, подобным грому, столкнулись колесницы, пали раненые кони, стрел и копий у Баладевы и Джарасандхи не осталось, и они взялись за дубины, нанося друг другу удар за ударом. Долго кружились они по полю, сходились и вновь расходились, с громким стуком скрещивались в воздухе дубины, но ни один из них не мог одержать над противником победу. Оба витязя уже устали от схватки, силы их были уже на исходе, но никак не удавалось Баладеве нанести царю Магадхи последнего и смертельного удара. И вдруг с небес раздался громовой голос: «О доблестный Баладева, славный и могучий воин, пощади свои силы, не убить тебе сегодня Джарасандху. Отступись и не сожалей об этом. Судьба — всемогуща, и царь Магадхи падет, но от другой руки, в другом месте и в другое время».

Когда услышал этот голос, эти слова могучий Джарасандха, то силы оставили его, и он совсем пал духом, но благородный Баладева не воспользовался этой минутой и, послушный судьбе, не стал наносить врагу бесполезного удара.

Двадцать семь дней длилась эта страшная битва царя Магадхи с сыновьями Васудевы, а его несметные рати все еще не могли одержать победу и захватить Матхуру. Многих воинов, могучих и отважных, мудрых и искусных полководцев потерял Джарасандха под стенами Матхуры; убитые слоны и кони, разбитые колесницы, тысячи и тысячи витязей, погибших в битве, устилали кровавое поле, а победа так и не пришла к царю Магадхи. Видно, судьба не сулила ему в этой войне удачи. И тогда гордый Джарасандха решил отступить. Он дождался прихода

ночи и, когда глубокая тьма окутала землю, отвел свои войска от Матхуры и вернулся, так и не утолив своей мести, в Раджагриху.

Так могучие сыновья Васудевы доблестью, силой и отвагой с совсем малым войском защитили от врагов славную Матхуру.

После этой битвы Ядавы снова зажили счастливо и мирно, никто более не нарушал их границ и покоя, и все люди в их краю были сыты и довольны. Однако мирная жизнь у Ядавов была недолгой. Семнадцать раз еще водил Джарасандха, алчущий победы, свои рати на Матхуру, но так и не пришла к нему желанная победа. И тогда царь Магадхи, разъяренный неудачами и жадной мести, стал готовиться к восемнадцатому походу. Он собрал новое войско, призвал под свои знамена друзей и подвластных государей и вступил в союз с Калаяваной, непобедимым доселе царем яванов и млеччхов.

Когда Кришна узнал о союзе Калаяваны с царем Магадхи, он стал не на шутку тревожиться за судьбу Матхуры, за жизнь и покой всех подданных кроткого царя Уграсены. Ядавы от бесконечных войн с Джарасандхой утомились, много воинов погибло в битвах, стены Матхуры были не крепки, а Калаявана слыл на земле непобедимым и оружием смертных людей неподвластным. Еще до рождения великие боги наделили его этим даром, и верховный жрец Ядавов — Гарга был тому причиной.

Гарга был мудр, благочестив и целомудрен. И хотя у него была жена, он никогда к ней не прикасался. Долгие годы он жил в строгом воздержании от удовольствий и обуздывал в себе свойственные всем людям страсти. И вот однажды, когда собрались во дворце государя Матхуры высокие гости, шурин Гарги подверг сомнению его благочестие и святость. Он сказал, что потому Гарга ни разу не пожелал женщину, что нет и не было у него никогда потребной для любви мужской силы. Шурин причинил Гарге такую обиду, что брахман решил нарушить свои обеты и рождением сына клевету своего шурина опровергнуть.

Гарга ушел из Матхуры в Гималаи и предался в суровых горах строгому покаянию. Двенадцать лет он питал свою плоть одним толченым железом, утолял жажду утренней росой и ни разу за эти годы не разомкнул уста для беседы и не сказал ни единого слова. Только в мыслях своих просил великого Шиву даровать ему сына. И грозный Рудра сжалился над Гаргой. Он явился ему однажды и сказал: «Довольно тебе истязать себя, брахман. Будет у тебя сын, могучий и грозный, и никогда не смогут одолеть его в битве своим оружием, своей силой потомки Яду и его братьев».

Прослышал об этом даре Рудры бездетный царь яванов и млеччхов и пригласил к себе в гости великого подвижника Гаргу. Он принял святого мудреца с большим почетом, щедро наделил его богатыми дарами и был с благочестивым брахманом так приветлив, что Гарга стал забывать про обиду, которую причинил ему его шурин в далекой Матхуре. Чтобы не было забот у Гарги, чтобы все у него в доме было в должном порядке, царь яванов послал прислуживать брахману молодых пастушек, красивых, заботливых и прилежных. И вот однажды прекрасная апсара Гопали, жаждавшая родить сына и знавшая о милости Шивы к Гарге, приняла обличье простой пастушки и вместе с другими стала прислуживать ему в его доме.

Гопали была несказанно красива: бедра ее были округлы, стан тонок, грудь высока и упруга. Она приглянулась брахману, стремившемуся обрести потомство, и той же ночью Гопали приняла в свое прекрасное лоно благословенное Шивой семя подвижника Гарги, сулившее ей великого и непобедимого сына. Целый год прожила Гопали женою Гарги, пока не родила сына, которого нарекли Калаяваной, а потом удалилась в небесное царство. Вернулся и Гарга к себе домой в Матхуру, а сына его взял к себе и воспитал, как родного, могучий царь яванов и млеччхов. А когда он скончался, Калаявана наследовал его царство и стал в той стране полновластным государем. И все млеччхи, все яваны, обитавшие на севере, на равнине и в предгорьях Гималаев, признали вскоре Калаявану своим верховным владыкой, и держава его стала огромной и непобедимой.

Вот с ним-то, с сыном Гарги, и вступил в союз неукротимый Джарасандха, и Калаявана с радостью согласился идти в поход на Ядавов, на Матхуру. Он знал о великом даре Шивы и никого из потомков Яду не страшился. Триста тысяч яванов и млеччхов повел Калаявана на помощь царю Магадхи, и земля под их тяжелой поступью сотрясалась.

Ядавы строят крепость Двараку

Тем временем Кришна созвал во дворце Уграсены всех вождей Ядавов и сказал им: «Всем нам дорог наш великий и прекрасный город Матхура. Здесь родились и прожили жизнь наши предки, здесь родились и живем мы сами. С гибелью свирепого Кансы нет больше в Матхуре несправедливости и неправды, кончились наши беды, и все люди, все наши подданные живут в мире и довольстве. Но друзья и близкие родичи Кансы не хотят оставить нас в покое. Они жаждут отомстить за его кончину, сровнять с землей нашу столицу, а жителей ее истребить или увести в рабство. Семнадцать раз ходил походом на Матхуру царь Магадхи, и семнадцать раз ни с чем возвращался в Раджагриху. Однако он все еще стремится к победе и готовится к новому походу. На сей раз он сговорился с Калаяваной, царем яванов и млеччхов, и тот привел на помощь Джарасандхе огромное войско. Триста тысяч яванов и млеччхов, воины Магадхи, могучие рати подвластных Джарасандхе государей собрались идти походом на Матхуру. Эти несметные вражеские рати одолеть нам будет не под силу — у Ядавов войско небольшое, а Джарасандха и Калаявана нашему оружию неподвластны, дар богов оберегает их от смерти в битве с нами. К тому же наша прекрасная столица непригодна для долгой обороны — спесивый Канса слишком полагался на свою силу, не возвел могучих крепостных стен вокруг Матхуры, не построил сторожевых башен, и мы не сможем выдержать длительной осады. Если мы не хотим видеть гибель наших сестер и братьев, если мы хотим спасти Ядавов от рабства, нам следует, пока враг еще далеко, покинуть Матхуру, увести людей в безопасное место

и на том месте не мешкая возвести неприступную крепость и построить новый прекрасный город, чтобы Ядавы всегда могли найти в нем кров, покой и защиту».

Так сказал вождям и старейшинам мудрый Кришна, и все собравшиеся на совет люди с ним согласились. Они ответили Кришне: «Ты мудр и осторожен, благородный сын Васудевы. Делай все, что сочтешь полезным для нашего общего блага».

Получив согласие и поддержку всех вождей и старейшин, Кришна объявил Ядавам свою волю: «Ныне благоприятный день для мудрых начинаний. Сегодня мы все Матхуру покидаем и уходим в другое место с детьми, женщинами, стариками, со всем имуществом нашим, со всем нашим войском».

И Ядавы принялись готовиться к походу. Запрягли лошадей в большие крытые повозки, погрузили на них свой скарб, детей, стариков и женщин и вскоре под охраной войска вышли из Матхуры.

Долгий путь прошли Ядавы через доли, леса и горы и наконец вышли к великому и бурному океану, и здесь Кришна велел всем остановиться. Тут была прекрасная обширная долина с красной плодородной почвой. С одной стороны эта долина прилегала к океану, с другой ее ограждала высокая, поросшая лесом гора Райвата, обильная дикими зверями, травами и плодами. Прохладные океанские ветры веяли над долиной, и здесь не бывало изнурительного зноя. Тут, на берегу вольного океана, под защитой гор и лесов непроходимых и решил Кришна ставить крепость и город.

Ночь Ядавы провели в высоких шатрах, а на следующее утро они совершили положенные омовения, вознесли богам молитвы и принесли им жертвы, а потом все принялись за дело. Сначала старейшины наметили городские пределы, отвели особое место под крепость, по шнуру отмерили землю для прямых и широких улиц, для каждого дома, дворца и храма, для торжищ, мастерских и лавок, для хлевов и конюшен. А затем землекопы, плотники и каменщики стали возводить невиданный на земле город. Сначала они вырыли защитный ров, широкий и глубокий, потом возвели высокие и толстые крепостные стены и поставили на них грозные, с бойницами, сторожевые башни. А внутри стен Ядавы стали возводить жилища, лавки для ремесленников и торговцев. К ним на помощь по просьбе Кришны явился божественный зодчий Вишвакарман, который помог Ядавам поставить удобные дома, богатые дворцы и высокие храмы, соединить улицы широкими площадями, украсить город рощами, водоемами и садами.

По указу Кришны Ядавы поставили храмы Брахме, Индре, Варуне, Агни и Кубере, и брахманы стали приносить в тех храмах великим и всемогущим богам жертвы.

И вскоре встал между горой Райвата и океаном прекрасный и богатый город. Улицы в нем были широкие и прямые, площади просторны, дома светлые и удобные для жизни, дворцы роскошны, а лавки полны всевозможными товарами. В зеленых тенистых садах и рощах пели птицы, цвели лотосы в водоемах, а вокруг города высилась грозная крепость, и вели в нее многочисленные ворота из крепкой меди. Дваракой, или Многовратной, велел назвать новую столицу Ядавов Кришна, и зажили в ней люди спокойно.

Когда Ядавы построили крепость и город, в Двараку явился гонец от Куберы, властителя земных сокровищ, и сказал сыну Деваки: «О могучий Кришна! Мой владыка велел спросить у тебя, всего ли в твоём городе довольно? Нет ли у тебя в чём-нибудь недостатка? Не может ли Кубера оказать тебе услугу? Он готов поделиться с тобой всем, чем он сам владеет».

Кришна ответил гонцу Куберы: «Есть в Двараке люди, у которых нет никаких средств для жизни. Трудно мне видеть голодных, истощённых, неумытых и нищих. Не могу я слышать, как иные бедняки взывают о помощи к людям и просят подаяния. Скажи Кубере, пусть он поделится с ними своим богатством».

Гонец передал просьбу Кришны Кубере, и владыка земных сокровищ наделил в Двараке всех бедняков таким изобилием пищи, утвари, одежды и злата, что не осталось нищих в стольном городе Кришны и все Ядавы зажили в довольстве и достатке.

А затем к сыну Деваки явился сам Вайю, повелитель ветров, и сказал ему: «О доблестный сын Васудевы, я — Вайю, владыка быстролетных ветров, и нет в мире для меня преграды. Меня послали к тебе великие боги спросить, не нужна ли тебе их помощь?»

Кришна ответил богу быстролетных ветров: «Ступай, Вайю, в Амаравати, столицу Индры, передай великим богам поклон от сына Васудевы и скажи, что надобно мне иметь Судхарму, прославленный Чертог Благих Решений. Не хочу я, чтобы были среди Ядавов раздоры, чтобы решения их были неразумны и губительны их деяния и поступки. Пусть Судхарма станет местом их Совета, пусть они сообща, согласно и мудро принимают свои решения и пусть всегда эти решения приносят моему племени благо. Я знаю, что Чертог Благих Решений может менять свое

обличье и сам передвигаться по земле и по воздуху, как птица, по желанию его господина. И скажи Индре, чтобы не было у него соблазна передать мне не Судхарму, а лишь то, что видом своим только на него похоже».

Вайю выслушал Кришну, удалился в небесное царство, и вскоре показался над Дваракой божественный Судхарма и плавно опустился на главную площадь и встал напротив дворца Уграсены. С той поры Ядавы собирались на совет в Судхарму и только там о́тныне принимали свои решения, и были эти решения у них всегда благими.

С тех пор согласно и счастливо жили Ядавы в Двараке, и ничто их покою не угрожало. Каждое утро и каждый вечер Уграсена проверял у ворот и в крепостных башнях стражу, обучал свое войско бранному искусству, и никто Двараку в то время не тревожил.

Гибель Калаяваны и спасение Матхуры

Когда Кришна исполнил все, что он для блага Ядавов замыслил, когда стала Дварака для них надежной защитой, сыновья Васудевы простились с отцом, матерью и Уграсеной и отправились в опустевшую Матхуру. Туда двигалось несметное войско яванов и млеччхов, за ним следом шел неукротимый Джарасандха, и нужно было спешить Кришне и Баладеве, чтобы разбить их поодиночке, прежде чем они сойдутся вместе.

Едва сыновья Васудевы вместе с их небольшим отрядом прибыли в Матхуру, как услышали они далекий гул, доносившийся от берегов Ямуны. То двигалось огромное войско яванов и млеччхов, и земля гудела и сотрясалась под тяжкой поступью трехсоттысячной рати. Тогда хитроумный Кришна решил посеять страх в душе царя яванов и млеччхов и отвратить его от союза с Джарасандхой. Он велел поймать ядовитую змею, чей укус был смертелен, поместить ее в глиняный сосуд, плотно закрыть его и запечатать. А затем он направил к Калаяване посла с этим сосудом и велел сказать царю млеччхов: «Кришна с его войском в Матхуре грозен и опасен, как змея в этом хрупком сосуде».

Посол Кришны помчался на быстрой колеснице навстречу войску яванов и млеччхов, предстал перед их могучим государем и передал ему подарок и слова сына Васудевы. Владыка млеччхов выслушал посла Кришны, принял грозный дар в свои царские руки, а потом велел наполнить этот сосуд хищными лесными муравьями. «Скажи своему государю, — промолвил Калаявана с улыбкой, — что царя яванов не напугать таким подарком. Скажи своему господину, что с ним вскоре случится то же, что с ядовитой змеей в этом сосуде». С этими словами царь млеччхов

вручил сосуд со змеей и муравьями послу Кришны и отпустил его обратно в Матхуру. Когда Кришна раскрыл сосуд с даром Калайаваны и увидел в нем змею, обглоданную муравьями, он понял, что нужно прибегнуть к другой уловке.

Не медля ни минуты, он взошел на колесницу, запряженную горячими конями, быстрыми как мысль, и один направился в стан царя яванов и млеччхов. Когда Кришна один безо всякой охраны предстал перед Калайаваной, то царь млеччхов пришел в такую ярость, что решил тут же, на месте покончить с ненавистным сыном Васудевы. Он ринулся на Кришну, стремясь схватить его могучими руками и предать смерти, но сын Васудевы ловко ускользнул от грозных объятий и обратился в бегство. Распаленный гневом царь млеччхов стал преследовать Кришну, не позволив воинам участвовать в погоне. Ему очень хотелось самому одолеть Кришну в поединке, чтобы ни с кем не нужно было делиться славой.

Завлекая Калайавану все дальше и дальше от его стана, Кришна добежал до огромной горы, поросшей густым лесом, проскользнул в глубокую темную пещеру и спрятался в стороне от входа. Там, в глубине пещеры, прямо на земле тысячи лет спал крепким сном могучий некогда государь по имени Мучукунда. Это был славный и грозный воитель. В былые времена, когда великие боги сражались с асурами за власть над вселенной, они призвали Мучукунду к себе на помощь. Царь отважно сражался, не давал асурам пощады, но потом так устал от трудов ратных, что все его тело сковала неодолимая сонливость, и захотелось ему уснуть и не просыпаться долгие годы. И он взмолился: «О великие боги, от усталости и ярости бранной огонь сжигает мои очи, и не нужно мне, кроме сна, иной награды. И да обратят мои очи в серый пепел того, кто осмелится мой благостный сон нарушить».

«Да будет так!» — сказали Мучукунде милостивые боги, и с их дозволения царь удалился в горную пещеру, лег на землю, прикрыл свои пылавшие огнем очи, уснул безмятежным сном на долгие годы, и никто его доселе не тревожил.

Потому и заманивал мудрый Кришна Калайавану в эту пещеру, что давно уже от Нарады он слышал про дар богов могучему Мучукунде.

Сын Деваки прошел в глубину пещеры, осторожно обошел стороной спящего воителя и встал позади царя, в изголовье, чтобы не пал на него ненароком испепеляющий взор пробудившегося Мучукунды. А Калайавана ничего этого не ведал. Как дикий зверь, с громовым криком ворвался он в тихую пещеру, споткнулся о лежащее на земле тело и яростно пнул

его своей ногой. Мучукунда от этого удара пробудился, загорелся гневом, обратил свой взор на царя яванов и млеччхов, и тот мгновенно обратился в пепел.

Тогда Кришна уже без всякой опаски подошел к Мучукунде и сказал ему: «Да сопутствует тебе благо, царь. Ты избавил меня от смертельного врага, и я тебе благодарен. Меня зовут Кришна, я — потомок Яду, сына Яяти, мой отец — Васудева. Долго ты спал, великий воитель. Ты заснул в Третаюге, а нынче уже юга Кали. Скажи мне, чем отблагодарить тебя за великую услугу моему народу?»

Но Мучукунде ничего не было нужно. Он вышел вместе с Кришной из пещеры, взглянул на окрестные горы и долины, на людей, которые показались ему меньше ростом, чем были раньше, и слабее; подумал о том, что царством его владеют теперь уже другие люди, и решил больше в мир не возвращаться. Он простился с Кришной, ушел в Гималаи и наложил там на себя суровые обеты. И долгие годы провел он в постах, молитвах, в истязании плоти, а потом жизнь в нем постепенно угасла, и милосердные боги взяли его к себе, в свое царство.

После гибели Калаяваны Кришна скрытно вернулся в Матхуру, вывел из города свое небольшое войско навстречу яванам и млеччхам, оставшимся без вождя и полководца, и в недолгом бою разгромил вражеские рати, уничтожив всех воинов Калаяваны до последнего человека. Сыновья Васудевы взяли в стане яванов богатую добычу, отправили ее с верными слугами к Уграсене в Двараку и стали дожидаться прихода Джарасандхи.

Царь Магадхи, однако, со сборами не медлил. Вскоре его огромное войско приблизилось к Матхуре, со всех сторон окружило город и приготавлилось к решительной битве. Джарасандха жаждал мести и победы и еще не ведал о гибели царя и войска яванов и млеччхов. «Пока подойдет к Матхуре Калаявана со своим несметным войском, — думал про себя царь Магадхи, — Ядавы от голода и жажды в осаде ослабнут, а потом мы их легко и быстро одолеем, сровняем с землей Матхуру и покончим навсегда с сыновьями Васудевы».

Когда Кришна увидел огромное войско Джарасандхи, осадившее Матхуру, он, поразмыслив, решил не вступать в битву с царем Магадхи, а одолеть его с помощью хитрой уловки. Вместе с Баладевой, своим могучим старшим братом, он взошел на колесницу, запряженную быстрыми, как мысль, конями, и выехал без воинов, без охраны из Южных ворот Матхуры. Грозными кликами встретили сыновей Васудевы

воины Магадхи, и Джарасандха повелел им пленить Кришну и Баладеву, заковать их в железные цепи и доставить их к нему в шатер. Воины Магадхи бросились исполнять повеление Джарасандхи, а сыновья Васудевы, подпустив врагов к себе поближе, поворотили свою колесницу и обратились в притворное бегство, увлекая за собой в погоню войско царя Магадхи. Впереди своих воинов помчался на быстрой колеснице ликующий Джарасандха, предвкушая близкую победу.

Все дальше и дальше от Матхуры увлекали врага сыновья Деваки. Кони их утомились от долгой скачки, желтая дорожная пыль окутала их колесницу, горячий пот стекал по лицам Кришны и Баладевы. У высокой горы Триваршана сыновья Васудевы соскочили с колесницы, спрятали ее в густой лесной чаще и стали взбираться по крутым горным склонам на вершину. Когда царь Магадхи и его войско приблизились к Триваршане, обильно поросшей цветущим лесом, сыновей Деваки уже нигде не было видно. Джарасандха повелел воинам обыскать все горные склоны, все окрестные лесные чащи, но от Кришны и Баладевы нигде даже и следа не осталось. Тогда царь Магадхи догадался, что ненавистные ему сыновья Васудевы затаились на вершине горы, и решил огнем заставить их спуститься оттуда. Он велел воинам поджечь лес на горных склонах и стал дожидаться, когда Кришна и Баладева, спасаясь от огня и дыма, сами явятся к нему просить милости и пощады. Но хитроумный Кришна царю Магадхи такой радости не доставил. Когда вся Триваршана окуталась едким дымом и ничего вокруг стало уже не видно, Кришна и Баладева прыгнули вниз с самого края горной вершины и, пролетев по воздуху одиннадцать йоджан, благополучно опустились на землю в густой лесной чаще. А затем они скрытно взобрались на свою колесницу и тайной лесной дорогой направились в Двараку, свою столицу, оставив царя Магадхи с его войском на склонах Триваршаны, охваченной яростным лесным пожаром.

Долго ждал Джарасандха, когда придут к нему сыновья Васудевы с мольбой сохранить им жизнь, и не дождался. А потом, когда на горные склоны стал опускаться темный вечер, царь Магадхи решил, что его враги погибли в огне лесного пожара, и, торжествуя победу, повернул свое войско в обратный путь в Раджагриху.

Похищение Рукмини

В прекрасном городе Кундине, во дворце Бхишмаки, царя Видарбхи, выросла и расцвела Рукмини, прелестная царевна, единственная дочь государя. Она была высока ростом, со стройным станом и нежным лицом. Земная молва славил повсюду ее целомудрие, кроткий нрав и доброе сердце. И давно уже душу Кришны влекло к дочери Бхишмаки, царя Видарбхи, и доблестный сын Васудевы страстно желал взять Рукмини в жены.

В ту пору царевна уже вступила в брачный возраст, и Бхишмака хотел выдать свою дочь замуж. Прославленные земные государи, очарованные красотой Рукмини и ее добрым нравом, засылали в Кундину сватов, но Рукмини всех женихов отвергала. Давно уже любила она втайне Кришну, доблестного сына Васудевы и Деваки, но не смела в этом признаться ни отцу своему, ни братьям. Царь Видарбхи и его старший сын Рукмин были верными друзьями и союзниками Джарасандхи, помогали ему во всех походах против Кришны и не могли ему простить его побед над ними. Горечь многих поражений поселила в сердце Рукмина яростную вражду к сыну Деваки, и Рукмини твердо знала, что ее брат не позволит ей выйти замуж за Кришну. Он желал ей иного жениха — доблестного Шишупалу, царя Чеди, друга и союзника Видарбхи и Магадхи.

И могучий Джарасандха желал поженить Рукмини и Шишупалу и тем еще больше скрепить союз Магадхи, Чеди и Видарбхи. Он сам решил быть сватом Шишупалы и прибыл в Кундину уговаривать Бхишмаку отдать дочь в жены царю Чеди. Вместе с Рукмином они склонили престарелого царя Видарбхи избрать среди всех женихов Шишупалу

и отдать ему прелестную царевну. Так была решена судьба Рукмини, прекраснейшей из женщин, и назначен день торжественной свадьбы.

Но непорочная Рукмини в душе своей не хотела быть женой Шишупалы, она его совсем не любила, сердце ее принадлежало сыну Васудевы. Она никогда прежде не видала Кришну, но ведь людская молва преград не знает, а люди славил и возвеличивали доблестного сына Деваки повсюду. Они воспевали его несравненную красоту, его невиданную силу, его мужество и отвагу, доброту и сострадание к людям, его подвиги в войнах, его чарующую игру на свирели. Не было тогда на свете женщины, равнодушной к Кришне, — его взгляд, его улыбка, его нежные речи пленяли женщин повсюду. Полюбила его всем сердцем и царевна Видарбхи и про себя решила, что если не станет она женою Кришны, то наложит на себя руки, а за другого не пойдет замуж.

И тогда Рукмини решила отправить в Двараку гонца к Кришне. Она призвала к себе одного мудрого брахмана, преданного ей всей душою, и велела ему спешно собираться в дорогу, тайно пробраться в стольный город Ядавов у берега океана и вручить сыну Васудевы письмо, которое она написала ему ночью. Брахман надежно спрятал послание Рукмини к Кришне, взошел на быструю колесницу и темным вечером скрытно выехал из Кундины и направился в многовратный город Кришны. В пути у него не была никакой помехи, и вскоре он благополучно прибыл в Двараку и вошел во дворец Уграсены. Сын Васудевы пошел гонцу навстречу, усадил его на почетное место, сам омыл ему усталые ноги, накормил, напоил и обратился к брахману, по обычаю, с почтительным вопросом: «Благо тебе, премудрый брахман. Ты, верно, устал от долгой дороги. Скажи мне, кто ты? Откуда? Что я могу для тебя сделать?»

Брахман сказал ему, что он тайно прибыл в Двараку из Видарбхи, что послала его к нему дочь Бхишмаки, прелестная царевна, и велела прочесть сыну Васудевы письмо, которое она ему написала.

В том письме Рукмини писала Кришне: «О доблестный сын Деваки! От людей я знаю, что ты прекрасен, мудр и отважен, что нет среди мужей на земле тебе равных по красоте, силе, мудрости и доброму нраву. Каждая женщина земная мечтает стать твоей женою, и я того же для себя желаю. О господин мой, ты давно уже суженый в моем сердце, тебя одного я избрала своим супругом. Но не хотят того Бхишмака, отец мой, и Рукмин, брат мой старший. Они выбрали мне в мужья царя Чеди, постылого Шишупалу, и уже назначили день для свадьбы. Но я давно

про себя решила, что скорее откажусь от питья и пищи, скорее лишу себя жизни, чем стану женой другого. О милый, спаси меня от Шишупалы, не позволяй ему коснуться царевны Видарбхи! Приди, спаси меня от царя Чеди. Ведь не должен шакал трогать пищу, которая принадлежит только льву по праву. О лотосоглазый Кришна, приди в Видарбху и возьми меня, не спрашивая у отца и братьев согласия, возьми так, как ракшас берет себе невесту.

О непобедимый Кришна! Ведь на завтра уже назначена ненавистная мне свадьба. Так приди же в Видарбху, покарай нечестивых государей, друзей Шишупалы, и возьми меня в жены. Конечно, меня сейчас так стерегут и охраняют, что проникнуть в мои покои очень трудно. Но завтра я пойду поклониться Уме, вознести ей молитвы и просить ее, чтобы она избавила меня от нелюбого царя Чеди. Вдоль улицы к храму Амбики я пойду вместе с мамками, родными и друзьями, а после молитвы буду возвращаться обратно в отцовские чертоги. Если в тот час я не увижу тебя в толпе жителей Кундины, если не воспользуешься ты той удобной минутой, то я откажусь от жизни и уйду в царство Ямы».

Когда брахман прочел письмо царевны Видарбхи сыну Васудевы, он низко склонился перед Кришной и промолвил: «Теперь, владыка, ты все знаешь и, поразмыслив обо всем, сделай то, что ты сочтешь должным сделать».

Кришна брахману ответил: «Передай, почтенный наставник, мой привет прекрасной царевне Видарбхи. Скажи ей, что я не сплю ночами и мысли мои всегда о ней от темноты до рассвета. Мне ведомы враждебные чувства ее брата, я знаю, что никогда Рукмин по доброй воле не согласится выдать свою сестру за меня замуж. Ну что ж, придется мне нанести моим врагам такие удары, что они сгорят дотла в пламени битвы, как сгорают могучие деревья в огне яростного лесного пожара. Пусть Рукмини будет спокойна, не достанется моя суженая Шишупале».

А затем сын Васудевы повелел возникшему своему Даруке готовить в дорогу боевую колесницу, запрячь в нее четверку коней, быстрых как мысль, и положить в нее его оружие. Когда все было готово к предстоящему походу, Кришна взошел на колесницу, усадил рядом с собой посланца царевны Видарбхи и в сопровождении небольшого войска помчался в Кундину, столицу царя Видарбхи. Чудесные кони за одну только ночь доставили сына Васудевы из Двараки в страну Видарбхов.

А в Кундине в это время торжественно готовились к свадьбе Рукмини и Шишупалы. Слуги государя и жители столицы чисто прибрали

город и украсили его флагами и цветами. На площадях и у входа в храмы дымились в курильницах благовонные снадобья, на улицах толпились празднично одетые горожане, величальники и славословы нараспев произносили стихи, восхваляющие жениха и невесту, а государевы служители угощали всех яствами и напитками со стола царя Видарбхи.

Опечаленную невесту служанки омыли в теплом водоеме, умастили ее тело душистыми маслами, облачили в златотканые одежды и украсили драгоценным ожерельем из сверкающих алмазов. Чтобы оградить царевну от дурного глаза и болезней, брахманы принесли богам жертвы, произнесли заклинания, обладающие великой силой, и благословили Рукмини на счастливый брак с Шишупалой.

Вскоре доблестный царь Чеди прибыл в Видарбху и торжественно вступил в Кундину в сопровождении большого войска. Впереди величаво и медлительно шли слоны, обученные воинскому бою, за ними двигались грозные боевые колесницы, следом гарцевали всадники на быстрых конях, и замыкали шествие пешие рати.

Жениху в Кундине отвели дворцовые палаты, сам государь Видарбхи ввел его в высокие царские чертоги, и торжествующий Шишупала стал готовиться к желанной свадьбе. Все окрестные и дальние государи со своими войсками прибыли в Кундину, чтобы отпраздновать свадьбу царя Чеди и царевны Видарбхи. Крики слонов, ржание коней, людской шумный говор слышались повсюду и не умолкали от восхода до захода солнца. Прибыл в Кундину и могучий царь Магадхи Джарасандха с огромным войском, и когда собрались в столице Видарбхи все сторонники и друзья Шишупалы, они тайно, вместе с Рукмином, братом невесты, сговорились неусыпно охранять Рукмини днем и ночью, чтобы не похитили ее ненароком сыновья Васудевы.

А Рукмини, готовясь к свадьбе с постылым ей Шишупалой, все глаза проглядела, стараясь увидеть в толпе на улицах Кундины ее возлюбленного Кришну. «Увы! — горестно причитала царевна Видарбхи. — Наступает последняя ночь перед свадьбой, и скоро кончится моя девичья жизнь. Отдадут меня за нелюбимого завтра, и будут дни мои безрадостны и тоскливы. Не приехал, видно, мой любимый, не откликнулся, не отозвался. И гонца моего все нету и нету. Может быть, Кришна сердится на меня за дерзость, за то письмо, которое я ему послала. Нет, наверное, Амбика меня не любит и защитить меня от недругов не желает».

Так жаловалась на свою судьбу прекрасная царевна Видарбхи, и горькие слезы застилали ей очи, и судорога подергивала ей левую ногу, левую

руку и левое веко. Но не ведала Рукмини, что это подергивание было не плохой, а радостной приметой! И когда уже совсем отчаялась царевна, перед ней появился брахман, тайно посланный ею к Кришне. Он был спокоен, весел и доволен, и, глядя на него, Рукмини сразу освободилась от печали. Брахман поведал царевне Видарбхи, что Кришна уже прибыл в Кундину, что сын Васудевы ее любит и не отдаст ее Шишупале. И такая радость, такое счастье охватили душу прекрасной царевны, что она склонилась перед брахманом в низком земном поклоне и поклялась быть вечно ему благодарной.

В день свадьбы Рукмини направилась в храм Амбики поклониться великой богине и попросить у нее милости и защиты. Медленно, в торжественном свадебном наряде, под охраной грозных и могучих воинов шла по улице Кундины со своими подружками царевна Видарбхи, и жители столицы устилали ей путь красивыми цветами и весело желали Рукмини благополучия и счастья; музыканты били в гулкие барабаны, сказители восхваляли государя, жениха и невесту, а брахманы пели свадебные гимны.

Когда Рукмини подошла к храму великой богини, она омыла чистой водой ноги, ополоснула рот и зубы и, босая, чистая помыслими и телом, подошла к изваянию богини, низко перед ним склонилась и обратилась к ней с единственной мольбою: «О Амбика, наша Великая Матерь, позволь мне стать женой прекрасного Кришны». А потом Рукмини положила перед образом богини все, что она принесла ей в дар и жертву, — чистую воду, рис, сочные плоды, сахарный тростник, душистый порошок из сандала и драгоценные ткани. А затем она еще раз низко поклонилась богине и молча, взяв за руки подружек, вышла из храма.

Она шла обратно во дворец государя Видарбхи и была так прекрасна, что у всех мужчин пробудила любовное желание. На лице ее был нежный румянец, жемчужной белизной сверкали ровные зубы, на алых губах сияла робкая улыбка. Золотые браслеты звенели на стройных ногах царевны, свежие цветы в волосах благоухали, и всем казалось, что это не смертная царевна, а сама Лакшми идет по улице Кундины. Все царственные гости, все приехавшие на свадьбу государи помрачались рассудком, глядя на царевну Видарбхи, и многие среди них воспылали к Рукмини любовной страстью.

А она никого и ничего не замечала. Она искала в толпе людской на улице Кундины только суженого своего, прекрасного сына Васудевы. И в тот миг, когда царевна поравнялась с тем местом, где, таясь ото всех,

стоял Кришна, он схватил ее своими могучими руками, разметал в стороны стражу и, усадив Рукмини в колесницу, умчал ее из Видарбхи в свою столицу.

Среди бела дня увел Рукмини Кришна, и столь дерзким, столь отважным было похищение невесты, что не сразу Рукмин и Шишупала снарядили за сыном Васудевы погоню. А когда жених со своими друзьями и со всем их войском бросился догонять Кришну, то Рукмини и сын Васудевы были уже далеко. И все же Шишупала, Рукмин, Джарасандха и другие государи, обуянные яростью и злобой, стали настигать колесницу Кришны. И тогда завязалась жаркая битва между Ядавами и их ожесточенными врагами. Но судьба была против Шишупалы, Рукмина и Джарасандхи. Кришна и Баладева со своим небольшим войском обратили воинов Видарбхи, Чеди и Магадхи в бегство, и пришлось им с позором возвращаться в Кундину.

Джарасандха, жалеючи своего юного друга, всячески утешал Шишупалу. Он говорил скорбному жениху, у которого в день свадьбы похитили невесту: «Не надо печалиться, юный брат мой. Я восемнадцать раз ходил походом на Матхуру, и только один раз я ушел от Кришны без поражения. Утешься, Шишупала, судьба непостоянна, в другой раз придут и к нам счастье и удача».

Со временем царь Чеди стал оправляться от постигшего его горя, но в душе затаил лютую злобу и терпеливо стал ждать своего часа, чтобы страшно отомстить сыновьям Васудевы.

Только Рукмин тогда Джарасандху не послушал. Он один стал преследовать на своей колеснице Кришну и громким кличем вызывал его на поединок. И пришлось тогда сыну Васудевы остановить колесницу и вступить в бой с братом своей любимой. Но не мог юный Рукмин соперничать силой и воинским искусством с могучим сыном Васудевы, и стал он отступать под сокрушительными ударами Кришны. И тогда взмолилась Рукмини: «О возлюбленный муж мой, пощади, не лишай жизни моего брата! Ведь он мой кровный сородич!»

Кришна не смог отказать Рукмини в ее просьбе и не стал убивать сына царя Видарбхи. Он лишь его обезоружил, связал ему руки и ноги, срезал с головы и бороды царевича Видарбхи по клоку волос в насмешку, и стал Рукмин оттого смешным и некрасивым.

А затем Кришна, Рукмини и Баладева с их войском последовали своим путем в Двараку к Васудеве и Деваки, а Рукмин остался лежать на земле на том месте, где связали его доблестные сыновья Васудевы.

Злые слезы текли из глаз царевича Видарбхи, и он про себя поклялся, что не вернется в Кундину после такого позора. И верно, через некоторое время Рукмин от пут освободился и основал вдалеке от Кундины новый город — Бходжакату — и стал терпеливо дожидаться того часа, когда он сможет отомстить за свой позор сыновьям Васудевы.

А Кришна со своей любимой без тревог прибыл в Двараку, стольный город у океана, сыграл пышную и веселую свадьбу и стал счастливо жить со своей любимой супругой. Каждый год Рукмини дарила Кришне по сыну, а со временем появились у него и внуки. Но однажды пришлось Кришне Двараку оставить. У Пандавов, его двоюродных братьев, коварные враги отобрали царство, и Кришна решил восстановить нарушенную справедливость. Он стал помогать Пандавам в их скитаниях, в их борьбе за отцовское наследство, но обо всем этом говорится в другом сказании — в сказании о великой битве потомков Бхараты на поле Курукшетра.

**Сказание о великой битве
потомков Бхараты**

В лесу Наймиша собрались некогда мудрецы-отшельники для свершения обряда. К ним пришел Уграшравас, сын колесничего, певец древних сказаний. И мудрецы приветствовали певца и обратились к нему с такими словами: «Поведай нам, сказитель, великое предание о потомках Бхараты. Расскажи нам о славных подвигах героев былых времен, о вражде и гибели могучих царских родов, о кровавой битве на поле Куру».

И они сели в круг на лесной поляне. С почтением поклонившись достойным старцам, Уграшравас опустил
на указанное ему место и повел рассказ.

Сказание о царе Парикшите

В минувшие годы, о благочестивые мужи, правил страной царь Парикшит, сын Абхиманью, государь справедливый и добрый, но чрезмерно преданный страсти к охоте.

Однажды, преследуя раненую антилопу, он углубился в лесную чащу. Там он потерял добычу из виду и в поисках ее набрел в лесу на некоего старого отшельника, неподвижно и безмолвно восседавшего в коровьем загоне. «Эй, брахман, не видал ли ты раненую антилопу?» — спросил его царь. Но отшельник, соблюдавший обет молчания, ничего ему не ответил. Царь, изнуренный бесплодной погоней, мучимый голодом и жаждой, разгневался, не получив ответа. Он подцепил кончиком лука лежавшую на земле дохлую змею и повесил ее старику на плечо. Но и тогда не сказал ему отшельник ни доброго, ни дурного слова. Царь Парикшит огорчился, гнев его прошел, и он отправился обратно в свою столицу, а мудрец так и остался сидеть со змеей на плече.

У старого отшельника был сын, великий подвижник, который обладал необычайным могуществом, так что все исполнялось по его слову. Узнал он, как обидели его отца, и в гнев проклял царя Парикшита: «Да погубит Парикшита через семь дней ядовитый змей Такшак и да войдет Парикшит в обитель Ямы, бога смерти!»

Но старый отшельник был опечален и порицал своего гневного сына. «Ведь царь не знал о моем обете молчания, к тому же он был утомлен и раздражен неудачной охотой. Доныне он всегда поступал справедливо и не заслужил проклятия за столь ничтожную вину», — сказал отшельник сыну. И он послал одного из своих учеников к царю Парикшиту предупредить его о грозящей ему опасности.

Когда царь узнал о проклятии сына мудреца, его охватил страх. Он призвал своих советников, и все они стали думать, как избежать уготованной государю кары. И повелел Парикшит воздвигнуть немедленно высокий столб и на столбе построить дворец. И когда дворец был построен, он вошел в него со своими приближенными.

Днем и ночью охраняли тот дворец неусыпные стражи. Ни на шаг не отходили от царя искусные лекари и заклинатели змей. И шесть дней царь Парикшит, окруженный советниками, правил страной, не покидая дворца на столбе.

На седьмой день пришли ко дворцу некие брахманы и принесли воды и плодов для царской трапезы. Вечером, когда царь Парикшит отдыхал среди своих друзей и советников, ему захотелось отведать свежих плодов. Он взял себе один, а остальные отдал приближенным. И вот на плоде, который держал в руках царь, показался маленький червяк медного цвета с черными глазками. Засмеялся царь Парикшит и сказал: «Солнце уже заходит, и нет у меня сегодня больше страха перед ядом. Пусть укусит меня этот червяк; так исполнится проклятие отшельника!» С этими словами он положил червяка себе на шею.

В тот же миг на глазах у пораженных ужасом придворных крошечный червяк превратился в огромного змея.

То был Такшака, самый страшный и злобный из чудовищных змеев, обитающих в подземном царстве. Шипя и извиваясь, он обвинил Парикшита. Услышав змеиное шипение, увидев царя в объятиях смерти, советники с воплями разбежались. Охваченные великой скорбью, видели они, как пронесся по воздуху змей Такшака, оставляя в небе огненный след. А дворец Парикшита загорелся от жгучего яда Такшаки и рухнул в пламени, словно пораженный молнией.

Великое жертвоприношение змей

После смерти Парикшита государем стал его юный сын Джанамеджая. Советники рассказали ему, как проник во дворец коварный змей и сжег царя у них на глазах. Тогда Джанамеджая, терзаемый скорбью, решил страшно отомстить Такшаке и всему змеиному роду. Он призвал к себе жрецов, искушенных в волшебных обрядах и заклинаниях, и спросил их: «Есть ли средство погубить злого змея Такшаку? Есть ли заклятие, которым я мог бы ввергнуть его в пылающий огонь вместе со всем его змеиным племенем?»

Жрецы ему отвечали: «Есть такое средство, о царь! В древних книгах рассказывают о волшебном обряде, называемом „жертвоприношением змей“. Он учрежден был богами во исполнение проклятия, искони тяготеющего над змеиным родом. В давние времена змеи прокляты были матерью своей Кадру заслушание материнской воли». Тогда сказал Джанамеджая: «Да будет устроено великое жертвоприношение змей! Как некогда отец мой был сожжен огнем яда, так и я хочу сжечь преступного Такшаку и его родичей!»

Повинуясь велению Джанамеджайи, брахманы выбрали место для обряда и построили жертвенный алтарь, строго следуя предписаниям, изложенным в древних книгах. Они развели священный огонь и в присутствии царя и его приближенных, при великом стечении народа начали свершать то небывалое жертвоприношение змей. С глазами, покрасневшими от дыма, они усердно лили на огонь освященное масло и читали неустанно заклинания, призывающие змей на жертвенный алтарь.

И вот со всех сторон появилось множество змей, больших и малых. Бесильные против волшебной силы заклинаний, они влеклись отовсюду к алтарю. И змеи стали падать в огонь, извиваясь и корчась и сплетаясь в клубки со страшным шипением; и они сгорали в муках на глазах у царя Джанамеджаи и собравшегося народа. Много дней и ночей длилось великое жертвоприношение змей; и тысячи и сотни тысяч ползучих тварей, малых и великих, старых и молодых, погибли в пламени жертвенного костра.

А Такшака, царственный змей, когда услышал о том ужасном жертвоприношении, в страхе бежал и укрылся в небесных чертогах Индры, повелителя богов, благосклонного к змеям. Индра принял его милостиво и утешил и обещал ему безопасность. «Тебе нечего бояться, — молвил он Такшаке, — пока ты пребываешь под моею защитой».

Между тем жил на земле мудрец Астика, сын благочестивого подвижника Джараткару. Когда-то отец его дал обет, что женится на девушке, которая носит одно с ним имя. Скитаясь в лесу, он встретил деву по имени Джараткару и женился на ней во исполнение обета. А дева та была змеей, сестрою змеиного царя Васуки. И Астика был сыном человека и змеи.

Когда Васуки, царь змей, увидел, что подданные его гибнут во множестве в пламени священного костра и что приходит конец всему его роду, он сказал своей сестре, тяжело вздыхая: «Жар жертвенного огня уже опаляет мое тело, и разум мой колеблется, одолеваемый властью страшных заклинаний. Только сын твой, великий праведник, может спасти меня от смерти. Некогда было предсказано, что родится он ради спасения змей, своих родичей, от последствий губительного проклятия Кадру». И змея Джараткару призвала к себе сына и рассказала ему о проклятии, тяготеющем над змеями, и молила его спасти змеиный род от истребления. Тогда Астика, повинувшись слову матери, поспешил на жертвоприношение, совершаемое жрецами Джанамеджаи.

Он пришел туда и поклонился царю и его сановникам и жрецам, и в словах изящных и мудрых он воздал хвалу могучему Джанамеджае и великому обряду. Довольный искусно построенной речью, ласкающей слух, царь молвил Астике: «О достойный брахман, выбери любой дар, я исполню твое желание».

Но еще прежде, чем царь произнес эти слова, жрец, вызывающий змей, сказал с досадой: «Такшака еще не явился на жертвоприношение». — «Сделайте так, чтобы он пришел непременно, — воскликнул царь, обращаясь к жрецам-заклинателям. — Примените все свое искусство, ибо Такшака, враг мой, должен погибнуть!»

И жрецы с удвоенным усердием принялись лить жертвенное масло в священный огонь и читать самые могучие и страшные заклатья. И вот сам Индра, царь богов, появился там на своей воздушной колеснице, окруженный сонмами апсар, небесных дев, и осененный белыми облаками. В складках его одежды извивался Такшака, обезумевший от страха. И не мог защитити его Индра от чар, творимых жрецами Джанамеджай. Ослабевший, он соскользнул с колен царя богов и, крутясь в воздухе, полетел против воли к жертвенному алтарю.

Но в то мгновение, когда Такшака уже повис над огнем, трепещущий, шипящий и стенающий в предчувствии близкой смерти, Астика воскликнул, обращаясь к царю Джанамеджае: «Если воистину обещал ты исполнить мое желание, государь, вот дар, который я выбираю: да прекратится это жертвоприношение, да перестанут гибнуть змеи!» — «О праведный брахман, — отвечал ему царь, — выбери любой другой дар! Я дам тебе золота, сколько ты пожелаешь, и серебра, и несметные стада коров, только не прерывай моего жертвоприношения, дай свершиться возмездию за смерть моего отца!» Но Астика сказал: «Я не прошу у тебя ни золота, ни серебра, ни коров. Пощади род моей матери! Пусть прекратится это ужасное истребление змей!» И Астика крикнул змею Такшаке, повисшему над жертвенным костром: «Стой!» И силою его слова тот застыл неподвижно в воздухе, не падая в огонь, хотя жрецы продолжали творить заклинания и возлияния жертвенного масла. Джанамеджая же погрузился в раздумье и долго безмолвствовал. Наконец, побуждаемый окружавшими его мудрыми брахманами, он молвил Астике: «Да будет так, как ты хочешь. Пусть прекратится это жертвоприношение». И когда царь произнес эти слова, раздались крики радости и рукоплескания и прекратилось жертвоприношение змей.

Обласканный царем, Астика вернулся к матери своей и повелителю змей Васуки. И все змеи воздали хвалу Астике и благодарили его за спасение. С той поры всякий, кто произнесет молитву Астике, становится неуязвимым для змей.

Между тем, пока длилось то великое жертвоприношение, ко двору Джанамеджай сошлись многие знаменитые брахманы, знатоки древних сказаний. И когда вместе с царем восседали они вокруг алтаря, на котором сжигали змей, пожелал Джанамеджая услышать предание о потомках Бхараты и великой битве на поле Куру.

Это предание я, Угравас, перескажу теперь вам так, как поведал его царю Джанамеджае на жертвоприношении змей мудрец Вайшампаяна, ученик Вьясы, который сам слышал его из уст своего учителя.

О происхождении героев рода Куру

Некогда Душьянта, отпрыск древнего рода царей, ведущего происхождение свое от бога луны, встретил в лесной обители деву Шакунталу, дочь великого мудреца Вишвамित्रы и небесной апсары; он взял ее в жены по влечению сердца, и у них родился сын, которому дали имя Бхарата. С тех пор все потомки этого рода носят имя Бхаратов. Внуком Бхараты был Хастин, основавший город Хастинапур, который стал столицей царства. Праправнуком Хастина же был славный Куру, давший имя роду. Потомком Куру в седьмом поколении был благочестивый царь Шантану.

Однажды Шантану охотился в лесу на берегу Ганги и увидел женщину необыкновенной красоты, подобную Лакшми. Пораженный ее красотой, царь не мог отвести от нее взора. И он спросил ее о ее имени и сказал ей: «Будь моей женой, о богоподобная дева!» И она назвала ему себя: то была сама Ганга, принявшая облик земной женщины. Она полюбила царя Шантану и согласилась стать его женою, но предрекла, что покинет его, как только пожелает. И когда она родила ему сына, она покинула его.

Сын же Шантану и Ганги, получивший имя Бхишма, благочестием и красотой был подобен своему отцу и с юных лет достиг совершенства во всех науках; особенно же отличился он в воинском искусстве, превзойдя всех своих сверстников. Когда он вырос и возмужал, царь Шантану созвал своих сановников и жрецов и объявил его в торжественном собрании наследником престола.

Прошло четыре года после провозглашения Бхишмы наследником. Однажды Шантану снова отправился на охоту в лес и на берегу Ямуны

встретил другую прекрасную деву. То была Сатьявати, дочь рыбака; и царь влюбился в нее без памяти и явился к отцу ее просить ее руки. Но рыбак отвечал ему, что только тогда отдаст ему дочь, если царь согласится выполнить одно его условие, а условие это было такое: сын, который родится у нее, должен стать наследником царя.

На это царь Шантану не мог согласиться и, опечаленный, вернулся в Хастинапур, преследуемый неотвязной думой о дочери рыбака. Сын его увидел, что отца гнетет тоска, и спросил: «О чем ты горюешь, государь? Что могу я сделать, чтобы развеять твою печаль?» И царь рассказал ему о своей любви к прекрасной Сатьявати и об условии, поставленном ее отцом.

Тогда благородный Бхишма ничего не сказал царю, но отправился сам к рыбаку, отцу Сатьявати, чтобы сосватать его дочь своему отцу. Он обещал ему, что никогда не посягнет на престол страны Куру и что сын, который родится у Сатьявати, станет единовластным царем. Рыбак возразил ему: «Я верю тебе, о наилучший из сыновей, ты всегда поступаешь по справедливости, но кто поручится мне, что твои сыновья, когда они будут у тебя, не станут со временем оспаривать право на царство у моего внука?» Тогда Бхишма сказал ему: «О царь рыбаков, я уже отверг царство ради блага моего отца. Если угодно тебе, я откажусь и от потомства. Ради того, чтобы видеть отца моего счастливым, я принимаю обет безбрачия, и ничто не будет угрожать праву твоего будущего внука на престол страны Куру».

И когда весть о том обете Бхишмы дошла до царя Шантану, он преисполнился радости; и все его советники и приближенные и все жители страны пришли в изумление, услышав о самоотверженном деянии царевича, и воздали ему хвалу.

Царь Шантану торжественно отпраздновал свою свадьбу с Сатьявати. Миновало время, и у них родился могучий и мудрый сын по имени Читрангада. Еще через некоторое время Сатьявати родила другого сына, которому дали имя Вичитравирья. Вскоре после этого, прежде чем его сыновья достигли совершеннолетия, царь Шантану умер.

После смерти Шантану бразды правления взял в свои руки Бхишма, но на трон он возвел юного Читрангаду и передал ему правление царством, когда тот возмужал. Но недолго царствовал Читрангада. Был он пылкого нрава и, обладая небывалым могуществом, вел непрестанные войны с соседями и всех побеждал без труда. Но, возгордившись, он не соразмерил сил своих и бросил вызов повелителю небесных гениев —

гандхарвов, носившему то же имя — Читрангада. И вот на поле Куру, равнине, окруженной пятью озерами, лежащей за рекою Ямуной, на запад от Хастинапура, произошло единоборство между ними, которое длилось три дня; на четвертый день отважный сын Шантану пал от руки гандхарва.

И снова страну стал править Бхишма, пока не достиг совершеннолетия младший брат, Вичитравирья. В то время пришла весть из страны Каши, что тамошний царь выдает замуж трех своих дочерей, и множество царей собралось в его столице Варанаси — каждый в надежде быть избранным одной из прекрасных царевен на сваямваре, торжественном обряде выбора жениха. Тогда Бхишма взошел на колесницу и поспешно отправился в город Варанаси. Явившись туда, где должна была происходить сваямвара, перед собравшимися царями Бхишма объявил голосом, подобным раскатам грома: «Знайте, власти земли, что всего достойней для воина не ждать выбора, но похитить невесту, сокрушив соперников своих в открытом бою! Сражайтесь, цари, ибо я решил забрать с собой дочерей государя Каши!» И всех трех невест могучий Бхишма забрал на глазах оторопевших царей и посадил на свою колесницу.

Придя в себя, цари, пылающие гневом, набросились на Бхишму со всех сторон и осыпали тучами стрел его колесницу. Но никто из них не мог одолеть богоравного сына Ганги, даже Шальва, повелитель шальвов, самый отважный из них и самый искусный во владении оружием. Бхишма отразил все удары и победил всех своих противников, а Шальву пленил, но отпустил его с миром, а сам, невредимый, отправился в обратный путь, увозя с собою царевен.

Он обошелся с ними ласково, как с родными дочерьми, и, прибыв в Хастинапур, повелел приготовить все для свадебного обряда, ибо он задумал выдать всех трех за сводного брата своего Вичитравирью ради продолжения царского рода. Но тогда прекрасная Амба, старшая из царевен, взмолилась о пощаде и объявила, что сердце ее отдано храброму царю Шальве, которого она и собиралась избрать в супруги на сваямваре. И Бхишма разрешил ей поступить по велению сердца. Но сестер ее, Амбику и Амбалику, он выдал за Вичитравирью.

И стал править страной царь Вичитравирья, но и он недолго правил; спустя семь лет он тяжело занемог и, невзирая на усилия врачей, во цвете лет отправился в обитель Ямы, бога смерти. И ни одна из его жен за это время не родила ему сына.

Когда совершены были погребальные обряды, царица Сатьявати, исполненная скорби, сказала Бхишме: «Слава рода Куру и его продолжение зависят теперь от тебя, о знаток закона! Взойди на царство и возьми в жены этих овдовевших дочерей повелителя Каши, жаждущих сыновей. Да не прекратится великий царский род!» Но Бхишма ответил ей: «Я не могу нарушить взятого обета!» И как ни уговаривала его царица отступить от обета ради спасения рода, он оставался тверд в своем решении.

А между тем у Сатьявати был еще один сын, рожденный ею еще до того, как встретила она с царем Шантану. Отцом его был великий подвижник Парашара, внук божественного мудреца Васиштхи. Некогда он увидел юную Сатьявати на берегу реки Ямуны и, плененный ее красотой, склонил ее к любви; и силою своего подвижничества он сделал так, что после рождения ею того сына девственность вернулась к ней.

Она родила сына на острове посреди реки Ямуны, и потому он получил имя Двайпаяна, что значит «островитянин». Был он черен лицом и имел устрашающий облик; потому звался он также Кришна — «черный». Но когда он вырос, он стал великим мудрецом, и постиг священное знание — Веду, и расчленил его на четыре священные книги. Потому он стал известен в мире под именем Вьясы, что означает «составитель» — тот, кто составил четыре Веды.

Об этом сыне своем Сатьявати рассказала Бхишме, и тот молвил: «По обычаю предков этот сын твой да возьмет в жены овдовевших цариц и да продолжит род своего покойного брата!» И Сатьявати обратилась к сыну своему Вьясе; он предстал перед ней, едва она помыслила о нем. Она сказала ему о своем желании, и он согласился исполнить то, что надлежало по обычаю, завещанному предками: после смерти бездетного главы рода брат его должен взять его жену и продолжить его род.

Сатьявати предупредила старшую из своих невесток, Амбику, и ночью Вьяса явился к ней и взошел на ее ложе. Но страшен был его облик, и, увидев его темное лицо, и сверкающие очи, и рыжие волосы и бороду, молодая царица от ужаса закрыла глаза. Когда Вьяса на другой день пришел к матери, она спросила его, будет ли сын, достойный продолжатель рода, у Амбики. Мудрец, провидящий будущее, ответил: «Будет у нее могучий и разумный сын, и у него будет сто отважных сыновей. Но из-за оплошности матери, не вовремя смежившей очи, он родится у нее слепым». — «Слепой ведь не может быть достойным правителем царства! — воскликнула, услышав это, Сатьявати. — О сын мой, ты

должен дать для рода Куру другого царя, одаренного всеми качествами, желанными для государя».

И на следующую ночь мудрый Вьяса взошел на ложе Амбалики, второй жены покойного Вичитравирьи. Та, увидев его безобразный лик, испугалась, затрепетала и побледнела. И Вьяса предрек: «Раз она побледнела при виде меня, она родит бледного сына».

Тогда Сатьявати опять пошла к старшей невестке и повелела ей еще раз сойтись с мудрецом на брачном ложе ради продолжения рода. Но Амбика не могла пересилить себя, с ужасом вспоминая, как страшен был облик великого мудреца; и она послала вместо себя красивую рабыню, нарядив ее в свое платье. Вьяса принял красавицу благосклонно, и провел с нею ночь, и сказал ей: «Отныне ты не будешь рабыней. И сын, который родится у тебя, прославится в мире своей мудростью и благочестием и станет великим знатоком закона».

И все исполнилось по слову Вьясы. У Амбики родился могучий сын, и был он слеп, как предсказал мудрец. Ему дали имя Дхритараштра. Сын Амбалики родился бледным и потому получил имя Панду — «бледный». А сын бывшей рабыни, которого называли Видура — «наделенный великими достоинствами», постиг все науки и возвысился как непревзойденный знаток священного закона.

И пока не подросли те трое, рожденные от Двайпаяны, но признанные по закону сыновьями Вичитравирьи, Бхишма продолжал править страной Куру, и страна благоденствовала под его мудрым и справедливым правлением. Земля была плодородна, и громовержец Индра щедро дарил ей дожди, сады цвели, леса изобиловали дичью, и народ жил счастливо и мирно, строго соблюдая заветные от предков обычаи. Не было в стране грабителей и лихоимцев, города богатели от торговли и ремесел, и казалось — золотой век вернулся на землю.

Когда же царские сыновья достигли совершеннолетия, Бхишма передал бразды правления Панду, ибо старший, Дхритараштра, был слеп. Спустя некоторое время Бхишма узнал, что царь Гандхары выдает замуж свою дочь, прекрасную Гандхари. Он послал за нею сватов для Дхритараштры, и повелитель северной страны, поразмыслив о могуществе и славе рода Куру, решил отдать свою дочь сыну Амбики, невзирая на его слепоту. И Гандхари прибыла в Хастинапур в сопровождении брата своего, царевича Шакуни. Выдав сестру с богатым приданым за Дхритараштру, наследник престола Гандхары, обласканный Бхишмой, вернулся на родину. А добродетельная Гандхари, как

и предсказал Вьяса, родила Дхритараштре со временем сто могучих сыновей и одну дочь.

Между тем в стране, где царствовал род Яду, близкий по крови роду Куру, объявлено было о сваямваре царской дочери Кунти. Некогда юная царица приняла в доме отца своего великого мудреца Дурвасаса и услужила ему, и довольный мудрец отблагодарил ее, научив ее тайному заклинанию; тем заклинанием дева могла вызвать любого из богов, дабы родить от него сына. Кунти вызвала Сурью, бога солнца. И от него она родила сына, равного богам красотою, а после того Сурья, даровав ей возвращение девственности, возвратился на небо.

Но, боясь осуждения со стороны своих близких, Кунти положила тогда рожденного ею сына в корзину и бросила корзину в реку, и она поплыла по течению. Некий колесничий выловил ту корзину из реки ниже по течению и усыновил мальчика и воспитал его, и долгое время никто из окружающих не знал, что Карна — так звали сына Кунти — сын бога солнца и царицы рода Яду.

Когда же была объявлена сваямвара Кунти, в числе прочих царей пришел искать ее руки могучий Панду, подобный льву, и его она избрала из всех и стала его женою; он отвез ее в Хастинапур.

В то же самое время Бхишма отправился в страну мадров: у царя той страны была дочь, равной которой красотою не было на земле. И, отдав за нее огромные богатства как выкуп за невесту, Бхишма привез ее в Хастинапур и выдал за Панду; прекрасная Мадри стала его второй женою.

У Кунти родилось трое сыновей; их называли Юдхиштхира, Бхимасена и Арджуна. Мадри же родила двоих близнецов, коим дали имена Накула и Сахадева. И все пятеро сыновей Панду с юных лет отличались благонравием и отвагой, и все пятеро были прекрасны обликом, подобные небожителям. Говорили, что не Панду был их отцом — некогда проклятый отшельником за невольное прегрешение, он не мог иметь детей. Жены его породили сыновей от богов: отцом Юдхиштхиры был Дхарма, бог справедливости, отцом Бхимасены — бог ветра Вайю, отцом Арджуны — Индра; двое младших были порождены Ашвинами, небесными братьями, богами предраусветных сумерек, спасающими людей от бед и болезней.

Юные годы героев рода Куру

Панду умер вскоре после рождения своих сыновей, и царем стал слепой Дхритараштра. Мадри взошла на погребальный костер своего супруга, добровольно последовав за ним в загробный мир, а Кунти с юными сыновьями Панду поселилась во дворце Дхритараштры, и дети обоих братьев стали воспитываться вместе. Когда юные царевицы подросли и пришло время обучать их владеть оружием, стали искать им учителей, прославленных доблестью и сведущих в воинском искусстве. Много было в стране храбрых воинов, но не сразу удалось найти наставника, достойного обучать царских детей.

Однажды царевицы играли у городских ворот в деревянный мяч и уронили его в колодезь. Колодезь был глубок, и достать оттуда мяч они не сумели. Тогда подошел к ним незнакомый воин и сказал, улыбаясь: «Где же ваше искусство владеть оружием, потомки Бхараты? Что же вы за витязи, если не можете достать мяч из колодца? Смотрите, что можно сделать с помощью оружия!» И незнакомец взял дротик и, метнув его в колодезь, вонзил в мяч. Потом он взял второй дротик и всадил его в первый, потом третий — во второй. И, продолжая метать дротики в колодезь, он нанизывал их один на другой, пока не образовался из них длинный шест. Тогда, взявшись за тот шест, хитроумный воин вытащил мяч и отдал его изумленным отрокам.

Когда царевицы рассказали во дворце о случившемся, Бхишма догадался, что они встретили Дрону, сына Бхарадваджи, прославленного знатока оружия, владеющего тайнами военного искусства. И он призвал Дрону и поручил ему обучать сыновей Дхритараштры и Панду.

С юных лет между Кауравами — так звали сыновей Дхритараштры по их пращуру Куру — и Пандавами, сыновьями Панду, возникли соперничество и вражда. Бхимасена, второй сын Панду и Кунти, был самым могучим из царевичей, и нередко, похваляясь своей силой, он обижал своих двоюродных братьев, которые не знали, как от него отбиться и спастись от его озорных проделок, — он хватал их за ноги, таскал по земле, окунал насильно в воду, стряхивал с деревьев, куда они забирались за плодами, и они падали на землю, как спелые плоды. Особенно невзлюбил Бхимасену за эти проказы Дурьодхана, старший из Каурвов, который родился с ним в один день.

И вот Кауравы и Пандавы стали обучаться у Дроны искусству владеть оружием, и все они прилагали великие старания, стремясь превзойти друг друга. Он научил их сражаться на колесницах, на слонах, на конях и пешими, научил их биться мечом и палицей, метать копья и дротики и главному из воинских искусств — стрельбе из лука.

Однажды Дрона, желая проверить успехи своих учеников, велел поместить на вершине дерева фигуру ястреба, сделанного совершенно как настоящий, а сам созвал царевичей и, поставив их в отдалении от того дерева, сказал: «Цельтесь в эту птицу и постарайтесь по моему слову поразить ее в голову стрелою». И он сказал Юдхиштхире: «Целься первый». Когда Юдхиштхира возложил стрелу на тетиву, Дрона спросил его: «Видишь ли ты ястреба на вершине дерева?» И тот ответил: «Вижу». А спустя мгновение Дрона опять спросил его: «Видишь ли ты сейчас это дерево, меня и братьев?» И Юдхиштхира ответил: «Вижу и дерево, и тебя, и братьев, и ястреба». Тогда учитель сказал, недовольный: «Опусти лук, тебе не поразить эту цель». И Дрона призвал Дурьодхану и, когда тот стал целиться в птицу, задал ему те же вопросы; и Дурьодхана отвечал так же, как Юдхиштхира: «Я все это вижу». И ему велел Дрона опустить лук и отойти. Потом так же испытал он братьев Дурьодханы, и Бхимасену, и других своих учеников, и все отвечали одинаково, и всех осудил учитель.

Но вот Арджуна взял лук и прицелился в ястреба. Дрона, помедлив мгновение, спросил его: «Видишь ли ты ястреба, дерево, меня и других?» Арджуна ответил: «Я вижу ястреба, но не вижу ни дерева, ни тебя, никого более». А еще немного погодя Дрона спросил: «Что ты теперь видишь?» И Арджуна ответил: «Вижу только голову ястреба, но не его тело». Тогда обрадованный учитель воскликнул: «Стреляй!» Арджуна пустил стрелу и срезал ею голову ястреба, и она упала на землю. Дрона,

восхищенный, обнял младшего сына Кунти и, обратившись к другим ученикам, призвал их следовать его примеру.

Арджуна стал любимым учеником Дроны. Он превзошел всех других в стрельбе из лука и достиг совершенства во владении любым оружием. Но в бою на палицах особенно отличились Дурьодхана и Бхимасена, Юдхиштхира был лучшим в искусстве сражаться на колеснице, сыновья Мадри превзошли других в умении владеть мечом, и великих успехов во многих видах боя достиг Ашваттхаман, родной сын Дроны, который воспитывался вместе с царевичами.

Однажды Дрона купался в реке и его схватил за ногу крокодил, побуждаемый своей злой судьбою. Дрона воззвал о помощи к ученикам своим, оставшимся на берегу; и в то же мгновение Арджуна пятью острыми стрелами рассек крокодила в воде на части, прежде чем кто-либо из остальных успел пошелохнуться. И Дрона восхвалял его и подарил ему чудесный дротик, который после метания сам возвращался к владельцу.

И наступил день, когда Дрона сказал царю: «Твои сыновья овладели наукой. Дозволь им показать свое искусство». Царь ответил ему: «Ты совершил великое дело, о сын Бхарадваджи! Выбери же место, день и час и прикажи устроить состязание».

По указанию Дроны царские слуги выбрали ровное поле, свободное от деревьев и кустов. На том поле искусные мастера построили для царя и его приближенных сооружение, украшенное золотом, драгоценными камнями и занавесями из жемчуга, а по бокам поставили палатки для богатых горожан и скамьи для сельских жителей. В день состязания толпы зрителей заполнили трибуны и палатки вокруг ристалища. Появился царь Дхритараштра, предшествуемый Бхишмой и Крипой, шурином Дроны, тоже великим знатоком воинского искусства. Гандхари и Кунти в богатых нарядах, окруженные придворными женщинами, взошли на отведенные для них террасы. И на середину поля вышел седовласый Дрона, облаченный в белые одежды.

По его знаку появились перед зрителями могучие воины в доспехах, с мечами, копьями, луками и колчанами, полными стрел; первым шел Юдхиштхира. Один за другим, по старшинству, они стали показывать свою силу и ловкость во владении оружием: на быстрых конях проносились они по полю, на всем скаку без промаха поражая цель из лука, затем, спешившись, сражались на мечах, потом показывали свое умение

управлять колесницами и вести бой на слонах; и все видели их легкость, проворство и стойкость в бою и великое воинское искусство.

После состязания в стрельбе из лука и поединков на мечах вышли с палицами на единоборство Дурьодхана и Бхимасена. Как два разъяренных льва, сошлись они в рукопашной схватке, нанося друг другу тяжелые удары. Шум поднялся среди зрителей: одни стояли за Пандава, другие криками подбадривали Каурава. С таким ожесточением сражались бойцы и столь велико было волнение в народе, что Дрона велел прекратить поединок.

Наконец Дрона вызвал на арену Арджуну, любимейшего своего ученика. В верховой езде, в управлении колесницей, в метании копья, в стрельбе из лука — во всем Арджуна превзошел и затмил Кауравов. Рукоплесканиями и возгласами одобрения народ приветствовал юного витязя, а Дурьодхана стоял с братьями, снедаемый низкой завистью и злобой.

Когда же состязание приближалось к концу и утихло волнение народа, некий воин вышел на поле и повторил все, что было сделано Арджунной, показав то же чудесное искусство. «Кто он?» — с удивлением спрашивали друг у друга люди, а обрадованный Дурьодхана приветствовал соперника Арджуны и предложил ему свою дружбу. Пандавы же взирали на пришельца с неприязнью. Они узнали его. «Это Карна, сын возничего, — говорили уязвленные Пандавы. — Смеет ли он равняться с царевичами?» И, негодуя, они покинули поле.

После этого состязания еще больше возросла взаимная неприязнь между Кауравами и Пандавами. Дурьодхана привлек на свою сторону Карну; он возвел его в царское достоинство за его доблесть и даровал ему владения в Анге, далеко на востоке. Вместе с Карной и дядей своим Шакуни он стал измышлять, как погубить сыновей Панду. Уже пытался он извести особенно ненавистного ему Бхимасену. Однажды он столкнул его, спящего на берегу, в реку, связав прежде лианами, но Бхимасена, проснувшись от падения в воду, разорвал лианы своими могучими руками и благополучно выплыл на берег; в другой раз Дурьодхана подбросил ядовитых змей в покои Бхимасены, но укусы их не причинили вреда герою; в третий раз сын Дхритараштры подсыпал ему яду в пищу, но он переварил отраву как ни в чем не бывало. Тогда Дурьодхана решил прибегнуть к более верному средству, чтобы избавиться от Бхимасены и от его братьев тоже.

После состязания, устроенного Дроной, по всему Хастинапуру разнеслась молва о великом воинском искусстве Пандавов. Горожане, не таясь, говорили друг другу: «Хотя старый Дхритараштра мудр и ведаёт закон, все же он слеп — он не сможет повести в бой войска. Недаром младший брат его Панду правил за него страну, пока был жив. Надо посадить на царство старшего из Пандавов. Юдхиштира еще молод, но уже прославился как знаток закона, он щедр и милостив к беднякам. Став царем, он, справедливый, не обидит и Дхритараштру с сыновьями».

Узнав об этих толках, Дурьодхана, снедаемый завистью и злобой, пришел к царю и сказал ему: «Я слышал, отец, что горожане задумали недоброе. Они хотят, чтобы твое место занял Пандава. Сыновья твои лишатся царства и будут жить, питаясь из чужих рук. Народ станет пренебрегать нами. Не миновать нам этого, если мы не изгоним сейчас Пандавов из страны».

Дхритараштра возразил сыну: «Брат мой Панду был всегда ко мне добр, как же могу я поступить столь несправедливо с его сыновьями? Юдхиштира известен своим благочестием и добродетелью, народ его любит. Советники и военачальники наши тоже к нему благосклонны, помня о милостях его покойного отца. Как бы горожане не возмутились, если мы отправим его в изгнание без причины — мы сами тогда пострадаем и можем лишиться не только царства, но и жизни!» — «Все это так, — отвечал Дурьодхана, — но власть и казна пока в наших руках. Мы привлекаем горожан на свою сторону щедростью и милостивым обращением, дарами и почестями подкупим сановников. Найдем предлог и вышлем

Пандавов на время в город Варанавату на севере нашего царства; потом, когда власть наша укрепитя, я верну их в Хастинапур».

И царь Дхритараштра из любви к сыновьям согласился на неправоe дело. Тогда Кауравы, расточая почести и богатые пожалования, стали привлекать подданных на свою сторону. И подкупленные советники по наущению царя явились к Пандавам и всячески расхваливали прекрасный город Варанавату. «В этом городе, — говорили они, — много богатых и красивых зданий. Скоро там будет праздник в честь бога Шивы». И они внушили Пандавам желание отправиться в Варанавату и принять участие в празднике.

Тогда Дурьодхана тайно призвал к себе своего верного слугу Пурочану. «Слушай, Пурочана, — сказал он ему. — Пока я у власти, ты живешь в довольстве и почете. Нет у меня более доверенного друга, чем ты. Помоги мне и сохрани в тайне то, что я тебе поручаю. Ты должен прибыть в Варанавату раньше Пандавов и там построить для них дом. Построй здание из смолистого дерева, бамбука и соломы. Когда поселятся в нем Пандавы, выбери ночь потемнее и дом подожги. Пусть народ не подумает ничего дурного и уверится, что Пандавы погибли от случайного пожара». — «Хорошо», — сказал Пурочана, и в тот же день он умчался в Варанавату на быстрой колеснице.

Пандавы же, ничего не подозревая, собирались на празднество.

В день отъезда родные и горожане провожали их до городских ворот. Все жалели, что они уезжают. Старый мудрый Видура, дядя Пандавов, сказал Юдхиштхире при расставании: «Ведающий истину и закон всегда поймет разумный совет и поступит так, как нужно, для того чтобы избежать беды. Человек спасается от огня, подражая обычаю дикобразов. Будьте осторожны — и останетесь в живых». И Юдхиштхира внял загадочным словам Видуры и вспомнил о них в нужное время.

Через несколько дней братья прибыли в Варанавату вместе со своей матерью Кунти. Жители города встретили их с великим почетом. Пандавы посетили брахманов, и именитых горожан, и городских начальников и всем поднесли богатые дары и сказали подобающие слова любви и дружбы. Затем они отправились в приготовленный для них дом, куда проводил их Пурочана, услужливый и раболепный, распорядившийся предоставить гостям лучшие яства и напитки, удобные лежа и сиденья и драгоценное убранство, достойное царских сыновей.

Войдя в дом, Юдхиштхира осмотрел его внимательно и сказал Бхимасене: «Здесь опасно, Бхима! Все сложено из дерева и камыша; все

пропитано смолой и маслом. Теперь я понял слова Видуры. Презренный слуга Дурьодханы хочет сжечь нас, повинувшись воле своего господина». — «Уйдем отсюда», — сказал Бхимасена. Но Юдхиштхира не согласился: «Нам надо жить здесь, чтобы не вызвать подозрений. В руках Дурьодханы — царство, казна, войско, а мы одни, у нас ничего нет. Нам нужно обмануть врага и скрыться от его соглядатаев. Сегодня же будем рыть, как дикобразы, подземный ход: когда загорится дом, мы уйдем по этому ходу из города и скроемся в лесу».

Целый год прожили братья в Варанавате, проводя время в играх и увеселениях. Видя их беспечность, Пурочана уверился в том, что Пандавы ничего не подозревают, и решил наконец исполнить задуманное. Но Юдхиштхира все время был настороже. Он понял, что Пурочана готовится к убийству, и сказал братьям: «Пора бежать».

В тот день, когда Пандавы решили бежать, Кунти приготовила в доме угощение для брахманов. И случилось так, что вместе с другими гостями, странствующими отшельниками, пришла на то угощение некая женщина из племени нишадов со своими пятью взрослыми сыновьями. Наевшись и напившись хмельного, эта странница и ее сыновья опьянели и заснули в темном углу. Там они и остались, никем не замеченные, когда все гости разошлись.

Когда наступила ночь, Бхимасена поджег дом, думая, что в нем остался только злодей Пурочана. Пандавы с матерью спустились в подземный ход, покинули горящий дом и тайно вышли из города. На рассвете они были уже далеко от Варанаваты.

А дом к утру сгорел дотла, и обвалившиеся обломки скрыли отверстие подземного хода. На пепелище горожане нашли только обгоревшие останки Пурочаны, старой женщины и ее пяти сыновей. Жители Варанаваты подумали, что Пандавы и мать их Кунти погибли в огне. Погоревав, они послали гонца с печальной вестью в Хастинапур, к царю Дхритараштре.

Скитания Пандавов и подвиги Бхимасены

Дхритараштра, услышав о гибели Пандавов и Кунти, был удручен без меры и послал брахманов в Варанавату совершить необходимые погребальные обряды. Дурьодхана же притворно сокрушался о гибели двоюродных братьев, но сам радовался в душе успеху своего замысла. И только Видура догадывался об истине.

Пандавы между тем брели на юг сквозь дремучий лес, мучимые усталостью, голодом и жаждой; могучий Бхимасена бережно нес на руках утомленную мать. Они шли много дней и ночей; спали под деревьями на голой земле, питались плодами и кореньями, утоляли жажду из лесных ручьев и озер. Опасаясь соглядатаев Дурьодханы, боясь быть узнанными, они надели мочальные одежды, накинули на себя шкуры антилоп, отпустили длинные косы и стали походить на странствующих отшельников.

Однажды ночь застала их в глухом лесу. Измученные дневным переходом, они опустились на землю под огромным баньяном, не в силах двигаться дальше; и только неутомимый Бхимасена остался на ногах.

«Отдохните здесь, — сказал он братьям и матери, — а я пойду поищу — здесь недалеко должна быть вода». И он направился на крик водяных птиц, слышавшийся из-за деревьев, и вскоре вышел к небольшому лесному озеру. Напившись и искупавшись, он набрал воды в полу своего плаща и принес ее к баньяну, но застал своих спутников уже спящими. Бхимасена тогда остался бодрствовать, охраняя их сон.

А в том лесу неподалеку обитал страшный ракшас-людоед по имени Хидимба. Он почуял людской запах и сказал своей сестре, которую

тоже звали Хидимба: «Пойди посмотри, кто это явился в наши владения. Давно уже не попадалась мне добыча, и я изголодался по человеческому мясу. Убей этих людей, забредших в наш лес, и принеси сюда, мы съедем их вместе».

И сестра людоеда поспешно отправилась выполнять его поручение и пришла к тому баньяну, под которым расположились на ночлег Пандавы. Она увидела могучего Бхимасену, стоявшего на страже возле спящих, высокого и стройного, как дерево шала, и тотчас в сердце ее родилась любовь. Искусная в колдовстве и способная менять свой облик по желанию, Хидимба приняла образ прекрасной девы и приблизилась к Бхимасене. Она сказала ему: «Кто ты, о герой, и кто эти мужи, спящие здесь на земле, и эта почтенная женщина вместе с ними? Откуда вы пришли сюда? Разве неведомо вам, что лес этот населен злыми ракшасами? Меня послал сюда мой брат, могучий и страшный ракшас Хидимба, он велел мне убить вас всех немедленно. Но сердце мое пленилось тобой, о богоподобный витязь, и отныне я не желаю себе другого супруга. Не отвергай мою любовь, и я спасу тебя от моего брата. Я могу летать по воздуху, и я унесу тебя из этого дикого леса. Далеко отсюда, на горной вершине, мы останемся только вдвоем и обретем счастье!»

Но Бхимасена возразил ей: «Как могу я покинуть родную мать и братьев на съедение ракшасу? Не проси меня, о красавица, о том, что недостойно воина, что не подобает сыну и брату». Тогда Хидимба сказала ему: «Ради тебя я согласна помочь и братьям твоим, и матери. Разбуди их, я всех спасу от ракшаса». Бхимасена сказал ей на это: «Я не стану будить их, уставших за день, из-за какого-то ракшаса. Напрасно думаешь ты, что я испугаюсь твоего брата. Если хочешь, оставайся с нами, а хочешь — посылай сюда людоеда, он мне не страшен!»

Между тем людоед Хидимба, видя, что сестра его долго не возвращается, сам явился туда, разгневанный. И, увидев сестру свою, беседующую с Бхимасеной, он понял, что она ослушалась его, и возопил: «Кто смеет идти против моей воли, когда я хочу есть? Уж не рехнулась ли ты, Хидимба, что не боишься моего гнева? Я вижу, тебе приглянулся этот молодец, и ты уже готова предать меня. Но я убью тебя вместе с этими людьми, о ты, опозорившая род ракшасов!» И, скрежеща зубами и вращая налитыми кровью глазами, людоед Хидимба кинулся на свою сестру Хидимбу, намереваясь убить ее.

Но Бхимасена преградил ему дорогу и сказал, улыбаясь: «Зачем столько шума, о ракшас? Ты разбудишь мою мать и моих братьев. Не

стыдно ли тебе набрасываться на женщину? Она не виновата в том, что бог любви овладел ее сердцем. Сразись лучше со мною, о пожиратель людей! Я отправлю тебя в обитель Ямы и порадую коршунов и шакалов, которые сегодня же растерзают твоё тело. Я избавлю от тебя этот лес, и путники будут проходить здесь без страха».

Взбешенный дерзостью Бхимасены, ракшас занес тогда для удара свою длинную руку, но, прежде чем он успел опустить ее, герой схватил его за эту руку и, дернув, повалил на землю. И он поволок по земле людоеда, страшно взревшего, подальше от того места, где спали его мать и братья, как могучий лев волочит пойманного им оленя. С трудом удалось ракшасу подняться на ноги, и он тоже обхватил Бхиму руками. И они кружились оба по лесу, сжимая друг друга в могучих объятиях, ломая огромные деревья, которые рушились вокруг них с громким шумом и треском, и вытапывая кустарник.

От этого страшного шума проснулись четверо Пандавов и Кунти, и они увидели возле себя красавицу Хидимбу, а в отдалении — Бхимасену, борющегося с огромным ракшасом устрашающего облика; в облаках поднятой ими пыли оба подобны были горным утесам, окутанным туманом. Но прежде чем Пандавы успели прийти брату на помощь, он оторвал от земли обессилевшего врага и воздел его над головой, а затем ударил оземь; и людоед испустил ужасный вопль, разнесшийся по всему лесу, а Бхимасена обхватил его опять руками и переломил надвое, и злой Хидимба тут же испустил дух.

Прикончив людоеда, Бхимасена обратился к братьям и сказал: «Ракшасы злопамятны, и неразумно нам оставлять в живых сестру этого нечестивца. Она — колдунья и когда-нибудь захочет отомстить нам за смерть брата». Но Юдхиштхира возразил ему: «Ты разгневан, Бхима, и не отстал от схватки и потому говоришь, не подумав о том, что недостойно воина убивать женщину. Чем она может повредить нам?» А Хидимба, припав к ногам Кунти, обратилась к ней с мольбою: «Ты знаешь власть над женщиной бога любви! Отрекшись от родных и близких, я избрала твоего сына в супруги. Дозволь же мне соединиться с ним, я повсюду последую за ним и сделаю все, что он пожелает. В ваших странствиях по лесам я буду вам полезна. Но сейчас отпустите его со мною».

Кунти согласилась, и Хидимба унесла Бхимасену в далекие горы, где в безлюдных местах, оглашаемых только криками птиц и зверей, они проводили время, наслаждаясь любовью, пока не настал срок Бхимасене возвращаться к матери и братьям. А Хидимба родила ему сына-великана,

полуракшаса-получеловека, с горящими глазами и большой пастью, с остроконечными ушами, обладающего великой мощью, но совершенно безволосого. И потому дали ему имя Гхатоткача, что значит «гладкий, как кувшин». Когда он вырос, — а вырос он гораздо быстрее, чем вырастают дети у людей, — он стал могучим и неустрашимым воином; и он оставался всегда предан отцу своему Бхимасене и его братьям и был любимцем Пандавов.

Пандавы между тем, когда к ним вернулся Бхимасена, продолжали свой путь по лесам. Долго они избегали населенных мест из боязни соглядатаев Дурьодханы, но наконец пришли в небольшой город, называемый Экачакра, и поселились на окраине его, в хижине одного бедного брахмана, приняв вид странствующих отшельников.

Прошло немного времени, и вот однажды, когда братья ушли собирать милостыню на городских улицах, Кунти, оставшаяся дома, услышала плач за стеной. Она вошла к брахману, хозяину дома, и увидела, что это плачут его жена и дети, охваченные скорбью и страхом. Старый брахман рассказал Кунти о своей беде: «Вот уже много лет назад возле нашего города поселился страшный ракшас по имени Бака. Он охраняет город от вражеских набегов, но требует за это ежедневную дань: телегу риса, двух буйволов и одного человека. Один за другим в пасть людоеда идут люди, жители нашего города, и не можем мы избавиться от злодея. Завтра наступает моя очередь идти на съедение Баке».

Добрая Кунти сказала брахману и его домочадцам: «Не горюйте и не отчаивайтесь. Вы приютили нас в своем доме, и мы не оставим вас в беде». Вечером, когда вернулись с милостыней Пандавы, Кунти поведала им о горе, постигшем семью брахмана. «Пусть Бхима пойдет завтра вместо брахмана, и пусть избавит он город от людоеда, — сказала Кунти. — Я видела великую доблесть его в единоборстве с Хидимбой, я знаю — он одолеет любого ракшаса». И сыновья согласились с ней.

На рассвете Бхимасена вышел из города, захватив с собою дань, предназначенную для Баки, и, приблизившись к лесу, где обитал ракшас, зычным голосом позвал его. Тотчас затряслась земля, и, ломая деревья, появился из леса великан. Он увидел, что Бхимасена поедает принесенную для него пищу, взревел от ярости и кинулся на сына Кунти. От первого удара людоеда юный витязь не шелохнулся. Тогда свирепый Бака вырвал из земли дерево с корнями и метнул его в Бхимасену. Смеясь, тот поймал дерево левой рукой и бросил его обратно в ракшаса. Так стояли они один против другого и сражались, вырывая деревья и уничтожая

окружавший их лес. Наконец Бака бросился на Бхимасену и обхватил его своими длинными руками. И Бхимасена обхватил его и стал гнуть к земле с неодолимой силой. Схватка их была недолгой. Людоед стал задыхаться, уставать, и тогда герой сжал его могучими руками и швырнул на землю, потом придавил ему спину коленом, одной рукой схватил его за горло, другой — за повязку вокруг бедер и, согнув великана, переломил ему хребет, как перед этим Хидимбе. Из рта Баки хлынула кровь, и он испустил дух у ног своего победителя.

Взвалив на спину труп людоеда, витязь принес его к воротам города, сбросил на землю и удалился, никем не замеченный. Утром люди увидели окровавленное тело ракшаса, возвышавшееся как гора у городской стены. Горожане пришли в изумление и стали гадать, кто же их избавитель. Но старый брахман промолчал, ибо Пандавы просили его не выдавать их тайны.

Весть о гибели Баки разнеслась по всем окрестностям. Ликующие жители деревень потянулись в Экачакру, чтобы вместе с горожанами отпраздновать счастливое и чудесное освобождение. А Пандавы продолжали жить неузнанными в бедной хижине старого брахмана.

Пришла в Экачакру весть о том, что царь панчалов Друпата собирается выдавать замуж свою дочь Драупади, именуемую также Кришна — «черная» — за смуглый цвет кожи. По всему свету летела молва о неземной красоте юной царевны панчалов. Глаза ее были подобны лепесткам лотоса, волосы — иссиня-черные, строен и гибок был ее прелестный стан. В тот день, когда она появилась на свет, незримый голос предсказал, что прекрасная дева будет причиною гибели многих благородных кшатриев.

Царь Друпата объявил о сваямваре своей дочери, но поставил условие для тех, кто пожелает быть избранным царевной: только поразив цель из исполинского лука, принадлежащего царю, они получают право надеяться на выбор Драупади.

Весть из страны панчалов смутила покой сыновей Панду. Мысль о прекрасной Драупади не покидала их, и желание принять участие в состязании влекло их неодолимо. Кунти увидела это; она пожалела сыновей и сказала: «Дети, мы давно живем здесь. И уже не могут радовать окрестные леса, горы и реки, когда видишь их снова и снова. Не пойти ли нам в страну панчалов; там, в столице Друпаты, будет великий праздник и предстанут удивительные зрелища».

Обрадованные Пандавы быстро собрались в дорогу, простились с приютившим их брахманом и вместе с матерью покинули Экачакру. Через несколько дней они увидели многолюдный город и крепость — то была Кампиля, столица южных панчалов, где правил Друпата.

Пандавы под видом странствующих отшельников пришли в город и поселились вблизи городских ворот в доме горшечника.

Между тем в Кампилью прибыли из разных стран прославленные цари и герои со свитой и войсками. Были здесь и Дурьодхана с братьями, и с ними Карна, был непобедимый царь мадров Шалья с сыновьями, были могучие вожди племени Ядавов — Баладева и Кришна, сыновья Васудевы, брата царицы Кунти, был Шакуни, сын царя Гандхары, а также Вирата, царь матсьев, Джаядратха, царь саувиоров, герои Ашваттхаман и Сатьяки и многие другие. На краю города, на поле, обнесенном рвами и стеной, должно было произойти состязание желающих получить руку Драупади; и кругом были воздвигнуты великолепные здания, украшенные драгоценными камнями и цветами, где расположились прибывшие цари и царевицы.

Пятнадцать дней длились празднества в столице панчалов, и царь Друпата щедро угощал и одаривал явившихся на сваямвару его дочери кшатриев и брахманов. На шестнадцатый день объявлено было о начале состязания; и в этот день прекрасная Драупади появилась в собрании царей в блистающем драгоценном наряде; и цари, пораженные ее красотой, вскочили со своих мест, не в силах отвести от нее взоров.

Тогда вышел на поле царевиц Дхриштадьумна, брат Драупади, наследник трона панчалов, и провозгласил, обращаясь к собравшимся: «Слушайте, о властители земли! Вот лук, вот стрелы, а вот цель; кто поразит ее без промаха пятью стрелами через это малое кольцо, тот получит руку моей сестры».

Один за другим стали выходить на поле цари и витязи, но никто не мог даже натянуть необыкновенный лук царя Друпаты. Многие, согнув его совсем немного, были отброшены его распрямляющимися концами и валялись с ног или отступали с разорванной одеждой и разбитыми браслетами. И один за другим цари покидали поле, удрученные неудачей, отказываясь от надежды завоевать руку дочери Друпаты.

Но вот вышел на поле могучий Карна и первый поднял лук и натянул его. И он уже готов был поразить цель, когда царица Драупади поспешно взмахнула рукой, в которой она держала венок, предназначенный для победителя, и вскричала: «Я не выберу сына возницы!» Горько усмехнулся Карна, обратив взор свой к солнцу, бросил с досадой лук на землю и покинул арену.

Тогда из рядов зрителей, сидевших на простых скамьях, поднялся Арджуна и вышел на середину поля; из царей уже никого не оставалось, кто не попытал бы счастья и не потерпел бы неудачу. Когда Арджуна подошел к луку, среди брахманов, взиравших на состязание, поднялся

ропот. «Разве может этот юный отшельник натянуть лук, — говорили они, — если могучие цари не сумели. Он только посрамит сословие брахманов». И они кричали, требуя вернуть смельчака обратно. Арджуна между тем поднял лук, вмиг натянул тетиву и пустил в цель пять стрел одну за другой. И все они поразили цель, пройдя сквозь кольцо.

Изумленные зрители, поднявшись с мест, криками и рукоплесканиями приветствовали победителя. Шум не смолкал над полем, певцы, сказители и музыканты восхваляли неизвестного героя. А смуглая красавица Драупади в белом наряде невесты, украшенная цветами, вышла с улыбкой навстречу благородному Арджуне и надела на него венок.

Когда цари увидели, что Друпادا отдает свою дочь неизвестному отшельнику, они пришли в ярость и разразились угрожающими криками. Только Кришна, мудрый правитель страны Ядавов, тихонько молвил брату своему Баладеве: «Этот юный герой и те четверо, что пришли вместе с ним, — не странствующие отшельники и не брахманы. Только Арджуна мог натянуть чудесный лук Друпады, а тот, могучий, что встал с места при криках царей и готовится прийти на помощь брату, — несомненно, это Бхимасена. Смуглый юноша с величественной осанкой, сдержанный в движениях и невозмутимый, — конечно, Юдхиштхира, их старший брат, а двое близнецов, следующие за ним, — Накула и Сахадева. Значит, они не погибли в пламени пожара и жива Кунти, сестра нашего отца». И Баладева отвечал ему: «Ты прав, о Кришна! Благодарение судьбе, родичи наши спаслись от смерти в Варанавате!»

Между тем цари подступили к повелителю панчалов, угрожая ему оружием. «Как, презренный Друпادا хочет выдать царевну за нищего брахмана? Это оскорбление нам всем!» — восклицали они. На защиту Друпады встали Арджуна и Бхимасена. Сокрушительными ударами своей дубины Бхимасена оттеснил нападающих. Тогда из поредевших рядов царей выступили Карна и Шалья и вступили в единоборство с обоими Пандавами.

Карна, сражаясь с Арджуной, выпустил в него множество стрел, но тот отразил их удары и сам порастил противника таким же множеством метких стрел, которые Карна отразил в свою очередь. И Карна молвил, обращаясь к Арджуне: «Ты славно сражаешься, о брахман! Кто ты, стоявший против моих ударов? Или ты бог, принявший облик человека? Я не знаю никого из воинов твоего сословия, кто мог бы равняться со мною в бою, если только ты не сам Парашурама, победитель кшатриев». Арджуна отвечал ему: «Я не бог и не великий Парашурама, о Карна. Но

тебе не одолеть меня в этом бою. Отступишь, о герой, я по праву одержал сегодня победу!» И Карна отворачивался от битвы.

А Бхимасена в это время, ухватив Шалью за пояс, высоко поднял его и так ударил о землю, что Шалья уже не мог сражаться и должен был признать себя побежденным. Потерпев поражение, соперники Арджуны отступили. Кришна, не принимавший участие в схватке, увещевал царей примириться с Друпадой. «Юный брахман по справедливости получил руку царевны», — говорил он. И цари смирились и, удрученные неудачей, покинули страну панчалов; каждый возвратился в свои владения.

И Пандавы удалились с поля, где происходило состязание, и направились к дому горшечника, где ожидала их Кунти, не ведавшая об участии их в сваямваре в этот день; а прекрасная Драупади последовала за ними. Когда они приблизились к хижине, они вскричали, предупреждая мать о своем приходе: «Мы пришли, и с нами благостыня!» Кунти же, думая, что говорят они о милостыне, которую под видом странствующих отшельников Пандавы каждый день собирали на улицах города, отвечала, еще не видя пришедших: «Да принадлежит она вам всем!» Потом, увидев царевну, она воскликнула в смятении: «О горе мне, что я сказала!» Но Арджуна молвил: «Ты сказала истину, мать, и слово твое непреложно. Есть древний обычай в нашем роду, и согласно ему да выйдет царевна панчалов замуж за всех пятерых твоих сыновей, сначала за Юдхиштхиру, потом за остальных по старшинству».

Пока все сидели, обдумывая слова Арджуны, неожиданные гости появились в доме горшечника. То были Кришна и брат его Баладева; незамеченные, они последовали за Пандавами от поля состязания и обнаружили их скромное жилище. Кришна поклонился земно Юдхиштхире и назвал себя, и то же сделал Баладева; затем они приветствовали братьев Юдхиштхиры и склонились к стопам сестры своего отца. Пандавы подивились, как узнали их вожди рода Яду, но Кришна сказал с улыбкой: «Как ни скрывай огонь, он вырвется наружу и его узнают. Кто еще мог проявить такую мощь и отвагу, кроме сыновей Панду? Да сопутствует вам повсюду удача и да растет ваше могущество, как огонь, разгорающийся в пещере! Пусть цари еще не знают о вашем местопребывании. Мы никому о нем не скажем, но помните — на дружбу нашу и помощь вы можете всегда положиться». И с этими словами мудрый Кришна распрощался с Пандавами и ушел, сопровождаемый своим верным и могучим братом.

На следующий день царь Друпата пригласил жениха и его родственников на свадебный пир. Желая узнать, кто же эти мужи, одержавшие победу над царями, он велел разложить вокруг пиршественных столов в своем чертоге разнообразные предметы: плоды, шкуры, ковры, орудия земледельца, различные товары и оружие, украшенное золотом и драгоценностями, — панцири, шлемы, обоюдоострые мечи, секиры, луки и копья.

В назначенный час Друпата увидел героев, идущих гордой львиной поступью, в шкурах антилоп, наброшенных на широкие плечи; с ними шла его дочь Драупади. Он увидел, как свободно вошли они во дворец и без смущения расположились на богатых сиденьях, и сердце его преисполнилось радости. И когда после пира Пандавы, обойдя чертог, направились прямо к боевым доспехам и стали рассматривать их с удовольствием, Друпата окончательно убедился, что перед ним — знатные воины.

Друпата подошел к ним и спросил: «Скажите правду, кто вы, из какого рода, как зовут вас, герои?» Юдхиштхира ему ответил: «Не тревожься, царь, мы из знаменитого рода кшатриев, потомки Куру, сыновья славного Панду». Изумился царь: ведь слышал он, что сгорели Пандавы вместе с матерью в смоляном доме в Варанавате. И поведал ему тогда Юдхиштхира удивительную историю о том, как спаслись они от коварства Дурьодханы, как скрывались, скитаясь под видом брахманов по разным странам, как пришли к панчалам, услышав о сваямваре Драупади.

И обрадовался царь панчалов обретенному родству с храбрыми Пандавами и сказал: «Пусть сегодня же будет устроен свадебный обряд и дочь моя станет супругой доблестного Арджуны». Но Юдхиштхира сказал ему на это: «Мне ведь тоже должно жениться сегодня». — «Кто же из вас женится на моей дочери?» — спросил царь Друпата, и Юдхиштхира ответил ему: «Согласно древнему обычаю нашего рода, она будет супругою всех братьев. Пусть же будет совершен свадебный обряд с каждым из нас последовательно по старшинству — таков наш уговор, и от него мы не отступим».

«О потомок Куру, — воскликнул пораженный царь, — как можешь ты говорить такое? Закон гласит, что один мужчина может иметь много жен; но я никогда не слышал, чтобы одна женщина имела много мужей». И царевич Дхриштадьумна, брат Драупади, сказал: «Я тоже не могу согласиться с таким необычным замужеством моей сестры, и неведом мне такой закон, который разрешал бы это».

В то время как они обсуждали это, явился во дворец Друпеды великий мудрец Двайпаяна Вьяса, и они обратились к нему за разрешением их сомнений. И Вьяса подтвердил, что был такой обычай издревле, ныне забытый, и он поведал, что еще в прежнем рождении Драупади ей предсказано было, что станет она женою пятерых братьев.

И с благословения мудреца свадебный обряд совершен был пять раз, и так Драупади, царица панчалов, стала общей женою Пандавов.

С великой пышностью отпраздновал царь панчалов свадьбу своей дочери с героями рода Куру. Богатые свадебные дары прислал в Кампилью Кришна, вождь Ядавов, обещавший Пандавам союз и вечную дружбу. И царь Друпата поселил братьев в своем дворце и обещал Юдхиштите, что поможет ему возвратить царство.

Когда Дурьодхана узнал, что Пандавы живы и породнились с могущественным царем панчалов, злоба и страх охватили его. Кляня в душе злополучного Пурочану, он отправился к отцу и потребовал, чтобы тот немедленно созвал тайный совет в своем дворце. Пришли на тот совет все сыновья Дхритараштры, и Бхишма, и Дрона с Ашваттхаманом, и Крипа, и Шакуни, и Карна, и мудрый Видура. И объявил Дурьодхана, что Пандавы живы и требуют доставшуюся им в наследство половину царства. «Но полцарства им будет мало, — молвил старший сын Дхритараштры. — Несомненно, они кончат тем, что поглотят нас всех, если мы не воспрепятствуем им вовремя. Поэтому мы должны измыслить средство, чтобы не дать им усилиться чрезмерно».

И Дурьодхана предложил тайные и коварные средства для того, чтобы ослабить или погубить Пандавов. «Подошлем к ним искусных в тайных кознях брахманов, — сказал он, — и пусть они посеют раздор между сыновьями Кунти и сыновьями Мадри. Или же подкупим царя Друпиду, его сыновей и сановников богатыми дарами, чтобы они покинули Пандавов и отказали им в помощи. Или пошлем туда надежных людей, чтобы они тайно извели Бхимасену; он среди братьев сильнейший, и Арджуна в битве не одержит победы, если Бхишма, Волчья Утроба, не будет охранять его с тыла. Или пусть наши люди восстаноят дочь Друпиды против ее мужей; это нетрудно будет сделать, раз их у нее так много. Пусть возбуждают в ней ревность или же сделают так, чтобы Пандавы перессорились из-за нее между собою».

Карна возразил ему: «Ты уже пытался известить Пандавов тайными кознями, но потерпел неудачу. Все эти средства не годятся для борьбы с героями. Лучше разобьем и уничтожим их в открытом бою, пока они не собрались с силами».

Но Бхишма, Дрона и Видура не согласились ни с Дурьодханой, ни с Карной. «Половина царства принадлежит Пандавам по праву, — сказали они царю Дхритараштре. — Отдай им ее, и будут они тебе друзьями и союзниками. Только так ты смоешь позор за сожжение смоляного дома, ибо в народе говорят открыто, что это сделано было по твоему наущению». И хотя Дурьодхана, Карна и Шакуни бурно возражали против этого совета, царь склонился к мнению старших, мысля о том, сколь опасной будет война с могучими Пандавами и панчалами, если не удастся погубить их иными средствами. И он послал Видуру гонцом к Пандавам с приглашением вернуться и вступить во владение своей половиной царства.

И вот, распрощавшись с царем панчалов, Пандавы вместе с Кунти и Драупади возвратились в Хастинапур. И народ радостно приветствовал их на улицах, когда шествовали они в царский дворец, сопровождаемые Дроной и Крипой, которых выслал им навстречу Дхритараштра. Когда Пандавы явились во дворец, царь Дхритараштра сказал им: «О герои, я отдаю вам полцарства. И чтобы не было в государстве раздора, отправляйтесь в отведенную вам часть страны и стройте там себе столицу».

И Пандавы отправились в отдаленную местность к западу от Хастинапура, называемую Кхандавапрастха, которую отдал им во владение Дхритараштра. Там, на берегу реки Ямуны, среди дремучего леса они стали строить новый город. Они вырубили деревья, выкопали рвы, возвели крепостные стены и башни, провели за ними прямые и ровные улицы с богатыми дворцами и домами для горожан. В город, названный Индрапрастхой, стали стекаться ремесленники и купцы, брахманы и воины, певцы и музыканты. И слава о красоте и богатстве нового города разнеслась по всей земле.

Частым гостем в Индрапрастхе стал Кришна, мудрый вождь племени вришниева, который особенно подружился с доблестным Арджуной. И однажды Арджуна отправился в Двараку, город на морском берегу, где правил Кришна; там должен был справляться праздник рода Яду, на который сошлись многие цари и герои. Кришна принял Арджуну с великим почетом, а через несколько дней они отправились вдвоем на гору

Райвата недалеко от города, где и проходили празднества и где воздвигнуты были красивые здания, блистающие драгоценными камнями и золотом. Там звучала музыка, и певцы, сказители, плясуны и скоморохи развлекали собравшийся народ. Властители рода Яду щедро одаривали там брахманов, пришедших для свершения обрядов, и день напролет длился роскошный пир. Были там и Баладева со своей женой Ревати, и Уграсена, царь вришниева, глава рода Яду, двоюродный дед Баладевы и Кришны, с тысячьо своих жен, и многие другие цари со своими женами, и царевичи и царевны.

На том многоядном и шумном пиру увидел Арджуна дева необыкновенной красоты, и стрела бога любви пронзила его сердце. Кришна заметил, что Арджуна не отводит от нее взора, и сказал с улыбкой: «Я вижу, о герой, что и твоя душа подвластна волнениям любви. Это сестра моя Субхадра, и, если она тебе приглянулась, я готов быть твоим сватом». — «Эта дева полонила мое сердце, — отвечал Арджуна. — Скажи мне, Кришна, что я должен сделать, чтобы она стала моей супругой?» Сын Васудевы молвил, поразмыслив: «Ты можешь дожидаться ее сваямвары, как это принято у кшатриев, но этот путь ненадежен; мы ведь не знаем, расположено ли к тебе ее сердце и выберет ли она тебя или помыслами ее завладеет другой. Не менее достоин кшатрия и другой путь — похищение девы. Я советую тебе похитить мою сестру, пока она не выбрала кого-нибудь другого».

И Арджуна последовал совету Кришны. Когда на другой день прекрасная Субхадра отправилась на Райвата в сопровождении брахманов, чтобы совершить приношение божеству горы, сын Панду тайно последовал за нею на колеснице, запряженной быстрыми конями; слугам он сказал, что отправляется на охоту. Когда же дева, совершив обряд, возвращалась обратно в город, он схватил ее и, силой посадив на свою колесницу, помчался с нею в сторону Индрапрастхи, на восток.

Брахманы, сопровождавшие Субхадру, бегом вернулись в Двараку и, ворвавшись впопыхах в дом совета, рассказали о случившемся. Глава совета стал бить в литавры, призывая вришниева к оружию, сбежались воины со всех сторон, и поднялся великий шум. Могучий Баладева, хмельной от выпитого на празднестве вина и обуреваемый гневом, грозился жестоко отомстить Арджуне, оскорбившему гостеприимство Ядавов, и повелел спешно снаряжать колесницы для погони. Но Кришна остановил своих разъяренных родичей. «Нет для нас оскорбления в поступке сына Панду, — сказал он. — Древний закон разрешает кшатрию похи-

шение невесты. Арджуна не захотел оскорбить гордое племя вришниеи, предлагая им выкуп за Субхадру, как каким-нибудь корыстолюбивым купцам, сваямвару же счел делом слишком ненадежным. А раз он полюбил мою сестру и непременно хотел взять ее в супруги, он не мог поступить иначе, как похитить деву, следуя давнему обычаю воинов. Арджуна принадлежит к славному роду Куру, и нет нам унижения породниться с ним; и он и Субхадра достойны друг друга». Такими речами он успокоил брата своего и вришниеи и уговорил их послать гонцов за Арджунной, чтобы они пригласили его вернуться с миром в Двараку.

Вришнии последовали совету Кришны. Арджуна вернулся с Субхадрой в Двараку, и здесь с великим торжеством была отпразднована их свадьба. Примирившись с вришниеи, Арджуна покинул город на берегу моря, сопровождаемый их благими пожеланиями, и вернулся в Индрапрастху вместе с Субхадрой; и Кришна сопровождал их и остался в столице Пандавов на долгое время.

Драупади порицала Арджуну за эту новую женитьбу, но Субхадра сумела завоевать ее расположение кротостью своего нрава; она покорно признала главенство старшей жены своего супруга и всячески ей угождала и служила беспрекословно. И Драупади примирилась с Арджунной.

Со временем Субхадра родила Арджуне сына по имени Абхиманью, который с юных лет отличался умом и отвагой и стал любимцем своего отца и его братьев. А Драупади родила пятерых сыновей — по одному от каждого из своих супругов. И Кунти, Драупади и Субхадра жили мирно при дворе Юдхиштыры в Индрапрастхе. Старая же царица Сатьявати, прабабка Кауравов и Пандавов, еще раньше покинула царский двор и удалилась в лесную обитель доживать свои дни благочестивой отшельницей.

Между тем Арджуна и Кришна, еще больше сдружившиеся после того, как замужество Субхадры породнило их, проводили счастливо время в Индрапрастхе в обществе царей и мудрецов, собиравшихся при дворе Юдхиштыры. Однажды двое героев гуляли в окрестностях города и в уединенном месте, в лесу на берегу Ямуны, увидели незнакомого брахмана высокого роста, с величественной осанкой, с ярко-рыжими волосами и бородой, блиставшими подобно золоту. Одет он был в черное платье, и необычный облик его внушал почтение и благоговейный трепет. Он приблизился к Арджуне и Кришне и сказал: «О благородные цари, накормите бедного брахмана; мне известна ваша щедрость. Но знайте, что я прожорлив необычайно и насытить меня — нелегкая задача».

Витязи сказали: «Чего же ты хочешь, поведай нам, благочестивый брахман, долг кшатрия — не отказывать в просьбе нуждающемуся». Тогда незнакомец молвил: «Ведайте, о герои, что я не ем обычной пищи. Я — Агни, бог огня, и в пищу мне годится дремучий лес Кхандава, окружающий построенный Пандавами город. Я давно бы пожрал его, но мне мешает громовержец Индра; в этом лесу обитает друг его, царственный змей Такшака, и, охраняя его, повелитель богов всякий раз тушит своими дождями зачинаемые мною пожары. Только бы можете помочь мне, о великие лучники, только вы можете отразить от леса ливни Индры своими стрелами». — «Мы согласны, — сказали оба витязя. — Но для такого дела не годится обычное оружие». Тогда Агни вызвал благосклонного к нему бога вод Варуну, и тот по просьбе его даровал героям чудесное оружие: Арджуне — могучий лук Гандива с двумя неиссякающими колчанами стрел, а также великолепную колесницу, запряженную белыми конями, со стягом, украшенным изображением обезьяны; Кришне же — метательный диск, разящий без промаха, и палицу, наносящую неотразимые удары. С этим оружием герои последовали за богом огня.

А тот покинул свой человеческий облик и превратился в палящее пламя, охватившее лес Кхандава со всех сторон. Облака черного дыма окутали лес, и наполнился он великим шумом и треском, и дикие звери, в нем обитающие, во множестве устремились прочь, на открытое пространство, спасаясь от огня. Но Арджуна и Кришна по уговору с Агни сражали их стрелами, чтобы никто не ушел из леса живым.

Тогда Индра вступился за обитателей леса и послал в полет над ним грозовые тучи, проливающие обильные дожди. Но ливнем стрел своих Арджуна преградил путь ливню Индры, и ни одна капля дождя не упала на пылающий лес. И Агни спалил дотла лес Кхандава, и погибли все звери, и птицы, и змеи, жившие в нем, и рыбы, и черепахи, обитавшие в его водоемах. Змей Такшака, друг Индры, остался в живых лишь потому, что в этот день его не было в лесу Кхандава; но пришлось ему искать себе другое обиталище, и он затаил злобу против Арджуны и всего его рода.

И еще спасся из леса Кхандава обитавший там демон Майя, знаменитый зодчий асуров, построивший многие чудесные города и крепости. Когда лес уже догорал, Арджуна увидел его, убежавшего из царства пламени, и Агни, гнавшегося за ним на своей колеснице, управляемой богом ветра; и Майя в страхе воззвал к милосердию сына Панду. Арджуна простер к нему руку и даровал ему свое покровительство; и Агни пощадил асура ради заступничества героя.

Когда Арджуна и Кришна вернулись в Индрапрастху, вскоре явился туда и благодарный демон Майя. Он предстал перед Пандавами и сказал: «Повелите, и я построю вам дворец, невиданный на земле, подобный небесному чертогу Индры, царя богов. Я пойду на север, к снежным вершинам Гималаев. Там на берегах горного озера, где совершали свои жертвоприношения злые исполины данавы, я собрал некогда великое множество драгоценных камней и самоцветов. Из них воздвигну я стены дворца, и будет он сверкать как солнце. На дне того озера лежит палица исполинов, равная ста тысячам палиц простых воинов. Я достану ее для героя Бхимасены. Для Арджуны я принесу оттуда боевую трубу из редкостной раковины, принадлежавшей некогда богу Варуне; звуки ее повергают в трепет врагов. Царь Юдхиштхира пусть владеет чудесным дворцом, который я построю».

Получив согласие Пандавов, Майя выполнил все свои обещания. Он принес из Гималайских гор сокровища, о которых говорил, в Индрапрастхе он воздвиг дворец длиною в пять тысяч локтей, с золотыми колоннами, со стенами из драгоценных камней-самоцветов, со многими башенками и арками, украшенными статуями и картинами. Ласковые ветерки овеивали внутренние покои дворца. Дворец тот стали охранять восемь тысяч свирепых ракшасов, огромных и могучих, с глазами цвета красной меди, с ушами, острыми как стрелы; ракшасы эти могли по желанию подниматься в воздух и летать, как птицы. Внутри дворца зодчий соорудил из мрамора красивый водоем; на поверхности воды плавали диковинные лотосы и другие цветы с золотыми и изумрудными листьями, и плавали в том водоеме золотые рыбки и черепахи, а вокруг бродили редкие птицы с блистающим оперением. И много было вдоль стен дворца других красивых водоемов и прудов, окруженных высокими тенистыми деревьями.

Когда Юдхиштхира вступил во дворец, он устроил великий пир, на который пришли многие государи, и знатные воины, и брахманы, певцы и сказители, музыканты и скоморохи; все они ели, пили, развлекались пением, музыкой и плясками и прославляли щедрого царя Юдхиштхиру и искусного зодчего Майю.

Стали Пандавы жить в великолепном дворце в довольстве и благополучии, окруженные роскошью и почетом. Но однажды Арджуна сказал старшему брату: «Все у нас есть, государь, — есть дворец, город и подданные, есть чудесное оружие, подаренное богами, но мало у нас земель и сокровищ. Позволь нам пойти с войсками во все стороны света. Мы

покорим окрестные страны и заставим их платить тебе дань». Юдхиштира согласился, и братья выступили в поход: Арджуна пошел на север, Бхимасена — на восток, Сахадева — на юг, Накула — на запад. Они разбили в сражениях чужеземных государей, подчинили их власти Юдхиштиры и вернулись в Индрапрастху с большой военной добычей. Сокровищница Пандавов наполнилась драгоценностями и золотом так, что ее не могли бы опустошить они и за сто лет.

Мир и благоденствие воцарились на земле под властью Юдхиштиры. Процветали земледелие и торговля, исчезли грабители и плуты, жители богатели, не обремененные чрезмерной податью, и не было недовольных среди покоренных народов. Тогда решили Пандавы, что настало время для великого царского жертвоприношения, которое поведаст всему миру, что достиг Юдхиштира высшей власти и могущества среди царей.

Убиение Джарасандхи и Шишупалы

Юдхиштхира послал гонца за Кришной, и тот немедленно прибыл в Индрапрастху и явился в царский дворец. В присутствии братьев старший из Пандавов обратился к нему: «О мудрейший и всеведущий друг наш, я не хочу ничего предпринимать, не испросив твоего совета. Мои братья и советники считают, что я должен совершить великое царское жертвоприношение. Ведомо тебе, что только всевластный государь имеет на то право. Разрешь мои сомнения, о Кришна: пришло ли время для меня? И я последую твоему слову». Кришна отвечал: «В том нет сомнения, что ты достоин великого посвящения на царство, о Юдхиштхира! Но есть у тебя могущественный соперник среди властителей. То Джарасандха, царь Магадхи, мой извечный враг. Подстрекаемый своими дочерьми, вдовами убитого мною злодея Кансы, он многократно досаждал мне, приводя войска под стены Матхуры, древней столицы Ядавов. Это из-за него пришлось моему роду покинуть исконные свои земли и удалиться на новые места к морским берегам. А дерзость Джарасандхи возросла безмерно, и великие бедствия принес он окрестным странам. Многие земли захватил он, многих царей, победив, пленил и держит теперь в заточении в своей столице; среди них есть и наши родичи, о сын Панду! Другие государи покорились ему или вступили с ним в союз. Своего полководца, надменного Шишупалу, он сделал царем страны Чеди. Ты не можешь совершить своего жертвоприношения, о Юдхиштхира, пока не сломлено могущество Джарасандхи. Но одолеть его очень трудно. Ему покровительствует сам Шива, и при рождении ему дарована была неуязвимость от любого оружия, какое есть на земле и на небе. Только голыми руками

можно одолеть его, и только один человек на земле может сделать это. Только брат твой Бхимасена способен померяться силой с Джарасандхой. Отпусти нас в Магадху, о царь. Мое хитроумие и мощь Бхимы помогут победить любого врага. И пусть Арджуна сопровождает нас и в случае нужды защитит нас обоих».

Так закончил свою речь Кришна, и Юдхиштхира отвечал ему: «Повелевай нами, о сокрушитель врагов, мы исполним все, что ты скажешь!» И Бхимасена и Арджуна с радостными лицами изъявили готовность немедленно отправиться в путь вместе с Кришной.

По совету Кришны все трое облачились в одежды брахманов и двинулись в путь на восток. Многие страны прошли они, пересекли многие реки и наконец увидели перед собой Раджагриху, столицу Магадхи, расположенную в живописной гористой местности, окруженную крепкими стенами, украшенную благоухающими цветущими садами и великолепными дворцами. Они вступили в город и пошли по широкой улице, ведущей к царским чертогам, вдоль которой тянулось множество торговых лавок, ломившихся от изобилия всевозможных товаров. И трое могучих пришельцев по дороге к дворцу забрали силой из цветочных лавок яркие и благоухающие венки и надели их на себя. Подойдя к дворцу, они избрали путь через боковые ворота и неожиданно вошли в чертог, где восседал на троне Джарасандха со своими советниками и военачальниками.

Изумленный Джарасандха поднялся навстречу пришельцам и приветствовал их. Но потом он спросил их: «Кто вы, о незнакомцы? Вы одеты как брахманы, миновавшие срок ученичества, но на вас яркие венки, руки ваши умащены сандалом, на вас блистают драгоценные украшения — все это не подобает людям вашего сана. И почему вы вошли сюда не через главные ворота, через которые обычно вводят гостей? Вы выдаете себя за брахманов, но на ваших руках я вижу рубцы от тетивы лука. Так кто же вы? С каким намерением явились вы ко мне?» Кришна отвечал ему: «Кшатрии, как и брахманы, проходят срок ученичества, но обычаи их различны. Не в речах, но в отваге сила кшатрия, и ты узришь ее сегодня, о царь. В дом врага входят иным путем, чем в дом друга. Знай, мы пришли в дом врага и отвергаем твое гостеприимство». — «Какую обиду нанес я вам, что вы называете меня врагом?» — спросил тогда Джарасандха. — Я не припомню никакой вины за собою, никогда не нарушал я обычая кшатриев — опрометчивы ваши речи». — «Великий грех лежит на тебе, о царь, — возразил ему Кришна. — Многих доблестных

кшатриев пленил ты и держишь теперь в заточении, словно скот в загоне. И ведомо нам, что собираешься ты принести их, словно скот, в жертву богу Шиве. Мы пришли сюда, чтобы воспрепятствовать тебе, злодею, равняющему людей с животными. И не думай, что нет в мире кшатрия, равного тебе могуществом. Он здесь, перед тобою. Ты прав, мы не брахманы. Я — Кришна, сын Васудевы, а эти двое спутников моих — отважные сыновья Панду, Бхимасена и Арджуна. Мы вызываем тебя на бой!» — «Я рад сразиться с любым из вас, — отвечал Джарасандха. — Цари, которых я держу в заточении, все были побеждены мною в честном бою — никто не заставит меня освободить их, жизнь их — в моей воле». И Джарасандха призвал к себе сына своего Сахадеву и повелел ему вершить дела царства на время, а сам снял венец и вышел на площадь для боя. «С кем из нас ты хочешь бороться?» — спросил его Кришна. Джарасандха выбрал Бхимасену.

Оба могучих богатыря, Джарасандха и Бхимасена, сошлись безоружные и обхватили друг друга руками, подобными железным брусьям; и они раскачивались взад и вперед и в стороны, жаждущие сломить один другого, и притягивали и отталкивали друг друга, и били друг друга коленями, и перебрасывали один другого через себя. Так боролись они тринадцать дней. На четырнадцатый день царь Магадхи стал изнемогать в борьбе.

Тогда Бхимасена, почувя слабость врага, решил убить его. Он напрыг все силы и оторвал Джарасандху от земли. Он поднял его в воздух и закружил над головою. И с громким кличем Бхимасена перегнул противника и сломал ему спину. И от крика Бхимасены и от рева умирающего Джарасандхи содрогнулись в ужасе жители Магадхи, думая, что рушатся вершины Хималая или разверзается земля, а в Раджагрихе многие беременные женщины разрешились от бремени раньше срока.

Оставив тело Джарасандхи у ворот дворца, трое витязей отправились туда, где томились в заточении плененные цари, и всех освободили. И освобожденные воздали почести Кришне, возблагодарили его и обоих сыновей Панду и предложили им все свои сокровища. Но Кришна не принял их дара: «О цари, если вы хотите нас отблагодарить, ступайте в Индрапрастху почтить Юдхиштхиру на великом царском жертвоприношении». И благодарные властители с радостью обещали быть в Индрапрастхе при обряде великого посвящения и оказать всяческую помощь Юдхиштхире.

А Кришна с обоими братьями взял чудесную колесницу Джарасандхи, которая принадлежала некогда Индре и от него перешла во владение царей Магадхи; на той колеснице, мчавшейся как ветер, они выехали за пределы Раджагрихи. У городских ворот к ним приблизился с изъявлениями покорности Сахадева, сын Джарасандхи, предложивший Кришне богатую дань. И сын Васудевы обещал Сахадеве безопасность и объявил его государем Магадхи.

Вернувшись с Бхимасеной и Арджуной в Индрапрастху, Кришна поведал Юдхиштхире, что уничтожен могущественнейший из его соперников и не осталось больше препятствий для совершения великого обряда посвящения на царство.

На это жертвоприношение Юдхиштхира созвал соседних царей, союзных и подвластных ему государей, пригласил и родственников и наставников своих из Хастинапура. Вместе с Пандавами Бхишма и Дрона, Санджая и Видура, Крипа и Ашваттхаман, Дурьодхана и другие сыновья Дхритараштры приняли участие в приготовлениях к обряду, в приеме гостей и распределении даров. Обряд был справлен с великой пышностью в присутствии собравшихся со всех концов земли властителей и при огромном стечении народа. Царь Юдхиштхира щедро вознаградил брахманов, прислуживавших при жертвоприношении, а толпы горожан и сельских жителей, пришедших в его столицу, получили богатое угощение.

Когда Юдхиштхира был окроплен водою и помазан на царство, он повелел брату своему Сахадеве поднести почетное питье гостям, как того требовал обычай. И сказал тогда мудрый Бхишма: «Пусть первому поднесут достойнейшему из прибывших в Индрапрастху властителей». — «Кого же ты считаешь достойнейшим?» — спросил Юдхиштхира. И Бхишма назвал Кришну, сына Васудевы.

И Сахадева поднес почетное питье Кришне, и тот принял его. Но тогда выступил вперед Шишупала, повелитель чедиев, и стал порицать Бхишму. «Ты нарушил обычай, сын Ганги, — сказал он. — Почему Кришне оказано предпочтение перед всеми? Разве мало здесь благородных царей и почтенных брахманов? Почему же поставлен выше всех Кришна, не царь и не брахман? Это оскорбление для всех нас; не для того явились мы ко двору Юдхиштхиры, которого напрасно, видно, называют справедливым среди царей». И, молвив это, Шишупала покинул царское собрание; и многие властители земли, согласные с Шишупалой, последовали за ним.

И, собрав своих единомышленников, царь чедиев объявил о своем решении помешать Пандавам завершить жертвоприношение. Во главе толпы недовольных царей он подступил к Юдхиштхире с угрозой, и с гневными речами он вновь обратился к Бхишме: «Лишь на словах пещешься ты о соблюдении закона, а сам давно сошел со стези добродетели, похититель женщин, бездетный старец, лишившийся разума. Иначе не стал бы ты восхвалять этого негодного пастуха, чьи пресловутые подвиги ничего не стоят. Он убил птицу — что из этого? Он опрокинул повозку, умертвил быка — что в этом достойного? За это ли ставить его выше царей?» Услышав грубые речи Шишупалы, разъяренный Бхимасена хотел броситься на оскорбителя Бхишмы, но старый вождь удержал его силой. Между тем Шишупала, вне себя от гнева, подобный рассвирепевшему тигру, обратился к Кришне и сказал: «Я вызываю тебя, выходи биться со мною. А когда я убью тебя, я расправлюсь и с друзьями твоими Пандавами, нанесшими сегодня оскорбление стольким достойным царям».

Кришна обратился к собравшимся царям и сказал: «Никогда ни я, ни мои родные не причиняли обиды царю чедиев, он же злодейски преследовал нас, он погубил и пленил многих отпрысков рода Яду, он воспрепятствовал моему отцу совершить торжественный обряд, похитив жертвенного коня. Он домогался прекрасной Рукмини, но тщетно — она стала моей супругой. Доныне я все прощал ему, как сыну сестры моего отца, но этих оскорблений, нанесенных мне перед собранием царей, я не могу уже простить». Тогда Шишупала злобно рассмеялся и сказал: «Не стыдно ли тебе, о Кришна, поминать перед царями Рукмини, которая была моей женою, прежде чем стала твоей?»

При этих словах царя чедиев Кришна уже не мог сдерживать гнева. Он поднял свое оружие — чудесный диск с острыми краями — и метнул его в Шишупалу. И тем боевым диском, разящим без промаха, он снес Шишупале голову. Враг Кришны повалился наземь, как дерево, пораженное молнией, и при падении его задрожала земля и гром прогремел в безоблачном небе. Пораженные цари долго стояли, безмолвствуя; но ни один уже не посмел после гибели Шишупалы выступить против Кришны.

Юдхиштхира повелел свершить для отважного Шишупалы погребальные обряды с подобающими почестями и объявил его сына властителем страны Чеди. Затем он беспрепятственно довел до конца великое царское жертвоприношение.

Первая игра в кости

Когда закончился торжественный обряд, разъехались из Индрапрастхи в свои столицы все приглашенные цари; вернулись в Двараку и Кришна с Баладевой. Только Дурьодхана и Шакуни задержались еще ненадолго. С удивлением осматривал Дурьодхана чудесный дворец, построенный Майей; он переходил из одного покоя в другой и думал с тоской, порожденной завистью, что никогда еще не видел на земле ничего подобного по красоте и богатству. В одном из покоев был хрустальный прозрачный пол. Ступив на него, Дурьодхана подумал, что это вода, и, боясь замочить одежды, приподнял их руками. В другом покое он набрел на бассейн с чистой как хрусталь водою. Решив, что на этот раз перед ним пол, Дурьодхана смело ступил в бассейн и упал в воду. Могучий Бхимасена и многочисленные слуги, видевшие это, громко смеялись над вымокшим и растерянным Дурьодханой. В другой раз Дурьодхана подошел к хрустальным прозрачным дверям и, не заметив их, больно ударился о них головою. И снова смеялись над ним Пандавы и дворцовые слуги. Сам не свой от досады и обиды, Дурьодхана не мог поднять глаза на людей. И когда вслед за тем он подошел к открытым дверям, он протянул руки, чтобы не ушибиться снова, и, пытаясь открыть невидимые двери, не удержался на ногах и упал. Смех стал тогда еще громче. В ярости бросился Дурьодхана прочь из дворца и в тот же день покинул Индрапрастху вместе с Шакуни.

Вернувшись домой, он в злой тоске бродил по городу, вспоминая о том, как смеялись над ним в чудесном дворце, и размышляя об удачливой судьбе Пандавов. Он изгнал их из Хастинапура, чтобы лишить царства,

но они все же обрели его. Он стремился погубить их, но они спаслись от его козней. И теперь Пандавы владели многими странами, и подвластные государи толпились у трона Юдхиштхиры, ожидая его милостей.

В царстве Юдхиштхиры богатеют города и деревни, люди довольны его правлением, столица Пандавов становится все пышней и краше, а дворец их подобен чертогам небожителей, — думая об этом, Дурьодхана изнывал от зависти. От зависти и злобы он стал сохнуть, как мелкий водоем в летнюю жару, и его стали одолевать мысли о самоубийстве.

Дурьодхана пошел к дяде своему Шакуни, царю Гандхары, и рассказал ему о своих муках. Шакуни выслушал его и сказал: «Не горюй, ты ведь не одинок, Дурьодхана. Есть у тебя родные, друзья и союзники. Не оставят они тебя в беде и помогут тебе. Но не надейся победить Пандавов силой оружия. Они завоевали весь мир. У них сильное войско, богатая казна, союзники их могучи, и оружие их непобедимо. Но утешься, мы хитростью одолеем их и завладеем сокровищами Пандавов. Я знаю, что Юдхиштхира любит игру в кости, а играет плохо. И когда он начинает игру, то уже не может остановиться. Надо зазвать его к нам в Хастинапур, пусть сыграет со мною в кости. В мире нет никого, кто сравнялся бы со мною в этой игре. Я обыграю его, заберу у него все, чем владеют Пандавы, и отдам тебе. И будешь ты счастлив. Нам только нужно согласие царя Дхритараштры».

Они пошли к царю, и Дурьодхана сказал ему, что не может он вынести величия Пандавов и что, если отец ему не поможет, он лишит себя жизни. И царь, боясь за сына, согласился с тем, что замыслил Шакуни.

Дхритараштра велел призвать к себе зодчих и художников, плотников и каменщиков. Он приказал им возвести в короткий срок красивый и величественный дворец с сотнею дверей и тысячью колонн. Когда постройка была закончена, царь послал гонца в Индрапрастху к Юдхиштхире с приглашением посмотреть новый дворец Кауравов и развлечься с ними игрою в кости.

Выслушав гонца, Юдхиштхира сказал: «Дурное дело — игра в кости. Если я стану играть с Кауравами, мы, наверное, поссоримся. Но я не могу отказаться от вызова, ибо не пристало Пандавам показывать, что они боятся проигрыша!» И он повелел собираться в путь своим братьям, и женам их, и свите.

Пандавы прибыли в Хастинапур, где их встретили с почетом и проводили в новый дворец Дхритараштры. Они вошли в чертог и, приблизившись к собравшимся там царям, произнесли подобающие приветствия.

И когда Пандавы сели на приготовленные для них места, поднялся Шакуни и произнес, обращаясь к Юдхиштхире: «О государь, зал полон, все тебя ожидали. Сядем же за игру в кости». Юдхиштхира ответил: «Хорошо, но пусть игра будет честной. Я не игрок, я — воин, а воину подобает биться честно. Не нужно мне бесчестной удачи, не нужно богатства, добытого неправдой». — «Всегда было так, что один превосходит другого в бою или в науке, — молвил Шакуни. — Менее искусный проигрывает более искусному. В борьбе стремятся победить; сильный побеждает слабого — таков закон. Если ты боишься, то откажись от игры». — «Еще никогда не уклонялся я от вызова», — отвечал Юдхиштхира, и игра началась. Шакуни, искушенный в обмане, сразу же стал выигрывать одну ставку за другой. Юдхиштхира проиграл ему свой драгоценный жемчуг, потом золотые монеты, хранившиеся в бесчисленных сосудах, потом колесницу, запряженную белыми конями, — дар бога Варуны, сто тысяч рабынь, наряженных в роскошные одежды, умеющих петь и танцевать, столько же рабов, обученных различным ремеслам, тысячу боевых слонов со всем снаряжением и украшенное золотом оружие.

Увидев, что богатство Пандавов переходит в руки бесчестного Шакуни, вознегодовал праведный Видура и сказал Дхритараштре: «О царь, повели прекратить игру! Дурьодхана, подстрекнувший тебя на недоброе, — несчастье нашего рода. Прикажи казнить его, а Шакуни пусть убегает туда, откуда он к нам явился. Говорю тебе, что эта позорная игра приведет к гибели людей на нашей земле. Не допусти войны с Пандавами!»

Боясь, что царь послушает Видуру и прекратит игру, Дурьодхана вскричал тогда: «Ты никогда не был нам другом, Видура! Ты защищаешь наших врагов, ты хочешь погубить нас. Ступай же и береги свое доброе имя. Здесь не ты господин, а царь, мой отец». И Дхритараштра не внял словам Видуры.

А Шакуни выиграл у Юдхиштхиры все деньги и драгоценности Пандавов, все стада коров и овец, все табуны лошадей, а затем в пылу игры Юдхиштхира потерял все свои земли и свою столицу со всеми жителями, домами и дворцами. Потом он проиграл людей своей свиты с их одежками, а когда у него ничего уже не оставалось, поставил на своих братьев и проиграл их одного за другим.

Тогда Шакуни сказал ему: «Есть ли у тебя на что играть, о царь?» Юдхиштхира ответил: «Я не ставил еще на самого себя. Я сам — вот моя ставка». И Юдхиштхира поставил и проиграл самого себя.

И сказал ему Шакуни, удрученному, сидевшему с опущенными долу глазами: «Ты не все еще проиграл, Юдхиштхира. Есть еще у тебя жена, прекрасная Драупади. Сыграй на нее, может быть, удастся тебе отыгаться».

Ропот поднялся в собрании царей при этих словах, и все пришли в смятение, когда Юдхиштхира объявил своей ставкой Драупади. Братья его не могли скрыть горя, а Видура, сжав голову руками, сидел, потупившись, и у него был вид человека, потерявшего почву под ногами. Слепой Дхритараштра, увлеченный происходящим, спрашивал нетерпеливо у приближенных: «Ну что? Он проиграл? Он проиграл?» Громко смеялись, радуясь позору Пандавов, Карна и Духшасана, зломысленный брат Дурьодханы.

И на этот раз проиграл Юдхиштхира. Больше у Пандавов ничего не оставалось. «Пойди приведи Драупади в это собрание царей», — сказал тогда Видуре торжествующий Дурьодхана. Видура же возразил гневно: «Знаешь ли ты, злодей, что этими дерзкими словами ты связал сам себя, как веревкой? Понимаешь ли ты, что ходишь по краю бездны? Не трогай, Дурьодхана, владений Пандавов, не превращай их в своих врагов. Позор тем, кто подчиняет себе противника не в битве, а нечестной игрою в кости». — «Презренный Видура! Он весь дрожит от страха перед Пандавами», — промолвил Дурьодхана. И он послал за Драупади слугу. Тот пошел, но вернулся ни с чем, объявив, что супруга Пандавов желает знать, кого проиграл Юдхиштхира раньше — ее или себя. Но ничего не сказал на это оцепеневший от горя Юдхиштхира, а Дурьодхана повелел слуге идти снова в женские покои: «Пусть придет сюда сама, и он ответит в ее присутствии». Но слуга отказался идти, боясь гнева Драупади.

Тогда Дурьодхана послал своего брата Духшасану: «Ступай приведи ее добром или силой». Духшасана явился к Драупади и потребовал: «Иди в собрание царей, о царевна Панчалы, ты выиграна нашим дядей Шакуни и должна теперь нам повиноваться». — «Как могу я идти, не одевшись как следует, я в одном лишь платье», — возразила Драупади и попыталась скрыться от Духшасаны, но он схватил ее грубо за волосы и силой поволок в зал, где происходила игра в кости и где собрались цари.

Когда появился он там с Драупади, горько плачущей и удерживающей руками наполовину спустившееся платье, еще больше возросло смятение в собрании царей; и даже многие из Кауравов порицали Духшасану. В глубокой скорби стояли Пандавы и не поднимали головы, а Дурьодхана,

Карна и Шакуни разразились довольным смехом. Унижения Драупади не мог вынести Бхимасена. «Как мог ты допустить такое бесчестие? — вскричал он в ярости, обращаясь к старшему брату. — Сахадева, принеси огня, я сожгу Юдхиштхире его беспутные руки!» Только Арджуна удержал его: «Усмири свой гнев, Бхима! Тяжко тебе видеть глумление наших врагов, но ты не посмеешь доставлять им радость раздором между нами». — «О, горе мне! — рыдала Драупади, взывая к собравшимся. — Ни у отца, ни в доме супругов моих я никогда не знала ни насилия, ни позора. Никто чужой не смел взглянуть на меня неучтиво, а здесь меня выставили на осмеяние и обращаются со мной, как с рабыней. Кто же я, скажите мне! Рабыня ли я или царица, пусть ответят мне благородные мужи!»

Но безмолвствовали Бхишма, Дрона, Крипа и другие старейшие в собрании, к которым обращалась с мольбой Драупади, и только показывали в сомнении головами, растерянные и смущенные происшедшим. Тогда вскричал юный Викарна, один из сыновей Дхритараштры: «Что же вы молчите, мудрые старцы? Ответьте царице Панчалы! Вспомните, ведь Юдхиштхира проиграл ее после того, как уже сам был проигран и стал рабом царя Шакуни! А у раба нет имущества, которым он мог бы распоряжаться. И потому не имел права Юдхиштхира делать ставкой своей Драупади, которая ему уже не принадлежала. Мое мнение — Драупади не рабыня, и постыдно так обращаться с нею». — «Молчи, неразумный юнец, — возразил ему с гневом Карна. — Как смеешь ты возвышать голос в собрании, когда старейшие остерегаются вынести поспешное решение. Конечно, Драупади — рабыня. Ведь Юдхиштхира проиграл и себя, и своих братьев, и все они — наши рабы, а все, чем владеет раб, принадлежит его господину. У Пандавов нет теперь ничего своего, и даже одежда, которую они носят, принадлежит теперь нам». И, обратившись к Пандавам, он сказал: «Пусть снимут они немедленно одежду, и Драупади — тоже!»

И Пандавы, понутив головы от стыда, сняли с себя верхние одежды. А Духшасана бросился к Драупади и стал силой снимать с нее платье. Но когда он снял его, чудесной волей богов в тот же миг она опять оказалась одета; Духшасана вновь стащил с нее платье, и опять новое платье появилось на ней неведомо откуда. И это повторилось многократно, пока Духшасана, утомленный и пристыженный, не отступил от Драупади.

А в собрании царей между тем нарастал негодующий ропот. Бхимасена, дрожа от гнева, громовым голосом произнес страшную клятву: «Вни-

майте, о кшатрии! Да не обрету я после смерти блаженного царства предков, если я не разорву в битве грудь злодея Духшасаны и не напьюсь его крови!»

Ужас объял собравшихся при этих словах; и все сильнее становился шум в чертогах Дхритараштры. Благородный Видура громким голосом требовал, чтобы старейшие исполнили свой долг — решили судьбу Драупади. Карна и Дурьодхана восклицали, обращаясь к царевне Панчалы: «Рабыня, рабыня!» — «Ступай во внутренние покои прислуживать царским женам, о Драупади, — сказал ей Карна. — А если хочешь — выбери себе другого мужа, с которым тебе не угрожала бы такая участь». Мудрый Бхимша сокрушенно разводил руками. «Пути закона извилисты, — говорил он. — Я не в силах решить, что законно, а что незаконно в этом деле. В этом мире обладающий властью обладает и правом. А о том, проиграна Драупади или нет, пусть лучше скажет сам Юдхиштхира».

Тогда Дурьодхана, смеясь, воскликнул, обращаясь к Юдхиштхире: «Не молчи, ответствуй — как ты думаешь сам, проиграл ты жену свою или не проиграл?» И меж тем как старший из Пандавов продолжал безмолвствовать, словно лишившийся дара речи и слуха, Дурьодхана, ослепленный своею гордыней и ненавистью к Пандавам, совершил недостойное: приподняв край одежды, он обнажил свое левое бедро и, глумясь, показал его Драупади. Загоревшись страшным гневом от неслыханного оскорбления, Бхимасена вскричал: «Да не достигну я мира предков, если не раздроблю твоего бедра палицей в бою, о Дурьодхана!»

В тот же миг среди наступившей тишины неведомо откуда раздался жуткий вой шакала. Словно в ответ ему где-то близ дворца заревели ослы; закричали в небе зловещие птицы. Страх вселился в сердца воинов, собравшихся в царском чертоге. Все поняли: грозное предзнаменование это сулит гибель роду Куру.

Вняв голосу судьбы, заговорил тогда молчавший доселе Дхритараштра. Гневно молвил он сыну: «Ты утратил стыд, Дурьодхана! Зачем, о глупец, глумишься ты над дочерью Друпადы?» И, обратившись к Драупади, он молвил ей ласково: «Утешься, о царица, и назови мне любое свое желание. Я все исполню». — «О царь, — сказала Драупади, — если ты даруешь мне милость, я прошу: пусть не будет рабом благородный Юдхиштхира, чтобы сына моего, которого я родила ему, не называли впредь сыном раба!» — «Я исполню это твое желание, милая, — сказал Дхритараштра. — Но выбери себе и второй дар, о красавица!»

Драупади сказала: «Пусть будут свободны и Бхима с Арджуной, и Накула, и Сахадева, и пусть получают они свое оружие и колесницы». — «Выбирай же себе третий дар, о благочестивая Драупади, — сказал старый царь, — ибо ты достойна еще большей награды». Но Драупади сказала: «Большого я не заслужила, государь, и неприлично супруге воинов проявлять чрезмерную жадность. Твоею милостью Пандавы, супруги мои, свободны, и они сами добудут себе, что им нужно, мощью своих рук!»

Тогда Карна сказал насмешливо: «Воистину, счастливы Пандавы, которым судьба послала такую супругу. Для них, утопающих в пучине бесславия, стала она лодкой спасения; только жене своей они обязаны избавлением от рабства». Вновь вспыхнул при этих словах яростный Бхимасена и стал грозить, что немедля уложит на месте и Карну, и всех сыновей Дхритараштры, но вновь удержал его Арджуна и уговорил смириться, и Юдхиштхира, пришедший к этому времени в себя, повелел ему не двигаться с места и хранить молчание.

Дхритараштра же сказал, обращаясь к Пандавам: «Ступайте с миром, я возвращаю вам ваше царство и все, что было проиграно вами. Забудьте о грубости Дурьодханы и не храните зла в своем сердце! Предайте забвению все, что здесь было! Ведь я заменил вам отца, вы мне родные по крови, я позволил эту игру в кости для того, чтобы испытать своих сыновей, открыть им их достоинства и слабости. Да будет же отныне мир между нами!» И, возвратив Пандавам проигранное, Дхритараштра отпустил их в Индрапрастху.

Вторая игра в кости

Великодушные старого царя повергло Дурьодхану в отчаяние. Ему жаль было утраченных сокровищ, и его страшила месть Пандавов. Едва они удалились, как он вместе с Духшасаной и Шакуни опять приступил с уговорами к Дхритараштре. «Отец, — говорил Дурьодхана, — Пандавы не простят нам своего унижения. Они непременно вернутся сюда со своими войсками и войсками своих союзников. И не будет нам тогда спасения. Прикажи сейчас вернуть Пандавов. Позволь нам сыграть с ними в кости еще раз. Пусть тот, кто проиграет, уйдет в изгнание в леса на двенадцать лет, а тринадцатый год пусть живет где-нибудь неузнанным; если же его узнают, пусть изгнание продлится еще на двенадцать лет. Шакуни — искусный игрок, он непременно выиграет. Позволь же нам вернуть Пандавов, отец!»

После недолгих колебаний Дхритараштра согласился с сыном и послал гонца за Пандавами. Гонец догнал их в пути и передал слова царя: «Вернитесь. Пусть Юдхиштхира еще раз сыграет в кости». — «Это и приглашение и приказание, — сказал Юдхиштхира. — Я знаю, что нас ожидает горе, но не могу отказать царю Дхритараштре. Пусть исполнится то, что предначертано судьбою». С этими словами он повернул обратно вместе с братьями и Драупади.

Когда Юдхиштхира снова сел играть в кости, Шакуни сказал ему: «Старый царь вернул вам богатства. Это хорошо. Но договоримся так: если мы проиграем, то в оленьих шкурах мы уйдем в леса и будем жить там двенадцать лет, тринадцатый же год проведем в таком месте, где бы нас никто не узнал, а если узнают, отправимся в изгнание снова. Если же

мы выиграем, то в лес уйдете вы». Юдхиштхира сказал: «Уж не думаешь ли ты, Шакуни, что царь, подобный мне, может уклониться, когда ему бросают вызов?» Они кинули кости, и выиграл Шакуни.

И Пандавы отправились в изгнание. Они сняли царские одежды и облачились в оленьи шкуры. Глядя на них, Духшасана воскликнул в восторге: «Отныне начинается верховное владычество Дурьодханы! Наконец-то гордые Пандавы склонились под бременем невзгод. Без блеска и величия, без богатства и царства, как нищие, отправятся они в леса и будут питаться дикими плодами и грубой дичью и собирать милостыню у добродетельных даятелей. Бедная царица панчалов, бедная Драупади! Каково будет тебе жить в лесу, тебе, привыкшей к роскоши царского дворца! Выбери себе мужа среди нас, и ты избавишься от бед и лишений!»

Услышав эти оскорбительные речи, Бхимасена рванулся вперед, как гималайский лев кидается на шакала. «О злодей! — вскричал Бхимасена. — Ты радуешься сейчас, потому что Шакуни выиграл. Но мы встретимся в битве, и я руками вырву твое сердце, как ныне ты разрываешь мне сердце твоими подлыми речами!»

Когда Пандавы покидали дворец, Бхимасена обернулся и сказал смеявшемуся Дурьодхане: «Ты недолго будешь радоваться, глупец! Я убью тебя в бою и напьюсь твоею кровью, Арджуна убьет твоего друга Карну, Сахадева сразит бесчестного игрока Шакуни, и мы перебьем на поле брани всех твоих братьев».

Но с Дхритараштрой, Бхишмой и Дроной Пандавы простились дружелюбно и мирно, а честного Видуру Юдхиштхира просил приютить в своем доме престарелую царицу Кунти до их возвращения из лесного изгнания. Простившись с матерью своей Кунти, Пандавы вместе с Драупади вышли из Хастинапура через Северные ворота и направились в сторону лесов. Когда весть об их изгнании распространилась по городу и округе, страх и уныние охватили жителей. Тревожась за свое благополучие, за свои дома и семьи, многие решили оставить Хастинапур и последовать за изгнанниками Пандавами. «Не жди добра там, где станет полновластным хозяином Дурьодхана, — рассуждали они, — там все пойдет прахом. Первенец Дхритараштры злобен, ревнив и завистлив. Ему неведомы добрые чувства к людям, он не чтит старших и не знает жалости к слабым и увечным. Безмерны его властолюбие, коварство и жестокость.

Кауравы ограбили отважных сыновей благородного Панду, обманной игрой в кости лишили их царской власти, обездолили их, оскорбили

Драупади, и не будет им за это прощения. Но пока Дурьодхана правит царством, не ждать нам ни благоденствия, ни покоя». Со всем своим добром и домочадцами они поспешили вслед за Пандавами. Они умоляли Юдхиштиру взять их с собой, не оставлять их во власти Дурьодханы; но он не мог помочь им, у него не было теперь ни власти, ни земли, ни богатства. «Возвращайтесь, — сказал он горожанам. — В городе остались наши родные, мы вверяем их вам. Сберегите их от зла и напастей, и пусть это будет залогом вашей любви и преданности сыновьям Панду».

Простившись с хастинапурцами, Пандавы взошли на колесницы и двинулись в далекий путь. К вечеру они добрались до священного баньяна на берегу Ганга, совершили омовение в реке и провели ночь, подкрепляясь одной водою. Ночью к ним присоединились странствующие брахманы; сидя вокруг костра, они до рассвета развлекали Юдхиштиру и его братьев старинными преданиями. Утром следующего дня Пандавы вступили в дремучий лес, и брахманы последовали за братьями, чтобы помогать им и утешать их в тяжелом испытании, которое выпало на их долю.

Много лет жили Пандавы в лесах. Они собирали плоды, коренья, охотились на птиц и зверей, одевались в шкуры антилоп. Бродя по лесам, часто останавливались они в хижинах отшельников и слушали древние сказания — о царе Нале, проигравшем в кости свое царство, и о жене его Дамаянти, последовавшей за ним в изгнание, о верной Савитри, любовью одолевшей смерть, о красавице Тилоттаме, погубившей гордых своим могуществом братьев Сунду и Упасунду, о богах и героях, о монахах и чародеях, о чудесных странствиях и великих подвигах.

Сначала Пандавы жили в лесу Камьяка, севернее Хастинапура. Здесь вскоре после ухода в изгнание их посетил Кришна, которому война с соседями воспрепятствовала присутствовать в столице Кауравов на игре в кости. Горько сетовал об этом Кришна, уверяя, что, будь он тогда в собрании царей, он не допустил бы роковых последствий той игры. И он сказал Юдхиштхире: «Почему покорился ты, могучий, несправедливости и дал восторжествовать злокозненным Дурьодхане и Шакуни? Почему ушел безропотно в этот дикий лес, оставив владения свои бесчестным врагам? Еще не поздно все вернуть и восстановить поруганную справедливость. Скажи лишь одно слово, и я приду тебе на помощь, и тесть твой, могущественный царь панчалов, без сомнения, вступится за тебя, и немало найдется у Пандавов преданных друзей и союзников. Мы разгромим Дурьодхану в бою и снова возведем тебя на царство».

Но Юдхиштхира сказал: «Я обещал царю Дхритараштре, что мы пробудем в изгнании ровно тринадцать лет, и ни за какие блага я не изменю данному слову. Не уговаривай меня, Кришна. На условия игры

я согласился добровольно, и достойно ли мне теперь уклоняться от их выполнения?» Напрасно убеждала его последовать совету Кришны Драупади, призывая отомстить за оскорбления, которые нанесли ей Кауравы после первой игры в кости; напрасно Бхимасена, горячо приветствовавший речи Кришны, осыпал старшего брата упреками за бездействие, напоминая ему о воинском долге кшатрия. Юдхиштхира стоял на своем. «Не забывайте о том, — сказал он Кришне и Бхимасене, — что, если мы начнем войну, на стороне Дурьодханы выступят могучие и непобедимые витязи: Бхишма, Дрона, Крипа, Карна и другие; нам не справиться будет с ними, и мы потеряем всякую надежду на возвращение царства. Лучше нам следовать стезею мира».

Кришна вернулся в Двараку, а Пандавы отправились дальше на север, через дикие дебри и пустыни. Долго длилось их путешествие, и многие тяготы пришлось им вынести за это время. Однажды на глухой лесной тропе Драупади, изнуренная и страдающая от голода и жажды, опустилась на землю и отказалась идти дальше. Меж тем на лес надвигалась буря, и нигде поблизости не видно было следов человеческого жилья, где могли бы укрыться путники. Тогда Бхимасена вспомнил о сыне своем, лесном великане Гхатоткаче, рожденном людоедкой Хидимбой, который обитал в этих краях. И едва он подумал о нем, Гхатоткача появился из-за деревьев; и, подойдя к обессилившей Драупади, он бережно поднял ее с земли и посадил себе на спину; Гхатоткача кликнул — и вмиг появились еще пятеро могучих ракшасов устрашающего вида. Пандавы сели на них верхом, и они помчались по лесу с необыкновенной быстротой; Гхатоткача летел впереди, неся царевну панчалов. И прежде чем догнала их буря, они очутились далеко от того леса, на берегу Ганга, у отшельнической обители, расположенной под сенью огромного дерева бадари.

Здесь остановились они на несколько дней, а потом Пандавы, распрощавшись с Гхатоткачей и его друзьями-ракшасами, отправились дальше, в предгорья Гималаев. И много приключений случилось с ними по дороге, пришлось им сражаться неоднократно со злыми ракшасами и с якшами — горными духами, стерегущими сокровища бога богатства Куберы, и с другими демонами и чудовищами, но из всех испытаний выходили они благополучно, одерживая победы, хранимые мудрой осмотрительностью Юдхиштхиры, богатырской мощью Бхимасены, воинским искусством Арджуны и отвагой и удалью младших близнецов.

Достигнув божественной горы Кайласы, обители Шивы, Пандавы с Драупади провели там некоторое время, а потом опять вернулись в лес Камьяка, где провели они первые годы изгнания. Сюда пришла к ним весть о том, что великий воитель Карна предпринял поход в соседние страны и, как некогда Пандавы, над всеми царями одержал победы. И все покоренные им земли отдал во власть Дурьодхане. И снова посетил Пандавов в изгнании Кришна и снова убеждал их, что война с Кауравами неизбежна. «Уже сейчас нужно готовиться к войне, — говорил он Юдхиштхире, — уже сейчас нужно искать себе союзников». Но Юдхиштхира оставался тверд в своем решении и до истечения тринадцатилетнего срока изгнания отказывался и помыслить о нарушении мира.

Наступил двенадцатый год жизни Пандавов в лесах. Однажды все пятеро они ушли на охоту, и Драупади осталась одна в хижине, в которой они тогда поселились. Случилось так, что как раз в это время проезжал по лесу Камьяка Джаядратха, могучий царь Синда, со своею охотой. Некогда он был в числе царей, явившихся в столицу панчалов искать руки прекрасной дочери Драупади и потерпевших неудачу; и вот он опять увидел ее, но уже не среди роскоши царского двора, а на пороге убогой хижины, затерянной в глубине лесной чащи. Но она была все так же прекрасна, и былая страсть снова проснулась в сердце Джаядратхи. И он обратился к Драупади со словами любви; когда же добродетельная супруга Пандавов с негодованием его отвергла, царь, одолеваемый желанием, похитил ее силой и помчал на своей колеснице в свои владения, на далекий запад.

Пандавы, вернувшись в хижину и не найдя Драупади, пустились по следам похитителя. Они нагнали его вскоре в безлюдной лесной местности, и здесь произошел бой между Пандавами и Джаядратхой и сопровождавшим его отрядом. Бхимасена рассеял воинов Джаядратхи, Арджуна же в единоборстве легко одолел царя Синда и взял его в плен, освободив Драупади. «Убей его, Арджуна, — вскричал Бхимасена, — убей нечестивца, оскорбителя дома Пандавов! Если ты не сделаешь этого, я сделаю это сам». Но Арджуна не захотел убивать пленного, а Юдхиштхира остановил Бхимасену; Джаядратха был зятем царя Дхритараштры, мужем его единственной дочери Духшали, и свойственников Пандавы убивать не стали, а отпустили с миром.

Но сильно опечалились Пандавы, мысля о нанесенном оскорблении, и особенно Юдхиштхира, который почитал себя главным виновником

всех бедствий, постигших братьев его и супругу. И все же не решался он выступить против Кауравов с оружием в руках; больше всего страшил его Карна, грозный воитель. Юдхиштхира знал, что никому из Пандавов, и даже Арджуне, не одолеть Карну в открытом бою.

Знал об этом и громовержец Индра, небесный отец Арджуны, продолжавший покровительствовать Пандавам даже после того, как сын его выступил против него на стороне бога огня при сожжении леса Кхандава. Зная также, что бой Карны с Арджунной неизбежен в грядущие дни, и тревожась за сына, Индра решил помочь ему. Карна был неуязвим в бою, ибо милостью отца своего, бога солнца, он родился с панцирем на теле, непробиваемым для любого оружия. Индра вознамерился лишить его этой защиты. Он обернулся странствующим отшельником и явился однажды к Карне, царю Анги, когда тот отдыхал после ратных подвигов, свершенных им ради возвышения Дурьодханы. Индра в облике смиренного брахмана обратился к царственному воину с просьбой о милости, и Карна отвечал ему благосклонно: «Выбирай дар, о благочестивый странник, я обещаю исполнить любое твое желание». Тогда Индра попросил у него панцирь, облекавший с рождения его тело. И, не говоря ни слова, благородный Карна недрогнувшей рукою срезал тот панцирь со своего тела. Царь богов, пораженный праведным деянием властителя Анги, открылся ему, истекавшему кровью. И чтобы вознаградить его за потерю панциря, справедливый Индра даровал ему чудесное оружие — дротик, сражающий без промаха любого врага, человека, или бога, или демона. «Но помни, — сказал царь богов на прощание Карне, — только один раз можешь ты применить этот дротик в битве, потом он потеряет свою силу».

А Пандавов, доживавших свой двенадцатилетний срок в лесах, постигло между тем еще одно испытание.

Однажды они сидели все пятеро на лесной поляне у костра. Старый отшельник, сопровождавший братьев в их скитаниях, готовился совершить свое ежедневное жертвоприношение огню. Вдруг из чащи выскочил олень и кинулся прямо на отшельника. На бегу олень подхватил жертвенную мутовку, лежавшую у костра, и скрылся за деревьями. Старец в отчаянии стал умолять Пандавов поймать оленя и вернуть похищенную мутовку.

Братья схватили свои луки и дротики и пустились в погоню. Они уже настигли оленя, но внезапно он пропал из виду у них на глазах, и Пандавы остановились как вкопанные, удивляясь его непонятному исчезновению.

Разочарованные и огорченные, они уселись в тени старого баньяна, изнемогая от усталости и жажды. Юдхиштхира велел Накуле взобраться на дерево и посмотреть, нет ли в окрестностях реки или озера, где можно было бы взять воду для питья.

Накула залез на дерево, огляделся и увидел невдалеке красивое озеро со стаями журавлей на берегах. Спустившись, он пошел туда за водой для себя и братьев.

Подойдя к воде, Накула хотел было уже напиться, как вдруг услышал голос, раздававшийся откуда-то сверху, хотя никого нигде не было видно: «Не торопись, дитя. Это прекрасное озеро принадлежит мне. Ответь сначала на мой вопрос, а затем пей вволю и возьми воды для своих братьев». Но измученный жаждой Накула не послушался. Он напился воды из озера — и тут же упал мертвый.

Братья устали ждать Накулу, и Юдхиштхира послал Сахадеву потропить его. Сахадева пришел к озеру и увидел лежавшего на берегу мертвого брата.

Подавленный горем, умирая от жажды, Сахадева наклонился к воде, чтобы напиться, и услышал раздавшийся с небес голос: «Не торопись, дитя. Это озеро принадлежит мне. Ответь сначала на мой вопрос, а тогда уже пей и бери воды, сколько унесешь». Но Сахадева очень хотел пить, он не внял этим словам, утолил жажду и тотчас же упал мертвый рядом с братом.

Время шло, а близнецы все не возвращались с озера.

Послал тогда Юдхиштхира за братьями и водою Арджуну. Пришел Арджуна на берег озера и увидел там своих братьев мертвыми. В горе и гневе схватил он свой лук и, осматриваясь, стал искать убийцу, но никого не заметил; даже следов ничьих не было на берегу. Арджуна шагнул к воде и вдруг услышал слова: «Остановись! Ты не можешь напиться без моего позволения. Ответь сначала на мой вопрос, а уж тогда пей сколько хочешь». Арджуна ответил: «Ты появишься передо мной, тогда запрещай. Появись, и я разнесу тебя стрелами на куски, чтобы ты не смел в другой раз так говорить со мною». С этими словами Арджуна зачерпнул воды, выпил и тотчас же упал мертвый рядом с братьями.

«Уж не случилось ли чего-нибудь с братьями», — подумал Юдхиштхира и сказал Бхимасене: «Ступай приведи их». Бхимасена пошел за братьями и нашел их, лежащих мертвыми на берегу озера.

В отчаянии он стал искать виновников убийства. «Это, должно быть, дело рук каких-нибудь ракшасов или демонов» — так подумал Бхима-

сена; но вокруг никого не было. Он подошел к воде, чтобы напиться, и услышал голос: «Не торопись, дитя. Это мое озеро. Ответь сначала на вопрос, потом пей». Но Бхимасена не стал ждать, выпил воды и пал замертво на землю.

Не дождавшись Бхимасены, Юдхиштхира отправился сам на поиски братьев. Он подошел к озеру и поразился его красоте и красоте его окрестностей. Но когда он увидел своих братьев, лежащих мертвыми друг около друга, он сам чуть не умер от горя. Вся его жизнь была в них, все надежды. «Как это случилось, кто виновник их гибели? — горестно размышлял Юдхиштхира. — Кто мог одолеть их? Уж не Дурьодхана ли подослал сюда своих убийц? Но нет, кругом не видно ни следов борьбы, ни крови, и на лицах убитых я не вижу пятен от заклинания». Вдруг с небес раздался все тот же таинственный голос: «Этот я направил твоих братьев на путь в царство бога Ямы. Не трогай воду, озеро принадлежит мне. Ответь на мой вопрос, а потом и бери воды сколько хочешь». — «Кто ты: бог или демон? — спросил устрешенный Юдхиштхира. — Зачем ты умертвил моих братьев?» Не успел он произнести эти слова, как увидел перед собой исполина ростом с высокую пальму, с ослепительным как солнце лицом и оцепеняющим взором. Он сказал Юдхиштхире: «Твои братья не послушались моего запрета и своею волей взяли воду из озера. За это они убиты мною. Ответь на три моих вопроса, и ты будешь жить». — «Спрашивай», — сказал Юдхиштхира.

Исполин спросил: «Кто заставляет подниматься Солнце? Кто сопровождает его в пути на небо? На чем зиждется Солнце?» И ответил Юдхиштхира: «Великий бог Брахма заставляет Солнце подниматься над землею. Дхарма, бог закона, принуждает его опускаться. Боги сопровождают в пути на небо. Зиждется же Солнце на Истине».

Тогда исполин сказал ему: «О царь, ты верно ответил на мои вопросы. Теперь выбери, кого из братьев ты хотел бы видеть живым, но выбери только одного». Юдхиштхира подумал и сказал: «Пусть встанет живым Накула». Исполин удивился: «Почему Накула? Почему не Бхимасена, не Арджуна? Ведь Накула тебе сводный брат, почему же ты предпочел его родным?» Юдхиштхира ответил: «У Кунти в живых остался только один сын — это я. Пусть же и у Мадри останется в живых хотя бы один сын. Так будет справедливо». И, довольный благородством и справедливостью Юдхиштхиры, исполин решил: «Пусть все братья встанут живыми».

И как только он это произнес, все четверо восстали от смертного сна. И тогда исполин сказал: «Узнай, Юдхиштхира, что я — Дхарма, бог закона и справедливости. Это я обратился в оленя и завлек тебя к озеру, чтобы испытать твою преданность мне. Я хочу наградить тебя, выбери себе дар». Юдхиштхира сказал: «Сделай так, о всемогущий Дхарма, чтобы никто не узнал нас в оставшийся нам тринадцатый год изгнания, где бы мы его ни провели». — «Я исполню твое желание, — ответил Дхарма. — Вы проведете этот год при дворе Вираты, царя матсьев, и никто вас не узнает. Вы сможете принять любой облик по желанию». Сказав так, Дхарма исчез. Пандавы же, дивясь происшедшему с ними, вернулись в свою обитель здоровые и невредимые.

Пандавы при дворе царя Вираты

Когда прошли двенадцать лет изгнания, Пандавы покинули леса и отправились в страну матсьев, где правил могущественный царь Вирата. В пути они расстались с сопровождавшими их брахманами; семьи свои, слуг и колесницы они отправили в страну панчалов к царю Друпаде. Невдалеке от столицы матсьев, в глухом лесу, Пандавы закопали в землю свое оружие и, запомнив место, отправились в город.

Первым явился во дворец Вираты Юдхиштхира. Переодетый брахманом, он держал в руках золотые с эмалью кости. «Привет тебе, о царь, — сказал Юдхиштхира. — Я брахман Канка, знаток игры в кости. Возьми меня к себе на службу, и я буду развлекать тебя в часы досуга». Красота и вежливость Юдхиштхиры понравились Вирате, и он обласкал его и назначил своим советником.

Вслед за Юдхиштхирой пришел во дворец Бхимасена, держа в руках черпак и ложку. Глядя на его могучий стан и гордую осанку, никто не мог поверить, что он не герой и не воин, а повар. Но когда Бхимасена назвался Валлавой, бывшим поваром царя Юдхиштхиры, Вирата обрадовался и, проверив его искусство, поручил ему ведать царской кухней.

Так один за другим под видом скромных и незаметных людей все Пандавы и Драупади нашли себе место при дворе Вираты. Арджуна, принявший имя Бриханналы, был приставлен к дочери царя как учитель музыки и танцев. Накула стал конюшим Вираты, а Сахадева взялся пасти царские стада. Драупади же приглянулась царице Судешане, жене Вираты, и та взяла ее к себе служанкой в женские покои.

Незаметно проходили дни на службе у царя Вираты. Но вот на исходе тринадцатого года случилось так, что царский полководец Кичака, брат царицы Судешаны, повстречал в покоях своей сестры Драупади. Плененный ее красотой, Кичака обратился к ней с такими словами: «Откуда ты, прекрасная, и кто ты? Твоя красота покорила меня. Ты подобна Лакшми, богине любви и счастья. Полюби меня, красавица, и я осыплю тебя золотом и драгоценностями, златоткаными одеждами, мой дворец и мои богатства станут твоим дворцом и твоими богатствами. Я — повелитель войск, я — подлинный властитель страны, полюби меня, прелестная, и вся страна станет служить тебе». Так говорил Кичака Драупади, но она отвечала ему: «О господин, у меня есть муж, и я останусь ему верна. И ты, если не хочешь расстаться с жизнью, не преследуй меня и не говори о своей любви». Тогда удалился отвергнутый брат царицы, но затаил в душе обиду.

На другой день Судешана послала Драупади за вином к Кичаке. И снова он обратился к ней со словами любви и пытался обнять ее, но Драупади вырвалась и побежала в царский дворец, ища там защиты. Уже во дворце настиг ее Кичака и в ярости ударил ногой. Увидел это Бхимасена и устремился было на обидчика, готовый растерзать его на части. Но Юдхиштхира удержал брата. «Полмесяца осталось до конца года, — сказал Юдхиштхира. — Потерпи еще, и мы отплатим злодею за обиду».

А когда наступила ночь, Драупади, трепеща от обиды и горя, пришла на кухню к Бхимасене и потребовала мщения. Она сетовала на Пандавов, которые обрекли ее, царскую дочь, на жизнь, полную обид и лишений, она упрекала Юдхиштхиру в легкомыслии, в греховной страсти к игре в кости, в проигрыше царства. Плача, Драупади сказала, что, если Бхимасена оставит Кичаку в живых, она наложит на себя руки. И Бхимасена, тронутый ее жалобами, обещал на следующий же день разделаться с оскорбителем.

Вечером следующего дня Бхимасена подстерг Кичаку в одном из покоев дворца. Как разъяренный лев, кинулся он на царского шурина, схватил его за волосы и ударил о землю с такой силой, что Кичака тут же умер. Бхимасена оторвал у мертвого Кичаки ноги, руки и голову и отправил к себе на кухню.

Наутро нашли тело убитого полководца в дворцовом покое и изумились нечеловеческой силе его неведомого убийцы. Все решили, что Кичаку умертвил некий таинственный демон, охраняющий Драупади. Род-

ственники Кичаки, обвиняя Драупади в гибели своего вождя, объявили, что будет справедливо сжечь ее на его погребальном костре как его вдову. Они ворвались во дворец и, схватив Драупади, силой поволокли ее за городские ворота к погребальному костру. Жалобные крики Драупади слышал Бхимасена. Огромными прыжками он помчался следом и, вырвав на бегу большое дерево, бросился с ним на похитителей. В одно мгновение он обратил всех в бегство, усеяв дорогу к погребальному костру бездыханными телами.

Испуганный истреблением рода Кичаки, царь Вирата повелел передать Драупади, чтобы она покинула его царство. Но Драупади упросила царя позволить ей остаться еще на тринадцать дней и пообещала за это матсям помощь и дружбу своих могучих покровителей.

Битва матсьев с тригартами и набег Кауравов

Весь этот год люди Дурьодханы сбивались с ног в поисках Пандавов. Оставалось уже немного дней до конца условленного срока изгнания, когда соглядатаи вернулись в Хастинапур и доложили Дурьодхане: «Великий царь, мы обшарили горы и долины, поля и леса и потаенные пещеры. Мы побывали во всех городах и селениях, но нигде не нашли даже следов сыновей Панду. Нет сомнения в том, что они погибли в диком лесу».

Выслушав донесение соглядатаев, Дурьодхана стал совещаться с друзьями и союзниками. Он объявил им, что Пандавов нигде не удалось обнаружить, что тринадцатый год изгнания подходит к концу, и спросил их мнения и совета. Дрона предложил ожидать возвращения Пандавов и вернуть им то, чем они должны владеть по праву. Карна же, отвергая примирение, призывал вооружаться и готовить войска к битве. Видура и Бхишма выступили на стороне Дроны; Духшасана и другие братья Дурьодханы поддерживали Карну.

Еще не утихли споры в царском совете, когда пришла весть из страны матсьев о таинственной гибели Кичаки и его родичей. Среди царей, собравшихся на совет во дворце Дурьодханы, был Шашуварман, властитель страны тригартов, не раз страдавший от грабительских набегов Кичаки. Обрадованный известием о смерти ненавистного врага, он тотчас обратился к Кауравам с призывом напасть на матсьев и захватить неисчислимые стада царя Вираты. Всем понравился замысел Шашувармана, и Кауравы стали готовиться к набегу.

Под покровом ночи Шашуварман вторгся в пределы царства матсьев и напал на пастухов, охранявших стада Вираты. Разогнав пастухов, три-

гарты захватили шестьдесят тысяч коров и погнали их в свои владения. Наутро пришла во дворец Вираты весть о нападении и грабеже. Немедля царь распорядился собрать войска. Боевые слоны, колесницы, всадники и пешие воины приготовились к походу. Вирата приказал выдать из царских кладовых боевое вооружение Канке и Валааве. Слуги принесли им панцири, мечи, шлемы и луки, украшенные золотом и серебром, им дали колесницы с искусными возничими, и они вместе с царем отправились в поход. В городе же на время похода остался править царевич Уттар, сын и наследник Вираты.

После недолгой стремительной погони Вирата настиг Шашувармана, и оба войска построились для боя. Началась жестокая схватка. Вирата храбро бился в первых рядах, но тригартов было много, и они стояли накрепко. Вскоре Шашуварман стал одолевать матсьев; Вирата был ранен. Все в бою смешалось: стоны, пыль, кровь; разбитые колесницы, убитые и раненые люди и кони устилали поле сражения. Тогда Юдхиштхира повелел Бхимасене вступить в бой. Бхимасена хотел вырвать с корнем дерево, чтобы сражаться им как палицей, но Юдхиштхира не позволил: он боялся, что Бхимасену могут тогда узнать и придется Пандавам идти в изгнание еще на тринадцать лет. И Бхимасена, вооруженный луком, дротиками и мечом, пошел в бой на колеснице. Он упорно пробивался сквозь толпы сражающихся, стремясь добраться до Шашувармана. Как могучий слон, продвигался Бхимасена, расчищая мечом дорогу и сея вокруг смерть. Под его ударами тригарты валялись как подкошенные и наконец в смятении обратились в бегство. С криком: «Стой, стой, Шашуварман!» — устремился Бхимасена к царю тригартов. Настигнув царя, сын Панду схватил его рукой за волосы, сорвал с колесницы и с силой ударил о землю. От удара Шашуварман лишился сознания. Бхимасена втащил его на свою колесницу и помчался к Юдхиштхире, который, стоя на холме, наблюдал за боем. Когда тригарты увидели, что их царь попал в плен, они бежали с поля боя.

Бхимасена бросил полуживого и испуганного Шашувармана под ноги Юдхиштхире. Взглянув на пленника, Юдхиштхира сказал: «Встань, царь. Ты свободен, иди куда хочешь». А Бхимасена, разгоряченный боем, сказал Шашуварману: «Ступай, но, если хочешь сохранить себе жизнь, всюду, куда ни придешь, кричи: „Я — раб, я — раб царя Вираты!“» Но Юдхиштхира остановил брата: «Пусть он уходит свободным. Он и так отныне данник царя матсьев. Но пусть не смеет более разбойничать и грабить».

Тем временем войско Кауравов во главе с Бхишмой приблизилось к столице матсьев с другой стороны. Опустошив окрестности города, Кауравы угнали многотысячные стада Вираты и двинулись с ними обратно в Хастинапур. Гонец от царских пастухов прибыл с известием о случившемся к царевичу Уттаре. Он просил царевича помочь пастухам отбить стада у Кауравов. Но Уттара колебался: войска в городе не осталось, одному же идти в битву с Кауравами тяжело и опасно. «У меня нет даже возничего, — сказал он гонцу. — Найди мне умелого колесничего, и я поспешу в погоню». Слыша это, Арджуна подозревал Драупади: «Скажи Уттаре, что я — Бриханнала — был некогда возничим у Арджуны и согласен править колесницей царевича».

Тогда пришлось Уттаре, преодолевая боязнь, взойти на колесницу и отправиться в погоню вместе с Бриханналой. Управляемая искусной рукой возничего, колесница полетела как ветер, и вскоре уже показались боевые знамена войска Кауравов, посреди которого в тучах пыли двигались стада матсьев. Увидев это огромное войско, Уттара едва не лишился сознания от страха: «Их слишком много, они убьют нас, Бриханнала!» — сказал он и, соскочив с колесницы, пустился бежать обратно. Повернув коней, Арджуна погнался за царевичем, схватил его на скаку и втащил в колесницу. «Отпусти меня домой, Бриханнала, — взмолился Уттара. — Я подарю тебе все, что захочешь, только не увлекай меня на погибель!» Арджуна отвечал ему: «Стыдись, царевич! Ведь ты — сын доблестного Вираты. Не будь трусом. Становись на мое место и правь лошадьми, а я буду сражаться на колеснице». Уттара удивился: «Как ты сможешь один выступить против целого войска? Ведь ты же не воин, а учитель танцев!» Бриханнала засмеялся: «Я только на время стал учителем танцев. Я — Арджуна, сын Панду. Будь возничим, и я один справлюсь с Кауравами».

Услышав это, Уттара воспрянул духом, страх его исчез, и он уверился в победу: Арджуна — непобедимый воин, с ним можно одолеть и целое войско. Уттара предложил Арджуне свое оружие, но оно было слишком легким и непрочным для сына Панду. Арджуна повернул колесницу к ближнему лесу; там некогда зарыли свое оружие Пандавы, перед тем как явиться в столицу матсьев. Он вырыл из земли свой лук, подаренный ему богом огня, облачился в свои доспехи и пустился вместе с Уттарой на колеснице в погоню за Кауравами.

Когда они приблизились к вражескому войску, многие из Кауравов узнали Арджуну, и среди них началось волнение. Срок изгнания сыно-

вей Панду истек накануне, и встреча с ними страшила Кауравов. Немедля Бхишма послал Дурьодхану с большим отрядом гнать скот в Хастинапур, а оставшееся войско развернул для битвы.

Не останавливаясь, Арджуна погнал колесницу прямо на войско Кауравов; из своего чудесного лука он осыпал врага тысячами стрел. Но, не видя похищенных стад, он догадался об уловке Бхишмы, повернул колесницу и помчался следом за Дурьодханой. Нагнав его, Арджуна обрушил на него ливень стрел. Не выдержав натиска, Дурьодхана бросил войско и добычу и обратился в постыдное бегство. А победоносный Арджуна поспешил навстречу главному войску Кауравов. Стремительно врезался он на колеснице в ряды врагов, осыпая их стрелами. Воины Бхишмы не успевали прикрываться щитами — так быстро вылетали стрелы из лука Арджуны. Пробивая себе дорогу в рядах вражеского войска, Арджуна приказывал Утtare направлять колесницу то к Дроне, то к Карне, то к Бхишме и, вступая поочередно с каждым из них в схватку, наносил им поражение за поражением. Воины, видя своих вождей поверженными, бежали с поля битвы. Так Арджуна отбил у Кауравов похищенный скот и возвратился с ним в столицу матсьев.

По дороге в город Арджуна сказал Утtare: «Ты не говори царю, что Пандавы тайно служат у него. И про меня не говори ничего. Скажи, что это ты отбил скот у Кауравов и победил их». И Уттар а обещал молчать до тех пор, пока это будет нужно. Арджуна перешел на место возничего, спрятал свой боевой стяг, вооружение, и так они въехали в город, послав вперед пастухов вестниками победы.

Между тем Вирата вернулся в город после битвы с тригартами и узнал, что сын его отправился вдвоем с учителем танцев отбивать стада у Кауравов. Вирата изумился мужеству и безрассудству царевича; он не сомневался, что Уттар а погиб в неравном бою. Но Юдхиштхира утешал его: «Не тревожься, царь. Если возниким у твоего сына — Бриханнала, под его защитой Уттар а справится с любой ратью». Не успел он произнести эти слова, как прибыли гонцы от Уттары с вестью о победе. Царь возликовал и повелел готовить победителю пышную встречу. Горожане украсили дома и улицы флагами и цветочными гирляндами, музыканты ударили в литавры, и под всеобщее восхваление Уттары вступил в город.

И сказал тогда торжествующий царь Юдхиштхира: «Не чудо ли, о Канка? Мой доблестный сын один победил могучее войско Кауравов». Юдхиштхира ответил: «Не удивляйся, государь. Нет в том чуда, если Бриханнала был у царевича возниким». Разгневался царь, услышав эти

слова: «Как смеешь ты равнять моего сына с каким-то учителем танцев! На первый раз, брахман, я тебя прощаю, но впредь остерегись досаждать мне неразумными речами». Когда же Юдхиштхира повторил свои слова и сказал, что без Бриханналы царевич не остался бы в живых, царь Вирата в ярости дважды ударил его рукой по лицу.

В тот же миг Уттара вошел в царские покои. Он увидел окровавленного Канку и в тревоге спросил о происшедшем. И когда ему рассказали о том, что случилось, Уттара вступился за бра́хмана Канку и поведал царю истину о битве. Но, помня запрет, он не назвал имя Арджуны. «Некий сын бога, — сказал Уттара, — вмешался в битву и обратил в бегство вражеское войско. Это ему обязан я своей победой». — «Где же он, этот божественный витязь?» — спросил царь Вирата. — «Пусть войдет, я хочу его видеть». — «Он покинул меня, когда мы вернулись в город, — сказал царевич. — Но придет срок, он явится и назовет свое имя».

На третий день после битвы братья Пандавы, облаченные в белые одежды и украшенные драгоценностями, вступили в чертоги царя Вираты и сели у трона. Изумленный царь промолвил: «Как осмелились вы, слуги мои, садиться на царские места? Как осмелились вы наряжаться в царские одежды?» Арджуна с улыбкой отвечал ему, указывая на Юдхиштхиру: «Этот великий муж, о государь, достоин занимать место рядом с самим Индрой, повелителем богов. На земле нет равного ему по силе духа, праведности, милосердию и воинскому искусству. Перед тобой прославленный Юдхиштхира, сын Панду».

Царь Вирата несказанно удивился: «Неужели передо мною братья Пандавы, прославленные своими подвигами и своими невзгодами? Но ведь вот минуло уже тринадцать лет с тех пор, как никто ничего о них не слышал!» Арджуна сказал: «Смотри, царь, вот твой повар — это могучий Бхимасена, умертвивший Кичаку. Твой конюх — Накула, твой пастух — Сахадева. Эта служанка царицы — прекрасная Драупади, а я, о царь, — Арджуна, сын Кунти». А царевич Уттара сказал Вирате: «Это Арджуна, отец, спас меня от позора и разгромил Кауравов, это он возвратил наши стада».

Тогда восхищенный Вирата обратился к Пандавам со словами благодарности и предложил им союз и дружбу. Он воздал им царские почести и осыпал их щедрыми дарами. И он пожелал породниться с Пандавами и отдал свою дочь в жены Абхиманью, юному сыну Арджуны и Субхадры.

Об усилиях сохранить мир

На свадьбу Абхиманью, сына Арджуны, и Уттары, дочери Вираты, съехались друзья и союзники Пандавов, государи ближних и отдаленных царств. На другой день после пышного свадебного празднества гости собрались для беседы в богато украшенном чертоге. И когда цари воссели по старшинству на украшенные золотом и драгоценными камнями скамьи, поднялся Кришна и обратился к собранию с такими словами: «О благородные мужи! Все вы знаете, сколько тяжких испытаний выпало на долю Юдхиштхиры и его братьев. Вам известно, как был обманут Юдхиштхира при игре в кости, как лишились Пандавы своих владений и были изгнаны в дикие леса на многие годы. Теперь, когда минул срок изгнания, настало время нам поразмыслить о том, что будет во благо и Юдхиштхире и Дурьодхане. Вы знаете, что Юдхиштхира не примет и небесного царства, если оно не принадлежит ему по праву, и согласится на одно-единственное селение, если это будет справедливо. Пандавы в бою непобедимы, да и мы их без помощи не оставим. Но мы не знаем, что ныне замышляет Дурьодхана и как он поступит. Поэтому пошлем прежде посла к Кауравам, умного и красноречивого, и пусть он склонит их миром вернуть Юдхиштхире его владения». — «Справедлива речь моего брата, — молвил вслед за Кришной Баладева. — Благом для обоих — и для Юдхиштхиры, и для Дурьодханы — будет раздел царства. Но пусть будет мирной речь посла. Не следует упрекать Дурьодхану в обмане. Ведь и на Юдхиштхире лежит вина — ослепленный страстью к игре, он не измерил своих сил, когда принял вызов Шакуни. Победил искуснейший игрок — нам не в чем упрекать царя Гандхары». Но с гневом возразил ему Сатьяки, доблестный

воитель из племени Ядавов: «Как можешь ты возлагать какую-то вину на царя Юдхиштхиру? Он доверился родичам своим, они же коварно завлекли его и обманули. Зачем нам унижаться перед врагами и просить их о мире? Если они не отдадут половину царства Пандавам добровольно, мы сумеем их принудить». И царь Друпادا сказал: «Я никогда не поверю, что Дурьодхана отдаст добром хотя бы малую часть того, чем владеет. Мирную речь он примет лишь как признак нашей слабости. Нет надежды и на Дхритараштру: он во всем послушен своему любимому сыну. Пусть едет посол в Хастинапур, но уже сейчас надо готовиться к битве. Разошлем гонцов ко всем государям и вождям, чтобы готовили войска к грядущим сражениям. И поспешим, чтобы первыми привлечь царей на свою сторону, ибо и Дурьодхана, без сомнения, поступит так же».

Все согласились с тем, что сказал Друпادا. Кришна же обратился к нему с такой просьбой: «О повелитель панчалов, ты превосходишь нас и годами и мудростью. Тебя почитает и царь Дхритараштра, ты дружен с Дроной и Видурой. Тебе мы доверяем посольство в Хастинапур. Если склонятся Кауравы к миру и справедливости, кончится тогда многолетняя распря; если же не уступит безрассудный сын Дхритараштры, зови нас без промедления, и все мы явимся на помощь Пандавам». — «Да будет так!» — решили цари и, простившись с Виратой, возвратились в свои владения.

Не теряя времени, Пандавы стали готовиться к войне. Царь Вирата разослал своих людей ко всем окрестным государям и к данникам своим с призывом собирать и вести войска в столицу матсьев. То же сделал и царь Друпادا. И многие властители откликнулись на призыв и повели свои рати под знамена Пандавов. Когда сыновья Дхритараштры передали о том, они также призвали в Хастинапур дружины своих союзников. И всю страну тогда заполнили отряды воинов, спешивших со всех сторон присоединиться к Пандавам или к Кауравам. Казалось, вся земля с ее горами и лесами сотрясалась под их тяжелой поступью.

Дурьодхана, узнав о том, что Кришна и Баладева вернулись в Двараку, сам отправился туда со всею поспешностью. Поспешил туда и Арджуна, чтобы договориться о помощи Кришны Пандавам в предстоящей войне. И случилось так, что оба они прибыли в Двараку одновременно и одновременно приблизились к дворцу Кришны. Но Дурьодхана вошел в его покои раньше и, увидев, что сын Васудевы спит на своем ложе, стал у его изголовья. Арджуна же вошел следом и остановился, почтительно склонившись, в ногах у Кришны.

Когда Кришна открыл глаза, взор его упал прежде на Арджуну. Потом он увидел Дурьодхану и приветствовал обоих. Сын Дхритараштры сказал: «Я вошел к тебе первым, о родич! Я пришел к тебе просить помощи в будущей войне и надеюсь, что ты не откажешь мне; ведь я и Арджуна равно имеем право на твою дружбу». — «Ты молвил истину, Дурьодхана, — отвечал ему Кришна. — Раз ты пришел первым, я решил оказать помощь вам обоим. Но я увидел первым друга моего Арджуну, и потому ему я предлагаю выбор. Один из вас пусть возьмет могучее войско моего племени, тысячи отборных ратников, трудноодолимых в бою, другому я обещаю мою помощь, но не оружием, а советом в битве; сам я сражаться не буду». — «Я выбираю тебя, о Кришна», — сказал не колеблясь сын Кунти. А Дурьодхана, очень довольный этим выбором, взял войско Ядавов.

Потом Дурьодхана посетил Баладеву. «Ты знаешь, что я защищал тебя на совете у царя Вираты, — сказал ему богатырь. — Ты такой же родственник мне, как и Юдхиштхира. Но я не могу идти против моего брата. И потому решил не сражаться ни на чьей стороне». Выслушав это, сын Дхритараштры обнял благородного Баладеву и простился с ним. И Дурьодхана покинул Двараку с многочисленным войском, которое повел за ним доблестный витязь из рода Яду, царь Критаварман.

В то время Шалья, царь мадров, дядя по матери младших Пандавов, собрал огромное войско и направился с ним к Пандавам. И, прослышав о том, Дурьодхана поспешил ему навстречу, чтобы перехватить его. Он послал вперед своих слуг, которым повелел воздвигнуть на пути войска мадров многочисленные строения и шатры для отдыха и оказать всяческие почести царю Шалье. Царь мадров принял помощь и почести, думая, что они исходят от Юдхиштхиры. Немало был он удивлен, когда предстал перед ним Дурьодхана и попросил поддержки в грядущей войне. Но он не мог уже отказать ему.

Прибыв затем к Пандавам, царь Шалья поведал о происшедшем Юдхиштхиру. «Да будет так, сражайся честно на стороне Кауравов, — молвил ему старший сын Панду. — Но исполни одну мою просьбу, хоть это и не очень достойно. Ведомо всем, что в искусстве управления колесницей никто не может равняться с тобой, кроме Кришны. Без сомнения, Карна пожелает взять тебя возничим на свою колесницу, когда настанет время ему сразиться с Арджуной. Тогда ты сделай все, чтобы лишить его духа и охранить жизнь Арджуны». И царь Шалья обещал исполнить просьбу Юдхиштхиры.

Между тем царь Друпادا, посоветовавшись с Пандавами, отправил послом в Хастинапур своего жреца, брахмана, умудренного годами и опытом. «Ты знаешь, о брахман, — напутствовал его Друпادا, — что с ведома старого Дхритараштры был обманут Юдхиштхира в игре в кости. Обманщики же, наверное, не отдадут по своей воле владения Пандавов. Но если ты обратишься к Дхритараштре со словами справедливости, ты заронишь сомнения в сердца его воинов, а Видура, Дрона и благочестивый Бхишма тебя поддержат. Если советники Дхритараштры будут на стороне Пандавов, а воины будут колебаться, врагу понадобится время, чтобы завоевать обратно их сердца, а Пандавы между тем легко успеют собрать войска и необходимые припасы для войны. Ступай без боязни, в стане врагов тебе ничто не угрожает. Ведь ты брахман, ты идешь к ним как посол, к тому же ты старик; никто не осмелится поднять на тебя руку!»

Еще не достиг Хастинапура посол Друпад, как взорам его представили несметные полчища воинов, заполнившие всю окрестность от берегов Ганга до отдаленных вершин Калакуты. То были войска Кауравов и союзников их, сошедшиеся к стенам Хастинапура со всех концов страны.

Во дворце Дхритараштры посол узрел всех вождей и военачальников Кауравов и дружественных им племен. Встреченный с подобающим почетом, посол обратился к собравшимся во дворце государям и полководцам с такими словами: «Всем вам ведомы долг и право царей, Дхритараштра и Панду — сыновья одного отца. Нет сомнения, что доля каждого в наследстве предков должна быть равной. Дети Дхритараштры получили свою долю; справедливо ли будет обездолить Пандавов? Много выпало им испытаний и обид, но они не помнят зла; и ничего не хотят они, кроме мира и справедливости. Теперь выбирайте сами — мир или войну, справедливость или зло. В лагере Юдхиштхиры — тысячи отважных воинов, рвущихся в бой. На его стороне — мощь и доблесть его непобедимых братьев и мудрость великого Кришны. Не упустите же случай покончить дело миром!»

Выслушав речь посла, Бхишма сказал: «Воистину, ты молвил правду, брахман. Безумие — воевать с Пандавами; кто может одолеть их в битве?» Но Карна дерзко прервал его речь и вскричал, глядя на Дурьодхану: «Что толку повторять одно и то же? Все это мы уже давно слышали. Ведь все совершилось по закону: Шакуни выиграл, и Пандавы ушли в лес. Или Юдхиштхира забыл про договор? Вернувшись из леса, они должны были жить данниками Дурьодханы. О брахман, знай, что угро-

зами ты не добьешься ничего, и пяди земли не уступит Дурьодхана; но во имя справедливости он отдаст все свое царство даже врагу». — «Неразумны слова твои, сын возничего, — возразил Бхишма. — Разве не помнишь ты, как Арджуна один обратил в бегство все наше войско?»

Царь Дхритараштра остановил спорящих и сказал: «Прав мудрый Бхишма. Я решил немедля отправить посла к Пандавам. А ты, жрец, ступай к своему царю и скажи, что я рад был выслушать его слова».

Когда посол удалился, царь призвал к себе Санджаю, своего возничего, и сказал ему так: «В лагере Юдхиштиры собрались непобедимые воины, равные могуществом самому Индре. В бою они могут истребить всех моих сыновей и взять силой то, что принадлежит Пандавам по праву. Я страшусь войны с ними. Ступай, Санджая, в лагерь к Пандавам и воздай им царские почести. Скажи им: я рад тому, что их бедствия кончились, и стремлюсь отныне только к миру и дружбе с ними».

Без промедления отправился Санджая в лагерь Юдхиштхиры и вскоре предстал перед сыном Панду. Низко поклонился ему посол и сказал: «Царь приветствует вас, дети Панду, и желает вам блага. Он почитает ваши достоинства и верит, что ни один грешный поступок не запятнает ваше имя. Царь знает, что никто, даже сам Индра, не одолеет в битве славных братьев Пандавов. Но царь также знает, что нет никого в этом мире, кто превосходил бы доблестью и силой могучих Кауравов. Потому не видит Дхритараштра блага ни в победе, ни в поражении. Утвердить мир между вами и Кауравами — вот самое заветное желание моего царя и его советника, мудрого Бхишмы». — «Я ни слова не говорил о войне, о Санджая, — отвечал послу Юдхиштхира. — Лучше мир, чем война. Воистину, человек, который имеет все, чтобы исполнять желания своего сердца без труда и усилий, не спешит братья за оружие. Дхритараштре легко говорить о мире, он заботится лишь о благе своего жестокого сына. Царь не слушал советов благородного Видуры. Он позволил хитростью и обманом обездолить сыновей своего брата, а теперь призывает нас к миру. Он не знал ни нужды, ни голода, он не знает других одежд, кроме роскошных, других яств, кроме самых лучших, он живет в богатстве и великолепии. А мы лишены всего, мы голы и босы, мы — нищие, обездоленные люди. И нам, потерявшим все, что добыто нашим отцом, нашим мужеством и силой, царь предлагает теперь мир и дружбу! Но ради мира на земле мы прощаем Кауравам зло. Хорошо, пусть будет так, как есть. Я буду, Санджая, по твоему совету искать мира, но пусть нам вернут столицу

Индрпрастху. Ступай к Дхритараштре, Санджая, и передай ему мои слова: либо верните нам столицу нашу, либо сразитесь с нами в открытом бою».

Санджая обещал передать своему царю все точно и правдиво и отправился в обратный путь. К ночи он возвратился в Хастинапур, а на следующее утро царь велел позвать его во дворец. Кауравы жадно расспрашивали Санджаю о Пандавах, их войске, оружии и союзниках. Подробно ответил им Санджая на все вопросы, рассказал о несметном войске Пандавов, об их чудесном оружии, о рвущихся в бой друзьях и союзниках Юдхиштиры; и царю стало страшно. Он необычайно боялся непобедимого Бхимасены, грозы ракшасов и якшей, страшился гневного в бою Арджуны, не знающего поражений. Дхритараштра боялся гибели в бою своих сыновей и не мог решиться на битву с Пандавами.

«О Санджая, — сказал царь, выслушав посла, — Пандавы уничтожат моих сыновей, ни одного не оставят в живых. Весь род мой падет под ударами этих витязей. Потому я так ищущу мира. Юдхиштира никогда не будет равнодушным к нашим бедам, но он осудит меня, если я стану причиной несправедливой войны. Но что делать мне, Санджая? Как убедить моих неразумных и алчных сыновей помириться с Пандавами?» — «Ты говоришь правду, царь, — отвечал Санджая. — Если вспыхнет битва, твой род погибнет. Но не могу я уразуметь, владыка, почему ты, мудрый и осторожный, следуешь советам твоих глупых сыновей. Сейчас не время для причитаний! Ведь ты, царь, радовался и смеялся, когда Пандавы ушли в леса! Конечно, тогда ты мог не знать, к чему это приведет. Вотчина твоя была невелика, а теперь, благодаря подвигам твоих племянников, ты правишь миром. Но сейчас не время сетовать, сейчас нужны, царь, твои решения». — «Не слушай его, отец, — обратился к царю Дурьодхана. — Мы одолеем в битве любых противников. Я не верю Пандавам. Они не хотят честного мира с нами. Они только говорят о нем, а сами готовятся к битве. Я знаю, что в стане Юдхиштиры собрались его друзья и соратники и все вместе они сговорились уничтожить весь твой род, о царь, всех твоих детей и внуков до последнего колена. Пусть никто не ждет от них пощады. Мир с Пандавами не будет прочным. Как только Пандавы утвердятся в Индрпрастхе, они захватят твои владения, лишат тебя и твоих детей власти и богатства и самой жизни. А потому не следует нам бояться битвы. Напрасен, отец, твой страх перед Бхимасеной. Я сам убью его в битве ударом палицы: и боги бы не сумели выдержать моего удара. Ты забыл, о владыка, о моих могучих

братьях и верных друзьях, все сметающих на своем пути. А Карна, а Бхишма и Дрона! Кто может сравниться с ними в бою? Не страшись битвы, отец. Пандавам не уйти от позора поражения».

Но речь старшего сына не успокоила Дхритараштру. Он не мог повести в победу и попытался уговорить Дурьодхану: «Я прошу тебя, о сын мой, отказаться от ненависти и вражды. Тебе довольно будет и половины наших нынешних владений. Верни же благородным Пандавам все, что принадлежит им по праву, отдай им их долю наследства. Или и войско твое, и ты сам обречены на гибель в битве с Пандавами. Только глупость и жадность мешают тебе понять это». — «Я с Пандавами рядом на земле жить не стану, — отвечал Дурьодхана. — Либо я, покончив с ними, завладею миром, либо они убьют меня и будут править на земле. Вопреки твоей воле и желанию твоих советников, я вызываю Пандавов на битву и вместе с Карной уничтожу их всех до единого».

После отъезда Санджай Юдхистхира обратился к вождю Ядавов Кришне, своему могущественному покровителю и другу. «Я не знаю, как быть, — сказал Юдхистхира. — Нет у меня доверия к Кауравам. Их речи о мире — одно лукавство. Дхритараштра не посмеет идти против воли своих сыновей, а те давно утратили и стыд и честь. Они не вернут ни пяди из нажитого хитростью и обманом». — «Твои сомнения справедливы, — отвечал Кришна. — Дурьодхана — муж подлый, завистливый и алчный, он к миру не стремится. Но я поеду в Хастинапур и сам попытаюсь установить мир между вами. Сколь ни слаба надежда на мир, я поеду твоим послом к Дхритараштре, чтобы не обвинили тебя потом в кровожадности и жестокости к людям».

Страшно было Юдхистхире отпускать Кришну одного во враждебный лагерь, но он склонился перед мудрыми словами друга и стал терпеливо ждать возвращения посольства.

Когда Кришна приближался к Хастинапуру, над городом возникли грозные знамения. На ясном дневном небе вдруг заблестали молнии и раздались могучие раскаты грома. Над землей за клубилась желтая пыль, и потоки дождя пролились на поля. Яростные ветры обрушились на город, вырывая с корнем деревья и повергая жителей в трепет.

Дозорные донесли Дхритараштре, что к столице приближается великий Кришна. Царь спешно созвал советников и сказал им: «Завтра утром здесь будет сын Васудевы. Надо устроить ему пышную встречу: дорогу полить водой, чтобы не было пыли, по пути в город возвести беседки, чтобы Кришна мог укрыться от палящего зноя, навстречу ему

выслать музыкантов, а город украсить флагами и цветами. Приготовьте для него богатые дары: драгоценные камни и оленьи шкуры, боевых слонов и золотые колесницы с белыми лошадьми в упряжке, красивых рабынь, прислужниц и танцовщиц».

Царю возразил мудрый Видура: «Напрасно, владыка, будешь ты хитрить с Кришной. Он Пандавам верный друг, ласками и дарами его не соблазнишь. Твое лукавство Кришна сразу разгадает, и не к чести твоей это будет. Он идет сюда, чтобы найти мир для твоих сыновей и детей Панду, для себя Кришна выгоды не ищет. Будь искренен, царь, приготовь ему лишь один дар — сосуд с водой, чтобы он мог омыть ноги после долгого пути».

Дурьодхана же сказал: «Не тревожься, отец. Когда придет Кришна, я посажу его в темницу, и Пандавы лишатся могущественнейшего союзника и друга». Слова Дурьодханы смутили царя и всех его советников. «Ты не в своем уме, сын мой! — вскричал рассерженный царь. — Кришна едет к нам как посол, а ты предлагаешь вероломство». Бхишма не сказал ни слова, но в гневе покинул зал совета. И царь отпустил советников, не зная, на что решиться.

Наутро глашатай возвестил Дхритараштре, что Кришна, царь Ядавов, великий и могучий, вступил во дворец. С почтением приветствовал Кришна царя и его сыновей, союзных им государей, их приближенных и мудрецов-отшельников, собравшихся в зале. Выслушав ответные речи и приняв подобающие послу почести, Кришна удалился в отведенные ему покои.

На другой день он явился во дворец Дурьодханы и приветствовал старшего сына царя, но от пищи и питья отказался: «Не могу я разделить трапезы, — молвил Кришна, — с тем, кто ненавидит моих друзей». Оставив дворец Дурьодханы, он отправился к Видуре и вкусил пищу в его доме. Потом Кришна посетил Кунти; поведав ей о здоровье ее сыновей, он внимал ее материнской тревоге. Только на третий день Кришна предстал перед Дхритараштрой.

Кришна сказал: «Я прибыл сюда, чтобы установить мир между братьями, и нет у меня других помышлений. Внемли же, о царь, моим словам. Бедой грозит твоему роду безрассудство и нечестие твоих сыновей, гибель грозит всему живому на земле. Помни, царь, что мир сейчас зависит от нас с тобой. Верни Пандавам все, что принадлежит им по праву, умерь алчность и властолюбие Дурьодханы, и на земле будет мир. Если ты не сделаешь этого, в твой дом придет ужасная, беспощадная война. Чего

достигнешь ты, потеряв своих близких, что получишь ты, погубив все живое?» И когда Дхритараштра сказал, что он не в силах склонить к примирению своего старшего сына, Кришна, а вслед за ним Дрона и Видура обратились к Дурьодхане с увещанием, но их старания были напрасны. «Я не уступлю ненавистным Пандавам ни пяди земли! — злобно вскричал Дурьодхана. — Ни крупницы золота, ни одного подданного. И пусть не пугают меня войной, я к ней готов. Мне и Пандавам нет места рядом в этом мире». И, не слушая уговоров, разъяренный Дурьодхана встал и вышел во внутренний двор. За ним последовали Карна, Духшасана и Шакуни.

Вчетвером они тайно держали совет и решили Кришну пленить и бросить в темницу: без него легче будет справиться с Пандавами. Но в том дворе разговор их случайно подслушал посольский слуга. Он тотчас кинулся во дворец и, приблизившись к Кришне, громко возгласил о задуманном Дурьодханой злодеянии. Тишина воцарилась в зале при этой вести, и страх объял присутствующих. В смятии Дхритараштра призвал к себе заговорщиков и гневно упрекал сына в безрассудстве и вероломстве. «Ты глупец и злодей, — восклицал царь. — Или неведомо тебе, что сын Васудевы — земное воплощение бога? Ты, как дитя, хочешь поймать луну в шапку; как мотылек, летишь ты на огонь, не чая неминусей гибели! Повинись, отдай Пандавам должное, соглашайся на мир и дружбу!» Но Дурьодхана был непреклонен.

Тогда Кришна сказал Дурьодхане: «Ты думаешь, что я здесь один, без друзей, слаб и беззащитен? Смотри!» Кришна простер руки — и в мгновение ока рядом с ним появились все божества, все полубоги, все воины его царства, и впереди всех могучие Пандавы с небесным оружием в руках. Из уст и очей Кришны изверглось пламя, земля под ногами у всех задрожала, раскаты грома потрясли небесные своды. Сановники царя, гости и союзники Кауравов в страхе прикрыли глаза руками и пали ниц. Через мгновение все исчезло, и только вдали сверкала золотом уносившая Кришну колесница.

Печаль и тревога воцарилась в сердцах жителей Хастинапура после отъезда Кришны. Исчезла последняя надежда на примирение братьев, война стала неотвратимой. Терзаемая страхом за жизнь своих сыновей, Кунти спустилась после захода солнца к священному берегу Ганга и увидела Карну за молитвой.

Заметил и ее сын возничего, подошел к ней и промолвил: «Что печалит тебя, Кунти? Поведай мне свою заботу». Сказала ему Кунти:

«Я прошу богов уберечь моих детей от гибели. О Карна! Ведь ты — самый грозный противник Пандавов на поле битвы. Узнай же, Карна: ты им не чужой. Отец твой — не возникший: он подобрал тебя младенцем на речном берегу и воспитал как родного сына. Ты не знаешь тайны своего рождения; я открою ее тебе. Ты — сын Сурьи, бога солнца, я же — твоя мать. Я родила тебя в доме моего отца и тайно бросила в реку в корзине. Бог солнца не дал тебе погибнуть, и волны вынесли корзину на берег. Так оказался ты в доме возникшего. О Карна, ведь Пандавы — твои братья. Ты должен быть не с Кауравами, а с ними, на стороне детей твоей матери. Вместе вы станете непобедимыми».

Карна сказал: «Как ты могла бросить меня на произвол судьбы? Ты кинула меня в мир, как щенка, а теперь говоришь, что я должен отказаться от близких мне людей. Я был бы неблагодарным, последуй я твоему совету. Всем ведомо, что Арджуна — великий и могучий воин. Если я перейду на его сторону, люди сочтут меня трусом, скажут, что я его испугался. Нет, я останусь с Дурьодханой, он мой покровитель и друг. Но одно я тебе обещаю: я пощажу в битве всех твоих сыновей, кроме Арджуны. С ним я сражусь; и кто бы из нас ни погиб, все равно сыновей у тебя всегда будет пять».

Войска на Курукшетре

Кришна возвратился в Упаплавью и поведал о своей неудаче. Тогда Юдхиштхира созвал военный совет и сказал: «Кауравы не хотят мира с нами. Настало время битвы. Пусть поведут наши войска испытанные в боях витязи». Он разделил войско Пандавов на семь ратей, называемых акшаухини; каждая из них насчитывала двадцать одну тысячу восемьсот семьдесят слонов, столько же колесниц, шестьдесят пять тысяч шестьсот десять всадников и сто девять тысяч триста пятьдесят пеших воинов. Во главе семи акшаухини он поставил военачальниками Дхриштадьумну и Шикхандина, сыновей Друпеды, Сатьяки, Друпеду, Вирату, Чекитану — царя сомаков — и Бхимасену. Долго не могли выбрать Пандавы предводителя всему войску; наконец по совету Кришны Юдхиштхира объявил верховным вождем Дхриштадьумну, сына Друпеды, царя панчалов. Все с этим согласилось, и Юдхиштхира повелел Дхриштадьумне вести войска к Хастинапуру, на равнину Курукшетры.

Как Ганг в половодье, бесконечным волнующимся потоком двинулись войска Пандавов. Воинственные клики, трубные звуки боевых раковин, грохот колес, ржание лошадей огласили окрестности. Впереди всех ехали на колесницах Бхимасена, Накула и Сахадева, позади войска — Юдхиштхира. Друпеди, ее приближенные и служанки остались под сильной охраной в лагере Упаплавьи.

Достигнув западной окраины Курукшетры, войска остановились. Юдхиштхира вместе с Дхриштадьумной и Кришной объехал равнину, выбирая место для лагеря. На берегу реки Хиранвати, на поле, огражденном лесом, они повелели ставить палатки для воинов и шатры для

вождей. Указав места для конницы, колесниц и боевых слонов, предводители войска Пандавов повелели обнести лагерь рвом и возвести необходимые укрепления, а сами направились в восточную сторону, чтобы наблюдать за передвижением вражеских ратей.

Дурьодхана и его союзники привели на Курукшетру одиннадцать акшауhini. Во главе их стали могучие витязи: Крипа, великий знаток оружия; знаменитый Дрона; Шалья, царь мадров; Джаядратха, царь Синда, супруг дочери Дхритараштры; Судакишина, царь Камбожди; Критаварман, повелитель бходжей и андхаков; Ашваттхаман, сын Дроны; Карна, царь ангов; Бхуришравас, Шакуни и Бахлика. Предводительствовать всем несметным войском Кауравов Дурьодхана назначил Бхишму.

Когда оба огромных войска расположились друг против друга на Курукшетре, в лагерь Пандавов прибыл могучий Баладева. В сопровождении сына своего Умуки, а также Прадьюмны, Самбы и Чарудешны, сыновей Кришны, облаченный в синие одеяния, с венком из полевых цветов на голове, станом подобный горной вершине, Плугоносец вошел поступью льва в шатер Юдхиштхиры, и Пандавы и Кришна и все бывшие там цари поднялись со своих мест, приветствуя его. Воздав почести по старшинству присутствовавшим царям, Баладева молвил: «Пришло время кровавой гибельной битвы, страшного истребления людей — его уже не отворотить. Напрасно призывал я брата моего к беспристрастию, напрасно просил его равно отнестись к обеим сторонам ради примирения враждующих родичей. Сердце его лежит к Арджуне, он принял сторону Пандавов. Я же не хочу идти против моего брата и не хочу видеть ужасного кровопролития и гибели родичей моих. Потому не принимаю я ничьей стороны, но уйду отсюда в паломничество к священным местам. Я вернусь, когда закончится война. Победа будет на стороне Пандавов, в том нет для меня сомнения. О сыны Панду, я надеюсь, что по возвращении моем застану вас в живых». И, простившись со всеми, сын Рохини удалился в паломничество к берегам священной Сарасвати.

В канун битвы собрались вожди стана Кауравов в шатре старшего сына Дхритараштры, и Дурьодхана обратился к Бхишме и просил его рассказать о самых могучих и искусных бойцах обоих станов. Многих воинов, сражающихся на колесницах, назвал Бхишма, рассказывая о силе и умении витязей из войска Дурьодханы и войска Юдхиштхиры. Но имя Карны, сына Сурьи, бога солнца, он произнес последним. «Твой друг и советник, сын возницы, хвостун Карна, — сказал Дурьодхане старый

Бхишма, — не первым из бойцов на колесницах будет в этой битве. Не сносить ему головы в единоборстве с Арджуной, не знающим поражения». И Дрона, мудрый наставник воинов, согласился со словами Бхишмы. Как колючие шипы, вонзились в сердце Карны слова старого полководца. «Ты оскорбил меня, Бхишма, — сказал Карна, — но я не стану отвечать тебе на обиду. Не хочу я раздоров в канун грозной битвы. Однако не жди от меня помощи, я не ступлю на колесницу, пока не падешь ты, Бхишма, бездыханным на поле боя. И тогда пусть сразятся со мной все витязи Пандавов, и увидят потомки Бхараты, кто у них самый могучий из бойцов на колесницах».

Когда закончил Бхишма свой рассказ, Дурьодхана призвал к себе Улуку, сына Шакуни. «Ты пойдешь вестником к Пандавам, — молвил Дурьодхана, обращаясь к Улуке, — и скажешь так: „День битвы близок. Теперь не поможет тебе, Юдхиштира, личина добродетели, и откроются наконец всем людям твое властолюбие и твоя кровожадность. Ты, Юдхиштира, подобен тому коту, о котором рассказывают, что он прикинулся благочестивым подвижником, чтобы легче было пожирать доверчивых мышей. Говоришь ты одно, а делаешь другое. Но сейчас наступило время битвы. Так не трусь же, Юдхиштира, будь сам воином и мужем и вдохни мужество в своих братьев: повара Бхимасену, конюха Накулу, пастуха Сахадеву и учителя танцев Арджуну. Братья твои часто хвастали своей силой и грозили мне смертью. Пусть же они покажут свою силу и доблесть не на словах, а на деле. Сразаться в битве — это не то что готовить пищу или учить девушек танцам. Так покажите же, Пандавы, что вы не царские прислужники, а настоящие витязи!“ А Кришне ты передай, Улука, что Дурьодхану колдовством не запугаешь, что ворожить Кауравы и сами умеют. И еще скажи ему, что Дурьодхана вызывает его на честный бой на поле битвы». Сказав так, Дурьодхана громко засмеялся и отпустил своего посланца в лагерь Пандавов.

Улука передал Юдхиштхире и его братьям все точно и бесстрашно, как велел ему Дурьодхана, и Пандавы не могли сдержать своего гнева. Кришна отвечал послу: «Мы выслушали тебя и поняли смысл твоих слов. Скажи твоему повелителю, что завтра будет бой и за нас ответит наше оружие».

Войска перед битвой

Обезлюдели города и села в стране Бхаратов. Все, кто мог носить оружие, были на Курукшетре, дома оставались только женщины, дети и старики. Томила земля в ожидании грядущих бедствий. Страшные предзнаменования явились повсюду. Солнце померкло на небе, и безлунными стали ночи. В храмах лики изваяний богов и богинь вдруг оживали на глазах у молящихся и начинали смеяться или извергать кровь из каменных уст. В деревнях у коров рождались ослята, кобыла принесла теленка; на свет появились звери о двух головах, о пяти ногах, о двух хвостах. Реки потекли вспять, и вода в них превратилась в кровь. Ночью поднялась в небо невиданная птица с одним крылом, одним глазом и одной ногой и испускала жуткие крики, от которых рвало кровью тех, кому случилось ее услышать. Звезды сулили недоброе.

В ночь перед битвой над Курукшетрой пролились кровавые дожди. Много храбрых падет в этот день в жестоком бою, многие уснут навеки на бранном поле! Едва рассвело, равнина огласилась ревом боевых труб, боем барабанов, ржанием коней, грохотом колесниц, криками встревоженных слонов, лязгом оружия, возгласами вождей, воодушевляющих войска на битву. Восходящее солнце осветило поле, покрытое бесконечными рядами воинов, блистающих оружием и доспехами; оба огромных войска выстроились одно против другого.

Войско Кауравов приготовилось к битве. Строй его был подобен летящей птице: боевые слоны были ее телом, всадники и пешие воины — крыльями, а колесницы — клювом, направленным на врага. Впереди всех стояли колесницы сыновей Дхритараштры. Седовласый Бхишма

на сверкающей серебром колеснице с белым стягом, на котором сияла золотая пальма, в серебристых доспехах появился перед войском, как месяц, осененный белым облаком. «О храбрые кшатрии, ныне открыты перед вами врата небесного царства! — вскричал он, обращаясь к бойцам. — Грех для воина умереть от болезни дома. Принять смерть в бою — его извечный долг!» И когда Бхишма кончил свою речь, все военачальники разошлись и стали во главе своих ратей; только Карна, сын возничего, бросил оружие, отказываясь сражаться ради победы Бхишмы.

Воины Дурьодханы уже приготовились к битве, когда Юдхиштхира обратился к Арджуне с такими словами: «Великие мудрецы и знатоки воинского искусства говорят, что малому войску нужно вступать в битву плотным и острым как игла строем». Арджуна ему ответил: «О царь, вспомни, как Индра, великий небесный воитель, с небольшим войском, построенным тесным кольцом, одерживал победы над полчищами демонов. В таком строю мы сможем отражать наших врагов со всех сторон и добудем желанную победу».

И Пандавы построили войско так, как сказал Арджуна. Впереди стал лицом к врагу Бхимасена, по бокам его колесницы расположились Накула с Сахадевой. За колесницей могучего Бхимасены шли пятеро юных сыновей Драупади, а за ними воины Дхриштадьюмны и царя Вираты. Следом за панчалами и матсьями стал Арджуна на колеснице, управляемой Кришной. В середине войска, окруженный громадными слонами, блистал боевыми доспехами царь Юдхиштхира. Пристально всматривался он во вражеское войско, и в сердце его закрадывались сомнения и тревога. Огромно было войско Кауравов. Не перечесть, не окинуть взором грозных боевых слонов Дурьодханы. На каждого слона приходилось сто колесниц, на каждую колесницу — сто всадников, на каждого всадника — десять лучников, а на каждого лучника — десять пеших воинов, вооруженных мечами.

И сказал тогда Юдхиштхира Арджуне: «Разве одолеть нам это несметное войско, ведомое нашим дедом, непобедимым Бхишмой? Войско Кауравов столь велико, а вожди его столь искусны, что сомневаюсь я в нашей победе». Арджуна ответил: «О царь, нас немного, но на нашей стороне правда, мужество и справедливость. С нами Кришна, а где Кришна, там и победа».

Тогда обратился Арджуна с молитвой к Дурге, страшной богине, супруге Шивы, Разрушителя Вселенной: «Я склоняюсь перед тобою, Великая,

Вечная, Непобедимая! О всемогущая сестра Кришны, одетая в желтые одежды! Ты движешь солнцем и луной, ты даешь им блеск и сияние! Ты — Заря, ты — День, ты — Великая Мать, ты — прибежище преданных тебе, ты — дарительница победы, ты — сама Победа! О желтоглазая, о пронизательная, я склоняюсь перед тобой. С просветленной душой я восхваляю тебя, Великая! Да сопутствуют нам милость твоя и победа на поле битвы!»

Молитва Арджуны донеслась до грозной ббгини, и Дурга явилась пораженным Пандавам и сказала: «Немного пройдет дней, и победишь ты своих врагов, сын Панду. Ты будешь непобедимым в битве, и сам Индра не сможет одолеть тебя». Сказав так, она исчезла. Возликовал тогда Юдхиштхира, страх и сомнения оставили его, и все войско Пандавов уверилось в победе.

Недолго уже оставалось воинам ожидать восхода солнца и начала битвы, когда Юдхиштхира сошел с колесницы, снял с себя доспехи и оружие и, смиренно сложив перед лицом ладони, направился к вражескому войску. В тревоге последовали за ним братья и Кришна. «Зачем, о царь, ты сошел с колесницы и пеший, безоружный идешь в стан врагов наших?» — спрашивали они Юдхиштхиру, но не получали ответа.

Насмешками встретили воины Кауравов сына Панду, когда вступил он в их лагерь. «Наверное, трусил великий царь, — смеялись они, — и пришел к нам просить милости. Душа его полна страха перед битвой. Нет, не из рода кшатриев Юдхиштхира, напрасно прославляют сказители его воинскую доблесть». Не отвечая на крики и насмешки, молча и смиренно шел Юдхиштхира сквозь расступавшиеся перед ним ряды воинов и, подойдя к Бхишме, низко склонился перед ним.

«Привет тебе, победоносный, — сказал он Бхишме. — Позволь нам сразиться с тобой, дай нам твое благословение». — «Если бы не пришел ты, о царь земли, — отвечал ему Бхишма, — я проклял бы тебя и молил бы небо послать тебе неудачу и поражение. А теперь я благословляю тебя, сын мой, смело вступай в бой и добудь себе победу. Проси у меня всего, что пожелаешь. Но в битве я буду сражаться за сыновей Дхритараштры: я ему слуга и связан клятвой». Юдхиштхира сказал: «Сражайся за Кауравов, о победоносный, но молись за меня и пожелай мне бла-га». Затем Юдхиштхира подошел за благословением к Дроне, а потом к Крипе, и оба отвечали ему теми же словами, что и Бхишма.

Низким поклоном простился сын Панду со своими наставниками и приблизился к царю мадров. «Благослови меня, о Шалья, — сказал

Юдхиштхира, — и я буду сражаться, не впадая в грех, и одолею своих врагов». И отвечал Шалья: «Если бы ты не пришел, о царь, я проклял бы тебя. Но ты почтил меня, о сын моей сестры, и я удовлетворен. Да исполнятся твои желания. Сражайся и добудь победу. Проси у меня чего хочешь, но знай, что в битве я союзник Кауравов, связанный словом». — «Я прошу тебя об одном, о Шалья, — сказал Юдхиштхира. — Бейся, если хочешь, на стороне врагов, но помни о моем благе». — «Но чем я могу помочь тебе, скажи, о лучший из царей», — молвил тогда Шалья. Юдхиштхира отвечал: «Во время битвы, о брат моей матери, помоги нам умерить мощь Карны. Да падет он духом в тот час, когда будет решаться судьба его на поле боя». — «Я выполню твое желание, сын Кунти, — сказал царь мадров. — Ступай и бейся с врагами, я позабочусь о твоей победе».

Кришна между тем приблизился к Карне и, приветствуя его, сказал: «Я слышал, о Карна, что, оскорбленный Бхишмой, ты поклялся не брать оружия в руки. Переходи на нашу сторону и оставайся с нами, пока жив Бхишма. Когда же он падет, ты волен вернуться к Дурьодхане, если пожелаешь». — «Я не совершу ничего, что не во благо сыну Дхритараштры, — отвечал благородный Карна Кришне. — Знай, что я предан Дурьодхане и жизнь моя принадлежит ему».

Покидая лагерь Кауравов, Юдхиштхира вскричал, обращаясь к воинам врага: «Того, кто изберет нас, изберем мы другом своим и союзником!» И откликнулся Юютсу, побочный сын Дхритараштры, рожденный женщиной из низшей касты: «Я буду сражаться за тебя в битве, о Юдхиштхира, если ты принимаешь меня как равного». — «Идем, идем, — сказал ему Юдхиштхира, — мы все принимаем тебя, о могучий. Тобой продолжен будет род славного Дхритараштры, и ты еще будешь пировать на его троне». С радостным сердцем вернулся сын Панду вместе с Кришной и Юютсу в свой лагерь.

Битва под водительством Бхишмы

Когда наступило утро, Пандавы и Кауравы двинулись навстречу друг другу и столкнулись в смертельной схватке. Страшный грохот огласил равнину — так грозно ревет океан во время бури. Все смешалось в этой ужасной битве. Сын бился с отцом, отец — с сыном; родич подымал меч на сородича, друг — на друга. Воины яростно бросались один на другого, стремясь лишить противника жизни. С треском сшибались на скаку колесницы и громоздились в кучу, теряя дышла, оси и колеса, преграждая путь воинам и коням. Слоны врезались в ряды всадников и бросали их оземь, топтали огромными ногами колесницы, лошадей и воинов. Раненные людьми слоны с жуткими воплями падали на землю и корчились в предсмертных судорогах. Ржание лошадей, стоны раненых, крики умирающих оглашали поле битвы. Как разъяренный бык, ревел Бхимасена, сражавшийся с сыновьями Дхритараштры. Боевые луки Дурьодханы и его братьев сверкали, как лучи солнца на облачном небе. Длинные стрелы Кауравов были подобны змеям, сбросившим кожу. Тучи стрел, закрывая небо, летели в могучего Бхимасену и непрерывным дождем стучали в кожаный щит героя. На помощь Бхимасене поспешили сыновья Драупади, Накула, Сахадева и Дхриштадьюмна. В упорном поединке схватились Арджуна и Бхишма, Юдхиштхира и Шалья, Шикхандин и Ашваттхаман, Друпата и Джаядратха, царь синдхов, — и так на всем огромном поле тысячи воинов ожесточенно сражались друг с другом луком и стрелами, копьями и дротиками, мечами и палицами, и Кауравы не уступали в доблести Пандавам.

После полудня сыновья Дхритараштры стали теснить войско Юдхиштхиры.

Непобедимый и могучий Бхишма сметал на своем пути сотни и тысячи воинов. Под градом его смертоносных стрел падали люди и кони, останавливались колесницы, в предсмертных судорогах бились могучие слоны.

Навстречу Бхишме устремился на быстрой колеснице яростный Абхиманью. Он осыпал Бхишму и его телохранителей тучей стрел. Одна его стрела ранила Критавармана, вторая — Шалью, третья — самого Бхишму. Возничий Дурмукхи, сына Дхритараштры, пал бездыханным под ударами Абхиманью, меткая стрела выбила лук из рук Крипы. Юлой вертелся Абхиманью на колеснице, посылая меткие стрелы во все стороны света. Упал на землю лук Бхишмы, опрокинулся боевой стяг с вышитой на нем золотой пальмой, и горестно закричали тогда воины Дурьодханы — показалось им, что нет больше среди них искусного вождя Бхишмы. На помощь Абхиманью пробивались Вирата и его сын Уттара, Бхимасена и Дхриштадьюмна. Уттара, верхом на слоне, напал на Шалью, царя мадров. Ударом ноги слон свалил лошадей, и недвижима стала колесница царя мадров. В гневе Шалья метнул в Уттару железный дротик, пробил его доспехи и поразил насмерть юного сына царя Вираты. С мечом в руке Шалья прыгнул на слона Уттары и одним ударом свалил его на землю.

Сердце Шветы, другого сына Вираты, вспыхнуло гневом, как костер, в пламя которого вливают масло. Швета бросился к Шалье, ища с ним поединка. Столь страшен был Швета в ярости и горе, что, казалось, сама смерть неотразимо надвигалась на Шалью, но Бхишма подошел на помощь царю мадров. Как два свирепых тигра, дерущихся в лесу за самку, бросились друг на друга Швета и Бхишма. Стрела Шветы на куски раздробила лук Бхишмы, но Кауравы пришли на помощь своему полководцу. Они осыпали Швету градом стрел и подали Бхишме другой лук, еще более могучий. Меткими выстрелами старый вождь Кауравов сбил стяг с колесницы царевича матсьев и насмерть поразил его возничего. Швета схватил тогда железный дротик и с ужасной силой метнул его в Бхишму, но не долетел смертоносный дротик до цели, еще в воздухе встретила его стрела Бхишмы и на куски раздробила. Ликующими криками встретили Кауравы меткий выстрел своего вождя. Изумленный и гневный Швета схватился за тяжелую булаву и, раскрутив ее в воздухе, бросил в своего противника. С пронзительным свистом могучая булава рассекла воздух, насмерть поразила возничего Бхишмы и повергла его лошадей на землю. С мечом, острым и широким, Швета бросился

к колеснице Бхишмы, но, не добежав, зашатался, упал и простился с жизнью. Его встретила острая стрела Бхишмы, пробила кожаный щит, доспехи и тело Шветы и впилась в землю. Так погиб второй сын царя Вираты, и печаль закралась в сердце Пандавов. Многих воинов потеряли они в первый день битвы, поредело войско царя Юдхиштхиры. А могучий Бхишма без устали наносил удары, и сотни и тысячи голов катились к ногам старого полководца. С радостными сердцами теснили Кауравы своих противников, но спустившаяся ночь прервала страшную битву и развела разгоряченных бойцов на отдых.

Поздней ночью царь Юдхиштхира, охваченный печалью, вошел в шатер Кришны. «О Кришна, — сказал ему сын Панду, — наш дед Бхишма полон непобедимой силы. Как огонь слизывает с земли сухую траву, так и он сметает со своей дороги моих воинов. Объятые страхом, они бегут от него прочь с поля битвы. Не сможем мы победить Бхишму, он неодолим в бою, как великий Индра. Я вернусь в леса; там приятнее, чем служить повелителям земли. Я вижу — Бхишма уничтожит все мое войско. Как бабочки в костре, так и мои воины гибнут под ударами Бхишмы. В битве за царство я погублю моих братьев, моих близких, самого себя. Я посвящу остаток дней моих суровому покаянию». Кришна так ответил Юдхиштхире: «Не печалься, владыка Бхаратов! Недостойно царю предаваться горю и отчаянию. Твои братья, твои воины — могучие герои и прославлены в этом мире. Твои вожди и союзники преданы тебе всей душой, и среди нас сын Друпеды Шикхандин, от руки его падет старый Бхишма». Слова Кришны полны были верой в победу и вдохнули в сердца Пандавов бодрость и веселье.

К исходу ночи войско Юдхиштхиры выстроилось к бою.

Впереди всех был Арджуна, с ним рядом встал Друпادا и остальные союзники Пандавов. На правом крыле занял место Бхимасена, на левом — Дхриштадьумна, а колесница Юдхиштхиры замыкала войско Пандавов. В лагере Кауравов веселый духом Дурьодхана сказал своим воинам перед битвой такие слова: «Вы все — могучие непобедимые герои. Каждый из вас сам может разгромить Пандавов со всеми их союзниками. Так насколько же вы сильнее, когда соединены вместе! Неисчислимо наше войско, ведомое Бхишмой, а противник наш невелик числом! Пусть же грянет бой, и да сопутствует нам победа!»

Зазвучали боевые раковины, забили барабаны, и противники устремились друг на друга. Ожесточенно дрались бойцы, трещали сцепившиеся колесницы, грудью сшибались кони, повсюду раздавались боевые

клики воинов и вопли раненых людей и животных. И снова, как и в первый день битвы, неукротимый натиск Пандавов был остановлен неколебимым, как скала, Бхишмой. Тогда Арджуна сказал Кришне: «Правь колесницу к деду моему Бхишме. Я убью его и спасу от смерти наших воинов». Как яростный слон, бросился Арджуна на Бхишму. Тучи стрел встретили его, но он не дрогнул. Его могучий лук без промаха поразил врага, и стало редеть и рассеиваться войско Кауравов. Один за другим падали воины Бхишмы, чтобы уже никогда не подняться. Дурьодхана стонал от ярости, видя, как сотнями гибнут его воины. «Это ты виноват, Бхишма, — вскричал он, — что нет с нами Карны. Он сумел бы укротить неистового Пандава. Так придумай же что-нибудь, Бхишма, чтобы умертвить его!» — «Сражайся честно, по обычаям воинов!» — крикнул Дурьодхана Бхишма и направил колесницу навстречу Арджуне. Упорным был их поединок, но ни один не уступал другому ни в силе, ни в храбрости.

Слева от Арджуны ожесточенно бился Дхриштадьумна с могучим Дроной. Они осыпали друг друга тучей стрел и стрелами же отражали стрелы. Дхриштадьумна метнул в Дрону драгоценный дротик, украшенный золотом и эмалью. Но, улыбаясь, Дрона одной стрелой расколол в воздухе дротик Дхриштадьумны, а другой стрелой расщепил лук своего противника. Тогда сын Друпеды схватил булаву и метнул ее в Дрону. Движением колесницы Дрона уклонился от удара и, метнув железный дротик, ранил Дхриштадьумну, пробив его драгоценные доспехи. Так сражались они, обливаясь кровью, и доспехи их рдели багрянцем на солнце, как цветы в лесу весной.

Меткой стрелой Дрона поразил насмерть возницу Дхриштадьумны, другие стрелы повергли его лошадей и выбили из рук Дхриштадьумны кожаный щит. Сын Друпеды схватился за секиру и хотел было спрыгнуть с колесницы, но стрела Дроны выбила у него из рук и секиру. Спас Дхриштадьумну Бхимасена. Он подвел к нему другую колесницу, а сам вступил в единоборство с утомленным схваткой Дроной. На помощь Дроне подоспели царь калингов с многочисленной ратью и воины-нишадцы. Они с громкими криками окружили колесницу Бхимасены и осыпали стрелами доблестного Пандава. Чакрадева, сын царя калингов, меткими выстрелами из лука поразил насмерть коней Бхимасены. Тогда разгневанный Бхимасена метнул в него тяжелую булаву, и Чакрадева, пораженный насмерть, упал с колесницы на землю. С грозным криком Бхимасена соскочил с колесницы и бросился на калингов, наполняя их души

страхом. Под ударами его меча падали на землю воины, кони и громадные слоны. Огненным смерчем несясь он по полю битвы, сея вокруг себя смерть и вселяя ужас во вражеских бойцов. Слоны, раненные Бхимасеной, обезумев от боли, повернули вспять и стали давить воинов царя калингов. И когда пал от руки неодолимого Бхимасены царь Шрутаюс, дрогнули ряды калингов. «Это не Бхимасена, — кричали воины, — это сама смерть пришла за нами с мечом в руке!» Калинги бросили оружие на землю и побежали с поля битвы, спасая свои жизни, а могучий Пандава, ликуя, торжествовал победу.

До глубокой темноты продолжался ожесточенный бой на залитом кровью поле, но не принес удачи Кауравам второй день великой битвы. И когда наступила ночь и окутала поле темным покрывалом, утомленные боем противники разошлись на отдых.

Так день за днем, едва наступал рассвет, сходились Пандавы и Кауравы в смертельной схватке, но не приходила к Пандавам желанная победа. С храбростью и упорством сражались братья Пандавы, все меньше сыновей оставалось у старого Дхритараштры, но все усилия Юдхиштри и его братьев отражались непобедимым Бхишмой. И задумал тогда Кришна одолеть его коварством.

На десятый день битвы Пандавы по совету Кришны поставили впереди войска Шикхандина, сына царя Друпеды, и устремились к Бхишме, пробивая себе дорогу градом стрел и дротиков. Много воинов Дурьодханы расстались с жизнью под ударами Бхимасены и его могучих братьев, и не было сил у Кауравов остановить в то утро неудержимый натиск Пандавов. Со всех сторон окружили они Бхишму и его телохранителей, сыновей Дхритараштры, и тучи стрел, закрывая небо, полетели в старого полководца. Три стрелы, пущенные Шикхандином, вонзились ему глубоко в грудь, и вспыхнул гневом могучий Бхишма. Но не пожелал он сражаться с Шикхандином и сказал ему с насмешкой: «Будешь ли ты биться со мной или не будешь — твоя на то воля. Но я сражаться с тобой никогда не стану. Женщиной сотворили тебя боги, и мужчиной я тебя не считаю». Всеведущий Бхишма говорил правду. Девкой родился Шикхандин у царя Друпеды, но не пожелал ею оставаться. Отдал он в юном возрасте свое девичество некоему полубогу и взял у него в обмен мужество и силу.

Больнее, чем вражеские стрелы, ранили царевича панчалов обидные слова Бхишмы. Он весь задрожал от гнева, облизнул пересохшие губы и ответил Бхишме такими словами: «Ты великий, непобедимый воин. Твои подвиги и сила прославлены в этом мире. Но я буду сражаться с тобой сегодня и убью тебя, клянусь моим честным словом». И, сказав так, Шикхандин осыпал полководца Кауравов ливнем стрел, но могучий Бхишма отмахнулся от них с улыбкой, как будто были то не стрелы, а капли дождя; они не могли причинить ему большого вреда. И он не ответил сыну Друпеды ударами на удары.

Арджуна, следовавший за Шикхандином, скрываясь за его спиной, сказал ему: «Бейся без страха и сомнений, храбро нападай на Бхишму, он не может ответить тебе ударом. Помни, если мы вернемся в лагерь, не убив Бхишму, весь мир будет смеяться над нами». И Пандавы с новой силой напали на Бхишму.

Духшасана вступил в единоборство с Арджуной. Как не отступает земля перед бурным океаном, так и Духшасана непоколебимо сдерживал натиск яростного Арджуны. Непобедимые, оба они по красоте и блеску были подобны солнцу и луне, оба были охвачены яростью битвы, и каждый из них жаждал убить другого.

Три стрелы Духшасаны вонзились в лоб Арджуны и окрасили его кровью. Со стрелами во лбу Арджуна продолжал поединок и вскоре выбил лук из рук Духшасаны, разбил стрелами его колесницу, и Духшасана, обливаясь кровью, не выдержал натиска Арджуны и бежал под защиту Бхишмы, как утес возвышавшегося в этом кровавом море битвы.

В середине поля сдерживал натиск воинов Юдхиштхиры могучий Дрона. Защищая Бхишму от яростных Пандавов, он с печалью сказал сыну своему Ашваттхаману: «Я пускаю стрелы, а они не поражают цели; оружие не повинуется мне, и радость покинула мое сердце. Страшно кричат птицы, кружась над равниной; затуманилось солнце, дрожит земля, и кажется мне, что она громко кричит от страха. Я слышу, как воют шакалы, предвещая беды. Коварный Арджуна поставил перед собой Шикхандина и рвется в бой с Бхишмой, нашей опорой и защитой. Я вижу это, и сердце мое сжимается от боли. О сын мой, ступай в бой ради победы и славы и уповай на небо. Бейся с Шикхандином, сыном царя Друпადы, и порази его насмерть, а я сражусь с самим Юдхиштхирой».

Слова Дроны воодушевили воинов Дурьодханы, и еще ожесточеннее стала битва. Тучами летели по небу стрелы, закрывая солнце; сгрудились сцепившиеся колесницы, ревели раненые животные, кричали люди. Тряслась и гудела земля, рекою лилась кровь, и воины бились насмерть, как соколы, дерущиеся за кусок мяса.

Тела павших воинов устилали поле битвы, и равнина, залитая кровью, была подобна багровому облаку на осеннем небе. Собаки, волки и шакалы, ястребы и вороны окружили поле и алчно, не переставая, кричали.

Пандавы тесным кольцом окружили Бхишму, нанося ему удар за ударом. Стрелы пробили его доспехи и усеяли ранами его тело.

Но могучий Бхишма не чувствовал боли. Лук и меч его не знали пощад, неотразим и грозен был его натиск, и был он подобен пламени, все

сжигающему в час гибели вселенной. Дрогнули ряды Пандавов, смертельный страх обуял их души, и только Арджуна и Шикхандин, которого щадил благородный Бхишма, продолжали наносить удары старому полководцу. Все ближе и ближе подступали они к вождю Кауравов, и стрелы Арджуны все чаще стали поражать Бхишму. И старый полководец молвил, озираясь, Духшасане, сражающемуся с ним рядом: «То не стрелы Шикхандина. Эти стрелы, подобные посланцам Ямы, изгоняющие жизнь из моего тела, эти стрелы, словно ядовитые змеи, уязвляющие меня беспощадно, могли слететь только с тетивы лука Арджуны!»

Наконец одна из стрел могучего сына Кунти расщепила на куски боевой лук Бхишмы. Он взял в руки другой лук, но и тот постигла та же участь. Тогда Бхишма, пришедший в ярость, стал метать дротик в колесницу Арджуны. Но стрелы Пандава сбивали его дротики один за другим на землю. Пораженный меткой стрелой, простился с жизнью возникший Бхишмы, замертво пали на землю его кони, и неподвижна стала сверкавшая серебром колесница. Бхишма схватил тогда меч и щитом пытался отразить удары врага, но в мгновение ока стрелы Арджуны разнесли его щит на сотню кусков. И по знаку Юдхиштхиры Пандавы устремились со всех сторон на старого полководца, истекающего кровью, и пронзили его разом множеством стрел.

«Вот пришел мой смертный час», — сказал тихо Бхишма, глядя в последний раз на заходившее солнце, и медленно стал падать на землю. Стрелы, торчавшие в его теле, как иглы на оцетинившемся дикобразе, вонзились в землю, и ложе из стрел было последним ложем доблестного Бхишмы.

Пал на землю умирающий Бхишма, и ужас и печаль воцарились на поле битвы. Братья Пандавы и сыновья Дхритараштры сошлись у последнего ложа своего деда и стали вокруг него, склонив головы, не произнося ни слова.

Бхишма открыл глаза, посмотрел на своих внуков и правнуков и промолвил: «Тело мое покоится на стрелах, а голова клонится к земле, и нет у меня сил удержать ее. Помогите мне, Арджуна, подопри стрелами мою голову». Арджуна положил каленую стрелу на тетиву своего могучего лука и выстрелил. Стрела впилась в землю у самого изголовья Бхишмы, задрожала в воздухе и, выпрямившись, уперлась своим хвостом в затылок Бхишмы. Еще раз и еще стрелял из лука Арджуна и соорудил из стрел старому витязю его последнюю подушку.

Тяжело расставался с жизнью грозный воин. Стрелы впивались ему в тело, кровавые раны терзали болью, рот его пересох от жажды. «Напоите

меня», — вымолвил Бхишма, и слуги поднесли ему холодную воду в узорчатом сосуде, но он от этой воды отвернулся.

«Арджуна, — сказал он внуку, — стрелы твои пронзили мое тело, все живое во мне пробито ими, и жгучим огнем горят мои раны. Ты видишь, я прощаюсь с жизнью, напои меня водой перед смертью».

Сказав: «Да будет так», Арджуна взошел на колесницу, натянул свой лук и вонзил стрелу у самого ложа Бхишмы. И в том месте, где пробил стрела землю, забил удивительный источник с чистой, вкусной и прохладной водой. Бхишма утолил жажду и тогда сказал Дурьодхане: «Умерь свой гнев и свою алчность. Вот умру я, и прекрати ты вражду в час моей смерти и помирись с сыновьями Панду». Так сказал старый витязь, и то были его последние слова в этой жизни.

Битва под водительством Дроны

Стали Кауравы без Бхишмы как овцы, покинутые пастырем в лесу, как небесный свод, на котором угасли звезды. Тогда вспомнили они о могучем Карне, равном самому Бхишме, и потянулись их сердца к богоравному воину, как тянется сердце человека, охваченное печалью, к другу, который может утешить и рассеять горе.

«Только Карна, — говорили Кауравы, — может спасти нас от поражения. Сын Солнца не уступит Арджуне ни в чем: ни в стрельбе из лука, ни в метании копья, ни в искусстве управлять колесницей. Он не желал сражаться, пока жив был Бхишма, нанесший ему обиду, но сейчас он не оставит друзей в беде без помощи и поддержки. Ступай к нему, владыка, — сказали Кауравы Дурьодхане, — пусть придет Карна в наш лагерь и не покидает его больше».

Радость и веселье охватило воинов, когда на сверкавшей золотом колеснице появился Карна в стане Кауравов. «С нами Карна, с нами победа», — ликовали воины, и радостный крик их гремел над землей, веселя души Дурьодханы и его братьев. И когда цари и военачальники сошлись в шатре Дурьодханы, Карна сказал: «Много среди нас великих воинов, каждый из них может стать вождем славного войска Кауравов, и нет нужды подвергать их испытанию. Но лишь один из них, чья мудрость и чье воинское искусство одинаково почитаются всеми, должен быть избран нашим полководцем. Пусть же Дрона, наш мудрый воинский наставник, ведет наше войско в битву, и да сопутствует ему победа».

С одобрением встретили Дурьодхана, его братья и союзники слова Карны, и стал тогда Дрона во главе огромного войска Кауравов. Мудрый

совет дал Карна Дурьодхане, неодолимым стало их войско, и не в силах были Пандавы пробить неприступные ряды Кауравов.

На тринадцатый день битвы Юдхиштхира позвал к себе сына Арджуны и сказал ему: «Помоги, Абхиманью, твоим родичам и друзьям пробить строй Кауравов. Железным кольцом поставил мудрый Дрона своих воинов, и никто, кроме тебя, не сумеет сломить то кольцо».

На ратный подвиг посылал Юдхиштхира Абхиманью, и тот так ему ответил: «Я исполню все, что ты велишь, великий царь. Много врагов поляжет сегодня на поле боя, много детей останется сиротами в этом мире». И Абхиманью приказал своему возничему гнать коней его колесницы прямо на неприступный строй воинов Дроны. Как яростный лев, напал сын Арджуны на воинов Дурьодханы, и великое волнение возникло среди Кауравов. Как волны Ганга, сливаясь с океаном, крутятся в водовороте, так закружились в смятении вокруг Абхиманью воины Дроны, когда ворвался в их ряды доблестный сын Арджуны.

«Стой, стой! Держи его!» — кричали Кауравы, но не знало промаха грозное оружие Абхиманью, и замертво падали на землю лучники и всадники Дроны. Молнией сверкал меч Абхиманью, и гора убитых росла и высилась перед ним, как гряда поленьев у жертвенного алтаря. Тучи стрел летели со всех сторон в сына Арджуны, но он ловко сбивал их своими стрелами на землю. Широкий кожаный щит и крепкие доспехи защищали его тело от ударов, а меч его и стрелы настигали врага повсюду.

Абхиманью исполнил повеление царя Юдхиштхиры. Вихрем прорвался он сквозь ряды воинов Кауравов, но не сумели Пандавы поспеть следом за ним. Ряды воинов Дроны замкнулись за спиной могучего витязя, и остался Абхиманью один против множества врагов. Напрасно пытались пробиться к нему на помощь Юдхиштхира, и Бхимасена, и Сатьяки, и сыновья Мадри, и царь Друпата, и другие союзники Пандавов. На пути у них стал могучий Джаядратха, царь Синда, со своими воинами и отражал всех нападающих. После поражения, понесенного им от Пандавов в лесах, похититель Драупады испросил милости у бога Шивы, благосклонного к нему, и тот даровал ему чудесное оружие, приносившее ему победу в битве. И Джаядратха нанес мощные удары Бхимасене и другим, порывавшимся на помощь сыну Субхадры, и всех заставил отступить.

Абхиманью между тем храбро отбивался от нападавших на него со всех сторон врагов, повергая их на землю с колесниц, и коней, и слонов.

И сказал тогда Духшасана старшему брату: «Клянусь тебе, великий царь, я убью Абхиманью сегодня на глазах у ненавистных Пандавов и панчалов. И когда я убью его, другие твои недруги тоже будут убиты!» И хвастливый Духшасана погнал колесницу навстречу Абхиманью. Много раз сближались на полном скаку их боевые колесницы, множество стрел и копий метнули они один в другого, и всякий раз Абхиманью, радуясь поединку, говорил Духшасане: «Ты смертельно оскорбил моих кровных родичей, и не будет тебе сегодня спасения». Сказав так, Абхиманью пустил в Духшасану длинную стрелу с острым наконечником, и та стрела впиалась в грудь Каурава, как ядовитая змея в муравейник, и выронил Духшасана лук и щит, зашатался и, лишившись чувств, упал на дно колесницы.

Страшно стало Кауравам, когда, сраженный стрелой сына Арджуны, упал бездыханным Духшасана. Пересохли рты от страха у воинов Дурьодханы, волосы у них поднялись дыбом, сердца их дрогнули от ужаса, и уж приготовились они бежать с поля битвы, когда Дрона и Крипа, Карна, Дурьодхана и сын его Лакшмана бросились со всех сторон на Абхиманью. Но как могучий ветер, который разгоняет на небе тучи, кинулся на врагов отважный сын Арджуны. «Взгляни на мир в последний раз!» — крикнул он прекрасному Лакшмане и спустил с тетивы стрелу с острым и широким наконечником. Со свистом пролетела в воздухе стрела Абхиманью, и голова Лакшманы, украшенная серьгами, покатилась по земле, словно срезали ее острым серпом. Крик ужаса повис над полем битвы, и не измерить было гнева, разгоревшегося в груди Дурьодханы, потерявшего в бою сына.

Один за другим гибли дети и внуки Дхритараштры. Вслед за Лакшманой отошел в царство Ямы брат Дурьодханы Кратха, и даже сам Карна, не знавший поражений, отступил перед натиском Абхиманью. Тогда спросил Карна мудрого Дрону: «Научи нас, наставник, скажи нам, как одолеть сына Арджуны в битве?» Дрона так ему ответил: «Молодыми Абхиманью, сила его огромна, а доспехи надежно защищают его тело. И покуда он держит могучий лук, покуда мчит по полю его быстрая колесница, трудно вам будет одержать над ним победу».

Задумался Карна над словами Дроны, и решил тогда он с Критаварманом и Крипой с трех сторон напасть на Абхиманью. Натянул Карна до уха тугой лук, спустил с тетивы острую стрелу и расщепил на куски метким выстрелом смертоносный лук сына Арджуны. И пока Карна метил в лук Абхиманью, Крипа и Критаварман напали на доблестного

воина из рода Панду и сразили стрелами его коней и возничего. В ярости схватил тогда сын Арджуны меч и щит и прыгнул высоко с неподвижной колесницы, но еще в воздухе его настигли стрелы Карны и Дроны, выбили из рук у него оружие, и с превеликим шумом упал Абхиманью на землю. С мечами и копьями, с торжествующими кликами устремились к нему Кауравы, но сын Арджуны быстро вскочил на ноги и, схватив лежащее на земле колесо от разбитой колесницы, высоко поднял его над головой двумя руками. И страшен был Кауравам Абхиманью, весь в пыли, с покрытой кровью одеждой, с огромным колесом над головой. Он зарычал, как раненный в лесу лев, и бросился с этим колесом на Дрону, но неотразимые стрелы Карны выбили и колесо из рук Абхиманью. Тогда, подняв с земли тяжелую булаву, сын Арджуны с покрасневшими от гнева глазами бросился на сына Духшасаны и, сокрушив одним ударом его лошадей и колесницу, занес над ним свою булаву. Жестоким был поединок доблестных братьев, безжалостно наносили они друг другу тяжелые удары и наконец свалились оба на землю. Сын Духшасаны вскочил на ноги первым и, когда поднимался с земли Абхиманью, снова свалил его на землю могучим ударом своей булавы. Так погиб Абхиманью, отважный витязь, который топтал вражеское войско, как слон топчет в озере лотосовые стебли. И лежал мертвый Абхиманью на поле битвы, как могучий слон, сраженный охотниками, как океан, лишенный воды, как пламя, что спалило лес и угасло.

Войска Пандавов, после того как пал храбрый Абхиманью, дрогнули и стали отступать под натиском торжествующих Кауравов. Но наступила ночь и прервала битву. В глубоком унынии возвращались в свой лагерь Юдхистхира, и Бхимасена, и сыновья Мадри, видевшие, как погиб Абхиманью, и не сумевшие спасти его. «Что скажем мы Арджуне, когда он спросит о своем сыне?» — сокрушались они.

Вернулся в лагерь и Арджуна, весь тот день сражавшийся на другом конце поля и не ведавший о гибели сына. Страшным было его горе, когда узнал он об этом и когда рассказали ему о том, как отважно сражался юный Абхиманью, как преградил Джаядратха путь идущим ему на выручку Пандавам и как пал царевич, окруженный многочисленными врагами. И поклялся Арджуна, что, прежде чем зайдет солнце следующего дня, он отправит Джаядратху в царство предков.

Утром четырнадцатого дня, когда враждующие рати снова выстроились друг против друга на равнине, зловещие знамения вселили тревогу в сердца воинов стана Кауравов. Над колесницей Арджуны, появившейся

во главе войска Пандавов, тучей вились стаи воронов и коршунов, и шакалы подняли жуткий вой по краям поля битвы. Гром прогремел в отдавлении, и задрожала земля. И битва возобновилась.

Когда Джаядратха услышал о клятве Арджуны, страх объял его сердце, и он взмолился, обращаясь к Дроне: «Отпусти меня с поля, о вождь, я вернусь в свое царство и больше не буду сражаться! Иначе не сносить мне головы сегодня, сын Кунти непременно убьет меня, мстя за смерть сына». Но Дрона утешил его, обещав свою защиту, и повелел всем воителям стана Кауравов охранять Джаядратху в битве от Арджуны.

Едва началась битва, сын Кунти на колеснице, ведомой Кришной, врезался в ряды войска Кауравов и учинил там великое побоище, сражая вражеских ратников десятками и сотнями. Напрасно пытались остановить его яростный натиск Духшасана, а затем Критаварман, царь из рода Ядавов; Арджуна потоком бьющих без промаха стрел заставил отступить Духшасану и его воинов, а Критавармана оглушил могучим ударом дротика и помчался дальше. Но когда путь ему преградил Дрона, Арджуне пришлось задержать свою быструю колесницу; и после обмена тяжкими ударами, видя, что ему не одолеть своего учителя в воинском искусстве, сын Кунти уклонился от боя с великим воином и повернул колесницу в другом направлении.

Царь Друпادا послал на подмогу Арджуне двоих могучих воинов-панчалов, Юдхаманью и Уттамауджаса, чтобы они защищали его колесницу слева и справа. Но Критаварман, оправившийся от удара, нанесенного Арджуну, преградил им дорогу и после жестокого боя обоим нанес поражение и заставил их отступить.

Но и без их защиты Арджуна продолжал свой победный путь, сокрушая все на своем пути. Он рассеял полчища млеччхов, чужеземных воинов, приведенных Дурьодханой на поле Куру, он победил царевича Бхуришраваса, могучего витязя из рода Куру, нанес поражение Крипе, бывшему своему наставнику в военной науке, и пробился уже к Джаядратхе, но тот отступил поспешно, а Дурьодхана со своими воинами задержал Арджуну и дал возможность скрыться своему шурину от смертоносных стрел сына Кунти.

Сатьяки, отважный воин из рода Ядавов, пришел на помощь Арджуне. Он напал на Дурьодхану и отвлек на себя его удары, а Кришна повел колесницу Арджуны дальше, преследуя убегающего царя Синдха. Сатьяки между тем обратил Дурьодхану в бегство, затем рассеял войско тригартов, пытавшихся преградить ему путь, и после недолгой стычки

с Критаварманом, в которой оба героя не могли одолеть друг друга, снова помчался вслед за Арджуной, чтобы прийти ему на помощь в случае нужды.

Но прежде чем он соединился с Арджуной, на него напал Бхуришравас и осыпал его стрелами; и Сатьяки осыпал стрелами Бхуришраваса, и оба поразили друг друга многократно могучими ударами. Под стрелами Бхуришраваса пали кони Сатьяки, и Сатьяки сразил своими стрелами коней противника. Лишившись коней, оба героя сошли с колесниц и устремились друг на друга с мечами в руках, истекая кровью, подобные двум разъяренным тиграм. И долго рубились они, и ни один не мог одолеть другого, но наконец Сатьяки, изнемогший в борьбе, стал уступать. Заметив это, Кришна повернул туда свою колесницу и сказал Арджуне: «Смотри, Бхуришравас одолевает, он убьет Сатьяки, если ты не поможешь ему». И когда Бхуришравас поверг своего противника на землю и занес над ним меч для последнего удара, Арджуна быстрой стрелой отсек руку герою вместе с мечом.

Пошатнулся Бхуришравас и опустился на землю, теряя силы. И, обратив на Арджуну взгляд, исполненный укоризны, он сказал: «О могучий, не приличествовало тебе вмешиваться в наше единоборство!» Сатьяки между тем вскочил на ноги и, подобрав свой меч, отсек им голову Бхуришравасу, сидевшему на земле, когда тот шептал молитвы. Но за это деяние, недостойное честного воина, осудили его и Арджуна, и Кришна, и другие ратники, наблюдавшие поединок с Бхуришравасом.

Арджуна тогда велел Кришне повернуть колесницу и вести ее опять вслед царю Синдха. И, сметая всех пытавшихся остановить его, Арджуна настиг наконец Джаядратху в гуще боя.

Солнце уже заходило, когда встретились Арджуна и Джаядратха. Видя, что поединок не избежать, царь Синдха повернул свою колесницу навстречу Арджуне и смело устремился на него, напрягая свой чудесный лук, посылающий во врага неотразимые стрелы. Но и лук Арджуны, подаренный ему некогда богом Варуной, не знал промаха; и оба витязя нанесли друг другу тяжкие удары, сила которых сокрушила бы мгновенно менее могучих воинов. И все же воинское искусство Арджуны взяло верх над отчаянным напором Джаядратхи. Сначала сын Кунти сбил своими стрелами стяг с колесницы повелителя саувиоров, потом сразил насмерть его возницу и наконец метко направленной неотразимой стрелой срезал голову виновнику гибели Абхиманью.

И в то же мгновение солнце зашло и сумерки опустились на землю. Но битва на поле Куру продолжалась с удвоенной силой. Меж тем как Арджуна сражался с Джаядратхой, Бхимасена на другом конце поля произвел великие опустошения в рядах Кауравов и сразил в бою храброго Викарну, и Читрасену, и Душкарну, и многих других сыновей Дхритараштры. Карна устремился на помощь Дурьодхане и его братьям, бесильным противостоять смертоносному натиску Бхимы. И между ним и Бхимасеной произошла ожесточенная схватка, в которой оба нанесли друг другу многочисленные раны. Но Карна остерегался нанести Бхимасене смертельный удар, помня обещание, данное матери, а Бхимасена умерял свои удары, зная, что Арджуна поклялся убить Карну и никому не уступит чести этой победы.

И Карна, оставив Бхиму, устремился на других воителей стана Пандавов, и многих поверг в бою, и нанес тяжелый урон вражеским войскам. Тщетно пытались противостоять ему панчалы, и матсьи, и другие союзники Пандавов. Наконец Сахадева стал на его пути и сотнями стрел осыпал непобедимого властителя Анги. Но Карна без труда отразил все его удары и сам меткими стрелами поразил насмерть коней Сахадевы и его возничего. Сын Мадри соскочил тогда с бесполезной колесницы и с мечом и щитом в руках смело бросился навстречу Карне. В тот же миг Карна выбил своими стрелами щит и меч у него из рук. Тогда Сахадева схватил тяжелую палицу и, подняв ее над головой, метнул изо всей силы во врага, но прежде, чем она долетела до цели, Карна разбил ее на части в воздухе своими стрелами. Оставшись безоружным, яростный Сахадева сорвал колесо со своей колесницы и устремился с ним на Карну, но и колесо разбил искусный лучник Карна сотнею стрел. И, подъехав к Сахадеве, он тронул его концом своего лука и сказал: «Ступай, сын Мадри, и впредь сражайся с теми, кто равен тебе!» И Сахадева отступил с поля боя, униженный и уязвленный словами Карны больше, нежели его стрелами.

Видя, что никто не может противостоять Карне, в то время как Арджуна сражается на другом конце поля, Юдхиштира сказал Бхимасене: «Только твой сын Гхатоткача со своими ракшасами может одолеть сына возницы и спасти наши войска от истребления. Вызови его». И вот по зову Бхимасены появился на поле боя великан Гхатоткача с медно-красным лицом и черным, как грозовая туча, телом, с огромной пастью, растянувшейся от уха до уха, и остроконечными ушами. Его окружали сонмы ракшасов устрашающего облика, свирепых и кровожадных. И Гхатоткача,

подобный горе, окутанной облаками, начал истреблять воинство Кауравов, осыпая его тучами смертоносных стрел. Затем вместе со всеми своими страшными соратниками он ринулся на Карну.

Но и демонская сила не могла сломить славного героя. Не дрогнул Карна и отбил все направленные на него удары и сам поразил своих грозных врагов во множестве, и трупы уродливых ракшасов усеяли поле боя. Затем Карна схватился в единоборстве с великаном Гхатоткачей. Долго бились они с великим ожесточением, осыпая друг друга стрелами, но одолеть один другого не могли. Тогда Гхатоткача прибег к колдовским чарам. Он стал невидим для взора и учинил страшное побоище среди воинов Кауравов, бессильных от него оборониться. И тяжелые раны нанес он самому Карне; и в первый раз пришел в замешательство Карна на поле битвы, не зная, как сражаться с невидимым врагом. Гхатоткача уже убил его коней и возницу, и Карна перешел на другую колесницу, но и эту сделал недвижимой колдун, поразив насмерть возничего и коней своим оружием. Воины Карны, отступая в беспорядке перед разящей незримо смертью, воззвали к своему вождю: «Вспомни о божественном дротике, о царь! Не дай ракшасу уничтожить все наше войско!» И Карна, не видя другого средства покончить со страшным Гхатоткачей, метнул чудесный дротик, подаренный ему Индрой, который он приберегал для Арджуны.

И снова стал виден грозный великан, подобный горе; волшебный дротик рассеял чары. Пораженный тем дротиком в самое сердце, зашатался Гхатоткача и рухнул на землю, раздавив в своем падении множество вражеских воинов.

Глубокая скорбь охватила Пандавов при вести о гибели сына Бхимасены. Один лишь мудрый Кришна радовался. «Утешьтесь, — сказал он Пандавам. — Умер Гхатоткача, но спасен Арджуна. Карна метнул свой неотразимый дротик, который можно применить в бою лишь один раз. Теперь Арджуна может с ним сразиться, не страшась неминуемой смерти».

А между тем стало уже совсем темно, но и в ночном мраке продолжалась яростная битва на Курукшетре. Такое ожесточение охватило воинов, что впервые не разошлись они с поля боя на исходе дня. Но постепенно усталость овладевала ими и сковывала им руки. И вот некоторые уже засыпают на ходу, поникнув внезапно на своих колесницах, на спинах слонов или припав к гривам коней. Другие, ослепленные темнотой и подступающим сном, начинают разить своих же, не отличая их от противника. Тогда Арджуна вскричал громовым голосом, разносящимся по

всему полю: «О воины, вы устали, и устали ваши боевые кони и слоны! Перестаньте сражаться на время, отдохните! Пока не взойдет месяц, вы можете заснуть, чтобы потом проснуться и биться снова». И оба войска благословили Арджуну за эти слова.

Оба войска, рати Кауравов и рати Пандавов, погрузились тогда в сон тут же на поле битвы. Воины бросались на землю там, где застиг их призыв Арджуны, ложились на землю кони и слоны, изнуренные боем. Побежденные сном, затихли все великие воители. Одни приникли к гривам своих коней, другие прилегли на колесницах, третьи — на спинах слонов, а многие распростерлись прямо на земле. С оружием в руках, с палицами, мечами, боевыми топорами и копьями, в полном вооружении, легли они и уснули — одни здесь, другие там. Слоны, тяжело дышащие, опустившиеся на землю, выглядели в темноте как холмы, на которых шипят огромные змеи. И это спящее войско, распростертое недвижно на земле, являло чудную картину, словно нарисованную на холсте искусным художником.

Но вот на востоке взошел на небо багряный месяц. Вмиг земля озарилась его светом, и бежала непроглядная тьма. От лучей месяца пробудилось войско, как пробуждаются тысячелистные заросли лотосов под лучами солнца. И как морской прилив при лунном сиянии, проснулось это море полков при восходе ночного светила, и снова началась истребительная битва и продолжалась без перерыва, пока не взошло на небо солнце пятнадцатого дня.

Жестокой схваткой начался пятнадцатый день битвы, и тучи пыли окутали поле и закрыли небо багряной пеленою, когда с яростью бросились друг на друга два враждебных войска. Всадники и пешие воины, слоны и колесницы — все смешалось в этом облаке пыли, и никто не мог отличить недруга от друга.

Грозно сражался в то утро неодолимый Дрона, и не знали пощады его меч и стрелы. Тысячи воинов Юдхистхиры отошли под его ударами в царство Ямы, и среди них доблестные внуки царя Друпеды, сам Друпеды и Вирата, царь матсьев. Горе камнем легло на сердце Дхриштадьюмны, когда узнал он о гибели своих близких, и поклялся панчалам сын Друпеды, что в тот же день он лишит жизни вождя Кауравов — Дрону. Стеною двинулись панчалы на Дрону, и Арджуна поддерживал своими стрелами их натиск. Но Дурьодхана, Шакуни и Карна пришли своему вождю на помощь, стрелы преградили панчалам дорогу, и не могли приблизиться к Дроне воины Дхриштадьюмны. Бхимасена, не ведающий страха, загорелся гневом. «Воин ты или женщина, Дхриштадьюмна? — крикнул он сыну царя Друпеды. — Или ты отомстить за отца не клялся? Стой тогда и смотри — я сам твою клятву исполню». И разъяренный Бхимасена направил свою колесницу к тому месту, где стоял, окруженный сыновьями Дхритараштры, искусный и могучий Дрона. Пристыдили слова Бхимасены Дхриштадьюмну и его воинов-панчалов, и они с превеликой злостью бросились на телохранителей Дроны. Реки крови потекли по полю битвы в бесконечное море смерти. Не знали промаха стрелы и копыта Дроны. Под ударами его меча без счета падали на землю

воины, слоны и кони. Всякий, кто отваживался вступить с ним в поединок, без промедления отходил в царство Ямы. И не выдержали тогда Пандавы, страх стал наполнять их души. «Этот победоносный Дрона самому Индре в бою не уступит. Как же нам, смертным людям, одолеть его в битве!» — говорили друг другу воины Юдхиштхиры, и покидала их постепенно воинская доблесть. И сказал тогда Арджуне Кришна: «Никто не может превзойти Дрону в битве, ни один смертный воин, ни даже боги во главе с самим Индрой. Но если бросит он оружие на землю и перестанет сражаться, его сможет убить и простой воин. Если хотите вы, сыновья Панду, одержать победу, то примените хитрость, — благородные воинские обычаи ничем вам помочь не смогут. Я знаю, что если погибнет Ашваттхаман, доблестный и могучий сын Дроны, то отец его перестанет сражаться. Подошлите же человека к Дроне, пусть тот скажет ему, что погиб Ашваттхаман». Трудно было братьям Пандавам согласиться со словами Кришны, нелегко было им нарушить законы воинской касты, и сказал им тогда Кришна еще раз: «Посмотри, Юдхиштхира, как гибнет твое войско, а к концу дня его и вовсе не станет. Ради спасения твоего рода и войска даже и ложь будет во благо».

Горестно выслушали братья Пандавы коварные слова Кришны, посмотрели, как редет под ударами Дроны их войско, и согласились пойти на хитрость. Тогда Бхимасена убил секирой огромного слона по кличке Ашваттхаман и послал воина сказать великому Дроне, что нет больше Ашваттхамана на свете. Но мудрый Дрона гонцу не поверил: грозным воином был Ашваттхаман, самому отцу своему не уступал он в воинском искусстве.

Не удалась Пандавам хитрость с первого раза. Еще яростнее стал сражаться старый Дрона. Двадцать тысяч вражеских колесниц его окружили, и все двадцать тысяч бойцов на колесницах отошли в царство Ямы. И чудилось воинам, что то не Дрона, а сама Смерть мчится с серпом по кровавому полю на сверкающей колеснице.

Но сомнения не оставили Дрону и все точили и точили его душу. И решил он тогда узнать у Юдхиштхиры правду. Ни разу в жизни не отворялись уста Юдхиштхиры для ложного слова, и свято верил Дрона в его правдивость. И спросил Дрона старшего сына Панду: «Скажи мне, справедливый царь, жив или мертв Ашваттхаман?» Взглянул горестно Юдхиштхира на Кришну, на братьев, на свое бегущее в страхе войско и подтвердил своим словом неправду.

Скорбь сковала душу великого Дроны, отчаяние угнездилось в его сердце, и не мог он уже сражаться с прежней ловкостью и отвагой.

С яростью напал на него сын Друпеды, а Дрона уже не мог отражать удары, как прежде. Прямо в грудь вонзилась ему стрела Дхриштадьюмны, но и раненый был грозен и страшен для противника Дрона. На куски сломали его стрелы лук Дхриштадьюмны, наземь свалили коней и возничего сына царя Друпеды, и пришлось тому прятаться за колесницей от метких стрел Дроны.

Тогда снова напомнили Пандавы Дроне о смерти сына, вновь печаль сдавила ему сердце, и выпало оружие из рук доблестного Дроны. Сел он на край своей колесницы и горестно воскликнул: «О Карна! О Крипа! Где вы? Сын погиб мой любимый, нет и мне сегодня спасения!» Тогда бросился к Дроне Дхриштадьюмна и занес меч над его головою, но Дрона даже не шевельнулся. Сверкнул серебром меч сына царя Друпеды, и покатилась с плеч седая голова Дроны. Восемьдесят пять лет прожил на свете славный воин, и жил бы он еще столько, если бы не обман и коварство Юдхиштхиры и его братьев. Покатилась голова Дроны по пыльному полю, и бросились бежать воины царя Дхритараштры. И никто удержать их был не в силах; даже Карна, великий воин, бежал вместе со всеми с поля битвы.

Стоял Ашваттхаман на другой стороне поля Куру, увидел, как бегут в ужасе и страхе его друзья и союзники, и тревога закралась в его сердце. С превеликим трудом пробился он к Дурьодхане сквозь ряды бегущих и спросил: «Почему воины твои, великий царь, как трусливые шакалы, бегут с поля битвы? Даже Карна, прославленный воевода, вижу я, бежит вместе с ними! Что же случилось, государь, с нашим войском?»

Горькими обливался Дурьодхана слезами и не смог ничего ему ответить. Тогда рассказал Ашваттхаману Крипа, как коварно был обманут Дрона, как жестоко надругался над ним сын Друпеды.

Помолчал горестно Ашваттхаман и промолвил: «Славно погиб мой отец, богоравный воин, и место ему теперь среди богов. Не останется мой отец неотмщенным, заплатят мне Пандавы и панчалы за его голову жизнью».

Битва под водительством Карны

Весть о гибели Дроны поразила сердце сыновей Дхритараштры. Бледность покрыла их лица; в горести поникли они головами, не смея взглянуть друг на друга; в их обессилевших руках обогранные кровью мечи и копья опустились, сверкнув, как падучие звезды в небе. Дрогнули ряды Кауравов; здесь и там войска их стали отступать в смятении, и вот уже Дурьодхана остался один на поле битвы. С трудом сдерживает он натиск Пандавов и громкими криками призывает остановиться бегущих, но немногие повернули обратно, повинувшись зову вождя. Собрав их вокруг себя, Дурьодхана отражал наступление вражеского войска, пока не опустилась на землю ночная тьма и не прервала великую битву.

Бессонную ночь провели в своих шатрах Дурьодхана, Карна и другие военачальники Кауравов. Прежде чем наступил рассвет, Дурьодхана созвал всех царей и военачальников и обратился к ним с такими словами: «О мудрые и отважные мужи! Пусть каждый из вас скажет, что думает он о предстоящем. Скажите, о цари, как надлежит нам поступить теперь, после событий минувшего дня». И все витязи, собравшиеся на совет, объявили о своей решимости продолжать битву. Молвил тогда Ашваттхаман, сын Дроны: «Погибли наши могучие соратники, богоравные воины, надежные и опытные в бою. Но мы не должны терять веры в победу. О царевич, судьба еще будет к нам благосклонна. Пусть станет во главе нашего войска Карна, лучший из героев. Никто не сравнится с Карной в воинском искусстве, он неодолим в бою, как Яма, бог смерти. С ним сокрушим мы наших врагов». Воспрянул духом сын Дхритараштры, внимая этим речам. «О Карна, — сказал он, — Бхишма и Дрона

пали в битве. То были великие воины, но оба они были уже отягощены годами; ты же превосходишь мощью их обоих, о сын возничего! Ты один можешь привести нас к победе. Ты всегда был нам верным другом; стань же во главе рати сыновей Дхритараштры, подобно богу Сканде, предводителю небесного воинства! И да рассеются перед тобою полчища наших неприятелей, как злобные демоны перед ликом Вишну, как ночной мрак перед лучами восходящего солнца!» И Карна ответил: «Будь спокоен, владыка. Снова говорю тебе: я сокрошу Пандавов и сыновей их и друга их Кришну. Я стану во главе твоих войск, и врагам нашим не избежать поражения».

Тогда Дурьодхана и все цари и военачальники поднялись со своих мест и воздали почести Карне, провозгласив его предводителем войска. И были совершены необходимые обряды, и брахманы прочли надлежащие мантры; Карна же поднялся на сиденье из дерева манго, покрытое шелковой тканью, а жрецы и певцы окружили его, восклицая: «Да истребишь ты Пандавов и их союзников, как разгоняет тьму восходящее солнце!»

На рассвете нового дня Карна повелел войскам построиться для битвы. И тотчас запели трубы, и лагерь Кауравов наполнился великим шумом. Громкие крики: «Стройтесь, стройтесь!» — раздались внезапно; грохот колесниц, снаряжаемых к бою, тяжелая поступь слонов, топот коней и пеших воинов, бряцание оружия и боевых доспехов вознеслись к самым небесам. И вот Карна появился перед войском на блистающей как солнце колеснице. В руках его был золоченый лук, на знамени — изображение боевого слона. При виде могучего Карны сердца воинов затрепетали от радости и надежды, и забыли они о гибели Бхишмы и Дроны и других витязей своего стана. Затрубил Карна в свою боевую раковину, подавая знак к выступлению, и, построив войска строем дельфина, повел их в сражение.

Когда показались на поле битвы боевые знамена Кауравов, Юдхиштира сказал Арджуне: «Взгляни, о Партха, как выстроились для битвы отряды сынов Дхритараштры! Велико их войско, но оно лишилось храбрейших своих витязей, а те, что уцелели, бессильны перед нами, как стебли травы. Только сын возничего блистает среди них, могучий воин, которого не одолеют в бою ни боги, ни демоны. Если ты убьешь его сегодня, победа в этой войне будет принадлежать нам; если ты убьешь его, ты вырвешь шип, двенадцать лет терзающий мое сердце! Построй же войска для битвы, как сам ты того желаешь».

Вняв этим словам, Арджуна построил рати Пандавов полумесяцем. На левом крае стал Бхимасена, на правом — отважный Дхриштадьюмна. Сам Арджуна вместе с Юдхиштхирой поместился в середине строя; Накула же и Сахадева охраняли их с тыла. И властители панчалов и другие цари разошлись на указанные им места и приготовились к бою.

С обеих сторон зазвучали боевые раковины, загрели барабаны и литавры, и крики воинов, жаждущих боя, раздались, подобные львиному рыку; с ними смешались ржание коней, трубный зов слонов и грохот колесниц. И оба войска сближались, словно в радостной пляске — и с той и с другой стороны отделились уже первые бойцы, горя желанием схватиться друг с другом. И войска сошлись среди поля, и началась битва.

Люди, слоны, кони, колесницы столкнулись в жестокой схватке. Покатились на землю отрубленные головы; воины наносили друг другу страшные удары топорами и секирами, копьями и стрелами. Пораженные врагами витязи валились наземь со слонов, колесниц и коней, колесницы давили пеших, слоны опрокидывали колесницы, пешие воины сбивали всадников с лошадей, а всадники разили пеших. И колесницы налетали на колесницы, и разъяренные слоны сцеплялись со слонами, и всадники и пешие воины сражались и падали, сокрушенные ударами тяжелых палиц, булав и острых мечей. И великое кровопролитие свершилось в тот день на поле Куру.

Вот Бхимасена на огромном слоне ворвался в ряды врагов, сокрушая все на своем пути. Завидев его, могучий Кшемадхурти, повелитель кулутов, устремился ему навстречу на своем слоне. Слоны их столкнулись, как две горы, а затем, разойдясь, стали кружить один возле другого, направляемые своими седоками, метавшими друг в друга дротики и пускавшими стрелы друг в друга. Дротик Кшемадхурти вонзился в грудь Бхимасены; вскричав от ярости и боли, герой метнул тяжелое копье во врага, но царь кулутов отразил удар, расщепив копье Бхимасены своими стрелами. Тогда сын Панду осыпал стрелами вражеского слона, и тот, израненный, обратился в бегство, а слон Бхимасены преследовал его, и оба мчались по полю битвы, как грозовые тучи, гонимые бурей. Но доблестный Кшемадхурти, остановив слона, обернулся и метко пущенной стрелою сломал лук в руках Бхимасены. Затем копьями он поразил неприятельского слона, и слон Бхимасены повалился на землю, увлекая за собой седока. Но витязь вовремя соскочил, и, прежде чем животное упало, Бхимасена уже стоял на ногах. Страшным ударом своей палицы

Бхимасена повалил слона Кшемадхурти. Вторым ударом он сокрушил самого Кшемадхурти, успевшего спрыгнуть на землю, и тот упал бездыханный с мечом в руке рядом со своим слоном, как лев, пораженный молнией, рядом с осевшим от громового удара холмом. И, видя гибель своего царя, кулуты обратились в бегство.

А на другом конце поля Анувинда и Винда, двое братьев, властители кайкейев, напали с двух сторон на отважного Сатьяки, осыпая его сотнями стрел. Но Сатьяки стойко держался, отражая удары. И когда вражеские стрелы выбили у него лук из руки, он схватил копье с широким и острым концом и, метко направив его, снес голову Анувинде, младшему из братьев. С удвоенной яростью набросился на Сатьяки Винда, старший брат; от ливня его стрел затмилось небо. Но Сатьяки, весь израненный стрелами Винды, только смеялся в ответ. Он убил возничего и коней Винды, а Винда убил его возничего и его коней. И оба храбрых воина сошли с колесниц на землю и, потрясая мечами и щитами, схватились друг с другом, и каждый горел желанием уничтожить своего противника. Сатьяки разрубил мечом щит Винды, а тот разрубил мечом щит Сатьяки. И властитель кайкейев стал кружить возле своего врага, намереваясь напасть на него внезапно сбоку. Но Сатьяки опередил его и, взмахнув своим огромным мечом, рассек Винду надвое косым ударом. И бежали кайкейи в смятении после гибели своих вождей.

И в других местах Пандавы и их соратники одерживали победы и теснили Кауравов с самого начала битвы. Но вот, когда Бхимасена на колеснице преследовал отступающих врагов, на пути его стал Ашваттхаман, сын Дроны, и оба витязя сошлись в жестокой и ужасающей схватке; казалось, что это Индра сражается с демоном Вритрой на небесах. Искусный в стрельбе из лука Ашваттхаман осыпал Бхимасену сотнями метких стрел; стрелы вонзались в грудь, плечи, голову героя, но не дрогнул он под ударами, как вершина горы под порывами бурного ветра. И Бхимасена в ответ осыпал врага сотнями стрел, но как утес остается недвижимым под струями осенних ливней, так не дрогнул и Ашваттхаман. Колесницы противников то съезжались, то разъезжались, но бой не прекращался ни на мгновение; стрелы, дротики, копья, диски и всевозможные метательные снаряды рассекали воздух, сверкающей тучей накрывая сражающихся. И от грохота сталкивающихся на лету копий и стрел, от искр, разлетающихся во все стороны, казалось, что наступил конец света; казалось, что это сталкиваются и гибнут в мировом пожаре планеты вселенной. Сами боги вместе с сиддхами и чаранами спустились с небес, чтобы видеть небывалый поединок. И, видя отвагу и мощь Бхимасены, видя воинское искусство Ашваттхамана, боги рукоплескали и восклицали: «Хвала тебе, могучий сын Дроны! Хвала тебе, о Бхима!» И сиддхи говорили между собой: «Никогда еще не бывало на земле боя, равного этому!»

Уже сбиты знамена с колесницы и Бхимасены и Ашваттхамана, уже пали пронзенные стрелами их кони, уже убиты возничие, но оба героя стоят неколебимо и сражаются с неослабевающей яростью, и ни одному

не удастся одолеть противника. Наконец Бхимасена положил на тетиву лука самую длинную и тяжелую из своих стрел и пустил ее в Ашваттхамана. И тот в то же мгновение выпустил такую же стрелу в Бхимасену. И оба витязя, в одно и то же время пронзенные каждый страшной стрелой, пали замертво с колесниц на землю. Воины Ашваттхамана, видя, что сын Дроны упал без чувств с колесницы, тотчас увлекли его из гущи боя в безопасное место; то же сделали воины Пандавов с Бхимасеной.

Тогда Арджуна на колеснице, управляемой Кришной, налетел на неисчислимо войско самшптаков, как буря на воды океана. Тучами метких стрел осыпал он врагов, сея смерть в их рядах. Стрелы с широкими и острыми концами срезали головы воинов, отрывали руки, разили и пеших и конных. Как дровосек прокладывает себе путь в чаще деревьев, так и Арджуна прокладывал себе путь смертоносными ударами своего оружия среди вражеских войск.

Тщетно пытались самшптаки противостоять ему: с воинственным ревом бросались они на него толпами, метали копья и стрелы, но Арджуна отражал все удары и разил неприятельских воинов всюду, куда направлялась его колесница. Как ветер разгоняет густые тучи, так Арджуна рассеял вражеские рати; земля покрылась горами отсеченных голов и рук, колесницы рассыпались на куски под ударами Арджуны, слоны валились на землю, как горные вершины, пораженные молнией.

Как солнце палящими лучами осушает обширные водные пространства, так уничтожил Арджуна огромное войско самшптаков.

Между тем Ашваттхаман, оправившись от удара, нанесенного Бхимасеной, снова появился на поле битвы. Взойдя на новую колесницу, он приблизился к Арджуне и вскричал голосом, подобным раскатам грома: «О витязь, если подобает мне такая честь в твоих глазах, прими меня как достойного гостя на этом бранном пиру!» И как на праздничном пиру хозяин дома покидает незнатных гостей ради того, чтобы оказать должное гостеприимство высокородному посетителю, так Арджуна, прекратив избиение самшптаков, повернул свою колесницу навстречу сыну Дроны.

Дождем стрел осыпал Ашваттхаман Арджуну и Кришну, но сын Панду отразил все удары и сам, прицелившись, разбил стрелою лук в руках Ашваттхамана. В это время подоспели на помощь сыну Дроны витязи из Калинги и Ванги на громадных слонах и с яростью устремились на Пандава; но Арджуна встретил их тучей смертоносных стрел, и вскоре все витязи были перебиты, тела их усеяли поле боя. Ашваттха-

ман между тем схватил другой лук, длиннее и тяжелее прежнего, и послал одну за другой десять огромных стрел в сына Панду и его возничего. Пошатнулся Кришна, и сам Арджуна, израненный стрелами, поник на мгновение, и решили уже Кауравы, объятые радостью, что оба героя сражены Ашваттхаманом. Но, тотчас оправившись, Арджуна ответил врагу новым ливнем стрел. И хотя Ашваттхаман отразил смертоносные удары и устоял под натиском Пандава, многие стрелы попали в его коней, и те, рванувшись, унесли колесницу его прочь от места сражения. И, утомленный непосильным боем, Ашваттхаман уже не вернулся для поединка с Арджуной.

Но в то время, когда войска Кауравов отступали в середине, на северном крае поля брани Пандавы терпели поражение. Там Дандадхара, царь магадхский, опрокинул и гнал их рати, истребляя десятками и сотнями пешех, и конных, и колесничих. Восседа на огромном слоне устрашающего вида, он поражал врагов стрелами, а слон его сокрушал и втапывал в землю колесницы, коней и людей, опрокидывал вражеских слонов и убивал их своими бивнями. Под ногами слона Дандадхары трещали и ломались колесницы и стальные кольчуги, и потоки крови заливали землю, отмечая его грозную поступь.

«Смотри, Арджуна! — воскликнул Кришна. — Никто не может противостоять царю Магадхи и его неукротимому слону! Ты должен убить Дандадхару, иначе войско наше понесет тяжелый урон». И он немедля повернул колесницу на север, в гущу боя, где смешались колесницы, кони и слоны, где нарастал шум сражения, где рев боевых раковин и звуки барабанов и цимбал заглушались ревом слонов, ржанием лошадей и криками воинов.

Завидев приближающегося Арджуну, Дандадхара испустил боевой клич и повернул слона ему навстречу. Дюжиной стрел поразил он сына Панду и еще множество их выпустил в Кришну и коней, но Арджуна меткими стрелами выбил у него из рук лук, сбил его знамя и поразил насмерть погонщика слона и воинов, окружавших Дандадхару. С яростными криками царь магадхов стал метать в Арджуну копья и дротики. Тогда прицелился Арджуна и выпустил почти в одно мгновение одну за другой три стрелы, и теми тремя стрелами он отсек обе руки и голову Дандадхаре. Тотчас вслед за тем он осыпал сотнями стрел вражеского слона. Взорвел огромный слон, зашатался и рухнул на землю мертвый.

Тогда бросился на Арджуну Данда, брат магадхского царя, на исполинском белом слоне. Но и ему снес Арджуна голову меткой и острой

стрелой, и Данда свалился на землю, окрасив ее своей кровью, как багрянец заката окрашивает вечернее небо. И Арджуна убил стрелами его великолепного слона, подобного белоснежному облаку, и еще многих вражеских слонов, и войско магадхов, только что наступавшее победоносно на Пандавов, обратилось в бегство. И еще многие могучие и отважные витязи пали в тот день от руки Арджуны на поле Куру.

В то же время, когда Арджуна сломил мощь магадхов, Пандья, повелитель малайских горцев, витязь, почитающий себя равным Арджуне и Карне на поле боя, сокрушал силу Кауравов в другом конце Курукшеты. На быстрой колеснице он ворвался в ряды врагов как буря: пулинды, кхасы, нишады и другие союзники Кауравов обратились в бегство под его стремительным натиском. Никто не мог противостоять ему; конные и пешие, колесничие и бойцы на слонах гибли под ударами Пандьи, усеивая его путь мертвыми телами. Вперед и вперед мчался яростный, беспощадный Пандья, истребляя неприятельские рати, пока дорогу ему не преградил отважный сын Дроны.

«О благородный царь! — воскликнул Ашваттхаман. — Ты подобен Индре в бою: как могучий лев истребляет стада оленей в лесу, так сокрушаешь ты конные и пешие рати! Земля гудит под твоей колесницей, ты как туча грозовая, что губит осенью посевы! Ты здесь один достойный мне противник, сразись со мною!» — «Да будет так», — отвечив Пандья. Тогда сын Дроны крикнул ему: «Бей!» — и с яростью напал на него. Девять острых стрел послал Ашваттхаман во врага, но вождь горцев отразил все удары. В свою очередь он пустил в Ашваттхамана зазубренную стрелу и четырьмя стрелами сразил насмерть его коней. И прежде чем успел оправиться сын Дроны, Пандья метким ударом разорвал тетиву на его луке.

Схватил Ашваттхаман новый лук и, меж тем как его люди впрягали торопливо новых коней в колесницу, обрушил на врага ливень стрел. И в течение времени, измеренного восьмою частью дня, Ашваттхаман, искуснейший во владении луком, выпустил во врага столько стрел, сколько можно увезти на восьми повозках, влекомых каждая восемью быками.

Пронзенные стрелами Ашваттхамана, пали кони Пандьи, свалился с колесницы его стяг, украшенный изображением горы Малая, и сама колесница, разбитая ударами вражеского оружия, рассыпалась на множество мелких обломков. Но, сбросив царя с колесницы, сын Дроны медлил с последним ударом, желая продлить бой.

В то время невдалеке от них отряд слонов из войска Пандавов отступал, теснимый победоносным Карной. Увидел Ашваттхаман огромного слона, лишившегося седоков, и тотчас же меткими стрелами направил его в сторону Пандьи. Как лев на вершину утеса, прынул проворный Пандья на спину стремительно бегущего слона и, мгновенно обуздав его ударом анка, повернул на врага. «Теперь ты погиб!» — вскричал он, задыхаясь от ярости; но, сохраняя осмотрительность, необходимую в бою, он метнул тяжелое копье и сбил с головы Ашваттхамана его драгоценный венец. Разлетевшись на тысячу осколков, упал венец на землю; взъярился тогда и Ашваттхаман, как царственный змей, попранный дерзкою ногою.

Пятью смертоносными стрелами с остриями как лезвия ножей он поверг наземь вражеского слона, тремя стрелами отсек обе руки и голову Пандьи и шестью стрелами поразил шестерых его соратников, могучих и отважных воинов. Покатилась на землю голова горного царя с пылающими гневом очами, сверкая, как луна меж двумя яркими созвездиями, меж его руками, украшенными золотыми браслетами. Изрубивший в куски сотни воинов, коней и слонов, обильную трапезу уготовивший ракшасам, усмирился теперь Пандья, укрощенный стрелами сына Дроны; так усмирятся яростное погребальное пламя, залитое водою после того, как испепелило оно тело покойного.

«О Арджуна, я не вижу более царя горцев на поле битвы! — молвил Кришна. — Смотри, наши войска отступили!» И увидел Арджуна, как Карна теснит рати Пандавов и угрожает уже Юдхиштхире. «Гони коней!» — вскричал он Кришне и поспешил на помощь брату.

А шум великой битвы все возрастал. Пели стрелы, звенели тетивы, грохотали колесницы, ревели слоны, кричали воины, стонали раненые — и шум тот веселил сердца героев, сражавшихся друг с другом, героев, жаждущих покончить с давней распрей здесь, на поле брани.

Не устояли и храбрые панчалы перед грозным натиском Карны. Один за другим пали от его руки двадцать сильнейших панчалийских витязей, сражавшихся в первых рядах, и Карна врезался в войска Пандавов, сокрушая направо и налево бессильных против его мощи воинов; так в тихий пруд, где лотосы колышутся на воде и плавают лебеди, ввергается дикий слон, предводитель стада.

Щиты и кольчуги воинов ломались и рассыпались под ударами стрел Карны, и не было среди тех воинов ни одного, кому бы понадобилась вторая его стрела. Как лев оленей, истреблял и сокрушал он панчалов, сринджаев и пандавийцев на своем пути. И, видя это, двинулись к ним на выручку с разных концов бранного поля братья Пандавы.

И все время во всех концах неоглядного океана битвы вздымались боевые топоры и палицы, и воины пронзали друг друга копьями и стрелами, и колесницы сокрушали колесницы, слоны — слонов, пешие — пеших, кони — коней. Знамена, царские зонты, головы и руки падали на землю, отсеченные острыми стрелами. И лица павших в той ужасной

битве подобны были увядшим цветам, подобны были лотосам, сложенным и растоптанным. Прекрасные тела людей, слонов и коней приобрели отвратительный вид, как роскошные платья, замаранные грязью.

Накула и Сахадева, братья-близнецы, подоспели на помощь панчалам, избиваемым Карной и теснимым с другой стороны боевыми слонами млеччхов. Как движущиеся горы, обрушивались эти яростные слоны на врагов. Одних они пронзали клыками, других поднимали в воздух и швыряли о землю, и ужасающее зрелище являли воины, воздетые на бивни тех огромных тварей и сброшенные ими наземь. Отважно устремился Сахадева на царя млеччхов, но Накула опередил его и осыпал предводителя вражеской рати и его слона сотнями смертоносных стрел. И когда тот пал, обезглавленный, со своим слоном, многие витязи млеччхов, искусные в управлении слонами, двинулись грозно против Накулы, и на помощь ему пришли панчалы и сомаки и остальные Пандавы, и завязался жестокий бой. Восемь слонов с седоками и погонщиками были убиты тогда Сахадевой, и многих слонов истребил Накула; и владыка панчалов, и Шикхандин, и сыновья Драупади осыпали тех чудовищных слонов ливнями стрел. И вражеское войско обратилось в бегство. Витязи же Арджуны устремились тогда на Карну.

Духшасана преградил дорогу яростному Сахадеве. При виде этих двоих, сошедшихся в жестокой схватке, воины на колесницах испустили громовые крики и воздели к небу оружие и стяги. Долго один не мог одолеть другого. Меткой стрелой Духшасана разбил лук в руках Сахадевы. Тогда Сахадева извлек свой меч и с силой метнул его во врага. Меч тот рассек и лук и стрелу в руках Духшасаны и глубоко вонзился в землю, как змей, низринувшийся с неба. Сахадева же схватил другой лук и выпустил в Духшасану стрелу, сверкающую, как жезл Смерти, но Духшасана рассек в полете ту смертоносную стрелу своим мечом. Со львиным рыком, раздавшимся по всей земле, сын Дхритараштры метнул свой меч во врага, но Сахадева отбил его своими стрелами, и тот упал, не долетев, на половине пути. А Сахадева положил на тетиву стрелу, ужасающую и смертоносную, как сам Шива, Разрушитель Вселенной, и, подняв лук, выпустил ее прямо в Духшасану; пробив кольчугу, стрела пронзила тело витязя и впилась в землю позади его колесницы. Видя, что Духшасана лишился сознания, его колесничий, сам осыпанный стрелами, поспешно повернул лошадей и помчался прочь от места схватки.

В то же время Накула, разгромив вражеское войско, встретился в сражении с Карной. С усмешкой вскричал он, обращаясь к Карне:

«Наконец-то боги привели тебя ко мне, презренный! Ты — корень всех зол, причина раздора и гибели потомков Куру! Убив тебя сегодня в битве, я исполню свой долг и избавлюсь от муки, сжигающей мое сердце». Сын возничего ответил ему словами, подобающими царю и воину. «Рази же, витязь! — сказал Карна. — Я хочу видеть твою отвагу. Герои сражаются в бою, не тратя времени на хвастливые речи. Бейся же, сколько хватит у тебя силы! Я укрошу твою гордыню».

Тогда Накула стал посылать стрелу за стрелой в Карну и его колесничего, и Карна, отражая удары, отвечал ему тем же. Долго длился их бой. Разбив лук в руках сына возничего, Накула осыпал обезоруженного врага сотнями стрел, и все вокруг дивились его успеху. Но, не дрогнув под ударами, Карна взял новый лук и поразил Накулу пятью златоперыми стрелами, длинными и тяжелыми; и когда они вонзились в плечи витязя, он стал подобен солнцу, простирающему золотые лучи над землею. Но снова Накула разбил своими стрелами оружие врага, и тот взял третий лук, прочный и тугой, и небо над головою сына Панду затмилось от тучи стрел, посланных в него могучим Карной. И Накула, отбивая все удары, посылал в сторону Карны такие же тучи стрел, и казалось, что небеса покрылись роем саранчи; и оба витязя среди этой бури смертоносных снарядов подобны были двум солдцам, взошедшим при кончине вселенной.

Пораженные бесчисленными стрелами Карны, сомаки понесли тогда тяжелые потери, а воины Кауравов рассеялись под ударами стрел Накулы, как облака под порывами ветра. И оба войска отхлынули с обеих сторон от того опасного места, оставив Накулу и Карну биться один на один.

Вскоре стрелы Карны скрыли сына Панду от взоров, заполнив вокруг него все пространство. Выбив стрелою оружие из рук Накулы, Карна свалил с колесницы его возничего, четырьмя стрелами, метко направленными, он убил его четырех коней, а затем раздробил на мелкие куски и колесницу Накулы, сбил его стяг, сломал его меч и палицу, разбил его щит, украшенный сотнею лун. Только один боевой топор оставался у Накулы, когда соскочил он с разрушенной колесницы, но не успел сын Панду поднять его, как стрелы Карны выбили из рук его это последнее оружие. Видя своего противника безоружным, Карна осыпал его множеством стрел, но старался при этом не причинить ему большого вреда.

Так, побежденный в битве могучим героем, Накула в великом смятении обратился в бегство. Со смехом преследовал его на колеснице Карна, с размаху надел он свой лук на шею бегущего Накулы. «Пустыми были твои слова, сын Панду! — восклицал Карна. — Повтори-ка их

снова! О дитя, впредь меряйся силами с равными тебе. Но не стыдись. Возвращайся домой, о сын Мадри, или ступай к Кришне и Арджуне, под их защиту!» Так он отпустил Накулу, уже бывшего в когтях смерти, помня обещание, данное им Кунти. А сын Панду добрался до колесницы Юдхистхиры и, взобравшись на нее, укрылся там, мучимый стыдом, вздыхая тяжело, как змея, посаженная в кувшин.

Карна же обрушился с новой силой на панчалов. На колеснице с пышными стягами, запряженной конями, белыми, как лунное сияние, врезался предводитель Кауравов в самую гущу несметного вражеского войска. Солнце достигло уже зенита, но не знала усталости могучая рука сына возничего, и великое кровопролитие творилось в тот час на поле боя. Многие витязи панчалов были тогда убиты, и многих унесли замертво с поля, меж тем как колесницы их разбились и рассыпались на части, стяги и знамена свалились во прах, пали кони и возничие. И слоны, лишившиеся седоков, метались там под стрелами Карны, словно при лесном пожаре, и всадники, потерявшие коней, и витязи, чьи колесницы были разбиты, бежали, спешенные, спасая свою жизнь. И в смятении отступало войско панчалов, а сын возничего преследовал отступавших и продолжал истреблять и конных, и пеших, и воинов, сражающихся на колесницах и на слонах.

Вслед за Карной и другие воители стана Кауравов ринулись тогда в битву, сокрушая вражеских ратников. Доблестный Улука схватился в бою с грозным Сатьяки; великое искусство проявили оба воина, бросая копья и пуская стрелы один в другого; но, отражая удары противника, убил Улука его возничего и коней, стрелами разнес в куски его колесницу и обратил могучего Сатьяки в бегство. И сринджайи и панчалы бежали тогда от Улуки, чьи стрелы разили неприятельских воинов и валили их толпами.

Шакуни, неукротимый и беспощадный в бою, обрушил ливень стрел на храброго Сутасому. Под стрелами Шакуни рассыпалась на тысячи кусков колесница Сутасомы и сломался лук в его руках. Без колесницы и без лука, под градом вражеских стрел, не дрогнул Сутасома — схватив свой меч, он отражал им смертоносные удары. И только когда вражеская стрела переломила надвое меч Сутасомы, он покинул поле боя, швырнув оставшийся в руке обломок во врага.

Могучий Крипа появился среди сражающихся, вселяя страх в сердца воинов. И когда увидели колесницу его приближающейся к колеснице Дхриштадьюмны, в смятении уверились все в близкой гибели

сына Друпеды. И говорили воины Пандавов, конные, и пешие, и сражающиеся на колесницах: «Нет сомнения, великий витязь исполнен гнева и жаждет отомстить за убитого Дрону. Избежит ли ныне руки его Дхриштадьюмна? Спасемся ли и все мы от истребления? Он подобен Шиве, Разрушителю Вселенной».

Недвижимый, охваченный страхом, стоял Дхриштадьюмна под градом стрел Крипы, не в силах поднять руку для своей защиты. «Беда нависла над тобою, сын Друпеды! — молвил Дхриштадьюмне его возничий. — Не устоять тебе перед этим витязем. Диво, что еще не поранила тебя насмерть одна из его стрел. Я поверну колесницу прочь от этого страшного места». Тихим голосом отвечал Дхриштадьюмна: «Дух мой в смятении, о благородный, и ужас сковал мои члены. Тело мое трепещет, и волосы встали дыбом. О колесничий, увези меня прочь от этого воина, туда, где сражается Арджуна. Только вблизи Арджуны или Бхимасены я могу спастись от смерти». И колесница Дхриштадьюмны помчалась в сторону Бхимасены, преследуемая грозным Крипой.

А Критаварман схватился в бою с Шикхандином, и в жестокой схватке оба витязя омылись кровью бесчисленных ран. Оба имели устрашающий вид, пронзенные многими стрелами, торчавшими из доспехов, но продолжали сражаться с неослабевающей яростью, пока не нанес Критаварман страшный и сокрушительный удар, поразивший сына Друпеды в грудь. Теряя сознание, ухватился славный Шикхандин за древко стяга, чтобы не упасть с колесницы, а возничий его повернул поспешно коней и погнал их прочь из боя, увозя от гибели раненого воина. И после поражения Шикхандина войско Пандавов, истребляемое со всех сторон, в смятении и страхе бежало с поля боя.

В это время Дурьодхана встретился с Юдхиштхирой. Как два разъяренных льва, устремились они друг на друга, непрестанно посылая тучи стрел из тугих луков. Стрелой с широким и острым концом Дурьодхана поразил насмерть возничего Юдхиштхиры, Юдхиштхира же убил одного за другим четырех коней, запряженных в колесницу Дурьодханы. Перейдя на другую колесницу, сын Дхритараштры продолжал сражаться, и стрелы его вонзались в грудь и в плечи Юдхиштхиры, и кровь забулдила из многочисленных ран на теле витязя, как горные водопады. Но не склонился старший из Пандавов под жестокими ударами, стойкий в бою, и, собрав все силы, послал во врага стрелу с острым и твердым как алмаз наконечником. Та стрела тяжело поразила Дурьодхану и, пройдя сквозь его тело, глубоко вонзилась в землю. Тогда Дурьодхана, полный

ярости, поднял свою огромную палицу и хотел метнуть ее в Юдхиштиру, дабы покончить одним ударом с враждой и войной, но, прежде чем он успел это сделать, дротик Юдхиштиры пронзил его грудь. И, потеряв сознание, упал властитель Кауравов на своей колеснице.

В это мгновение Бхимасена, помня о своей клятве, вскричал, обращаясь к Юдхиштире: «Да не будет он убит тобою, о царь!» И Юдхиштира воздержался от последнего удара, а возничий Дурьодханы повернул между тем коней, увозя своего господина туда, куда не достигали вражеские стрелы.

Когда солнце начало клониться к закату, войска Кауравов с Карной во главе ринулись с новой силой на неприятельские рати, тесня их и обращая в бегство. В этой ужасной битве, подобной битве между богами и асурами, отважные воины сокрушали слонов и колесницы, коней и людей, поражая их боевыми топорами и мечами, палицами и копьями. И земля, как драгоценным убором, украсилась сотнями отрубленных голов, блистающих золотыми диадемами и серьгами, и реки крови заструились по ней. Поле, покрытое трупами слонов и коней и телами витязей с застывшими лицами и зияющими ранами, выглядело как владения бога смерти в день кончины вселенной.

Сатьяки, украшение рода Чини, первым противостоял этому яростному натиску Кауравов. Сотнями стрел, сверкающих, как солнечные лучи, осыпал его Карна, и сотни стрел, смертоносных, как ядовитые змеи, выпустил Сатьяки в Карну. И в то же время Дхриштадьумна во главе сильного войска преградил путь наступающим Кауравам, и жестокий бой закипел вокруг его стяга. Когда же появилась на поле колесница Арджуны, сотрясая землю и словно раскатами грома оглашая окрестность, страх объял воинов Карны, и хлынули они прочь, как волны бурного океана, отраженные от берега. Подняв свой грозный лук и словно приплясывая на своей колеснице, затмил Арджуна тучами стрел небо над головами бегущих. Сокрушая вражеские колесницы, слонов с их седоками и пеших воинов, мчался он по полю, подобный Яме, богу смерти.

Дурьодхана, оправившийся от ран, один преградил ему дорогу. Семью стрелами Арджуна сразил возничего Дурьодханы и его коней, сбил его стяг и разорвал тетиву на луке. Затем Арджуна направил на Дурьодхану стрелу, ужасающую своим видом и несущую смерть всем живым существам на своем пути. И не миновал бы в то время гибели старший сын Дхритараштры, если бы не пришел к нему на помощь Ашваттхаман, разбивший ту стрелу в полете своими стрелами на семь частей.

Обрушившись на Ашваттхамана, Арджуна сразил его коней, разорвал стрелой тетиву на его луке и помчался дальше, сметая неприятельских витязей перед собою, туда, где Карна теснил рати Пандавов.

Оставив Сатьяки, Карна устремился навстречу Арджуне и в одно мгновение поразил его и Кришну многими стрелами. Сатьяки между тем, оправившись от нанесенных ранее ударов, напал на Карну сзади, а вслед за тем и другие могучие витязи войска Пандавов пришли на помощь Арджуне. Шикхандин и сыновья Драупади, царь Юдхиштхира и Чеkitана, братья-близнецы и Дхриштадьумна с отрядами матсьев, кайкейев, карушей и чедиев, сопровождаемые бесчисленными колесницами и слонами и конными и пешими воинами, окружили Карну со всех сторон, осыпая его всевозможными стрелами, копьями, дротиками и дисками. Но, отражая эти ливни смертоносных ударов, Карна устремился на врагов, рассеивая их силой своего оружия, как буря, которая гнет и валит деревья на своем пути. Пылая яростью, он истреблял воинов, конных и пеших, на колесницах и слонах, и бежали с его дороги, не в силах противостоять ему, витязи войска Пандавов.

Меж тем как Карна вырвался из кольца окруживших его врагов, Арджуна с удвоенной силой обрушился на Кауравов, поражая их своими стрелами, как ударами молний. Многие воины и многие слоны и кони пали тогда от его руки. В великом смятении отступали рати Кауравов перед победоносным Арджуной, сыном Кунти, когда солнце на закате скрылось за краем земли.

В наступивших сумерках и облаках пыли, поднятой сражающимися, трудно стало отличать своих от неприятелей; покинули поле Кауравы, а затем и Пандавы, радуясь одержанной победе и прославляя могущество Арджуны, вернулись в свой лагерь и расположились в шатрах на ночной отдых. И тогда вышли на залитое кровью поле страшные ракшасы и пишачи и стаи животных, пожирающих трупы.

Покрытые ранами, с разбитыми доспехами и сломанным оружием, лишившиеся многих коней, слонов и колесниц, в глубокой горести возвращались в свой лагерь воины Кауравов. Вздыхая, стиснув руки, устремил Карна печальный взор на повелителя Кауравов и сказал: «Арджуна искусен в бою, всегда осмотрителен и полон самообладания. И Кришна вовремя предупреждает его об опасностях. Сегодня нам не удалось одолеть его. Но завтра, о владыка земли, я разрушу все, что бы он ни задумал». — «Да будет так», — отвечал Дурьодхана и отпустил царей. И все разошлись по своим шатрам.

Когда забрезжил рассвет следующего дня, Карна предстал перед царем Дурьодханой и сказал: «Сегодня, о властитель, я встречу в бою со славным сыном Панду. Доныне судьба препятствовала нашей встрече, но сегодня я не вернусь с поля, не убив его. Так выслушай же, государь, что нужно для нашего блага. Ни в искусстве отражения вражеских ударов, ни в меткости стрел, ни в силе, ни в отваге, ни в ловкости Арджуна не может равняться со мною. Мой лук, называемый Виджая, тот лук, с которым некогда Индра победил демонов, мощнее Гандивы, лука Арджуны. И лишь в одном превосходит меня отважный сын Панду. Золотой колесницей его, его конями, быстрыми как мысль, правит великий Кришна. У меня нет равного ему возничего, и все же я буду сражаться с Арджуной. О царь, только Шалья, украшение царских собраний, равен Кришне мощью рук, знанием коней и искусством управления колесницей. Если он будет моим возничим, ты победишь! Тогда ни боги, ни асуры не смогут противостоять мне в битве, а смертные сыновья Панду бессильны будут передо мной!»

«Да будет исполнено твое желание, о Карна», — отвечал Дурьодхана и тотчас отправился к владыке мадров. Приблизившись к нему, с почтением молвил Дурьодхана: «О Шалья, могучий царь, бесстрашный витязь, не знающий равных в битве! Смирненно склонив голову, молю тебя, властитель земли, исполни мою просьбу ради нашего блага. Только ты можешь быть возничим Карны в бою его с Арджуной. Будь же защитой храброму Карне, как Кришна охраняет в битве грозного сына Кунти. С тобой Карна будет непобедимым».

Выслушав эти слова Дурьодханы, Шалья преисполнился гнева. Нахмутив брови и потрясая руками, он отвечал Дурьодхане: «Ты оскорбляешь меня, о сын Гандхари, и лстишь Карне, ставя его выше всех нас. Но я не считаю сына возничего равным мне в битве: Взгляни на мои руки, могучие, как стрелы грома, на мой лук и стрелы, на мою колесницу, влекомую конями, быстрыми как ветер. Я могу поразить врага одной рукою, в гневе я могу расколоть этой палицей гору! И, зная это, ты предлагаешь мне стать возничим человека низкого рождения и думаешь, что я, кшатрий, буду повиноваться тому, кому приличествует быть моим слугою! Нет, претерпев такое унижение, я отказываюсь сражаться. Разрешите мне, о государь, вернуться в мое царство».

Сказав так, Шалья хотел удалиться, но Дурьодхана удержал его и обратился к нему с великим почтением: «Речи твои справедливы, о Шалья, в том нет сомнения. Ни Карна, ни я не превосходим тебя силой и отвагой. Но я избрал тебя среди всех витязей, ибо как превосходит в искусстве владения оружием Арджуну Карна, так ты превосходишь Кришну могуществом и знанием коней. О владыка мадров, в искусстве обхождения с конями ты знаешь вдвое больше, чем сын Ядавов!» — «Раз ты ставишь меня выше Кришны, о сын Гандхари, — отвечал Шалья, — я удовлетворен. Я буду возничим Карны в бою его с Арджунной, как ты просишь. Но пусть узнает Карна об условии, которое я ставлю: в его присутствии я волен говорить все, что пожелаю». И Дурьодхана и Карна отвечали: «Да будет так».

Наступило утро, и Карна вместе с Шальей взошел на свою боевую колесницу, покрытую тигровой шкурой и запряженную белыми конями. Завидев Карну, блистающего как солнце перед рядами строящихся ратей, громким криком приветствовали его воины Кауравов. Загремели барабаны, зазвучали трубы, раздались боевые клики, и, сотрясая землю тяжелой поступью, с великим шумом двинулись войска на поле битвы.

«Поспешите, о владыка мадров, — молвил Карна, — ведите колесницу скорее на поле боя. Пали лучшие воины нашего стана, и теперь настало время мне сражаться. Кто, кроме меня, поведет войска в бой против могучего Арджуны, против Бхимасены и Сатьяки? Встретившись с ними в сражении, я либо сокрошу их, либо сам последую в царство бога смерти по пути, проложенному Дроной. Сегодня должен я встретиться с Арджунной, и пусть сойдут с небес боги с Ямой во главе на его защиту, я не отступлюсь от боя и сражу его своим оружием!»

«Воздержись от хвастовства, о Карна, — отвечал Шалья. — Не равняться тебе с Арджуной. Вспомни, как победил он тебя, и Бхишму, и Дрону, и всех ваших витязей при набеге нашем на стада Вираты. Почему не сразил ты его тогда? Если не захочешь ты искать спасения в бегстве от Арджуны, знай, о сын возникшего, смерть настигнет тебя, едва ты вступишь с ним в бой». — «Пусть так, — возразил Карна царю мадров, — бой наш близок, и, если одолеет меня Арджуна, слова твои не будут пустыми. Вперед!» И, выехав на поле перед вражескими войсками, Карна вскричал, обращаясь к воинам Пандавов: «Тому, кто укажет мне сегодня колесницу Арджуны, я обещаю щедрую награду! Я дам тому повозку, нагруженную драгоценными камнями, а если ему будет этого мало — еще сто коров и сто деревень в придачу. Тому, кто укажет мне Арджуну в битве, я дарю сто слонов и десять тысяч отборных коней и сто юных рабынь из страны Магадха, искусных в пении и танце. Я дарю ему все богатства Арджуны и Кришны, после того как я убью их в битве!» И, слыша эти слова Карны, воины Кауравов разразились радостными криками, а Шалья злобно рассмеялся и сказал: «Не трать напрасно свое имущество, сын возникшего! Ты увидишь сегодня Арджуну, в том нет сомнения. Лучше бы тебе потратить то, что ты обещаешь в своем безумии, на благочестивые жертвоприношения. Но не надейся на исполнение своих желаний. Ты хочешь вплавь пересечь океан, повесив тяжелый камень себе на шею? Слыхано ли, чтобы двое лучших львов были побеждены шакалом?»

«Надеясь лишь на силу моих рук, я буду искать встречи с Арджуной в битве, — сказал Карна. — О ты, враг в обличье друга, ты думаешь, что можешь запугать меня? Лучше тебя я знаю могущество Арджуны и Кришны. Но сам Индра, явись он сейчас передо мной с громовой стрелой, не поколебал бы моей решимости». — «Сегодня я сокрошу Арджуну, — продолжал Карна, — если только колеса моей колесницы не увязнут в земле. В бою я не уstraшусь самого Ямы. Лишь проклятие старого брахмана гнетет мою душу. Некогда, охотясь в лесу, я нечаянно поразил стрелой тельца, принадлежащего священной обители. Напрасно предлагал я обители за этого тельца тысячу коров и шесть сотен быков. Старый отшельник проклял меня: „За то, что ты убил тельца от священной коровы, колеса твоей колесницы увязнут в земле в час смертельной опасности на поле битвы“. Умолкни же, Шалья, не тебе запугать меня. Карна не знает страха в сражении!»

Презрительно усмехаясь, Шалья продолжал восхвалять мощь Арджуны и предсказал неминуемую гибель предводителю войска Кауравов.

«О жалкий глупец, не сведущий в искусстве боя! — воскликнул Карна. — Страх ли объял тебя или другая неведомая мне причина побуждает тебя славить Арджуну? Проклятый, ты оскорбляешь друзей и ведешь речи ради блага сына Панду. Я мог бы убить сотню таких, как ты, но я не сделаю этого, ибо еще не пришло твое время».

Слыша речи Карны и Шальи, царь Дурьодхана поспешил к ним, дабы прекратить их раздор. Как друг взывал он к сыну возничего и умолял Шалью, сложив смиренно руки. Умиротворенный Дурьодханой, Карна сдержал тогда свой гнев, и Шалья обратился лицом к врагам. И, улыбаясь, вновь молвил Карна своему возничему: «Вперед!»

Снова стали войска Дурьодханы на поле Куру, готовые к новой битве. На правом крыле стояли Крипа и Критаварман, еще правее их — Шакуни и Улука, и с ними бесстрашные гандхарские всадники с копьями, сверкающими на солнце, и бесчисленные, как рой саранчи, отряды горцев, диким и устрашающим видом подобных ночным бесам — пишачам. Левое крыло защищали тридцать четыре тысячи колесниц самшптаков, возглавляемых сыновьями Дхритараштры, еще левее расположились камбоджийцы, скифы и яваны. Посредине, во главе всего войска, стоял Карна на своей колеснице, за ним же следовали с сильными отрядами Духшасана, Дурьодхана и Ашваттхаман.

«Смотри, — сказал Шалья Карне, — вон движется навстречу нашему войску колесница Арджуны, влекомая белыми конями. Вот тот, кого указать просил ты в битве. Видишь тучи пыли, заставшие небо? Слышишь грохот его колесницы, сотрясающей землю? Взгляни, справа от нашего войска, предвещая беду, собрались стаи плотоядных животных, воющих и испускающих пронзительные крики. Ветер задул нам навстречу, и склонились стяги Кауравов. Кони твои спотыкаются. Не доброе сулит тебе судьба». — «Взгляни, о Карна, — продолжал Шалья, — могучий сын Кунти напал на самшптаков, как лев на стадо коров. Уже колесница его скрылась среди рядов их войска, как солнце за тучами. Великое кровопролитие творит сейчас великий воитель, истребляя своих врагов».

В гневе ответил Карна: «Смотри, как волны бурного океана, ринулись самшптаки со всех сторон на Арджуну. Как пловец, тонущий в море, скрылся он из глаз, окруженный врагами. Гибель его близка».

Меж тем как Арджуна сражался с самшптаками, отбивая бесчисленные удары, направленные на него отовсюду, и сокрушая неприятельских всадников и слонов и всех, кто приближался к его колеснице, Карна

бурей налетел на панчалов, возглавляемых Дхриштадьумной. Рев тысяч боевых раковин, пронзающий сердце, и страшный грохот барабанов с обеих сторон смешались с ржанием лошадей, ревом слонов и боевыми криками воинов. Оба войска сошлись в беспощадном смертельном бою.

Сотнями и тысячами истребляя вражеских витязей, усевая путь свой мертвыми телами, Карна пробился сквозь ряды панчалов и чедиев к Юдхиштхире. Тогда пешие отряды дравидов и нишадов, побуждаемые Сатьяки, устремились на Карну, но тщетно пытались они одолеть великого сына Солнца — один за другим полегли они под ударами его оружия, а те, кто уцелел, обратились в бегство. Сокрушив всех нападавших, снова устремился Карна на царя Юдхиштхиру, но стеной стали перед ним витязи войска панчалов и кекаев, полные решимости оградить сына Панду от грозного противника. В гневе сверкая глазами, вскричал Юдхиштхира, обращаясь к Карне: «Слушай меня, сын возничего! Повинуясь воле Дурьодханы, ты всегда встаешь против нас. Яви же всю свою силу и доблесть — ныне я изгоню из тебя страсть к сражениям». И он осыпал Карну ливнем острых стрел из своего золоченого лука.

Натянув тетиву до отказа, Юдхиштхира послал в своего противника стрелу, роковую, как жезл Шивы, Разрушителя Вселенной. Издавая в полете шум, подобный грому, поразила та стрела Карну, войдя ему в левый бок, и склонился витязь долу на своей колеснице, выронив лук из ослабшей руки. И возгласы горести раздалась в рядах войска Кауровов, криками ликования приветствовали Пандавы успех Юдхиштхиры.

Но, быстро придя в себя, Карна обрушился вновь на врага с великой яростью. Потрясая своим божественным луком Виджая, он посылал смертоносные стрелы, сразившие насмерть Чандрадеву и Дандадхару, панчальских царевичей, и еще многих воинов, преградивших ему путь к колеснице Юдхиштхиры. На помощь старшему из Пандавов поспешили тогда многие отважные и могучие воины. Сатьяки, Чекитана, Шикхандин, сыновья Драупади, Накула, Сахадева, Бхимасена, Шишупала и многие другие один за другим напали на Карну, жаждущие его смерти.

Прочтя заклинание, Карна прибег тогда к волшебному своему оружию, и пространство вокруг него во все стороны наполнилось летящими стрелами, истребляющими воинов, как лесной пожар истребляет деревья. Меткими стрелами Карна сорвал доспехи с Юдхиштхиры и разбил лук в его руках. Истекая кровью, сын Панду метнул во врага тяжелое копье, но стрелы Карны разбили его в полете. И колесница Юдхиштхиры распалась под ударами оружия Карны, остались от нее лишь обломки,

и убит был его возничий, и, перейдя на другую колесницу, Юдхиштхира, упавший духом, обратился в поспешное бегство.

Карна же ринулся в погоню за Юдхиштхирой и, настигнув его, протянул руку и коснулся его плеча. «Не касайся его, или мы погибли!» — вскричал тогда Шалья. А Карна, вспомнив обещание, данное Кунти, отпустил Юдхиштхиру и сказал ему, насмехаясь: «Как же ты, рожденный кшатрием, бежишь с поля боя, спасая жизнь? Не приближайся более к храбрым воинам, сын Кунти, и не обращай к ним дерзких слов, или поплатишься за них в бою, как ныне! Возвращайся же в свой лагерь, о царь. Карна не убивает подобных тебе».

Видя царя бегущим с поля битвы, многие воины панчалов, Пандавов и чедиев последовали за ним, и могучий Сатьяки, и сыновья Драупади, и Накула с Сахадевой. Кауравы же во главе с Карной с торжествующими кликами преследовали отступавших и учинили великое побоище среди вражеских войск. И тогда сказал Бхимасена, обращаясь к Сатьяки и Дхриштадьумне: «Вы оба охраняйте царя Юдхиштхиру. Ныне едва избежал он гибели от руки проклятого сына возничего. Но теперь я покончу с этим злом. Воистину говорю вам, либо я убью Карну в битве, либо он меня». И он напал со своими воинами на воинов Карны с великой яростью, и вскоре Кауравы в смятении обратились в бегство, спасаясь от его губительного гнева.

«Отважен и могуч Бхимасена, и никто не может противостоять ему, — молвил Карна, видя поражение своих войск. — Но одно желание я лелею с давних дней — встретиться с Арджуной в смертельном бою. И ради него вступаю я в единоборство с Бхимасеной. Если я поражу его стрелой или сброшу с колесницы, Арджуна не замедлит прийти на помощь брату. Веди же колесницу, о царь мадров!» И Шалья погнал коней, поспешив навстречу Бхимасене, и оба великих воителя сошлись в жестокой схватке среди оглушающего грохота битвы. Многими стрелами поразили они друг друга. Карна сломал пополам лук в руках у Бхимасены и осыпал его десятками жалящих стрел, как охотник дикого слона в лесу. Уязвленный теми стрелами, в ярости схватил Бхимасена другой лук и наложил на тетиву такую стрелу, какой можно было бы пронзить каменный утес. Натянув тетиву до самого уха, он поразил Карну; стрела прошла сквозь тело витязя, как громовой удар сквозь гору. Покачнулся Карна и сел, оглушенный, на край своей колесницы, а Шалья повернул коней и повез его прочь.

Дурьодхана, видя беду, которая постигла Карну, тотчас послал двадцать своих братьев во главе с Шрутаварманом, дабы оградить раненого воина от грозного Бхимасены. Со всех сторон напали сыновья Дхритараштры на Бхимасену, забрасывая его дротиками и стрелами. Но не дрогнул сын Панду и, отразив удары, обрушил на Кауравов свое смертоносное оружие. И прежде чем оправился Карну и снова вступил в сражение, пятеро братьев пали от руки Бхимасены, а остальные искали спасения в бегстве.

Снова устремился Карна на Бхимасену, и бой, еще более жестокий, чем раньше, разгорелся между ними. Оба многократно пронзенные стрелами, сражались они с негаснущей яростью, являя великое искусство и силу. С громовым криком метнул Бхимасена в Карну свою огромную палицу, подобную жезлу бога смерти, но сын Солнца отразил удар. Своими стрелами Карна снес потом стяг Бхимасены, лишил его лука, отправил его возничего в обитель Ямы и разбил колесницу врага. Но, соскочив с колесницы на землю, Бхимасена продолжал сражаться пеший, сокрушая палицей неприятельских воинов.

Победа Карны вдохнула мужество в сердца его воинов, и те, кто бежал, повернули опять на врага. И шум битвы, потрясающий землю, возрос неизмеримо, подобный реву бури на море. В час, когда солнце поднялось над землею, битва достигла невиданного дотоле ожесточения. Казалось, два океана низвергались водопадом один против другого, смешивая свои бурные волны. Полчища колесниц, отряды всадников, несметные толпы пеших воинов и многочисленные слоны сталкивались и смешивались в водовороте битвы, тучи стрел и дротиков затмевали небо, как рои саранчи; потоки крови обильно орошали землю; люди, кони, слоны, поражаемые смертоносным оружием, метались по полю или падали наземь, корчась в предсмертных судорогах. И воины сражались неутомимо, убивая друг друга, громко выкликая свои имена и имена врагов. И, встретившись в бою, они осыпали друг друга бранными словами, неустанно нанося удары.

Тучи пыли поднялись над Курукшетрой, и все смешалось в яростной битве, и витязи сражались, как обезумевшие, не различая уже друг друга. Кровавая река заструилась по полю, среди берегов из трупов слонов, коней и людей; отрубленные головы усеивали ее, как речные камни, и волосы их колыхались по течению, как мох или водоросли в реке. В обитель Ямы текла та река, вселяя ужас в сердца воинов, а вокруг поля сновали звери, питающиеся трупами, и стаи ворон вились в воздухе, высматривая добычу.

И все время, пока длилась битва, в которой полегло столько кшатриев, звон тетивы на луке Арджуны покрывал все другие звуки. Вторгшись в ряды вражеского войска, Арджуна учинил великий разгром среди самшаптаков и кошалов, опрокидывая их колесницы и убивая их витязей. Храбрый Сушарман выступил против Арджуны и, осыпав его стрелами, стрелой с широким, как лезвие топора, концом поразил стяг на его колеснице. И тогда обезьяна, изображенная на стяге Арджуны, испустила ужасающий вопль, который привел к замешательству и смятению воинов Карны. Как Индра на демонов, обрушился Арджуна на оцепеневших от страха врагов, истребляя их во множестве. Узрев избивание своего войска, Сушарман, один из всех не павший духом, противостоял грозному сыну Панду и в поединке тремя острыми стрелами пронзил его груды.

Изнемогая от боли, опустился Арджуна на край своей колесницы. Торжествующий крик: «Арджуна убит!» — пронесся среди Кауравов. Но воспрянул сын Панду и, прочтя заклинание, прибег к волшебному оружию Индры. Тотчас тысячи стрел наполнили пространство, поражая пеших и конных, и слонов, и колесницы. Истребляемые страшным оружием Арджуны, самшаптаки гибли тысячами, но продолжали стойко сражаться, избрав либо смерть, либо победу.

Видя, что самшаптакам грозит гибель, Крипа и Критаварман, а за ними и другие вожди войска Кауравов поспешили к ним на помощь. Шикхандин преградил дорогу Крипе, направив на него удары своего оружия. Искушенный в воинском деле, отразил Крипа его стрелы и, пылая гневом, в мгновение ока пронзил насмерть его возничего и коней, разбил колесницу Шикхандина. Соскочив с колесницы, смелый сын Друпеды с мечом и щитом устремился тогда на Крипу, но остановился на половине пути, встреченный яростным потоком стрел. Дхриштадьумна, охваченный тревогой за жизнь брата, ринулся на Крипу с другой стороны, но Критаварман задержал его, принудив к единоборству. Ашваттхаман же преградил путь доблестному Юдхиштхире, также спешившему напасть на Крипу, Дурьодхана остановил Накулу и Сахадеву, а могучий Карна — славного Бхимасену, наступавшего во главе ратей сринджаев, карушей и кекаев.

Крипа между тем разбил стрелами щит Шикхандина, украшенный сотнями лун. Лишенный щита, бросился Шикхандин с одним мечом на Крипу, как безумный бросается в пасть смерти. Но прежде чем Крипа успел нанести ему удар, Сукету, сын Читракету, поспешно пришел на

помощь Шикхандину, низвергнутому в пучину несчастья. Тогда могучий наставник Кауравов оставил сына Друпადы, торопливо покинувшего поле битвы, и обратился лицом к новому врагу. В жестоком поединке он поразил царевича Сукету тридцатью острыми стрелами. Израненный теми стрелами, поник царевич на своей колеснице, трепеща, как могучее дерево при землетрясении; тогда стрелою с концом, подобным лезвию ножа, Крипа снес голову Сукету, и упала она на землю, сверкая драгоценным шлемом, а туловище свалилось вслед за ней на дно колесницы. И, охваченные ужасом, бежали тогда от Крипы воины Сукету.

Сын Дроны, непревзойденный в искусстве стрельбы из лука, обрушил меж тем ливень стрел на Юдхиштхиру. Сатьяки и пятеро сыновей Драупады пришли на помощь старшему из Пандавов, и все они направили удары своего оружия на Ашваттхамана, но никто из них не мог поколебать и сломить силу отважного воина. Непроглядной тучей застлали небо сверкающие стрелы Ашваттхамана, бросив густую тень на землю. За тучею этой стал невидим для врагов сам Ашваттхаман, и тщетно пытались поразить его Сатьяки, Юдхиштхира, Сутасома и другие воины Пандавов. Выпал лук, разбитый надвое стрелою, из рук Сутасомы, пал мертвым возничий Сатьяки, и кони, не чуя правящей руки, помчали его колесницу по полю. Как лесной пожар пожирает кучи сухой травы и соломы, так истребляли стрелы Ашваттхамана вражеских воинов. В ярости вскричал тогда Юдхиштхира, обращаясь к сыну Дроны: «О тигр среди витязей, неведома тебе приязнь, неведома тебе благодарность, если ты хочешь умертвить меня сегодня. Покаяние и чтение священного писания — таковы обязанности брахмана. Только кшатрию приличествует сгибать лук в битве. Ты — брахман только по названию. О недостойнейший из брахманов, ты увидишь, как я сломаю твою мощь и нанесу поражение Кауравам!»

Усмехнулся сын Дроны и ничего не ответил Юдхиштхире. Молча окутал он царя новой тучей стрел, и, не выдержав жестокого боя, повернул Юдхиштхира коней и помчался прочь. И, снова вступив в битву на другом конце поля, он избегал уже встречи с могучим Ашваттхаманом.

Карна же, отразив натиск Бхимасены, устремился опять на войско панчалов. Пробиваясь сквозь их ряды, он разил конных и пеших, сбрасывал неприятельских воинов со слонов и колесниц и убивал их тысячами. Тщетно отважнейшие из панчальских витязей, окружив его на своих колесницах, пытались одолеть его. Джишну, и Джишнукарман, и Девапи, и Читраюдха, и Рочамана, и многие другие пали от руки непобедимого

Карны. Бесчисленные тела воинов, лошадей и слонов и разбитые колесницы отмечали путь его по земле. Как лев среди оленьих стад, свирепствовал Карна среди ратей панчалов, сринджаев и чедиев. И как неминуемо гибнет олень, приблизившийся к львиной пасти, так погибал от его руки каждый из витязей, осмелившихся преградить ему дорогу. И казалось уже, что ни один панчал не уйдет от смерти в этом беспощадном бою.

«Сила самшаптаков сломлена мною, о сын Васудевы! — молвил тогда Арджуна, обращаясь к Кришне. — Враги бегут от нас, как робкие лани от тигра. Но и рати панчалов истреблены в этой великой битве. Я вижу среди рядов войска Юдхиштхиры стяг Карны с изображением боевого слона. Никто из наших воинов не может одолеть врага. О Кришна, веди колесницу туда, где Карна избивает наши рати. Не вступая в бой ни с кем из других витязей врага, я хочу сразиться сейчас с одним Карной!»

И Арджуна устремился в сторону Карны на своей блистающей колеснице, рассеивая и истребляя на пути вражеские войска. Тогда Дурьодхана призвал уцелевших в бою самшаптаков еще раз напасть на Арджуну. И вот вожди самшаптаков и камбоджей с тысячько колесниц, тремя сотнями слонов, четырнадцатью тысячами всадников и двумястами тысяч пеших окружили колесницу сына Кунти. В великом гневе, воочию подобный Шиве, Разрушителю Вселенной, обрушил Арджуна на самшаптаков смертоносный ливень стрел. Под стрелами его валились на землю воины, пронзенные, обезглавленные, с отсеченными руками, и огромные слоны и кони гибли десятками и сотнями под ударами его оружия. Десять тысяч самшаптаков и тысячи камбоджийских воинов пали от его руки, и сам царь камбоджей Судакшин нашел тогда смерть на поле битвы, сраженный Арджуной.

И в то время, когда Арджуна избивал самшаптаков на одном конце Курукшетры, в другом месте Карна истреблял панчалов, а в третьем — Бхимасена теснил и сокращал войско Кауравов.

В сопровождении многочисленного отряда отборных воинов ринулся тогда на Карну Дхриштадьумна, желая спасти от полной гибели войско панчалов. Как утес волну, не дрогнув, встретил Карна в одиночку натиск вражеской рати. Бой разгорелся между ними столь жестокий и свирепый, что волосы вставали дыбом у того, кто видеть мог тот бой со стороны. И, сражаясь с воинами Пандавов, намного увеличил тогда Карна число обитателей царства Ямы, осыпая врагов своими стрелами, смерто-

носными, как ядовитые змеи. Сатьяки пришел на помощь Дхриштадьюмне, истекающему кровью, и стрелами своими отразил смертельный удар, направленный Карной на сына Друпеды. А в то время, когда Карна обратил свое оружие против Сатьяки, Ашваттхаман напал на Дхриштадьюмну, жаждущий исполнить клятву мести, данную в день гибели отца.

«Стой, стой, убийца брахмана, сегодня не уйдешь ты от меня живым!» — вскричал Ашваттхаман; и ужас объял Дхриштадьюмну, но, надеясь на свою неуязвимость в битве, он стойко встретил нападение сына Дроны. В мгновение ока стрелы Ашваттхамана поразили насмерть возничего Дхриштадьюмны и его коней, сломали его лук и стяг и разбили на мелкие куски колесницу. С мечом и щитом властитель панчалов продолжал сражаться пеший, но и это оружие разбил в его руках Ашваттхаман своими стрелами и устремился на него на своей колеснице, как птица Гаруда, устремляющаяся с небес на землю.

«Смотри, сын Панду, Ашваттхаман мчится на Дхриштадьюмну с быстротой ветра! Он убьет его! — молвил Кришна Арджуне. — Спаси же сына Друпеды из когтей смерти, о Арджуна!» И колесница Арджуны полетела как по воздуху, пожирая пространство, и тотчас золотоперые стрелы сына Кунти впились глубоко в тело Ашваттхамана, как змеи в муравьиный холм. Не достигнув Дхриштадьюмны, Ашваттхаман принужден был обратиться против Арджуны; храбрый Сахадева между тем поднял царевича панчалов на свою колесницу и умчал его в безопасное место. Арджуна же, не дрогнув под стрелами Ашваттхамана, вонзившись ему в грудь и плечи, поразил сына Дроны сокрушительным ударом чудовищной стрелы, от коего тот упал на край своей колесницы и лишился сознания. Возничий его повернул тогда коней и быстро увез его с поля сражения.

Войско Кауравов начало отступать, теснимое в одном месте Арджуной, в другом — отважным Бхимасеной. Карна бросился тогда в бой против Пандавов, ободряя своих воинов громкими кликами, а вслед за ним и другие могучие витязи, его соратники. Тогда сошлись в бою храбрейшие воины того и другого стана. Шикхандин выступил против Карны, Дхриштадьюмна против Духшасаны, Юдхиштхира сражался с Читрасеной, Сахадева — с Улукой, Сатьяки — с Шакуни. Арджуна и Бхимасена обратились против сыновей Дхритараштры, возглавляемых Дурьодханой.

Уязвленный крылатыми стрелами победителя Бхишмы, могучий Карна в ярости сокрушил своим оружием коней и возничего врага и сбил стяг

с его колесницы. Сойдя с колесницы, Шикхандин метнул дротик, отраженный Карной в полете, а затем обратился в поспешное бегство, увертываясь от смертоносных стрел сына Солнца. Духшасана, сражаясь искусно и отважно, нанес многочисленные раны предводителю панчалов и вынудил его отступить; так свирепый лев стремительным нападением вынуждает слона уступить ему дорогу. Тогда панчалы на слонах и колесницах поспешили на выручку своему вождю и оградили его от ударов Духшасаны.

Сахадева между тем нанес поражение Улукеи и заставил его отступить под защиту войска тригартвов; Сатьяки в то же самое время убил возничего и коней Шакуни и разбил стрелами его колесницу. Раненый Шакуни поднялся тогда на колесницу Улуки, и тот поспешно увез отца, спасая от вражеских стрел.

Тщетно пытался Дурьодхана остановить натиск неистового Бхимасены. Трижды лишал его Бхимасена коней и колесницы, трижды повелитель Кауравов всходил на новую колесницу и продолжал сражаться. Большое войско слонов, предводимое Духшасаной, устремилось ему на помощь, но Бхимасена обрушился на тех слонов с великой яростью, как Индра на асуров, и рассеял их полчища, как ветер рассеивает тучи. В смятении и беспорядке разбегались под стрелами Бхимасены огромные слоны, как движущиеся горы, извергая потоками кровь из зияющих ран, и сотнями замертво валились на землю вместе со своими погонщиками.

Карна же, победив Шикхандина, вновь обратился против Юдхиштхиры. Под ливнем стрел могучего сына Солнца войска Юдхиштхиры обратились в бегство. Непрерывным потоком обрушивались стрелы Карны на вражеские рати, так что острия одних касались оперения спущенных раньше с тетивы его лука; и тот сверкающий непрерывный поток подобен был пожару, истребляющему вселенную при конце света. Громкие крики ужаса и горя поднялись среди войска Пандавов, а Кауравы, ободренные мужеством Карны, устремились на отступающего врага.

Тогда Юдхиштхира поднял оружие против Карны и Кауравов, огораждая своих воинов от истребления. Немалый урон нанесли его стрелы наступающим врагам, но яростный Карна, приблизившись к колеснице Юдхиштхиры, сломал лук в его руках и тремя острыми стрелами поразил его в грудь. Опустившись на край своей колесницы, повелитель Пандавов, тяжело раненный Карной, приказал возничему отступать. Прочь помчалась колесница Юдхиштхиры; с криками: «Хватай, хватай!» — устремились вслед за нею Кауравы; тогда две тысячи отборных бойцов из войска кекаев преградили им путь, обезопасив отступление царя.

Но сокрушительный поток стрел направил Карна на витязей кекаев, и в одно мгновение пять сотен из них отправились в обитель Ямы. Накула и Сахадева, стремясь спасти жизнь старшего брата, стали на пути Карны. Осыпав их стрелами, сын Солнца продолжал преследовать Юдхиштхиру; он сбил драгоценный убор с головы повелителя Пандавов, четырьмя стрелами свалил его коней и тем принудил его остановиться; затем четырьмя стрелами Карна поразил коней, запряженных в колесницу Накулы.

Видя обоих братьев, отданных во власть врага, дядя их Шалья, движимый тайным состраданием, обратился к Карне: «Ты забыл о своем желании сразиться с Арджуной, о витязь! Коня твою устали, и стрелы иссякли. Обессилев в боях с другими врагами, ты не выступишь против Арджуны!» Усмехнулся Карна и, не внимая словам Шальи, продолжал осыпать Юдхиштхиру стрелами. «О сын возничего! — вскричал тогда царь мадров. — Смотри, могучий Бхимасена рассеял наши войска и угрожает Дурьодхане! Великая угроза нависла над царственным сыном Дхритараштры. Если не хочешь ты его гибели, не медли, приди ему на помощь!» Услышав эти слова и видя, что Бхимасена одолевает Дурьодхану в этом ужасном бою, Карна оставил близнецов и Юдхиштхиру и устремился на помощь сыну Дхритараштры. Накула же и Юдхиштхира взошли на колесницу Сахадевы, и вдвоем они отправились в лагерь Пандавов. Там Юдхиштхира, страшно израненный и истекающий кровью, опустился на ложе в своем шатре и, когда стрелы были извлечены из его тела, сказал Накуле и Сахадеве: «Ступайте скорее обратно на поле битвы, вы должны помочь Бхимасене!» И братья повиновались его велению.

Войско Кауравов бежало с поля битвы, избиваемое Бхимасеной и Арджуной, могучими истребителями врагов. Напрасно кричал Карна своим воинам: «Стойте, стойте!» — повсюду бежали его рати, преследуемые победоносными Пандавами. «Смотри, о Карна, — сказал тогда Дурьодхана, — как отступает наше войско, невзирая на то что ты здесь. Истребляемые Пандавами, только к тебе вызывают наши воины, о каратель врагов! На тебя одного наша надежда».

И Карна повелел царю мадров вести колесницу в бой. Закляв свое волшебное оружие, он обрушил на врагов смертоносный ливень бесчисленных стрел, тысячами истребляя конных и пеших, слонов и колесницы. Земля содрогалась под тяжестью сраженных стрелами Карны, и все огромное войско Пандавов, от одного края до другого, пришло в смятение.

Всеобщий вопль ужаса прозвучал над полем, как крик всего живого в час гибели вселенной. Обезумевшие от страха воины обратились в бегство, призывая Арджуну и моля его об избавлении.

Слыша эти крики и видя, какой трепет вселяет в сердца воинов оружие Карны, Арджуна сказал Кришне: «Видишь ли ты, о Кришна, небывалые подвиги этого витязя? Подобный Разрушителю Вселенной, мчится он по полю на своей сверкающей колеснице, обращая на меня яростный взор. Нет, я не отступлю перед ним в бою, что бы ни суждено мне было — смерть или победа». — «Прежде чем сразиться с Карной, — отвечал Кришна, — ты должен увидиться с Юдхиштхирой. Жестоко изранил и изувечил его в бою сын возничего. Ты утетишь брата, а потом выступишь против Карны и убьешь его». И Арджуна оглянулся вокруг, желая увидеть Юдхиштхиру, но, куда бы ни обращал он взор, нигде на поле битвы не было видно повелителя Пандавов.

Тогда Арджуна приблизился к Бхимасене и спросил его: «Где царь?» — «Царь Юдхиштхира покинул поле боя, — отвечал Бхимасена. — Тело его пронзено и иссечено стрелами Карны, и я не знаю, жив ли он еще». — «Ступай же в лагерь и принеси мне вести о брате!» — воскликнул Арджуна, но Бхимасена отказался: «Да не скажут витязи, что я покинул поле из страха перед битвой. Ступай сам, о Арджуна, а я буду сражаться с твоими врагами до твоего возвращения».

Когда Юдхиштхира увидел колесницу Арджуны, приближающуюся к лагерю, он уверился, что Карна уже убит, и, поднявшись на своем ложе, радостно приветствовал брата и Кришну. «Оба вы целы и невредимы, — сказал он, — после победы над Карной. Я не мог избавиться от тоски, вспоминая о своем поражении и позоре в битве. Он подобен был самому богу смерти. Расскажи, о Арджуна, как удалось тебе убить его?» — «Я сражался с сыном Дроны и победил его, — отвечал Арджуна. — Прежде чем встретиться с Карной, истребляющим наши рати, я хотел увидеть тебя. Благослови меня и пожелай мне победы».

Услышав, что Карна еще жив, повелитель Пандавов молвил, разгневанный: «Войско мое обратилось в позорное бегство, а ты, покинув Бхимасену в беде, явился сюда, чтобы избежать встречи с могучим сыном возничего. Сколько раз ты обещал мне, что убьешь Карну в единоборстве, и мы благословляли тебя, возлагая на тебя все наши надежды! Никогда не думал я, что ты сбежишь с поля боя из страха перед Карной, никогда не верил я, что Дурьодхана может одержать победу над нами!

Что ж, если ты боишься, отдай свой лук — Гандиву — Кришне и будь его возничим или отдай свое оружие кому-нибудь другому, кто не дрогнет перед грозным Карной!»

Задыхаясь от гнева, как разъяренная змея, Арджуна вытащил свой меч и занес его над головой Юдхиштхиры со словами: «Я поклялся снести голову тому, кто осмелится сказать мне: „Отдай свой лук другому“!» С трудом удалось Кришне умирить его гнев увещаниями и удерживать его руку от удара. «Не тебе, царь, упрекать меня и обвинять в трусости! — сказал тогда Арджуна Юдхиштхире. — Бхимасена, сокрушающий вражеские войска, мог бы порицать меня, но не ты, что проводишь время в двух йоджанах от поля битвы. Ты, смелый в речах, но не в деяниях! И ты счел меня подобным тебе самому. И я не знаю, благо ли будет отдать великое царство человеку, столь преданному порокам игрока. Ты, о царь, — причина всех наших несчастий, ты, проигравший в кости то, что мы, твои братья, завоевали своими руками. Из-за тебя разгорелась эта истребительная война, и мы должны добывать для тебя победу. Так не оскорбляй же нас жестокими словами, не вызывая нашего гнева!»

Сказав так, Арджуна опечалился, вложил меч в ножны и бросил свой лук на землю. Гнев его утих, и, раскаиваясь в совершенном грехе, он со стыдом опустил голову. Приблизившись затем к Юдхиштхире со сложенными руками, Арджуна сказал: «Прости меня, о царь, и утешься. Я возвращаюсь на поле брани, чтобы поддержать Бхимасену в бою и убить сына возничего. Воистину говорю тебе, лишь твоему благу отдаю жизнь моя!» Юдхиштхира же, поднявшись со своего ложа, молвил: «О Арджуна, я поступал недостойно, и из-за этого обрушились на нас ужасные беды! Руби же мою голову! Я — худший из людей, истребитель собственного рода, ленивец и трус! Сегодня же удалюсь я в леса до конца своих дней. Живите счастливо без меня. Пусть Бхимасена будет царем. На что мне жизнь после такого унижения!» И Юдхиштхира хотел немедленно удалиться из лагеря, но Кришна удержал его и умолял простить Арджуну. «Будь милостив к нам обоим! — сказал Кришна. — Я обещаю тебе, сегодня погибнет тот, чьей смерти ты желаешь. Сегодня земля напьется крови проклятого сына возничего!» И увещаниями Кришны восстановлен был мир между братьями. Склонившись перед Юдхиштхирой, Арджуна обнял руками ноги старшего брата и еще раз просил о прощении. Подняв его, Юдхиштхира сказал: «О Арджуна, я высоко почтен тобой. Ступай же, и да будет твоею победа!»

Между тем Бхимасена, окруженный бесчисленными врагами, сражался не щадя жизни, отражая наступающих со всех сторон Кауравов. Как птицы устремляются к одинокому дереву, чтобы отдохнуть на его ветвях, так воины Дурьодханы устремились отовсюду на Бхимасену, осыпая его стрелами и дротиками. «О Вишока! — сказал Бхимасена, обращаясь к своему возничему. — Я уже не вижу наших воинов вблизи моей колесницы. Одни враги вокруг меня, а Арджуна не идет мне на помощь. Я не знаю, жив или мертв благородный Юдхиштхира, и великая печаль гнетет мое сердце!» — «Смотри! — отвечал ему возничий. — Разве ты не видишь, как заколебались стяги на вражеских колесницах! Разве ты не видишь, как устремились прочь в беспорядочном бегстве их колесницы, слоны, всадники и пешие воины! Стяг с изображением обезьяны появился на поле, вселяя ужас в сердца!»

Затмевая небо тучами стрел, устремился Арджуна на помощь Бхимасене. Тщетно пытались могучие витязи стана Кауравов — Крипа, Критаварман, Ашваттхаман и другие — остановить его. Один за другим отступали они с его пути, пораженные его оружием, лишившиеся своих возничих, коней и колесниц. Как стаи смертоносных птиц, летели по небу стрелы Арджуны, и тень от них закрыла землю, уподобляя Курукшетру владениям бога смерти. И великое кровопролитие, невиданное доселе, творил Арджуна, истребляя вражеское войско.

«Еще не рождала земля такого воина! — молвил Карна, взирая на подвиги Арджуны. — Рука его бестрепетна и не знает промаха. Довольно медлить. Хотя страх проникает в мое сердце при виде его неземных деяний, я буду биться с ним, и один из нас сегодня же войдет в царство Ямы. Веди же к нему мою колесницу, о царь мадров!»

Рассеяв врагов, одолевших Бхимасену, Арджуна приблизился к нему, с трудом пробираясь среди гор трупов и обломков разбитых колесниц. Поведав ему о том, что Юдхиштхира жив и стрелы извлечены из его тела, Арджуна снова устремился в битву, отыскивая Карну среди сражающихся, а Бхимасена последовал за ним на своей колеснице, прикрывая его в бою с тыла. Десятеро отважных сыновей Дхритараштры в золотых доспехах преградили ему дорогу, но всех их отправил Арджуна в обитель Ямы, пронзив своими стрелами. Слева девяносто могучих витязей самшптаков на колесницах напали тогда на Арджуну, но все они погибли со своими возничими и конями, иссеченные оружием сына Кунти, между тем как Кришна вел его колесницу, почти не останавливаясь, по полю битвы. Тысяча триста млеччхов на слонах, предводимые Духша-

саной, обрушились тогда на Арджуну справа, осыпая его стрелами и копьями. Повернув против них, Арджуна направил на них смертоносные удары своего оружия и отразил их натиск, в то время как Бхимасена, придя на помощь брату, учинил великое избиение среди того войска млечххов.

Карна в то же время продвигался навстречу Арджуне, как буря сокрушая на своем пути рати панчалов. Разбив колесницы Дхриштадьумны и Сатьяки, пытавшихся стать на его пути, он убил затем Вишоку, царевича кекаев, тремя стрелами отсек голову и руки предводителю кекаев Угракарману, нанес тяжкие раны Шикхандину и Сутасоме. Многие витязи войска панчалов и кекаев погибли тогда от руки Карны, и многих убили Дурьодхана, Крипа и Критаварман, следовавшие за ним на своих колесницах. И Кришна тогда вновь обратился к Арджуне, призывая его немедленно встретиться и сразиться с Карной.

Между тем как Арджуна устремился навстречу Карне, Бхимасена продолжал истреблять млечххов и их слонов, преграждавших дорогу Пандавам. Тогда Духшасана бесстрашно ринулся на него, посылая тучи стрел из своего лука. Как лев на оленя, бросился и Бхимасена на сына Дхритараштры. Свирепой и ужасающей была битва, разгоревшаяся между ними. Сбив стяг с колесницы Духшасаны, Бхимасена пронзил стрелой его возничего и страшным ударом поразил его самого в голову. Схватив одной рукой поводья, Духшасана метнул другой рукою тяжелое копье, неотразимое, как перун Индры. Пронзив тело Бхимасены, копье глубоко вошло в землю, а сын Панду свалился без сознания на дно своей колесницы. Но, придя в себя, пылая яростью, вскричал Бхимасена: «Ты поразил меня, витязь, но теперь пришел мой черед. Сегодня исполню я свою клятву, и ничто не спасет тебя!» И единоборство их возобновилось. Когда Духшасана отразил все удары стрел и копий Бхимасены, разгневанный сын Панду поднял над головой свою чудовищную палицу и, напрягая все силы, метнул ее во врага. Пораженный той огромной палицей в голову, Духшасана был сброшен с колесницы и упал далеко от нее на землю, извиваясь в судорогах. И, глядя на Духшасану, распростертого на земле, Бхимасена вспомнил все обиды и оскорбления, нанесенные ему и его братьям, вспомнил позор Драупади и, преисполненный гнева, бросился на поверженного врага. Приблизившись к Духшасане, Бхимасена соскочил с колесницы и обнажил свой меч. Наступив ногою Духшасане на горло, он вонзил меч в его грудь и затем, исполняя обет, припал к телу врага и напился крови, струящейся из смертельной раны.

«Ни материнское молоко, ни мед, ни вино не были мне столь сладки, как кровь моего врага!» — вскричал Бхимасена. И, глядя на мертвое тело, он засмеялся и сказал: «Что еще сделать мне с тобой? Смерть вырвала тебя из моих рук».

И многие воины, видевшие тогда Бхимасену, покрытого кровью врага, в ужасе выронили оружие из ослабевших рук, а другие потеряли сознание. И с криками ужаса и отвращения воины бежали прочь от того места, где стоял Бхимасена, говоря друг другу: «Он не может быть человеком, — он ракшас, в том нет сомнения!»

Десятеро сыновей Дхритараштры во главе с Нишангином устремились тогда на Бхимасену, исполненные желания отомстить за гибель брата. Но Арджуна поспешил Бхимасене на помощь, и его золотоперые стрелы послали всех десятерых в обитель Ямы, а войска Кауравов после гибели отважных царевичей бежали с поля, уstraшенные могуществом сынов Панду. Дурьодхана опустил обессиленные руки, горюя о смерти храброго Духшасаны, и Крипа и другие цари оставили тогда поле боя; горе пересилило их гнев.

Один Карна остался на поле брани и устремился навстречу Арджуне для боя не на жизнь, а на смерть. «Вот приближается к нам великий витязь на колеснице, ведомой царем мадров, — сказал тогда Арджуне Кришна. — Воины панчалов разбегаются при виде его, как стадо оленей в лесу при виде разъяренного льва. Призови все свое мужество, о сын Панду; нет сейчас никого, кроме тебя, кто способен противостоять сыну возничего. Убей его, как Индра убил демона Намучи, но действуй с великой осмотрительностью». И Арджуна отвечал: «Я убью его. Гони коней, о Кришна, ибо время пришло». И вскоре колесницы обоих витязей сблизились.

Когда оба великих воителя сошлись посреди равнины, как два сияющих солнца на небосводе, сердца царей, видевших эту битву, преисполнились восхищения. Громкие крики, рев труб и грохот барабанов поднялись с обеих сторон: каждое войско желало ободрить своего героя. И сомнение в исходе боя охватило всех, ибо и тот и другой равны были друг другу могуществом и отвагой.

Люди, боги, демоны и все существа на земле и на небе пришли в волнение. Вселенная разделилась на два лагеря; одни желали победы Арджуне, другие — Карне. Звезды на небе желали победы Карне. Земля, реки, озера и горы, леса и поля приняли сторону Арджуны. Асуры и другие демоны, обитающие в вышине над землею, держали сторону

Карны, исполинские же змеи подземного царства — Такшака и прочие — были на стороне сына Панду. Сторону Карны держали ракшасы и морские чудовища. На стороне Арджуны были волки, дикие олени и другие лесные животные. На его стороне были боги во главе с Индрой, и только солнечные божества держали сторону Карны. Вайшьи и шудры и низшие, смешанные касты желали победы Карне, брахманы и кшатрии — Арджуне.

И вся вселенная — боги, демоны, сиддхи, гандхарвы, апсары и ракшасы, люди, звери и птицы, земля и небо были свидетелями битвы Арджуны с Карной. Воины Кауравов и Пандавов толпились тысячами по обе стороны поля, покрытого безжизненными телами и орошенного кровью, наблюдая невиданный поединок. Тучи стрел взвились в небо с той и другой стороны. От этих туч померк дневной свет, и оба войска отступили от того места, где сражались герои, спасаясь от смертоносных стрел. Как западный ветер с восточным, столкнулось оружие Арджуны с оружием Карны в полете. Тщетно пытались Дурьодхана, Критаварман и Крипа прийти на помощь Карне; стрелы Арджуны, обрушиваясь непрерывным потоком, заставили их отступить; и все витязи Пандавов, кроме Арджуны, отступили перед стрелами Карны.

В это время с небес упал на голову Арджуны дождь из цветов, являя благоволение к нему богов. Громкие клики испустили оба войска; рев труб и грохот барабанов заполнили все пространство, сотрясая землю. Колесницы Арджуны и Карны сближались, и непрерывный поток стрел становился все гуще с обеих сторон.

Отражая все удары Арджуны, Карна продолжал направлять свои стрелы, несущие смерть, на рати Пандавов, нанося им тяжелый урон. В гневе ломая руки, вскричал тогда Бхимасена, обращаясь к Арджуне: «Как может проклятый сын возничего, покинувший стезю добродетели, погубить стольких славных витязей у тебя на глазах! Он отражает все твои удары. Как можешь ты, о сын Панду, щадить его в этой битве! Пришло время для тебя употребить всю мощь твою и отвагу, или враг одержит победу над тобою!» И Кришна сказал Арджуне: «Или ты потерял силу и разум? Уже торжествуют победу Кауравы, укрывшиеся за спиной Карны. Пришло время, призови все мужество свое и убей сына возничего!»

И, заклиная свое волшебное оружие, Арджуна обрушил на колесницу Карны поток стрел, дротиков и копий, подобный огненной лаве, истребляющей вселенную в ее последний день.

Не поколебавшись под тем ужасным ливнем стрел, Карна с громовым кличем, подобным рычанию льва, пронзил Арджуну и Кришну тремя копьями каждого и поразил еще многих вражеских витязей, державшихся поодаль от его колесницы. И Арджуна и Карна беспрестанно осыпали стрелами друг друга и войска своих противников, препятствуя другим витязям обеих сторон приблизиться к месту поединка.

Сам царь Юдхиштхира, одетый в золотые доспехи, вновь появился на поле битвы, желая видеть единоборство Арджуны и Карны.

В это время Арджуна, напрягая все свои силы, пытался одолеть могучего своего недруга, и вот от великого напряжения со страшным громом порвалась тетива его лука — Гандивы. Иссаек поток стрел, струившийся с лука Арджуны, а Карна в это время поразил его и Кришну многими острыми копьями и учинил великий разгром и истребление среди вражеского войска. Тримя заклатыми стрелами он поразил сына Панду и еще пятью такими же — его возничего. Пройдя сквозь тела Арджуны и Кришны, те восемь стрел, подобные восьми летучим змеям, вернулись в колчан Карны.

Но Арджуна успел натянуть тетиву на свой лук. Видя Кришну, тяжело пораженного страшными стрелами Карны, Арджуна в ярости направил на врага новый ливень смертоносных стрел. Пронзенный оружием сына Панду, истекая кровью, дрогнул Карна и лишь с трудом призвал все свое мужество и удержался на колеснице. Арджуна между тем истребил великое множество витязей вражеского войска, и Кауравы обратились в бегство, вновь оставив Карну одного на поле боя.

Казалось, все пространство вокруг наполнилось стрелами Арджуны и Карны и не осталось малого просвета, свободного от них. И уже ничего, кроме стрел, не видели воины, наблюдавшие битву издали. И сами боги, взирая с небес, преисполнились удивления, видя необычайную отвагу и воинское искусство Арджуны и Карны.

«Да победит сын мой Арджуна!» — сказал Индра, повелитель небесного царства. «Да победит сын мой Карна!» — сказал Сурья, бог солнца. Боги желали победы Арджуне, асуры — Карне. Тогда воззвал Индра к высочайшему Брахме: «Реши, о владыка! Молю тебя, отдай победу Пандаву». И Брахма ответил: «Да будет так! Пусть одержит верх Арджуна — тот, кто никогда не уклонялся от стези справедливости и чью сторону держат боги, и да погибнет Карна, любимец демонов!»

Видя, что Арджуна стойко отражает все его удары, Карна вынул тогда из колчана стрелу ужасающего вида, которую берег он для последнего

смертельного боя. Натянув тетиву до уха, он наложил на нее ту страшную стрелу, подобную жалящей змее, подобную посланцу Ямы. Встретивший Шалья вскричал ему поспешно: «Возьми другую стрелу, этой не убьешь ты Арджуну!» Но в гневе возразил Карна: «Стрела, направленная мною в цель, мне не понадобится дважды!» — и спустил тетиву, послав ту неотразимую стрелу в голову Арджуны. «Ты погиб, сын Кунти!» — вскричал Карна; Кришна в то же мгновение, увидев стрелу, рассекающую воздух со страшным шумом, подобным раскатам грома, ударом ноги вдавил колесницу в землю на локоть. И грозное оружие пронеслось над головой доблестного Арджуны, сбив с нее драгоценный убор, но не причинив вреда отважному воину.

Многими стрелами поразил тогда Арджуна Карну и нанес ему глубокие мучительные раны; и Карна в ответ пронзил врага неоднократно своим неотразимым оружием.

Но наступил час гибели Карны, и вот, исполняя проклятие брахмана, земля стала поглощать левое колесо его колесницы. Под градом вражеских стрел он остался недвижим, лишенный способности уклоняться от ударов. Глубокая печаль охватила тогда Карну. «Всю жизнь я стремился поступать справедливо, — молвил он. — Где же теперь справедливость? За что постигла меня беда?» И, не обращая внимания на стрелы Арджуны, вонзавшиеся в его тело, Карна горько порицал судьбу за несправедливость к нему, пока тяжкие удары вражеского оружия не принудили его к защите. Заклав свое оружие, Карна искусно отражал тысячи стрел, посылаемых Арджуной, и своими стрелами он одиннадцать раз подряд разрывал тетиву на луке сына Панду. А земля между тем продолжала поглощать колесо его колесницы.

Сойдя с колесницы, Карна обхватил колесо обеими руками и пытался силой извлечь его из земли. Но когда он вытаскивал его, земля поднималась вслед за колесом и цепко держала его, не выпуская. Со слезами ярости на глазах молвил тогда Карна, обращаясь к Арджуне: «О сын Кунти, подожди мгновение, пока я не вытащу колесо из земли. Не посылай стрелы в беззащитного; только трусы так поступают. Ты же, храбрейший из витязей, знаешь правила честного боя». Но Кришна сказал Арджуне: «Не щади его! Не теряй времени, пока он вновь не обрел силы и не напал на тебя. Вспомни несправедливость и преступление его и его друзей!»

И, вспомнив все, о чем говорил Кришна, Арджуна, исполненный ярости, продолжал наносить удары Карне. Бросив колесо, сын Солнца обернулся

тогда лицом к врагу и наложил на тетиву своего лука страшную стрелу, сверкающую как огонь. Крики ужаса раздались среди самих богов, когда слетела та стрела с тетивы лука Карны, и земля содрогнулась от страха. Глубоко вонзилась эта стрела в грудь Арджуны, и, выронив оружие из ослабевших рук, могучий сын Панду лишился чувств.

Затем Карна снова склонился над роковым колесом и, напрягая силы, пытался вытащить его своими мощными руками, но судьба была против него. Тем временем Арджуна пришел в себя и схватился за оружие. «Отсеки ему голову, прежде чем он вытащит колесницу», — воскликнул Кришна. Стрелою с широким, как лезвие ножа, острием Арджуна сбил с колесницы отважного Карны стяг с изображением боевого слона, стяг, вселяющий ужас в сердца врагов и вдохновляющий надеждой и отвагой войска Кауравов. Приблизившись затем на своей колеснице, Арджуна губительной, как жезл Ямы, стрелою, невиданной доселе, способной поражать богов и демонов, в этот вечерний час отсек голову Карне, склонившемуся над своей погрузившейся в землю колесницей.

Тело Карны упало на землю, извергая кровь из ран, как гора красного камня, расколовшаяся от удара перуна Индры во время грозы и струящая по склонам алые дождевые потоки. И голова его против желания рассталась с могучим телом, как покидает с неохотой владелец свой великолепный дворец, блистающий богатством. И чудное зрелище предстало тогда пред взором всех, видевших гибель Карны: ослепительное сияние возникло из тела павшего витязя и, поднявшись к небу, слилось с сиянием солнца.

Громкие крики радости, рев боевых раковин и грохот барабанов раздались в войске Пандавов! Ужас и отчаяние охватили Кауравов. Шалья повернул коней и помчался прочь на колеснице, отпущенной землей после гибели Карны. Яростно устремились Пандавы на врагов, обратившихся в неудержимое бегство.

Дурьодхана с глазами, полными слез, являя живое воплощение горя, не мог остановить своих бегущих воинов. Как стадо, потерявшее вожака, рассеялось войско Кауравов. На колесницах и слонах, верхом и пешие, бежали витязи Кауравов, потеряв надежду и не пытаясь противостоять преследователям. Великое побоище учинили тогда среди вражеского войска Арджуна и Бхимасена, Дхриштадьумна и Сатьяки и другие воители стана Пандавов.

Тогда Дурьодхана устремился в битву, громко вызывая на бой всех Пандавов. Бесстрашно преградив дорогу наступающим врагам, он обру-

шил на них град убийственных ударов. Сражаясь в одиночку против всего неприятельского войска, Дурьодхана, пылая гневом, сокрушал врагов сотнями и тысячами, громко взывая к своим воинам. «Что пользы в бегстве! — вскричал Дурьодхана. — Нет места ни на равнине, ни на горах, где не настигли бы вас беспощадные враги! Невелика уж рать Пандавов, витязи их изранены и устали. Мы еще одержим победу! Вспомните о долге кшатриев! Великий и тяжелый грех — бегство из боя, высшее блаженство на небесах — смерть в бою!»

Но, не слушая эти речи, бежали храбрые воины Кауравов, пронзаемые смертоносными вражескими стрелами, и только с наступлением темноты прекратилось это избиение бегущих. Шалья и Ашваттхаман, собрав уцелевших, повели их в лагерь на ночной отдых. Дурьодхана последовал за ними, теряя сознание от горя, непрерывно повторяя со слезами: «О Карна! О Карна!»

И когда наступила ночь, тело Карны, оставшееся на поле битвы, продолжало излучать чудесное сияние. Страшные крики раздались из глубины земли, поднялся яростный и бурный ветер, запыльхали ярким пламенем страны света, с грозным ревом взволновались океаны, задрожали горы, и пылающие метеоры дождем упали на землю. Потом все стихло, и непроницаемый мрак окутал вселенную.

Эту ночь Кауравы провели в двух йоджанах от Курукшетры, на плоскогорье у подножия Гималаев, где не могли настигнуть их победоносные Пандавы. Когда войска их собрались в лагере и расположились на отдых, Крипа, старый и искушенный в битвах воин, окинув взглядом уцелевших после поражения ратников, израненных, утомленных и павших духом, обратился к Дурьодхане с такими словами: «О царь, нет для кшатриев пути лучшего, чем стезя сражений. Но скажи мне, о благородный витязь, что делать нам теперь, когда пали Бхишма и Дрона, и могучий Карна, и твои отважные братья? Войска твои разбиты и рассеяны Арджуной, как осенние тучи бурным ветром; как утлая ладья во власти морской бури, трепещет рать твоя перед непобедимым сыном Панду. Кто в нашем войске может теперь противостоять Арджуне? Смертельная опасность нависла над твоими воинами и над тобой. Подумай же о спасении своей жизни. Для того, чьи силы иссякли, спасение — в мире. И я думаю, о государь, что мир с Пандавами сейчас будет единственным благом для нас. Юдхиштира справедлив и склонен к милосердию. Если ты отдашься под его покровительство, он позволит тебе остаться царем. Не ради себя говорю я тебе это, но потому, что вижу в примирении благо для всех». — «О Крипа, — молвил в ответ Дурьодхана, — в бою ты не щадил своей жизни и сделал ради нас все, что было в твоих силах. И я знаю, что слова твои — разумные слова друга. Но я не могу последовать твоему совету, о лучший из брахманов. Никогда не простят мне Пандавы и Кришна зла, которое я причинил им. И даже если они пощадят меня, как смогу

я, властвующий над обширными странами, принять царство как милость из рук врагов? Как смогу я, стоявший превыше всех царей и блиставший, подобно солнцу, следовать за победоносным Юдхиштхирой в оковах рабства, влечить презренную жизнь, полную унижения? Нет, о витязь, не время сейчас для мира. Только битва будет для меня избавлением. Оставив на земле богатства, я войду в царство Индры, уготованное воинам, честно отдавшим жизнь в бою. Если я, причина гибели моих родных и друзей, подумаю о собственном спасении, всякий вправе будет порицать меня. Мне предстоит еще уплатить долг храбрецам, павшим за меня в битве».

И все кшатрии, слышавшие слова Дурьодханы, громкими криками выразили одобрение. Воспрянуло духом войско Кауравов, и витязи воззвали к Дурьодхане: «Завтра мы будем биться с врагом, о царь! Повели же, кому вести нас в бой на победу или на смерть!»

И по совету Ашваттхамана Дурьодхана объявил предводителем войска царя мадров. «Я согласен, о государь! — молвил Шалья. — Все, что я имею, — мою жизнь, мое царство, мое богатство — я отдаю тебе». И когда Дурьодхана, согласно обычаю, окропил голову Шальи освященной водою, воины окружили его с криками: «Победа тебе, о царь! Долгая жизнь, о царь! Да сокрушишь ты всех врагов!»

Когда ночь прошла, войско Кауравов поднялось для последнего боя. Вооружившись и построившись в отряды под предводительством храбрейших витязей, воины двинулись к Курукшетре. Крипа и Критаварман, Ашваттхаман и Шалья и другие цари, оставшиеся в живых, окружили Дурьодхану и поклялись дружно сражаться с врагом: «И да падет грех на голову того, кто станет сражаться в одиночку или покинет друга перед лицом смерти!»

И снова стали оба войска лицом к лицу на поле битвы. Во главе рати Кауравов стал Шалья со своими мадрами, левое крыло занял Критаварман с тригартами, справа стал Крипа со скифами и яванами. Дурьодхана следовал за Шальей в самой середине войска, охраняемый лучшими воинами Кауравов, а с тыла его прикрывал Ашваттхаман.

Пандавы обрушились на вражеское войско, разделившись на три отряда. Дхриштадьумна и Шикхандин наступали на мадров, а Юдхиштхира со своими воинами устремился на одного Шалью, дабы сразить его без промедления. Арджуна выступил против Критавармана, Бхимасена — против Крипы. И тысячи воинов с обеих сторон сошлись на Курукшетре для последней битвы в утро восемнадцатого дня.

Полчища воинов, пеших и на колесницах, слонах и конях, с великим шумом столкнулись в битве. Одни воины падали с колесниц, сокрушенных слонами, другие бежали по полю, спасаясь от этих разъяренных животных. Витязи на колесницах, искусные во владении оружием, истребляли отряды всадников и пеших воинов, наступавших под защитой слонов. Всадники, окружая колесницы, находящиеся на поле, разили витязей на них копьями и мечами. Многие лучники, посылая стрелы в воинов на колесницах, отправляли их в другой мир; многие сражались один на один, другие толпами окружали неприятельские колесницы. Слоны устремлялись на слонов, колесницы — на колесницы, и воины на них поражали друг друга копьями, дротиками и стрелами.

От поступи героев, грохота колесниц, клика воинов, рева слонов, от звука труб и грохота барабанов дрожала земля и откликалась эхом, как от раскатов грома.

Шалья стал на пути наступающих Пандавов, как скала, преграждающая путь бурным волнам. Как волны от утеса, отхлынули от него воины Пандавов, и Кауравы сплотились вокруг повелителя мадров, полные решимости сражаться не на жизнь, а на смерть. И страшная битва между отважными воинами, умножающая население царства Ямы, подобна была битве богов с асурами.

С боевым кличем, потрясая оружием, ринулись на вражеское войско воины Кауравов во главе с Дурьодханой. Как лебеди устремляются в воды озера, так ратники Дурьодханы врезались в ряды войска Пандавов. И начался жестокий бой между отважными витязями, с великой радостью наносящими и принимающими удары. «Бей, рази, хватай, руби, убивай!» — слышалось со всех сторон, и ни один из воинов в этой ужасающей битве не обращал спины к врагу.

Избрав среди наступающих на него врагов Чекитану, Дурьодхана поразил его копьем в грудь. Пронзенный тем оружием, упал Чекитана на своей колеснице, истекая кровью, и умер. Видя его гибель, Пандавы с яростью устремились на Кауравов.

Юдхиштхира тучею стрел осыпал Шалью. Сотнею стрел, украшенных павлиньими перьями, он поразил Чандрасену и Друмасену, храбрых витязей, охранявших колесницу Шальи с боков. Оба они пали мертвыми на глазах у царя мадров, и, разъяренный их гибелью, Шалья нанес сокрушительные удары Юдхиштхире и его воинам. Тогда пораженный стрелами Шальи повелитель Пандавов, теряя силы, повелел своему возничему вывести колесницу из боя.

Арджуна в это время вновь обрушился на Кауравов всей мощью своего неземного оружия. Но, пронзаемые тысячами острых стрел, воины Дурьодханы не обратились в бегство. Предводимые Ашваттхаманом, они окружили колесницу Арджуны со всех сторон, поражая его и Кришну дротиками и стрелами. И ливни стрел с обеих сторон стали густыми, как дожди, извергаемые грозными облаками в конце лета. Арджуна и Ашваттхаман схватились в яростном единоборстве, как два могучих быка, пронзающих друг друга острыми рогами, и долго ни один из них не мог одержать верх над другим. Арджуна, с силой напрягая тетиву на луке, сразил возничего и коней сына Дроны. Но, стоя на недвижимой колеснице, тот продолжал сражаться, и, схватив громадную палицу, утыканную острыми шипами, он метнул ее в Арджуну. Отраженная стрелами Арджуны, палица та упала на землю, сокрушая насмерть воинов, оказавшихся на ее пути.

В это время Суратха, могучий витязь войска панчалов, напал на Ашваттхамана с другой стороны. Нахмутив брови, обрушил гневный Ашваттхаман на Суратху копье, подобное роковому жезлу смерти. Пронзив сердце панчала, копье глубоко вошло в землю, как перун Индры, низринутый с небес. Ашваттхаман же поспешно вскочил на колесницу Суратхи и продолжал бой с Арджуной.

Юдхиштхира между тем, оправившись от ран, вернулся на поле боя и вновь устремился на Шалью, и с ним Бхимасена и Сахадева и другие витязи Пандавов. Как охотник в лесу втыкает зажженные дротики в диких слонов, так царь мадров уязвлял наступающих врагов своими стрелами; как жрец устилает жертвенный алтарь пучками священной травы куша, так усевал землю мертвыми телами могучий Шалья. Он разбил золоченые доспехи Юдхиштхиры и Бхимасены и ранил обоих витязей в грудь и плечи. Крипа пришел на помощь Шалье, и вдвоем они осыпали стрелами Юдхиштхиру, умертвив его возничего и коней. Но Бхимасена с Сахадевой в то же время поразили возничего и коней Шальи и сильно ранили его самого. Соскочив с колесницы, Шалья ринулся тогда на Юдхиштхиру, потрясая мечом и щитом. Сотнями стрел осыпали его Бхимасена и Сахадева, Сатьяки и другие витязи Пандавов, но, словно не замечая их, стремился Шалья к Юдхиштхире, как лев, стремящийся схватить оленя. Стрела Бхимасены разбила вдребезги щит царя мадров, украшенный тысячью звезд, а сам Юдхиштхира схватил копье, украшенное золотом и драгоценными камнями, и, прочтя заклинание, метнул изо всех сил в Шалью с возгласом: «Ты погиб, презренный!»

Поразив властителя мадров в грудь, копье прошло сквозь его тело с такой легкостью, как будто это было не тело, а вода, и глубоко вонзилось в землю. Кровь хлынула изо рта, ушей, носа и глаз Шальи, и упал он на землю, раскинув руки и обратившись лицом к врагу. И, распростертый на земле, он, казалось, обнимал ее с любовью, как жену свою, уснув непробудным сном на ее груди.

Когда пал Шалья, войска Кауравов, лишившиеся вождя, дрогнули и обратились в бегство, как стадо оленей, лишившееся вожака, от свирепого льва. Дурьодхана, однако, взывая к своим воинам, собрал вокруг себя немногочисленную рать и продолжал стойко сражаться, отбиваясь от торжествующих победу врагов. Арджуна, Юдхиштхира, Сатьяки и другие витязи Пандавов всей мощью обрушились тогда на обороняющихся Кауравов. Но бежавшие войска Дурьодханы, видя доблесть своего царя, ободренные, повернули обратно с великим шумом, подобным реву океана во время прилива.

В этой битве отважный Шакуни, напав на Юдхиштхиру с кличем, заставившим трепетать сердца, убил его четырех лошадей; взяв Юдхиштхиру на свою колесницу, Сахадева увез его за пределы яростного боя. Улука отражал в это время натиск Накулы, Критаварман бился с Сатьяки, Дурьодхана — с Дхриштадьумной, Крипа — с пятью сыновьями Драупади. Густое облако поднялось над сражающимися, окутывая их непроницаемой для взора завесой. Пыль поднималась от копыт коней, от колес колесниц, от мчащихся по полю слонов и от ног пеших воинов и, разносимая ветром, покрывала пеленой все поле. И солнце померкло для бойцов. Но когда земля обильно оросилась кровью, осела пыль. И тогда снова стали видны сражающиеся воины, конные и пешие, и слоны, и колесницы.

Арджуна на колеснице, управляемой Кришной, ворвался в ряды врагов, как в густой лес; в том лесу бойцы на колесницах были деревьями, конные и пешие воины — лианами, луки и мечи — ветвями, копья — терновником. Как осенний дождь, обрушились стрелы Арджуны на Кауравов; как лесной пожар, истребляющий деревья и кусты, пробивался победоносный сын Панду сквозь вражеские рати, сея смерть на своем пути.

Дхриштадьумна, израненный стрелами Дурьодханы, стойко сражался, посылая во врага тучи своих стрел. Он убил четырех коней Дурьодханы и обезглавил его возничего. Одолеваемый Дхриштадьумной, сын Дхритараштры покинул свою колесницу и, оседлав коня, лишившегося всадника, умчался прочь от вражеских стрел и дротиков.

Тогда, не видя своего вождя на поле боя, пришли в смятение и стали отступать войска Кауравов. «Где Дурьодхана? Неужели он убит?» — вопрошал Ашваттхаман, но никто из воинов не мог дать ему ответа. «Сражайтесь, что вам до Дурьодханы! — раздавались крики. — Враги одолевают нас!» Меж тем полчища панчалов надвинулись со всех сторон, уже торжествуя победу. Доблестный Ашваттхаман и следом за ним Крипа и Критаварман проложили тогда неотразимыми ударами стрел дорогу своим колесницам сквозь ряды врагов и в поисках Дурьодханы тоже покинули гущу боя.

Одиннадцать оставшихся в живых сыновей Дхритараштры, последние из ста — Дурьодхана был двенадцатым, — устремились тогда на Бхимасену, как охотники в лесу на дикого слона. Пылая гневом, обратился против них могучий сын Панду и первого пронзил смертоносной стрелой Шрутанту. Другой стрелой он поразил Джаятсену. Джайтра, Рави и Бхуривала, тщетно стремившиеся сразить Бхимасену, пали под ударами его стрел, как цветущие деревья киншука под топором дровосека. И один за другим полегли от руки Бхимасены все одиннадцать храбрых царевичей, а войска их обратились в бегство.

Дрогнули и бежали войска Дурьодханы, сокрушаемые Арджунной, Бхимасеной и Сахадевой. Напрасно пытался доблестный Сушарман остановить натиск Арджуны. Сотнею стрел разбил сын Панду его колесницу и последней стрелой, подобной роковому жезлу смерти, пронзил его сердце. После гибели Сушармана ужасающим стало избиение войска Кауравов, в смятении бегущего с поля битвы.

Шакуни ринулся на Сахадеву, а сын его, Улука, преградил дорогу Бхимасене. Тучи стрел с той и другой стороны затмили дневной свет, сталкиваясь в полете с устрашающим шумом. Сахадева разбил лук в руках Шакуни; тогда могучий царь Гандхары, приблизившись на своей колеснице, поразил длинным копьем сына Панду в голову. Оглушенный Сахадева опустился на дно колесницы, но тотчас на помощь ему пришел Бхимасена и, обрушившись всей силой своего оружия на Шакуни и его воинов, заставил их отступить.

Меж тем старший сын Дхритараштры, так и не повстречав Ашваттхамана, разыскивавшего его, вернулся на поле боя, чтобы узреть окончательное истребление своего войска. Верхом на коне он преградил дорогу воинам Шакуни, отступавшим в страхе перед неистовым Бхимасеной. «Стойте, трусы! — вскричал, обращаясь к ним, Дурьодхана. — Сражайтесь! Что пользы в бегстве? Витязь, не повернувший спины

к врагу, обретает славу на земле и блаженство на небесах!» И он заставил остановиться пристыженных воинов и снова послал их в битву.

Шакуни между тем приходилось тяжело в единоборстве с Бхимасеной, чьи удары он едва успевал отбивать. Его воины, посланные в бой Дурьодханой, не могли прийти к нему на выручку — они не могли даже приблизиться к нему, поражаемые насмерть стрелами могучего Пандавы. Но тут Улука бросился на помощь своему отцу, и они вдвоем отразили натиск Бхимасены.

Бхимасена обратился против других противников, но тогда пришел в себя Сахадева и снова вступил в бой с воинами Гандхары. Он нанес им тяжелый урон: стрелою с широким, как лезвие ножа, концом он снес наконец голову Улуке, а Шакуни поразил острыми дротиками. Лишившись лука, Шакуни, потрясенный гибелью сына, метнул в Сахадеву свою тяжелую палицу, но тот отразил ее своими стрелами. Видя своего царя безоружным и побежденным, гандхарцы обратились в бегство, и Шакуни последовал за ними. Сахадева же бросился за ним в погоню на своей украшенной золотом колеснице и, поражая его многими стрелами, кричал: «Остановись и сражайся, презренный! Вспомни игру в кости, вспомни, как ты смеялся над нами! Теперь я убью тебя!» Уязвляемый стрелами Сахадевы, Шакуни повернул обратно и в ярости бросился на врага с копьем в руке, но тотчас Сахадева спустил с тетивы золоченую стрелу с широким и острым концом и той стрелою снес голову царю Гандхары. Упал на землю, обливаясь кровью, обезглавленный Шакуни, и воины его бежали в ужасе и смятении, преследуемые победоносным врагом.

Задрожала земля, ее горы и леса, и из недр ее слышались глухие раскаты. Камни упали с неба по обе стороны солнца, и сильный ветер задул со всех сторон, и из глаз слонов, содрогающихся словно в лихорадке, полились обильно слезы.

Собрав вокруг себя немногочисленных воинов, уцелевших еще от истребления, бился Дурьодхана из последних сил, окруженный врагами. Со всех сторон устремились Пандавы на маленький отряд, оставшийся от войска Кауравов. Осыпаемые стрелами отовсюду, гибли один за другим воины Кауравов, редели ряды сплотившихся вокруг Дурьодханы; и наконец, израненный и изнуренный страшным боем, кинул взгляд вокруг себя сын Дхритараштры и увидел кругом одних врагов, торжествующих победу. Одиннадцать акшаухини привел Дурьодхана на Курукшетру, а теперь стоял он один на поле битвы, лишенный сил и истекающий кровью. И Дурьодхана обратился в бегство.

От войска Пандавов осталось тогда две тысячи колесниц, семьсот слонов, пять тысяч всадников и десять тысяч пеших. Войско же Кауравов все полегло на поле битвы, и немногих еще сопротивлявшихся здесь и там воинов добивали Дхриштадьумна, Арджуна и другие витязи победившего стана. Дурьодхана же бежал в наступающих сумерках, потеряв коня, без спутников, с одной палицей в руках. Он укрылся от врагов в камышах на берегу озера Двайпаяна, в двух йоджанах к востоку от Курукшетры.

Когда солнце село, трое витязей на колесницах, иссеченных в бою, влекомых усталыми конями, достигли лагеря Кауравов, неся весть о поражении. То были Ашваттхаман, Крипа и Критаварман, последние уцелевшие из войска Дурьодханы. Громкие стенания огласили лагерь; жены погибших царевичей рыдали и рвали на себе волосы; удрученные горем, проливали слезы воины, остававшиеся в лагере для его охраны. Пospешно собравшись, отбыли в Хастинапур овдовевшие царевны со своими слугами и охраной, и трое витязей остались в опустевшем лагере одни.

Пандавы же, ликуя, вернулись в свой стан, после того как долго и тщетно разыскивали Дурьодхану по всему полю битвы, и разослали повсюду гонцов с вестью о своей победе.

Некие охотники видели, как прокрался измученный и истекающий кровью Дурьодхана в камыши у озера, и, отправившись в лагерь победителей, поведали о том Пандавам. Щедро наградив охотников, Пандавы в сопровождении многих воинов отправились к озеру Двайпаяна.

Придя туда, они увидели повелителя Кауравов, забравшегося в воду, чтобы спастись от врагов. «Зачем скрываешься ты в этом озере, спасая свою жизнь, — вскричал с усмешкой Юдхиштхира, — ты, причина гибели стольких отважных воинов, губитель своего рода! Где твоя гордость, о Дурьодхана? Напрасно, видно, прославляли люди твою доблесть, напрасно хвастал ты своей силой и отвагой. Выходи и сражайся с нами!» — «Не из страха за свою жизнь бежал я с поля битвы, — отвечал Дурьодхана. — Колесница моя была разбита, пали мои кони, и один я остался, потеряв в бою всех своих воинов. Не для спасения жизни, не из страха, но лишь для недолгого отдыха укрылся я здесь. Дайте мне отдохнуть и отдохните сами, а затем я выйду и сражусь с вами». — «Все мы отдохнули достаточно, — сказал Юдхиштхира. — Выходи сейчас на бой, и царство будет твоим, если тебе удастся одолеть нас». Дурьодхана сказал: «Братья мои, ради которых я боролся за власть, погибли в битве. Не нужно мне без них царства, хотя я и мог бы победить тебя, Юдхиштхира! Царствуй же ты над опустошенной страной, лишившейся храбрейших своих витязей, а я удалюсь в леса отшельником, одетым в оленьи шкуры, и окончу там свою жизнь». — «Ты бредишь там в воде, лишившись разума от горя! — отвечал, насмехаясь, Юдхиштхира. — Не надейся на мою жалость. Я не желаю принимать царство от

тебя в дар теперь, когда ты не владеешь им больше. Я буду царствовать, только сразив тебя в бою. Жизнь твоя в моих руках. Выходи и сражайся, о Дурьодхана!»

Тяжело вздыхая, отвечал Дурьодхана: «Один, израненный, усталый и безоружный, я не могу сражаться со всеми вами сразу. В битве я противостоял вам без страха. Но теперь будьте справедливы и великодушны. Я буду биться с вами, но с каждым один на один! И я заплачу вам за своих павших братьев и друзей». — «Хвала тебе, о Дурьодхана, — отвечал ему Юдхиштхира, — теперь ты говоришь как кшатрий. Выбирай оружие, сразись один на один с любым из нас, и я обещаю тебе; если ты одержишь победу, ты снова будешь царем!» — «Если ты даруешь мне эту милость, храбрый Юдхиштхира, — сказал Дурьодхана, — я выбираю палицу. И пусть тот из вас, кто считает себя достойным противником мне, выступит против меня пеший с одной палицей, и мы сразимся равным оружием». И, с шумом рассекая волны, Дурьодхана вышел на берег озера, размахивая над головой своей тяжелой железной палицей, и стал там, покрытый кровью и водой, подобный Шиве, Разрушителю Вселенной.

«Во владении палицей Дурьодхана не знает себе равных, — тихо молвил Юдхиштхире Кришна. — Поспешным, о царь, было твое согласие. Только Бхимасена, пожалуй, может с ним сейчас сразиться. Уступая Дурьодхане в искусстве владения оружием, он превосходит его силой. Но преимущество на стороне сына Дхритараштры. Как мог ты дать ему такое обещание? Неуместно твое сострадание к врагу!» — «Не тревожься, о Кришна, — возразил Бхимасена. — Как ни трудно мне будет, я наверняка убью Дурьодхану, и вы будете свидетелями моей победы».

И, выступив вперед, Бхимасена громко вскричал, обращаясь к Юдхиштхире: «Ныне я вырву шип, терзающий твое сердце! Ныне лишится Дурьодхана и царства и жизни. Пали Бхишма, Дрона, Карна и сотни могучих и отважных витязей, а он еще жив! Когда я уложу его своей палицей, ты вздохнешь спокойно, и счастливым будет твое царствование, о Юдхиштхира!» — «Не трать слов, сын Панду, — сказал в ответ Дурьодхана. — Не мечи бесполезные громы, как осенняя туча, не отягощенная дождем. Сражайся и покажи теперь свою силу в этом бою».

И когда он промолвил эти слова, Пандавы и все воины, собравшиеся там и обступившие со всех сторон место, где предстояло биться Бхимасене и Дурьодхане, рукоплесканиями воздали хвалу отважному сыну Дхритараштры. Бхимасена, взяв свою палицу, выступил против него. Но прежде

чем начался бой, раздались ряды жадных до зрелища воинов и вышел вперед великан в синем одеянии, светловолосый, увенчанный полевыми цветами; тяжелый плуг был в одной его руке, в другой он держал знамя с изображением пальмы. Узнав Баладеву, могучего брата Кришны, Пандавы почтительно приветствовали его. И Бхимасена и Дурьодхана — оба склонились перед ним в поклоне.

«Сорок два дня провел я в скитаниях, — молвил Баладева. — Ныне я вернулся с берегов священной Сарасвати и узрел поле, покрытое мертвыми телами. Я хочу видеть этот последний бой между славными потомками Бхараты». Юдхиштхира обнял его и сказал: «Смотри же на этот ужасный бой, о Плугоносец!» И Баладева сел между зрителями, блистающий, как месяц среди звезд.

Встали друг против друга с поднятыми палицами Бхимасена, сверкающий золотыми доспехами, и Дурьодхана, мечущий яростные взгляды на врага, оба подобные гордым лесным слонам, готовым драться из-за слонихи. Ободряемые криками и рукоплесканиями обступивших место схватки воинов, оба витязя стали сходитьсь, как два свирепых тигра, готовые броситься друг на друга. С криком устремился Бхимасена на Дурьодхану, палицы их сшиблись в воздухе со стуком, подобным громовому удару, и начался ужасный бой, от коего дыбом вставали волосы, бой, напоминающий единоборство Индры с демоном Прахладой в былые времена. Оба покрытые кровью, они подобны были двум деревьям киншука, расцветшим красными цветами; искры летели от их палиц, сталкивающихся с громовым стуком и похожих на перун Индры и жезл Ямы.

Бхимасена, вращая над головой палицей, с шумом рассекающей воздух, кружил вокруг своего противника, то приближаясь, то отступая. С небывалым проворством он наносил и отражал удары, бросался на врага, отскакивал то вправо, то влево, останавливался недвижно или, срываясь с места в тот же миг, когда враг бросался на него, уклонялся от ударов, отступал, пригибаясь к земле или высоко подпрыгивая ввысь. То же делал и Дурьодхана, и, казалось, оба они затеяли игру друг с другом. Дурьодхана описывал круги, обращая лицо вправо, Бхимасена — влево. В то время как они кружили один против другого, Дурьодхана внезапно нанес сыну Панду сокрушительный удар в голову. Но не дрогнул Бхимасена под тем страшным ударом, к великому удивлению всех, видевших поединок, и сам обрушил на врага свою тяжелую палицу, украшенную золотом. Дурьодхана, однако, отразил этот удар. И вторично поразил сын Дхритараштры Бхимасену, ударив его со всей силой в грудь. На этот

раз покачнулся витязь, оглушенный на время, но, тотчас придя в себя, ринулся яростно на противника, как лев на лесного слона. Вращая палицей, он нанес Дурьодхане сильнейший удар в бок, и тот упал на колени, но тут же вскочил, исполненный гнева, устремив на противника испепеляющий взор. И он нанес удар приблизившемуся Бхимасене, удар, раздробивший доспехи героя и сбивший его с ног. И, видя Бхимасену, распростертого на земле, Дурьодхана испустил торжествующий крик, а среди Пандавов послышались возгласы ужаса и горя. С трудом, напрягая все силы, поднялся Бхимасена на ноги, утирая кровь, струящуюся у него по лицу.

«Если оба они будут сражаться честно, Бхимасене никогда не одолеть сына Дхритараштры, — сказал тогда Кришна Арджуне. — Только обманом может он победить. Но ведь и боги обманом победили асуров. Великой опасности подверг нас царь Юдхиштхира своим великодушием! Напомни Бхимасене о его обете, Арджуна! Пусть обманом он победит Дурьодхану». И Арджуна подал Бхимасене знак, ударив себя рукой по бедру. Понял тот знак могучий сын Панду: вспомнил он о своем обете — сокрушить бедра Дурьодханы, — данном в день игры в кости. И когда после краткого отдыха оба витязя снова сошлись для боя, Бхимасена, кружа возле врага, сделал вид, что подставляет голову под удар. Когда же Дурьодхана приблизился, Бхимасена, опередив его, внезапно нанес удар первым. Но мгновенно отразил его Дурьодхана и поразил Бхимасену палицей в голову. Оглушенный страшным ударом, истекающий кровью, Бхимасена застыл на месте, с трудом удержавшись на ногах. Но Дурьодхана промедлил с последним ударом, опасаясь хитрости, и, придя в себя, Бхимасена ринулся на него, размахивая палицей. Дурьодхана хотел уклониться от удара, но не ожидал он, что враг нанесет ему удар ниже пояса, запрещенный правилами честного боя. И палица Бхимасены сокрушила оба бедра Дурьодханы. И упал на землю сын Дхритараштры.

Гром загремел в вышине, и земля содрогнулась. Страшный вопль, выпускаемый неведомыми существами, прозвучал по всей земле, подняли крик тысячи птиц и зверей в лесах, заревели слоны в войске Пандавов, и громко заржали кони. Страшные призраки, безголовые и окровавленные, появились над землей. И трепет охватил воинов Юдхиштхиры.

Бхимасена же, приблизившись к поверженному врагу, сказал: «О презренный, ты издевался над нами и над Драупади в царском соборании. Вкушай же теперь плод своих деяний!» И, смеясь, он ударил

ногою голову Дурьодханы. Многие воины, видя Бхимасену, поставившего ногу на голову побежденного, мысленно порицали его. Юдхиштхира сказал: «Честным или нечестным путем, но ты исполнил свой обет. Не попирай же его голову ногою. Вспомни, что Дурьодхана — царь. Он — твой родич. Он пал в бою, все потеряв — братьев, друзей и царство. Люди называют тебя справедливым, о Бхимасена, зачем же ты оскорбляешь царя столь недостойно?» И, приблизившись к Дурьодхане, Юдхиштхира молвил голосом, прерываемым слезами: «Не гневайся на нас, о государь. Нет сомнения, ты несешь кару за свои прошлые грехи. Нет сомнения, суждено было, чтобы мы стали врагами. Я думаю, все это — деяние всемогущей судьбы!»

Но тогда поднялся со своего места могучий Баладева, наблюдавший тот бой, и, подняв руки к небу, возгласил позор Бхимасене. «Никогда еще не видано было в бою на палицах подлого этого удара, какой ныне нанес Волчебрюхий, презревший правила честного поединка!» — вскричал он. И, воздев над головою свой огромный плуг, сын Рохини, пылающий гневом, устремился на Бхимасену, намереваясь тут же покарать его за нарушение воинских правил, — казалось, то сдвинулась с места гора Кайласа, вздымающая к небу свои сверкающие вершины. Но миротворец Кришна поспешил за братом и обхватил его сзади за пояс руками. «Остановись! — восклицал он. — Ведь Пандавы — наши друзья и родичи, дети сестры нашего отца! Великие бедствия претерпели они из-за своих врагов. Бхимасена же дал обет в собрании царей сокрушить палицей бедра Дурьодханы. Он не мог не исполнить своего обета! Нет за ним вины. Потому не гневайся, о Плугоносец! Возрастет могущество родичей наших — возрастет и наше могущество». Так вкрадчиво молвил Кришна, и гнев Баладевы остыл. Он опустил свой плуг и сказал в присутствии собравшихся воинов: «Что бы ни говорил ты, о Кришна, сын Дхритараштры сражался бесстрашно и отдал жизнь свою, не дрогнув, в бою. Вечно прославлен будет Дурьодхана как доблестный воитель, Бхимасена же отныне прослышет в мире бесчестным бойцом». С этими словами сын Рохини взошел на колесницу и направил бег ее в Двараку. А Пандавы и панчалы потупили головы, смущенные его речами.

Кришна же молвил с упреком Юдхиштхире: «Зачем позволил ты брату своему попать ногою голову побежденного?» — «Велики злодеяния Дурьодханы, — возразил старший сын Панду. — Много обид нанес он нам, и сердце Бхимасены исполнено было горечи. Не суди его строго». — «Истину сказал ты, Юдхиштхира», — согласился Кришна.

А Бхимасена с радостным сердцем, гордый своей победой, обернулся к старшему брату и сказал: «Ныне земля стала твоей, о царь, и сметены все твои враги. Царствуй же счастливо и безмятежно!»

И воины Пандавов, ликуя, приветствовали слова Бхимасены громкими кликами. Одни потрясали луками, натягивая тетиву, другие дули в трубы и били в барабаны; одни прыгали от радости, другие громко смеялись. И многие говорили Бхимасене: «Хвала тебе, витязь, сокрушивший столь могучего врага! Так Индра сокрушил демона Вритру. Кто, кроме тебя, мог совершить этот подвиг? Слава твоя разнесется по всей земле, и певцы воспоют твои деяния!» Тогда Кришна сказал им: «Не терзайте поверженного врага жестокими речами, он уже все равно что мертв, этот бесстыдный и алчный грешник, презревший советы мудрых друзей, и он достоин жалости. Взойдем же на наши колесницы и покинем это место».

Тогда, исполнившись ярости, Дурьодхана попытался подняться. Опираясь руками о землю, он сел, преодолевая жестокую боль, и устремил на Кришну гневный взор. «О сын раба, — сказал Дурьодхана, — у тебя нет стыда. Или ты забыл, что я сражен бесчестно, ударом, запрещенным правилами боя. Я знаю, Бхимасена сделал это по твоему совету; думаешь, я не видел, как Арджуна подал ему знак? Сколько наших витязей убили вы бесчестно, — и все это по твоим советам! Нет, не я, а вы достойны великой жалости! Я правил всей землею, попирая головы моих врагов. Кто более счастлив, чем я? Я честно встретил смерть в бою. Кто более счастлив, чем я? Я иду на небо вслед за своими братьями. Кто же более счастлив, чем я?»

И когда он кончил говорить, с неба на голову его упал дождь цветов и послышались голоса апсар, поющих славу Дурьодхане. Понурили тогда головы Пандавы и Кришна и удалились, оставив умирающего сына Дхритараштры одного в его последний час.

Они отправились к лагерю Кауравов и нашли его пустым. Забрав богатую добычу — золото, жемчуг, драгоценности, — Пандавы отправили ее в свой лагерь вместе со всем войском. Сами же, одолеваемые усталостью, расположились на ночлег у речки Огхавати. С ними остался один Сатьяки, а Кришну Юдхиштира послал в Хастинапур с вестями: «Утешь несчастную царицу, потерявшую всех своих сыновей».

Между тем, услышав о поражении Дурьодханы, трое витязей — Ашваттаман, Крипа и Критаварман — поспешили к нему на своих быстрых колесницах. Они нашли отважного сына Дхритараштры, плавающего

в крови, подобного могучему дереву шала, поваленному бурей. Многие шакалы и прочие ночные животные ужасного и отвратительного вида толпились вокруг него, как лстыивые царедворцы, жаждущие подачек, вокруг трона.

Сойдя с колесниц, витязи приблизились к Дурьодхане, пораженные горем. С глазами, полными слез, сказал Ашваттхаман, тяжело вздыхая: «Поистине, нет ничего постоянного в мире людей, если я вижу тебя, о государь, распростертого на голой земле и покрытого пылью. Ты правил всей землей, а теперь, покинутый всеми, лежишь здесь, в этой дикой глуши. Поистине, трудно познать пути всемогущего Ямы». Дурьодхана же отвечал плачущему Ашваттхаману и его спутникам: «Смерть приходит ко всем живым существам. Благо мне — какие беды ни одолевали бы меня, я никогда не бежал от смерти в битве! Меня сразили, обманув, коварные враги — благо мне! Благо мне — я вижу вас троих, избежавших гибели в бою! Не печальтесь же обо мне! Если истинно священное писание — я обрету вечное царство на небесах».

Одолеваемый горем и гневом, сын Дроны обратился тогда к царю, сжимая руки, голосом, хриплым от слез: «Тебя убили бесчестно, подло обманув. Слушай же меня, о Дурьодхана. Клянусь самой истиной, клянусь верой и благочестием, сегодня же я отправлю в обитель Ямы всех панчалов на глазах у Кришны! Клянусь тебе, о царь!»

И трое витязей покинули берег озера, томимые печалью и тревогой.

Ашваттхаман, Крипа и Критаварман направились к югу; вблизи лагеря Кауравов, заслышав шум и голоса победоносных врагов, они свернули в сторону и, опасаясь преследования, вступили в обширный густой лес. Прежде чем наступила темнота, они, пробираясь по лесу, увидели огромный баньян с тысячью ветвей, самое большое из всех деревьев в лесу. Мучимые усталостью и ранами, полученными в сражении, витязи распрягли коней и, сотворив вечернюю молитву, расположились на отдых под сенью того баньяна.

Наступила ночь, и тысячи звезд зажглись на темном небе. Зловещие крики и вой ночных животных, бродящих во тьме, послышались отовсюду. Распростершись на голой земле, утомленные Крипа и Критаварман, витязи, достойные лучшего ложа, вскоре погрузились в сон. Но Ашваттхаман, терзаемый горем и жаждой мести, не мог заснуть. Сидя под деревом, он озирает окрестный лес и увидел, что ветви баньяна, под которыми они расположились, усеяны тысячами ворон, угнездившихся здесь для ночного отдыха. Сидя рядом на ветвях, птицы спали. Тогда Ашваттхаман увидел огромную сову устрашающего вида с зелеными глазами и темным телом, с большим клювом и длинными острыми когтями. Бесшумно подлетев к баньяну, сова опустилась на его ветви и стала убивать спящих ворон одну за другой, отрывая им головы и крылья и разрывая их тела своими острыми когтями. Земля под баньяном покрылась мертвыми птицами.

Наблюдая за совой, глубоко задумался Ашваттхаман. «Сова дает мне урок ведения войны, — сказал он себе. — Пришел час исполнить твою

клятву, Ашваттхаман. Пусть порицает меня, кто хочет. Благородные Пандавы на каждом шагу совершают бесчестные и отвратительные деяния. Люди же одобряют те поступки, которые ведут к успеху». И, приняв ужасное решение, сын Дроны разбудил Крипу и Критавармана и поведал им о том, что замыслил.

«Дурьодхана, отважный витязь, убит предательски на глазах глумящихся врагов, и Бхимасена попирает ногою его голову, — сказал Ашваттхаман. — Мы слышали сегодня их торжествующие клики. Но, прежде чем наступит утро, я отомщу, перебив их всех, пока они спят в своих шатрах».

В ужасе отшатнулись Крипа и Критаварман от Ашваттхамана, слыша эти слова. После недолгого молчания Крипа сказал: «Похвально твое стремление отомстить, сын Дроны. Я знаю, что бесполезно отговаривать тебя. Мы оба поможем тебе, но только утром, при свете дня. Завтра мы втроем нападём на врага, о славный витязь! А теперь усни, чтобы сразиться с врагом со свежими силами завтра». — «Как могу я спать сейчас, — возразил Ашваттхаман, — когда гнев и горе переполняют мое сердце? Как могу я спать, когда не отомщены мой отец и Дурьодхана и другие отважные воины, павшие в битве, когда жив Дхриштадьумна, и я не убил его в сражении? Только истребив моих врагов во время их сна, я усну спокойно». — «О сын мой, прошу тебя, не совершай того, в чем придется раскаиваться потом! — воскликнул Крипа. — Панчалы спят сейчас, доверившись ночи, сняв доспехи и оружие. Тот, кто осмелится поднять руку на беззащитного, отдавшегося во власть сна, сойдет в бездонный и бесконечный ад, и не будет для него надежды на спасение». — «О брат моей матери, все, что говоришь ты, верно, — отвечал Ашваттхаман. — Но я поклялся отомстить и не найду покоя, пока не исполню клятву. Пандавы давно уже разбили мост справедливости и чести на тысячу обломков. Вспомни, как погиб мой отец, как погибли Бхишма, Карна, Бхуришравас, как погиб Дурьодхана. Стоны благородного царя, распростертого на земле с раздробленными бедрами, разрывают мое сердце! Нет человека на земле, который заставил бы меня отказаться от моего решения!»

И, сказав так, Ашваттхаман запряг коней и, взойдя на колесницу, направился в сторону вражеского лагеря. «Что намереваешься ты совершить, о Ашваттхаман? Подожди, завтра мы последуем за тобой, верь нам!» — вскричали вслед ему Крипа и Критаварман. Но, не слы-

ша ответа, оба поспешно снарядились и отправились за Ашваттхаманом. Они достигли стана панчалов, погруженного в сон, и остановились у ворот.

У ворот лагеря Пандавов Ашваттхаман, видя готовность Крипы и Критавармана к действию, сказал им вполголоса: «Я войду в этот спящий лагерь как Яма, бог смерти. И я надеюсь, что вы здесь никого не выпустите живым». Сотворив молитву Шиве, он вступил в обширный лагерь Юдхиштыхиры бесшумной поступью; и многие невидимые существа следовали за ним тогда по левую и по правую его руку. Ашваттхаман направился к шатру Дхриштадьумны, узнав тот шатер по отмечающим его знакам. Панчалы, утомленные битвой, крепко спали бок о бок, распростершись на земле. Войдя в шатер, сын Дроны увидел царевича, погруженного в глубокий сон, на роскошном ложе, устланном шелком и усыпанном венками благоухающих цветов. Пинком ноги Ашваттхаман разбудил Дхриштадьумну. Проснувшись, царевич увидел сына Дроны перед собою. Он хотел подняться с ложа, но Ашваттхаман схватил его за волосы, сбросил на землю и придавил к ней, наступив ногою на грудь. Извиваясь и царапая Ашваттхамана ногтями, сказал царевич едва слышным голосом: «О сын Дроны, убей меня оружием, да обрету я царство справедливых на небесах». И, сдавленный руками Ашваттхамана, он умолк, и только хрип вырывался из его горла. «О позор своего рода, нет царства после смерти для тех, кто убивает своих наставников, — сказал Ашваттхаман. — Ты недостойн того, чтобы убили тебя оружием». И, сказав так, Ашваттхаман стал топтать своего врага, нанося ему страшные удары ногою в грудь. Так он убил Дхриштадьумну.

От криков Дхриштадьумны пробудились в шатре его жены и стража, но, приняв убийцу за ужасный ночной призрак, они не могли двинуться с места от страха. Только когда Ашваттхаман вышел из шатра, они подняли громкий и горестный крик. Многие витязи, пробудившись от этого вопля, поспешили к шатру Дхриштадьумны, надев доспехи. «Ракшас убил царевича, он рыщет по всему стану!» — кричали перепуганные женщины.

Ашваттхаман между тем вошел в шатер Уттамауджаса и увидел его спящим на ложе. Наступив ему ногою на горло, Ашваттхаман обнажил меч и заколол Уттамауджаса, как жертвенное животное на алтаре. Затем он бросился дальше и, переходя от шатра к шатру, умертвил своим мечом многих спящих воинов. Покрытый кровью с головы до ног, он уподобился самой Смерти, посланнице Времени; воины, пробудившись от

воплей убиваемых, видя его перед собой, в ужасе снова закрывали глаза, думая, что это ракшас, привидевшийся во сне, и гибли, беспомощные, от его меча.

Воспрянув ото сна и вооружившись, Шикхандин, пятеро сыновей Драупади и другие витязи бросились тогда на Ашваттхамана. Но, отражая удары их оружия своим щитом, украшенным тысячью лун, сын Дроны продолжал яростно разить врагов.

Один за другим пали от его руки сыновья Драупади. Сутасома, метнув в Ашваттхамана копье, устремился на него с поднятым мечом, но сын Дроны отрубил ему руку вместе с мечом, а затем нанес ему смертельный удар в живот. Шикхандин стрелою поразил его голову; приблизившись к нему, Ашваттхаман могучим ударом меча разрубил надвое сына Друплады. И великую резню устроил он среди цанчалов и матсьев, одним отрубая головы, пронзая другим грудь и живот, рассекая на части сотни воинов. Земля покрылась изуродованными телами. Страшный крик оглашал лагерь. Просыпаясь от этого крика, охваченные ужасом и обеспамятевшие воины восклицали: «Что это? Кто это? Что случилось? Кто кричит?» — и гибли, поражаемые мечом Ашваттхамана, не успевая защитить себя.

Страшное смятение овладело всеми. Одни, оцепенев от ужаса, не двигались с места, другие, не придя в себя ото сна, ошеломленные неожиданной бедой, в темноте резали оружием друг друга. Кони и слоны, сорвавшись с привязей, металась по лагерю, топча людей. Многие витязи искали спасения в бегстве, но у ворот встречали их Крипа и Критаварман и убивали всех без пощады. Затем оба они подожгли лагерь Пандавов с трех концов, и при свете пожара Ашваттхаман свирепствовал, как бог смерти, истребляя воинов, и тысячами гибли воины Пандавов, не в силах сопротивляться; потоки крови текли по земле. Одни ложились на землю, другие обращались в бегство, третьи пытались спрятаться, четвертые сражались, защищая свою жизнь, пятые, обезумев, резали друг друга — и все они гибли в той ужасной ночной резне.

Вопли ужаса и стоны умирающих, оглашающие окрестности, постепенно затихали, и, прежде чем наступила полночь, вновь воцарилось безмолвие в лагере: все огромное войско Пандавов отправил в обитель Ямы, бога смерти, сын Дроны. Ракшасы и пишачи и ночные животные, поедающие падаль, радуясь, заполнили тогда мертвый лагерь, залитый кровью. Ашваттхаман, Крипа и Критаварман удалились оттуда до наступления утра и направились к озеру Двайпаяна, где оставили они умирающего Дурьодхану.

Прибыв туда, они увидели, что жизнь еще теплится в теле повелителя Кауравов, но готовится отлететь каждое мгновение. Соскочив со своих колесниц, трое витязей обступили Дурьодхану, мечущегося в предсмертных судорогах. Вытерев рукою кровь с чела царя, Ашваттхаман со слезами на глазах сказал: «Позор Кришне и Арджуне! Ты убит бесчестными врагами. Где найдем мы покой и счастье без тебя? В горе будем скитаться мы по земле. Но ты взойдешь на небеса, куда удалились храбрые, погибшие в битве. Приветствуй там своего наставника и скажи ему, что Дхриштадьумна убит мною. Обними Карну, Бхуришраваса и других отважных витязей, предшествовавших тебе в пути на небо».

Затем, обращаясь к уже бесчувственному телу, Ашваттхаман сказал: «О Дурьодхана, если теплится еще в тебе жизнь, внимай словам, приятным для твоего слуха. Только семеро из войска Пандавов остались в живых, из нашего войска только мы трое. Убиты все панчалы и матсьи и сыновья Драупади; месть за свершенное зло поразила их. Пятеро братьев, Кришна и Сатьяки избежали гибели, но нет теперь детей у Пандавов! Ночью я перерезал всех в лагере Пандавов во время сна!»

От этих слов, веселящих его сердце, Дурьодхана пришел в себя и сказал: «Ты свершил то, что не удалось ни Бхишме, ни Карне. Теперь я чувствую себя равным Индре, повелителю богов. Будьте счастливы вы трое! Да сопутствуют вам удача и процветание. Мы встретимся снова на небесах». И повелитель Кауравов умолк, душа его вознеслась на небо, и только тело осталось на земле.

На рассвете возникший Дхриштадьумны, единственный, избежавший гибели в ночной резне, достиг берегов Огхавати и предстал перед Юдхиштхирой, чтобы поведать ему об истреблении его войска. «Сыновья Драупади убиты, о царь, — сказал возникший, — и сыновья царя матсьев заколоты во время сна в своем лагере. В эту ночь, о царь, войско твое погибло, истребленное жестоким Критаварманом и Крипой, сыном Готамы, и подлым Ашваттхаманом. Как лес, вырубленный топором, легла твоя рать; я один спасся, с трудом ускользнув от Критавармана, когда он был отвлечен другими беглецами».

Пошатнулся Юдхиштхира, пораженный страшной вестью; Сатьяки поспешил поддержать его, и Бхимасена с Арджуной, выступив вперед, подхватили его под руки. «Увы, победив врага, мы оказались побежденными! — воскликнул Юдхиштхира. — Воины наши погибли, как путники, пересекавшие бескрайний океан и утонувшие по собственной беспечности в маленькой речке. Что станет с Драупади, когда услышит

она о смерти своих сыновей и братьев!» Обратившись к Накуле, он повелел: «Ступай и приведи сюда несчастную царицу!» Сам же он вместе с остальными отправился к месту ночного побоища.

Вступив на это проклятое поле, ужасающее взор, Юдхистхира увидел тела своих родичей и друзей, обезглавленные, изрубленные на куски и залитые кровью. Не в силах вынести такое страшное зрелище, царь и его спутники упали на землю, лишившись чувств от ужаса и горя.

Накула вернулся между тем из Упавлавьи с царицей Драупади. При виде мертвого лагеря содрогнулась царица, как платановое дерево под порывом бурного ветра, и рухнула в беспамятстве на землю. Бхимасена поднял ее, утешая и ободряя. Тогда сказала Драупади, заливаясь слезами: «Горе жжет меня, как огонь, с тех пор как дошла до меня весть о том, что спящие витязи убиты проклятым сыном Дроны. Если не пожнет он плоды своих позорных деяний, если не лишите вы жизни этого презренного и его соратников, о Пандавы, я останусь здесь навсегда и не буду вкушать пищи, пока не придет ко мне смерть». — «Не печалься, царица, — отвечал ей Юдхистхира. — Твои сыновья и братья встретили смерть, как подобает воинам. Сын же Дроны скрылся в отдаленные леса, и ты не властна в его жизни, о Драупади!» Тогда Драупади обратилась к Бхимасене: «Вспомни о долге кшатрия! Убей презренного Ашваттхамана, неодолимый в битве, как убил ты когда-то моих преследователей в столице Вираты! Только это утешит меня в моем горе!»

И, поднявшись на свою золотую колесницу, взяв с собой Накулу возничим, могучий Бхимасена отправился в погоню за Ашваттхаманом по следам, оставленным колесницей сына Дроны. За ним последовали и остальные сыны Панду и Кришна, вернувшийся тем временем из Хастинапура.

Плач женщин на поле Куру

Между тем в Хастинапуре Дхритараштра предавался скорби о своих ста сыновьях, павших в битве, подобный дереву с обрубленными ветвями. «Забудь о горе, повелитель, — утешал его Санджая. — Тысячи царей и храбрых воинов, предводимых твоим сыном, погибли в битве. Пусть же свершатся погребальные обряды над ними, как предписано священным законом!» — «На что мне жизнь теперь, — говорил между тем Дхритараштра, — когда лишился я сыновей, друзей и родичей. Нет у меня теперь ни сыновей, ни царства, ни зрения. Несомненно, в одном из прежних моих рождений я совершил великий грех, и за это карают меня ныне боги столь страшным и безмерным горем. Кто на земле несчастнее меня? Я удалюсь в леса; там кончу я жизнь одиноким отшельником». Когда же снова напомнил ему Санджая о погребальных обрядах, царь, пораженный горем, потерял сознание. С трудом привели его в себя Санджая и Видура и, утешая, убедили его не забывать о долге царя. И повелел Дхритараштра запрягать колесницу. «Приведи Гандхари и Кунти и других цариц и царевен, — сказал он Видуре. — Пришло время посетить поле битвы».

И Гандхари, и Кунти, и другие царские жены явились по зову Дхритараштры. Сойдясь вместе и приветствуя друг друга, они разразились громкими рыданиями и огласили дворец скорбными воплями. Утешая несчастных, плачущих женщин, Видура возвел их на колесницы, и царь в сопровождении цариц и царевен покинул Хастинапур. Громкий плач поднялся во всем городе, когда овдовевшие царевны, недоступные донныне взорам, появились на глазах у народа. С распущенными волосами,

сбросив украшения, вышли они из дворца, омраченные горем, как пятнистые лани, лишившиеся вожака, из своих горных пещер. И многие жители города последовали за царем и благородными женами, направлявшимися на Курукшетру на колесницах.

Дхритараштра не покрыл еще и двух йоджан пути, когда повстречались ему Крипа, Критаварман и Ашваттхаман, усталые и покрытые пылью. В глубокой горести обратились они к царю, с трудом удерживаясь от слез: «Твой сын, о государь, совершив великие подвиги, ушел в царство Индры со всеми своими соратниками. Только мы трое остались в живых из всего войска». Крипа сказал, обращаясь к Гандхари: «Твои сыновья доблестно сражались и пали, истребив полчища врагов. Нет сомнения, они обрели вечное блаженство и пребывают теперь в нетленных мирах среди бессмертных богов. Ни один из них не повернул спины к врагу в битве. Не горюй же о своих сыновьях! Враги их, о царица, не более счастливы. Узнав, что сын твой Дурьодхана убит Бхимасеной бесчестно, мы трое во главе с Ашваттхаманом истребили все войско Пандавов в их лагере, напав на них, когда они спали. Убиты все панчалы, и братья, и сыновья Драупади. Теперь мы спешим скрыться от мести Пандавов, преследующих нас. Поэтому позволь нам, о царица, без промедления продолжить наш путь. Позволь и ты, о царь!» И, простившись с Дхритараштрой и Гандхари, трое витязей, погоняя коней, отправились дальше, к берегам Ганга. Там пути их разошлись. Крипа повернул в Хастинапур, Критаварман — в свое царство на севере, Ашваттхаман — на юг, в дремучие леса, в обитель святого отшельника Вьясы.

Вблизи от Курукшестры встретился царь с сыновьями Панду, Кришной и Сатьяки, сопровождаемыми Драупади и другими женами царей стана Пандавов. Юдхиштхира, склонившись к ногам Дхритараштры, приветствовал его, согласно обычаю. Неохотно отвечал на приветствие старый царь; тяжело ему было видеть тех, кто убил его сыновей. С великим трудом удалось многомудрому Кришне склонить Дхритараштру и Гандхари к примирению с Пандавами; только скорбь Драупади, также потерявшей всех своих сыновей, смягчила гнев старой царицы.

Затем Дхритараштра с царицами и царевнами, Кришна и Пандавы отправились к полю битвы.

Взорам их открылась равнина, усеянная многими тысячами мертвых тел, орошенная потоками крови и кишашая стаями шакалов, волков и собак. Среди всего этого ужаса бродили страшные ракшасы и пищачи, пожиратели трупов. Благородные жены царской свиты, достигнув Ку-

рукшетры, узрели своих мужей, сыновей и братьев, бездыханных, распростертых на земле, пожираемых ракшасами и пишачами, волками и шакалами, коршунами и воронами. Видя это страшное поле, подобное игрищу Шивы, царевны и царицы, испуская горестные крики, поспешно сошли со своих драгоценных колесниц. Многие из них, сраженные несказанным горем, опустили без чувств на землю, другие, оглашая страшное поле душераздирающим плачем, метались в поисках своих погибших супругов и сыновей.

«Смотри, о сын Васудевы, на этих несчастных, мечущихся с распущенными волосами, наносящих себе удары нежными руками в голову и в грудь, испускающих крики горести! — сказала Гандхари, обращаясь к Кришне, сопровождающему ее в этом печальном шествии. — Матери, лишившиеся сыновей, жены, потерявшие супругов, скитаются по страшной равнине, покрытой телами героев. Витязи и цари, свершившие великие подвиги, спят вечным сном на Курукшетре. Не на шелковых постелях, умащенных сандалом и алоэ, спят они, а на голой земле, покрытые пылью и кровью; не певцы и сказители улаживают их слух, воспевая их славные деяния, а отвратительный вой шакалов и крики ворон раздаются над ними! Одни лежат, словно усыпленные, распростершись на земле, и гнусные твари терзают их прекрасные тела; другие, словно еще живые, сжимают в руках мечи и палицы, как возлюбленных жен своих, и звери не отваживаются подступить к ним. Женщины бродят по полю, спотыкаясь о разбросанные копья и луки и обломки колесниц, и не могут узнать своих близких в изуродованных битвой и зверями и птицами трупах. Подбирая отрубленные головы и руки и приставляя их к обезглавленным телам, они снова и снова убеждаются в своей ошибке, восклицая вне себя от горя: «Это не он! Это не его!» — и плачут еще горше.

И Гандхари пришла туда, где был убит Дурьодхана, и, увидя его, распростертого в крови, упала без чувств, как дерево, поваленное бурей. Придя в себя, она с плачем опустилась возле него на землю, обнимая мертвое тело и восклицая горестно: «Увы, о сын мой! О сын мой!» И слезы ее омыли тело убитого.

«Предводитель несметных ратей лежит ныне один на земле, лишенный жизни! — молвила Гандхари. — Он, кого окружали некогда толпы царей, соперничавших из-за того, чтобы заслужить его благосклонность, окружен теперь шакалами и волками; не веера красавиц овеивают его чело, а крылья кровожадных коршунов! Сраженный Бхимасеной, как могучий слон, убитый львом, он лишился и царства и жизни. Зачем мне

жить, о Кришна! Но еще мучительнее для меня, чем смерть сына, зрелище этих несчастных женщин, плачущих над павшими героями. Сердце мое разрывается при виде их! Ноги их, украшенные драгоценностями, ступали доселе лишь по террасам царских дворцов; теперь они попирают землю, заболоченную потоками крови. С трудом отгоняют изнуренные горем царицы хищников и птиц от тел своих супругов и сыновей. Их прекрасные лица бледны, как лотосы, увядшие и иссушенные палящим солнцем; лежа на земле, обессиленные от слез, или скитаясь по полю среди трупов и обломков, они испускают, подобно журавлиной стае, жалобные крики, печальющие душу. Взгляни на это поле, о Кришна! Взгляни на щиты, украшенные сотнями лун, стяги, блистающие как солнце, золотые доспехи и головные уборы, разбросанные по земле и сверкающие, как тысячи жертвенных огней. Там Духшасана спит вечным сном, сраженный свирепым Бхимасеной, высосавшим его кровь. Не внял он моим увещаниям тогда, в собрании царей, когда влачил он Драупади за волосы, осыпая оскорблениями ее и сыновей Панду, и вот постигла его ужасная кара. А там Викарна, другой мой сын, лежит на земле, поверженный Бхимасеной, среди тел убитых слонов, как месяц на осеннем небе, окруженный темными облаками. Его юная жена безуспешно пытается отогнать от него осмелевших шакалов. Пронзенный десятками стрел и копий, он все еще прекрасен, как и при жизни! А там, о Кришна, я вижу храброго Абхиманью, сына Арджуны, распростертого среди обломков оружия и доспехов, и Уттара, несчастная жена Абхиманью, оплакивает его, нежно глядя бездыханное тело и изливая свое горе в громких стенаниях и жалобах. Она сняла с него золотую кольчугу и не отрываясь смотрит на тело его, залитое кровью!» — «О супруг мой, — восклицала прекрасная Уттара, проливая слезы над телом отважного Абхиманью, — ты мирно покоишься, словно утомившийся от дневных трудов. Увы, почему не даешь ты мне ответа! Или я обидела тебя когда-нибудь? Почему не говоришь ты со мною?» Положив голову на грудь его, Уттара говорила, обращаясь к Абхиманью, как к живому: «Как могли убить тебя в битве, тебя, сына Арджуны, сына сестры могучего Кришны? Позор жестоким убийцам, лишившим тебя жизни на глазах у Пандавов и панчалов. Как может еще нести бремя жизни твой отец, допустивший твою гибель! Что ему теперь победа над врагами и обретение царства, когда нет тебя в живых! О я, несчастная: я не могу умереть и встретиться с тобою на небесах. О мой прекрасный супруг, там встретят тебя небесные нимфы, очарованные твоей красотой. Обласканный ими, вспоминай

иногда обо мне!» С трудом оторвали от мертвого тела плачущую Уттару жены матсьев, сами проливающие слезы об убитом Вирате, своем повелителе. Сраженный Дроной, лежал царь матсьев на поле, и вились над ним с радостным карканьем вороны стаи.

«Взгляни, о Кришна, — говорила между тем Гандхари, — вот могучий Карна, распростертый на земле, покрытой кровью. Неодолимый в битве, подобный истребительному пожару, он угас теперь навеки. А там гордый Джаядратха, сраженный Арджуной, лежит, отданный на растерзание шакалам и воронам, а несчастная Духшала, жена его, мечется по полю, тщетно пытаясь отыскать его отсеченную голову. Там Шалья, правивший колесницей Карны в битве и своими речами стремившийся подавить отвагу могучего витязя ради победы Пандавов, лежит, убитый Юдхиштирой, а трупоядные птицы отъели ему язык. Взгляни, вот Бхишма покоится на ложе из стрел, а там Дрона, горько оплакиваемый женой и учениками, лежит в доспехах, многократно пробитых вражеским оружием. О Кришна, погиб род Кауравов, и род Пандавов истреблен почти весь! Будь же проклят ты, допустивший это! Ты мог предотвратить эту братоубийственную войну, но ты не сделал этого. Да погибнет же и твой род, как погибли мои сыновья и братья!»

Юдхиштира повелел слугам своим и жрецам: «Да будут совершены погребальные обряды над всеми убитыми, как следует по закону, чтобы ни одна душа не погибла из-за того, что некому было позаботиться о ней». И слуги под надзором Видуры доставили сандаловое дерево и алоэ, масло для жертвоприношений и благовоний, шелковые одежды, сухое дерево для костров, обломки колесниц и оружие. Из всего этого они соорудили громадные погребальные костры. И жрецы прочли молитвы и совершили обряды, предписанные священным законом. И всю ночь горели погребальные костры на Курукшетре, как звезды, среди непроглядной тьмы. И возносились к небу молитвы и песнопения жрецов и стенания женщин.

Великое жертвоприношение коня

Распорядившись о свершении погребальных обрядов, Юдхиштхира, царь страны Куру, отправился к берегам Ганга в сопровождении братьев, старого Дхритараштры и всего его двора и всех царственных жен рода Куру. Достигнув берегов священной реки, они сняли с себя верхние одежды и все украшения. Жены, сестры и матери павших витязей, стеная и плача, совершили в память их возлияния воды, согласно обычаю. Тогда Кунти, хранившая молчание доныне, внезапно зарыдала и сказала своим сыновьям: «О дети мои, вы не знаете, кто был тот великий и отважный воитель, предводитель вражеских колесниц, сраженный Арджуной. Вы считали его сыном возницы, но то был ваш старший брат! Сын бога солнца, он сам блистал как солнце, избравший бранную славу, которую предпочел он самой жизни. Свершите же и вы возлияния в память его!» И скорбь пронзила сердца Пандавов при этой вести. Юдхиштхира, тяжело вздыхая, сказал матери: «Неужели то был твой сын, а наш старший брат, этот отважнейший из витязей, сражающихся на колесницах, неодолимый в бою? Почему же ты скрывала это от нас? Увы, горе нам, великое несчастье постигло нас! Поистине, смерть Карны печалит меня больше во сто крат, чем гибель наших сыновей и всех наших ратей! Горе сжигает меня, словно огнем!» И он призвал к себе жен Карны и родичей его и вместе с ними совершил возлияния в память погибшего брата.

«Не радуется меня победа, добытая такою ценой! — молвил печально Юдхиштхира в тот же день братьям и Драупади и собравшимся вокруг них приближенным брахманам. — Ужасна доля кшатрия! Гнев и насилие, гордость и алчность сопутствуют его деяниям в борьбе за власть.

Рушатся надежды отцов, бесплодны заботы матерей — сыновья их гибнут под ударами вражеского оружия, не обретя желанного царства. Добро — в освобождении от страстей, в терпении, самоотвержении, чистоте и непричинении зла живому. Я уйду в леса, я буду жить без печали смиренным отшельником вдали от мира! Царствуй ты, о Арджуна! Я слагаю с себя это бремя». — «Зачем отрекаться от мира сейчас, когда мы победили? — возразил ему Арджуна. — Не уходить в леса, а наслаждаться наконец плодами победы настало время. Мы обрели богатство, а кто богат, тот счастлив, кто богат, тот мудр, того не покинут друзья и родные». — «Кто беден, кого постигли невзгоды, кто состарился, кто лишился власти — тот пусть уходит отшельником в леса, — продолжил речь брата Бхимасена. — Что толку в бездействии? Достойно ли оно царя, и к чему доброму оно приведет? Недвижные горы и деревья были бы тогда первыми во всем, если бы отречение от действия имело смысл. Нет, должно действовать. Каждый да исполняет свой долг. Пусть нищие и еретики уходят от мира». А Сахадева сказал: «О чем печалишься ты, о царь? Не надо жалеть о погибших врагах. Ведь если душа бессмертна, как учат брахманы, нет беды в убиении тела. Если же душа гибнет вместе с телом, значит, нет загробной жизни, но нечего тогда и бояться посмертной кары за убийство». — «Не это страшит меня, — отвечал Юдхиштхира. — Я больше не могу перенести зла и жестокости, без коих не обойтись царю на престоле. Лучше я откажусь от пищи и уморю себя голодом, чем буду продолжать причинять зло людям». Но братья и Драупади не отступались от него. «Ты — царь и должен править. Негоже уклоняться от исполнения долга, нет в том добродетели», — твердили они. И Юдхиштхира отказался от своего намерения.

Но он не мог преодолеть своего горя и долго еще сидел на берегу Ганга, проливая слезы. Братья, Кришна и сам старый царь Дхритараштра приходили утешать его. Пришел к нему туда и премудрый Вьяса. «Не печалься, о царь, — сказал он Юдхиштхире. — Я знаю, мысль о греховных деяниях, совершенных в прошлом, терзает твое сердце. Но существует искупление грехов. От них можно очиститься покаянием, принесением даров, жертвоприношением. Даже боги, о царь, приносят жертвы, тем держится их могущество, тем одолевают они демонов. Соверши великое жертвоприношение коня, Юдхиштхира, как некогда совершил его Бхарата, сын Душьянты, твой славный предок. Этот обряд дарует царю власть над миром и очищение от грехов». — «Но великое богатство потребно царю для совершения этого жертвоприношения, —

возразил Юдхиштхира Вьясе. — Из-за злокозненного Дурьодханы опустошена страна Куру. Где возьму я достаточно золота, чтобы достойно одарить жрецов?» — «Есть несметные сокровища в горах Хималая, — отвечал мудрый Вьяса. — Некогда царь Марутта, отпрыск солнечного рода, совершил великий обряд, на который призвал самого повелителя богов Индру. Золото, оставшееся от щедрости Марутты, брахманы спрятали в северных горах. Ты добудешь его и вновь наполнишь свою казну». И Вьяса обещал Пандавам, что укажет им путь к сокровищам древнего царя. Тогда воспрянувший духом Юдхиштхира объявил братьям и приближенным о возвращении в Хастинапур.

В Хастинапуре Кришна испросил у Юдхиштхиры разрешения наведаться в Двараку, столицу рода Яду. Царь благословил его в дорогу: «Ступай, о могучий, уже давно ты не бывал в своем городе, давно не видался с родичами своими, всюду сопровождая нас на войне и в мирные дни. Передай привет от нас двоюродному деду нашему Уграсене и твоему брату, доблестному Баладеве. Не забывай о нас и возвращайся к началу великого обряда, который мне предстоит совершить». И Юдхиштхира предложил Кришне взять с собою все сокровища из царской казны, какие он пожелает. Но сын Васудевы отказался взять что-либо. «Все, что есть там, принадлежит тебе одному», — сказал он Юдхиштхире. И он отбыл в Двараку вместе с сестрой своей Субхадрой, матерью Абхиманью. Пандавы и знатные горожане проводили их на некоторое расстояние от Хастинапура, а затем вернулись в свою столицу и стали готовиться к великому жертвоприношению коня.

В благоприятный день, указанный звездочетами, Пандавы выступили в поход за сокровищами царя Марутты вместе с войском, оставив в столице своим наместником Юютсу, сына Дхритараштры. Прибыв к подножию северных гор, они стали здесь лагерем и по указанию Юдхиштхиры жрецы совершили жертвоприношение Шиве, возлияния жертвенного масла на огонь, сопровождаемые заклинаниями, а также приношения Кубере, богу богатств, и духам гор. И слуги Куберы, грозные якши и киннары, стерегущие сокровища, не тронули Пандавов, когда они шли по горной тропе, по пути, указанному Вьясой. Беспрепятственно достигли они заветного места, о котором сказал им сын Сатьявати. Еще раз помолившись богу Кубере, Юдхиштхира повелел слугам копать. Вскоре открылись перед ними несметные сокровища царя Марутты, множество блистающих, искусно изготовленных сосудов, полных золота и драгоценностей. Извлеченное из земли богатство поместили

в большие деревянные лари и корзины, навьюченные на верблюдов, коней и слонов и на плечи носильщиков. В караване, двинувшемся оттуда на юг, в Хастинапур, было шестьдесят тысяч верблюдов и сто двадцать тысяч вьючных лошадей, слонов было сто тысяч и столько же повозок, а мулов и пеших носильщиков было не счесть. Шестнадцать тысяч золотых монет нес каждый верблюд, двадцать четыре тысячи — каждый слон, по восемь тысяч было погружено в каждую повозку, и лошади, мулы и люди несли каждый посильную для него ношу. И весь этот караван, ведомый царем Юдхиштхирой и братьями, благополучно достиг Хастинапура.

Здесь встретил их у ворот города Кришна, который успел побывать в Двараке и вернуться оттуда, а с ним могучий Баладева, и Акрура, и Критаварман, и Чарудешна, и Самба, и другие вожди рода Яду. Все они прибыли, чтобы присутствовать на великом жертвоприношении коня; и все они возрадовались успешному возвращению Пандавов из похода за сокровищами и воздали почести царю Юдхиштхире.

По велению Юдхиштхиры все приготовлено было в столице для великого обряда. Брахманы выбрали подходящего коня для жертвы; меч для заклания коня изготовлен был из чистого золота, и из золота были жертвенная подстилка и все другие обрядовые предметы — так указал мудрый Вьяса. И в день, назначенный Вьясой, в день новолуния месяца чайтра, начался великий обряд жертвоприношения коня.

При многолюдном стечении народа, в присутствии многих царей, прибывших отовсюду в Хастинапур, жрецы, искушенные в обрядах, привязали жертвенных животных к столбам, читая над ними предписанные священным законом молитвы. Тогда выступил вперед царь Юдхиштхира, облаченный в красное шелковое одеяние, с плащом из шкуры черной антилопы на плечах, с золотой гирляндой на шее и жезлом в руках; и жрецы, одетые, как и он, в красное, по знаку Вьясы совершили над ним обряд посвящения. И по знаку Вьясы отпущен был на волю жертвенный конь. «Арджуна, отважнейший из витязей, да следует во главе царского войска за конем повсюду, куда ни изберет он путь; и да охраняет он коня от чужих царей!» — возгласил Вьяса. «Ступай, о Арджуна, — сказал Юдхиштхира, — и властителей, на чью землю ступит нога коня, прежде всего старайся склонить к покорности миром. Я им всем предлагаю свою дружбу и свое покровительство. Да примут они участие в моем торжестве! Но сломи сопротивление дерзких и непокорных!» Бхимасена и Накуле старший брат повелел охранять между тем город, Сахадеву назначил принимать приглашенных гостей.

Тогда Арджуна взошел на колесницу, запряженную белыми конями, и под приветственные крики народа, сошедшегося неисчислимыми толпами и теснившегося вокруг, чтобы взглянуть на него, последовал за черным жертвенным конем, а за ним двинулось отборное войско. Многие брахманы и кшатрии во главе с Вьясой проводили Арджуну с войском за пределы города.

И во многих битвах, и со многими царями сражался Арджуна в тех странах, куда заводил его черный конь. Упорное сопротивление оказали ему храбрые тригарты. Они были издавна враждебны Пандавам и не желали признавать верховную власть Юдхиштхиры.

Когда черный жертвенный конь вступил во владения тригартов, воины этого племени воспылали жаждой битвы и со своим вождем Сурьяварманом пошли войной против доблестного сына Панду. С громкими и свирепыми криками они окружили прославленного полководца Юдхиштхиры и, потрясая копьями и мечами, угрожая ему смертью, хотели полонить жертвенного коня властителя Хастинапура.

Но сын Кунти, великий лучник, не имевший себе равных в битвах, с легкостью отразил нападение тригартов и обратился к ним с миролюбивыми словами: «Остановитесь, неразумные! Ведь вы спешите навстречу смерти, в царство неумолимого Ямы. Коротка жизнь людская, и только один раз даруют ее нам боги. Так не жертвуйте же ею понапрасну».

Но безрассудные тригарты, жаждавшие над Арджунной победы, не стали и слушать его увещевания. Они направили против него свои стремительные колесницы, натянули свои тугие луки, и тучи смертоносных стрел застлали небо перед взором могучего сына Панду.

Но тщетны были усилия воинственных тригартов, их стрелы Арджуну даже не задели. Навстречу им полетели стрелы доблестного сына Кунти и еще в воздухе раскололи их на части. Многих воинов потерял в тот час Сурьяварман — тела раненых тригартов устилали поле, и кровь людская струилась по нему ручьями.

И все меньше надежды оставалось у вождя тригартов на победу. Тогда вперед, навстречу Арджуне устремился юный воин Дхритаварман, отважный, могучий и искусный. Одна за другой слетали с тетивы его лука быстрые стрелы, нацеленные в сына Панду, и великий воитель, восхищенный ловкостью и искусством доблестного тригарта, с одобрением взирал на него и даже медлил с ответным ударом. Но пока Арджуна любовался юным воином-тригартом, стрела Дхритавармана впилась ему в руку острым жалом, и могучий лук Гандива, зазвенев тетивой, выпал из ослабевшей руки грозного сына Панду.

И тогда над залитым кровью полем битвы раздался недобрый торжествующий смех юного тригарта. Но радость Дхритавармана длилась недолго. Могучий Арджуна не совладал с охватившим его гневом, поднял свой лук, подобный радуге — луку Индры, и обрушил на тригартов ливень стрел, неотвратимых и смертоносных.

В ярости сын Панду был страшен, как Яма, бог смерти, и дрогнули сердца тригартов, и, объятые ужасом, они побежали с поля битвы, умоляя Арджуну о пощаде. «Смилуйся, мы тебе сдаемся! — кричали тригарты сыну Панду. — Мы отныне рабы твои, повелевай нами, Арджуна!»

И тогда утихли гнев и ярость в сердце грозного полководца Юдхиштхиры, и он пощадил сдавшихся на его милость тригартов и пригласил Сурьявармана, их вождя, в Хастинапур на великий праздник.

Из владений Сурьявармана черный жертвенный конь Юдхиштхиры направился своим путем дальше и привел Арджуну с его войском в страну Прагджьотиша. Этой страной правил царь Ваджрадатта, гордый, воинственный и могучий, и не пожелал он по доброй воле признать над собой верховную власть Юдхиштхиры.

Быстро собрал царь Прагджьотиши большое и грозное войско и решил выступить с ним против воинов доблестного сына Панду.

И вот ранним утром, на рассвете, ворота крепости государя Прагджьотиши отворились, и могучее войско Ваджрадатты двинулось в поход против полководца Юдхиштхиры. Впереди войска на огромном, как горная вершина, боевом слоне восседал под белым опахалом Ваджрадатта, а над ним высилось развернутое знамя, украшенное белыми бычьими хвостами. За ним следом двигались грозные колесницы и стремительная конница, и тысячи всадников в блестящих воинских доспехах оглашали громкими кликами окрестность.

Царь Прагджьотиши был молод, силен, бесстрашен и не ведал всей правды о могуществе и воинском искусстве прославленного сына Панду. Он уповал на свою силу, на свое войско, верил в неминуемость своей победы, и, когда сошлись оба войска в поле, он вызвал на беду свою Арджуну на поединок. И сын Панду принял вызов Ваджрадатты. И напрасными оказались горделивые надежды Ваджрадатты.

Арджуна подождал, пока слон государя Прагджьотиши подошел к нему поближе, и тогда спустил с тетивы своего лука острые смертоносные стрелы, как змеи, ужалившие слона и Ваджрадатту. Раненый слон яростно взревел и заметался по полю, стараясь освободиться от стрел,

вонзившихся в его шкуру; и стал он, весь покрытый стрелами сына Панду, подобен огромному длинноиглому дикобразу. А стрелы Ваджрадатты совсем не достигли цели. Доблестный сын Панду меткими выстрелами из лука расколол их в воздухе на части, а затем, положив на тетиву Гандивы тяжелую железную стрелу, пустил ее в своего врага с такой силой, что она пробила его доспехи и опрокинула государя Прагджьотиши на спину. Но Ваджрадатта, юный и отважный, быстро оправился от удара, и бой его с Арджуной разгорелся снова.

Полный ярости и гнева Ваджрадатта направил своего слона на сына Панду. Могучий слон, уколотый острым стрекалом, пригнул к земле огромные бивни и ринулся на Арджуну так яростно и свирепо, что в страхе замерли оба войска, ожидая неминуемой гибели сына Кунти. Но Арджуна даже не шелохнулся. Без страха стоял он, опершись на свой лук Гандиву, а затем, загоревшись неукротимым гневом и не ответив Ваджрадатте ни единым словом, натянул тетиву, и туча стрел полетела в разъяренного слона царя Прагджьотиши.

Весь израненный огненными стрелами сына Панду, истекающий кровью боевой слон Ваджрадатты стал терять свои силы, могучие ноги его подогнулись, и он рухнул, как горная скала под ударом молнии Индры, на землю. Оглушенный падением царь Прагджьотиши уже и не чаял спастись от смерти, но Арджуна к его гибели не стремился.

Он сказал ему: «Не страшись, Ваджрадатта! Послушный воле Юдхиштхиры, я не стану отнимать у тебя ни жизнь, ни твое царство. Вставай, и да не будет в тебе страха передо мною. Возвращайся в свою столицу и по-прежнему правь твоим государством. Но помни, в день полнолуния в месяц чайтра тебя ждут желанным гостем в Хастинапуре».

И побежденный доблестным сыном Панду Ваджрадатта ответил: «Да будет так».

После битвы с царем Прагджьотиши черный жертвенный конь привел Арджуну с его войском в Синд, обширную и богатую некогда страну синдхов. Немного осталось в Синде кшатриев после жестокой битвы на поле Куру, но, когда проводили они, что черный жертвенный конь Юдхиштхиры привел в их страну сына Панду, сердца их возгорелись гневом. Они все еще оплакивали гибель своих друзей и братьев на Курукшетре, смерть своего государя, отважного Джаядратхи, от могучей руки Арджуны, прославленного стрелка из лука, и жажда мести опалила их души. Неутешен в горе был и Суратха, царь Синда, юный наследник Джаядратхи. Он так и не сумел оправиться от снедавшей его печали, а когда

гонцы донесли ему, что в пределы Синда вторгся сын Панду, убийца Джаядратхи, он и вовсе занемог телом и душою и в одночасье скончался. И совсем тогда осиротела царская семья в Синде, а кшатрии, огорченные кончиной своего юного государя, взойдя на грозные колесницы, оседлав коней, быстрых как ветер, направились навстречу Арджуне, подгоняемые яростью и гневом.

Громко выкликая свои имена, восхваляя подвиги сородичей, павших в битве на поле Куру, кшатрии Синда напали на доблестного сына Панду и окружили его со всех сторон своими грозными колесницами. Как птица, запертая в железной клетке, стоял на поле со своим луком Гандивой славный победитель самшптаков и Джаядратхи и укрывался от стрел разъяренных синдхов крепким щитом из бычьей кожи.

И вдруг померкло яркое солнце, черные тучи заволокли небо над полем битвы, наступил мрак и завывали жестокие ветры; заблестали во тьме яркие молнии, и заколебалась могучая гора Кайласа; под ногами воинов сотряслась земля, и все стороны света окутались черным дымом. А потом края темных туч заалели, на посветлевшем вдали крае неба засверкал радужный лук Индры, и потоки кровавого дождя полились на землю. И замерли все — и люди, и небожители — в страхе перед грядущим.

Но грозные предзнаменования несчастья не остановили разъяренных синдхов. Едва посветлело небо над полем, как они обрушили со всех сторон на сына Панду ливень стрел, дротиков и копий, стремясь поскорее лишить его жизни. От множества ран могучие руки Арджуны ослабели, его лук и щит упали на землю, а все тело его оцепенело. А синдхи, глядя на бесчувственного сына Панду, стали торжествовать победу, но ликование их оказалось напрасным.

К Арджуне вскоре вернулись его сознание и силы, он поднял с земли свой могучий лук Гандиву, натянул тетиву, и она грозно и устрашающе загудела. Так рокочет гром небесный перед бурей. И ливни стрел, огненных и смертоносных, обрушились на кшатриев Синда, сметая их с колесниц и коней на землю, устилая поле битвы неподвижными телами.

И дрогнули тогда воины Синда, и храбрость покинула их души. С воплями, испугавшими робких, они бросились бежать с поля битвы, а им вслед летели неотразимые стрелы сына Панду, и пришлось бы воинам Суратхи совсем плохо, если бы не спасла их Духшала, дочь Дхритараштры, вдова погибшего на поле Куру Джаядратхи. С внуком на руках она появилась на обгавленном кровью поле, встала между Арджуной

и кшатриями Синда и попросила у доблестного сына Панду мира и пощады.

И тогда Арджуна опустил свой лук, положил в колчан огненные смертоносные стрелы и, обняв свою сестру Духшалу, принял Синд под руку славного Юдхиштхиры.

И еще многие страны прошел жертвенный конь. Он прошел через царство Каши, через Ангу и Кошалу, через земли киратов; во всех этих странах правители, чтя могущество младшего сына Кунти, добровольно склонились под власть Юдхиштхиры. С боями Арджуна прошел Дашарну и земли нишадов, в жестоких сражениях разбил силы дравидов и андхров и дикие племена с холмов Колвы, и наконец конь приблизился к вратам прекрасного города Двараки. Здесь юные воины рода Вришни вышли ему навстречу, замышляя пленить коня из чужой страны. Но тут же вслед за ними явился престарелый царь Уграсена и строго запретил юношам препятствовать походу сына Панду. И Арджуна последовал за конем дальше.

Конь прошел по берегу Западного океана на север, в Пятиречье, потом в Гандхару, где Арджуна выдержал свой последний жестокий бой. Он победил непокорного властителя Гандхары, сына Шакуни, и поверг его на землю, но пощадил его жизнь, вняв мольбам его жены. И сына Шакуни он тоже пригласил в Хастинапур на празднество во дворец Юдхиштхиры.

После этой победы не осталось никого на земле, кто мог бы сопротивляться сыну Панду. Он восторжествовал в своем походе и над арийскими царями, и над варварами из дальних краев, и над дикими племенами гор и лесов. Из Гандхары черный конь повернул на дорогу, ведущую в Хастинапур.

Гонцы от Арджуны сообщили царю Юдхиштхире о скором возвращении жертвенного коня. Обрадованный, он призвал к себе братьев — Бхимасену, Накулу и Сахадеву — и поведал им о возвращении Арджуны. «Ступай, о Бхима, и распорядись, чтобы все приготовили для жертвоприношения коня». И радостный Бхимасена отправился с учеными брахманами и искушенными в обрядовых сооружениях мастерами на поле, предназначенное для жертвоприношения. Здесь под его присмотром воздвигнуты были многие великолепные дома и строения, украшенные золотом, проложены широкие и гладкие дороги, поставлены жертвенные столбы. Вся площадь, где должны были совершаться обряды, вымощена была драгоценными камнями, и жертвенные столбы и вся жертвенная утварь были из золота. Бхимасена повелел воздвигнуть триумфальные

арки, дома для царей, которые должны были сойтись со всех краев земли, для их жен и приближенных, а также для брахманов, которые тоже должны были стекаться отовсюду. Он повелел построить конюшни и стойла для лошадей, слонов и верблюдов, на которых придут гости, и позаботиться о достаточных запасах корма. Затем он разослал гонцов ко всем властителям земли, и вскоре они стали прибывать отовсюду со своими свитами, и отовсюду стали сходитьсь знаменитые брахманы, знатоки Священного Писания и обрядов, со своими учениками. Всем им было оказано должное гостеприимство. Цари осматривали место для жертвоприношения, куда уже доставлено было множество коров, буйволов и всяких прочих животных самых разнообразных пород. А многие из прибывших брахманов тут же стали проводить диспуты друг с другом, состязаясь в красноречии, искусстве спора и знании священных книг.

Прошло несколько дней, и однажды шум приближающегося войска заполнил окрестности Хастинапура, и тучи пыли от конских копыт поднялись вдали. Черный конь подошел к городским воротам, и вслед за ним вступил в город победоносный Арджуна, встреченный всеми жителями с великим ликованием. Юдхиштхира со всеми своими советниками, его братья, Кришна и престарелый Дхритараштра вышли Арджуне навстречу. Склонившись к ногам Дхритараштры, победитель приветствовал затем Юдхиштхиру, потом остальных своих братьев и обнял Кришну. Все они воздали ему почести, после чего он удалился на отдых в свои покои. Вскоре стали прибывать в Хастинапур и покоренные Арджуной цари; и они были приняты с почетом Юдхиштхирой. На третий день после возвращения Арджуны Вьяса, сын Сатьявати, сказал Юдхиштхире: «Настало время, о сын Кунти, начать великое жертвоприношение! Да очистит оно тебя от греха убийства родичей!»

Жрецы, знатоки обрядов, приступили к совершению жертвоприношения. Они прочли молитвы и заклинания, предписанные законом, выжали сок священного растения сомы и совершили жертвенные возлияния. На золотом алтаре они зажгли священный огонь. К жертвенным столбам привязаны были различные животные, посвященные каждое какому-нибудь божеству. Всего триста животных различных пород принесено было в жертву на этом торжестве, и мясо их было сварено согласно предписаниям священных правил. И день за днем продолжались обряды под надзором Вьясы и его учеников, а в промежутках собравшихся развлекали музыкой и пением гандхарвы и плясками апсары, сошедшие с небес на праздник Юдхиштхиры.

И наконец жрецы заклали черного коня. Они разъяли его на части, а затем, согласно правилам обряда, благочестивая царица Драупади легла рядом с останками жертвенного животного. А жрецы извлекли мозг из костей коня и сварили его с должными церемониями; Юдхиштхира приблизился вместе с братьями, и они вдыхали дым, исходящий от варящегося мозга; тем дымом очистились они от всех грехов. Затем тело коня, разъятое на части, предано было огню шестнадцатью жрецами.

Когда великое жертвоприношение закончилось, Юдхиштхира щедро одарил участвовавших в нем жрецов, отдав каждому долю, втрое превышающую предписанную обычаем. Так посоветовал ему Вьяса, и тем втрое возросла сила жертвоприношения. Самому же Вьясе царь Юдхиштхира предложил как плату за обряд все свои владения, всю бескрайнюю землю, отданную ему во власть Арджуной. Но Вьяса отклонил этот дар; он попросил взамен богатства, равные ценностью земле, а когда получил их от Юдхиштхиры, все отдал жрецам, а те распределили их среди остальных брахманов. И Юдхиштхира разрешил брахманам взять с собою с жертвенной земли все, что каждый пожелает: украшения из золота и драгоценных камней, драгоценные сосуды и жертвенные столбы. И после того как брахманы взяли себе, сколько хотели, оставшееся разделили между собой кшатрии, вайшьи и шудры и иноземные гости, присутствовавшие на великом жертвоприношении коня в Хастинапуре.

Прошли многие годы после великой битвы на Курукшетре и торжественного жертвоприношения коня, совершенного Юдхиштхирой. Пандавы мирно жили в Хастинапуре, и с ними старый Дхритараштра, окруженный подобающим почетом, и мудрый Видура, и Санджая, старый колесничий и советник Дхритараштры, и престарелые царицы Гандхари и Кунти. Чреда минувших лет смягчила горе Дхритараштры и Гандхари о погибших сыновьях. Но однажды непримиримый Бхимасена в присутствии старого царя стал вспоминать обиды, нанесенные Пандавам их двоюродными братьями, и дурно говорил о Дурьодхане. Удрученный Дхритараштра обратился тогда к Юдхиштхире и сказал: «Отпусти меня в леса, о справедливый царь, я хочу кончить жизнь мою отшельником вдали от этого суетного мира. Из-за моего попустительства началась эта ужасная война, я виноват во всем, и только суровым покаянием в лесной обители смогу я искупить мою вину». И как ни отговаривал его Юдхиштхира, старый Дхритараштра твердо стоял на своем. «Отпусти его», — посоветовал Юдхиштхире мудрый Вьяса, и царь Куру дал свое разрешение.

Тогда Дхритараштра стал собираться в дальний путь. И на прощание он дал Юдхиштхире пространные наставления о науке правления царством. А когда собрался он уходить вместе с Гандхари, жители Хастинапура сошлись во множестве, чтобы проводить старого своего царя и царицу. Получившие от Дхритараштры щедрые дары, жители всех четырех сословий — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры — громко выражали свою скорбь по поводу его ухода. Пандавы со своими приближенными

и толпы горожан проводили Дхритараштру за городские ворота — многие в это время вспомнили, как так же провожали некогда в изгнание доблестных сынов Панду.

А когда настало время прощаться, Видура и Санджая изъявили желание последовать в леса за своим старым повелителем. И когда повернули уже обратно горожане и Пандавы готовы были расстаться с уходящими в леса, Юдхиштхира вдруг увидел, что мать его Кунти присоединилась к спутникам Дхритараштры и не собирается возвращаться в город.

Он стал отговаривать ее, но она сказала, крепко обняв Гандхари: «Не оставляй своей заботой младших братьев, о Юдхиштхира! Заботься и о жене своей Драупади». И она продолжала, меж тем как слезы потоком струились из ее глаз: «Не забывай никогда и твоего храброго старшего брата Карну! На мне лежит вина в его гибели. Я виновна в том, что покинула в младенчестве сына, рожденного от бога Сурьи, я виновна в том, что скрыла от вас его родство с вами. Теперь мне предстоит искупить мой грех суровым подвижничеством в лесах, куда я уйду вслед за старшим братом моего супруга и его женой».

И на все мольбы сыновей о возвращении она отвечала отказом. «В дни ваших испытаний и невзгод, — сказала она им, — я сделала все, чтобы вы не пали духом, я вдохновила вас на борьбу за царство, которое вам принадлежит по праву. Но не для себя я делала это, а для вашего блага и ради славы и величия рода Панду. Ныне я не хочу пользоваться плодами обретенного вами владычества. В лесной обители я буду служить Дхритараштре и Гандхари, я буду изнурять себя суровыми обетами. Вы же не уговаривайте меня больше, но возвращайтесь в Хастинапур, где ожидают вас дела царства».

И Пандавы простились с матерью и старшими родичами своими, уходящими в леса, почтительно обойдя их кругом, и, опечаленные, вернулись в Хастинапур.

Прошло еще несколько лет, и однажды Пандавы, не имея долго вестей об ушедших и тревожась за них, собрались навестить их в лесах. Долгий путь проделали они, пока не достигли уединенной лесной обители, где царь Дхритараштра со своими старыми советниками и обе царицы предавались подвижничеству, изнуряя себя постом и лишениями. Премудрый Вьяса надзирал за ними одно время, но потом покинул их. Самые суровые обеты исполнял Видура, живший в лесу под открытым небом, без одежды, питаясь одним лишь воздухом. Пандавы прибыли туда в то самое время, когда, истощив себя теми обетами, старый Видура

прощался с жизнью. Он испустил дух на глазах у Юдхиштхиры, и доблестные Пандавы, воздав мудрому Видуре последние почести, простились с отшельниками и вернулись в свое царство.

А еще через два года посетил Пандавов в Хастинапуре божественный мудрец Нарада, вечно странствующий по земле и небесам, и от него узнали они о том, что Дхритараштра и обе царицы погибли в лесном пожаре. Санджае одному удалось спастись; Нарада встретил его после этого на берегах Ганга, когда он направлялся в отдаленные области Хималая; и с тех пор о Санджае не было вестей.

Великим горем было это для Пандавов; Юдхиштхира плакал как дитя, и с ним его братья и Драупади. И все горожане горевали, узнав о печальной судьбе старого царя. Все жители Хастинапура отправились вслед за Пандавами к берегам священной реки Ганга совершить посмертные возлияния в память о погибших. И только Нарада утешил сыновей Панду, поведав им, что пожар, погубивший Дхритараштру и цариц, занялся от священного огня, возжженного отшельниками в лесу, и потому нет сомнения в том, что погибшие в нем обрели вечное спасение в высшем мире.

И еще прошли годы, и весть о новом несчастье достигла слуха Пандавов. Прибыл гонец из Двараки и поведал о страшной междоусобной распре, погубившей род Ядавов. И Пандавы узнали о гибели их друга Кришны и о смерти Баладевы. Это произошло через тридцать шесть лет после великой битвы на Курукшетре. Тогда отчаяние охватило Пандавов, и поняли они, что пришел срок и для их земной жизни.

— Как же погиб великий род Яду и почему премудрый и могучий сын Васудевы не мог помешать этому? — спросил царь Джанамеджая у скажителя, и Вайшампаяна повел рассказ о губительном бое на палицах.

Бой на палицах и великий исход Пандавов

— Ведай, о царь, — сказал Вайшампаяна, — что гибель рода Яду была predetermined заранее и отвратить ее было невозможно. Пришли некогда в Двараку трое великих мудрецов — Нарада, Вишвамित्रа и Канва — и приняты были с должным почетом. Но юноши из рода Вришни задумали подшутить над ними. Они нарядили красавца Самбу, сына Кришны, в женское платье, подложили под платье сверток ему на живот и привели его к мудрецам и сказали: «Это супруга отважного Самбы, мечтающего о сыне. Вам все ведомо, о провидцы, откройте же нам будущее — кто родится у этой женщины?» Глаза мудрецов засверкали от гнева; переглянувшись, они так отвечали юным Ядавам: «Этот сын Кришны, именуемый Самба, родит железную палицу, которая по вашей вине, о дерзкие, погубит ваше племя!»

И по слову мудрецов злосчастный Самба забеременел, как женщина, и на другой же день он разрешился от бремени, произведя на свет огромную железную палицу устрашающего вида. Когда узнал об этом царь Уграсена, в великой тревоге он повелел растереть немедленно ту палицу в порошок и порошок высыпать в море. И под страхом смерти он запретил производить и продавать в своем городе хмельные напитки любого рода.

Но вскоре недобрые знамения возвестили о тщетности его предосторожностей. На улицах Двараки стали видеть неведомого человека, лысого, с черным лицом, свирепого и мрачного видом. Он появлялся у домов в поздний час и заглядывал нередко в окна к жителям Двараки. И многие отважные лучники пытались пронзить его стрелой, но тщетно, ибо то

была воплощенная Смерть, грозящая обреченному племени. Настали тяжкие времена для Двараки. Полчища крыс кишели на улицах города, дули изо дня в день бурные ветры, крики зловещих птиц оглашали окрестность. И страшные сны посещали по ночам жителей Двараки.

Небывалое падение нравов обнаружилось в эти дни в племени Ядавов. Люди перестали почитать брахманов, прекратили жертвоприношения предкам и богам. Младшие не повиновались старшим, ученики оскорбляли учителей, жены стали обманывать мужей, а мужья — жен. Солнце померкло в небе. И понял Кришна, что близится срок исполнения проклятия Гандхари.

Тогда он обратился к сородичам своим и призвал их покинуть Двараку и совершить паломничество к священным водам. Все жители города повиновались слову Кришны. Они собрались в дорогу, запасшись в обилии всякого рода едою и вином, и вместе с семьями своими на колесницах, на верховых и вьючных лошадях и на слонах отправились к берегу океана во главе с Кришной и Баладевой. В городе остались только старый Васудева и женщины царского гарема. Ядавы, покинувшие Двараку, достигли Прабхасы и здесь, у самого моря, стали лагерем. Но вместо омовения в священных водах океана, уничтожающего грехи, потерявшие разум потомки Яду предались буйному веселью, пируя на морском берегу под рев труб и грохот барабанов, развлекаясь плясками и пением. И на глазах у Кришны Баладева отведал запретного вина, а вслед за ним стали пить и Критаварман, и Сатьяки, и Самба, и другие Ядавы. А некие юнцы из рода Вришни, уже пьяные, развлекались в это время тем, что кормили в прибрежной роще обезьян пищей, предназначенной для брахманов.

И вскоре захмелевший Сатьяки обратился к собранию и сказал, указывая на Критавармана с гневной усмешкой: «Кто этот кшатрий среди нас, отличившийся в убийстве спящих? Потерпит ли подобное злодейство благородное племя Ядавов?» И Прадьюмна, сын Кришны, громко одобрил его слова. Тогда разгневанный Критаварман, в знак пренебрежения указывая на Сатьяки левой рукой, возразил ему: «Как же ты, похваляющийся своими подвигами, убил безоружного Бхуришраваса в то время, когда он, отвратившись от битвы, сидел погруженный в молитву?» — «Пришел твой конец!» — вскричал разъяренный Сатьяки и, бросившись на Критавармана, снес ему голову мечом.

Страшный шум поднялся в собрании Ядавов. Убив Критавармана, Сатьяки в исступлении стал разить других своих сородичей, прежде чем Кришна успел удержать его. Тогда Ядавы, принадлежащие к родам Бходжа

и Андхака, устремились на Сатьяки, чтобы покарать его за убийство их вождя, Прадьюмна же бросился ему на помощь. Но вдвоем они не могли выстоять против многочисленных противников, и оба, и Прадьюмна и Сатьяки, тут же пали мертвые под ударами своих сородичей на глазах у оцепеневшего Кришны.

Тогда Кришна нагнулся и вырвал горсть травы, растущей на морском берегу. И мгновенно трава в его руках превратилась в страшную железную палицу, которою он стал разить приближавшихся к нему. И все Ядавы стали рвать траву у себя под ногами, и каждая вырванная травинка тут же превращалась в их руках в железную палицу. И великое побоище началось на берегу океана. Сын нападал на отца, отец разил сына, брат — брата. Обезумевшие от вина, истребляли друг друга роды Вришни и Андхака, Бходжа и Шини. Пали в той междоусобице и Самба, и Чарудешна, и Гада, и другие знатные Ядавы. И, разъяренный гибелью сыновей, Кришна разил без устали, и много доблестных витязей из племени Ядавов полегли под ударами его палицы.

В разгаре побоища пробился к Кришне его возница Дарука и воззвал к нему: «О благочестивый, смотри, уже погибло много народу, но нигде не видно брата твоего Баладевы. Мы должны найти его!» И тут Кришна увидел, что Баладевы нет ни среди сражающихся, ни среди убитых, и отправился на его поиски. Он нашел его в уединенной роще на берегу океана. Могучий Баладева, покинувший побоище в самом начале, сидел в глубокой тоске, прислонившись спиною к дереву, устремив неподвижный взор на море. Видя брата своего погруженным в забытие, Кришна обратился к вознице и повелел ему немедленно мчаться в Хастинапур и призвать Арджуну на помощь гибнущему роду Ядавов. Сам же он отправился в Двараку, где оставался отец его Васудева, чтобы поведать ему о страшном бое на палицах, истребившем род Яду. И он поручил заботам отца своих многочисленных жен, пока не прибудет Арджуна из Хастинапура, чтобы охранить их.

После этого Кришна вернулся в рощу, где сидел Баладева. И на глазах у него расстался с жизнью благородный сын Рохини, удрученный распрей и гибелью племени. Кришна видел, как из уст его вышел огромный белый змей и устремился к морю и скрылся в морских глубинах — то был дух его, вселенский змей Ананта, воплощением которого Баладева был на земле.

Глубоко опечаленный смертью любимого брата, Кришна покинул то место и долго шел по лесу, погруженный в мысли о конце рода Яду. На-

конец он опустился на землю и застыл недвижимо, отвратив свой дух от окружающего мира. В этот час проходил по тому лесу некий охотник на оленей по прозванию Джара — «старость». И, увидев издали среди деревьев сына Васудевы, одетого в желтое, он принял его за оленя и пустил в него стрелу. Тело Кришны было некогда заковано, и с головы до ног он был неуязвим для любого оружия; уязвима была только пята на его ноге. Волею судьбы в пята и вонзилась стрела Джары. Подойдя, охотник увидел свою ошибку и, потрясенный, упал к ногам Кришны. Тот, великодушный, простил Джару. Затем дух Кришны вознесся к небесам, наполнив вселенную своим сиянием.

Между тем возница Кришны прибыл в Хастинапур и поведал Пандавам о случившемся в стране Ядавов. Пораженный страшной вестью, Арджуна тотчас собрался в дорогу. Когда он достиг Двараки, он не узнал этот прекрасный город, некогда блиставший могуществом своих славных витязей, всегда оглашаемый праздничным шумом, звуками цимбал и лютен, грохотом боевых колесниц. Ныне, опустелый и затихший, он являл печальное зрелище взору. Арджуна прибыл в царский дворец, и здесь встретили его стенаниями и воплями жены Кришны, лишившиеся защиты. Арджуна вошел в покои дяди своего Васудевы и нашел его, распростертого ниц на полу, горько сетующего о судьбе своих сыновей и внуков. Арджуна поклонился ему до земли, и Васудева, поднявшись, обнял его и заплакал, повторяя имена сыновей и внуков, братьев, племянников и друзей, покинувших этот мир. Арджуна обещал ему позаботиться о женщинах, стариках и детях рода Яду. «Под моей защитой они найдут безопасное убежище в Индрапрастхе, — сказал он — Отправляйся и ты с нами, о царь; я провожу вас всех из этих гибельных мест в страну Куру». И, собрав уцелевших царских советников и воинов, сын Панду повелел им приготовить все для отъезда.

Эту ночь Арджуна провел во дворце Кришны, а наутро услышал он доносящиеся из покоев Васудевы рыдания и причитания женщин. И он узнал, что на рассвете отец Кришны скончался, истощенный постом и горем о погибших. Опечаленный Арджуна распорядился о посмертных обрядах для старого царя. Четыре жены Васудевы — Деваки, Бхадра, Рохини и Мадира — сожгли себя с его телом на погребальном костре.

Затем Арджуна отправился в Прабхасу и узрел берег моря, усеянный мертвыми телами. В окрестностях Прабхасы он разыскал тела Баладевы и Кришны и распорядился о предании их погребальному огню. Затем он вернулся в Двараку и в тот же день отбыл оттуда во главе каравана,

который вез шестнадцать тысяч жен Кришны, а также других жен рода Яду, стариков и детей; и немногие уцелевшие воины Двараки сопровождали его.

И когда все они вышли из городских ворот и немного удалились от города, на глазах у них нахлынули на берег воды океана и поглотили покиннутую жителями Двараку.

Медленно двигался караван под водительством Арджуны. Достигнув страны пяти рек, они остановились и разбили лагерь. Между тем дикое племя абхиров, обитавшее недалеко от тех мест, прослышало о продвижении каравана. И, рассудив, что, кроме Арджуны, почти никому защищать караван, следующий из богатой Двараки, алчные абхирьы возгорелись жаждой грабежа. Когда на следующее утро караван снова двинулся в путь, тысячи свирепых разбойников набросились на него со всех сторон. И не мог Арджуна защитить его. Разграбили абхирьы тот караван, словив сопротивление немногочисленных воинов. Напрасно поражал Арджуна дикарей своими стрелами — слишком много было врагов, и внезапно истощился прежде неистощимый его колчан. Он бросился избивать абхиров концом своего лука, но разбойники отхлынули, унося богатую добычу; и вместе с нею увели в полон шестнадцать тысяч жен славного Кришны. И понял тогда Арджуна, что судьба обратилась против него.

С остатками каравана достиг он наконец страны Куру. Всех спасшихся от разбойников женщин он поселил в Индрапрастхе. Рукмини и еще четырем женам Кришны удалось достигнуть благополучно владений Пандавов; но все они взошли на погребальный костер, не в силах пережить смерть своего супруга. Юного Ваджру, правнука Кришны, Арджуна оставил править в Индрапрастхе; и другие потомки погибших вождей рода Яду получили во владение различные города и страны.

После возвращения из страны Ядавов Арджуна посетил обитель мудрого Вьясы. Он рассказал ему о гибели рода Кришны и о своей неудаче. «Не скорби о гибели могучих Ядавов, — сказал ему Вьяса. — Так предопределено было судьбою. Судьбою же дано было тебе потерпеть неудачу в спасении жен Кришны. Ты и братья твои достигли уже вершин успеха, достигли высшей цели в своей жизни. И для вас пришло время удалиться от мира».

Когда Арджуна вновь вернулся в Хастинапур и передал слова Вьясы Юдхиштхире, тот признал правоту мудреца. Пришло время для великого исхода Пандавов. Облачившись в одежды отшельников, пятеро бра-

тьев вместе с Драупади покинули навсегда Хастинапур, поручив Юютсу и Крипе дела царства. Пандавы направились сначала на восток и дошли до берега моря с красными водами. В это море Арджуна бросил свой знаменитый лук, вернув его богу океана Варуне, которому он некогда принадлежал. Оттуда путники повернули на юг, потом на запад и достигли берегов другого моря, где узрели сквозь воды погрузившийся на дно океана прекрасный город Двараку. Затем они направили свои стопы на север. Они дошли до гор Хималая и с великими лишениями миновали их труднодоступные области. За горами Хималая они увидели обширную пустыню, а за пустыней — гору богов Меру, упирающуюся вершиной в небосвод.

И, миновав пустыню, они стали подниматься в гору тропой, ведущей на небо. Вскоре, не вынеся тягот пути, упала Драупади, и дух ее отлетел. Но Пандавы не остановились и продолжали подниматься дальше. Потом упал мертвым Сахадева, и братья продолжали подниматься вчетвером. Потом настал черед Накулы, и только трое Пандавов продолжали путь к небесам. Следующим пал Арджуна, а после него — Бхимасена. Только Юдхиштхире, царю справедливости, удалось взойти живым на небо и вступить в небесное царство, где его радушно встретил повелитель богов Индра.

Но и души спутников его вознеслись к небу, и они обрели там обитель немеркнущего света.

— А что же случилось с Ашваттхаманом, о мщении которому зывала Драупади? — спросил Джанамеджая.

И Вайшампаяна рассказал:

— Вскоре после битвы Пандавы настигли сына Дроны в обители святого Вьясы среди дремучих лесов. Завидев сыновей Панду, пылающих жаждой мести, Ашваттхаман взялся за свое оружие, зачатое им для истребления их рода, и хотел поразить им Арджуну, также готового нанести смертельный удар своим оружием. Но святой мудрец встал меж ними и помешал свершиться убийственному бою, склоняя Пандавов и Ашваттхамана к миру.

Опустил Арджуна свой лук, но волшебное оружие сына Дроны, зачатое страшным чародейством, поразило тогда, минуя Арджуну, Уттару, юную супругу Абхиманью, и умертвило нерожденное дитя у нее во чреве.

За это деяние и за ночную резню Кришна проклял Ашваттхамана; проклятие Кришны обрекло его скитаться три тысячи лет по земле, нигде

не находя себе покоя. И доныне скитается проклятый Ашваттхаман, и в страхе избегают его люди и все живые существа; и всюду, где появляется он, там сеет кровавые междоусобицы и преступления.

А сына Абхиманью, умерщвленного во чреве, — сказал мудрым старцам Уграшравас, завершая свое повествование, — воскресил Кришна своей силой чудотворца. Его назвали Парикшит, что значит «погибший, но воскресший», и после восхождения Юдхиштиры на небо он правил землею, пока не погиб от укуса змея. Джанамеджая, сын Парикшита, совершил великое жертвоприношение змей, во время которого Вайшампаяна, ученик святого Вясы, поведал царю и собравшимся жрецам и певцам это сказание о великой вражде древних родов и о кровавой битве на поле Куру.

**Словарь индийских имен
и названий**

А

Абхима́нью. Сын *Арджуны* и *Суб-хадры*.

Абхи́ры. Племя скотоводов.

Ага́стья. Мифический царственный мудрец.

А́гни. Бог огня.

Агникéшу. Воин *Раваны*.

А́гуру. Орлиное или алойное де-рево.

Аджага́ра. *Асура*, брат *Путаны* и *Баки*, воин *Кансы*.

Айо́дхья. Столица *Дашаратхи*, царя *Кошалы*.

Айому́кхи. Имя *ракшасы*.

Айравáта. Слон *Индры*.

Ака́мпапа. Имя *ракшаса*.

А́крура. Брат *Васудевы*.

Акшау́хйни. Войско, состоящее из 21 870 слонов, 21 870 колесниц, 65 610 всадников, 109 350 пеших воинов.

Амаравáти. Столица небесного царства.

А́мба. Дочь царя *Каши*, жена *Шальвы*.

Амба́лика. Жена *Вичитравирьи*.

А́мбика. 1. Жена *Вичитравирьи*.

2. Одно из имен богини *Кали*, жены *Шивы*.

А́мрита. Божественный напиток бессмертия.

Ана́ла. *Ракшас*, советник *Вибхишаны*.

Ана́нта. Вселенский змей.

Анара́нья. Царь из рода *Икшваку*.

А́нгада. Сын *Валина*, царя *Кишкин-дхи*.

А́нги. Народ, живший в районе современного *Бхагалпура* (штат *Бихар*).

А́нгирас. Имя божественного мудреца.

А́нджана. Мать *Ханумана*.

А́ндхака. 1. Название рода, принадлежащего к племени *Яду*.
2. Тысячерукий и тысячеголовый демон. Убит *Шивой* за попытку похитить с небес любимое дерево супруги *Индры*.

А́нк. Железная палка с загнутым концом, которой погоняют слона.

А́нуви́нда. Вожь *кайкеев*.

А́псары. Небесные девы, танцовщицы и музыкантши.

А́рджуна. 1. Сын *Панду* и *Кунти*.

2. Миробалановое, ладанное дерево.

А́ришта. 1. Название горы, с которой *Хануман* прыгал с *Ланки* на континент.

2. *Асура*, воин *Кансы*.

Ару́ндхати. Супруга *Васиштхи*, главного советника царя *Дашаратхи*.

А́сана. Стул, кресло, скамья.

А́сти. Жена *Кансы*.

А́стика. Имя брахмана-отшельника.

Асурта́рджа. Двоюродный дед *Вишвамित्रы*.

А́суры. Демоны, противники богов.

Атика́я. Воин *Раваны*.

А́три. Имя мудреца-подвижника.

Ашанипра́бха. Воин *Раваны*.

Ашвака́рна. То же, что шала, дерево драмар.

Ашвапа́ти. Царь *кекаев*, дядя царевича *Бхараты*, брат его матери *Кайкейи*.

Ашваттха́ман. Сын *Дроны*, великий воин.

А́швины. Братья-близнецы, божества вечерней и утренней зари.

Ашо́ка. Вечнозеленое дерево с пышными красными цветами.

Б

Ба́дари. Ююба, колючий кустарник.

Ба́ка. 1. *Асура*, брат *Путаны*, воин *Кансы*.

2. *Ракшас*-людоед, убитый *Бхимасеной*.

Ба́кула. Вечнозеленое плодовое дерево.

Баладе́ва (Балара́ма). Старший брат *Кришны*.

Балиму́кха. Предводитель обезьян.

Банья́н. Крупное дерево, род фикуса.

Ба́хлика. Царь, союзник *Дурьодханы*.

Ба́ллака. Камедное дерево.

Ба́льва. Разновидность китайской яблони.

Ба́лья. Дерево.

Брад́ж. Название местности вблизи *Матхуры*, в которой обитало племя *Нанды*.

Бра́хма. Бог-творец, Создатель Мира.

Брахмада́тта. Царь, правивший в городе *Кампилье*, зять царя *Кушанабхи*.

Бра́хман. Представитель высшего, жреческого, сословия.

Бриханна́ла. Имя, принятое *Арджуной* на время службы при дворе *Вираты*.

Бриха́спати. Бог мудрости и красноречия, духовный наставник богов.

Бхагада́тта. Царь *Прагджьотиши* (города и государства).

Ба́хдра. 1. Жена *Васудевы*.

2. Соглядатай царя *Айодхьи*.

Бхалла́така. Чернильный орех.

Бхарадва́дж. Великий мудрец и подвижник, знаток медицины, которую он, по преданию, изучал у самого *Индры*.

Бха́рата. 1. Сын царя *Дашаратхи* и царицы *Кайкейи*, сводный брат *Рамы*.

2. Легендарный царь, родоначальник *Кауравов* и *Пандавов*.

Бхима. 1. Царь Видарбхи, древнего государства, находившегося на территории современного Бера-ра; отец *Дамаянти*.

2. Имя, сокращенное от *Бхимасе-на*.

Бхимасэна. Сын *Панду* и *Кунти*.

Бхишма. Сын царя *Шантану* и *Ган-ги*.

Бхишмака. Царь *видарбхов*.

Бходжаката. Стольный город *Рук-мина*.

Бхódжи. Племя, жившее в предго-рьях *Виндхья*.

Бхуривála. Сын царя *Дхритараш-тры*.

Бхуришráвас. Царь, союзник *Кау-равов*.

В

Вáджра. 1. Правнук *Кришны*.

2. Перун, оружие *Индры*.

Ваджрадámштра. Полководец *Рава-ны*.

Ваджрадátта. Сын царя *Бхагадат-ты*.

Ваджрамúшти. Воин *Раваны*.

Вайджайнта. Название ворот в го-роде *Айодхье*.

Вайшампáяна. Мудрец и сказитель.

Вайшьи. Представители сословия, в которое входили земледельцы, торговцы, скотоводы.

Вáйю. Бог ветра и дыхания.

Вáлин. Царь *Кишкиндхи*.

Вáллава. Имя, принятое *Бхимой* на время службы при дворе *Вираты*.

Вáльмики. Легендарный автор «*Ра-маяны*».

Вáнга. Древнее название Восточной Бенгалии.

Варанавáта. Город в Древней Индии; находился на месте современного города Варнава, в 35 км к северо-западу от Мирута.

Варанáси. Современный Бенарес, столица царства Каши.

Вардамáнские ворота. Ворота в *Хастинапуре*, которые открывали путь в город Вардхаману (совр. Бардван).

Вáруна. Божество, владыка вод.

Васи́штха. Жрец, главный советник царя *Дашаратхи*.

Вáсу. Дядя *Вишвамитры*.

Васудéва. Вождь *Ядавов*, отец *Криш-ны*.

Вáсуки. Царь *нагов*.

Вáтсы. Жители государства Ватса, расположенного по берегам реки Джамны.

Вачáспати. Букв. «владыка красно-речия», эпитет, прилагавшийся к *Брихаспати*.

Вегадáршин. Предводитель медве-дей.

Ведáнги. Части *Вед*.

Ведашрúти. Река во владениях царя *Дашаратхи*.

Вéды (ведийские гимны). Древней-шие священные книги индийцев; состоят из гимнов, молитв и т. д.

Венудáри. Царь из рода Пуру, со-юзник *Джарасандхи*.

Вибхíшана. Брат *Раваны*.

Видáрбха. Город.

Видáрбхи. Племя, жившее на терри-тории современного Бера-ра.

Видéха. Государство царя *Джанак* (совр. Бихар).

Видéхи. Жители царства *Видеха*.

Видж́ая. Лук *Карны*, ранее принадлежал *Индре*.

Виду́ра. Сын рабыни и *Вьясы*; признанный сын *Вичитравирьи*, дядя *Кауравов* и *Пандавов*.

Видьюддж́ибха. Имя *ракшаса*.

Видьюнма́лин. Воин *Раваны*.

Видьядха́ры. Духи гор и лесов.

Вика́рна. Сын *Дхритараштры*.

Ви́на. Струнный щипковый музыкальный инструмент.

Вина́та. Мать *Гаруды*, царя пернатых.

Винда. Вождь *кайксейев*, брат *Анувинды*.

Виндх́я. Горный хребет, отделяющий Северную Индию от *Декана*.

Вира́дха. Имя *ракшаса*.

Вира́та. Царь *матсьев*.

Виру́па. Имя божественного мудреца.

Вирупа́кша. Полководец *Раваны*.

Вичитравир́ья. Сын *Шантану* и *Сатьявати*, сводный брат *Бхишмы*.

Вишальяка́рани. Волшебная трава, исцеляющая раны, нанесенные стрелами и укусами ядовитых змей.

Вишвака́рман. Зодчий богов.

Вишвами́тра. Великий мудрец и отшельник.

Ви́шну. Бог — Хранитель Мира.

Вишо́ка. 1. Царевич *кекаев*.

2. Возничий *Бхимасены*.

Вишра́вас. Божественный мудрец, отец *Раваны*.

Вриндава́на. Название леса на берегу *Ямуны*.

Ври́тра. Демон, персонификация засухи и недорода.

Ври́шни. Род из племени *Яду*.

Вья́са. Жрец, легендарный составитель «*Махабхараты*».

Г

Га́вайя. Предводитель обезьян.

Гава́кша. Предводитель обезьян.

Га́да. Вождь из племени *Яду*.

Га́джа. Воин *Сугривы*.

Га́дхи. Царь, отец *Вишвамитры*.

Га́йя. Предводитель обезьян.

Га́нга. Река в Индии (совр. *Ганг*).

Ганди́ва. Лук *Арджуны*, подаренный ему *Варуной*.

Гандхамáдана. Предводитель обезьян.

Гандха́рвы. Небесные певцы и музыканты.

Гандха́ри. Жена *Дхритараштры*.

Гандха́рские. Относящиеся к *Гандхаре*, стране, простиравшейся вдоль реки *Кабул*.

Га́рга. Верховный жрец *Ядавов*.

Га́руда. Гигантская птица, царь пернатых, истребитель змей.

Га́йлы. Вид диких быков.

Гиривра́джа. Столица царя *Ашвапати*.

Гова́рдхана. Гора в лесу *Вриндавана*, неподалеку от *Матхуры*.

Годава́ри. Река на *Декане*; начинается в Западных Гатах, впадает в Бенгальский залив.

Гоку́ла. Город в *Брадже*, столица *Нанды*.

Гомáти. Река, приток *Инда*.

Гопáли. *Апсара*, возлюбленная *Гарги*.

Гу́ха. Царь *нишадов*.

Гхатоткáча. Сын *Бхимасены* и *Хидимбы*, полуракшас-получеловек.

Д

Дайтьи. Демоны-титаны.

Дамаянти. Супруга Налы, царя нишадов; дочь *Бхимы*, царя *Видарбхи*. Имя ее употребляется как символ самоотверженной и преданной жены.

Данавы. Демоны-исполины, обладающие прекрасной наружностью.

Данда. Брат Дандадхары, царя *Магадхи*.

Дандадхара. Царь *Магадхи*.

Дандака. Лес на Декане; по преданию, в нем жил *Рама*, когда был в изгнании.

Дандхуви. Имя демона.

Дарука. Колесничий *Кришны*.

Датьюха. Водяная курочка, камышница.

Дашаратха. Царь *Кошалы*, отец *Рамы*.

Двайпаяна. 1. Озеро близ *Курукшстры*.

2. Прозвище мудреца *Вьясы*, сына *Парашары* и *Сатьявати*.

Дварака. Город, крепость и столица *Ядавов*.

Двивида. Предводитель обезьян, сын *Ашвинов*.

Девака. Брат царя *Урасены*.

Деваки. Двоюродная сестра *Кансы*, жена *Васудевы*.

Девантака. Сын *Раваны*.

Деварата. Один из царей *Митхилы*, предок царя *Джанакы*.

Джайта. Сын *Дхритараштры*.

Джамадагни. Жрец-подвижник, отец *Парашурамы*.

Джамбаван. Предводитель медведей.

Джамбумалин. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Джанака. Царь *Видехи*, отец *Ситы*.

Джанамеджая. Царь, сын *Парикшита*.

Джанастхана. Название места в лесу *Дандака*.

Джара. Охотник, случайно убивший *Кришну*.

Джарасандха. Царь *Магадхи*, тесть *Кансы*.

Джараткара. Мать мудреца *Астики*.

Джатаю. Царь ястребов, сын *Гаруды*.

Джаядратха. Царь *саувиров*, союзник *Джарасандхи*.

Джаятсена. Сын *Дхритараштры*.

Джишну. Воин *Друпады*.

Джишнукарман. Воин *Друпады*.

Дравиды. Народности, населяющие Южную Индию.

Драупади. Супруга братьев *Пандавов*.

Дрона. Сын *Бхарадваджи*, знаток воинского искусства, учитель *Кауров* и *Пандавов*.

Друмасена. Телохранитель *Шалы*.

Друпادا. Царь *панчалов*.

Дурвабаса. Великий мудрец и подвижник.

Дурмукха. 1. Сын *Дхритараштры*.
2. Полководец *Раваны*.

Дурьодхана. Старший сын *Дхритараштры*.

Духшала. Дочь царя *Дхритараштры*, сестра *Дурьодханы*, супруга *Джаядратхи*, царя *Синдха*.

Духшасана. Сын *Дхритараштры*.

Душана. Полководец *Кхары*.

Душкарна. Сын *Дхритараштры*.

Душьянта. Царь из рода Бхаратов.
Дханьямалини. *Ракшаси*, одна из жен *Раваны*.
Дхарма. Бог справедливости.
Дхэнука. Имя *асуры*, воина *Кансы*.
Дхритараштра. Царь, сын *Амбик* и *Вьясы*, отец *Кауравов*.
Дхриштадьюмна. Сын царя *Друпады*.

И

Икшваку. Царь *Айодхьи*, предок *Дашаратхи*.
Индра. Бог-громовержец, Повелитель Молний, глава небесного царства.
Индраджит. Сын *Раваны*.
Иन्द्रапрастха. Столица Пандавов; находилась на месте современного города Дели.
Йоджана. Мера длины, равна примерно 16 км.
Ираватские горы. Гористая местность в бассейне реки Рави.

К

Кабандха. Чудовищный *ракшас*.
Кабандхи. Призраки, являющиеся людям в виде обезглавленных трупов.
Кадамба. Тиковое дерево.
Кадру. Мифическая прародительница змей.
Кайкэйи. 1. Народ, населявший берега рек Биас и Сетледж (см. *кекаи*).
 2. Жена царя *Дашаратхи*, мать *Бхараты*.

Кайласа. Гора в Гималаях, местопребывание *Куберы* и *Шивы*.
Калакута. Гора в Гималаях.
Калайвана. Царь *яванов* и *млеччхов*.
Калинги. Народ, обитавший на Коромандельском побережье, к северу от Мадраса.
Калинди. Одно из названий реки *Ямуны*.
Калиюга. Век греха и порока. Эта эпоха началась 3 тыс. лет до н. э.
Калия. Ядовитый стоглавый змей, обитавший в реке *Ямуне*.
Кама. Бог любви.
Камбоджа. Государство в Древней Индии; находилось на территории современного Афганистана.
Кампана. *Ракшас*, воин *Раваны*.
Кампилья. Название государства и столицы воинственного племени панчалов, жившего на севере Индии.
Камьяка. Название леса, расположенного вблизи *Хастинапура*.
Канва. Мудрец-подвижник.
Канка. Имя, принятое *Юдхиштирой* на время службы при дворе *Вираты*.
Канса. Сын *Урасены*, царь *Матхуры*.
Карна. Великий воин, сын *Кунти* и *Сурьи*, бога солнца.
Карникара. Невысокое дерево с большими душистыми белыми цветами.
Каруши. Народ, обитавший в горах *Виндхьи*.
Кауравы. Потомки *Куру*, сыновья *Дхритараштры*, двоюродные братья Пандавов.
Каустубха. Драгоценный камень *Вишну*.

Каушáлья. Супруга царя *Дашаратхи*, мать *Рамы*.

Кáши. Название государства.

Кекáи (кайкéйи). Название народа, жившего на территории современного Северного Бихара.

Кетáка. Дерево с душистыми листьями.

Кéшарин. Предводитель обезьян, муж матери *Ханумана*.

Кéшин. *Асура*, воин *Кансы*.

Кймшука. Ложный тик, дерево с красными цветами.

Кйиннари. Женская особь *киннаров*.

Кйиннары. Мифические существа с телом человека и головой лошади или с телом лошади и головой человека.

Кирáты. Первобытное племя, жившее охотой.

Кй́чкака. Полководец *Вираты*.

Кишкй́ндха. Название горы в Южной Индии (северная часть совр. Майсура), изобилующей пещерами. В этих пещерах и находилась столица царства обезьян.

Кóшала. Государство *Дашаратхи* (совр. Аудх).

Кóшалы. Жители страны *Кошала*.

Крátха. Сын *Дхритараштры*, брат *Дурьодханы*.

Крátхана. Предводитель обезьян.

Кра́унча. Птица, разновидность кроншнепа.

Крй́па. Родственник *Дроны*, великий знаток оружия и воинского искусства.

Критава́рман. Предводитель *бходжей* и *андхаков* в войске *Дурьодханы*.

Крй́шна. Герой, сын *Васудевы* и *Деваки*, считается земным воплощением *Вишну*.

Крóша. Мера длины, равная 3,5 км.

Кубéра. Бог богатства.

Кулúты. Племя, обитавшее в Пенджабе.

Кумбха. Сын *Кумбхакарны*, племянник *Раваны*.

Кумбхакáрна. *Ракшас*-великан, брат *Раваны*.

Кумбхакáну. *Ракшас*, советник *Прахасты*, полководца *Раваны*.

Кумуда. Предводитель обезьян.

Кунда. Жасмин.

Кундина. Столица *Бхишмаки*, царя *видарбхов*.

Кунти. Сестра *Васудевы*, жена *Панду*.

Кúру. 1. Народность в Северной Индии.

2. Царь из рода *Бхаратов*, праправнук *Хастина*, родоначальник *Кауравов*.

Курукшéтра. Букв. «поле *Кауравов*»; равнина, расположенная между городами *Амбала* и *Дели*.

Кúта. *Асура*, воин *Кансы*.

Кúша. 1. Царь, прадед *Вишвамитры*.

2. Сын *Рамы* и *Ситы*.

3. Мятлик, вид травы с острыми, режущими листьями, считается священной, применяется при жертвоприношениях и религиозных церемониях.

Кушáвати. Город у подножия горы *Виндхья*, столица *Куши*, сына *Рамы* и *Ситы*.

Кушадхвáджа. Брат царя *Джанакки*.

Кушáмба. Царь, сын *Куши*.

Кушанáбха. Царь, дед *Вишва-митры*.

Кхандавапρά́стха. Область в царстве *Куру*, расположенная западнее *Хастинапура*.

Кха́ра. *Ракшас*, брат *Раваны*.

Кха́сы. Племя, жившее в Северной Индии.

Кша́трий. Представитель второго, воинского, сословия индийского общества.

Кшемадху́рти. Предводитель *кулотов*.

Л

Ла́ва. Сын *Рамы* и *Ситы*.

Ла́вана. *Ракшас*, племянник *Раваны*.

Ла́кшмана. 1. Сын царя *Дашаратхи* и царицы *Сумитры*, сводный брат *Рамы*.

2. Сын *Дурьодханы*.

Ла́кшми. Богиня счастья, супруга *Вишну*.

Лангаджáна. Имя *асуры*.

Ла́нка. Остров в Индийском океане, современный *Цейлон*.

Ло́дхра. Дерево лодх.

М

Мага́дха. Древнее царство (совр. Бихар).

Ма́дира. Жена *Васудевы*.

Ма́дри. Вторая жена *Панду*.

Ма́дры. Народность, населявшая территорию современного *Мадгаса*.

Мадхува́ти. Столица *Лаваны*.

Ма́йнака. Подводная гора, находящаяся, по преданию, между южной оконечностью Индии и *Ланкой*.

Ма́йнда. Предводитель обезьян, сын *Ашвинов*.

Ма́йя. Зодчий *асуров*.

Ма́лая. Горная цепь в Южной Индии.

Ма́нгала. Планета *Марс*.

Манда́кини. Река, приток *Ганга*.

Ма́ндара. Священная гора; служила богам мутовкой, когда они пахали океан, чтобы получить божественный напиток — *амриту*.

Манди́вья. Племянница царя *Джанак*, супруга *Бхараты*.

Мандо́дари. Дочь *Майи*, главная супруга *Раваны*, мать *Индраджита*.

Манибха́дра. Полководец *Куберы*.

Манигрíха. Сын *Куберы*.

Ма́нтры. Магические формулы, заклинания.

Ма́нтхара. Прислужница *Кайкейи*.

Ма́рича. *Ракшас* из воинства *Раваны*.

Ма́рутта. Царь, известный верностью своему слову.

Ма́руты. Боги ветров.

Ма́тали. Колесничий *Индры*.

Ма́та́нга. *Брахман*-подвижник.

Ма́тсьи. Народ, обитавший в районе современного *Джайпура*.

Ма́тхура. Столица *Кансы*.

Махадéви. Одно из имен *Умы*, супруги *Шивы*.

Маханáда. *Ракшас*, советник *Прахасты*, полководца *Раваны*.

Махапа́ршва. Приближенный *Раваны*.

Махéндра. Гора на побережье крайнего юга Индии; с нее прыгал Хануман на Ланку.

Махóдара. Ракшас, полководец Раваны.

Махóдая. Гора в Гималаях.

Мáяви. Имя демона.

Мегхасáндха. Внук Джарасандхи, царь Магадхи.

Мéнака. Имя прекрасной апсары.

Мéру. Мифическая гора в Гималаях, индийский Олимп.

Митрáгхна. Ракшас, воин Раваны.

Мítхила. Столица государства Видеха.

Млéччхи. Варвары.

Мрýданг. Маленький барабан.

Мритасанджýвани. Мифическая целебная трава (букв. «оживляющая умерших»).

Мучукúнда. Царь, союзник богов в войне с асурами.

Муштика. Имя асуры, воина и советника Кансы.

Н

Нáги. Змееподобные демоны, обитатели подземного царства.

Нáймиша. Лес, через который течет река Гомати.

Нáкула. Сын Панду и Мадри.

Нáла. 1. Обезьяна, сын зодчего богов Вишвакармана.

2. Царь нишадов, супруг Дамаянти.

Налакубáра. Сын Куберы.

Нáмучи. Демон, побежденный Индрой в единоборстве во время войны богов с асурами.

Нáнда. Вождь пастушьего племени, царь Гокулы.

Нáндана. Прекрасный сад, принадлежащий богам и расположенный к северу от горы Меру.

Нандигрáма. Селение у города Айодхьи.

Нандикéшвара. Небожитель, жертва злодеяний Раваны.

Нáрада. Божественный мудрец и вестник богов.

Нарáнтака. Советник Прахасты, полководца Раваны.

Никúмбха. Сын Кумбхакарны.

Никúмбхила. Священная роща на Ланке, в которой Индраджит совершал магические обряды, чтобы стать невидимым и непобедимым.

Нýла. Предводитель обезьян.

Нýпа. Под этим названием подразумевается тиковое дерево или родственные ему виды, а также дикий жасмин и один из видов ашоки.

Нишáды. Племя, обитавшее в горах Виндхья.

Нишáнгин. Сын Дхритараштры.

Ньягрóдха. Баньян.

О

Огхавáти. Река близ Курукшестры.

П

Пáмпа. Озеро у горы Ришьямука.

Пáнаша. 1. Предводитель обезьян.
2. Ракшас, советник Вибхишаны.

Панджикастхала. Небесная дева, дочь *Варуны*.

Панду. Царь, сын *Амбалики* и *Вьясы*, отец *Пандавов*.

Пандья. Вождь племени горцев.

Паннаги. Змееподобные существа, родственные *нагам*.

Панчавати. Местность в лесу *Дандака*, где жили в изгнании *Рама*, *Сита* и *Лакшмана*.

Панчалы. Племя, жившее юго-восточнее современного *Дели*.

Парашара. Мудрец-подвижник, внук *Васишты*.

Парашурама. Великий воитель, истребитель *кшатриев*.

Парикшит. Царь, потомок *Пандавов*.

Пароча. Гладкий наконечник стрелы.

Партха. Сын *Притхи*; *Притха* — одно из имен *Кунти*, матери *Пандавов*.

Пинда. Жертвоприношение плодами.

Пишача. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Пишачи. Демоны — пожиратели трупов.

Прахаса. Город на западном побережье *Декана*.

Прагаса. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Праджангха. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Прадьумна. Сын *Кришны*.

Праламбха. Имя *асуры*, воина *Кансы*.

Прамати. *Ракшас*, советник *Вибхисаны*.

Праматхин. Предводитель обезьян.

Прапти. Жена *Кансы*.

Прасравана. Гора, у подножия которой жили *Рама* и *Лакшмана* во время подготовки к походу на *Ланку*.

Пратапана. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Пратардана. Царь *Каши*.

Прахаста. *Ракшас*, полководец *Раваны*.

Прахлада. *Асура*, убитый *Индрой*.

Притхиви. Богиня земли, мать *Ситы*.

Пуластья. Дед *Раваны*.

Пулинды. Племя, обитавшее в районе современного *Бунделькханда*.

Пурочана. Слуга *Дурьодханы*.

Путана. Имя *ракшасы*.

Пушпака. Небесная колесница, принадлежавшая *Кубере* и отнятая у него *Раваной*; в нее были запряжены зеленые мулы с чудовищными мордами.

Пушья. Индийское название части созвездия *Рака*.

Пхальгуни. Индийское название части созвездия *Льва*.

Р

Рабхаса. Воин *Сугривы*.

Равана. Повелитель *ракшасов*.

Раби. Сын *Дхритараштры*.

Рагхава. Родовое имя *Рама*, потомка *Рагху*.

Рагху. Царь, предок *Рама*.

Раджа. Титул владетельной особы в Древней Индии (царь, князь).

Раджагриха. Город, столица *Магадхи*.

Райвата. Гора близ *Двараки*.

Ракшасы. Женская особь *ракшаса*.

Ракшасы. Демоны — пожиратели мяса, по ночам нападавшие на человека.

Рама. Сын царя *Дашаратхи* и царицы *Каушалы*.

Рамбха. 1. Прекрасная *апсара*.

2. Предводитель обезьян.

Ра́ху. Демон; по представлениям древних индийцев, солнечное и лунное затмения происходят от того, что демон Раху периодически заглатывает солнце и луну, а затем выпускает их из своей пасти.

Рашмикéшу. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Ри́шабха. 1. Предводитель обезьян.
2. Гора в Гималаях.

Ришабхаска́ндха. Обезьяна, воин *Сугривы*.

Ришьяму́ка. Гора, на которой *Сугрива* жил в изгнании.

Ромапа́да. Царь *ангов*.

Ро́хини. Жена *Васудевы*.

Рочама́на. Воин *Друпады*.

Ру́дра. Одно из имен *Шивы*.

Ру́кмин. Брат *Рукмини*.

Ру́кмини. Жена *Кришны*.

Ру́ма. Жена *Сугривы*.

С

Са́витри. Царевна, прославившаяся своей преданностью и любовью к мужу.

Са́гара. 1. Один из царей *Айодхьи*, предок *Рамы*.
2. Владыка океана.

Са́мба. Сын *Кришны*.

Самму́ната. Советник полководца *Раваны* *Прахасты*.

Сампа́ти. 1. Ястреб, брат *Джатаю*.
2. Советник *Вибхишаны*.

Самшáптаки. Прозвище пяти братьев — предводителей *тригарттов* и их воинов.

Санджа́я. Колесничий *Дхритараштры*.

Сандха́ни. Мифическая целебная трава.

Санка́ршана. Одно из имен *Баладевы*.

Санскри́т. Язык древней и средневековой индийской учености, индийская латынь.

Санупра́стха. Обезьяна, воин *Сугривы*.

Са́райю. Река, на берегу которой стоял город *Айодхья*.

Са́рама. Ракшаси, супруга *Вибхишаны*.

Сара́свати. 1. Богиня мудрости и красноречия.
2. Название реки.

Сатья́вати. Супруга *Шантану*.

Са́тьяки. Возничий *Кришны*.

Сауви́ры. Племя, обитавшее в *Синдхе*.

Саура́штра. Страна на западе *Индии*.

Сахадéва. 1. Сын *Джарасандхи*, царя *Магадхи*.
2. Сын *Панду* и *Мадри*.

Са́хья. Название горы на *Декане*.

Са́чи. Шачи, супруга *Индры*.

Свайампра́бха. Подвижница, хранительница золотого сада *апсары* *Хемы*.

Свайамва́ра. Форма брака, при которой невеста сама выбирает себе жениха.

Си́ддхи. Бессмертные полубоги, обитавшие в пространстве между небом и землей.

Си́мхика. *Ракшаси*, мать *Раху*, могла ловить добычу за отбрасываемую ею тень.

Синдх. Область на северо-западе *Индии*.

Синдхи. Народность, населявшая Синдх.

Сисса. Высокое ветвистое дерево с мелкими бледно-желтыми цветами.

Сита. Супруга *Рамы*, дочь *Джанаки*.

Сóма. Река во владениях *Дашаратхи*.

Сóмаки. Родовое прозвище потомков Сомак, деда царя *Друпады*.

Сринджайи. Племя, родственное панчалам.

Субáху. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Субéла. Гора на *Ланке*.

Субхáдра. Сестра *Кришны*.

Суварнака́рани. Мифическая целебная трава.

Сугри́ва. Царь *Кишкиндхи*.

Судáкшина. Царь *Камбоджи*.

Судáршана. Имя *гандхарва*.

Судéшана. Царица, жена *Вираты*.

Судхáрма. Чертог Благих Решений; место собрания богов.

Сукéту. Царевич, сын *Читракету*.

Сумáнтра. Колесничий царя *Дашаратхи*.

Сумiтра. Жена царя *Дашаратхи*, мать *Лакшманы*.

Сúнда. *Асура*, персонаж «Сказания о Сунде и Упасунде».

Супáршва. Приближенный *Раваны*.

Сурáса. *Ракшаси*, морское чудовище.

Сурáтха. Воин *Дхриштадьюмны*.

Сúрья. Бог солнца.

Сутасóма. Сын *Бхимасены*.

Сутiкшина. Подвижник, живший в лесу *Дандака*.

Сушáрман. Вождь *тригартвов*.

Сушéна. Вождь обезьян, отец *Тары*, тесть *Валина* и *Сугривы*.

Т

Тáкшака. Гигантский змей.

Таласкáнда. Вид копыя.

Тамáса. Река, приток Ганга.

Тáра. 1. Супруга *Валина*, потом *Сугривы*, царица *Кишкиндхи*.

2. Воин *Сугривы*.

Тилóттама. Божественная красавица, сотворенная *Вишвакарманом*.

Тимiнгалы. Мифологические морские чудовища.

Тóсала. *Асура*, воин *Кансы*.

Тóсалака. Имя *асуры*, воина и советника *Кансы*.

Третаю́га. Серебряный век.

Тривáкра. Служанка *Кансы*.

Тривáршана. Гора во владениях *Кансы*.

Тригáрты. Народность, обитавшая в районе современного *Джаландхара*.

Трикúта. Гора на *Ланке*.

Тринавáрта. *Асура*, воин *Кансы*.

Трипúра. Имя *асуры*, боровшегося с богами за власть над вселенной.

Тришiра. *Ракшас*, воин *Кхары*.

У

Уграка́рман. Предводитель войска *кекаев*.

Уграсéна. Царь *Матхуры*, отец *Кансы*.

Уграшрáвас. Сказитель.

Улмúка. Сын *Баладевы*.

Улúка. Сын *Шакуни*.

У́ма. Одно из имен супруги *Шивы*.

Упанáнда. Имя пастуха из племени *Нанды*.

Упапла́вья. Столица *матсьев*, находилась в 200 км южнее города Дели.

Упасу́нда. Асура, брат Сунды.

У́рмила. Дочь Джанаки, жена Лакшманы.

Уттамаджа́ус. Воин царя Друпеды.

У́тгара. 1. Дочь *Вираты*, жена Абхиманью.

2. Царевич, сын *Вираты*.

Уш́ира. Благовонный корень.

Х

Ханума́н. Сын Вайю, бога ветра, советник *Сугривы*.

Ха́стин. Царь из рода Бхаратов, основатель *Хастинапура*.

Хастинапу́ра. Столица *Кауравов*, находилась в 106 км к северо-востоку от города Дели.

Хэ́ма. *Ансара*.

Хиди́мба. 1. *Ракшас* — пожираТЕЛЬ людей.

2. *Ракшаси*, сестра Хидимбы.

Химава́т. Персонификация Гималайских гор, отец *Умы* и *Ганги*.

Хиранва́ти. Река на *Курукшестре*.

Хира́ньякаши́пу. Царь *асуров*.

Ч

Ча́кра. Боевой диск, метательное оружие.

Чакраде́ва. Сын Шрутаяса, царя Калинги.

Чандрасе́на. Телохранитель *Шальи*.

Чану́ра. Имя *асуры*, воина и советника *Кансы*.

Ча́раны. Небесные певцы, панегиристы богов.

Чаруде́шна. Сын *Кришны*.

Че́дди. Народ, живший в районе современного Бунделькханда.

Чеки́тана. Царь *Сомаков*.

Читраку́та. Священная гора, у подножия которой *Рама* жил в изгнании.

Читра́нгада. 1. Повелитель *гандхарвов*.

2. Сын *Шантану* и *Сатьявати*, сводный брат *Бхишмы*.

Читрасе́на. Сын *Дхритараштры*.

Читра́юдха. Воин Друпеды.

Ш

Ша́бала. Мифическая корова, обладающая способностью исполнять все желания ее владельца.

Ша́куни. Брат *Гандхари*, царь *Гандхары*.

Шакун́тала. Жена царя *Душьянты*.

Ша́ла. 1. Асура, воин *Кансы*.

2. То же, что и ашвакарна, дерево драмар.

Шалве́йя. Название горы.

Ша́льва. Царь, государь *Шальвы* (совр. *Альвар*).

Ша́лья. Царь *мадров*, союзник *Джарасандхи*.

Шанта́ну. Царь из рода *Куру*, отец *Бхишмы*.

Ша́рабха. 1. Сын *Шишупалы*, царь *чедисв*.

2. Предводитель обезьян.

Шарабха́нга. Отшельник, живший в лесу *Дандака*.

Шáрана. *Ракшас*, лазутчик *Раваны* в стане *Рамы*.

Шáрдугла. Лазутчик *Раваны* в стане *Рамы* и *Сугривы*.

Шатáгхни. Метательное оружие.

Шатанáнда. Придворный жрец царя *Джанакки*.

Шатрúгхна. Сын царя *Дашаратхи* и царицы *Сумитры*.

Шашувáрман. Царь *тригартвов*.

Швéта. 1. Сын *Вираты*.

2. Предводитель обезьян.

Шíва. Бог — Разрушитель Мира.

Шикхáндин. Сын *Друпады*.

Шíни. Род из племени *Ядавов*.

Шишупáла. Царь *чедиев*.

Шонитáкша. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Шрáддха. Поминальное жертвоприношение душам усопших предков, при котором угощают лепешками или вареным рисом.

Шривáсти. Город, расположенный близ современного Фаизабада, столица *Лавы*, сына *Рамы* и *Ситы*.

Шривáтса. Знак благополучия на груди *Кришны*.

Шрингаверапúра. Столица царя *Гухи*.

Шрутакíрти. Племянница царя *Джанакки*, супруга *Шатругхны*.

Шрутáнта. Сын *Дхритараштры*.

Шрутáюс. Царь *Калинги*.

Шúдры. Представители четвертого, низшего бесправного сословия в Древней Индии.

Шúка. Советник и полководец *Раваны*.

Шурасéна. Отец *Васудевы*.

Шурпанáкха. Безобразная *ракшаси*, сестра *Раваны*.

Э

Экачáкра. Город в Древней Индии, современный Чакранагар.

Ю

Юга. Эпоха в истории вселенной.

Юдхамáню. Воин царя *Друпады*.

Юдхиштхíра. Царь, сын *Панду* и *Кунти*.

Юпáкша. Полководец *Раваны*.

Ююба. Колючий кустарник.

Юютсу. Побочный сын *Дхритараштры*.

Я

Яваны. Варвары, т. е. греки или иные иноземцы.

Ядавы. Потомки *Яду*.

Яджнакóпа. *Ракшас*, воин *Раваны*.

Яджнамáтру. *Ракшас*, воин *Раваны*.

«Яджурвéда». Собрание молитв, заклинаний, произносимых при совершении жертвоприношений.

Яду. Родоначальник *Ядавов*, предок *Кришны*.

Якши. Полубоги, хранители сокровищ *Куберы*, бога богатства.

Яма. Бог смерти, владыка царства усопших.

Ямáла. Название дерева.

Яму́на. Река, приток *Ганга*, современная *Джамна*.

Яшóда. Жена *Нанды*.

Яя́ти. Царь, отец *Яду*.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
СКАЗАНИЕ О РАМЕ	23
Книга первая. Детство	25
Рождение Рама	27
Первые победы над ракшасами	31
Рассказ о дочерях Кушанабхи	35
Рассказ о чудесной короле и подвижничестве Вишвамित्रы	37
Лук Шивы и женитьба Рама и Лакшманы	42
Поединок Рама с сыном Джамадагни и возвращение в Айодхью	47
Книга вторая. Айодхья	49
Отречение царя Дашаратхи	51
Злая горбунья Мантхара	55
Два желания Кайкейи	59
Рама во дворце Дашаратхи	63
Горе Каушалы и гнев Лакшманы	67
Сита	71
Рама покидает Айодхью	74
Путь к Читракуте	78
Смерть Дашаратхи	82
Возвращение Бхараты	86
Бхарата на Читракуте	92
Изгнанники покидают Читракуту	96
Книга третья. Лесная	99
Изгнанники в лесу Дандака	101
Шурпанакха	106
Победа над Кхарой	110

Гнев Раваны и появление золотого оленя	118
Похищение Ситы	129
Сита на Ланке	136
Отчаяние Рамы	140
Смерть Джатаю	146
Битва с лесным чудовищем	149
 Книга четвертая. Кишкиндха	 153
Встреча с Сугривой, царем обезьян	155
Победа над Валином	162
Сугрива вновь воцаряется в Кишкиндхе	168
Сугрива забывает о своем обещании	172
Обезьяны в поисках Ситы	182
Встреча с ястребом Сампати	187
 Книга пятая. Прекрасная	 193
Прыжок Ханумана	195
Хануман в городе Ланке	198
Хануман во дворце Раваны	201
Хануман находит Ситу	205
Угрозы Раваны	207
Ракшасы угрожают Сите	211
Свидание Ханумана с Ситой	213
Возвращение Ханумапа	218
 Книга шестая. Битва	 221
Выступление в поход	223
Совет во дворце Раваны	227
Вибхишана в стане Рамы	232
Мост через океан	237
Соглядатаи Раваны	240
Чародейство Раваны	244
Обезьяны у стен Ланки	248
Приступ	252
Спасение Рамы и Лакшманы	257
Победа Ангады над Ваджрадамштрой	261
Победа Ханумана над Акампаной	265
Победа Нилы над Прахастой	268

Равана на поле боя	272
Пробуждение Кумбхакарны	278
Победа Рамы над Кумбхакарной	284
Ночной приступ	290
Победа Лакшманы над Индраджитом	294
Гибель Раваны	302
Свершение погребальных обрядов	312
Испытание Ситы	314
Возвращение из изгнания	317

Книга седьмая. Последняя	319
---------------------------------	-----

СКАЗАНИЕ О КРИШНЕ 341

Рождение Кансы	343
Небо предсказывает Кансе гибель	346
Рождение Баладевы	348
Рождение Кришны	351
Убиение Путаны	356
Нападение и гибель Тринаварты	360
Кришна и ступа	362
Убиение Баки	367
Нападение Аджагары на Кришну и Баладеву	370
Схватка с асурой Дхенукой	372
Кришна укрощает змея Калию	375
Гибель асуры Праламбхи	379
Пастушки признаются друг другу в любви к Кришне	381
Кришна похищает у пастушек одежду	383
Ночной хоровод Кришны с пастушками	386
Нападение змея на царя Нанду	393
Бой Кришны с асурой Ариштой	395
Схватка Кришны с асурой Кешипом	399
Гибель Кансы	401
Ученичество Кришны и Баладевы	413
Войны Кришны с царем Магадхи	417
Ядавы строят крепость Двараку	423
Гибель Калайаваны и спасение Матхуры	427
Похищение Рукмини	431

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ

ПОТОМКОВ БХАРАТЫ 439

Сказание о царе Парикшите	441
Великое жертвоприношение змей	443
О происхождении героев рода Куру	446
Юные годы героев рода Куру	452
Сожжение смоляного дома	456
Скитания Пандавов и подвиги Бхимасены	459
Сваямвара Драупади	464
Основание города Индрапрастхи	470
Убиение Джарасандхи и Шишупалы	477
Первая игра в кости	482
Вторая игра в кости	489
Жизнь Пандавов в лесах	492
Пандавы при дворе царя Вираты	499
Битва матсьев с тригартами и набег Кауравов	502
Об усилиях сохранить мир	507
Посольство Санджай	512
Посольство Кришны	515
Войска на Курукшетре	519
Войска перед битвой	522
Битва под водительством Бхишмы	526
Гибель Бхишмы	531
Битва под водительством Дроны	535
Гибель Дроны	544
Битва под водительством Карны	547
Подвиги Ашваттхамана и Арджуны	551
Подвиги Карны	556
Гибель Карны	563
Битва под водительством Шальи	586
Гибель Дурьодханы	594
Избиение спящих	601
Плач женщин на поле Куру	607
Великое жертвоприношение коня	612
Удаление от мира	623
Бой на палицах и великий исход Пандавов	626
Словарь индийских имен и названий	633

ТРИ ВЕЛИКИХ СКАЗАНИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Ответственный за выпуск В. Харитонов
Редактор А. Белоногова
Художественный редактор С. Сакнынь
Художники К. Прокофьев, А. Касьяненко
Технический редактор Н. Овчинникова
Корректоры Ю. Мухина, М. Кузнецова,
Н. Киричек, Ю. Смирнова
Оператор компьютерной верстки Ю. Боева
Менеджер производства Т. Еськова

Подписано в печать 31.07.2006. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура «AcademyC». Печать офсетная. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 41,0. Тираж 10 000 (1-й з-д: 1—3 000 экз.).
Заказ № 570

ООО «Агентство прав «У-Фактория»
620142, Екатеринбург, ул. Большакова, 77
e-mail: uf@ufactory.ru
Отдел продаж: 8 (343) 251-42-92

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Три великих сказания Древней Индии

На заре своей истории народ создает сказания о героях. В них он запечатлевает свое самосознание и идеалы. В этих сказаниях, преломленных сквозь призму художественной фантазии, отражаются представления древних о мироздании. Воспоминания о действительных исторических событиях сочетаются в них с мифологическими темами и образами, порожденными еще первобытным мышлением. Из народных сказаний складывается героический эпос; истоки его лежат еще в «дохудожественном» периоде, а с него, можно сказать, и начинается собственно история литературы. В нем — начало всего дальнейшего развития художественного творчества: его образы и сюжеты на протяжении веков питают литературу и искусство, на протяжении веков они живут в памяти народа. Бессмертные гомеровские поэмы открывают ранний период истории античной литературы. Ее позднейшие памятники несут следы их влияния. И спустя века после заката античной культуры образы и сюжеты древнегреческого эпоса восстают из забвения, обогащая литературу и искусство народов Европы в новое время. Аналогична в истории культуры народов Востока и роль грандиозных памятников древнеиндийского эпического творчества — «Махабхараты» и «Рамаяны». Их художественное содержание, запечатленные в них идеи и образы принадлежат не одной эпохе и не одной стране — на протяжении многих столетий они оказывают воздействие на развитие индийских литератур; влияние их распространяется и за пределы Индии.

